СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

3

1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, И. С. Каменецкий,
М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов (зам. главного редактора)
В. С. Титов (отв. секретарь)

Адрес редакции:
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Статьи

М. Г. КОСМЕНКО

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Целенаправленное изучение мезолита в Среднем Поволжье было начато около 15 лет назад А. Х. Халиковым, который обнаружил II Русско-Луговскую стоянку и несколько других памятников в Марийской АССР [1]. Отметим, однако, что отдельные стоянки, позже определенные как мезолитические, такие, как Савиновская, Монастырский хутор, Воскресенская [2], Яндашевская [3], были известны здесь и ранее.

Особенно быстрыми темпами идет исследование мезолита в 60-х годах, в начале которых А. Х. Халиков раскопал Кабы-Копрынскую стоянку на р. Свияге [4], П. Н. Старостин обнаружил IV Юртовскую стоянку в Нижнем Прикамье [5], а в бассейне р. Вятки И. И. Стефанова выявила Черняницкую стоянку и ряд местонахождений [6].

В результате обследования береговой линии и островов Куйбышевского водохранилища, которое с 1961 г. проводится экспедицией КИЯЛИ ежегодно, выявлено около 20 памятников донеолитического возраста, сосредоточенных главным образом в районе р. Камы. Так, например, А. Х. Халиков в 1964 г. обнаружил I, VII, IX Нижне-Марьянские стоянки, П. Н. Старостин в 1966 — 1968 гг. открыл мезолитические III Тетюшскую и Косяковскую, а также более позднюю XVIII Кузькинскую стоянки, автор в те же годы провел различные работы на позднепалеолитических стоянках Сюкеевский взвоз и Камскоустьинской, мезолитических VIII Атабаевской, I Комаровской стоянках и других памятниках. Помимо стоянок здесь обнаружено несколько мезолитических местонахождений: I и II Березовские, II Березогривское и Старо-Куйбышевское.

В 1968 г. начинает работы Нижнекамская экспедиция Института археологии АН СССР, участвуя в которой, автор обнаружил и исследовал II Деуковскую стоянку (1968 г.), III и IV Тат. Азибейские стоянки (1969—1970 гг.), а также обследовал ряд местонахождений — Кзыл-Тау I, Юртовское, Шайтановское. Кроме того, автором в 1969 г. были обследованы стоянки в урочище Захар-Калма в нижнем течении р. Самары.

Новые данные по мезолиту Среднего Поволжья позволяют несколько изменить и дополнить трехчленную периодизацию мезолита, предложенную А. Х. Халиковым [7], а также по-новому подойти к решению ряда вопросов развития культуры населения Средней Волги в эпоху мезолита.

---

[1] А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ, 1. Йошкар-Ола, 1960, стр. 11—23.

[2] А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 6—33.

[3] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Яндашевская стоянка. СА, 1968, 2.

[4] А. Х. Халиков. Мезолит Среднего Поволжья. МИА., 126, 1966, стр. 190.

[5] П. Н. Старостин. Отчет об археологических разведках в зоне затопления Нижне-Камской ГЭС в 1964 г. Казань, 1965.

[6] И. И. Стефанова. Первые мезолитические памятники в бассейне р. Вятки. V Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1967.

[7] А. Х. Халиков. Древняя история..., стр. 7—33.

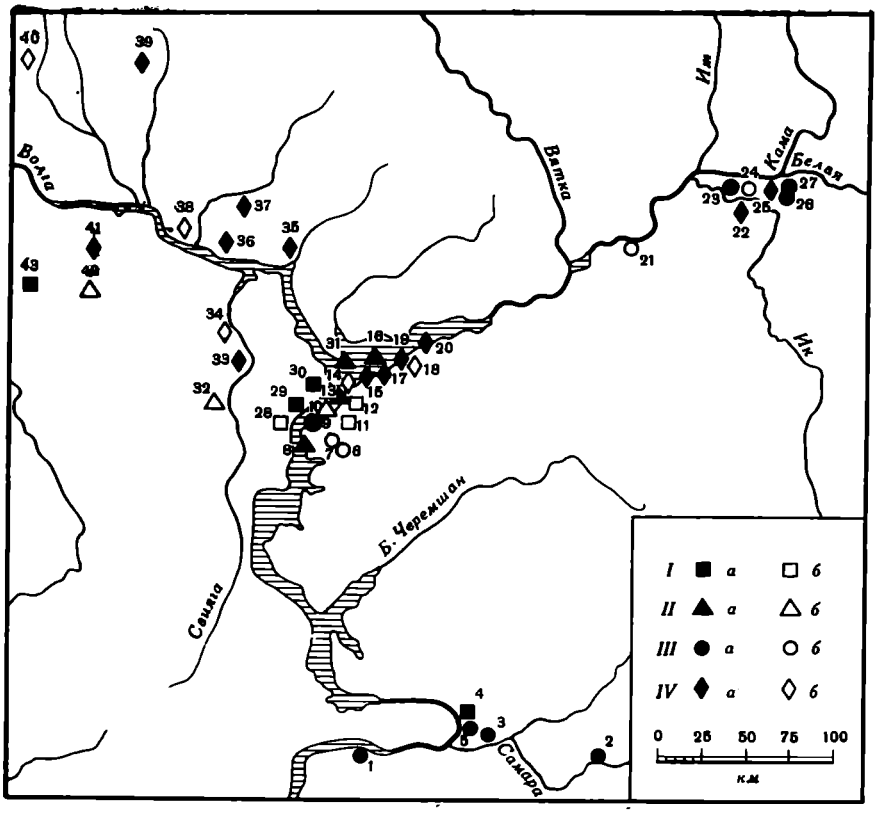


Рис. 1. Карта позднепалеолитических (с кремневым инвентарем) и мезолитических памятников в Среднем Поволжье

а — стоянка; *б* — местонахождение.
I — позднепалеолитические памятники, *II* — мезолитические стоянки с трапециями, *III* — стоянки с микролитическим инвентарем, *IV* — памятники мезолита с макролитическими элементами в инвентаре.
1 — Воскресенская, *2* — Захар-Калма I, *3* — Монастырский хутор, *4* — Постников овраг I и II, *5* — Постников овраг III, *6* — Березовское I, *7* — Березовское II, *8* — Тетюшская III, *9* — Комаровская I, *10* — Щербетьское островное, *11* — Измерское («Девичий городок»), *12* — Коминтерновское («Курган»), *13* — Косяковская, *14* — Старо-Куйбышевское, *15* — Нижне-Марьянская I, *16* — Нижне-Марьянская VII, *17* — Нижне-Марьянская IX, *18* — Березогривская IV, *19* — Березогривское II, *20* — Кузькинская XVIII, *21* — Кзыл-Тау I, *22* — Деуковская II, *23* — Юртовская IV, *24* — Юртовское III, *25* — Тат. Азибейская I, *26* — Тат. Азибейская III, *27* — Тат. Азибейская IV, *28* — Долгополянское I, *29* — Сюкеевский взвоз, *30* — Камскоустьинская, *31* — Атабаевская VIII, *32* — Деушевское, *33* — Кабы-Копрынская, *34* — Берляшское, *35* — Савиновская, *36* — Русско-Луговская II, *37* — Старо-Мазиковская, *38* — Отарнинское, *39* — Курманаевская, *40* — Широкундышское, *41* — Яндашевская, *42* — Чиганарское II, *43* — Юнга-Кушергинская

Истоки происхождения мезолита на Средней Волге следует искать в местном палеолите, пока еще недостаточно изученном. Тем не менее в результате проведенной автором в 1966 г. разведки на правом берегу Волги были обнаружены три весьма интересных памятника — стоянки Сюкеевский взвоз, Камскоустьинская и I Долгополянское местонахождение (рис. 1), расположенные на покрытых четвертичными делювиальными суглинками мысах, в устьях выходящих к Волге крупных оврагов. Культурный слой стоянки Сюкеевский взвоз, раскопанной автором в 1968 г., залегает в верхней части темно-желтых покровных суглинков сниженного склона правого берега Волги ниже устья Камы на глубине 60 — 100 *см* от поверхности. В слое, помимо кремней, встречены крошки охры и мелкие угольки. Органические остатки не сохранились. Слой с находками перекрыт измененным вследствие поздних почвообразовательных процессов более темным суглинком и тонким слоем черноземной почвы. Большинство кремневых орудий на стоянке было найдено в скоплении шириной 6—8 *м*, идущем перпендикулярно Волге. Площадь стоянки, частично разрушенной обрывом, не превышает 500 $м^2$.

Обработка кремня производилась на площади стоянки, о чем свидетельствует наличие кремневых кусков, крупных отщепов со следами желвачной корки и крупных нуклеусов. Все изделия покрыты интенсивной белой и голубой патиной. Нуклеусы (37 экз.) различны: преобладают

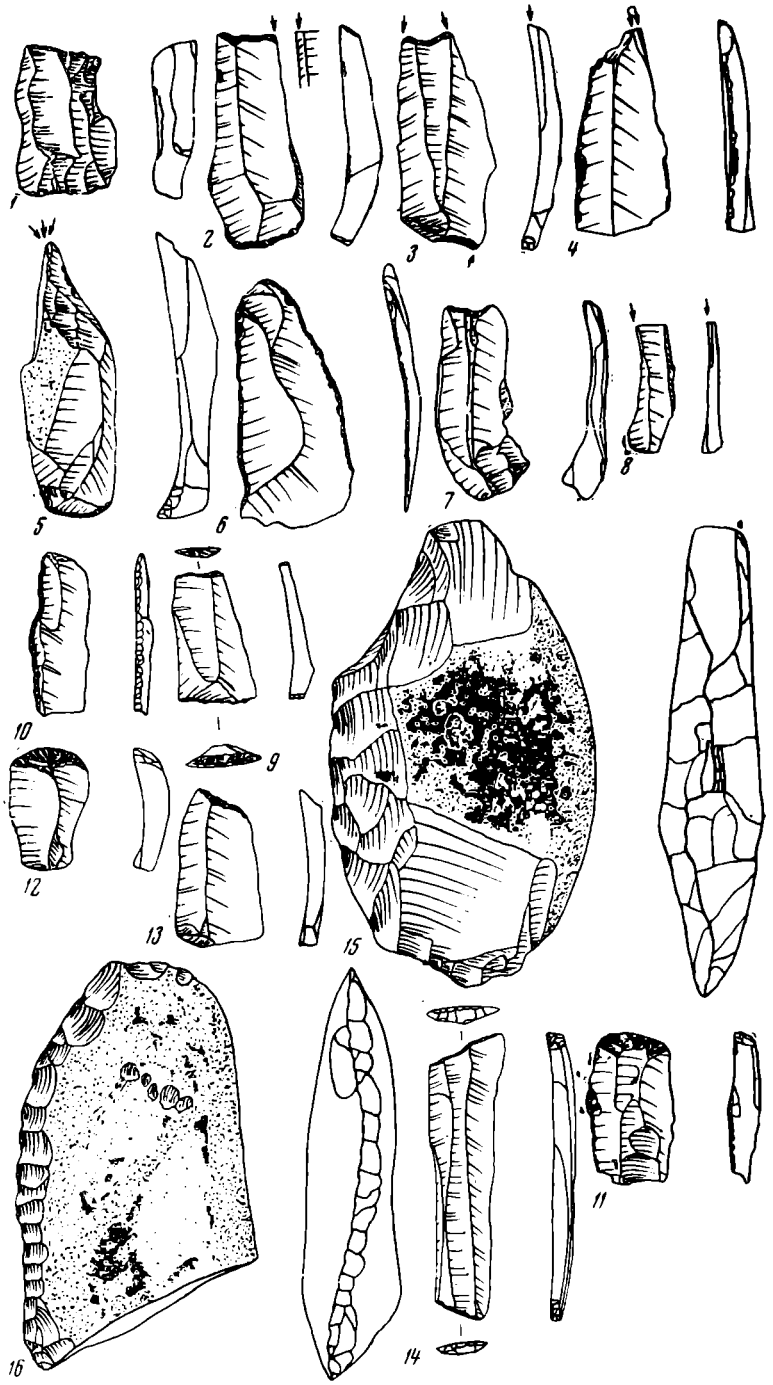


Рис. 2. Кремневые орудия позднепалеолитических памятников правобережья Средней Волги

1—13, 15, 16 — Сюкеевский взвоз; *14* — Камскоустьинская стоянка

грубоконические и многоплощадочные нуклеусы нестабильной формы, у которых насчитывается 2 — 3 ударных площадки, находящихся под углом по отношению к плоскости скалывания. В несколько меньшем количестве найдены уплощеннопризматические нуклеусы со скошенной ударной площадкой (рис. 2, *1*). 58% орудий сделано на пластинах. Основную группу орудий составляют различные резцы (77 экз.), среди которых более половины (44 экз.) боковых резцов с прямым, скошенным или выемчатым концом. Среди них имеются многолезвийные (рис. 2, *3*) и комбинированные со скребками (рис. 2, *2*). Остальные резцы — нуклевидные, срединные (рис. 2, *5*), угловые на крупных пластинах и отщепах (рис. 2, *4*) и краевые на мелких неправильной формы пластинках (рис. 2, *8*). Аналогичный метод обработки наблюдается на пластинах со скошенным, затупленным и выемчатым концом (11 экз;) (рис. 2, *7, 13*), которые оче-

видно, являлись не только заготовками резцов, но и самостоятельными орудиями. Об этом свидетельствуют пластины с затупленными концами, служившие, вероятно, вкладышами (рис. 2, *9*). Скребки (31 экз.), найденные в гораздо меньшем количестве, нежели резцы, изготовлены на пластинах, редко на отщепах. Все они относятся к типу концевых (рис. 2, *11—12*). В коллекции имеется пластинка с притупленным краем (рис. 2, *10*), крупные (рис. 2, *6*), чаще мелкие пластины с ретушью. Очень интересную группу инвентаря стоянки Сюкеевский взвоз образуют крупные кремневые орудия (11 экз.). Среди них выделяются орудия типа рубящих, сходные с плоскими нуклеусами, по-видимому, аналогичного назначения, двусторонне оббитая по краю плоская галька с намеренно суженной тыльной частью (рис. 2, *15*), скребки нуклевидного типа и скребловидные орудия (рис. 2, *16*). Массовый материал представлен пластинками с неровными краями и неправильным огранением спинки, а также различными отщепами рваной формы. Правильные ножевидные пластинки случайны.

На Камскоустьинской стоянке найдены угловые резцы, пластина со скошенными концами (рис. 2, *14*), фрагмент скребловидного орудия. На I Долгополянском местонахождении — боковой резец и пластина, обработанная крутой притупляющей ретушью. Типологическая картина инвентаря этих памятников находит ближайшие аналогии на стоянках Постников Овраг I и II [8], расположенных в сходных условиях, а также некоторых палеолитических комплексах Русской равнины типа Тимоновских стоянок [9], датируемых поздними этапами последнего оледенения. Это отчасти Карачарово [10], Боршево II [11], хотя коллекция последней стоянки отличается присутствием округлых скребков и серии пластинок с притупленным краем. Типичных геометрических форм на стоянках Сюкеевский взвоз и Камскоустьинской нет. Однако по наличию отдельных пластинок с симметрично затупленными и особенно скошенными концами, достаточно длинных, но определяемых иногда как архаичные трапеции [12], эти памятники можно в какой-то мере сопоставить с такими стоянками конца палеолита — начала мезолита на Русской равнине, как верхние, I и Ia слои Молодовой V, Оселивкой [13], Осокоровкой III (слой III в.) [14]. Очевидно, в культурном отношении средневолжские стоянки принадлежат к кругу культур Русской равнины.

Весьма проблематичны сибирские аналогии, касающиеся преимущественно группы крупных кремневых орудий, с оббивкой по краю. А. Х. Халиков приводил их в обоснование своей гипотезы о продвижении на грани палеолита и мезолита групп населения из Сибири на Волгу [15]. Не отрицая некоторых черт формального сходства, выражающихся в технике обработки и форме некоторых экземпляров крупных орудий, нужно учитывать, что и Сюкеевский взвоз и Постников овраг II находятся близ выходов кремня. Это обстоятельство наложило отпечаток на облик коллекций, особенно Постникова оврага II, которая состоит преимущественно из отбросов производства, что, как и отмечала В. В. Гольмстен [16], характери-

[8] В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. Тр. СА РАНИОН, IV, Л., 1928, стр. 125—130.

[9] Л. В. Грехова, Р. А. Сорокина. Разведывательные работы у с. Тимоновка в 1965 г. КСИА АН СССР, 117, 1969, стр. 38—43.

[10] С. Н. Замятник. Карачаровская палеолитическая стоянка. Аспирантский сборник, ГАИМК, Л., 1929.

[11] П. П. Ефименко, П. И. Борисовский. Палеолитическая стоянка Боршево II, МИА, 39, 1953.

[12] А. П. Черныш. Хронология мезолитических памятников Поднестровья. СА, 1970, 1, стр. 11, 12.

[13] Там же.

[14] П. И. Борисковский, Н. Д. Праслов. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ, А 1—5, 1964, табл. XXI, *3—6*.

[15] А. Х. Халиков. Древняя история..., стр. 19.

[16] В. В. Гольмстен. Археологические памятники..., стр. 129.

зует ее более как мастерскую. Орудия эти не образуют выдержанных по форме серий и, очевидно, являются результатом первичной обработки кремня.

Типичные мезолитические стоянки расположены в речной долине иначе — на краю или на отдельных останцах первой надпойменной террасы крупных рек. Среди них наиболее архаичным комплексом обладает группа стоянок с трапециями. Эти стоянки разделяются нами на два этапа.

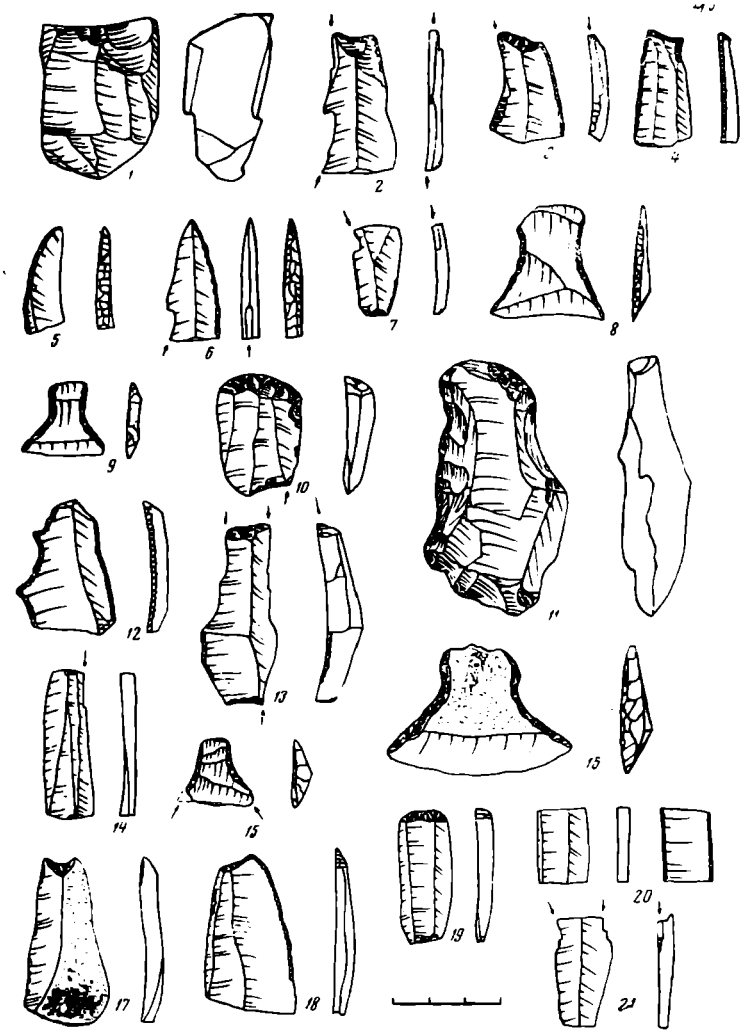


Рис. 3. Кремневые орудия мезолитических стоянок с трапециями

1—12 — III Тетюшская стоянка; *13, 14, 16, 17* — Косяковская; *15, 18—21* — VIII Атабаевская

К I, или Тетюшскому, этапу развития этой культуры относятся частично уже освещенная в печати [17] III Тетюшская стоянка и Шербетьское островное местонахождение. III Тетюшская стоянка, типологически наиболее ранний памятник на первой надпойменной террасе, находится в Тетюшской горловине Волги. Культурный слой этой, частично разрушенной стоянки, как установлено раскопками автора, залегает непосредственно над пойменным аллювием террасного останца, в перекрывающем его песке на глубине 40 — 60 *см*. Песок, в нижней части которого найдены кремни, в свою очередь перекрыт темной супесчаной почвой. На стоянке найдено 478 орудий, 66% которых изготовлено на пластинках. Орудия по размерам меньше, чем на стоянке Сюкеевский взвоз. Нуклеусы многоплощадочные, плоские, призматические и уплощенно призматические со скошенной ударной площадкой (рис. 3, *1*). Первичная обработ-

[17] А. Х. Халиков. Древняя история..., стр. 23.

ка кремневых желваков на стоянке не производилась. Все кремневые изделия патинизированы. В коллекции преобладают различные резцы (169 экз., что составляет 36% всех орудий). Много боковых резцов с ретушированным концом (63 экз., рис. 3, *2—3*); в меньшем количестве найдены угловые, срединные, нуклевидные, клювовидные и краевые резцы (рис. 3, *7*). Скребков гораздо меньше (40 экз.). Все они относятся за исключением нескольких двойных экземпляров, к типу концевых (рис. 3, *10*) и сделаны преимущественно на усеченных пластинах, реже на удлиненных отщепах. Округлые и полудисковидные скребки отсутствуют. Сравнительно немногочисленна группа пластин с затупленным, скошенным и выемчатым концом (14 экз.), у которых края зачастую обработаны мелкой заостряющей ретушью (рис. 3, *4*).

Интересны пластинки длиной от 2,5 до 9 *см* типа клинка перочинного ножа (20 экз.), спинка которых обработана крутой притупляющей ретушью (рис. 3, *5 — 6*). На острых краях всех пластинок наблюдаются выщербины или участки мелкой ретуши. Найдены небольшие скребла на отщепах, скобели на широких пластинках и отщепах. Примечательно наличие нуклевидного скребка и орудия типа рубящего (рис. 3, *11*), которые отличаются от аналогичных орудий стоянки Сюкеевский взвоз небольшими размерами. Если в целом инвентарь стоянки носит весьма архаичный облик, то орудиями, позволяющими уверенно говорить о культуре этого населения как о мезолитической, являются высокие симметричные трапециевидные микролиты (22 экз.), изготовленные на сечениях пластин и пластинчатых отщепах (рис. 3, *8 — 9*). У большинства трапеций боковые стороны вогнуты, но имеются трапеции и с прямыми боковыми сторонами (5 экз.).

Сравнивая материалы стоянки Сюкеевский взвоз и III Тетюшской стоянки, нужно отметить некоторое сходство не только типологической и технической картины инвентаря, но и количественных характеристик большинства типов орудий. Следует отметить и различия, заключающиеся в увеличении количества орудий, на пластинках, уменьшении процента резцов, появлении выраженных скобелей (рис. 3, *12*) и трапециевидных микролитов в инвентаре стоянок, расположенных на первой надпойменной террасе Волги и Камы в пределах Среднего Поволжья.

Памятники II или Косяковского этапа демонстрируют ряд изменений в технике обработки кремня и типологической картине инвентаря. Частично разрушенный культурный слой Косяковской, VIII Атабаевской и VII Нижне-Марьянской стоянок в устье Камы залегает также над аллювием первой террасы в слое однородного песка, перекрытого почвой. В кремневом инвентаре этих памятников появляются небольшие конические и карандашевидные нуклеусы с ровными негативами сколотых ножевидных пластинок при сохранении нуклеусов уплощенно-призматической формы со скошенной ударной площадкой. По сравнению с III Тетюшской стоянкой здесь нет новых типов орудий, но количественное соотношение типов меняется.

На стоянках II этапа развития культуры с трапециями найдены в небольшом количестве срединные, боковые с ретушью на конце (рис. 3, *13*), угловые резцы на грубых пластинках и отщепах. Встречаются пластинки с выемчатым и скошенным концом (рис. 3,*17—18*). Пластинки с притупленным краем исчезают. Наблюдается количественное преобладание типов орудий, изготовленных на более или менее правильных ножевидных пластинках, сколотых в основном с конических и карандашевидных нуклеусов — резцов на углу сломанной пластинки или краевых (рис. 3, *14, 21*), концевых скребков на сечениях пластинок (рис. 3, *19*), прямоугольных вкладышей (рис. 3, *20*), скобелей, различным образом ретушированных пластинок. В технике нанесения ретуши также происходят изменения: появляются пластинки, обработанные мелкой противолежащей

ретушью. Двусторонней ретуши нет. Уменьшается количество орудий на отщепах. По-прежнему ведущей группой орудий остаются резцы.

Сочетание архаичных и микролитических типов орудий обусловлено не смешением разнородных материалов, ибо стратиграфия залегания находок, сорт кремня и степень его патинизации едины в каждой из коллекций, а является следствием развития микротехники, основой которой было скалывание тонких правильной формы ножевидных пластинок. Микролитизация инвентаря на втором этапе развития мезолитической культуры с трапециями в Среднем Поволжье не вытеснила полностью старую технику скалывания грубых пластинок с косоплощадочных нуклеусов. На стоянках второго этапа сохраняются трапеции с вогнутыми сторонами, обнаруженные на Косяковской (рис. 3, *16*), VII Атабаевской (рис. 3, *15*) стоянках и II Чиганарском местонахождении в Чувашии. Изредка (Косяковская, VIII Атабаевская стоянки) встречаются вытянуто-овальной формы кремни, грубо оббитые с обеих сторон и возможно служившие рубящими орудиями.

Мезолитическая культура с трапециями была распространена, если судить по находкам трапеции на Огурдинской стоянке в Среднем Прикамье [18] и II Чиганарскому местонахождению на р. Цивиль, на всей или почти на всей южной и восточной части территории Среднего Поволжья. Несомненно и своеобразие этих памятников, которые могут быть по техническому уровню и наличию группы архаических орудий сопоставлены с наиболее ранними мезолитическими стоянками Волго-Окского междуречья — нижним слоем Елина Бора и Бутовым [19], но отличаются от них хотя бы наличием трапециевидных микролитов. Хорошо устанавливаются различия средневолжских памятников и древнейших памятников Предуралья и Южного Урала. Это памятники типа Ильмурзина (нижние горизонты), где нет большинства форм орудий, встреченных на Волге: боковых резцов, трапеций, пластинок с притупленной спинкой, и Янгелька, Мурат, где бытуют асимметричные трапеции [20]. III Тетюшская стоянка, очевидно, по типологической картине и степени микролитизации инвентаря может быть сопоставлена со стоянками развитого этапа мезолита в Днепровско-Донском междуречье, к которому В. П. Левенок относит стоянки Смячка XIV, Лобанова Пасека, Суворово на Десне, Латки, Крижи, на Днепре и Соже [21], где, впрочем, трапеции отсутствуют, но бытуют наконечники стрел на пластинках.

Рассматривая материалы Огурдинской стоянки, О. Н. Бадер предполагает, что наличие трапеций указывает на южные связи, а может быть и происхождение носителей этой культуры [22]. К выводу о передвижении отдельных групп населения Кавказа в степи Поволжья и Подонья приходил А. А. Формозов [23], замечавший, впрочем, что они не достигали Средней Волги. Действительно, здесь нет ни треугольников, ни сегментов, ни того богатства форм острий с притупленным краем, как на Кавказе [24], но преобладают резцы, в частности архаичные резцы с ретушью на конце, что характерно также и для Сюкеевского взвоза и в чем можно, вероятно, усматривать переживание традиций позднего палеолита. Вре-

---

[18] О. Н. Бадер. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита. МИА, 126, 1966, стр. 197.

[19] Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. СА, 1965, 4, стр. 19, 20.

[20] Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. СА, 1969, 4, стр. 24.

[21] В. П. Левенок. Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. МИА, 126, 1966, стр. 92.

[22] О. Н. Бадер. Мезолит лесного Приуралья..., стр. 197.

[23] А. А. Формозов. Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита. СЭ, 1953, 1, стр. 170, 171.

[24] Н. О. Бадер. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита. СА, 1965, 4.

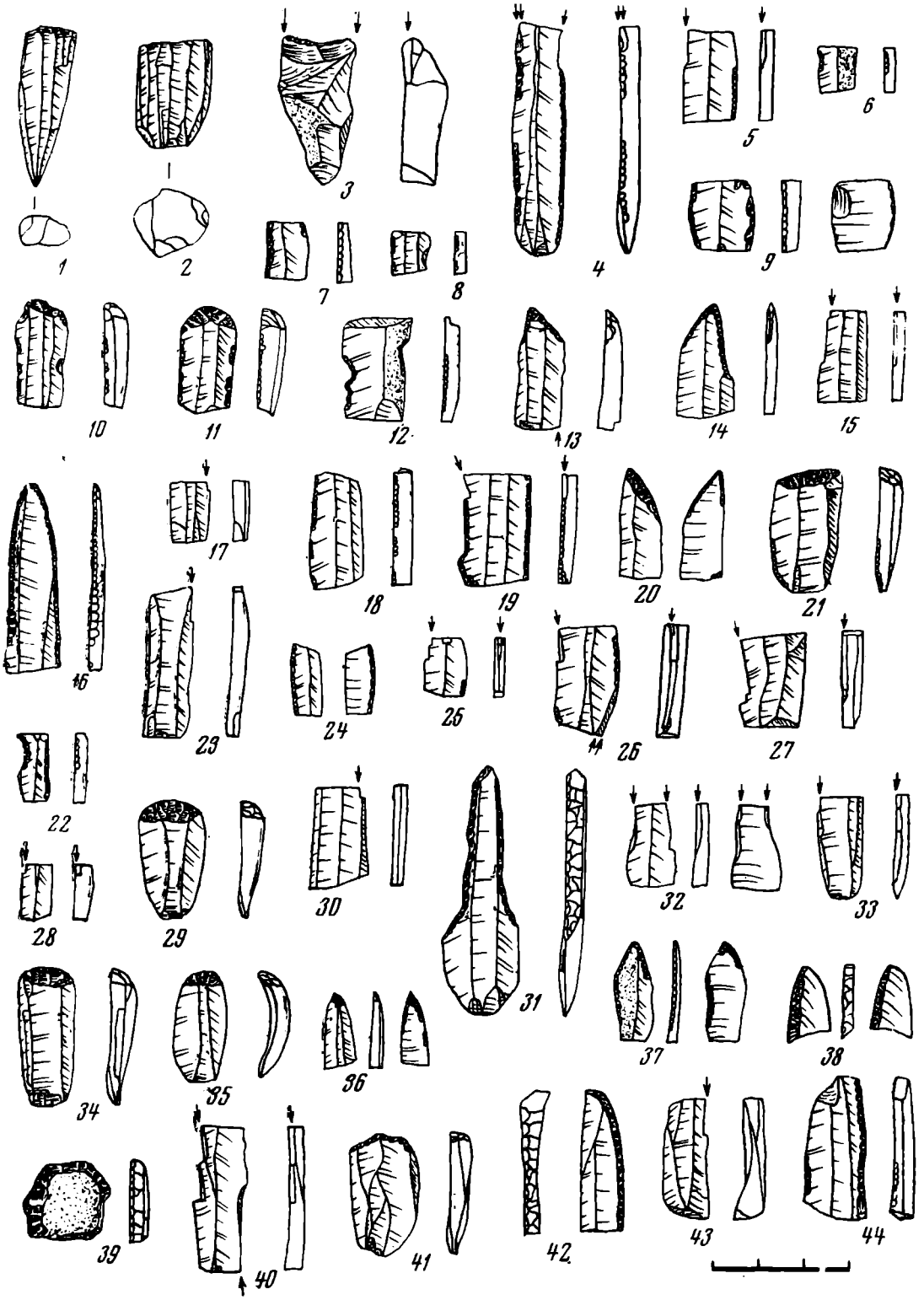


Рис. 4. Кремневый инвентарь микролитических памятников

1—13 — IV Тат. Азибейская стоянка; *14—18* — III Тат. Азибейская; *19, 20, 22, 24* — IV Юртовская; *21, 23* — III Юртовское местонахождение; *25, 26* — Кзыл-Тау I; *27, 29* — II Березовское; *30, 31* — I Комаровская стоянка; *28, 32—39* — Захар-Калма I; *40—42* — Монастырский хутор; *43, 44* — Воскресенское

мя появления и развития геометрических форм орудий на Средней Волге пока не поддается точному определению. Отсутствие сходных комплексов в Нижнем Поволжье и Подонье затрудняет решение вопроса о возможных путях проникновения геометрических трапециевидных микролитов на Среднюю Волгу и Каму. Интересно, что уже на стоянках Сюкеевский взвоз и Камскоустьинская появляются геометрические формы — пластинки с симметрично затупленными и скошенными конца-

ми — и отсутствуют наконечники стрел на пластинках, что позволяет обособить их, как и стоянки с трапециями, от группы культур с наконечниками стрел на Русской равнине и, в частности, от волго-окской мезолитической культуры.

В пределах мезолита III Тетюшская стоянка не является, очевидно, одним из наиболее ранних памятников, поскольку симметричные трапеции высоких пропорций встречаются преимущественно на поздних этапах мезолита Южного Урала [25], в позднемезолитических и ранненеолитических слоях пещер Джебел и Дам-Дам-чешме II в Прикаспии [26], в тарденуазских слоях пещер Крыма [27], на Донце [28] и позднемезолитических стоянках Белоруссии [29]. Мезолитические стоянки Средней Камы датируются временем не ранее бореального периода, очевидно, в пределах бореального периода существуют и мезолитические стоянки с трапециями в устье Камы. После исчезновения мезолитической культуры с трапециями в Среднем Поволжье наблюдаются две большие группы памятников, более или менее синхронных друг другу, но территориально в целом не совпадающих. На востоке и юге, а также отчасти, видимо, севере района распространяются памятники с микролитическим инвентарем, тогда как материалы стоянок, обнаруженных на западе Среднего Поволжья, отличаются большей макролитичностью (рис. 1).

Микролитические стоянки, обнаруженные в последнее время в Нижнем Прикамье, располагаются на древних песчаных прирусловых валах и останцах первой надпойменной террассы Камы. На IV Тат. Азибейской стоянке культурный слой залегает в верхней части песка, перекрывающего аллювий террасы, и отчасти в нижнем горизонте почвы. Здесь были вскрыты остатки наземного жилища округлой или подквадратной формы, прослеженного как густое скопление находок диаметром около 8 *м*. Вокруг скопления расчищено четыре очажных пятна; около двух кострищ зафиксированы ямы, прорезавшие нижележащий слоистый аллювий и содержавшие находки. Две аналогичных ямы вскрыты в пределах скопления. В коллекции насчитывается 800 орудий. Среди нуклеусов преобладают небольшие карандашевидные и призматические формы (рис. 4, *1*, *2*). Найдено несколько мелких многоплощадочных нуклеусов. Единичными экземплярами представлены мелкие срединные и угловые резцы на пластинках и отщепах. Боковой резец с ретушью на конце найден в единственном экземпляре (рис. 4, *3*). Наиболее многочисленны краевые резцы на пластинках (213 экз.), среди которых много микроформ (рис. 4, *5*), концевые скребки (158 экз.) укороченных размеров (рис. 4, *10—11*). Очень много (310 экз.) различным образом ретушированных пластинок и их сечений-вкладышей, ретушированных мелкой попеременной, противолежащей, но всегда односторонней ретушью по одному или обоим краям (рис. 4, *6—9*). В коллекции имеются скобели на правильных пластинках (14 экз.) и наконечники стрел (7 экз.), представляющие собой фрагмент пластинки с прямым основанием и сведенным на конус кончиком (рис. 4, *13*). Интересны двусторонне оббитые гальки.

Сходный инвентарь, состоящий из орудий, сделанных исключительно на правильных ножевидных пластинках, обнаружен и на других стоянках

---

[25] Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры Южного Урала..., стр. 42.

[26] А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII, 1956, рис. 94, *2*; 105, *1, 3*; Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-чешме II в Восточном Прикаспии. СА, 1966, 2.

[27] А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, XXI, 1954, стр. 41, 42.

[28] Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины. 4, Изюм, 1930, табл. VIII, *2, 8, 13*; XVIII, *1—5, 7—11, 13—18*.

[29] О. Н. Бадер. Хронология формирования аллювиальных террас на Урале в археологическом освещении. Тр. КИЧП, XIII, 1957, стр. 310, 311.

Нижнего Прикамья — III Тат. Азибейской (рис. 4, *14—18*), IV Юртовской (рис. 4, *19—20, 22, 24*), и на местонахождениях Кзыл-Тау (рис. 4, *25, 26*) и III Юртовском (рис. 4, *21, 23*). Орудия на пластинках в инвентаре микролитических стоянок составляют 80—95%.

Типологическая картина инвентаря стоянок микролитического мезолита в Нижнем Прикамье существенно отличается от таковой на стоянках с трапециями. При этом важно отметить почти полное исчезновение орудий, обработанных затупляющей ретушью. Фактически, кроме единственного вкладыша с затупленной спинкой, найденного на IV Юртовской стоянке (рис. 4, *24*), такие орудия на Нижней Каме неизвестны. Их отсутствие позволяет различать камские стоянки и микролитические памятники Приуралья типа Романовки II, Ильмурзина (верхний слой), где при всем сходстве инвентаря и техники имеется примесь мелких пластинок с затупленным краем и концами [30]. Наибольшее сходство наблюдается с инвентарем стоянок на Средней Каме: Кама-Жулановской, Нижнеадищевской и др., ориентировочно датированными О. Н. Бадером V—IV тысячелетиями до н. э.[31]. На этих стоянках орудия изготовлены преимущественно на узких ножевидных пластинках.

В последнее десятилетие сходные комплексы обнаружены и в бассейне Вятки [32], но в инвентаре наиболее хорошо изученной Черняницкой стоянки имеется значительная группа скребков на отщепах, не характерных для камских стоянок, что, возможно, обусловлено более поздним возрастом этого памятника. Микролитические памятники в устье Камы (I Комаровская стоянка, I и II Березовские местонахождения) бедны находками и, очевидно, являются свидетельством эпизодического проникновения в этот район отдельных групп населения с микролитическим инвентарем (рис. 4, *27, 29—31*).

Несколько иные черты демонстрируют микролитические стоянки района Самарской Луки. При всем сходстве с Камскими стоянками, проявляющемся в преобладании микротехники, резцов на углу правильных пластинок, концевых скребков, вкладышей, здесь намечается примесь орудий, обработанных притупляющей ретушью — пластинок с затупленным краем (стоянки Монастырский хутор, Захар-Калма I, рис. 4, *38 42*) и мелких сегментов (Захар-Калма I). Наиболее ранней микролитической стоянкой Самарской Луки следует, по-видимому, считать Постников овраг III, где еще сохраняются единичные экземпляры пластин с затупленным и выемчатым концом, крупных уплощенных нуклеусов, грубых скребков и, очевидно, орудий типа рубящих с двусторонней оббивкой [33]. Поздними чертами — наличием пластинчатых наконечников стрел, обработанных не только у острия, но и вдоль краев (рис. 4, *37*) появлением округлых скребков на отщепах (рис. 4, *39*), что позволяет сопоставить их с аналогичными орудиями позднемезолитических стоянок западной части Среднего Поволжья, обладает комплекс обследованной автором стоянки Захар-Калма I в нижнем течении р. Самары. Вполне вероятно, что микролитическая культура на юге Среднего Поволжья существовала до конца мезолита, если учесть находку автора на близлежащей стоянке Захар-Калма II, открытой В. В. Гольмстен [34] и охарактеризованной А. Х. Халиковым как неолитическая [35], наконечника стрелы кельтеминар-

---

[30] Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры Южного Урала..., стр. 24.

[31] О. Н. Бадер. Мезолит лесного Приуралья..., стр. 198.

[32] И. И. Стефанова. Чернянцкая мезолитическая стоянка. СА, 1966, 4, её же. Первые мезолитические памятники в бассейне р. Вятки. V Уральское археологическое совещание. (Тезисы докладов) Сыктывкар, 1967.

[33] А. Х. Халиков. Древняя история..., стр. 22, рис. 6, 9.

[34] В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. стр. 130.

[35] А. Х. Халиков Древняя история..., стр. 89.

ского типа с боковой выемкой. Ранняя группа кельтеминарских неолитических памятников датируется второй половиной IV тысячелетия до н. э. [36].

Территориальное распространение стоянок с микролитическим инвентарем в Среднем Поволжье показывает, что они в целом находятся в степной и лесостепной зоне, почти не появляясь в зоне лесов. Рассматривая черты культуры микролитических стоянок Среднего Поволжья, следует полагать, что они оставлены одной из северных групп мезолитического населения с микролитическим инвентарем, более или менее хорошо изученные памятники которого находятся южнее и восточнее Средней Волги — в Приуралье [37], Средней Азии [38], Нижнем Поволжье [39] и Подонье [40]. Своеобразие инвентаря средневолжских памятников, проявляющееся прежде всего в почти полном отсутствии геометрических орудий, обработанных притупляющей ретушью позволяет предполагать не столько продвижение масс южного и восточного населения, сколько наличие тесных контактов и сильного влияния соседей.

Памятники описанного типа с инвентарем на правильных пластинках не обнаружены на Волге и ее притоках выше устья Камы (рис. 1). Между тем здесь найдено более 10 стоянок и местонахождений, датированных эпохой мезолита, точнее его второй половиной. Типологическая и, что более четко прослеживается, техническая картина инвентаря этих памятников заметно отличается от микролитических комплексов. Обусловлена ли эта разница только хронологическим разрывом и более поздним возрастом всех стоянок западной части Среднего Поволжья и, соответственно, большей степенью макролизации инвентаря? Анализ кремневых орудий позднемезолитических стоянок, расположенных на Волге и ее притоках в устье Камы и выше, свидетельствует о продолжении традиций обработки камня, свойственных памятникам с трапециями. Естественно, типологическая картина этих комплексов различна. В позднем и позднейшем мезолите исчезает ряд типов — трапеции, пластинки с затупленными концами и спинкой, косоплощадочные нуклеусы. Но процесс микролизации инвентаря здесь не зашел так далеко, как на юге и востоке района. Группа орудий на пластинках даже, по-видимому, на самых ранних стоянках, таких как II Русско-Луговская, составляет менее половины общего их числа, что в целом довольно близко аналогичному показателю на стоянках с трапециями.

Позднемезолитические памятники западной части Среднего Поволжья условно разделяются на две хронологических группы или этапа. К первому этапу относятся II Русско-Луговская стоянка (нижний слой), датированная по пыльце второй половиной бореального периода [41] и Старо-Мазиковская в Марийско-Чувашском Поволжье, а также XVIII Кузькинская стоянка в низовьях Камы. В инвентаре этих стоянок сохраняется значительная группа орудий на правильных пластинках при наличии архаичных форм и макролитических рубящих орудий. Сохраняются боковые резцы с ретушью на конце (рис. 5, *8—9*), угловые резцы на крупных пластинках архаического облика (рис. 5, *5*). Не исключено, что реминисценцией типа пластинок с затупленной спинкой являются косые острия (рис. 5, *12*). Орудия на правильных пластинках такие же, как и на микролитических стоянках — резцы на углу пластинки (рис. 5, *4*, *16*), вкладыши (рис. 5, *13*, *14*), пластинки с краевой ретушью (рис. 5, *24*), концевые скребки (рис. 5, *21*), среди которых часты укороченные формы

[36] А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, стр. 152.
[37] Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры Южного Урала..., стр. 24, 25.
[38] Г. Ф. Коробкова. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии. КСИА. АН СССР, 122, 1970, стр. 21—24.
[39] Г. Н. Матюшин. О нижневолжских микролитах. СА, 1968, 2, стр. 237—241.
[40] В. П. Левенок. Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья..., стр. 96, 97.
[41] А. Х. Халиков. Древняя история..., стр. 24.

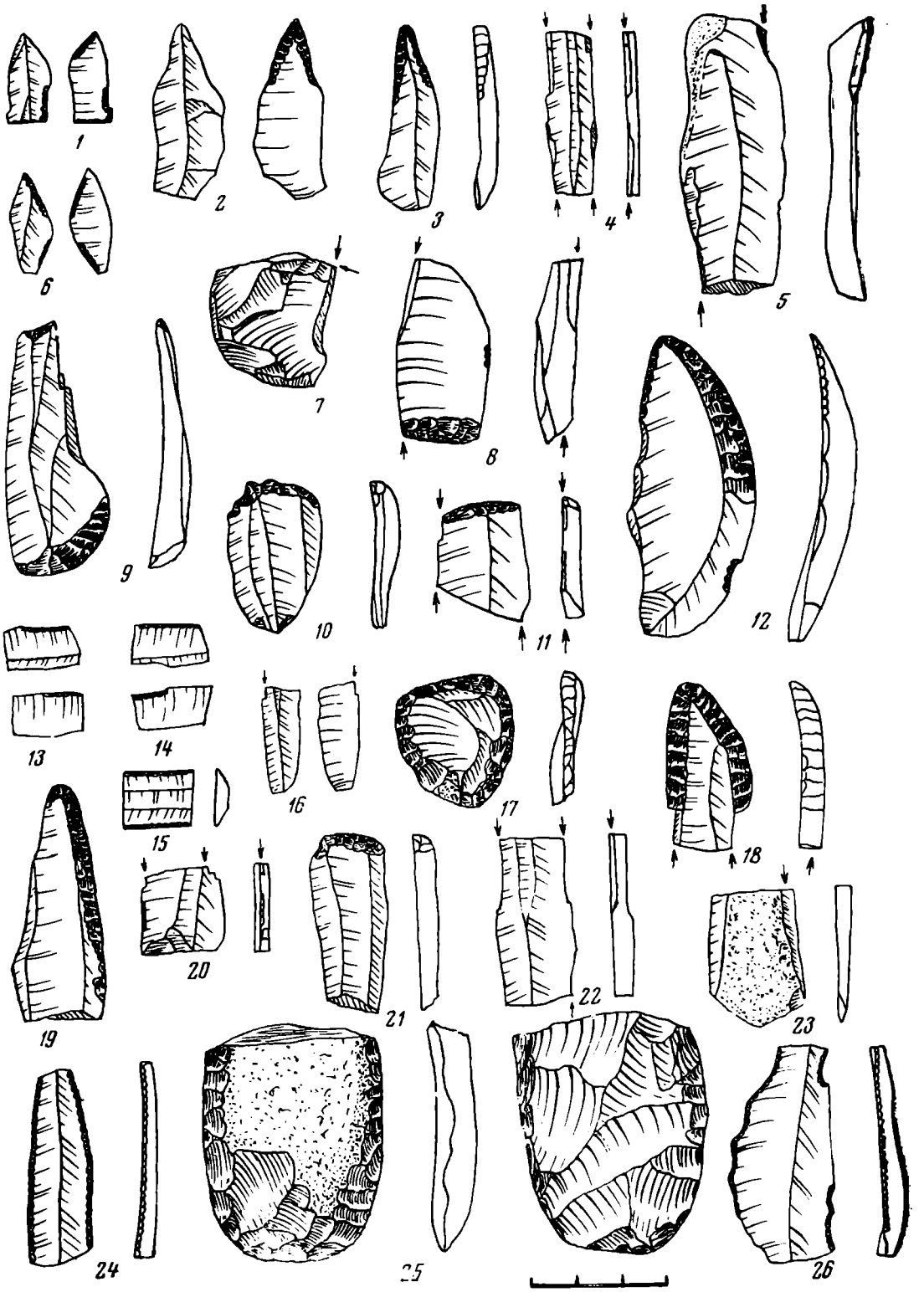


Рис. 5. Кремневый инвентарь памятников позднего мезолита на западе Среднего Поволжья и в Прикамье

1, 15, 18 — II Деуковская стоянка; *2 — 4, 7 — 10, 12, 21, 23, 24* — XVIII Кузькинская; *5, 13, 14, 16, 19* — II Русско-Луговская (по А. Х. Халикову); *6* — Яндашевская (по А. Х. Халикову); *17, 20* — I Тат. Азибейская; *22, 26* — II Березогривское местонахождение; *11, 25* — IV Березогривская стоянка

на широких пластинках (рис. 5, *10*), наконечники стрел с ретушью на кончике (рис. 5, *2, 3*), сопоставимые с ранними формами наконечников микролитических стоянок, например IV Тат. Азибейской. Неясно отсутствие наконечников стрел на II Русско-Луговской стоянке, но следует заметить, что на всех средневолжских стоянках пластинчатые наконечники стрел редки. Самой характерной чертой инвентаря позднемезолитических стоянок запада Среднего Поволжья можно назвать изготовление орудий —

резцов (рис. 5, *7, 23*), скребков [42] на коротких, реже удлиненных отщепах, что совершенно нетипично для микролитических комплексов, где такие орудия случайны. Наличие резцов и скребков на отщепах, присутствующих в комплексах приблизительно в равном количестве, большая ширина пластинок (в среднем 1,5—2 *см*) и иные количественные характеристики отдельных типов орудий позволяют различать микролитические памятники и памятники второй половины мезолита на западе Среднего Поволжья. На XVIII Кузькинской и II Русско-Луговской стоянках найдены отдельные экземпляры грубо оббитых с обеих сторон топоровидных орудий, а также пластин, обработанных односторонней плоской ретушью (рис. 5, *19*), напоминающей плоскую занозистую ретушь на некоторых пластинах в более ранних комплексах (III Тетюшская стоянка), но гораздо более схожей с аналогичной неолитической ретушью. Эти памятники по ряду признаков можно сблизить со стоянками IV этапа волго-окского мезолита, характеризующегося развитием макролитической техники, количественным преобладанием округлых и концевых скребков над резцами, развитием макролитических орудий [43].

Позднейшие памятники, отнесенные нами ко второму этапу позднего мезолита запада Среднего Поволжья, собственно переходные к неолиту — Яндашевская, Кабы-Копрынская, Курманаевская, Савиновская, IV Березогривская стоянки и ряд местонахождений, демонстрируют развитие макролитических черт в кремневом инвентаре. Новых типов орудий здесь практически нет, а группа орудий на пластинках количественно сильно сокращается. По-прежнему среди нуклеусов, количество которых уменьшается, господствуют полупризматические и конические формы. Встречаются единичные экземпляры боковых резцов, широко распространяются и становятся количественно ведущим типом угловые резцы на отщепах, хотя сохраняются и резцы на углу сломанной пластинки. Особенно много в позднейших мезолитических комплексах запада Среднего Поволжья скребков на отщепах формы, приближающейся к округлой, наличие которых является в пределах Среднего Поволжья надежным показателем позднемезолитического возраста памятников. Распространяются проколки на отщепах. На Яндашевской стоянке найдены наконечники стрел [44] (рис. 5, *6*), которые можно сопоставлять с наконечниками позднемезолитической II Деуковской стоянки в Прикамье (рис. 5, *1*) и микролитической стоянки Захар-Калма I. Скребков больше, чем резцов. Появляются орудия неолитического облика с двусторонней обработкой [45], намечается дифференциация макролитических орудий на рубящие и долбящие, причем у некоторых наблюдаются следы шлифовки лезвия [46]. Эти данные свидетельствуют о распространении приемов обработки кремня, которые позже, в неолите, становятся ведущими. В литературе неоднократно высказывалось мнение о принадлежности стоянок с пластинчатыми наконечниками стрел на западе Среднего Поволжья к кругу волго-окского мезолита [47].

Действительно, памятники позднего мезолита на Волге по облику инвентаря, наличию группы орудий на отщепах гораздо ближе стоят к волго-окскому мезолиту, нежели к микролитическим стоянкам востока и юга Среднего Поволжья. Однако наконечники стрел стоянок Средней Волги по форме и методу обработки гораздо более близки наконечникам

---

[42] А. Х. Халиков. Материалы к истории..., I. Приложение. табл. III, *1—3*.

[43] Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья, стр. 21.

[44] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Яндашевская стоянка, стр. 130, рис. 4, *23—38*.

[45] Там же, рис. 4, *13*.

[46] А. Х. Халиков. Мезолит Среднего Поволжья, стр. 190.

[47] Там же, стр. 189; его же. Древняя история Среднего Поволжья, стр. 24—25. О. Н. Бадер. Мезолит лесного Приуралья..., стр. 201.

микролитических стоянок, тогда как в Волго-Окском междуречье на поздних этапах мезолита распространены черешковые, листовидные с ретушью на концах, нанесенной с брюшка, и поперечнолезвийные наконечники стрел [48], отсутствующие на средневолжских стоянках. Это говорит о том, что стоянки второй половины мезолита на западе Среднего Поволжья представляют собой скорее промежуточную, контактную группу между кругом микролитических памятников и волго-окским мезолитом с позднесвидероидными наконечниками стрел.

В этом отношении интересен вопрос о позднем мезолите в Нижнем Прикамье, районе, где ранее распространялись микролитические памятники. Коллекции раскопанной автором II Деуковской стоянки [49] и I Тат. Азибейской стоянки, в которых поздние типы — округлые скребки (рис. 5, *17*), пластины с ретушью неолитического характера, скобели на отщепах, топоровидные орудия с двусторонней обработкой сочетаются с такими типами орудий, как срединные и боковые, угловые резцы на отщепах, вкладыши (рис. 5, *15*), резцы на углу пластинки. Процент орудий на пластинках (60) гораздо выше, чем на позднемезолитических стоянках западной части Среднего Поволжья. На II Деуковской стоянке были вскрыты остатки трех углубленных жилищ подквадратной или близкой к округлой формы, из которых среднее (5, 6 × 6), окруженное кострищами и ямами, по внешним конструктивным деталям напоминает жилище IV Тат. Азибейской стоянки. Элементы сходства дают основание предполагать генетическую преемственность между микролитическими памятниками Прикамья и позднейшими стоянками типа II Деуковской. Наконечники стрел II Деуковской стоянки (рис. 5, *1*) обработаны и у основания.

Таким образом, и в лесной зоне восточной части Среднего Поволжья в конце мезолита намечается тенденция к макролизации инвентаря и постепенному переходу к оседлому неолитическому хозяйству рыболовов и охотников. Нивелировка культурного своеобразия памятников на большей части лесной и лесостепной зон в пределах Среднего Поволжья (исключая его степной юг) создала в конце мезолита основу волго-камской неолитической культуры. Переход к неолиту в Среднем Поволжье в различных его частях пока еще не совсем ясен, но сходство типологической картины инвентаря позднемезолитических памятников и ранненеолитических стоянок типа II Щербетьской, раскопанной А. Х. Халиковым в устье Камы, вряд ли вызывает большие сомнения, и этот исследователь прав в своем утверждении о развитии позднемезолитических традиций обработки камня ранненеолитическим населением Средней Волги [50].

M. G. Kosménko

ETAPES ESSENTIELLES DE L'ÉVOLUTION DE LA CULTURE DU MÉSOLITHIQUE DANS LES RÉGIONS SITUÉES SUR LE COURS MOYEN DE LA VOLGA.

Résumé

Les stations dites Sukéevsky vsvoz et Kamsko-oustiïnskaïa découvertes sul la rive droite de la Volga sont les plus anciens monuments du cours moyen de ce fleuve, attribuables à la fin du Paléolithique — au debut du Mésolithique. Ce sont les burins qui prédominent dans leurs mobiliers. Mais aussi sont mises au jour des lamelles à

[48] Там же, стр. 20, 21.

[49] М. Г. Косменко. Вторая Деуковская стоянка на р. Ик. КСИА, АН СССР. 126, 1971.

[50] А. Х. Халиков. Древняя история..., стр. 49—60.

deux troncatures mousses ou bien celles à deux troncatures retouchées. Dans les mobiliers des stations situées sur la première terrasse alluviale de la Volga et celle de la Kama, à côté des formes archaïques des burins, lamelles à dos rabbatu et à deux troncatures toujours communs sur le gisement le plus ancien (Tétiouchskaïa III) on signale l'apparition des hauts trapèzes symétriques à faces concaves. Sur les stations plus récentes est noté le processus de microlithisation du mobilier et la disparition des types archaïques d'outils. Les gisements à trapèzes peuvent être rattachés la période boréale, ils ne comportent pas des pointes de flèches sur lamelles. Au cours des étapes tardives du Mésolithique dans la région de la Kama et à la Samarskaïa Louka deviennent fréquentes les stations à outils faits de lamelles minces, ce qui peut être attribué à l'influence des cultures microlithiques méridionales. Les gisements de la partie occidentale du cours moyen de la Volga, à grand nombre d'outils fabriqués d'éclats occupent une place intermédiaire entre les stations de Volga — Oka et celles de Kama à l'étape tardive du Mésolithique (Rousko — Lougovskaïa II, Yandachévskaïa). A la fin du Mésolithique la macrolithisation des outils est observée aussi dans la région de la Kama (la station dite Déoukovskaïa II).

Б. В. ТЕХОВ

ТЛИЙСКИЙ МОГИЛЬНИК И ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

За последние годы на территории Центрального Кавказа [1] выявлены и изучены в значительном количестве памятники археологической культуры, относящиеся к эпохе поздней бронзы и раннего железа. На основании этих памятников стало возможным выяснить основные черты этой культуры, наметить ареал ее распространения и локальные особенности, а также решить вопрос ее датировки. Каждый вновь открытый памятник эпохи поздней бронзы и раннего железа уточняет и расширяет наши знания, помогает понять характер этой культуры, ее связи с цивилизациями соседних территорий и более отдаленных стран Передней и Малой Азии.

Вопрос хронологии любой археологической культуры, особенно периода поздней бронзы и раннего железа Центрального Кавказа, представляет собой довольно сложную проблему [2].

Вопрос этот явился предметом специального исследования Е. И. Крупнова [3]. Затем им же было определено хронологическое место «классического Кобана» в системе кавказских древностей [4]. В этих и последующих работах Е. И. Крупнов, как и большинство предшествующих исследователей, датирует кобанскую культуру Центрального Кавказа переходным периодом от бронзы к железу [5]. Точнее, по Е. И. Крупнову, расцвет кобанской культуры в ее самых выразительных формах падает на XI—VII вв. до н. э. [6] Этим же периодом датирует основные находки на Кобанском могильнике А. А. Иессен [7].

Е. И. Крупнов намечает в хронологической шкале этой культуры три периода [8]. Первый период определяется рубежом II—I тысячелетий до н. э., т. е. XI—X вв. до н. э., но в то же время автор делает оговорку о возможном углублении этой даты до XII в. до н. э., когда, по его мнению, возникают ведущие формы Кобана. Этот период, по Е. И. Крупнову, является для Северного Кавказа переходным от бронзы к железу [9]. Время X в. до н. э. действительно является переходным от бронзы к железу для всего Северного Кавказа. Но если этот переходный период на-

---

[1] Под Центральным Кавказом следует понимать территорию обоих склонов Главного Кавказского хребта от горы Эльбруса до горы Казбеги.

[2] Е. И. Крупнов. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры. СА, 1969, 1, стр. 13.

[3] Е. И. Крупнов. К вопросу о хронологии кобанской культуры. Уч. зап. КНИИ. I, Нальчик, 1946, стр. 143—158.

[4] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА 1957, 1, стр. 56—82.

[5] Там же, стр. 81.

[6] Там же, стр. 82.

[7] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951, стр. 119.

[8] Е. И. Крупнов. Об уточненной датировке..., стр. 13—18.

[9] Там же, стр. 16.

чинать с XII в. до н. э., то мы едва ли найдем на Северном Кавказе памятник, комплексы которого в XII в. до н. э. содержат железо даже в виде инкрустаций. Южные склоны Главного Кавказского хребта в эпоху бронзы и раннего железа были теснее связаны с племенами-носителями самтаврской культуры, освоение железа у которых начинается со второй половины XII в. до н. э.[10] Однако в памятниках, выявленных на южном склоне Центрального Кавказа, железо до X в. до н. э. еще не встречается не только в виде отдельных, хотя бы и незначительных, предметов, но даже в виде инкрустаций. По мнению Р. М. Абрамишвили, в Кобанском могильнике инкрустированные железом бронзовые полуовальные пряжки встречаются довольно рано (конец XIV—XIII в. до н. э.). Однако он противоречит себе, отмечая, что сама эпоха раннего железа здесь (в Кобанском могильнике.— *Б. Т.*) начинается значительно позже[11].

Кобанская культура является в основном культурой племен горных районов Центрального Кавказа. Нам кажется, что в этих горных районах при наличии одинаковых физико-географических и социально-экономических условий культура развивалась одинаковыми темпами. Местные племена одновременно знакомились с новыми формами орудий труда, оружия и техническими приемами производства бронзовых, а затем и железных изделий. Более того, районы южного склона Кавказа были ближе к цивилизациям Закавказья, а через них Передней и Малой Азии, и поэтому, казалось бы, освоение железа должно было начаться здесь несколько раньше, чем на северных склонах, поскольку Главный Кавказский хребет в какой-то степени мог быть преградой в развитии материальной и духовной культуры племен Кавказского перешейка. В этой связи нельзя не согласиться с А. А. Формозовым, по мнению которого центральная часть Северного Кавказа, отделенная от Закавказья самым высоким участком Главного хребта, была в меньшей степени подвержена влиянию культур древнего Востока[12], хотя в этой части Центрального Кавказа было много перевальных путей, через которые влияние древних цивилизаций могло проникнуть на северные склоны. Главным посредником в этом была территория Грузии.

Второй период Е. И. Крупнов намечает с IX до середины VII в. до н. э. Он характеризуется, по его мнению, заметным распространением железа, пока в виде орудий труда и оружия. По мнению Е. И. Крупнова, на этот период падает блестящий расцвет кобанской культуры[13]. Наконец, третий период кобанской культуры Е. И. Крупнов определяет отрезком времени со второй половины VII до IV в до н. э. (до сарматского периода)[14].

Основанием для уточнения периодизации кобанской, или позднебронзовой, культуры Центрального Кавказа являются многочисленные погребальные комплексы из новых раскопок могильников и учет стратиграфических данных по исследованным поселениям[15]. Действительно, за последние годы были исследованы прекрасные бытовые памятники, например Алхастинское[16], Змейское[17], Бамутское[18], Сержень-Юртское[19]

---

[10] Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV—VI вв. до н. э.). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1962, стр. 19.

[11] Там же, стр. 20.

[12] А. А. Формозов. Неолит и энеолит Северо-Западного Кавказа в свете последних исследований. СА, 1964, 3, стр. 20.

[13] Е. И. Крупнов. Об уточненной датировке..., стр. 16.

[14] Там же.

[15] Там же, стр. 15.

[16] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, XII, М., 1941, стр. 157—198.

[17] Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение кобанской культуры. МАДИСО, I, Орджоникидзе, 1961, стр. 11—36.

[18] АО — 1967, М., 1968, стр. 67.

[19] В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г.

поселения и погребальные памятники Истису, Нестеровский[20], Луговой[21] и у поселения Сержень-Юрт[22], давшие интересные материалы по отдельным этапам кобанской культуры. В этой связи исключительно важное значение приобретает Тлийский могильник на южном склоне Кавказского хребта, комплексы которого дают более или менее полное представление о кобанской культуре. Только с учетом материала этого могильника можно создать обоснованную датировку и периодизацию эпохи поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа. В этом могильнике выявлены комплексы с конца эпохи средней бронзы и до начала V в. до н. э.

Освоение древними племенами района Тлийского могильника было вызвано усилением овцеводства, для развития которого нужны были летние пастбища. Особенно интенсивное освоение этого района происходило во второй половине II тысячелетия до н. э. Чтобы судить о более раннем периоде, мы не располагаем достаточным количеством материалов. В нашем распоряжении всего несколько комплексов эпохи средней бронзы, которые вряд ли достаточны для создания полной картины интересующего нас процесса. Не останавливаясь на этих комплексах, частично освещенных в литературе[23], отметим только то, что они генетически связаны с материалами последующего периода и бытуют до начала XIV в. до н. э.

С XIV в. до н. э. начинается первый этап, т. е. первый период эпохи поздней бронзы, когда увеличивается количество бронзовых плоских кинжальных клинков, наконечников копий с раскрытой втулкой и других предметов (рис. 1, *4, 8, 10, 11*). Среди кинжальных клинков имеются плоские экземпляры с двумя или тремя отверстиями для скрепления с рукоятью. У некоторых клинков лезвия отделаны ковкой (рис. 1, *2, 4, 10, 11*). Они кованые, а не литые, как в комплексах последующего периода. Принадлежность подобных кинжальных клинков к раннему этапу поздней бронзы была подтверждена на основе самтаврских материалов[24]. Наконечники копий в основном однотипны. Они имеют раскрытую втулку и короткое листовидное перо. Совершенно аналогичные наконечники копий выделены Т. Н. Чубинишвили для раннего этапа поздней бронзы в самтаврских комплексах. По его мнению, они выковывались из листовой бронзы с использованием специальных приспособлений[25].

Для комплексов первого этапа позднебронзового периода характерны также бронзовые булавы, в том числе экземпляры с небольшими круг-

---

КСИА, 103, 1965; В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.). КСИА, 106, 1966; Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА, 88, 1962; А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древние поселения у сел. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА, 94, 1963; В. И. Козенкова. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии. Археолого-этнографический сборник. II. Грозный, 1968, стр. 9—38; ее же. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Автореф, канд. дис. М., 1969.

[20] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 243—299.

[21] Р. М. Мунчаев. Луговой могильник. Древности Чечено-Ингушетии, М., 1963, стр. 139—211.

[22] В. Б. Виноградов и др. Северокавказская экспедиция. АО — 1967, стр. 66—67., В. И. Козенкова. Раннекобанский могильник у с. Сержень-Юрт, стр. 171—183.

[23] Б. В. Техов. К вопросу изучения бронзовой культуры горной полосы Юго-Осетии. Изв. ЮОНИИ, XI, стр. 285—298.

[24] Т. Н. Чубинишвили. К истории культуры раннего этапа позднебронзовой эпохи Шида Картли. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1954, стр. 12, 13, рис. 3; Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. ВГМГ, XIX-А, XIX-В, Тбилиси, 1957, стр. 137, 138 (см. хронологическую таблицу).

[25] Т. Н. Чубинишвили. Ук. соч., стр. 12.

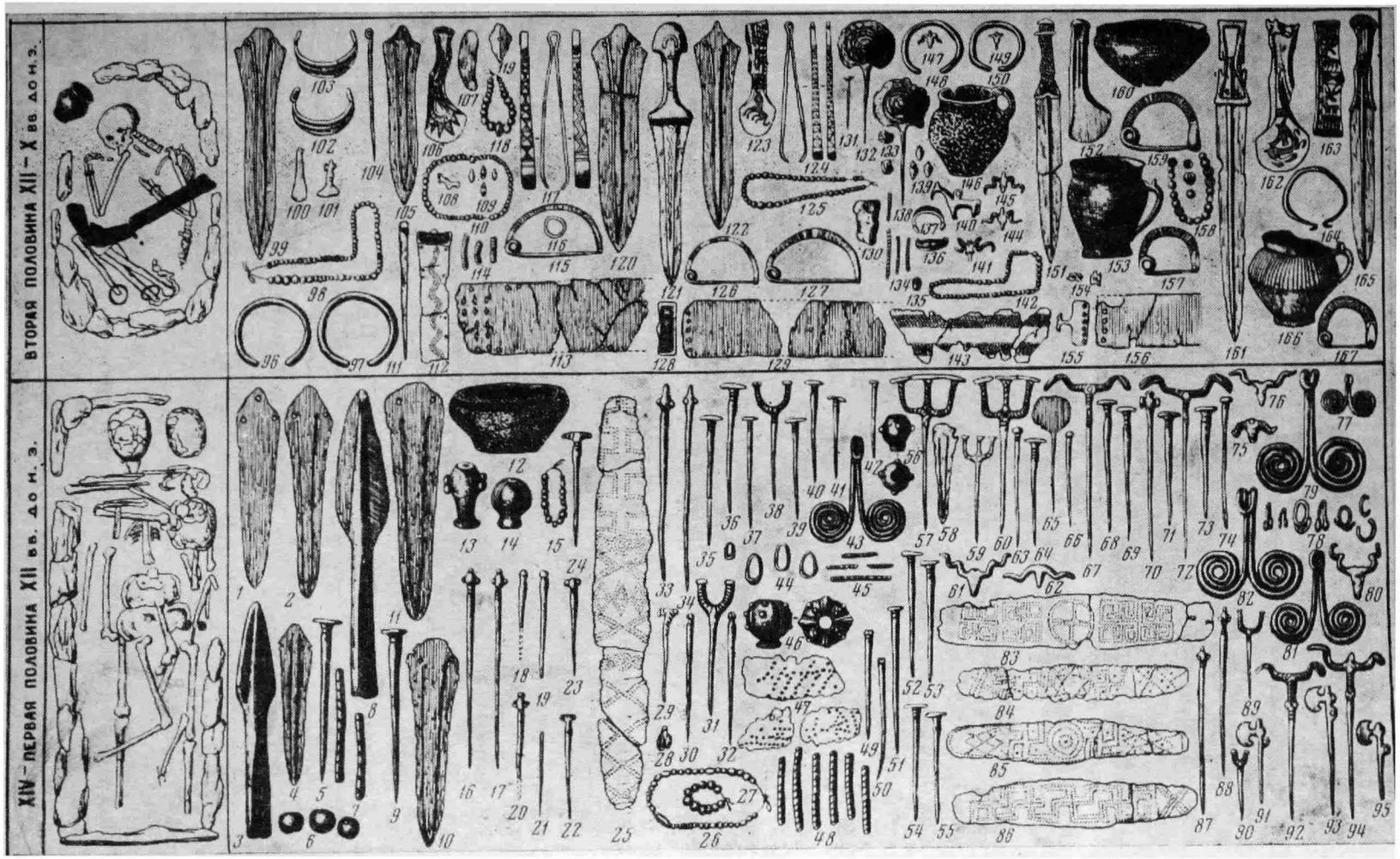


Рис. 1.

1, 2, 4 — кинжальные клинки; *3* — наконечник копья; *22—24* — булавки с молоточковидными головками (находки вне погребений); *87—95* — комплекс булавок, найденных вне погребений; комплексы из погребений: *5 — 11* — 207; *12 — 21* — 43; *25 — 36* — 203; *37 — 45* — 73; *46 — 55* — 204; *56 — 86* — 56; *96 — 104* — 25; *105 — 112* — 101; *113 — 120* — 115; *121 — 130* — 52; *131 — 150* — 105; *151 — 158* — 190; *159 — 161* — 146-а; *162 — 167* — 51

лыми шишечками вокруг корпуса (рис. 1, *13*, *56*). Для булав Центрального Кавказа характерно обычно по четыре выпуклины. Они получили свою форму от каменных булав того же типа. Бронзовые булавы с выпуклинами засвидетельствованы и в ранней группе самтаврских материалов[26]. Следует отметить, что для Восточного Закавказья характерны булавы с пятью выпуклинами, в то время как булавы Центрального Кавказа имеют по четыре крестовидно расставленных выпуклины[27]. Булавы Тлийского могильника, таким образом, выявляют близкое сходство с каменными булавами Северного Кавказа.

В этот период особое распространение получили такие категории предметов украшения, как височные привески в полтора оборота овальной формы, привески в форме бараньих рогов, спиральные трубочки-накосники, крючки с двухсторонне завернутыми спиральными завитками, булавки и т. д. Последние представлены в Тлийском могильнике сотнями, особенно булавки с пятишишечными головками, с навершиями в виде изображения бычьих голов, с овальными шляпками, вилообразными зубцами, гвоздевидными головками и т. д. Многие типы этих булавок прослежены до конца II тысячелетия до н. э. и даже позже (булавки с пятишишечными головками, овальными шляпками, гвоздевидные). Все перечисленные предметы быта были распространены главным образом в XIII — первой половине XII в. до н. э. Некоторые формы булавок в последующее время совершенно не встречаются (массивные булавки с вилообразными зубцами, кончающимися овальными шляпками, булавки с навершиями в виде бычьих голов и т. д.).

Среди бронзовых булавок выделяются так называемые молоточковидные булавки. Одни из них с короткими (рис. 1, *22*, *23*), а другие с чуть удлиненными молоточковидными выступами (рис. 1, *24*, *29*). Булавки эти составляют сравнительно самую малочисленную группу (всего 9 экз., из них 4 экз. с короткими молоточковидными выступами), и, кроме того, ни одна из них не связана с определенным комплексом. Они были найдены в сильно потревоженных и перемешанных материалах, перекрытых погребениями второй половины XII—X в. до н. э.

Молоточковидные булавки не получили распространения на территории Восточной Грузии и Закавказья вообще. Как известно, они характерны для древнеямной (III тысячелетие до н. э.)[28] и катакомбной (II тысячелетие до н. э.) культур[29]. Эта форма булавок в эпоху бронзы была распространена и на Северном Кавказе, в частности в предкавказском варианте катакомбной культуры. Рассмотрев культурную атрибуцию и датировку молоточковидных булавок, Б. А. Латынин установил, что они характерны как для типологически более поздних, так и для несомненно очень ранних древнеямных погребений[30]. Что же касается датировки северокавказских молоточковидных булавок, то на основании серебряных экземпляров из погребений в дохеттском слое Аладжа-Ейюк он относит их ко второй половине III тысячелетия до н. э.[31]

Возражая Б. А. Латынину, В. А. Сафронов отмечает, что северокавказские молоточковидные булавки появились не ранее XVII в. до н. э. Разделяя мнение М. И. Артамонова и К. Шеффера о происхождении северокавказских молоточковидных булавок от сачхерских экземпляров, В. А. Сафронов полагает, что на Северный Кавказ сачхерские булавки могли проникнуть не ранее второй половины XVIII — начала XVII в.

---

[26] Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, стр. 87.

[27] Там же.

[28] Б. А. Латынин. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. Археологический сборник ГЭ, 9, Л., 1967, стр. 93.

[29] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, 24, М., 1955, стр. 25.

[30] Б. А. Латынин. Ук. соч., стр. 41.

[31] Там же, стр. 94.

до н. э.[32] Позднюю границу первого хронологического этапа проникновения сачхерских булавок на Северный Кавказ В. А. Сафронов определяет временем XV — XIV вв. до н. э.[33] Приблизительно этими веками должны быть датированы тлийские молоточковидные булавки. Подчеркнем, однако, что это самые поздние из всех известных молоточковидных булавок.

Следует отметить, что форма головки у тлийских молоточковидных булавок отличается прежде всего тем, что выступы на одних слишком короткие, на других слишком длинные. Кроме того, отверстия на них пробиты ниже головки в утолщенной части стержня, в то время как на всех известных костяных и бронзовых молоточковидных булавках отверстия пробиты в центре головки между двумя выступами. По технике же изготовления тлийские молоточковидные булавки мало чем отличаются от более распространенных типов, особенно от булавок, имеющих пятишишечные и гвоздевидные головки.

Интересны булавки массивные вилообразные и с изображением бычьей головы (рис. 1, *31, 38, 57, 60, 67, 72, 92, 94*). Некоторые экземпляры вилообразных булавок имеют кончающиеся овальными шляпками зубцы, причем шляпки всех трех зубцев соединены между собой. Эти булавки характерны только для района Тли[34], хотя форма вилообразной булавки известна и в Раче-Лечхуми[35].

Булавки с изображением бычьей головы представляют собой великолепные образцы предметов украшения этого типа. Они представлены в основном в погребальных комплексах вместе с другими предметами, характеризующимися более ранними чертами. Эти булавки также характерны для тлийских комплексов XIV — первой половины XII в. до н. э. На территории Юго-Осетии подобные булавки были засвидетельствованы в Стырфазских кромлехах, датируемых XIV—XIII вв. до н. э.[36] В комплексах последующего этапа развития эпохи поздней бронзы они отсутствуют. В Закавказье подобные булавки почти не получили распространения. На Северном Кавказе булавки этого типа были выявлены только в Кумбултском могильнике. Е. И. Крупнов совершенно справедливо отнес кумбултские булавки ко второй половине II тысячелетия до н. э., рассматривая их как прямых предшественников чисто кобанских форм этих предметов[37], как местные более глубокие прототипы кобанских булавок[38].

С массивными булавками, имеющими навершия в виде бычьих рогов, в комплексах XIV — первой половины XII в. до н. э. сосуществуют изящные бронзовые булавки с пятишишечными головками (рис. 1, *16, 17, 20, 33, 34, 70, 87, 88*). Они настолько многочисленны, что их нельзя не считать предметами местного производства. Возможно, что булавки данного типа отсюда проникли на северные склоны Главного хребта. Отдельные экземпляры их были встречены в Кумбултском[39] могильнике. Следует отметить, что булавки с пятишишечными головками на Се-

---

[32] В. А. Сафронов. Датировка Бородинского клада. Сб. «Проблемы археологии», 1, Л., 1968, стр. 110.

[33] Там же, стр. 111.

[34] Б. В. Техов. Археологические раскопки 1962 г. в Юго-Осетии. СА, 1965, 2, стр. 156.

[35] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, табл. XXX, 3, 7, 8.

[36] Очерки истории Юго-Осетии. Цхинвали, 1970, стр. 20.

[37] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 58; его же. Древняя история Северного Кавказа, стр. 103.

[38] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 103.

[39] F. Hančar, Die Nadelformen des Kaukasusgebietes. ESA, VII, 1932, стр. 173, рис. 38; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 102, рис. 9, *2—4*.

верном Кавказе продолжали бытовать и в позднекобанское время[40], в то время как на южных склонах они в основном изготовлялись в XIII—XII вв. до н. э. Отдельные экземпляры «доживают» и до конца II тысячелетия до н. э.

Среди булавок рассматриваемого этапа можно выделить экземпляры с изображением закавказской секиры (рис. 1, *91, 93, 95*). По всей вероятности, данный тип булавки на Северный Кавказ, в частности в район Кобана, проник из района Тли. В кобанском производственном центре на булавках этого типа появились скульптурные изображения птиц и животных. На одной булавке с закавказской секирой имеется даже охотничья сцена[41].

В этой многочисленной серии предметов украшения имеются булавки с дисковидными навершиями (рис. 1, *65*). Последние лишены отверстия и этим отличаются от дисковидных булавок эпохи средней бронзы. Дисковидные булавки широко были распространены в Закавказье и на Северном Кавказе с эпохи средней бронзы до эпохи раннего железа. В комплексах второй половины XII—X в. до н. э. на навершиях этого типа булавок появляются орнаментальные мотивы либо в виде концентрических выпукло-вогнутых кругов, либо пунсонные кружочки. На булавке из комплекса погребения 56 (рис. 1, *65*) нет никакого орнамента. Следовательно, она появилась раньше булавок, имеющих орнаментированные концентрическими кругами навершия, и позже среднебронзовых булавок с отверстием на дисковидном навершии. Поэтому ее надо рассматривать как посредствующее звено между булавками эпохи средней бронзы и второго этапа позднебронзового периода. В XII—X вв. до н. э. и даже на первом этапе эпохи раннего железа встречаются и некоторые другие типы булавок (булавки с овальными шляпками, гвоздевидными головками, булавки с изображением закавказской секиры и т. д.), но в основном рассмотренные выше булавки являются характерными предметами раннего этапа позднебронзовой культуры Центрального Кавказа. Следовательно, они характеризуют и ранний этап кобанской бронзы, формирование которой началось в недрах местной культуры конца среднебронзового периода.

Для комплексов XIV — первой половины XII в. до н. э. можно считать характерными предметами налобные венчики-диадемы из листовой бронзы (рис. 1, *25, 47, 83—86*). Узоры на этих диадемах выбивались с внутренней стороны каким-то предметом с заостренным концом. Изображены обычно геометрические фигуры (кружок, треугольник, ромб), свастические узоры и т. д. Аналогичные диадемы были найдены нами в одном из Стырфазских кромлехов в 1963 г.

В Закавказье находка самой ранней медной диадемы была засвидетельствована во втором погребении могильника Квацхела у с. Урбниси. На ней, так же как и на тлийских экземплярах, изображения оленя, водяной птицы, астральных знаков[42] выполнены пуансонной техникой. Серебряная диадема была найдена в одном из кромлехов (кромлех № 1) у с. Гехарот (Армения). А. А. Мартиросян датирует гехаротский кромлех с диадемой концом XIV—XIII в. до н. э.[43], что полностью совпадает

---

[40] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, XIII, сер. истор., 85, Л., 1949, стр. 221, табл. VIII-А, *7*.

[41] F. Hančar. Ук. соч., стр. 145, рис. 17; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. XXIX, *2, 3, 4*; табл. XXXIX, *5, 7*; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 102, рис. *9, 8*.

[42] А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Гвлепиа-Кохи). Тбилиси, 1962, стр. 24, табл. XXXVI.

[43] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 90, 91, рис. 43, *1*.

с нашей датировкой тлийских и стырфазских венчиков-диадем. Последние выявлены на территории Азербайджана [44], Ирана [45] и т. д.

В рассматриваемых нами комплексах XIV — первой половины XII в. до н. э. очень мало керамики. Только в нескольких погребениях найдены глиняные сосуды. Они в основном вылеплены от руки (рис. 1, *12*), реже на гончарном круге. Бронзовых сосудов в материалах этого этапа еще нет. Они появляются на втором этапе эпохи поздней бронзы под непосредственным влиянием форм глиняных сосудов.

Исходя из изложенного, можно прийти к заключению, что для рассматриваемой эпохи можно говорить о местной переработке культурных достижений первой половины и середины II тысячелетия до н. э. Прослеживается также и непрерывный внутренний процесс развития материальной культуры в переходный период от средней к поздней бронзе [46].

Говоря о таких категориях, как тип погребальных сооружений и характер погребального обряда, следует отметить, что на раннем этапе позднебронзового периода еще продолжают бытовать существовавшие ранее формы и обряд. Так, в XIV—XIII вв. до н. э. преобладающим типом погребальных сооружений является продолговатый ящик из мелких рваных камней. Погребенные лежат либо в вытянутом, либо в слабо скорченном положении. Примитивные каменные ящики в первой половине II тысячелетия до н. э. были известны во многих местах Центрального Кавказа. В самом Тлийском могильнике их оказалось 12. Эта форма могильных сооружений известна также в памятниках Северной Осетии первой половины II тысячелетия до н. э. (Загли Барзонд [47], Нижний Кобан [48], Фаскау [49], Верхняя Рухта [50] и др.).

Таким образом, каменные ящики как типичная форма погребальных сооружений второй половины II тысячелетия до н. э. имеют свои прототипы в местной среде еще с начала II тысячелетия до н. э. [51] Обряд погребения в каменном ящике с некоторыми изменениями доживает и до середины I тысячелетия до н. э. Правда, форма более поздних каменных ящиков больше приближается к квадратной, но нельзя сомневаться в том, что этот тип погребального сооружения берет свои истоки в памятниках начала II тысячелетия до н. э.

На втором этапе эпохи поздней бронзы расцвет бронзовой металлургии достигает кульминационной точки. Следует отметить, что в материалах второго этапа количество привесок в виде бараньих и бычьих голов значительно уменьшается, зато заметно совершенствуется техника их обработки. При этом если в погребениях конца эпохи средней бронзы встречалось от одного до трех-четырех предметов, то в последующее время количество вещей в погребальных комплексах достигает одного-двух десятков и более. Это был период расцвета бронзовой металлургии Центрального Кавказа, период бытования широкого ассортимента бронзового оружия и особенно предметов украшения. К нему относятся самые интересные и богатые комплексы Тлийского могильника. Предметы, входящие в эти комплексы, интересны не только семантикой орнаментальных узоров, но и стилистическими особенностями изображений. Определенная часть погребений, насыщенных инвентарем, оказалась потревоженной и перемешанной в результате последующих захоронений. Сохранившиеся в непотревоженном со-

---

[44] А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, VI, М., 1911, стр. 106, 135, 136, табл. VIII, *3*.

[45] Ernst E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, стр. 147, рис. 263.

[46] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке..., стр. 66, 67.

[47] Там же, стр. 68.

[48] Архив ИА АН СССР, дело № 93, стр. 32.

[49] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 271, 272.

[50] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода, стр. 49.

[51] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке..., стр. 68.

стоянии погребения находились в основном в грунтовых ямах площадью в среднем 1 × 1,5 *м*, глубиной около 1 *м* и более. Все они были обложены булыжником и имели овальную или квадратную форму, подобно каменным ящикам. Погребения засыпались землей, затем сверху делалась небольшая каменная насыпь-выкладка. Во всех погребениях второго периода костяки, если они не были потревожены, лежали в скорченном положении на правом боку, за исключением трех-четырех скелетов, оказавшихся на левом боку. Таким образом, в погребениях второго периода Тлийского могильника на правый бок клали не только мужчин, но и женщин. Вряд ли в данном случае разница в положении зависит от пола погребенного, хотя в других могильниках эпохи бронзы Грузии (Самтавро) [52] и Северного Кавказа (Нальчикский могильник [53], грунтовой могильник у с. Галашки на р. Ассе [54], погребения каякентско-хорочаевской культуры II тысячелетия до н. э. [55], а также некоторые памятники скифского времени в Чечено-Ингушетии [56]) эта зависимость прослеживается довольно четко.

В погребениях рассматриваемого периода почти все костяки независимо от пола и возраста были ориентированы с юга на север, реже с небольшим отклонением на запад, в то время как в более ранний период ничего подобного не наблюдается. Преобладают индивидуальные захоронения. Только в нескольких погребениях засвидетельствованы парные захоронения. Что же касается более раннего периода (эпоха средней бронзы), то для него коллективные захоронения нередки. Уже с середины II тысячелетия до н. э. на Кавказе и в Закавказье наблюдается тенденция к индивидуальным захоронениям, и они становятся преобладающими в позднебронзовых могильниках.

Почти во всех погребениях второго периода найдены древесные угольки, что, видимо, говорит о какой-то роли огня в погребальном ритуале. Кроме того, во многих погребениях найдены небольшие бронзовые слитки, что также должно быть связано с определенным погребальным ритуалом. Возможно, слитки клались в могилу кузнеца-металлурга или имели определенное магическое значение.

Мужские погребения этого периода содержат бронзовые миски или по одному глиняному сосуду, бронзовые, богато орнаментированные топоры, с дважды изогнутым в противоположные стороны корпусом, кинжалы и кинжальные клинки (большей частью с зауженной серединой лезвия и широкой продольной полосой), булавки с откованной и завернутой в трубку головкой, узкие пояса из листовой бронзы с узорами и без них, орнаментированные пинцеты и т. д. С конца XII— в XI в. до н. э. в этих комплексах появляется бронзовая дугообразная фибула, которая сменила булавку с откованной и завернутой в трубку головкой. Самые ранние фибулы изготовлены из тонкой проволоки круглого сечения, а к X в. до н. э. и позже дуговая часть фибул утолщается, принимает пиявковидую форму и образует более высокую дужку (рис. 1, *157, 159, 167)*. Существование этих фибул приходится на время XI—VI вв. до н. э.

Одночленные дугообразные фибулы с поперечной елочной резной орнаментацией и пиявкообразным оформлением дужки были широко рас-

---

[52] А. Н. Каландадзе. К характеристике социально-экономического и культурного развития населения Мцхета (вторая половина II и первая половина I тысячелетия до н. э.). Тбилиси, 1957, стр. 72; его же. Разыскания по археологии доантичной Грузии. Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1969, стр. 65.

[53] А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, 3, 1941, стр. 106.

[54] В. И. Маркович. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). МИА, 93, 1960, стр. 83.

[55] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. КСИИМК, XIII, 1946, стр. 113; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 23, 1951, стр. 246.

[56] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 47; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 253.

пространены на территории Центрального Кавказа. Они в изобилии найдены в Кобанском и Тлийском могильниках. Некоторые авторы связывают дугообразную фибулу с так называемыми субмикенскими типами [57], которые появились в XII в. до н. э. [58] По мнению Р. М. Абрамишвили, едва ли можно сомневаться в том, что бронзовая дугообразная фибула к концу XII в. до н. э. уже была известна в Закавказье [59]. Одновременно с дугообразными фибулами появляется бронзовый, богато орнаментированный топор изогнутой формы.

В женских погребениях доминируют предметы украшения. Для этого этапа характерны комплексы, содержащие булавки с дисковидными навершиями, пластинчатые браслеты с граненой наружной поверхностью и постепенно суженными и завернутыми в спираль концами, привески в виде бараньих и козьих голов, отличающиеся от подобных же предметов предыдущего периода большей аккуратностью, более совершенной техникой отливки. Типичны височные привески в полтора или три оборота с маленькими спиральными концами, ножные кольца из простого бронзового прута круглого сечения, крестовидные привески, скульптурные фигурки животных, хорошо отшлифованные сердоликовые бусы, пояса из листовой бронзы, перстни, пряжки и т. д. В этих же комплексах имеются бронзовые кружки с зооморфной ручкой и кольцевым поддоном, в то время как в мужских погребениях того же периода преобладают бронзовые миски. Последние, как и кружки, полностью повторяют форму глиняных изделий второго этапа позднебронзовой эпохи.

Детские погребения этого этапа по обряду мало чем отличаются от погребений взрослых. Правда, в отдельных случаях предметы вооружения, сосуды и предметы украшения детских погребений имеют меньшие размеры. Но вместе с тем в тех же погребениях найдены прекрасные образцы бронзового оружия. Таким образом, выделяется типичный инвентарь, свойственный мужским и детским погребениям. Аналогичная картина была засвидетельствована и в Самтаврском могильнике [60].

Основные компоненты комплексов этой группы — кинжальные клинки с зауженной серединой и широкой продольной полосой (рис. 1, *99, 105, 120, 122)*. Кинжальные клинки этого типа в материалах Самтаврского могильника выделены в III подтип и рассматриваются в группе раннего оружия эпохи поздней бронзы [61]. Кинжальные клинки рассматриваемого типа были найдены в Триалети [62], Метехи, Сасирети [63], Хвце, Корниси [64] и т. д. Однако следует отметить, что они более характерны для культуры горных районов Центрального Кавказа эпохи поздней бронзы. Подобные кинжальные клинки имеются в материалах Кобанского [65], Гебского [66] и других мо-

---

[57] Г. К. Ниорадзе. Земоавчальский некрополь. ВГМГ, VI, 1933, стр. 202, 203, Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. ВГМГ, XII—13, 1944, стр. 316; его же. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, стр. 72; I. Undest. Zu den ältesten Fibultypen. ZfE, Berlin, 1889, стр. 213—215; F. Hančar. Kaukasus — Luristan ESA, IX, Helsinki, 1934.

[58] Chr. Blinkenberg. Fibules grecques et orientales. Det. Kgl. Danske Widen Skabernes Selskab. Historisk-Filologiske Meddelelser. XIII, 1, København, 1926, стр. 17, 21; В. А. Сафронов. Датировка Бородинского клада, стр. 86.

[59] Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа, стр. 10; В. А. Сафронов. Ук. соч., стр. 112.

[60] Т. Н. Чубинишвили. К истории культуры раннего этапа позднебронзовой эпохи Шида Картли. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1954, стр. 9—11.

[61] Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета, Тбилиси, 1957, стр. 70—75, табл. XVI, *5608*.

[62] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 323, табл. XIIV.

[63] G. Nioradze. Der Verwahrfund von Kwemo Sasirethi. ESA, VII, Helsinki, 1932, стр. 89, табл. 8.

[64] Коллекции Юго-Осетинского музея краеведения (№ 814, 816, 846, 810).

[65] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 27, табл. XII, *1, 2*.

[66] Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, табл. XII.

гильников Центрального Кавказа. Е. И. Крупнов выделяет рассматриваемый нами тип кинжала во второй тип бесчеренковых клинков кобанской культуры [67]. Хотя он не дает точную датировку этого типа клинков, но из контекста можно понять, что он относит их ко второй половине XII—XI в. до н. э. [68] Этим же временем можно датировать булавки с откованными и завернутыми в трубку головками, прототипы которых в Грузии были распространены на первом (раннем) этапе позднебронзовой эпохи, а также булавки с дисковидными навершиями, украшенными концентрическими кругами (рис. 1, *132*, *138*). Последние, как и первые, развиваются на основе местных, более ранних булавок, т. е. их прототипы мы находим в материалах не только раннего этапа, но также в комплексах эпохи средней бронзы. То же можно сказать о браслетах с рубчатым телом и со спиральными завитками (рис. 1, *102*, *103*, *136*, *137*). Они появились в процессе развития плоскопластинчатых или сделанных из треугольной или полусферической в сечении пластины с незамкнутыми концами, характерными для эпохи средней бронзы [69], иногда и для раннего этапа (XIV—XIII вв. до н. э.) позднебронзового периода.

Интересно отметить, что среди выделенных нами во второй этап позднебронзовой эпохи погребальных комплексов имеются материалы, близкие найденным в погребении 11 Бешташенского могильника. В частности, в комплексе погребения 190 (рис 1, *151—158*) найдена поясная пряжка с скульптурным изображением головы барана (рис. 1, *155*). Совершенно аналогичная пряжка имеется в отмеченном выше погребении в Бешташени. Нижним хронологическим пределом бешташенских погребений Б. А. Куфтин считал границу XII—XI вв. до н. э. [70] Таким образом, думается, что мы не ошибемся, отнеся комплекс погребения 190 к рубежу XI—X вв. до н. э. В том же погребении Бешташенского могильника имеется цельнолитой бронзовый кинжал, рукоять которого близка к рукояти бронзового кинжала комплекса погребения 146*а* (рис. 1, *159—161*). В своей хронологической таблице Р. М. Абрамишвили помещает бронзовый кинжал из Бешташени в рамках XIII—XII вв. до н. э. [71] Вместе с глийским кинжалом в комплексе имеется дугообразная фибула, относящаяся к концу XI в. до н. э., и поэтому комплекс в целом должен быть отнесен ко второй половине XI в. до н. э.

К самому концу X—IX в. до н. э. мы отнесли комплекс из погребения 51, в котором имеется бронзовый топор с полукруглым лезвием и скульптурно оформленным обухом. Обе стороны лопасти топора украшены изображением фантастического животного (рис. 1, *162*). Бронзовые топоры со скульптурным оформлением обуха не получили широкого распространения на Кавказе и в Закавказье. На Северном Кавказе подобный топор был найден в Галиатском могильнике Фаскау [72], он полностью воспроизводит форму глийского топора, с той лишь разницей, что лопасть галиатского топора украшена меандровым узором. Аналогичные бронзовые топоры известны из Переви (Западная Грузия) [73] и Цагвли (Хашурский краеведческий музей) [74]. Д. Л. Коридзе датирует их X—IX вв. до н. э. [75] Топор с таким же скульптурно оформленным обухом

---

[67] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры, стр. 75.
[68] Там же, стр. 78.
[69] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 68, рис. 70.
[70] Там же, стр. 71, рис. 71, *а*.
[71] Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике ВГМГ, XIX-A, XIX-B, Тбилиси, 1957, хронологическая таблица.
[72] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 87, рис. 3; его же. Древняя история Северного Кавказа, стр. 472. табл. 11; его же. О происхождении и датировке кобанской культуры, стр. 60, рис. 2, *1*.
[73] Д. Л. Коридзе. К истории колхской культуры. Тбилиси. 1965, стр. 34, рис. 26
[74] Д. Л. Коридзе. Колхидские топоры. «Сабчота хеловнеба», 1968, 10, стр. 76.
[75] Там же, стр. 118.

был найден в 1963 г. вместе с другими бронзовыми предметами в Чабарухи (хранится в Душетском краеведческом музее). А. Н. Каландадзе датирует его концом II — началом I тысячелетия до н. э.[76] С тлийским топором в комплексе имеются высокая поясная пряжка с изображениями оленя, маленькая шейная гривна из простой, круглой в сечении проволоки, дугообразная фибула с высокой дугой, бронзовая кружка с зооморфной ручкой и цельнолитой кинжал. В комплексе, как видно, нет еще железа, но несмотря на это комплекс в целом не уходит дальше второй половины X в. до н. э. Эту датировку подтверждают и приведенные выше аналогии. Исходя из изложенного, второй этап хронологической шкалы позднебронзовой культуры можно определить второй половиной XII—X в. до н. э.

С рубежа II—I тысячелетий до н. э. древние племена Центрального Кавказа знакомятся с новым металлом — железом, сыгравшим, по выражению Ф. Энгельса, громадную «революционную роль в истории»[77] первобытного общества. Этот период мы начинаем с конца II тысячелетия до н. э., потому что именно с конца X в. до н. э. в материальной культуре племен Центрального Кавказа наряду с бронзовыми изделиями появляются более совершенные, более прочные железные предметы, хотя многие бронзовые изделия, входящие в состав комплексов XII—X вв. до н. э., встречаются и после X в. до н. э. Нужно подчеркнуть, что основные категории бронзовых предметов не позволяют провести какой-либо резкой хронологической границы между этими периодами. Одни и те же формы оружия и предметов украшения были характерны как для второго этапа эпохи поздней бронзы, так и для периода раннего железа. В этом последнем мы рассматриваем три тесно связанных между собой этапа. Первый этап — конец X—IX в. до н. э. Несмотря на появление железных изделий, на первом этапе бронза по-прежнему остается основным сырьем для изготовления оружия, орудий труда и основным материалом для изготовления домашней утвари и украшений.

В отличие от комплексов предшествующего этапа, в материалах конца X—IX в. до н. э. появляется новый тип бронзового топора с выпрямленным корпусом, покрытый менее сложной орнаментацией. В основном на топорах этого типа встречается узор в виде меандра, фантастического животного в сочетании с елочным орнаментом (рис. 2, *171*, *187*, *198*, *205*). Кроме того, в тех же комплексах появляются цельнолитые кинжалы с лезвием, посередине которого проходит сильно выступающее ребро (рис. 2, *176*), дужка простой одночленной фибулы становится граненой, на приемной части многих экземпляров — изображение фантастического животного (рис. 2, *172*, *177*, *193*, *204*). Любопытно, что многие комплексы вместо бронзовых кинжалов содержат уже железные, имеющие прототипы в более ранних памятниках (рис. 2, *180*, *207*, *215*).

В мужских погребениях по-прежнему продолжают встречаться миски из листовой бронзы (рис. 2, *181, 196, 200*), пряжки, а в погребении 165 на руках юноши были надеты проволочные браслеты с заходящими друг за другом концами. Кроме того, в некоторых детских погребениях появляются шейные гривны из бронзового прута с завернутыми в петельки концами. Характерной особенностью комплексов этого периода можно считать появление в них богато орнаментированных поясов из листовой бронзы (погребения 74, 76)[78].

---

[76] А. Н. Каландадзе. Чабарухский и Пасанаурский клады. Первая научная сессия Душетского краеведческого музея. План работы и тезисы докладов. Тбилиси. 1965, стр. 18.

[77] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, М., 1961, стр. 163.

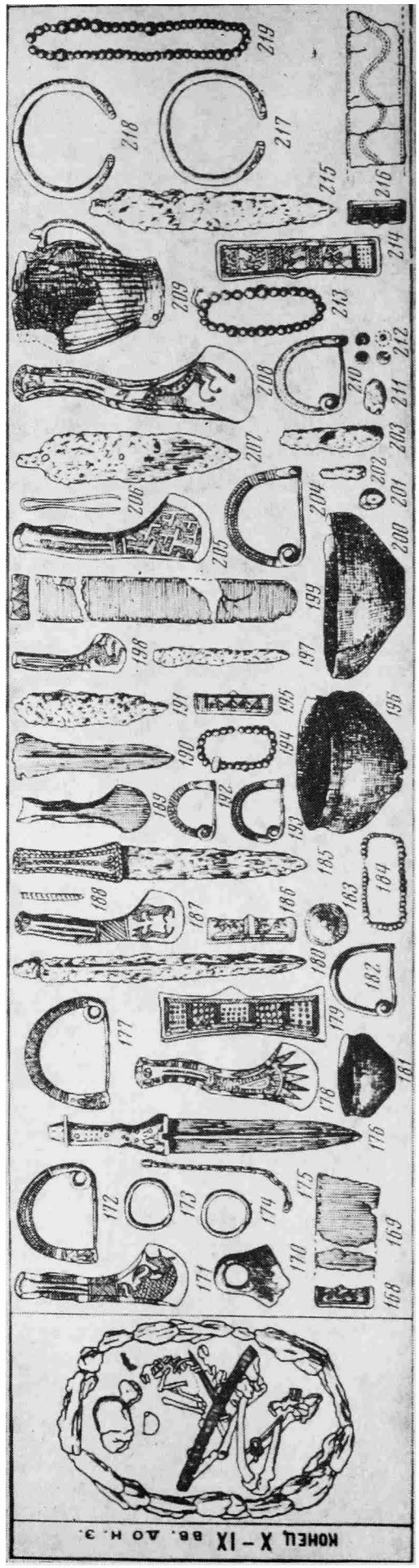
[78] Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. СА, 1963, 1, стр. 173; его же. Бронзовые пояса Центрального Кавказа. Изв. ЮОНИИ, XIII, 1964, стр. 284—293.

Количество железных изделий в них постепенно возрастает, и к VIII в. до н. э. наряду с бронзовыми топорами с прямым корпусом все чаще и чаще появляется колхидский топор с клиновидным обухом и полукруглым лезвием. Наличие этого топора особенно заметно в комплексах VIII—VII вв. до н. э. Так же как и топоры с прямым корпусом, колхидские топоры на лезвийной части имеют орнамент либо в виде фантастического животного и меандра, либо геометрического узора. В целом же колхидские топоры рассматриваемого могильника орнаментированы беднее, некоторые экземпляры совершенно без орнамента (рис. 2, *189*).

В женских погребениях первого этапа раннего железа по-прежнему часты предметы украшения: браслеты, привески, бусы, и что самое главное, на ногах погребенных всегда надеты ножные кольца, разомкнутые концы этих колец уже покрываются узором в виде точек и треугольников, чего нет на кольцах предшествующего периода (рис. 2, *217*, *218*). В этих же комплексах продолжают встречаться и бронзовые топоры с изогнутым дважды в противоположные стороны корпусом (рис. 2, *178*, *208*), кру́жки с зооморфными ручками и кольцевыми поддонами (рис. 2, *209*). Эти сосуды доживают до конца VI в. до н. э.

Погребальный обряд этого этапа почти ничем не отличается от обряда XII—X вв. до н. э. На этом этапе развития культуры раннего железа получают распространение погребения типа каменных ящиков, в то время как среди вскрытых погребений предшествующей эпохи было больше погребений, обложенных булыжником.

Второй этап эпохи раннего железа мы помещаем в рамках VIII — первой половины VII в. до н. э. и называем его кобано-скифским периодом, так как с конца VIII в. до н. э. в комплексах четвертого периода появляются железные изделия, формы которых очень близки образцам скифской культуры. В VIII в. до н. э. традиции бронзовой культуры племен Центрального Кавказа все еще продолжаются. В комплексах встречаются бронзовые топоры как с прямым кор-



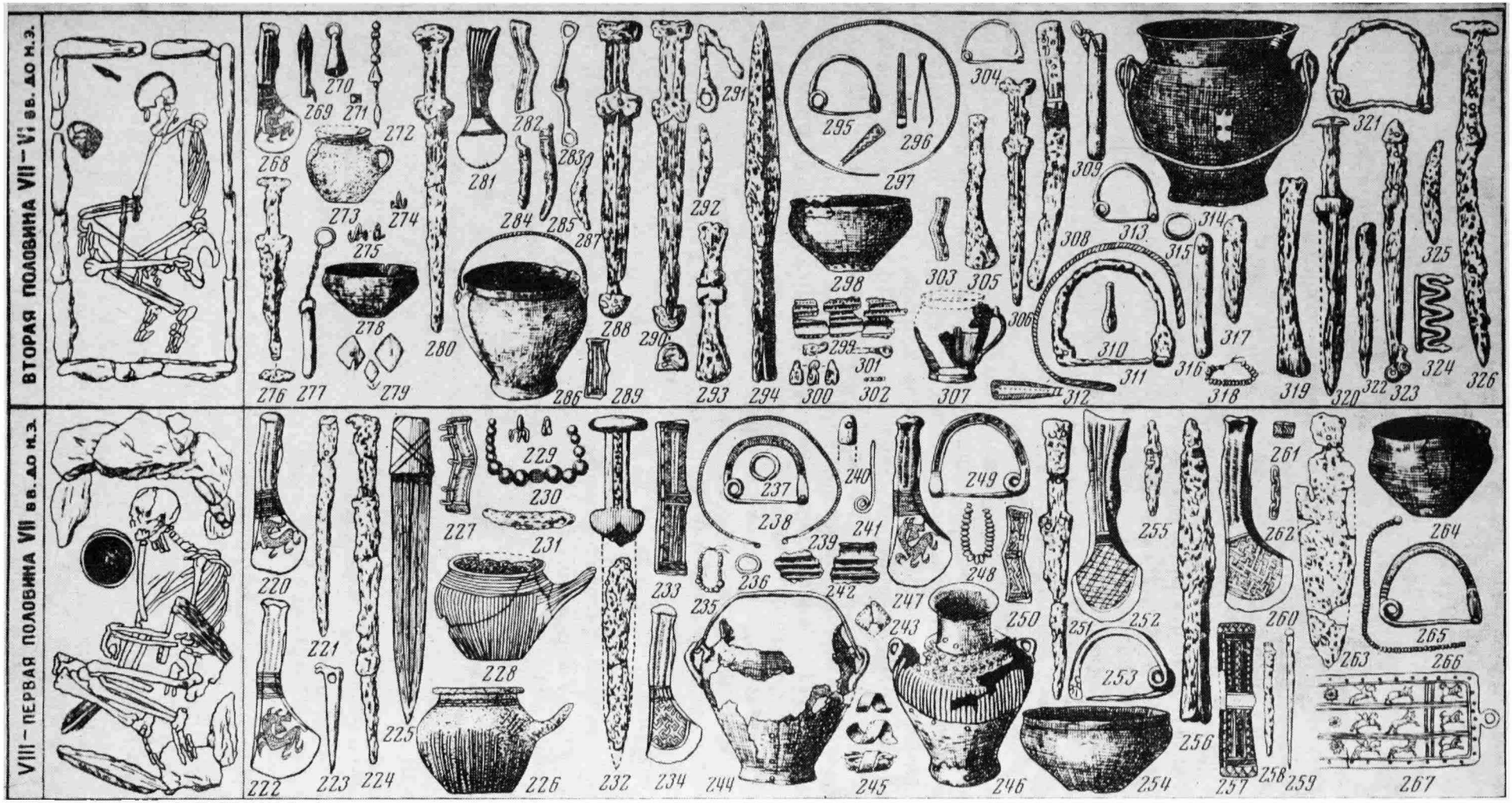


Рис. 2. Комплексы из погребений

168 — 176 — 165; *177 — 181* — 87; *182 — 188* — 109; *189 — 196* — 114; *197 — 199* — 131; *200 — 207* — 30; *208 — 215* — 233; *216 — 219* — 141; *220 — 221* — 127; *222 — 227* — 121; *228 — 230* — 124; *231 — 245* — 85; *246 — 251* — 49; *252 — 256* — 188, *2 57 — 267* — 40; *268 — 279* — 129; *280 — 286* — 68; *287 — 289* — 164; *290 — 302* — 216; *303 — 307* — 139; *308 — 312* — 90; *313 — 320* — 205; *321 — 323* — 246; *324 — 326* — 103

пусом, так и с клиновидным обухом и полукруглым лезвием, пряжки, дугообразные фибулы, миски и т. д.

Состав комплексов мужских погребений такой же, как и в X—IX вв. до н. э., но железо встречается чаще[79]. Кроме того, наряду с прямыми, высокими пластинчатыми пряжками появляются изогнутые их формы — конечный этап развития типичной формы кобанских пряжек[80]. Характерной особенностью мужских погребений становится наличие в комплексах бронзового сосуда с двумя ушками, соединенными проволочной ручкой. Особенно характерны подобные сосуды для комплексов VII—VI вв. до н. э.

Уже с конца VIII в. до н. э. появляются железные кинжалы-акинаки с бронзовой ручкой, разделенной на три части так, что по краям образуются рельефные бортики, а прорез рукоятки заполнен плоским стержнем железного клинка. Ручки акинаков кончаются брусковидным навершием. Бабочковидное перекрестье тоже из бронзы. Сочетание бронзовой рукоятки и железного клинка характерно для предскифской эпохи Кавказа[81] и Приднепровья[82]. Подобные мечи засвидетельствованы в находках на территории древней Сарматии[83], Северного Причерноморья[84], на Северном Кавказе (Мугеранское, Каменно-Мостское, Березовский могильники, а также на Баксане, Баскеме, Кольцо-горе)[85] с той только разницей, что большинство северокавказских кинжалов рассматриваемого типа имеет грибовидное навершие и лишено перекрестья. Железные кинжалы с бронзовой рукоятью в тлийских комплексах появляются в IX в. до н. э. Что касается рассматриваемого акинака, то он, по всей вероятности, относится к концу VIII в. до н. э. К этому же периоду следует отнести рукоятки таких же акинаков из Кумбулты.

С середины VII в. до н. э. одновременно с бронзовыми топорами (как с прямым корпусом и полуовальной лопастью, так и с клиновидным обухом и полукруглым лезвием) в широкое употребление входят железные топоры, обнаруживающие сходство и находящиеся в генетической связи с бронзовыми топорами как в VII в. до н. э., так и предшествующего периода. Они отковывались по образцам бронзовых топоров, сосуществование которых прослеживается до VI в. до н. э.

Для мужских погребений второго этапа эпохи раннего железа обязательным предметом становится шейная гривна из витой бронзовой проволоки с завернутыми в петельку концами. Более поздние экземпляры (гривны конца VII—VI в. до н. э.) имеют расплющенные, частично орнаментированные концы. По-прежнему бронзовая фибула продолжает встречаться в комплексах мужских погребений. Приемная часть фибулы в VIII—VII вв. до н. э. еще не так сильно расширена, но к концу VI—V в. до н. э. она заметно расширяется. Кроме того, на концах дужки появляются кольцеобразные выступы.

Среди бронзовой посуды этого этапа выделяются две изящные вазы, склепанные из нескольких листов, изготовленные с большим художественным мастерством. На корпусах ваз имеются не только горизонтальные, но также и вертикальные швы, скрепленные заклепками. Снабжены эти вазы маленькими боковыми ушками, имеющими петлевидную форму, соединенными проволочной ручкой. Одна из них (погр. 41) бога-

---

[79] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА, М., 1954, стр. 129, 130.

[80] О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 85.

[81] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. XCV, *3*, *4*.

[82] А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в среднем Поднепровье (Чернолесский этап). ВССА, стр. 104.

[83] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 161, стр. 10, 11.

[84] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ. Д 1—4, М., 1964, стр. 47.

[85] М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 30; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, табл. XII, *1*.

то украшена между горлом и маленькими ушками. Узор представляет собой сложную прочеканку, состоящую из чередующихся поясков, заполненных ломаными линиями, треугольниками, свастическими знаками и т. д. Кроме того, все это пространство заполнено мелкими точками.

Вторая ваза более изящна. Она принадлежит к комплексу погребения 49 и отличается от первой отсутствием проволочной ручки, орнаментом и некоторыми деталями формы. Верхняя часть корпуса украшена четырьмя узкими поясами, заполненными ромбиками, вычеканенными изнутри. Первый и третий ряд наклонены вправо, второй и четвертый — влево (рис. 2, *246*). Подобный орнамент встречен и на некоторых поясах из листовой бронзы. Точно таким же узором украшены бронзовая кружка клада из с. Лухвано, датируемого IX—VIII вв. до н. э.[86], и бронзовая обивка щита из Эшкаконского могильника[87], относящаяся к VIII в. до н. э. Отдельные детали подобной орнаментации повторяются также на бронзовых нагрудниках и щите, найденных на северо-западном склоне горы Бештау в 1951 г.[88] и в погребении 1 могильника Султан-гора около Кисловодска[89]. Рассматриваемые вазы и сопутствующие им предметы датируются нами VIII — первой половиной VII в. до н. э. С обеими вазами найдены пряжки изогнутой формы, которые появляются в материальной культуре племен Центрального Кавказа с VIII и бытуют до конца VI в. до н. э.

В погребальном обряде и устройстве могильных сооружений этого этапа каких-либо изменений не прослеживается. В пользу определения части погребальных комплексов VIII—VII вв. до н. э. свидетельствуют в первую очередь урартские изделия. Так, погребение 40 содержало пояс из листовой бронзы, поверхность которого состоит из трех горизонтальных рядов, разделенных парными выпуклыми линиями. По всему поясу в этих трех рядах помещены разные фигуры, устремленные в движение вправо[90] (рис. 2, *267*). Все имеющиеся на поясе изображения являются калькой подобных же фигур на бронзовых изделиях урартских царей Русы, Аргишти, Сардури, которые, как повествуют урартские клинообразные надписи, царствовали в VIII в. до н. э.[91] Следовательно, находки в двух погребениях Тлийского могильника урартских поясов еще больше укрепляют предложенную нами датировку комплексов второго этапа раннего железа. По мнению Е. И. Крупнова, с VIII—VII вв. до н. э. большая часть оружия изготовляется уже из железа (ножи, кинжалы, наконечники копий). Частыми находками становятся бронзовые, железные и костяные наконечники стрел так называемого скифского типа. Появляются железные кинжалы с перекрестьем (акинаки) и становятся еще более разнообразными принадлежности конской узды, выполненные в скифском стиле[92].

Третий этап эпохи раннего железа охватывает период, когда в культуре племен Центрального Кавказа «скифские» формы получают массовое распространение. Поэтому он условно может быть назван скифским периодом. С этого времени, как установлено исследователями, кобанская культура продолжает уже развиваться далеко не во всех своих старых традиционных формах[93]. Кроме того, на этом этапе развития культуры древних племен бронза уже не могла соперничать с железом и поэтому была вытеснена последним так же, как в свое время сама вытеснила медь

---

[86] А. А. Иессен. Клад из селения Лухвано в Грузии. СГЭ, XXVII, Л., 1962, стр. 45.

[87] Обивка щита вместе с другими вещами хранится в Пятигорском краеведческом музее.

[88] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э..., стр. 124.

[89] Коллекции Кисловодского народного музея краеведения.

[90] Б. В. Техов. Об одном погребальном комплексе из с. Тли. СА, 1961, 4, стр. 131.

[91] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 65—80.

[92] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 176.

[93] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры, стр. 81

из употребления. Для этого этапа характерными предметами становятся кривые железные ножи, часть которых имеет костяные ручки, украшенные циркульным узором. Кроме того, в некоторых комплексах появляются бронзовые наконечники стрел с боковым шипом и маленькие бронзовые колокольчики (рис. 2, *269, 270*). Среди бронзовых мисок этого периода имеются экземпляры с вертикальным рифлением или же украшенные как вертикальными, так и горизонтальными пуансонными линиями. Все чаще встречаются маленькие бронзовые ведерки. Найдены железные акинаки с брусковидным навершием и почковидным или сердцевидным перекрестьем (рис. 2, *280, 288, 290*). Появляются акинаки с когтевидным или антенным навершием (рис. 2, *306*). В двух случаях ножны, в которые были вложены акинаки, оказались с бронзовым и костяным наконечниками, украшенными изображением свернувшегося в кольцо животного (пантера) (рис. 2, *288, 290*), а в одном случае ножны железного кинжала оканчивались костяным наконечником, изображающим голову грифона (рис. 2, *323*).

Комплексы, содержащие железные акинаки, обязательно содержали маленькие железные ножи с утолщенными спинками чуть изогнутой формы (рис. 2, *287, 292, 325*). Они во всех случаях лежали под кинжалами-акинаками и могли быть подкинжальными ножами. Носились они в специальных ножнах-карманчиках, которые прикреплялись к оборотной стороне деревянных, покрытых кожей ножен кинжалов-акинаков. Ношение подобных маленьких ножей под кинжалом или акинаком было необходимо, так как они были нужны в повседневной жизни (для тех функций, которые они выполняли, массивные кинжалы непригодны). У кавказских горцев, в частности осетин, кинжалы с подобными ножами бытовали до XX в. Железные топоры-секиры (рис. 2, *293, 305, 319*) в комплексах третьего этапа эпохи раннего железа становятся весьма разнообразными, но несмотря на это бронзовые топоры с прямым корпусом, а также с полукруглым лезвием и клиновидным обухом по-прежнему продолжают существовать (рис. 2, *268, 281*).

В материалах этого времени наличествуют бронзовые и железные удила и роговые трехдырчатые псалии (рис. 2, *283—285, 291*). Среди упрощенных поясных пряжек появляются экземпляры в виде извивающихся змей, хвосты которых соединены на лицевой стороне крюка (рис. 2, *324*). Пряжка этого типа помимо Тлийского могильника известна из погребения 3 могильника у с. Ожора, датируемого первой половиной VI в. до н. э. [94] Аналогичные пряжки известны из северокавказских могильников Рутха и Кумбулта [95]. Две подобные пряжки опубликованы Е. И. Крупновым из с. Верхняя Рутха [96] и, должно быть, датируются VI в. до н. э.

В мужских погребениях наряду с бронзовыми фибулами часты находки железных, причем последние более массивны и значительно расширены в приемной части. Несмотря на это они полностью воспроизводят форму бронзовых фибул (рис. 2, *311, 321*). В комплексах третьего этапа характерным предметом становится также бронзовая витая или ложновитая шейная гривна с расплющенными орнаментированными концами. Последние часто снабжены сквозными отверстиями для завязывания (рис. 2, *297, 312*). В некоторых мужских погребениях найдены маленькие бронзовые или железные пинцеты и оселки, просверленные на одном конце и снабженные бронзовыми цепочками (рис. 2, *296, 309, 310, 316*). Следует отметить, что бронзовые пинцеты появляются еще в комплексах второго этапа эпохи поздней бронзы и к IV в. до н. э. претерпевают значительные изме-

---

[94] О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Ожора. Тр. ТГУ, 65, 1957, стр. 201.

[95] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. CVI.; *14*, табл. XXXVIII, *1, 2*.

[96] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, табл. XLVIII, *1, 2*.

нения как по размеру, так и по орнаментальным мотивам, а оселки остаются без изменения.

В комплексах третьего этапа имеются железные наконечники копий с узким листовидным пером, бронзовые и железные подтоки копий (рис. 2, *294*, *322*). Все подтоки конической формы кованы из одного листа. Железные подтоки по длине и диаметру отличаются от бронзовых. Представляя собой второстепенную часть копья, не имевшую серьезного значения в действии, подтоки в течение всей скифской эпохи остаются неизменными [97]. Многие железные предметы из выделенных нами для третьего этапа комплексов хорошо датируются второй половиной VII—VI в. до н. э. Можно привести им многочисленные аналогии из Мцхетского могильника, из Северного Кавказа, Северо-Восточного Причерноморья, из Подонья и Поднепровья, но этот период настолько хорошо датирован памятниками материальной культуры VII—VI вв. до н. э. и письменными источниками, что нет необходимости перегружать данную статью обширными аналогиями.

На основании всего нами рассмотренного можно прийти к следующим выводам.

В историческом развитии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа можно наметить два взаимно связанных периода — период поздней бронзы с двумя и период раннего железа с тремя этапами.

Первый период —XIV— первая половина XII в. до н. э.— первый ранний этап эпохи поздней бронзы Центрального Кавказа, когда формируются исходные формы и прототипы бронзовых изделий последующего, второго этапа. Для раннего этапа позднебронзовой культуры Центрального Кавказа характерными предметами являются плоские кинжальные клинки, булавы шаровидные, грушевидные и с выпуклинами вокруг корпуса, наконечники копий с раскрытой трубкой, разнообразные бронзовые булавки и другие предметы украшения, в частности орнаментированные налобные повязки из листовой бронзы и др.

Второй этап — вторую половину XII—X в. до н. э.— можно назвать классическим периодом эпохи поздней бронзы Центрального Кавказа. Это время возникновения самых характерных бронзовых изделий этой культуры: изящных бронзовых топоров с изогнутыми дважды корпусом, дугообразных фибул с узким приемником, пластинчатых браслетов с граненой наружной поверхностью и спиральными концами, пластинчатых поясных пряжек, привесок в виде бараньей головы, предметов малого искусства, в которых проявились художественное мышление и религиозные представления оставившего их населения, и т. д. Из предметов вооружения для этого этапа самыми характерными являются кинжальный клинок с зауженной серединой лезвия и широкой продольной полосой, цельнолитые кинжалы с массивной ручкой и лезвием, посредине которого проходит сильно выступающее ребро, и т. д. Многообразие бронзового инвентаря этого этапа говорит о том, что металлообрабатывающее ремесло у племен Центрального Кавказа переросло рамки домашнего и выделилось в особое производство. Этот процесс должен был наблюдаться на Кавказе и раньше.

Первый этап эпохи раннего железа — конец X—IX в. до н. э. характеризуется продолжением традиций предшествующего времени позднебронзовой культуры Центрального Кавказа и появлением нового металла — железа. У племен Центрального Кавказа первые железные изделия появляются с конца X в. до н. э., но освоение этого нового металла происходило более медленными темпами, чем в некоторых районах Закавказья. Поэтому отдельные исследователи пришли к заключению, что в

---

[97] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 45.

районах Кавказского хребта во второй половине VII—VI в. до н. э. происходит сравнительно быстрый переход к широкому его производству [98].

Судя по тлийским комплексам, в течение конца X—VIII в. до н. э. племена Центрального Кавказа полностью освоили технологию обработки железа, и с конца VIII в. до н. э. происходит широкое его освоение. Этот процесс длился около двух столетий, т. е. был достаточно длительным. Нужно было выработать определенные навыки производства оружия из нового металла, ознакомиться со свойствами железа и т. д. Таким образом, освоение железа в горных районах Кавказского хребта происходило так же постепенно, как и в соседних с ним областях.

Второй этап эпохи раннего железа — VIII — первая половина VII в. до н. э.— характеризуется расширением изготовления железных предметов, появлением новых форм оружия, орудий и изобразительных мотивов. С этого периода культура племен Центрального Кавказа приобретает смешанный характер [99]. Появляются новые формы в материальной культуре, новые типы могильных сооружений (погребения в курганах Северного Кавказа) и новые черты погребального обряда (вытянутые погребения) [100]. В самом Тлийском могильнике таких существенных изменений в этот период не наблюдается.

Культура второго этапа эпохи раннего железа, несмотря на некоторые новые элементы, по своему существу представляется местным явлением. Она генетически связана с культурой X—IX вв. до н. э., так же как и культура X—IX вв. до н. э.— с культурой предшествующей эпохи. По тлийским комплексам эта связь прослеживается достаточно отчетливо.

Третий этап — вторая половина VII—VI в. до н. э.— характеризуется широким освоением железа, заметным увеличением числа предметов вооружения из железа. Несмотря на это бронзовые предметы по-прежнему продолжают встречаться. Этот период настолько переплетен с предшествующим, что даже трудно размежевать их. Правда, в комплексах третьего этапа появляются новые формы железных предметов. Следует заметить, что кое-какие новые детали прослеживаются и в устройстве погребальных сооружений. В погребениях типа каменного ящика появились сосновые или дубовые доски, составлявшие стенки погребения. В отдельных случаях остатки подобных досок были выявлены и на полу могил. Выясняется, таким образом, что во второй половине VII—VI в. до н. э. в некоторых районах Центрального Кавказа стали застилать дно могилы и обкладывать погребенного не только камнями, но и деревянными досками. Выясняется также, что в материальной культуре племен Центрального Кавказа на третьем этапе происходят значительные изменения. Это было обусловлено не сменами этнического состава населения и не привнесением новой культуры со стороны, а общим ростом производственных сил — сменой бронзы железом, дальнейшим ростом культурных и хозяйственных связей с племенами соседних районов и областей и в первую очередь с племенами Закавказья и Передней Азии.

Возможно, что в VII—VI вв. до н. э. в рассматриваемом районе пребывала небольшая группа скифов из числа тех, которые совершали военные походы в Переднюю Азию через перевальные пути Центрального Кавказа. Имеющиеся в тлийских комплексах материалы могут служить реальным основанием для постановки такого вопроса. Затронутый вопрос может служить предметом специального исследования, и поэтому, оставляя его в стороне, отмечаем, что позднебронзовая культура Центрального

[98] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 52; О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа и скифский период, стр. 101; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 96.

[99] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры, стр. 81—82; его же. Древняя история Северного Кавказа, стр. 385.

[100] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры, стр. 81—82; его же. Древняя история Северного Кавказа, стр. 385.

Кавказа начала формироваться с XIV в. до н. э. Истоки ее прослеживаются в предшествующей ей культуре эпохи средней бронзы [101]. К концу II тысячелетия до н. э. начинается постепенный переход от бронзы к железу.

С середины I тысячелетия до н. э., как это правильно подметила Е. П. Алексеева, начинается позднекобанский период, когда племена Центрального Кавказа постепенно переходят на новый, «сарматский» этап развития и кобанская культура утрачивает свое своеобразие, подвергаясь воздействию культур соседних районов [102]. Таковы вкратце наши соображения о хронологии культуры Центрального Кавказа эпохи поздней бронзы и раннего железа.

B. V. Tékhov

LA NÉCROPOLE DE TLI ET LE PROBLÈME DE LA CHRONOLOGIE DE LA CULTURE DU BRONZE TARDIF ET DU FER ANCIEN DU CAUCASE CENTRAL.

Résumé

L'étude est consacrée à l'analyse de nombreux matériaux attribuables à la culture de Koban, provenant du cimitière à proximité du village de Tli (l'Ossétie du sud). L'auteur dégage 5 groupes chronologiques de sépultures: 1) le XIVe siècle — 1ére moitié du XIIe siècle avant notre ère; 2) la II-me moitiéles XII-Xes siècles avant notre ère; 3) la fin du X — IXes siècles avant notre ère; 4) le VIII-e — la 1ère moitié du VIIes siècles avant notre ère; 5) la IIe moitié du VII—VIes siècles avant notre ère.

Dans son article l'auteur tient à ressortir le caractère d'unité propre à la culture de tout le Caucase, signalé au cours de 1000 ans. Sont étudiées en détail les particularités de la rite funéraire et du mobilier des tombeaux (armes, objets de travail, parures). Selon l'auteur, les sources de la culture de Koban se font percevoir dans la culture de l'âge du bronze moyen qui la précédait. A partir de la fin du X—IXes siècles avant notre ère les tribus du Caucase Central apprirent à traiter le fer. Il est à noter que là la fonderie du bronze était toujours de haute maîtrise. L'auteur est d'avis qu'à l'époque sarmate la culture de Koban perd son caractère original.

---

[101] Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке..., стр. 78; его же. Раннежелезный век Северного Кавказа. Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР, XIV, сер. истор., Махачкала, 1965, стр. 332; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960, стр. 128, 129.

[102] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа, стр. 192, 241.

А. А. МАРТИРОСЯН

К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ГОРОДА АРГИШТИХИНИЛИ

На общем фоне значительных достижений урартоведения особенно резко выступает необходимость разработки целого ряда кардинальных вопросов, касающихся внутреннего социально-экономического устройства урартского города — центра сосредоточения и неразрывного взаимодействия основополагающих базисных факторов, колыбели создания военно-политической мощи Урарту и культурного прогресса не только самих урартов, но и сопредельных народов. Без выяснения этих вопросов трудно представить колоссальный военно-политический взлет этого большого государства Древнего Востока на протяжении веков.

Одним из крупнейших центров урартского владычества являлся город Аргиштихинили, десятилетнее исследование (1962—1971) которого дает некоторые предварительные данные для интерпретации поставленных выше вопросов. К числу этих данных относятся прежде всего сведения клинописных источников о роли этого города, сведения о его настоящих размерах, топографии и планово-структурной его схеме.

Специалисты давно обратили внимание на ту лаконичную строку Хорхорской летописи царя Аргишти I (786—764), в которой говорится о постройке города Аргиштихинили (776 г. до н. э.), о проводке канала для города и страны Аза, а также о крупной военной победе, одержанной над страной Мана [1] — значительным государственным образованием на стыке Ассирии и Ванского царства. Логическая последовательность текста вынуждает признать, что Аргишти, сын Менуа, ставит знак равенства между двумя хронологически совпавшими крупными событиями военно-политического и исторического характера.

Находки клинообразных надписей на территории Аргиштихинили и в его ближайшей окружности еще более подчеркивают историческую его роль и раскрывают суть скупой строки летописи. Судя по фрагментам (17 шт.), известные сейчас, клинообразные надписи, украшавшие некогда чудесные сооружения города, были высечены приблизительно на 50 базальтовых блоках. Вероятно, такое же (если не бóльшее) количество эпиграфических памятников остается пока невыявленным. Но и имеющиеся источники характеризуют город Аргиштихинили как средоточие хозяйственной, политической, культурной, религиозной жизни Азайской страны, охватывавшей большую и лучшую часть плодородной долины Аракса. Сам же город Аргиштихинили занимал ключевую позицию в этой долине. Через него шли удобные пути для проникновения в окружающие горные районы, и в то же время город находился в окаймлении рек Аракс (с юга), Ахурьян (с запада) и Мецамор (с севера), служившими естественными преградами при обороне всей округи, а также мощными водными магистралями для орошения города. Ограниченная реками территория покрыта многочисленными холмами, прорвавшимися в отдаленнейшие времена

[1] УКН. М., 1960, стр. 127, IV, 67 — V.

вулканическими конусами красного шлака, туфа и базальта. Наиболее значительные из них тянутся вдоль течения р. Аракс с запада на восток в пределах селений Нор-Армавир, Бамбакашат, Малый и Большой Налбандян, Джрарат, Айкаван и Армавир; к северу — 5 *км* от Аракса; общая протяженность 4—4,5 *км*.

Видный русский востоковед М. В. Никольский заметил в свое время, что один из этих холмов (армавирский) «находится в центре Араратской долины, господствует над нею, виден с самых окраин этой большой равнины, и даже с правого берега Аракса, и что такое положение холма и располагает думать, что в древности здесь мог быть важный политический и культурный центр...» [2].

Археолого-разведочные работы по составлению ситуационно-топографической карты города, производимые Нор-Армавирской экспедицией, установили, что Аргиштихинили располагался не только на упоминаемом М. В. Никольским высоком армавирском холме, но и на всех других шести холмах с подножьями на равнине, занимая продолговатый четырехугольник пятикилометровой длины с шириной 1—1,5 *км* и общей площадью около 800—1000 *га*[3]. На всей этой территории выявлены руины самых разнообразных жилых, хозяйственных, производственных, общественных и религиозных сооружений, образующих довольно густые скопления строений, представлявших кварталы древнего города. Наблюдаемые на этой территории пустыри были зафиксированы главным образом на тех участках, где конфигурация базальтовых выступов не представляла никаких возможностей для строительных работ. В ходе работы над топографической картой выяснилось также, что на площади примерно 1000 *га* располагались лишь застроенные участки города, тогда как значительные земельные угодья окружали этот большой город могучим зеленым кольцом огородов, садов, виноградников и посевов, что столь красноречиво засвидетельствовано клинообразными надписями и базировалось на мощной ирригационной сети. Археологические разведочные и топографические изыскания, направленные на выявление упоминаемых в надписях каналов, пока несомненно показывают наличие пяти больших каналов, берущих начало исключительно с Аракса. Наиболее мощный из них, крупный и длинный, начинался у Каракалы. Он засвидетельствован надписью и древним руслом, тянувшимся параллельно новому с юго-запада на северо-восток не менее чем на 20 *км* в направлении с. Октемберян и к западу от западной окраины Аргиштихинили на расстояние 1,5—2 *км*. От этого главного канала Азайской страны брали начало еще два канала, проложенные в западном и восточном направлениях по обеим сторонам водоразделах холмов и по соответствующим окраинам Аргиштихинили; общая протяженность их около 9 *км*. Эти два канала не доходили до крайних восточных земель Аргиштихинили из-за повышения рельефа в этой части. Два остальных канала, предназначенных для нужд восточной части и района большого армавирского холма, были снова связаны с Араксом, который сильно приближался здесь к древнему городу. На этом участке наряду со старицами этой могучей реки наблюдаются также многие русла каналов, некоторые из которых могут быть отнесены к периоду от III до I тысячелетия до н. э.

Имея в виду мощности известных урартских и современных каналов, пролегающих в тех же направлениях, и возможности основной магистрали, можно утверждать, что разветвленная и сильная для тех времен ирригационная сеть охватывала площадь, минимально в несколько раз превышающую ареал застроенной части города. Таким образом, Аргиштихинили имел черту, обозначающую территорию городских кварталов

---

[2] М. В. Никольский. Клинообразные надписи Закавказья. МАК, V, М., 1896, стр. 39.

[3] По данным исследователей, примерно такую же площадь охватывал южношумерский город Лагаш.

(равную площади примерно в 1000 *га*), и черту хозяйств, занимавших не менее 10 тыс. *га*. В подобной топографической фиксации выступает важная особенность древневосточного, в частности урартского города, хозяйство которого базируется на орошаемом земледелии.

О богатых хозяйствах, окружавших урартские города, сохранились красноречивые сведения, в торжественной надписи Саргона II, захватившего город Улху [4], города области Сангибуту [5] и многие другие. Ярчайшим примером подобного устройства древневосточного города является Вавилон, описанный очевидцем Геродотом (I, 178). Согласно его сведениям, окружность города Вавилона равнялась 480 стадиям (85 *км*). По данным же другого «очевидца» — Колдевея, исследовавшего Вавилон, окружность этого города не превосходила 8 *км* [6]. Таким же образом по одним сведениям Ниневия занимала пространство в три дня пути (Иоанн, III, 2), а археологическими раскопками окружность ее площади определена примерно в 15 *км* [7]. Ясно, что и названные города подобно Аргиштихинили имеют по два обмера [8]. Очевидно, предельно выгодные топографические возможности местности не могли остаться незамеченными со стороны Аргишти I, превосходного стратега и градостроителя. Именно ключевая позиция города, рельеф, возможности орошения, могли придать ему главенствующую роль. Созданием этого города Аргишти, сын Менуа, окончательно закрепил за собой плодороднейшую часть равнины Аракса в среднем его течении. Подступы к этому крупному городу и всей его округе были защищены со стороны Арарата большим городом Менуахинили; со стороны оз. Севан и Гегамских гор — городами Шарниани, Дарани, Эребуни, Тейшебани; со стороны Арагаца — крепостями Арагаца, Шамирама, Талина и, наконец, ближайшими спутниками — крепостями Грампы, Цахкунка, Арагаца, Хербеклу, Бахчалара, Мецамора [9].

Названные выше города и крепости служили обороноспособности Араратской равнины с городом Аргиштихинили в центре точно так же, как на юге Армении вокруг Тушпы было построено множество мощных крепостей. Если топографическое рассмотрение Аргиштихинили дает довольно конкретное представление об общих масштабах этого крупного социального организма, то анализ его структурно-плановых и стратиграфических особенностей четко вырисовывает классовую его сущность и послойно-сословное сложное строение. Иначе говоря, общий градостроительный замысел и генеральная планировка города были приведены в соответствие с его социально-экономической структурой.

При первом же взгляде на Аргиштихинили бросаются в глаза громадные здания двух мощных крепостей, возвышающихся на наиболее высоких крайнем западном и восточном холмах, отстоящих на расстоянии 3400 *м*. Они выделяются собранными массивами своих архитектурных форм, изрезанностью линий, ступенчатостью, динамикой и, сильно контрастируя, доминируют над жилыми, в общем-то однообразными кварталами города, перекрытыми плоскими земляными крышами. Помимо этого общего градостроительного принципа, классовая структура города учитывается и при горизонтальной планировке. В ней четко выделяются внутренние и внешние части города, или, как принято в древневосточной архитектуре, «внутренний» и «внешний» города. На генеральном плане Аргиш-

---

[4] АВИИУ; Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 341.

[5] АВИИУ, 233; ВДИ, 1951, 2, стр. 328, 329; УКН стр. 339—342.

[6] R. Koldewey. The Excavations at Babilon. London, 1949, табл. I.

[7] Г. Х. Саркисян. Тигранакерт. М., 1960, стр. 62.

[8] Количество подобных примеров можно сильно увеличить за счет древнейших городов Южного Двуречья (см., например, И. М. Дьяконов. Шумер. М., 1959, стр. 269—271).

[9] Древневосточные письменные источники, в том числе и источники по Урарту, изобилуют сведениями о поселениях-спутниках, окружавших некогда большие городские центры Передней Азии. Судя по раскопкам Мецамора, такие спутники являлись поселками земледельцев, расположенными на берегу каналов или рек.

тихинили внутренний город примыкает к западной цитадели, сильно укреплен общей оградой (крупные фрагменты которой зафиксированы на юге и востоке города), а также мощными кладками, возведенными в седловинах и между большими частными особняками, стоящими впритык на краю высоких скал. Эта часть города занимала не менее 50—60 *га* площади. Кварталы же внешнего города располагались узкой каймой вдоль южной и северной ограды внутреннего города и двумя большими массивами у западных окраин двух крепостей. Подобная планировка большого города позволяет утверждать, что различные его части принадлежали разным категориям городского населения: наивысшему сословию, привилегированным слоям и менее привилегированным. Сходные градостроительные принципы наблюдаются не только на примере шумерских городов III—II тысячелетий до н. э. (Ур, Киш, Урук) [10], стольного города хеттов Хатушаша [11] и др., но и на примере самих урартских городов. В качестве таковых можно назвать городище Верхнего Анзафа, располагающее двумя крепостями, сильно укрепленным внутренним, открытым внешним городом [12] и маленькой крепостью нижнего Анзафа поблизости. Такому двучастному делению был подвергнут также город Тейшебаини, огражденные кварталы которого занимали не менее 60 *га* площади [13], а внешний город простирался далеко к западу еще на несколько сот гектаров. Количество подобных примеров по урартским городам можно умножить, однако исторически более интересно то обстоятельство, что эта характерная черта урартского градостроительства наблюдается в зачаточном виде в некоторых доурартских поселениях эпохи бронзы (например, Лчашен), служивших местопребыванием племенных вождей [14] или местных «царьков», упоминаемых в урартских клинообразных надписях.

При этом существенно отметить, что вполне определенная структура планировки Аргиштихинили являлась плодом единого замысла зодчих Аргишти I, так как именно в годы его правления были воздвигнуты обе крепости, внутренний город и внешние кварталы к западу от восточной крепости. В годы правления царя Сардури II, сына Аргишти, город сильно разросся, были почти вдвое расширены крепостные сооружения, сильно уплотнены бывшие городские кварталы, появились продолговатые южные кварталы вне городской ограды, а также наиболее западный квартал на месте бывшего могильника. Аргиштихинили застраивался все шире и шире также при преемниках Сардури II, составляя синтез городков, но сохраняя основные особенности структуры и первоначальное имя. Эти обычные черты древневосточного градостроительства практиковались на Востоке и в период эллинизма. Древняя Антиохия, например, состояла первоначально из одного лишь квартала («города»), построенного Селевком Никатором в честь своего отца. Затем в разное время (при Антиохе III, Антиохе IV), строились другие кварталы, и город превращается в Tetrapolis [15].

Еще одной характерной чертой древневосточного градостроительства, наблюдаемой при изучении истории Аргиштихинили, является наличие на его территории множества храмов. На священной горе древнего Армавира Аргишти I построил храмы для почитания богов, которым он был «обязан» столь блестящей своей карьерой. Сардури II перещеголял в этом деле

---

[10] Л. Вулли. Ур халдеев. М., 1960, стр. 180; S. Langdon. Excavations of Kish. v. I, Paris, 1923—1924, табл. XXXIII; V. Christian. Altertumskunde des Zweistromlande I, Lpz., 1940, стр. 185.

[11] K. Bittel, R. Naumann. Roğazköy-Hattuša. I, Stuttgart, 1952, рис. 382.

[12] C. Burney, G. Lawson. Measured Plans of Urartian Fortresses. AS, X, 1960. стр. 178—181.

[13] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур I. Ереван, 1950, рис. 1.

[14] А. А. Мартиросян. Поселения и могильники эпохи поздней бронзы. Археологические памятники Армении. 2. Ереван, 1969, стр. 14—16, 47, 48, рис. 5, 6.

[15] Г. Х. Саркисян. Ук. соч., стр. 60.

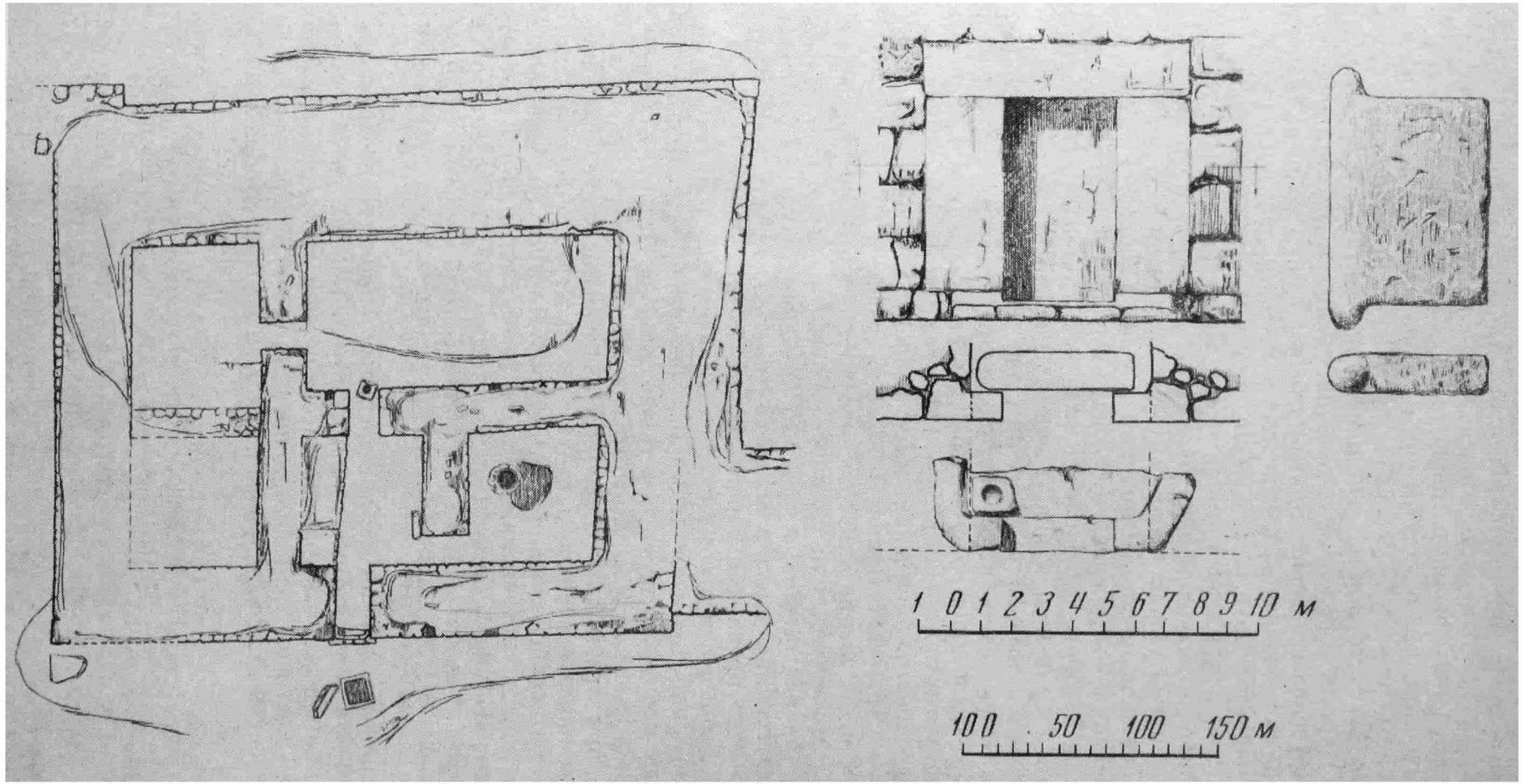


Рис. 1. Малый храм западной крепости
(обмеры и фотоснимки выполнены К. К. Кафадаряном)

своего отца, воздвигнув на том же большом холме два храмовых комплекса [16], два незначительных храма на холме св. Давида [17] и доведя количество храмов города до десяти. Наличие множества храмов не является исключением для Аргиштихинили, оно весьма характерно и для Тушпы, Тейшебаини, Эребуни и ряда других городов. Более интересно то обстоятельство, что при Сардури II большая часть храмов, посвященных разным богам, концентрируется на большом Армавирском холме, где создается нечто вроде священного города, характернейшей части всех древневосточных центров. Эта глубоко укоренившаяся урартская традиция проявляется в новой форме в эллинистической Армении. На том же Армавирском холме строятся святилища Солнца, Аполлона, Тира, Луны-Артемиды-Анаит и царских предков [18], возникают священные города в древнем Вагаршапате, в Ани, Даранали, Арташате и др. местах.

Сведения клинообразных надписей, топографические и структурно-плановые архитектурные особенности Аргиштихинили не оставляют сомнения, что Аргишти I вел строительство своего города по всем правилам древневосточного градостроительства, на основе развитой оросительной сети, с полным знанием военно-фортификационного дела, по весьма разработанным нормам архитектуры и строительного дела урартской культуры. Чтобы представить себе масштабы произведенных работ, достаточно упомянуть, что из камня, увезенного с развалин Аргиштихинили, построены были цокольные кладки глинобитных домов десяти окружающих сел, дворовые ограды, ворота Сардарабадской крепости Абас Кули хана, кладбище с. Армавир и многое другое. Следует также упомянуть, что для проводки основных пяти каналов Аргиштихинили (общая протяженность не менее 40 *км*, средняя глубина и ширина приблизительно 2 *м*) требовалось выкопать и отбросить 160 тыс. $м^3$ земли (без учета многочисленных арыков), а для постройки двух крепостей с общей площадью в 4 *га*, высотой базальтовых цоколей в среднем 3 *м* (при средней толщине их 2,5 *м*) и семиметровой высотой сырцовых стен (при средней толщине 2,5 *м*) требовалось 40500 $м^3$ базальта и 95500 $м^3$ строительной глины. Я уже не говорю о громадах жилых кварталов города, требовавших строительных материалов в десятки раз больше. Масштабы и сжатые сроки выполнения работ, известный нам по ассирийским рельефам низкий технический уровень того периода, четкие сведения о военной и внутренней политике царства демонстрируют великую силу централизованной власти при организации публичных работ путем использования рабочей силы местного азайского населения и подневольного труда великого множества рабов, доставляемых практически в неисчерпаемых количествах успешными походами Аргишти I и Сардури II в определенные периоды их правления.

Как известно, Аргишти I для построения города Эребуни пригнал из стран Хате и Цупани 6600 военнопленных-рабов (УКН, 138, 127 II). В годы, предшествующие построению Аргиштихинили и в пору его усиленного строительства (781—778, 776 и 774 гг. до н. э.) Аргишти I вел ожесточенные бои в северных провинциях Ассирии. Салманасар IV с трудом отбивал натиск урартов и в конце концов потерпел жестокое поражение [19]. Весьма вероятно, что угнанное из этих провинций население и военнопленные были использованы при строительстве Аргиштихинили.

По следам отца шел и Сардури, второй строитель Аргиштихинили, успешные походы которого в переднеазиатские страны и районы Армянского нагорья совпадают по времени с его строительной деятельностью в Аргиштихинили. В Сардуровской летописи Ванской скалы имеются сведения о том, что за один год походов Сардури угнал из трех стран всего

---

[16] Н. В. Арутюнян. Новые урартские надписи. Ереван, 1966, стр. 65—74.

[17] Н. В. Арутюнян. Новая урартская надпись на Давти-Блуре. ВДИ, 1, 1966, стр. 104.

[18] Г. Х. Саркисян. Ук. соч., стр. 37.

[19] Н. В. Арутюнян. Биайнили. Ереван, 1970, стр. 215—237.

12 735 отроков, 46 600 женщин и 120 000 воинов. При этом, перечисляя угнанное из Бабилу население и скот, Сардури II добавляет: «Все это досталось царю, но что воины забрали, забрали они отдельно, когда завоеванную страну я покидал» (УКН, 155 А).

Любопытно, что именно в Армавирской пространной надписи этого царя упоминаются ассирийские боги; появление их имен может быть связано лишь с наличием большого массива переднеазиатского населения в годы могущества Ванского царства [20]. Очевидно, значительную часть угнанного населения направляли в эти годы в город Аргиштихинили. Здесь Сардури использовал эту силу в трех камнеломнях города, в транспортировке камня, глины, лесоматериалов, при сооружении каналов и дамб, а затем в сельскохозяйственных работах на обширных царских плантациях. Как показал И. М. Дьяконов, эта, довольно многочисленная и совершенно бесправная категория населения урартских городов порабощалась. Вероятно, к ней относятся термины «раб» ^{Lú}ERE и «пленные» — L[Ú(?)] — ú — tu — he, зафиксированные в письмах урартских должностных лиц [21], сохранившихся в Тейшебаини. Вероятно, что трудноуловимые археологические следы: ^{Lú}ERE — ов и LÚ-Ú-tú-he-ов зафиксированы в Аргиштихинили. В одном случае это колоссальный могильник времен Аргишти I, занимавший площадь 1 × 1,5 *км* к северо-западу от западной крепости, превращенный впоследствии (вероятно, при Сардури II) в обширный квартал внешнего города. Могильник этот наиболее невзрачный и бедный среди всех известных, не имеет никаких внешних признаков, состоит из закопанных в землю обычных урн-карасов, употреблявшихся для хозяйственных нужд. Очень часто они изготовлены вручную, наспех, без достаточно хорошего обжига, на плетеной основе. В них захоронены одиночные, реже парные, трупы мужчин, женщин и детей. Чрезвычайно бедный инвентарь погребений состоит то из одного-двух сосудиков урартского производства, то из пяти-шести сердоликовых и нескольких пастовых бус, то из пары змеиноголовых детских браслетов или из самодельных сережек и цепочек, изготовленных из тончайшей медной проволоки, свидетельствующих во всех случаях о чрезмерной бедности погребенных. Характерно здесь полное отсутствие предметов вооружения и металлических орудий производственного назначения или каких-либо предметов, указывающих на зажиточность или социально-юридическую привилегированность погребенных.

С погребениями этого низшего сословия города хорошо связывается большой комплекс беднейших лачуг, прилепленных к великолепным наружным объемам западной и восточной крепостей. Эти лачуги построены из мелких кусков рваного камня, гальки и булыжника, без всякой планировки и архитектурных норм, которые так блестяще применены в замечательных особняках городских кварталов. Хотя эти хижины появились здесь в поздний период существования города, раскопки их ярко характеризуют быт рядовых тружеников богатого города. Для жилищ типичны продолговатые ряды одиночных изолированных комнатушек с узким дверным проемом с простейшими дверями из сколоченных жердей или остатками завешивающих циновок. Двери всех этих помещений выходят в длинный коридор, на другой стороне которого располагаются незначительные, узкие хозяйственные чуланы. В них, как правило, обнаруживается один-два караса для хранения пищевых запасов, иногда, пивные сосуды и мелкая хозяйственная тара. Площадь этих чуланов обычно 60 $м^2$, а хижин — от 40—45 до 110 $м^2$. Такие размеры характерны и для жилищ беднейших слоев города Тейшебаини.

В жилых помещениях обычны следующие находки: характерные глиняные или каменные очаги, глиняные жаровни, зернотерки и ступы, не-

[20] Н. В. Арутюнян. Новые урартские надписи, стр. 64.

[21] И. М. Дьяконов. Урартские письма и документы. М.—Л., 1963, тексты № 4—5, стр. 34, 35.

значительное количество столовой посуды, костяные и роговые орудия ткача, грузила от ткацкого станка, железные серпы, мотыги, ножи, крючья и другие орудия, предназначенные для земледельческих работ.

Характерной чертой этих хижин является, с одной стороны, наличие множества орудий производства и, с другой — отсутствие следов сколько-нибудь налаженного собственного хозяйства. По-видимому, горьким уделом обитателей этих хижин был тяжелый, непосильный труд и жалкое существование. Мы можем утверждать, что указанное сословие Аргиштихинили, ассоциируемое с термином «раб» ($^{L\acute{U}}$ERE) или «военнопленный» (LU-Ú-tú-ḫe) [22], не является исключением лишь для этого города, поскольку наличие слоев с идентичными хижинами было зафиксировано и в восточной части Аргиштихинили, и в Эребуни, и в городе Тейшебаини. Судя по всему, эта категория населения урартских городов находилась на государственном довольствии или пользовалась крупицами земельных участков, выделяемых администрацией на «кормление».

В пределах той же западной крепости Аргиштихинили зафиксировано наличие еще одной категории жилищ, не имевших никакого хозяйства. Жилища эти одиночные, изолированные, с выходящими во двор дверями, пристроены к внутренним фасадам больших помещений, выходящих на центральный двор западной цитадели. Как показали раскопки, помещения эти построены одновременно, по приказу и по единому типовому проекту архитектора для определенной категории людей, строго подчиненных администрации. Площади, объемы, перекрытия, внешние линии и внутреннее убранство этих помещений стандартны, строительные работы выполнены добротно и аккуратно по всем урартским нормам, однако в планово-композиционном и хронологическом отношениях эти постройки сильно подчинены дворцовым. Помещения эти, как и описанные выше хижины, являлись свидетелями гибели города и под обгоревшими слоями своих мощных перекрытий сохранили следы нехитрого быта своих жителей, последних жертв Аргиштихинили. Здесь сразу же бросалось в глаза отсутствие какого-либо хозяйственного комплекса, даже простых очагов и печей. Характерная картина быта их обитателей была открыта в помещении № 2, где обнаружны сильно сработанные зернотерки с терочниками, ступы, два караса средних размеров, одноручный кувшин для воды или вина и столовая чашечка. Вот и все «хозяйство», предназначенное жильцу, с минимальными возможностями хранения и переработки полученного от администрации пайка. Это обстоятельство недвусмысленно указывает, что и в данном случае речь идет о «государственных» — «казенных» людях, профессию которых весьма трудно определить. Это жилища либо дворцовой и храмовой прислуги, либо воинов крепостной охраны.

Судя по «казарменному» облику этих помещений и очень логичному их размещению перед воротами цитадели, у основных входов зданий дворца или храма, диктуемых необходимостью охраны крепости, можно скорее предполагать, что в них обитали воины крепостной охраны. В некоторых из этих жилищ найдены типично урартские железные наконечники стрел и формочка для отливки копьевидного предмета. Если здесь действительно жила охрана крепости, то можно допустить, что она находилась на государственном довольствии на время службы. Эта категория населения в урартских городах, с аналогичными постройками и размещением, зафиксирована также в цитадели города Эребуни, крупной военно-опорной базы урартского царства [23]. Следует напомнить, что рассмотренные выше слои городского населения подразделялись на различные группы. Совершенно разные функции выполняли рабы мужчины, женщины и отроки, принадлежавшие царю, представителям знати, простым воинам и, вероятно, храмам. Г. А. Меликишвили показал, что среди них были дарованные царем

[22] И. М. Дьяконов. Ук. соч., тексты, № 4—5.
[23] К. Л. Оганесян. Арин-Берд I. Ереван, 1961, стр. 48.

и приобретенные представителями урартских войск лично [24]. Еще более четко разделялись низшие и высшие ступеньки урартского воинства, начиная от правителей областями, полководцев, вельмож, конников и колесничих и кончая рядовыми — легковооруженными воинами [25].

Основные слои населения Аргиштихинили состояли все же из земледельцев и ремесленников, просторные великолепные дома которых покрывают всю территорию города. При этом земледельческое население, или так называемые «люди посева» урартских письменных источников, занимают огромные площади внешнего города, т. е. окрестности его территории. Как показывают рекогносцировочные и раскопочные работы, дома земледельцев занимают в среднем от 300 до 400 $м^2$ площади, построены добротно из крупных блоков базальта и сырцового кирпича и имеют глинобитные полы, конусовидные перекрытия на столбах с верхними световыми колодцами. Помещения разделены на жилые, складские, хозяйственно-бытовые части, имеют отдельные кладовые или загороженные участки для вина и хлебных злаков, а также довольно просторные помещения для животных. В них найдены остатки обгорелых зерен пшеницы, ячменя, проса, гороха, конских бобов, ржи, ячменной и пшеничной муки, остатки виноградной лозы и косточек, прутья кизилового дерева, груши, кости коров, овец, ягнят, свиней, кур и голубей [26]. Все эти находки характеризуют не только многоотраслевое хозяйство, засвидетельствованное клинообразными надписями Аргиштихинили, но и высокую земледельческую культуру. При определении видов зерновых злаков В. О. Гулакян указывает многовидность зерновых, наличие пестрой популяции одного из лучших сортов пшеницы «кармраат», чистоту зерен, отсутствие каких-либо видов, напоминающих дикие [27], как обстоятельства, свидетельствующие о глубокой традиции возделывания культурных злаков в Армении, берущей начало в раннем неолите. Указанные обстоятельства не оставляют сомнения в том, что «люди посева» города Аргиштихинили принадлежали в основной своей массе к свободной и довольно зажиточной категории населения, пользовавшегося определенными земельными наделами, единоличным собственником которых номинально считался урартский царь, верховный сюзерен.

Урартские клинообразные надписи упоминают в некоторых случаях частные хозяйства, вроде сада некоего Ишпилини, сына Бату [28]. Размеры земельных участков горожан были весьма различными. Большими земельными участками владели представители высшей знати. Масштабы хозяйств, выявленных в Аргиштихинили весьма различны. Так, в двух особняках западной окраины города было обнаружено по 20 карасов, в 1000 *л* емкости каждый, в доме № 1 срединного города — 15 таких же карасов, в большом особняке (№ 14) — 18 и в других домах по 8—10, и 3—4.

Некоторые эпиграфические данные Аргиштихинили заставляют думать, что земледельческое население его объединялось в территориальной общине или общинах, связанных круговой порукой и определенными повинностями. Первоосновой этому служило не только верховное собственничество урартских царей, но и монопольное владение ирригационной сетью всей страны,— основой всей хозяйственной жизни [29]. Более того, урартские власти, по-видимому, создавали большие хозяйства для городских общин.

---

[24] Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту. ВДИ, 1951, 4, стр. 27, 28.

[25] Там же, стр. 34—36; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 242—251.

[26] Остеологический материал определила С. К. Межлумян.

[27] В. О. Гулканян. О некоторых сельскохозяйственных культурах из Аргиштихинили. Историко-филологический журнал, 1966, 4, стр. 103—116.

[28] Г. А. Меликишвили. Ук. соч., стр. 36, 37.

[29] Г. А. Меликишвили. Ук. соч., стр. 30, 31.

Рис. 2. Дома хранителя печати и воина

Из каракалинской надписи Аргишти I выясняется, что проведенный им могучий канал из Аракса (УКН, 136) предназначался и для Аргиштихинили и для страны Аза. В другой надписи этого же царя (УКН, 137) говорится о постройке города Аргиштихинили и о проводке четырех каналов, разумеется, для всех хозяйств города. В урартском эпиграфическом материале содержатся не только повеления царей об использовании каналов определенными городами, но и регламентируется, по-видимому, порядок их использования [30]. В этом отношении интересную догадку для города Аргиштихинили высказал Г. А. Меликишвили на основе фрагмента надписи (УКН, 147), в котором упоминаются какие-то категории людей: Урбика, Пурунурда, Шелуини, затем хлеб (в поле), «мясо», «бык» и т. п. Г. А. Меликишвили склонен видеть в этом документе акт, устанавливающий долю царя натурой, вносимой разными категориями населения Аргиштихинили и страны Аза за орошение [31].

Привлекает внимание также одна из надписей Сардури II (УКН, 172), в которой царь сообщает: «Новый виноградник и сад города... я устропл... могучие дела я там совершил». Как мне кажется, здесь кроется указание на то, что Сардури создал эти хозяйства для городской общины и взамен получал натурой определенную долю урожая.

Другое важное сословие свободных горожан Аргиштихинили составляли ремесленники, размещенные во внутреннем городе вместе с богатыми землевладельцами, знатными воинами, должностными лицами урартской администрации. Это сословие археологически прослеживается довольно четко. Жилые дома их немного более благоустроены и просторнее земледельческих, построены также в виде отдельных особняков из 7—10 комнат общей площадью 500—700 $м^2$. Стены этих сооружений монументальны, с наружной стороны имеют контрфорсы. Ядром таких домов являются центральные жилые покои, вокруг которых группируются более мелкие помещения хозяйственного назначения [32].

---

[30] Там же, стр. 31.

[31] Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 262.

[32] К. К. Кафадарян. Новые данные по архитектуре Урарту. СА, 1967, 4 стр. 242—247.

Именно в подобных домах центральных кварталов города найден специфический инвентарь, позволяющий считать их хозяев ремесленниками различных профессий. В одном из домов найдены разнообразные молоты камнетеса, в другом — три глиняных диска от гончарного круга, в третьем — остатки различных материй, вытканных на станке (от которого сохранились грузила), в четвертом — многочисленные остатки металлургического производства: разрушенный горн, формы для отливки металлических вещей, железные крицы, приспособления для обогащения руды, шлаки и пр. В некоторых домах ремесленников обнаружены каменные статуи богов, связанных с их профессией. В одном замечательном особняке, стоящем в некотором отдалении, но опять-таки в пределах внутреннего города, обнаружено огромное количество мелкой тары из-под лечебных мазей и благовоний. Без большой доли риска мы можем эти дома назвать домами каменотеса, гончара, ткача, кузнеца-бронзолитейщика, врачевателя. В глиняных табличках города Тейшебаини упомянуты также виноделы (LÚE.T|N), пекари-повары |LúMU^{meš}|, ткачихи |^{SAL}GAD — ḫie| [33]. Письменными источниками еще не засвидетельствованы такие важные профессии, как плотницкая, столярная, кожевенная, обувная, строительная и др. с изделиями которых археологи встречаются весьма часто. Судя по находкам, в Аргиштихинили и в других городах имела место глубокая специализация и спецификация производства. Каменщики изготавливали печати с тончайшей гравировкой, высекали красивые надписи на камнях, делали парадные базальтовые чаши и пр. Другая их категория работала над строительным материалом, над различными архитектурными деталями и пр. Металлурги изготавливали тончайшие бронзовые пояса с гравировкой, всевозможные тонкие украшения и, с другой стороны, орудия труда и предметы вооружения массового предназначения. Ряд гончарных мастерских специализировался на парадной керамике для храмов и дворцов, другие выделывали самую разнообразную керамическую тару массового потребления. На всех видах керамической продукции имеются метки и клейма мастерских, позволяющие не только определить наличие разных мастерских с определенными видами продукции, но и предполагать существование цеховых организаций ремесленников, разные ответвления которых могли распространяться от Тушпы до Аргиштихинили. По этим знакам мы можем судить также об удельном весе экспорта и торговли вообще. Почти все знаки и клейма керамики Аргиштихинили повторяются на разнообразнейших сосудах города Тейшебаини, перевезенных сюда, по всей вероятности, из мастерских города Аргишти. Ведь именно в городе Тейшебаини сохранились записи двух поставок или поступлений довольно большого количества воловьих, бараньих, козьих кож и шерстяных тканей либо из Аргиштихинили в Тейшебаини, либо в обратном направлении (имя города-получателя не ясно) [34], свидетельствующих об оживленных связях между городами Араратской долины.

Несомненно, что мастерские Аргиштихинили работали на особого заказчика, на массового потребителя и на экспорт. Поэтому доходы их должны были быть весьма значительными. О высоком достатке этого слоя населения мы можем судить по наличию в их домах богатых складских помещений и хлевов, вмещавших 30—50 овец или нескольких крупных животных. Возможно, что вторым каналом дохода городских ремесленников служили их земельные наделы.

---

[33] И. М. Дьяконов. Ук. соч., тексты, № 1, 3, 12.

[34] Н. В. Арутюнян. Новонайденная клинописная табличка из раскопок Кармир-Блура. ВДИ, 1957, 3, стр. 144. и сл.; Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, табл. XXII, 1; УКН, дополн. № 62; И. М. Дьяконов. Урартские письма и документы. М.— Л., 1963. текст № 10, стр. 37, 38, 79, 80; А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини. Ереван, 1961, стр. 132.

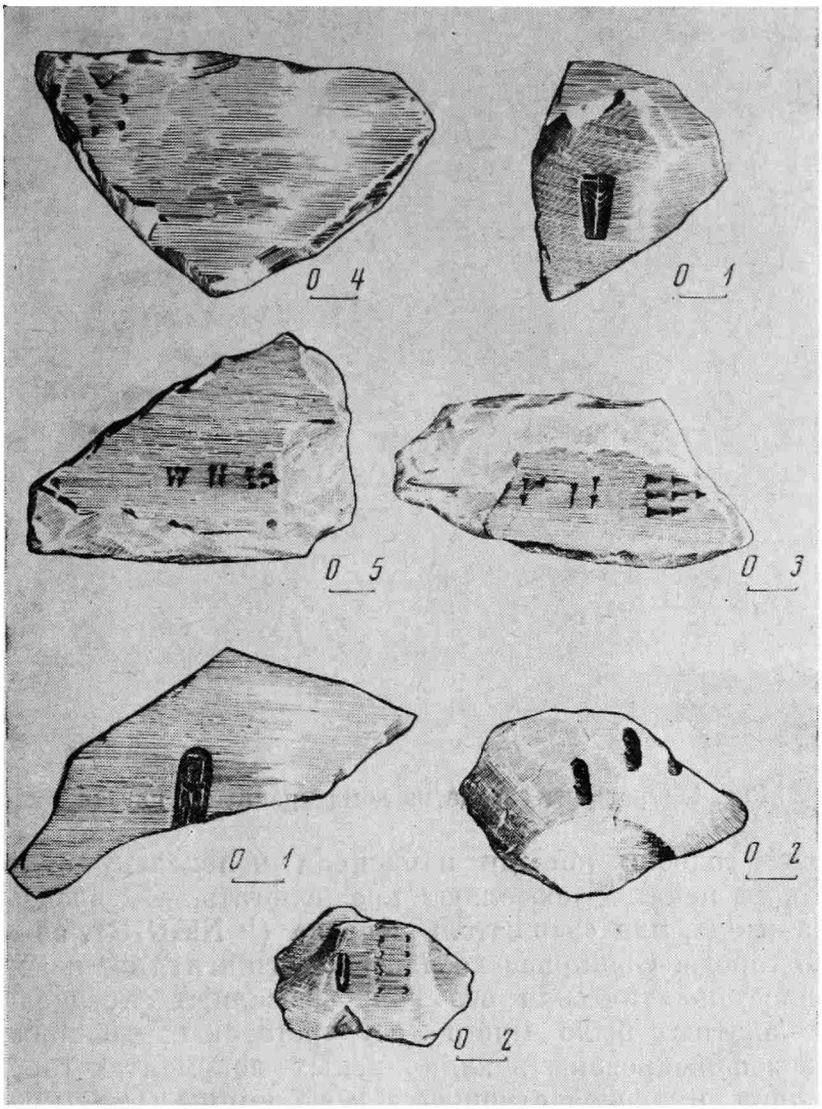


Рис. 3. Фрагменты сосудов с иероглифическими, клинописными обозначениями и клеймами мастеров

Но в городе Аргиштихинили и в других городах Урарту археологически и эпиграфически фиксируется существование и более зажиточного слоя населения, объединяемого под термином письменных документов «^{Lú}mar — re — ji, mari [35]» — знатных. Жилища знатных составляют большой комплекс хозяйственных и складских помещений с залами и жилыми покоями в центре или несколько подобных комплексов, механически соединенных [36]. Теперь мы знаем, что строительство подобных домов было широко распространено в урартских городах [37]. Один из особняков упомянутого типа полностью раскопан в центральном, хорошо укрепленном квартале Аргиштихинили. Здание занимает 614 $м^2$, снаружи украшено контрфорсами, имеет пекарню, кухню, ванную и складские помещения с центральным залом посредине, занимающим 70 $м^2$. Находки из этого дома свидетельствуют о былом комфорте. Здесь были собраны фрагменты тончайшей керамики, иногда с изображениями львов, козлов и деревьев жизни, фрагменты и цельные образцы замечательных декоративных базальтовых чаш и много другого. Среди мелких поделок особо привлекательны ониксовая печать с изображением оленя и аналогичная ониксовая печать

[35] И. М. Дьяконов, Ук. соч., текст № 12.

[36] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 268—276.

[37] R. D. Barnett. The Excavations of the British Museum. Iraq, XII, 1, 1950, табл. 1, 2; К. К. Кафадарян. Ук. соч., стр. 242, 243, рис. 3.

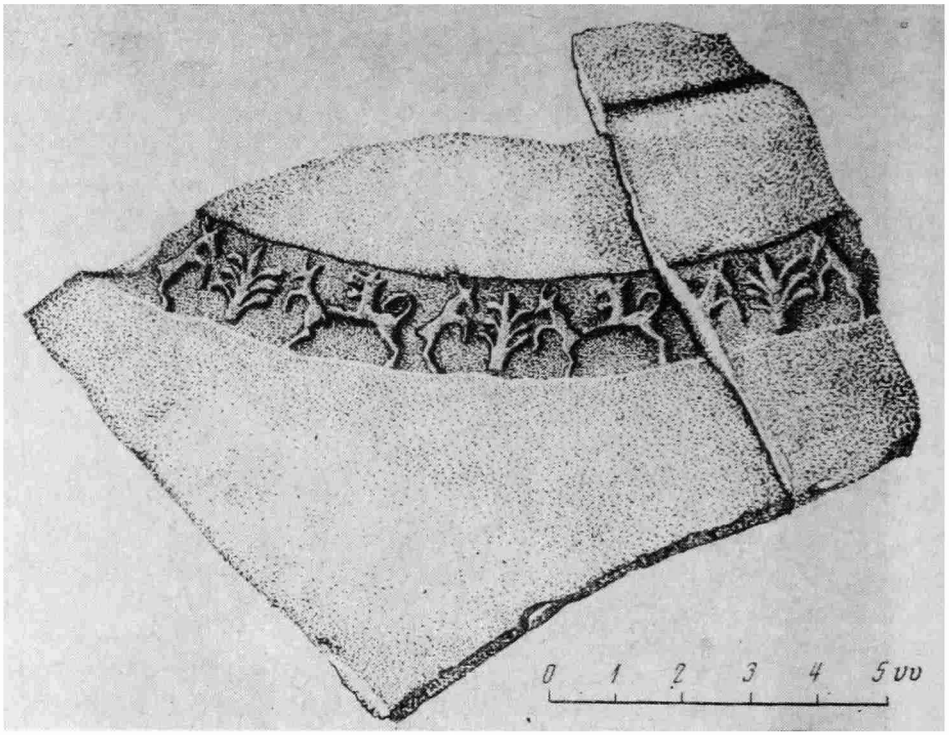


Рис. 4. Фрагмент сосуда из дома хранителя печати

с изображением головки лошади, найденная неподалеку от входа этого здания. Находки печатей позволяют предполагать, что владельцем дома мог быть хранитель, или «держатель печати» ($^{Lú}Na_4DIB$), важное должностное лицо города. Обширное хозяйство Аргиштихинили, колоссальная административно-политическая его роль позволяют предполагать, что среди mari — знатных было много государственных должностных лиц, чьи функции зафиксированы в клинописных документах города Тейшебаини: категория, имеющая отношение к экономике («человек счета» — N|G — ŠLD), «человек денег» — $^{Lú}KUG^{meš}$, «человек посева» — $^{Lú}Še$ — NUMUN — ḫu, «старший пастух» — $^{Lú}NA \cdot KAD$ (и др.), категория воинов из знатных, занимавших должности в местном гарнизоне ($^{Lú}KUR \cdot KUR$—$e^{meš}$), категория людей, связанных с дворцовой службой («виночерпий» — ^{Lú}Si — pi — ka — a — nê, «евнух» — $^{Lú}ŠA \cdot RĒŠI$ и мн. др.), а также категория разностепенных служителей культов. Надо надеяться, что со временем будут выявлены и археологические подтверждения наличия большого количества представителей mari города Аргиштихинили.

Удельный вес этого слоя населения в экономике, культурной, политической и религиозной жизни города был велик. В его руках сосредотачивались лучшие земли и большие стада животных, большое количество рабов, доходы от обмена и торговли. Но наиболее богатыми и обширными были в Аргиштихинили царские (государственные) хозяйства, в основном сконцентрированные именно здесь. Согласно сохранившимся сведениям, Аргишти I устраивает здесь «виноградник и фруктовый сад» (УКН, 137), сын его Сардури II и внук Руса I разбивают три новых виноградника, три сада и три поля с посевами[38] (УКН, 171, 172). Надо полагать, что сведения эти далеко неполны и что на протяжении 200 лет новые хозяйства создавались здесь и другими царями. Площади этих хозяйств нам не известны. Однако подсчеты И. М. Дьяконова показывают, что царь Руса I с одного поля города Улху получал 12 *т* зерна[39]. Б. Б. Пиотровский

[38] Надпись, найденная в 1965 г.

[39] И. М. Дьяконов, АВИИУ, 199; ВДИ, 1951, 2, стр. 327, и примечание. Приведенная И. М. Дьяконовым цифра явно занижена примерно в 10 раз, так как по этим подсчетам с гектара получается около 55 *кг* пшеницы, что совершенно немыслимо ни для какого времени.

на основании достаточно надежных данных установил, что количество пшеницы, содержимой в амбарах дворца Тейшебаини, составляло 750 *т* [40]. Если это число превратим в меру площади, то для посевов не слишком большого города Тейшебаини получим площадь, равную приблизительно 750 *га*, при условии, что весь урожай был собран с государственных полей [41]. Особенно грандиозны были зерновые амбары крепостей Аргиштихинили. Один из них, расположенный на северном фасаде дворца западной крепости Аргишти I, занимает 250 $м^2$ при высоте каменного цоколя 3 *м* и условной высоте стен 10 *м*. Шесть других складов, построенных во времена Сардури II на южном крыле того же здания, занимают около 400 $м^2$, вероятно, при такой же высоте, что и у склада Аргишти. Урожай, который могли вмещать эти склады, по аналогии с Тейшебаини должен был составлять примерно 2300 *т*, без учета невыявленных еще складских помещений, предполагаемых на юго-западном крыле крепости, а также всех складов восточной крепости, имеющей аналогичное с западной устройство и размеры.

Таким образом, минимальные запасы зерна, хранимого в государственных амбарах Аргиштихинили, могли составлять не менее 5000 *т*, а площади хозяйств, занятые под государственные посевы, занимали около 5000 *га*. Подобное количество зернохранилищ в Аргиштихинили совершенно закономерно, так как в цитадели близкого города Эребуни насчитано (по клинообразным надписям) шесть зернохранилищ (agi) с общим количеством зерна 53248 капи.

Весьма значительные площади занимали также царские виноградники и сады. Количество вина, хранимого в погребах Тейшебаини, составляет 400 тыс. *л* по одним расчетам [42] и 500 тыс. *л* по другим [43]. По-видимому, еще более значительное количество вина содержалось в государственных погребах Аргиштихинили. Только в одном дворцовом сооружении западной крепости времен Аргишти обнаружено три погреба общей площадью около 650 $м^2$, способных хранить емкости вина около 160 тыс. *л*. Складские помещения восточной крепости плохо сохранились, но допущение таких же объемов для них не было бы большой погрешностью. Мы не торопимся сделать соответствующие выкладки до получения более или менее полных данных по Аргиштихинили, но исходя из данных Тейшебаини, можем отметить, что для изготовления полумиллиона литров вина требовалось около 1 млн. *кг* винограда, а подобное количество его можно было бы вырастить на 4000—5000 *га* земли. Масштабы царских-государственных хозяйств, лишь частично восстанавливаемые на основе данных археологии и эпиграфики, вполне созвучны с теми красочными строками, которые сохранились в торжественной надписи ассирийского царя Саргона II, захватившего в конце VIII в. до н. э. многие урартские города и описавшего баснословное их богатство. Саргон придал огню и мечу приурмийские города. «Большие запасы ячменя и пшеницы,— сообщает царь,— которые долгое время он (царь Руса I) насыпал в амбары для поддержания жизни страны и людей, все мое войско я заставил возить на конях, мулах, верблюдах (?), ослах и насыпал в моем лагере, как холмы; моих людей я накормил богатой и сытной пищей... Его пышные сады я посек, лозы его во множестве я посек, прекратил его питье; его большие рощи, которые густо росли, как тростниковые заросли, их деревья я порубил, опустошил окрестность...» [44]. В упомянутой надписи Саргона сохранилось и более важное сведение о продаже зерна, увеличившей доходы Русы I.[45]. Наличие огромных запасов зерна и вина в урартских городах

[40] Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1962, стр. 40, 41.

[41] Мы условно приводим эти абсолютные цифры, так как доля урожая, собранного за счет податей населения города, неизвестна.

[42] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч.

[43] А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини. Ереван, 1961, стр. 96.

[44] АВИИУ, 233; ВДИ, 1951, 2, стр. 328, 329.

[45] Там же, 49; Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту, стр. 341.

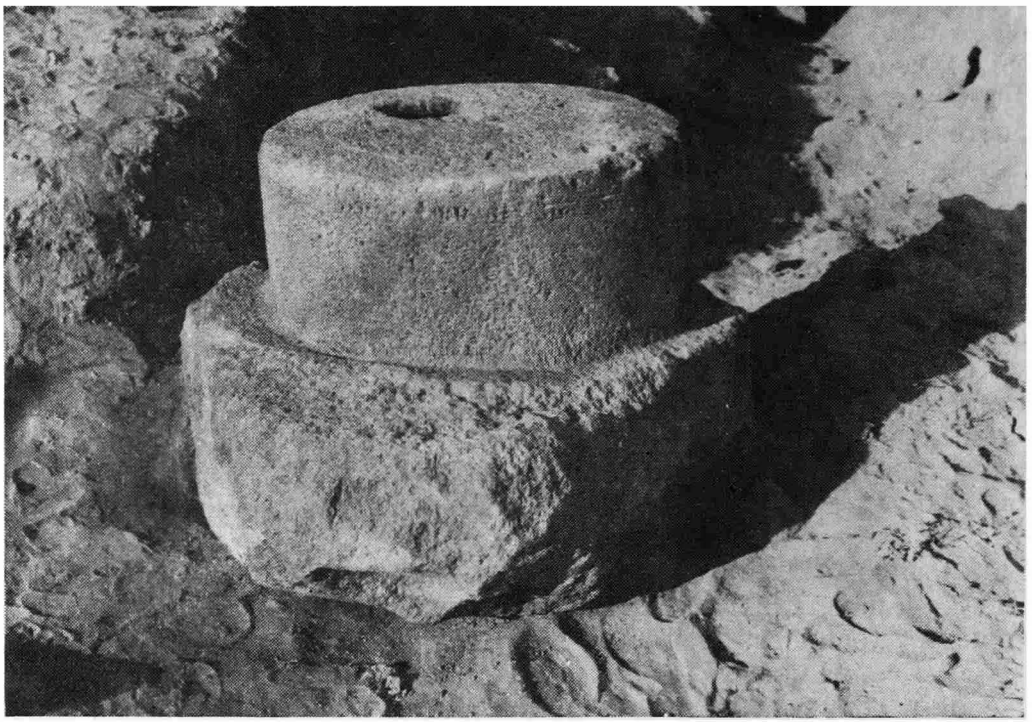


Рис. 5. Надпись Аргишти I о постройке дворца

свидетельствует о большом товарном хозяйстве, захватившем не только внутренний, но и внешний рынок. Лишь в свете этих данных становятся понятными слова Геродота о купцах Армении, продававших вино в ассирийских землях (Herod., I, 194). Роль Аргиштихинили в государственной оптовой торговле, несомненно, была велика, если мы учтем его колоссальный экономический потенциал и географическое расположение на перекрестке важных караванных путей, связывавших Кавказ, Переднюю Азию и Малую Азию.

На этом экономическом фоне ярко выступает все великолепие крепостного строительства и дворцовой архитектуры Аргиштихинили, подчиненных требованиям и вкусу высшей касты: царя, его родичей, его ближайших военно-политических сподвижников, начальников областей, наместников, высшего жречества. Дворцы и храмы Аргиштихинили расположены на самых высоких холмах, ограждены тройным кольцом могучих оборонительных стен, башнями, контрфорсами, снабжены великим множеством красиво высеченных клинообразных надписей, прославляющих «великие деяния» царей. Из дворцовых зданий Аргиштихинили полностью раскопано только одно.

Оно находится на восточном отсеке западной крепости города и состоит из колонного приемного зала, колонного продолговатого зала или полукрытого двора и расположенных по обеим его сторонам просторных жилых и хозяйственных помещений, разных комнатушек для прислуги и охраны дворца. Здесь найдено несколько трафаретных строительных надписей Аргишти I. Стены дворцовых помещений были некогда покрыты замечательными многоцветными росписями, увешаны первоклассными изделиями урартского искусства. Все это великолепие прямо ассоциируется с бытом наместника (^{Lú}NAM — di) восточных провинций Ванского царства, или начальника области (amêl bêl pa̮hâti ^{meš} — šu adi — kiṣ rišunu) Азайской страны.

Большую экономическую и политическую силу представляли собой и храмы, представители высшего жречества. По-видимому, в свое время это особенно резко ощущалось в городе Аргиштихинили, в средоточии 10 храмов и большом религиозном центре восточных областей. К сожалению,

Рис. 6. Надпись Сардури II о постройке храма

о храмовых хозяйствах и сокровищницах Аргиштихинили, основательно разрушенных или ограбленных, мы можем судить лишь по аналогии со сказочными богатствами Мусасарского храма [46], декоративно-посвятительными изделиями высокого искусства городов Эребуни и Тейшебаини [47], а также по некоторым слишком суммарным и лаконичным сведениям надписей самого города Аргиштихинили. Привожу содержание фрагмента надписи, найденной в западной крепости Аргиштихинили, в переводе Н. В. Арутюняна [48]: «Богу Халди, владыке, своему, Сардури, сын Аргишти этот дом susi (?) соорудил (?), а также ворота бога Халди величественные. Бог Халди... воздвиг посвятил (?) богу Халди, владыке (своему). Сардури говорит... бог Халди мне господство как даровал, я... [...] qu—ul—ḫi склонил (он) передо мной ... ворота бога Халди соорудил (я) ... виноградник, фруктовый сад новый разбил (я), поля с посевами новые здесь разбил (я). Да будет (?) со стороны бога Халди, со стороны бога ворот Халди (царю) Сардури жизнь, величие, власть, сила, могущество, радость ...» и т. д. и т. п.

Логическая последовательность совершенно ясна: обеспокоенный смутами в момент вступления на престол и одержавший «с помощью богов» победу над врагами, Сардури II воздвигает храмы в честь своих владык, приносит им в дар вновь созданные большие хозяйства и умоляет сохранить ему жизнь, силу, могущество, власть. Подобная трактовка надписи увязывается с данными Мхер-капусинской надписи о построении ворот богу Халди, об устройстве виноградников и садов для бога Халди, об установлении периодических жертвоприношений скотом в этом храме.[49] Это хорошо связывается также с Адильджевазской надписью Русы II [50]. В этой связи чрезвычайно интересны также два фрагмента пространной надписи Сардури II (УКН, 165, УКН, 143), происходящей из храмовых комплексов Армавирской крепости и буквально повторяющихся, как доказал Н. В. Арутюнян, в надписи Русы II (текст 1) из Тейшебаини [51]. В этих

---

[46] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, стр. 108—110.

[47] Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур III. Ереван, 1955, стр. 26—30; рис. 17, 18.

[48] Новая урартская надпись из Давти-Блура. ВДИ, 1966, 3, стр. 104.

[49] См. Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории, стр. 34.

[50] Там же.

[51] Н. В. Арутюнян. Новые урартские надписи, стр. 40, 41, 65—74.

текстах речь идет о сооружении Малого храма с «домом Сирихани» и «домом Адунусини», а также большого храма, в который входили susi и халдовы ворота. В продолжении текста содержится приказ о совершении культовых обрядов с жертвоприношением перед статуями богов, а также о количестве и порядке пожертвования животных Халди, Тейшебе, Шиуини, Уаруб(а)ни и Иарша. Если подтвердится предположение Н. В. Арутюняна о том, что надписи Сардури II из Аргиштихинили содержат также основные моменты II и III кармирблурских текстов,[52] то мы будем иметь возможность утверждать также, что упомянутые храмы Аргиштихинили получили в дар священное оружие и земельные угодья.

Некоторые данные позволяют утверждать, что крупные государственные (царские), а следовательно, и храмовые хозяйства продолжали существовать и даже увеличивали свои доходы в конце урартского владычества, хотя главенствующая роль центрального города Араратских провинций перешла городу Тейшебаини уже в первой половине VII в. до н. э. Об этом свидетельствует, в частности, надпись Русы III, сына Эримены, одного из последних царей Урарту, построившего крупное зернохранилище в Аргиштихинили (УКН, 288), вероятно, в связи с устройством нового государственного хозяйства. Подобный факт имеет место и в городе Эребуни. Ряд косвенных данных наводит на мысль, что в VII в. до н. э. увеличивались доходы и частных хозяйств. Это было связано в первую очередь с увеличением населения Араратских городов (Аргиштихинили, Эребуни, Тейшебаини) в результате утраты царством присеванских районов после правления Русы I.

Во всех жилых домах указанных городов наблюдается сильное уплотнение, расчленение и уменьшение жилых площадей, создание новых хозяйств в одном жилище.

Таким образом, созданный в первой четверти VIII в. до н. э. город Аргиштихинили продолжал свое существование около 200 лет. При этом уже в 50-х годах VIII в. он стал одним из крупнейших центров Ванского царства, экономика которого базировалась на разветвленной ирригационной сети, на хорошо налаженных государственном, храмовых и частных хозяйствах с соответствующими сложными функциями по регулировке ирригации, учету доходов, прибылей, торгового оборота, поборов с населения и т. п. Сложному, многоотраслевому хозяйству города вполне соответствует его давно сложившаяся глубоко дифференцированная, многоступенчатая социальная структура с явно выделяемыми крупными сословиями различных категорий городского населения и с соответствующими более тонкими прослойками.

A. A. Martirossian

A PROPOS DE LA STRUCTURE SOCIALE ET ÉCONOMIQUE DE LA VILLE D'ARGHICHTIKHINILI

Résumé

Malgré de grands succès acquis dans les études soviétiques consacrées à l'Ourartou parues au cours des derniers trente ans et les recherches de toute une série de forteresses et de sites urbains récemment décellés sur les territoires de la Turquie et de l'Iran l'histoire sociale et économique de l'Etat d'Ourartou et notamment celle d'une ville ourartoue restent peu étudiées. Cependant il n'y a aucun doute dans l'importance de ce problème. Et les fouilles de la ville d'Arghichtikhinili, un des centres les plus importants du royaume de Van, effectuées en 1962—1971 offrent de oncrètes nossibilités d'approfondir la connaissance des problèmes sus-mentionnés.

[52] Там же, стр. 72.

En partant des résultats des recherches de topographie, stratigraphie, réseaux d'irrigation, structure urbaniste, divers monuments funéraires et d'habitation et, certainement, sources écrites consacrées à cette ville l'auteur a fait la tentative de définir le caractère, l'importance et le niveau économique d'une ville ourartoue, le pourcentage de diverses branches d'économies royale, d'église et privée ainsi que de production artisanale. On décèle la présence des ateliers qui faissaient les commandes d'Etat et celles des consommateurs massifs, on suppose l'existence des corps de métier. En conformité avec une économie complexe de la ville et de ses fonctions multiples dans l'histoire économico-sociale et politique de l'Etat on a mis en évidence une structure assez diversifiée de la société urbaine. Cette dernière se composait des ordres nombreux d'agriculteurs et de pasteurs libres réunis en communes, d'une masse de subjugués, des ordres privilégiés d'artisans, employés urbains, soldats de garnison de ville et d'une caste fermée des dignitaires militaires, administratifs et sacrificateurs haut placés. On a fait des observations sur la composition éthnique de la population citadine. Les études de tous ces problèmes mentionnés sont effectuées compte tenu des normes principales d'urbanisme de l'Ancien Orient issues de la nature de sa société qui se composait des classes.

М. И. АРТАМОНОВ

СКИФСКОЕ ЦАРСТВО

В середине 40-х годов, издавая одну из глав своей диссертации о скифах, посвященную социальному строю этого народа, я нисколько не сомневался в том, что характеристика его как военной демократии полностью соответствует действительности [1]. С тех пор прошло много лет, я глубже ознакомился с историей скифов и обнаружил в ней такие явления, которые не укладываются в прежние чрезмерно обобщенные представления, а требуют уточнений и дальнейшего развития.

На вопрос о социально-экономическом строе скифов нельзя ответить, не углубившись в историю этого народа. Как известно из греческих и ассирийских источников [2], скифы почти столетие прожили в Передней Азии, по соседству и в тесных контактах с наиболее развитыми государствами того времени. Появившись в 70-х годах VII в. до н. э. в районе оз. Урмия, они немедленно включились в борьбу между мидянами и маннеями, с одной стороны, и ассирийцами — с другой. Вскоре, соблазненные подарками и обещаниями, они переметнулись на сторону Ассирии и по ее поручению воевали со своими предшественниками в Северном Причерноморье — киммерийцами, поселившимися в Малой Азии. В дальнейшем скифы выступают в созданной Вавилоном коалиции против Ассирии, активно участвуют в разгроме столицы Ассирийского царства Ниневии и в покорении принадлежавших ему владений, а также в отражении вмешавшегося в войну за ассирийское наследство Египта. Владения Ассирии были поделены между победителями, и скифам досталась северная часть Ассирийского царства вместе с завоеванным при их участии Ванским царством (Урарту) [3]. К годам владычества скифов над значительной частью Передней Азии и относятся те 28 лет, о которых Геродот говорит как о времени, когда скифы взимали с каждого народа наложенную ими дань и, кроме того, совершали набеги и грабежи (I, 106) [4].

В 594 г. мидяне, не удовлетворенные долей доставшегося им ассирийского наследства, изменнически перебили скифских вождей и приступили к захвату скифских владений (I, 106) [5]. Ко времени войны мидян со скифами относится гибель урартской крепости Тейшебаини — Кармир-Блур возле Еревана, в которой ко времени взятия ее мидянами находился

---

[1] М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. ВЛГУ, 1947, 9, стр. 70 сл.

[2] М. Г. Редер. Восточные тексты о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, 1, стр. 264 сл.; И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, 2, стр. 339 сл.

[3] В. А. Белявский. Война Вавилона за независимость (627—605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии. Исследования по истории стран Востока. Л., 1964, стр. 93 сл.

[4] Здесь и дальше в круглых скобках указана книга и глава в «Истории» Геродота.

[5] В. А. Белявский. Ук. соч., стр. 124 сл.

скифский гарнизон[6]. В борьбу между мидянами и скифами вмешалось на стороне скифов самое могущественное в Малой Азии того времени Лидийское царство. Царь его Алиат, подчинив Фригию, поспешил захватить Каппадокию, где по р. Галис (Кызыл-Ирмак) обосновались киммерийцы (IV, 12) и куда отступали теснимые мидянами скифы. Страна эта, по ассирийским источникам, называлась по имени киммерийцев Гимири, а у армян долго была известна как Гамирк[7]. По-видимому, после разгрома Ассирии она, как и Ванское царство, подчинялась скифам и поэтому на нее, как и на все другие владения последних, претендовала Мидия. По Геродоту, Алиат встал на защиту бежавших в его страну скифов (I, 73, 74), но в действительности он был озабочен судьбой не скифов, а захваченной им части принадлежавшей скифам территории.

Война с участием Лидии продолжалась с переменным успехом более пяти лет. Мир был заключен в 585 г., что точно известно благодаря солнечному затмению (28 мая этого года), остановившему сражение, после чего и начались мирные переговоры (I, 74). По мирному договору скифские владения отошли к Мидии, западная граница которой, таким образом, отодвинулась до р. Галиса (I, 72). В результате скифам не осталось места в стране, и они вынуждены были уйти из нее туда, откуда явились, т. е. в Северное Причерноморье. По-видимому, вместе с ними должны были уйти из Азии и киммерийцы, изгнанные, по словам Геродота, лидийским царем Алиатом (I, 16). Куда они ушли — это особый вопрос, заслуживающий специального рассмотрения. Здесь же мы ограничимся констатацией того факта, что потерпевшие сокрушительное поражение скифы вернулись в Северное Причерноморье около 585 г. в виде беглецов, и, надо полагать, в небольшом числе. 28 лет, которыми Геродот определяет время их господства в Азии, точно соответствуют промежутку времени от падения Ниневии в 612 г. до года их изгнания из Азии.

Паразитическое существование за счет грабежей, разбоев и угнетения местного населения в подчиненных областях Азии не могло пройти бесследно для внутреннего строя скифов. Непосредственное производство средств существования отошло на задний план, их бытовой уклад и социальные отношения формировались под знаком военных целей. Централизация и дисциплина стали наиболее характерными чертами устройства скифского общества. С этими чертами они явились в Северное Причерноморье и там стремились продолжать уже ставший привычным образ жизни, сложившийся в Передней Азии.

Вернувшиеся из Азии скифы составили ту группу населения Северного Причерноморья, которая, по данным Геродота, называлась скифами царскими (IV, 20). Позже в ольвийском декрете в честь Протогена она именуется «саи»[8], что по-ирански соответствует греческому названию «царские». Отсюда следует, что свое имя эти скифы получили не от греков, а именовались царскими по характерной для них особенности, заключающейся в наличии у них сильной царской власти, какой не было у других групп скифского населения Северного Причерноморья. Со слов Геродота известно, что скифский царь не только предводительствовал на войне, он же распределял военную добычу (IV, 64) и творил суд и расправу над своими подданными. Ложная клятва божествами царского очага, т. е. царскими предками, считалась тяжким преступлением, заслуживающим мучительной казни (IV, 68, 69). Это значит, что особа царя считалась священной и от исходящей от нее благодати зависело благополучие возглавляемого им общества. Иначе незачем было бы ложной клятвой объяснять болезнь царя. Власть скифского царя была настолько

[6] Б. Б. Пиотровский. [Ванское царство (Урарту). М., 1959, стр. 240 сл.] ошибается, полагая, что окончательно разрушили Тейшебаини скифы. На самом деле скифы захватили крепость, а затем у них ее отняли мидяне.

[7] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 239.

[8] IOSPE, I, Petropoli, 1916, 32, стр. 43 сл.

велика, что служить ему должен был каждый скиф, кому он назначил (IV, 72), а в загробную жизнь царя сопровождали вместе с конями и дорогим имуществом наложница и многочисленные слуги, умерщвленные для этой цели (IV, 71, 72). В свете этих данных вырисовывается образ царя, весьма далекий от племенного вождя и больше напоминающий восточного владыку, наделенного неограниченной властью земного божества. Такие черты восточного монарха скифские цари могли приобрести за время пребывания скифов в Азии, в окружении древневосточных государств и в тесном общении с ними. С этими чертами они вернулись в Северное Причерноморье.

Царская власть у скифов была наследственной привилегией определенного рода или семьи, в пределах которой она переходила от отца к сыну или другому ближайшему родственнику. Новый царь подобно восточным владыкам утверждался в своем положении согласием народа или его представителей в лице родовых или племенных старейшин, тоже наследственных, но его прерогативы оставались неизменными. Во времена Геродота скифы хорошо знали генеалогию своих царей, начиная с Иданфирса, возглавившего борьбу с персидским царем Дарием в 514 г. до н. э. Происхождение его, в свою очередь, восходило к Спаргапифу (IV, 76), при котором, надо полагать, скифы вернулись из Азии.

Господствующее положение скифы царские, в каком их застал Геродот (IV, 20), заняли в Северном Причерноморье не тотчас со времени своего там появления. Вернувшимся из Азии скифам пришлось выдержать трудную борьбу за место на родине своих прадедов с потомками тех скифов, которые не участвовали в нашествии на Азию, а оставались на старом месте. Это были те, которых Геродот в отличие от скифов царских называет просто кочевниками-номадами (IV, 19), а приведенная им легенда — детьми оставшихся на родине скифских женщин, прижитых с рабами (IV, 1). Скифам царским, по этой легенде, удалось покорить детей рабов только после того, как они вышли против них не с оружием, а с бичами (IV, 3). Унаследованная от отцов рабская психология будто бы заставила их покориться бичу, как знаку господства и рабского подчинения. В этой легенде нашла себе выражение рабовладельческая идеология той среды, в которой она сложилась. Но в легенде содержатся и вполне реалистические и достоверные указания на отношения между вернувшимися скифами и исконным населением страны. Пришельцам пришлось завоевывать свое положение на старой родине. Особенно долго сопротивлялись кочевые скифы в Крыму (IV, 3). Там они остались и после того, как скифы царские утвердились в степи Нижнего Поднепровья, не включенными в состав этих скифов, но попавшими в более или менее зависимое от них положение (IV, 19, 54).

Созданная греками легенда о походе персидского царя Дария на скифов в 514 г. до н. э. (IV, 118—142) не соответствует действительности и представляет интерес главным образом в части описания окружавших Скифию народов, причем лишь немногим дополняющего сведения о них, сообщенные Геродотом в общей характеристике страны. По легенде, скифы выставили против персов три войска под предводительством Иданфирса, Скапасиса и Токсакоса (IV, 120). Общее руководство принадлежало Иданфирсу, очевидно главе скифов царских, поскольку его имя значится в генеалогии скифских царей. Два из этих войсковых соединений состояли из скифов царских и, по-видимому, представляли одно правобережных, а другое левобережных кочевников. Третье войско, вероятно, было образовано из подчиненных скифам царским скифов-номадов. Савроматы, гелоны и будины упоминаются в качестве союзников.

Таким образом, по приведенным Геродотом данным нельзя заключить, что в конце VI в. до н. э. скифы царские господствовали над всей Скифией и держали в подчинении все население этой страны. Еще меньше такое заключение возможно в отношении окружавших Скифию не-

скифских народов. У Геродота они значатся независимыми от скифов царских самостоятельными образованиями. Не свидетельствуют о господствующем положении скифов царских и археологические памятники. Наоборот, в это время погребения скифов царских не выделяются ни богатством положенного с покойником инвентаря, ни сложностью и величиной погребальных сооружений. И в том и в другом они в это время уступают погребениям родо-племенной знати оседло-земледельческого населения лесостепной Скифии. Попытка В. А. Ильинской усмотреть могилы царей скифов царских не в степи, а в лесостепной полосе по берегам р. Сулы не выдерживает критики [9] как противоречащая и свидетельству Геродота о местонахождении царского кладбища в стране Герра, так и его же указаниям о местожительстве скифов царских в степной, а не в лесостепной части Северного Причерноморья и о кочевом, а не оседлом образе жизни этих скифов [10].

Что касается марша Дария вокруг всей Скифии, то легенда о нем сочинена людьми, не имевшими никакого представления о расстояниях, какие пришлось бы покрыть для этого персидскому войску. Дарий не дошел даже до Ольвии, хотя не месть за бесчинства в Передней Азии почти столетней давности, а подчинение греческих колоний было, вероятно, главной целью его похода. По достоверным сведениям Страбона (VII, 5, 14), уже в Гетской пустыне (Буджакской степи) он убедился в нереальности своего предприятия и повернул обратно. Скифам же досталась слава непобедимости, каковой, по справедливому замечанию Геродота, они обязаны своему кочевому образу жизни (IV, 46).

Описывая население оседло-земледельческой части Скифии, Геродот называет его скифами-пахарями, особо отмечая, что они сеяли хлеб на продажу (IV, 17). Это указание заслуживает специального внимания, тем более что других более определенных данных о нем у Геродота не содержится. Полностью оценить это указание можно только при учете того обстоятельства, что греческие колонии Северного Причерноморья были прежде всего заинтересованы в скифском хлебе. Главную роль в хлебной торговле с земледельческим населением Скифии играла Ольвия, из Ольвии же шли сведения о скифской стране, которыми и пользовался Геродот. Тем более поэтому странно, что в его сочинении земледельцам Скифии уделено очень мало внимания и что все оно направлено на кочевое население страны, в первую очередь на скифов царских. Из этого можно заключить, что, хотя сами кочевники не представляли для ольвийских греков большого экономического значения, их роль в хлебной торговле все же была существенной. Это была политическая роль. Земледельческие области Скифии были отделены от Ольвии просторами степей, находившихся во владении кочевников, и эти последние имели полную возможность контролировать торговлю Ольвии с земледельцами, а следовательно, и извлекать таким путем доходы в свою пользу.

Наиболее ранние свидетельства экономических связей даже не ольвийских, а еще березанских греков со скифами находятся в замечательном Немировском городище в бассейне среднего течения Южного Буга [11], где обнаружены довольно многочисленные фрагменты греко-ионийской расписной керамики, относимой к концу VII — первой половине VI в. до н. э. [12]. Такая же керамика найдена в скифских поселениях Среднего Поднепровья, из чего следует, что греки проникали туда еще до возвращения скифов царских из Азии. Да и позже, в течение всего

---

[9] В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, стр. 178 сл.

[10] М. І. Артамонов. Загадки скіфської археології. УІЖ, 1970, 1, стр. 23 сл.

[11] М. И. Артамонов. Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции. КСИА УССР, 1955, 4, стр. 85 сл.

[12] Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н. э. САИ, Д1-27, М., 1966.

VI в. до н. э., предметы греческого импорта в значительно большем числе находятся не в степях у кочевников, а в поселениях и могильниках лесостепного оседло-земледельческого населения Среднего Поднепровья. Из этого следует, что греки успели установить торговые связи с земледельческим населением Скифии значительно раньше, чем в это дело вмешались кочевые скифы царские.

Обращает на себя внимание и другое примечательное обстоятельство. В то время как в лесостепи возникают многочисленные богатые курганы с импортными греческими вещами, в степи у кочевников обычны могилы со скромным погребальным инвентарем, впущенные в более древние курганные насыпи. Известны всего два ранних богатых кочевнических погребения, но и они с вещами, еще принесенными скифами из Азии. Это Литой курган (Мельгуновский клад)[13] и погребение у сл. Криворожье на р. Калитве[14]. Специальные курганы с богатыми погребениями появляются в степи позже, чем в лесостепи. Все эти факты должны быть приняты во внимание, и осмысление их невозможно без учета, с одной стороны, все расширяющихся сношений колоний со скифским миром, а с другой — различной роли в этих сношениях разных частей скифского населения, и притом в разное время неодинаковой.

Главными торговыми магистралями, соединявшими Ольвию с земледельческой Скифией, были Южный Буг и его левые притоки Ингул и Синюха. Не меньшее значение имела и р. Ингулец, впадающая в низовье Днепра поблизости от Ольвии. Это была, по Геродоту, пятая доступная с моря река Скифии Пантикап (IV, 47, 54). Реки эти вели в наиболее плодородные области земледельческой Скифии — в Подолию и лесостепное Поднепровье. Путь в Среднее Поднепровье был по ним много короче, чем по заходящему далеко на восток Днепру, к тому же перерезанному труднопроходимыми порогами.

При сопоставлении подольских и среднеднепровских курганов скифского времени обращает на себя внимание их различие. Подольские сооружались из камней[15], а среднеднепровские из земли; в первых из них трупосожжения встречаются чаще, чем во вторых. Основное же различие состоит в количестве и ценности находимого в погребениях инвентаря. В подольских курганах почти не встречается богатых погребений с импортными греческими вещами, тогда как в среднем Поднепровье их много, и притом, как уже отмечалось, начиная с VI в. до н. э.[16]. Это различие не может быть случайным. Оно свидетельствует, что, хотя торговля греков с Подолией и началась раньше, чем с Поднепровьем, греческий импорт в первую из этих областей не шел ни в какое сравнение со ввозом в Среднее Поднепровье. Проще всего это было бы объяснить тем, что выгоды от торгового обмена с греками не попадали в руки подольской аристократии, а перехватывались господствовавшими над ней скифами кочевниками. Однако это не так. Скифское население в Подолии рано исчезает. Находки на поселениях и в погребениях показывают, что еще в начале V в. до н. э., во всяком случае до середины этого века, заселенная скифами страна запустела. Несмотря на грандиозные оборонительные сооружения, самым замечательным из которых является Немировское городище, население Подолии не выдержало непрерывных ударов со стороны кочевых соседей и, не желая подчиняться им, ушло в другую страну, скорее всего за Карпаты к родственным народам, занимав-

---

[13] Е. М. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. МАР, 31, СПб., 1911.

[14] А. П. Манцевич. Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве. СА 1958, 2, стр. 196; е е ж е. Золотой венец из кургана на р. Калитве. ИАИ, XXII, София, 1959.

[15] T. Sulimirski. Scythowie na Zachodnem Podolu. Lwow, 1936.

[16] Н. А. Онайко. Ук. соч.; В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, Д1—4, М., 1967; В. А. Ильинская. Ук. соч.; Г. Т. Ковпаненко. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967.

шим там довольно широкую полосу от Трансильвании до Словакии[17].

Точно так же поступило население северо-восточного Прикарпатья и Молдавии. Оно, видимо, даже не пробовало сопротивляться, так как в его стране никаких укреплений интересующего нас времени не обнаружено[18]. На опустевших землях северо-восточного Прикарпатья, включая Молдавию, и Подолии оседлое население вновь появляется только в IV в. до н. э. В первой из этих областей это были геты[19], а во второй среднеднепровские скифы. Исследованный мной курганный могильник у с. Периорки в 12 *км* выше г. Винницы по Бугу сходен с рядовыми среднеднепровскими и относится к указанному времени[20]. Известное богатое погребение у с. Ильинцы на р. Соб с золотыми вещами греческого мастерства датируется второй половиной IV в. до н. э.[21].

В Среднем Поднепровье и городища и богатые погребения существовали непрерывно со времени своего появления в VI в. до н. э. до конца скифского периода. Замкнутая ограда исключительного по величине Бельского городища, находящегося на р. Ворскле в пограничье со степью, тянется более чем на 30 *км* и замыкает площадь в 4400 *га*[22]. Огромные царские курганы Посулья достигают 15-метровой высоты и окружены сотнями курганов меньшей величины, содержащими погребения вооруженных воинов. Это так называемые дружинные кладбища. Большинство курганов того и другого рода относится к VI в. до н. э.; в V в. до н. э. число тех и других сильно сокращается, хотя отдельные погребения и в это время и позже значительно выделяются количеством и ценностью своего инвентаря[23]. Продолжают функционировать и семейные кладбища туземной аристократии, хорошим примером которых является курганный могильник у с. Журовки (ур. Криворуково) Черкасской области[24]. Археологические памятники Среднего Поднепровья свидетельствуют, что в VI в. до н. э. там происходила консолидация населения и создавались организации для активной защиты от усилившейся военной опасности со стороны кочевых соседей. В V в. до н. э. и позже значение такого рода деятельности заметно уменьшилось, но укрепления продолжали функционировать, а цари-вожди, хотя и менее могущественные, чем раньше, сохраняли свое положение во главе туземных объединений.

Агрессия скифов царских была направлена не только на запад, не менее активно они действовали и против среднеднепровского земледельческого населения, и здесь им удалось достичь определенных результатов. Земледельческое население Среднего Поднепровья, чтобы избавиться от непрерывных нападений с их стороны, вынуждено было признать свою зависимость от скифов царских и выплачивать им регулярную дань в виде какой-то части своих доходов от торговли с греками. Взамен оно освобождалось от постоянной военной опасности и сохраняло внутреннюю организацию со своими царями-вождями во главе, которые, вероятно, и следили за выполнением возложенных на земледельцев скифами царскими обязанностей.

---

[17] Г. И. Смирнова, К. В. Бернякович. Происхождение и хронология памятников куштановицкого типа Закарпатья. АС, 7, стр. 89 сл.; M. Parducz. Die Frage der ethnischen Verhaltnisse der Skythenzeit und Skythisch-keltischen Beruhungen in Ungarn. Arch. Rozg. XXII/5, 1971.

[18] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, 64, 1958, стр. 76 сл.; она же. Исследования памятников предскифской и скифской эпохи в лесостепной Молдавии. Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960, стр. 144 сл.

[19] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени, стр. 145 сл.

[20] М. И. Артамонов. Некоторые итоги, стр. 86.

[21] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок. СПб., 1902, стр. 139 сл.

[22] Г. Т. Ковпаненко. Ук. соч., стр. 61 сл.

[23] В. А. Ильинская. Ук. соч., стр. 80.

[24] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках... в Чигиринском уезде. ИАК, 14. СПб., 1905, стр. 1 сл.

Ко времени Геродота, т. е. в третьей четверти V в. до н. э., скифы царские считали всех остальных скифов своими рабами (IV, 20), т. е. подвластными себе. Из этого можно заключить, что господствующее положение в Скифии они заняли до знакомства Геродота со скифами, но, судя по приведенным данным, едва ли задолго до этого. О том же свидетельствует и время распространения у скифов царских богатых погребений. Самый ранний из известных памятников этого рода представлен Острой Томаковской могилой с вещами, изготовленными специально для скифов в греческих, вероятно ольвийских, мастерских [25]. Погребение это относится к концу VI — началу V в. до н. э. Того же типа вещи найдены в Среднем Поднепровье в кургане у хут. Шумейко [26], это немаловажно отметить, если иметь в виду, что греческое ремесло в это время было направлено на удовлетворение запросов не столько кочевой, сколько земледельческой скифской знати. Важно также подчеркнуть, что в отличие от специального погребального кургана в хут. Шумейко погребение в Острой Томаковской могиле было впущено в насыпь более древнего кургана эпохи бронзы. Только позже, в конце V — начале IV в. до н. э. у скифов царских появляются курганы, насыпанные под могилами знатных покойников. Это курганы у станции Михайлово-Апостолово [27] и многочисленные богатейшие курганы IV в. до н. э., затмившие своей величиной и богатством все, что известно раньше и в то же время не только у кочевых, но и у оседло-земледельческих скифов. Такие памятники, как Солоха, Чертомлык, Александропольский курган и др. [28], показывают, что наибольшего могущества и богатства скифские цари достигли только в IV в. до н. э. К этому времени и сложилось то Скифское царство, которое могло претендовать на завоевание фракийцев, вступить в борьбу с Македонией и разгромить полководца Александра Великого Зопириона.

В чем же заключался источник его могущества и богатства? Из предшествующего изложения следует, что главные доходы царь и аристократия скифов царских извлекали из контроля над торговлей греков с земледельческим населением страны, связанного не только с распоряжением путями этой торговли, но и с той или другой формой господства над производителями. Кочевники и сами принимали участие в торговле, доставляя грекам продукты скотоводства и рабов, но, принимая во внимание объем хлебной торговли Северного Причерноморья с Грецией и ту роль, которую в ней играла Ольвия, вполне вероятно полагать, что внеэкономические доходы скифов царских в виде поборов с подвластного населения во много раз превосходили то, что они получали взамен товаров, производимых в их собственных хозяйствах.

Еще в V в. до н. э. на Нижнем Днепре напротив г. Никополя возник торгово-ремесленный центр возле ставки скифского царя. Это Каменское городище [29], расположенное ниже порогов и поэтому беспрепятственно сообщавшееся по реке с Ольвией. Отсюда скифы царские отправляли продукты своего хозяйства в греческий город, сюда прибывали греческие купцы, здесь же жили ремесленники, обслуживавшие текущие потребности скифов в вещах обыденного пользования. Это была столица Скифии, откуда управлялось огромное Скифское царство. И хотя оно не было постоянным местопребыванием царя, по больше части кочевавшего по степи вместе со своим двором и отборным войском, здесь сосредоточивались его доходы и поблизости от города находилось царское кладбище.

Не может быть сомнения в том, что Скифия была царством с организованным аппаратом господства. Но какова же была социально-эконо-

[25] Сокровища скифских курганов. Текст М. И. Артамонова, Прага, 1964, табл. 65, 66, рис. 19.
[26] Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, III, Киев, 1900, табл. XIV.
[27] Сокровища скифских курганов, стр. 28.
[28] Там же, стр. 42 сл.
[29] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954.

мическая основа этого царства, какой класс оно представляло и чьи интересы обеспечивало? На этот вопрос чаще всего отвечают весьма определенно: Скифия была рабовладельческим государством, таким же, каким были другие государства того же времени [30]. Но так ли это? Рабовладельческое государство предполагает деление общества на два основных класса: рабовладельцев и рабов при наличии какой-то, не играющей существенной роли прослойки между ними, обычно в виде пауперизированного и паразитирующего демоса или плебса. Однако у нас нет никаких данных о существовании у скифов развитого рабовладения. Этому не благоприятствовал самый тип кочевого скотоводческого хозяйства у степного населения Скифии, в котором рабы могли применяться только для выполнения подсобных домашних работ. Покупных рабов у скифов нет — категорически заявляет Геродот (IV, 72). А это значит, что рабский труд не играл в производстве сколько-нибудь существенной роли. Кочевое скотоводческое хозяйство не нуждалось в применении рабского труда, так как оно, как правило, осуществлялось коллективно. Скифы кочевали не отдельными хозяйствами, а общинами из семейных хозяйств вместе передвигались по степи в подвижных домах на колесах — кибитках, сообща перегоняли животных с пастбища на пастбище и охраняли их от зверей и от врагов (IV, 46, 121). Труд рабов, да и то преимущественно женский, если и был нужен, то только для переработки продуктов скотоводства в хозяйствах с большим числом животных. Отсюда скифский обычай ослепления рабов, о котором сообщает Геродот (IV, 2). Для этой цели годился и слепой раб, но зато хозяин его был гарантирован от побега раба и угона доверенного ему имущества.

Не было условий для развития рабовладения и у земледельцев. Землевладение оставалось общинным, с ежегодными переделами между отдельными хозяйствами [31]. К тому же оно было переложным, связанным с общинным, а не рабским трудом. Когда исчерпывалась пригодная для возделывания земля в одном месте, поселки скифов переносились на другое. Именно поэтому следы поселений в большинстве случаев остаются слабо выраженными. Для накопления значительного культурного слоя они были слишком кратковременными.

В качестве доказательства развитого рабовладения у скифов указывают на засвидетельствованные Геродотом и обнаруженные археологическими раскопками сопровождающие знатного покойника погребения насильственно умерщвленных наложницы и слуг (IV, 71, 72). Но какие же это рабы! Это привилегированные слуги, воины с оружием и дорогими украшениями. Обычай требовал, чтобы они продолжали служить своему господину и после его смерти, разделяя его загробную жизнь так же, как пользовались преимуществами своего положения до его смерти. С таким же успехом можно счесть рабами сановников японского микадо, кончавших жизнь самоубийством посредством харакири в случае смерти своего повелителя. Конечно, для сопровождения в могилу скифского царя убивали не всех его слуг, а только небольшую часть. Слуги составляли не только двор царя, но и его дружину; вероятно, они использовались и для обеспечения производственных надобностей царского хозяйства и по своему положению в таком качестве могли сближаться с рабами. Но это, если не считать рабами всех подданных скифского царя, все же были не рабы и наличие их не доказывает существования рабовладельческого способа производства у скифов.

Древние писатели, а в их числе и Геродот, сохранили очень мало сведений о внутреннем строе скифов. Из их сообщений можно только извлечь, что у скифов были начальствующие и подчиненные, богатые и

---

[30] А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1935.

[31] М. И. Артамонов. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. Уч. зап. ЛГУ, 95, сер. истор. н., 15. Л., 1947, стр. 3 сл.

бедные — владевшие несколькими повозками и большим числом голов скота и, как их называет Лукиан Самосатский, «восьминогие», т. е. обладавшие всего одной повозкой, запряженной парой быков (Скиф или гость, I). Основной единицей скифского общества была семья со своим хозяйством и имуществом. Земля находилась в общей собственности. У земледельцев она подвергалась ежегодным переделам, вероятно, только в возделываемой части, у кочевников земля, надо полагать, распределялась по зонам кочевания отдельных производственных общин. Собственность была личной и семейной. Первая из них в большей своей части шла вместе с умершим в могилу, а вторая находилась в общем семейном владении. Сыновья могли выделиться из семейного хозяйства и получить причитающуюся им часть семейного имущества (IV, 114, 115). Родство и наследование велось по отцовской линии. Практиковалось многоженство. Жены после смерти мужа переходили к его наследникам, как и другое имущество. Так, Скил после смерти своего отца получил одну из жен последнего, скифянку Опиу, от которой тот имел другого сына Орика (IV, 78). Семья несла коллективную ответственность за своих членов. Рассказывая о казни гадателей, Геродот сообщает, что умерщвлялись не только обвиненные, но и их мужское потомство. На женщин это не распространялось, они, как и другое имущество казненных, подлежали конфискации в пользу обвинителей (IV, 68, 69). Ссоры между родственниками или, скорее, соотечественниками (слово οἰχηίων значит и то и другое) разрешались поединком под контролем царя (IV, 65), что исключало ничем не регулируемую кровную месть и упорядочивало общественные отношения.

В легенде о происхождении скифов у Геродота названо несколько родов, восходящих к общим предкам. Это авхаты, катиары, траспии и паралаты (IV, 6). Но это скорее всего были не роды, а племена. Паралатами назывались потомки Колаксая одной легенды о происхождении скифов, соответствующего Скифу другой легенды (IV, 5, 6, 8—10), в катиарах можно узнать агафирсов (акатиров), другое подразделение которых называлось траспиями. Это были потомки Липоксая — Агафирса. Потомков третьего из легендарных братьев — родоначальников Арпоксая — авхатов остается отождествить с потомством его двойника Гелона — гелонами, по Геродоту, поселившимися в стране будин, т. е. в среднеднепровском Левобережье, где ранняя скифская (чернолесская) культура перекрывает сходную с юхновской бондарихинскую культуру, видимо балтской принадлежности [32]. Принимаемые за племя упомянутые Геродотом алазоны, судя по их названию, означающему по-гречески «хвастуны, шарлатаны», были какой-то частью скифов, жившей в междуречье Южного Буга и Днестра в нижнем их течении (IV, 17, 52) и получившей от греков презрительную кличку. Геродот в описании скифов пользуется не собственными именами их подразделений, а описательными наименованиями: скифы-номады, скифы-земледельцы, скифы-пахари, скифы-царские. Эти названия, хотя одно из них «царские» и соответствует туземному «саи», не могли быть именами отдельных племен, а означали совокупности, объединенные характером их хозяйственной деятельности или положением, занимаемым в стране. О племенах у скифов Геродот упоминает всего один раз в описании похорон скифского царя, тело которого перед погребением обвозилось по подчиненным областям (IV, 71), но это не значит, что племен не было или что они не играли никакой роли, а только то, что в условиях централизованного царства эта роль не могла быть значительной.

Основываясь на приведенных отрывочных данных, скифское общество следует считать патриархально-родовым. Однако обычные для этого типа

---

[32] Г. Т. Ковпаненко. Ук. соч., стр. 13—49; В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, 1, стр. 43 сл.

общественные порядки у них были соподчинены военной организации с ее иерархией властей, в одних случаях совпадающих с родо-племенными, а в других стоящих над ними. Геродот упоминает у скифов номархов (IV, 66), т. е. военных правителей областей, едва ли соответствующих племенным вождям и родовым старейшинам. Эти правители, надо полагать, назначались царем из его приближенных или зарекомендовавших себя верностью представителей родо-племенной аристократии. Последние, вероятно, именовались скриптухами. Знаком их достоинства был маленький топорик с головкой животного или птицы на обушке [33].

Скифы царские всех других скифов считали своими рабами, но это не значит, что все подвластные им скифы были действительно рабами. Эксплуатация подвластного скифам населения была основным источником обогащения господствующих скифов, и притом не только аристократии, так как она осуществлялась коллективно и выгодами ее пользовались, хотя и не в равной мере, не только царь и его окружение, но и рядовые воины. Внутри скифов царских не было оформившихся классов, существовавшая там эксплуатация была скрытой, замаскированной формами коллективного производства. Так же обстояло дело и у земледельцев. Внутри каждого из подразделений скифов господствовали порядки, свойственные военной демократии, хотя и с деспотической властью царя, отнюдь не противоречащей этим порядкам, так как эта власть была строго ограничена обычаем, нормы которого были обязательными и для самого царя. Нарушение их, как показывает история с царем Скилом, могло обернуться для царя самыми серьезными последствиями. За пренебрежение отеческими обычаями Скил был смещен, а затем казнен, но царем вместо него стал его брат из той же традиционной царской династии (IV, *79—80*).

В скифском обществе эксплуатация развертывалась не внутри племен, а между ними. Одна часть — скифы царские владычествовала над другими и эксплуатировала их в меру своих возможностей и того сопротивления, какое подвластные племена могли им оказать. Именно для поддержания этой системы угнетения и эксплуатации скифам царским нужно было сильное войско и абсолютная власть царя. Но созданная скифами царскими организация не была еще государством, хотя и имела основные его признаки.

Б. Н. Граков, считая Скифское царство рабовладельческим государством, приравнивает положение подвластных скифам царским других скифов к спартанским илотам (гелотам) и боспорским пелатам [34]. К числу их можно было бы прибавить фессалийских пенестов и критских кларотов. Оставляя в стороне не вполне ясных по своему положению пелатов, сравнение илотов с подчиненными скифами вполне правомерно. И те и другие попали в зависимое состояние в результате завоевания. Но и илоты и еще меньше подвластные господствующим скифам остальные скифы не были рабами в собственном значении этого понятия. Они не находились в частной собственности, их нельзя было ни продать, ни убить, ни освободить, они владели своими хозяйствами и облагались установленным властью натуральным налогом или оброком. В отличие от илотов, прикрепленных к земле и находившихся во владении отдельных спартиатов, скифские «рабы» сохраняли свою самостоятельность во внутреннем управлении, у них оставалась своя родо-племенная аристократия, которая, вероятно, и обеспечивала выполнение обязанностей, возложенных победителями на побежденных. Все это нимало не похоже на рабство и не может служить доводом в пользу рабовладельческого строя у скифов.

---

[33] В. А. Ильинская. Культовые жезлы скифского и предскифского времени. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 206 сл.

[34] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 22 сл.

В марксистско-ленинском понимании государством называется организация господства одного класса над другим с обязательным существованием соответствующего этой цели аппарата принуждения [35]. Скифское царство располагало таким аппаратом, обеспечивающим господство одной части скифов над другой. Но та и другая части — господствующая и подчиненная не являлись классами с различным отношением к средствам производства. В классовом обществе господствующий класс владеет средствами производства, а эксплуатируемый полностью или частично их лишен. В скифском же обществе средства производства оставались в руках производителей, хотя обеспеченность ими была различной. Принципиальной разницы в отношении к собственности, однако, не существовало ни между господствующими и подчиненными, ни между богатыми и бедными. Рабы в качестве средств производства еще не представляли такой величины, которая могла бы сказаться на характере социальных отношений. Рабовладельцы и рабы еще не составляли противостоящих классов и еще не было надобности в специальных средствах подчинения вторых первым. О скифском рабовладельческом строе можно говорить только как о зачаточном, существенно не отличающемся от патриархального рабства, сливающегося с семейными отношениями. Скифское царство обеспечивало власть не одного класса над другим, а одного племени над другими. В этом заключалась его главная функция, и на это была направлена его организация.

Скифское царство не было государством в марксистско-ленинском понимании этого термина. Это была одна из форм военной демократии, стоящая на грани превращения в государство. Уже в самом названии военной демократии заключаются ее характерные признаки. Входившие в состав Скифского царства племена сохраняли демократический строй, поскольку царь или вождь с его дружиной еще не противостоял вооруженному народу, но оно же было и военным, так как война стала для них обычной функцией, своего рода производством (промыслом) [36]. Созданное в порядке завоевания Скифское царство представляло собой результат военной деятельности одного из подразделений скифов, не изменившего социальную природу ни завоевателей, ни завоеванных и существовавшее лишь постольку, поскольку сохранялось военное превосходство одних над другими.

Из сказанного отнюдь не следует, что в Скифском царстве не происходило никаких социальных изменений. Они были, но с особой силой проявились только в позднейшее время, когда под ударами со стороны сарматов Скифское царство лишилось большей части своих владений, сильно сократилось в размерах и стало вместо эксплуатации подвластных племен развивать эксплуатацию соплеменников и рабов. Но это новый период в истории скифов, известный под названием Скифского царства в Крыму [37], подлежащий специальному рассмотрению.

M. I. Artamonov

LE ROYAUME DE SCYTHES

Résumé

Chassés de l'Asie Mineure par les Mèdes vers l'an 585 avant notre ére les Scythes firent partie de la population nomade des régious attenant à la Mer Noire du côté-nord. Ils portèrent le nom des «Scythes royaux». Habitués à assujettir d'autres peuples lors de leur demeure en Asie, ces Scythes s'efforcèrent d'occuper la même situation

[35] В. И. Ленин. Государство и революция. Соч., том. 25, М., 1953, стр. 358 сл.
[36] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том 21, М., 1961, стр. 164.
[37] М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. ВЛГУ, 1948, 8, стр. 56 сл.

dans leur nouveau pays d'habitation. Ils soumirent les Scythes nomades, population autochtone des steppes; par leurs invasions ils éloignèrnt au-delà des Carpates les habitants de la Podolie et du nord-est des Pré-Carpates qu'ils n'avainet pas réussis à asservir et subjuguèrent les Scythes laboureurs peuplant les régions du cours moyen du Dniéper. Cette position dominante permit aux Scythes royaux de mettre main sur les profits rapportés par le commerce du blé qui se développait, depuis le VIe siècle avant notre ère, avec les villes grecques. Ils acquirent ainsi d'une source principale de leur richesse. Du point de vue d'archéologie cela se révèle dans un mobilier extrêmement riche et abondant provenant des sépultures des aristocrates scythes du Ve et surtout du IVe siècles avant notre ère.

Le royaume de Scythes né à la base des guerres ne modifia de nature sociale ni des conquérants ni des vaincus. Les uns et les autres gardèrent leurs structures sociales qui n'étaient pas encore divisées en classes où les rapports aux moyens de production ne changèrent pas, l'importance du travail d'esclaves resta insuffisante dans le cadre de l'économie familiale partriarcale et le régime était toujours d'un caractère militaire et démocratique. Un pouvoir despotique du roi et une organisation militaire de la société n'entraient pas en divergence avec ce régime car ils étaient nécessaires non pas pour maintenir la domination d'une classe sur une autre mais pour assurer la prédominance d'une tribu sur une autre ainsi que pour garantir quelque indépendance à la population assujettie. Le royaume de Scythes n'était pas un Etat au sens marxiste-léniniste de ce terme mais c'était déjà une base pour sa formation.

А. М. ХАЗАНОВ

ОБЫЧАЙ ПОБРАТИМСТВА У СКИФОВ

В 1908 г. вышла книга Р. Мэррита «Антропология и классики» [1], автор которой обратил внимание на то, сколько ценных для этнографии сведений содержится в греческой и римской письменной традиции. С тех пор усилиями трех поколений ученых эта проблема разработана очень хорошо [2]. Однако у нее имеется другой аспект, которому пока не уделялось много внимания,— возможность интерпретации известий древних авторов в свете данных сравнительной этнографии.

В нашей литературе примерами подобного подхода, к сожалению единичными, могут служить статьи М. И. Артамонова «О землевладении и земледельческом празднике у скифов» [3] и Б. Н. Гракова «Пережитки матриархата у сарматов» [4]. Но даже в этих работах, заслуженно составивших целую эпоху в развитии нашей скифологии, данные этнографии привлекаются главным образом как иллюстрации уже сформулированных положений, в то время как методологически более правильным было бы поступить наоборот: сначала выяснить, что говорит по тому или иному вопросу этнография, а затем уже сравнивать ее данные с письменным или археологическим источником.

В нескольких своих статьях я попытался подобным образом интерпретировать имеющиеся у нас сведения относительно положения женщин в сарматском обществе и скифского жречества [5]. На этот раз в качестве примера взят обычай побратимства у скифов. Дело в том, что, хотя этот обычай давно уже привлекает к себе внимание исследователей, мнения о нем расходятся довольно сильно. Одни рассматривали его как доказательство прочности родовых уз в Скифии [6], другие, напротив, как свидетельство их распада [7]. Наконец, выдвинуто предположение, что этот обычай был распространен преимущественно в дружинной среде [8].

Впервые обычай побратимства у скифов засвидетельствован Геродотом. «Если скифы заключают с кем-либо клятвенный договор, то поступают при этом так: в большую глиняную чашу наливается вино, к нему примешивается кровь договаривающихся, причем этим последним делают

---

[1] R. R. Marett. Anthropology and the Classics, Oxford, 1908. Как известно, в англо-саксонских и многих других странах термин «антропология» включает в себя и этнографию.

[2] Из наиболее важных работ на эту тему с.: «Die Anthropologie und die Klassiker», Heidelberg, 1910; E. E. Sikes. The Anthropology of the Greeks. London, 1914; C. Kluckholm. Anthropology and the Classics. Providence, 1961.

[3] М. И. Артамонов. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. Уч. зап. ЛГУ. Сер. ист. н., 1946, 15, 95.

[4] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 3.

[5] А. М. Хазанов. Материнский род у сарматов. ВДИ, 1970, 2; его же. З соціальної історії Скіфії. УІЖ, 1970, 9.

[6] М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. ВЛУ, 1947, 9, стр. 73.

[7] А. И. Тереножкин. Об общественном строе скифов. СА, 1966, 2, стр. 38

[8] А. И. Мелюкова. Войско и военное искусство скифов. КСИИМК, XXXIV. 1950, стр. 31; И. В. Яценко. Скифия VII—V веков до нашей эры. М., 1959, стр. 112.

уколы шилом или небольшие разрезы ножом на теле, потом погружают в чашу меч, стрелы, секиру и метательное копье. По совершении этого они долго молятся, затем пьют смесь как сами договаривающиеся, так и знатнейшие из присутствующих» [9]. Правда, о том, что этот обряд связан с побратимством, у Геродота прямо не говорится. Но сопоставление его сообщения с рассказом Лукиана, сообщающем также много дополнительных подробностей, в том числе и относительно ритуала заключения побратимства, не оставляет в этом никаких сомнений.

Скиф Токсарис из одноименной новеллы рассказывает: «Мы приобретаем себе друзей: не на пирушках, как вы (т. е. греки.— *А. Х.*) и не потому, что известное лицо является нашим ровесником или соседом; но, увидев какого-нибудь человека хорошего и способного на великие подвиги, мы все устремляемся к нему и то, что вы делаете при браках, мы делаем при приобретении друзей: усердно сватаемся за него и во всем действуем вместе, чтобы не ошибиться в дружбе или не показаться неспособным к ней. И когда какой-нибудь избранник сделается уже другом, тогда заключается договор с великой клятвой о том, что они и жить будут вместе и в случае надобности умрут один за другого. И мы действительно так и поступаем; с того времени, как мы, надрезав пальцы, накаплем крови в чашу и, омочив в ней концы мечей, отведаем этой крови, взявшись вместе за чашу, ничто уже не может разлучить нас. В союзы дозволяется вступать, самое большее, трем лицам, потому что, кто имеет много друзей, тот кажется нам похожим на публичных блудниц, и мы думаем, что дружба такого человека, разделенная между многими, уже не может быть столь прочной» [10].

Тот же Лукиан засвидетельствовал существование в Скифии культа кораков — «божеств — покровителей дружбы» или же, что скорее, прославившихся своей дружбой героев, которых греки отождествляли с Орестом и Пиладом [11]. В этой связи любопытно отметить, что традиция, связывающая Ореста и Пилада с Северным Причерноморьем, существовала в Греции по крайней мере с V в. до н. э., когда она была зафиксирована Эврипидом, а вероятно, еще с более раннего времени [12]. По словам Лукиана, в Скифии имелся даже храм Ореста и Пилада — точнее их скифских аналогов [13]. Его известие подтверждается Овидием, который сообщал, что, по словам местного жителя, уроженца Тавриды, в Скифии почиталась дружба Ореста и Пилада [14].

Скифское побратимство нашло также отражение в иконографическом материале: обряд, описанный Геродотом и Лукианом, изображен на золотых нашивных бляшках из Солохи и Куль-Обы.

Приведенные материалы позволяют считать твердо установленным фактом существование в Скифии обычая побратимства, по всей видимости получившего там широкое распространение. Очевидно, он нашел свое отражение и в скифской культовой практике, в виде особых божеств или героев — покровителей дружбы, в честь которых совершались жертвоприношения. Сам обряд заключения побратимства (чаша с кровью заключающих дружбу, причащение в ней оружия) также ясно указывает на имевшуюся в нем сильную религиозно-магическую струю. Наконец, имея в виду отождествление греками кораков с Орестом и Пиладом и традицию, помещавшую последних в Северном Причерноморье, уместно задаться вопросом, не сказалось ли знакомство со скифским культом на греческих

---

[9] Геродот, IV, 70.

[10] Лукиан. Токсарис или дружба, 37.

[11] Там же, 1—8. Ср. там же, 1: слова Токсариса о том, что скифы приносят жертвы Оресту и Пиладу, но вовсе не считают их богами, а просто хорошими людьми.

[12] Известно, что главные сюжеты греческих трагедий почерпнуты из сказаний троянского цикла. См.: И. Тренчени-Вальдапфель. Мифология. М., 1959, стр. 348.

[13] Лукиан. Токсарис или дружба, 5—7.

[14] Овидий. Письма с Понта, III, *2*.

мифологических воззрениях?[15] Рассмотрение этого вопроса, однако, завело бы слишком далеко от основной цели моей статьи — вскрыть социальную подоплеку широкого распространения обычая побратимства у скифов. Но это едва ли можно сделать на примере одного общества, даже более богатого источниками, чем скифское. Для того чтобы понять сущность побратимства как общественного явления, необходимо обратиться к сравнительно-историческому и этнографическому материалу.

Этот материал согласно свидетельствует о двух вещах. Во-первых, легко выясняется, что побратимство — обычай, если и не универсальный, то во всяком случае распространенный чрезвычайно широко. Нет никакой возможности, да и необходимости, перечислить все общества, в которых он был отмечен или описан. Поэтому ограничусь замечанием, что он прослежен буквально во всех частях света за исключением Австралии. Во-вторых, легко обнаружить, что этот обычай, будучи чаще всего оригинальным в генетическом отношении, в самых различных обществах и в самые различные эпохи обнаруживает чрезвычайно много общих типологических и особенно стадиальных черт.

В первобытном обществе и даже на начальном этапе его разложения этот обычай если и существует, то лишь в зародышевой форме, например, в виде возрастных классов, члены которых, однозначно интегрированные в социальную систему, будучи ровесниками и совместно проходя инициации, на протяжении всей жизни остаются тесно связанными и оказывают друг другу взаимопомощь и поддержку[16]. Но возрастные классы и сходные с ними институты — это еще не настоящее побратимство, так как принадлежность к ним и выбор партнеров определяется не индивидуальными склонностями, а автоматической принадлежностью к определенному коллективу, не говоря уже о возрастной группе. Для развития побратимства нужна индивидуальная личность, а она в первобытном обществе делала только первые шаги на пути своего становления[17].

Своего расцвета побратимство достигает в относительно узких исторических пределах — в эпоху классообразования, чтобы затем, сохраняясь нередко в раннеклассовых обществах, быстро сойти на нет по мере дальнейшего общественного развития или же уцелеть в виде пережитка, своего рода этнографического реликта тогда, когда для этого имеются благоприятные условия специфически локального порядка.

Так же легко найти и социологическое объяснение этому явлению. Эпоха классообразования — это время крушения старых социальных связей, основанных на кровном родстве. Сородичи и даже соплеменники не живут теперь компактно, а разбросаны на довольно значительной территории. Внутри рода растет социальное и имущественное неравенство. В то же время индивид вступает в различные и притом более разнообразные отношения со значительно большим кругом лиц, чем прежде. Его социальные и экономические связи усложняются. В этих условиях он ищет новые линии защиты, которые могли бы более эффективно охранять его интересы. Укрепляющихся соседних связей для этого явно недостаточно. Ведь соседские связи выступают не как отношения между индивидами, а как отношения между семьями, к тому же носят преимущественно экономический характер. Кроме того, соседской общине присущи и свои внутренние

---

[15] Имеется в виду тот в общем уже неплохо изученный факт, что греческие переселенцы в Северном Причерноморье, стремясь перенести свои сакрально-мифологические предания на территорию вновь обретенной родины, опирались при этом на местные как на опорные пункты, используя их в качестве аналогов. Об этом см., например: Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, XXXIV, 1950; М. Ф. Болтенко. Herodoteanea. Матеріали з археології Північного Причерномор'я, III. Одесса, 1960, стр. 44.

[16] См. H. Schurtz. Altersklassen und Männerbünde. Berlin, 1902; B. Bernardi. The Age-System of the Nilo-Hamitic Peoples. «Africa», 1952, 122; A. H. J. Prins. East African Age-Class System. Groningen, 1953.

[17] И. С. Кон. Социология личности. М., 1967, стр. 185 и сл.

противоречия. Центральная власть также еще слишком слаба, чтобы взять на себя охрану интересов и прав индивидов.

Поэтому поиски новых социальных связей, цель которых — охрана интересов индивида, нередко выливаются в различные формы, имеющие сугубо личностный характер, т. е. выступающие как отношения между отдельными индивидами безотносительно к их родовой или территориально-общинной принадлежности. Одним из примеров таких вновь возникших связей могут служить отношения между вождем и его дружинниками в варварских обществах. Здесь права и обязанности имеют двусторонний характер и определяются они не родовой или какой-либо иной принадлежностью дружинника, а в первую очередь его принадлежностью к новому коллективу — дружине и, конечно, его статусу в ней [18]. Но это пример новых связей, возникающих по иерархическому принципу. Положение вождя и рядового дружинника неравно, неравны и их права и обязательства, хотя, подчеркиваю, они все же носят двусторонний характер — иначе о них вообще не имело бы смысла упоминать в этой статье.

Наряду с иерархическими в эпоху классообразования возникают и иные личностные связи, в том числе такие, которые строятся на равенстве вовлеченных в них лиц. К числу именно таких связей и относится побратимство, отражающее важные сдвиги, которые переживает общество, крутую ломку прежних общественных отношений, а с нею вместе старой системы ценностных ориентаций. Но идеология, как известно, вещь довольно консервативная. Поэтому вновь возникающие социальные связи нередко осмысливаются сквозь призму старых, кровнородственных. Отсюда и обряды, символизирующие искусственное установление кровного родства. Отсюда и дожившая до нашего времени терминология (ср. русское побратимство — английское blood brotherhood, немецкое Bruderschaft, монгольское анъда, что означает «названные братья» и т. д.).

Впрочем, магическая обрядность, нередко сопровождавшая заключение побратимства, имела еще одну цель: укрепить вновь возникшие узы, сделать их неразрывными. Например, у баганда в Африке считалось, что нарушение клятвы на верность побратиму могло привести к чрезвычайно опасным для нарушителя последствиям [19]. В этом же направлении действовало и общественное мнение. Предание индейцев ассинобойнов повествует об отце, изгнавшем сына, который предал своего побратима, и о его друге, добровольно удалившемся в изгнание из солидарности со своим побратимом-предателем [20].

Сообщения Геродота и Лукиана об обряде заключения побратимства у скифов, об участии в нем знатных свидетелей, примеры благородства и верности в дружбе, о которых рассказывает у Лукиана Токсарис, и которые хотя бы частично, возможно, восходят к скифскому эпосу, показывают, что скифское общество в этом отношении не было чем-то из ряда вон выходящим. И в нем и религиозный ритуал и общественное мнение согласно действовали для укрепления побратимства как нового вида социальных связей.

Итак, побратимство — это нечто большее, чем просто дружба, возникновение его отражает кризисную ситуацию в обществе. Вообще дружбу можно рассматривать с различных точек зрения. Например, как эмоционально-индивидуальное и возрастное явление, и тогда, как считают многие социологи, в характере ее не наблюдается значительных изменений на протяжении различных эпох. Но ее можно рассматривать и как историче-

[18] См., например, описание германских дружин, данное Тацитом (Тацит. Германия, XIII—XIV). См. там же об обязанностях вождя: «ведь от щедрости своего вождя они (дружинники.— *А. Х.*) требуют боевого коня, той же жаждущей крови и победоносной фрамеи; что же касается пропитания и хоть простого, но обильного угощения на пирах, то они у них вместо жалованья».

[19] J. Roscoe. The Baganda. London, 1911, стр. 268; A. Kagwa. The Customs of the Baganda. N. Y., 1934, стр. 134.

[20] R. Lowie. Primitive Society. N. Y., 1947, стр. 320.

скую категорию, и тогда содержание ее явно меняется с течением времени. Первобытнообщинный строй почти не оставлял возможностей для индивидуальной дружбы. Все потенциальные личностные отношения определялись отношениями между различными семьями, родами, общинами и другими коллективами, к которым индивид принадлежал от рождения до смерти. И только по мере освобождения его, по выражению Маркса, от пуповины первобытной общности [21], по мере ослабления этих связей для дружбы возникает подходящая социальная среда. В эпоху классообразования дружба в различных своих проявлениях, в том числе и в побратимстве, приобретает такое важное социальное значение, какого она никогда не имела ни до ни после.

Весьма показательна и дальнейшая эволюция обычая побратимства. С возникновением государства и углублением классовых противоречий поле его деятельности непрерывно сужается. С одной стороны, укрепляющаяся государственная власть берет на себя защиту интересов и регламентацию поведения своих подданных, хотя при этом она руководствуется, разумеется, классовыми критериями. Вспомним кодификацию варварских правд и стремление заменить кровную месть вергельдом, различным для различных прослоек населения. С другой стороны, побратимство все больше вытесняется иерархическими связями, основанными на господстве и подчинении, например, между сеньором и вассалом, между патроном и клиентом, между феодалом и крестьянином и т. д. [22] Поэтому побратимство нередко быстро исчезает или приобретает формально-договорный характер [23]. Но даже там, где иерархические отношения еще недостаточно сильны, чтобы его полностью уничтожить (например, в некоторых раннеклассовых обществах), оно внутренне трансформируется все по тому же иерархическому принципу. Отношения побратимов теперь рассматриваются иногда не только как отношения двух братьев, но как отношения отца и сына. Характерный пример — монголы накануне возникновения державы Чингисхана. Ван-хан кэрэитский и Чингис, тогда еще Тэмуджин, стали анъда — побратимами. Но поскольку анъда был и отец Тэмуджина, то отношения последнего с Ван-ханом стали рассматриваться как отношения отца с сыном, а в реальности Тэмуджин стал вассалом Ван-хана [24]. Другой пример — анъдой Чингисхана был его же дружинник — нукер Боорчу [25]. И здесь отношения побратимов не могли быть равными.

Вернемся теперь к скифам. Прежде всего обращает на себя внимание, что сведения о наличии у них обычая побратимства относятся к довольно узкому отрезку времени — к V—IV вв. до н. э. Данные Геродота — это середина V в. до н. э. Бляшки из Солохи — середина, а из Куль-Обы — последняя четверть IV в. до н. э. Правда, Лукиан жил, как известно, во II в. н. э. Но еще М. И. Ростовцев отметил, что источник, которым тот располагал, восходит к значительно более раннему времени — к эллинистическому [26]. Главное основание для такого предположения он видел в том,

---

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 99.

[22] Для Западной Европы в эпоху раннего средневековья этот процесс хорошо прослежен А. Я. Гуревичем (А. Я. Гуревич. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, стр. 163 сл.).

[23] Особенно в сфере международных отношений. Ср. слова Тацита про царей Армении и Грузии: «У царей есть обычай при каждом заключении союза скрещивать правые руки, связывать между собой большие пальцы и стягивать узлом; затем, когда кровь притечет к конечностям, они вызывают ее легким уколом и лижут ее друг у друга. Такой договор считается имеющим таинственную силу и как бы освященным взаимной кровью». (Тацит. Анналы, XII, 47). Сам обряд не так уж сильно отличается от описанного Геродотом и Лукианом, но тот же Тацит свидетельствует, сколь часто нарушались договора, освященные подобным образом.

[24] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 61.

[25] Ш. Сандаг. Образование единого монгольского государства и Чингисхан. Сб. «Татаро-монголы в Азии и Европе». М., 1970, стр. 34.

[26] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пг., 1925, стр. 108.

что «вся картина Боспорского царства и его отношения к соседям ближе всего подходят к эпохе позднего эллинизма»[27]. Однако это мнение небезукоризненно. Во-первых, Лукиан рисует скифский быт еще в очень архаических чертах — самовольные набеги, отсутствие сильной центральной власти и т. п. В то же время некоторые из сообщаемых им этнографических подробностей, вроде обряда сидения на шкуре, внушают определенное доверие к самому источнику, пусть и дошедшему до нас в сильно переработанном новеллистом виде. Во-вторых, некоторые географические сведения, приводимые Лукианом, мало соответствуют эпохе эллинизма. Наряду с аланами, явной модернизацией для эллинистического времени, у него выступают савроматы, а не сарматы, и главное, их от скифов еще отделяет Танаис. Поэтому вполне допустимо предположение, что знаменитый сатирик пользовался при написании «Токсариса» источником или источниками, по крайней мере один из которых восходит к еще более раннему времени, приблизительно к V—IV вв. до н. э., а в конечном счете к ионийской традиции, особенно богатой этнографическими подробностями[28]. Обнаружить такой источник Лукиан мог, занимаясь в афинской библиотеке.

Таким образом, расцвет обычая побратимства в Скифии, очевидно, можно датировать V—IV вв. до н. э. Все что мы знаем о скифском обществе этого времени не только не противоречит такому предположению, но напротив, подтверждает наличие в Скифии благоприятного для побратимства общественного климата. Например, для этого времени мы можем предполагать существенное ослабление родовых уз. Геродот упоминает о каких-то конфликтах между родственниками в Скифии, о том, что выработалась даже традиционная форма решения таких конфликтов поединком перед лицом царя — значит они были достаточно часты. Из черепов поверженных сородичей изготовляются чаши, как и из черепов врагов, и «когда явятся гости, которым скиф желает оказать внимание, то он приносит такие черепа и рассказывает, что это были его родственники, но вступили с ним в борьбу и он одержал верх над ними. Это рассказывается как геройский подвиг»[29]. В этом сообщении Геродота, несмотря на его кажущуюся ясность, все же очень многое остается непонятным; поэтому его комментируют различным образом[30]. Дело в том, что термин, употребленный здесь Геродотом — οἰκηῖοι, имеет два значения: члены одной семьи, домочадцы и лица, имеющие общего предка, т. е. скорее всего сородичи[31]. Я согласен с теми исследователями, которые полагают, что в данном случае Геродот говорит о сородичах, хотя и при такой трактовке источника остаются некоторые трудности. Моя позиция основывается на том, что с этнографической точки зрения внутрисемейные конфликты, подобные описанному, крайне маловероятны.

Устанавливаемый, таким образом, уже во времена Геродота распад родовых связей, конечно, способствовал развитию побратимства. Благоприятствовала ему и обстановка постоянного военного напряжения, в котором находилось скифское общество. Походы, набеги, борьба за скот и пастбища, с одной стороны, вырабатывали определенный военный этикет, неписанный кодекс чести, а с другой — диктовали необходимость сплоче-

---

[27] Там же, стр. 108, прим. 4.

[28] Для времени, близкого к Лукиану, вообще характерно возрождение интереса к ионийским логографам. L. Pearson. Early Ionian Historians. Oxford, 1939, стр. 9—11.

[29] Геродот, IV, 69.

[30] А. С. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. ЗОРСА, IV, СПб., 1887, стр. 495; С. А. Семенов-Зусер. Родовая организация у скифов Геродота. ИГАИМК, IX, 1, 1931, стр. 32; И. В. Яценко. Ук. соч., стр. 107; Н. Г. Елагина. О родо-племенной структуре скифского общества по материалам четвертой книги Геродота. СЭ, 1963, 1, стр. 78.

[31] Древнегреческо-русский словарь. II, М., 1958, стр. 1156.

ния на личностной основе, коль скоро родовая оказалась несостоятельной, а семейная — явно недостаточной.

Именно в подобной военной обстановке укреплялись представления, подобные тому, которое бытовало у команчей. У них считалось, что в случае необходимости побратима, «брата по оружию» следовало спасти даже если для этого требовалось бросить на произвол судьбы настоящего брата или отца [32].

Поэтому нельзя не признать, что Лукиан с позиций скифов, как он их себе представлял, довольно точно объяснил причины, вызвавшие к жизни обычай побратимства: «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи; а тут-то именно и нужны хорошие друзья. Поэтому мы и заключаем самую крепкую дружбу, считая ее единственным непобедимым и несокрушимым оружием» [33].

Но для того чтобы побратимство получило широкое распространение, нужно еще одно условие, а именно, отсутствие сильной центральной власти, во всяком случае такой, которая могла бы достаточно строго регламентировать и регулировать общественную жизнь, взять на себя решение внутренних конфликтов. Все эти задачи может взять и берет на себя только государство. Сказанное дает основание предполагать с известной долей вероятия, что в V в. до н. э., по крайней мере во времена Геродота, оно еще не возникло у скифов или только делало первые шаги. Конечно, наличие или отсутствие побратимства само по себе не может служить здесь сколько-нибудь существенным аргументом. Но в сопоставлении с другими данными анализ его, каким оно мне представляется в Скифии, по-видимому, подтверждает правильность той точки зрения, по которой государство в Скифии возникает не ранее IV в. до н. э., разве что лишь в конце V в. до н. э.

О дальнейшей судьбе этого обычая в Скифии почти ничего не известно. Для IV в. до н. э. он засвидетельствован бляшками из Солохи и Куль-Обы, которые, конечно, не могут ответить на вопрос, как широко было распространено побратимство и какие особенности были в это время ему присущи.

Все же обращает на себя внимание одно обстоятельство. Для V в. до н. э. нет прямых указаний на то, что обычай побратимства был распространен лишь в дружинной среде. Но упомянутые бляшки IV в. до н. э. найдены в царских курганах. Не приобрело ли именно в это время побратимство специфически дружинный, аристократический характер? Ведь данные археологии свидетельствуют, что как раз к IV—III вв. до н. э. у скифов завершился процесс выделения военной аристократии [34]. Если это так, то появляются намеки на его эволюцию со времени Геродота, соответствующую, конечно, дальнейшей эволюции скифского общества. Позднее никаких сведений нет [35]. Заманчиво думать, что это объясняется исчезновением или трансформацией обычая ввиду укрепляющихся классовых отношений и государства. Но вполне возможно, что все дело в неполноте наших источников.

В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание на возможность и эффективность использования этнографических материалов для реконструкции различных аспектов социальной истории скифов, да и не только их. Количество письменных источников, которыми располагает наука, ограничено, и нет надежды на его сколько-нибудь существенное увеличение в будущем. Археологический материал непрерывно растет, но

---

[32] R. Linton. The Study of Man. N. Y., 1936, стр. 255—256.

[33] Лукиан. Токсарис или дружба, 36.

[34] И. В. Яценко. Ук. соч., стр. 112.

[35] Вышеприведенное замечание Овидия в данном случае в счет не идет. Греки тоже почитали Ореста и Пилада долгое время после того, как само побратимство стало для них уже пройденным этапом.

сам по себе он нем, его еще необходимо озвучить. Тут-то на помощь и приходит этнография. Но для осмысления письменного и тем более археологического источника с помощью данных этнографии необходим правильный методологический и методический подход. Едва ли надо напоминать, что всегда найдутся этнографические факты, подтверждающие априорные схемы и реконструкции. Вопрос в том, какую ценность будут иметь эти последние. Разработка подлинно научной методики использования этнографического материала в археологических, исторических и социологических реконструкциях является поэтому весьма актуальной и перспективной задачей.

A. M. Khazanov

LA COUTUME DE FRATERNISATION CHEZ LES SCYTHES

Résumé

L'article fait l'analyse des données des sources écrites et archéologiques sur l'existence de la coutume de fraternisation chez les Scythes. Ces connaissances sont confrontées avec le matériel éthnographique comparé. Les données concernant cette coutume se rapportent à un laps de temps assez court, généralement, aux V—IVes siècles avant notre ère. A cette époque l'importance des liens de parenté chez les Scythes diminuait sensiblement tandis que le rôle de la famille grandissait. Aux V—IVes siècles avant notre ère la société scythe avait un caractère transitoire où des structures anciennes dégradaient mais celles nouvelles, en train de se former, n'atteignaient pas encore leur vraie force. Cela contribuait à l'essor des fraternisations où l'individu cherchait de nouvelles lignes de protection, celles anciennes perdant leur valeur.

И. Н. МЕДВЕДСКАЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ БРОНЗОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Бронзовые наконечники стрел являются важным датирующим материалом, и понятно то внимание, которое уделяется им при разработке вопросов хронологии. Казахстанскими археологами в настоящее время разработана относительная хронология наконечников стрел, эволюция их прослеживается с конца эпохи бронзы по III в. до н. э.[1] В Средней Азии положение несколько иное. Наконечники эпохи бронзы описаны Е. Е. Кузьминой и подразделены на два отдела: черешковые и втульчатые[2]. По бронзовым наконечникам стрел более позднего времени, скифского, обобщающих работ нет, хотя вопросы хронологии и типологии рассматривались неоднократно. Существенную роль, видимо, сыграло положение В. М. Массона о «методической допустимости использования для Средней Азии датировок, выработанных на причерноморских материалах», основанное на том, что «... намеченная по скифским материалам смена двуперых наконечников стрел трехперыми имела место и в оседлых областях Средней Азии...»[3]. Этот вывод стал исходной посылкой во многих работах, где затрагиваются вопросы датировки среднеазиатских бронзовых наконечников стрел[4].

В распоряжении В. М. Массона было еще немного материала, но он все же отметил необходимость учета некоторых местных особенностей, относя к ним длительное бытование двуперых наконечников стрел со втулкой[5]. Помимо этого надо иметь в виду и такую характерную особенность среднеазиатских наконечников стрел, как черешковая форма насада, возникшая еще в эпоху бронзы[6]. Для К. А. Акишева именно одновременное появление и параллельное бытование черешковых и втульчатых наконечников стрел послужило основанием для вывода, «что по типу наконечников стрел древнейший Казахстан отличается от районов расселения собственно скифских и савроматских племен»[7]. Изучение казахстанского материала предполагает существование независимой линии развития бронзовых наконечников стрел.

---

[1] К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963; М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. Сб. «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата. 1966.

[2] Е. Е. Кузьмина. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, В 4—9, М., 1966.

[3] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, стр. 46—48.

[4] Б. А. Литвинский. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Сб. «Материальная культура Таджикистана». Душанбе, 1968. Здесь же см. литературу по истории вопроса.

[5] В. М. Массон. Ук. соч., стр. 47.

[6] Е. Е. Кузьмина. Ук. соч., стр. 32; И. Н. Медведская. О происхождении среднеазиатских бронзовых черешковых наконечников стрел. КСИА АН СССР, 119, 1970.

[7] К. А. Акишев и Г. А. Кушаев. Ук. соч., стр. 121.

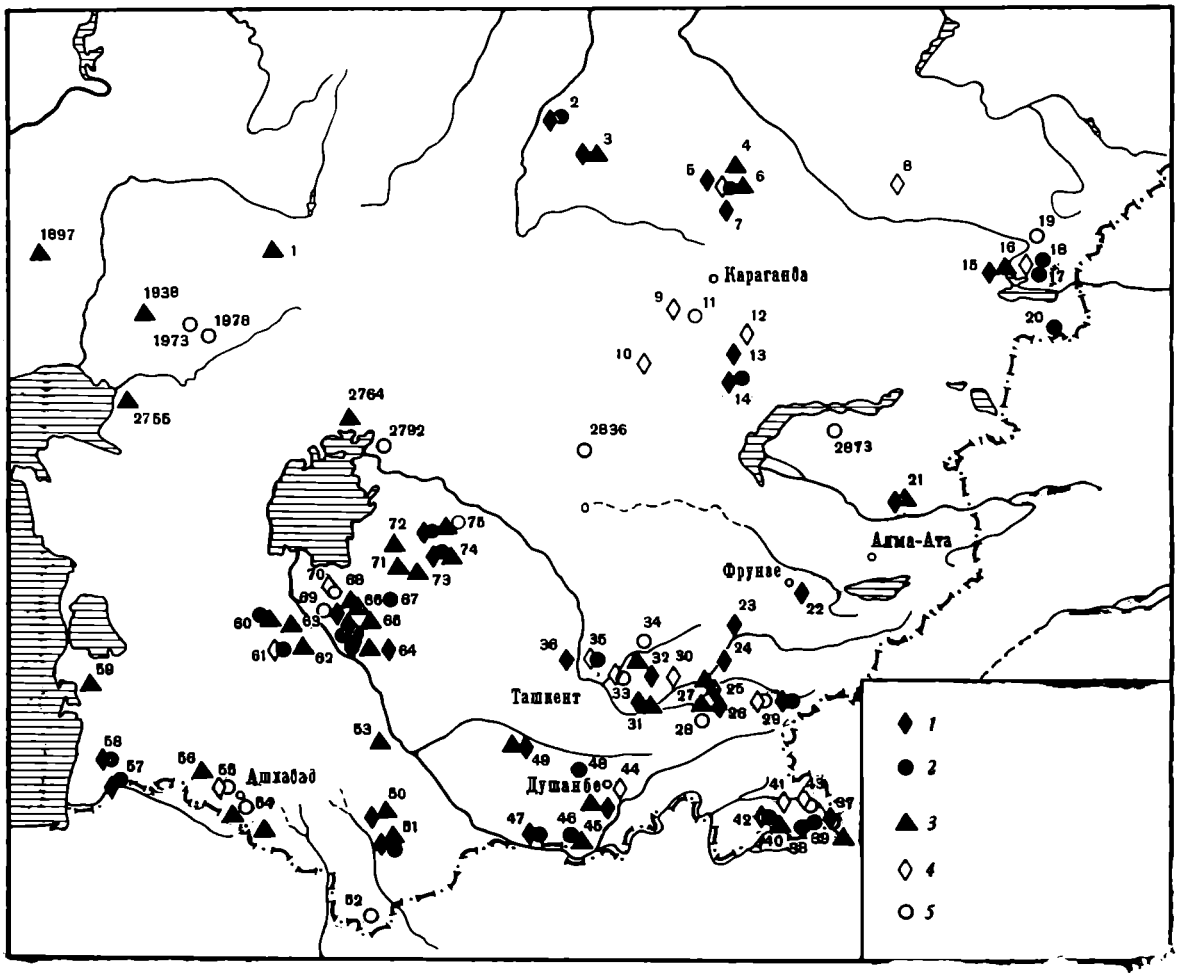


Рис. 1. Карта распространения бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана:
1 — черешковые, 2 — втульчатые — «доскифские», 3 — скифские, 4 — черешковые, 5 — втульчатые (4, 5 — эпохи бронзы)

1 — мог. Акжар; *2* — мог. Покровский; *3* — мог. Айдабуль; *4* — мог. Тасмола; *5* — мог. Нурманбет; *6* — мог Карамурун; *7* — мог. Ак-Булак; *8* — Аул, под.; *9* — мог. Алепаул; *10* — мог. Атасу (Айшрак); *11* — мог. Дандыбай; *12* — мог. Бегазы; *13* — мог. Канаттас; *14* — мог. Кииксу; *15* — мог. Усть-Буконь; *16* — мог. Канай; *17* — мог. Славянка; *18* — мог. Юпитер; *19* — пос. Малая Красноярка; *20* — мог. Чиликты; *21* — мог. Бесшатыр; *22* — под. Кара-Джигач; *23* — мог. Джал-Арык II; *24* — Кайноват, под.; *25* — Кува, под.; *26* — мог. Кунгай; *27* — мог. Ак-Там; 28 — мог. Вуадиль; *29* — пос. Дальверзин, мог. Шарт; *30* — пос. Чуст; *31* — Кайрак-кумы, под.; *32* — Аблык, под.; *33* — Ангар, под.; *34* — Бричмулла, клад; *35* — мог. Жаман-Тагай; *36* — Коксу-Тепе, под.; *37* — мог. Ак-Бейт, Може-Таш, Тегерман-Су; *38* — мог. Айдын-Куль; *39* — мог. Шаймак; *40* — мог. Андемин; *41* — р. Мургаб, под. (В. А. Ранов, 1956); *42* — мог. Памирская I (Тамды); *43* — грот. Куртеке; *44* — ст. Туткаул, в слое эпохи бронзы; *45* — пос. Болдай-Тепе; *46* — пос. Калай-Мир; *47* — пос. Кучук-Тепе; *48* — Искандер-Куль, под.; *49* — Афрасиаб, под.; *50* — пос. Яз-Депе; *51* — гор. Эрк-Кала, Гяур-Кала; *52* — Куин-Кую, под.; *53* — Кош-Кала, под.; *54* — Анау, южный холм, пос. Анау-3; *55* — пос. Овадан-Депе; *56* — пос. Гарры-Кяриз; *57* — пос. Мадау-Депе; *58* — пос. Изат-кули; *59* — Кызыл-Кыр, Джанак, Чег-Даг, погребальные сооружения; *60* — гор. Кюзели-Гыр; *61* — Куюсай-2, под.; *62* — Калалы-Гыр, под.; *63* — Куня-Уаз, под.; *64* — пос. Дингильдже; *65* — Адамли, под.; *66* — Кой-Крылган-Кала, под., сборы Псела; *67* — Ангка, под.; район Базар-Калы, в тульчатые скифские и «доскифские», под.; *68* — Беркут-Кала, Тешик-Кала, под. (черешковые, сборы Ершова, 1939); *69* — ст. Кават-2; *70* — пос. Якке-Парсан 2; *71* — гор. Чирик-Рабат; *72* — гор. Бабиш-Мулла; *73* — «шлаковые курганы»; *74* — мог. Уйгарак; *75* — мог. Тагискен; четырехзначные номера соответствуют «Археологической карте Казахстана» (Алма-Ата, 1960). Принятые сокращения: под.— подъемный материал; мог.— могильник; пос.— поселение; ст. стоянка; гор.— городище.

В данной статье, не претендующей на исчерпывающее решение вопросов хронологии, предпринята попытка, во-первых, рассмотреть хронологическое положение черешковых наконечников стрел по отношению к так называемым скифским на территории Средней Азии с привлечением материала из степей современного Казахстана, а во-вторых — уточнить широко принятое положение об идентичности развития западных (главным образом имеются в виду савроматские [8]) и среднеазиатских наконечников

[8] Исследователи скифского и савроматского материала отмечают, что среднеазиатские стрелы по формам и пропорциям ближе к савроматским, чем к скифским; А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д. 1—4, М., 1964, стр. 31.

Таблица 1

Взаимовстречаемость бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана

Памятник	Наконечники стрел								Примечание
	Черешковые				Втульчатые				
	доскифские						скифские		
	3-гр	3-лп	2-лп	рмб	2-лп	рмб	3-гр	3-лп	
Уйгарак									
кург. 9							1		
14							1		
16							1	2	
22	1	12							
25		1							
37					1				
39		21			5	8			
41	1	1							
42						1			
43	1			4		2	3	10	
44						1			
50	1	1							
52		1							
57							1		
83		3						1	
70		3	5					1	
84	4	15	8		3	1		3	Трехлопастные втульчатые отличаются от савроматских
Тагискен							1		
кург. 13									
32	10	15	2	1	1	4			
37		1							
42		5							
53							3		Колчан, около 50 однотипных наконечников
54					1				
55		1							
57		1							
59							3		
61						5			
62							1	4	
63							6	1	Один, возможно, втульчатый + + 1 пулевидный
Куюсай		4			5	2			+ 1 пулевидный
Кюзели-Гыр							4	52	Черешковые и
Дингильдже	3	2	1		5	1	10	56	втульчатые двулопастные — за пределами поселения, фрагменты наконечников
Красноводская обл.								12	
Эрк-Кала			2		6				Нижние слои
								28	Верхние слои
Айдын-Куль					6	1			
Шаймак					2				
Андемин							1	2	
Ак-Бейт		1							+ деревянные + + 1 костяной
Памирская I, кург. 10	2	3	5		2				+ деревянные наконечники
Ак-Там								3	1 с «лапками»
Кунгай		2							

Таблица 1 (продолжение)

Памятник	Наконечники стрел								Примечание
	Черешковые				Втульчатые				
	доскифские						скифские		
	3-гр	3-лп	2-лп	рмб	2-лп	рмб	3-гр	3-лп	
Жаман-Тагай		2	2	1	3				
Яз-Депе I			3		3				
Яз-Депе III								1	
Джал-Арык II [1]		10		2					
Кучук-Тепе [2]	1	6	1		+				
Изат-Кули		3	2		2				
Мадау-Депе			2		1				1 черешковый пирамидальный
Нурманбет I, кург. 1		3							
Нурманбет IV, кург. 1		3							
Ак-Булак I, кург. 1		3							
Канаттас, кург. 16	1	3							
Кииксу, кург. 5	1				1				
Покровский, кург. 1		5			10				
Карамурун I, кург. 5ж		11	1		19	1			Всего около 40
Карамурун I, кург. 5а								3	
Тасмола III, кург. 2								3	
Карамурун II, кург. 3	1				1		1	1	+ 1 костяной наконечник
Тасмола II, кург. 1 [3]					2		1	1	1 костяной, 2 деревянных
Айдабуль II, кург. 1 [3]	1						1	3	
Бесшатыр		23					14	9	+ 4 четырехгранных втульчатых
Акжар								4	
Юпитер					2	2			
Славянка					2				
Чиликты, кург. 5					13				
Усть-Буконь, кург. 29		50					4		2 костяных наконечника
Шарт (Алай), кург. 1 [4]	1					1			Втулка из трех лопастей

[1] И. К. Кожомбердыев. Работы в зоне водохранилища Тэктогульской ГЭС. АО — 60 г., М., 1970, стр. 432. Дается общее описание находок, не ясно, в одном или нескольких курганах найдены наконечники стрел.

[2] Количество двулопастных втульчатых наконечников стрел неточно, поскольку они найдены в нижних слоях, описание которых не приводится.

[3] В тексте упомянуты два двуперых наконечника стрел, а на рисунке один из них имеет ромбическое сечение. М. К. Кадырбаев. Памятники..., стр. 349, рис. 43, *6*.

[4] Архив ЛОИА, ф. 56; д. 661 (архив А. Н. Бернштама), втульчатый наконечник стрелы связан с впускным погребением в кург. 1.

Принятые сокращения: 3-гр — трехгранные наконечники стрел; 3-лп — трехлопастные наконечники стрел; 2-лп — двулопастные наконечники стрел; рмб — ромбические наконечники стрел.

стрел на основании определенных критериев. Выработка этих критериев позволит более строго пользоваться хронологией, разработанной для скифо-савроматских наконечников стрел. Думается, что сложившееся деление на Среднюю Азию и Казахстан для рассматриваемых вопросов значения не имеет.

Возникнув в эпоху бронзы, черешковая форма насада доживает, по мнению К. А. Акишева, в Казахстане вплоть до IV в. до н. э.[9], т. е. сосуществует долго и с трехлопастными, и с трехгранными наконечниками стрел (скифскими). М. К. Кадырбаев допускает бытование в V в до н. э. черешковых наконечников стрел как пережиточной формы, поскольку для V в. до н. э. господствующими становятся втульчатые трехперые и трехгранные наконечники стрел[10].

Из таблицы взаимовстречаемости бронзовых наконечников стрел вытекает следующее (табл. 1): распределение наконечников стрел по курганам могильников показывает, что, как правило, трехлопастные и трехгранные наконечники стрел не встречаются вместе с черешковыми, втульчатыми двулопастными и двулопастными с ромбическим сечением. Последние, так же как и черешковые, не характерны для скифо-савроматского ареала. Наиболее четко это видно на материалах могильников Уйгарак и Тагискен[11]. В могильнике Уйгарак только в двух курганах (43 и 83) встречены вместе черешковые и втульчатые трехлопастные и трехгранные. В кург. 70 и 84 вместе с черешковыми найдены однотипные трехлопастные втульчатые, но последние отличаются от савроматских чрезвычайной массивностью и широко расставленными лопастями и найдены только в этих двух курганах.

В могильнике Тагискен взаимовстречаемость черешковых и втульчатых трехгранных и трехлопастных не отмечается. Соответственно в каждом могильнике такое явление можно объяснить тем, что курганы, в которых они найдены, относятся к разному времени. Интересно, что курган 32 могильника Тагискен, в котором найдено наибольшее число черешковых и нет трехлопастных и трехгранных втульчатых наконечников стрел, находится в северной группе курганов, которая считается более ранней, чем южная[12].

Может возникнуть сомнение в достоверности наблюдений о взаимной встречаемости наконечников разных типов в ограбленных могилах. Действительно, первоначальное сочетание разных типов наконечников стрел до ограбления могло быть иным, чем установленное при раскопках. Но в таком случае можно предположить следующие варианты: 1) грабители специально отбирали наконечники стрел одного типа и оставляли другие; 2) брали те наконечники, которые случайным образом оказывались под рукой, 3) не брали наконечников стрел вообще. Допуская первый вариант, мы должны будем отказаться от попытки проследить взаимовстречаемость, но тогда необходимо объяснить такую «особую» манеру грабежа. Если допустить любой из двух остальных вариантов, то при третьем все наблюдения будут полностью достоверными, а при втором можно доказать с помощью соответствующих статистических критериев[13] (в этом читатель может убедиться сам), что соотношения типов наконечников стрел, оставшихся в могилах после грабежа, существенно не изменится. Поэтому распределение типов наконечников стрел по могилам, даже ограбленным, можно считать близким к первоначальному (до ограбления), что и прослежено в могильниках Уйгарак и Тагискен.

В остальных комплексах, включенных в табл. 1, также наблюдается взаимоисключаемость этих типов. Действительно, если в комплексе встречены трехлопастные и трехгранные втульчатые наконечники, то не встре-

[9] К. А. Акишев и Г. А. Кушаев. Ук. соч., стр. 120.

[10] М. К. Кадырбаев. Ук. соч., стр. 380.

[11] Пользуясь случаем выразить благодарность сотрудникам Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР за предоставленную возможность познакомиться с неопубликованными материалами раскопок. В могильнике Уйгарак из 129 наконечников стрел 83 черешковых, а из 46 втульчатых 24 трехгранных и трехлопастных. В могильнике Тагискен из 66 наконечников стрел 36 черешковых, из 30 втульчатых 19 трехлопастных и трехгранных.

[12] С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сыр-Дарьи. СА, 1966, 2, стр. 152.

[13] Например, по критерию «хи-квадрат».

чаются черешковые, втульчатые двулопастные и с ромбическим сечением. Отсюда следует, что последние типы составляют определенный набор наконечников стрел, характерный для определенного времени. Замена двулопастной формы более совершенной трехгранной и трехлопастной известна и объяснима. Но почему при сохранении той же формы головки заменяется только форма насада — объяснить трудно. Возможно, это связано с необходимостью уменьшить вес наконечника стрелы, ведь длинный черешок тяжелее, чем короткая полая втулка. Может быть, это связано с областью производства. Это вопрос особый. Для нас же важно, что для рассматриваемых территорий о длительном сосуществовании черешковых наконечников стрел и втульчатых скифского типа говорить не приходится. Ниже будет сказано, почему под скифскими наконечниками стрел подразумеваются только втульчатые трехлопастные и трехгранные.

Не затрагивая вопроса о происхождении наконечников скифского типа [14], обратимся к вопросу о времени их появления в Средней Азии. Среднеазиатские материалы позволяют полагать, что распространение наконечников стрел скифского типа и соответственно замена черешковых втульчатыми наконечниками стрел происходит в VI в. до н. э. (Ниже будет обосновано положение о допустимости пользования датами VI и V вв. до н. э. по савроматской хронологии бронзовых наконечников стрел.) Наконечники стрел скифского типа из нижнего горизонта городища Кюзели-Гыр датировались VI — V вв. до н. э. [15]. В последней работе М. Г. Воробьевой V в. до н. э. исключается [16]. Черешковых наконечников на городище не найдено. В ряде других комплексов распространение втульчатых наконечников скифского типа отмечено также уже для VI в. до н. э. [17] Казалось бы, процесс замены одного типа другим не может быть кратковременным, тем не менее таблица взаимовстречаемости показывает, что замена черешковых наконечников втульчатыми в VI в. до н. э. протекала достаточно быстро, так как случаи их взаимовстречаемости единичны (см. табл. 1).

В последнее время передатирован курган 10 могильника Памирская I: принята дата VII — VI вв. до н. э. вместо V — III вв. до н. э. [18] Соответственно удревняется и датировка черешковых наконечников стрел Кунгайского могильника, поскольку Н. Г. Горбунова опиралась на датировку Памирской I. Сейчас Н. Г. Горбунова считает возможным удревнить датировку Кунгайского могильника и по другим данным [19]. В обоих могильниках наконечники трехлопастные и трехгранные втульчатые отсутствуют.

В хронологической таблице бронзовых стрел Казахстана [20] века VII—VI не разделены, и в таблице представлены и втульчатые, и черешковые наконечники стрел вместе. Однако при рассмотрении таблицы оказывается, что только в одном случае (в наборе наконечников стрел из могильника Айдабуль II) вместе с черешковыми встречены втульчатые наконечники стрел. Остальные наборы состоят или только из черешковых, или только из втульчатых наконечников стрел скифского типа. В графу

---

[14] Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 95.

[15] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 98.

[16] М. Г. Воробьева. Археологические памятники Хорезма античного периода как источник для реконструкции социально-экономических процессов. КСИА АН СССР, 1970, 122, стр. 78.

[17] Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 94—97, см. ук. литературу.

[18] Н. Л. Членова. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, IX, Кызыл, 1961, стр. 141; М. К. Кадырбаев. Ук. соч., стр. 387.

[19] Н. Г. Горбунова. Суфанский могильник. Археологический сборник ГЭ, II, 1969, стр. 88, 89. Кунгайский могильник должен датироваться более ранним временем, чем Суфанский, так как в последнем больше станковой керамики и меньше лепной посуды с росписью, а в Кунгайском — наоборот. Устное сообщение Н. Г. Горбуновой о возможности датировки могильника Кунгай VI в. до н. э.

[20] К. А. Акишев и Г. А. Кушаев. Ук. соч., стр. 117.

V в. до н. э. внесены черешковые наконечники стрел из кург. 25 могильника Бесшатыр[21]. Датируется курган по наконечникам стрел скифского типа и по железному акинаку, который, по словам К. А. Акишева, не противоречит датировке V в. до н. э. (железный акинак плохой сохранности, без навершия, перекрестие скорее почковидное, чем бабочковидное). Эта форма перекрестия появляется еще в конце VI в. до н. э.[22]. Наконечники стрел из этого кургана также появляются уже в VI в. до н. э. Аналогичные наконечники стрел появляются у савроматов в комплексах конца VI в. до н. э.: Бердинская гора, Мечет-сай (конец VI — начало V в до н. э.), с. Харьковка (конец VI в. до н. э.) [23]. Думается, что этот курган может датироваться концом VI в. до н. э. и вместе с айдабульским набором наконечников стрел отражает кратковременный момент сосуществования черешковых и «скифских» наконечников стрел в конце VI в. до н. э. Остальные черешковые наконечники стрел из последних двух граф таблицы — подъемный материал.

Могильник Усть-Буконь датировался С. С. Черниковым суммарно V—III вв. до н. э. Бронзовые наконечники стрел были найдены в одном кург. 29. Всего обнаружено около 50 наконечников, среди них четыре трехгранных со скрытой втулкой, два костяных, остальные черешковые трехлопастные. Иного датирующего инвентаря нет[24]. Втульчатые наконечники стрел аналогичны бесшатырским, преобладание же черешковых наконечников дает основание в целом кург. 29 датировать временем не позднее VI в. до н. э.

М. К. Кадырбаев не согласен с передатировкой К. А. Акишевым комплексов Кииксу и Канаттас VI в. до н. э. вместо V—III вв. до н. э. Он считает, что «измельченность» формы, «аморфность» граней должна свидетельствовать о более позднем их изготовлении, чем VI в. до н. э., когда эти типы широко использовались[25]. Нельзя, однако, не отметить, что «аморфность» наконечника из Кииксу скорее результат плохой сохранности, что, кстати, послужило причиной для неправильного определения его формы. В литературу он вошел как втульчатый с ромбическим сечением[26], хотя автор считает его листовидным с жилкой[27]. Для С. С. Черникова именно невыработанность и нечеткость формы наконечников из Малой Цимбалки является признаком, определяющим их более раннюю дату, чем чиликтинских наконечников стрел[28], для М. К. Кадырбаева, наоборот, нечеткость формы является признаком поздней даты. Видимо, подобные определения не могут считаться окончательными.

Для такого действенного оружия, каким является наконечник стрелы, видимо, был важен принцип устройства, определяющий его баллистические данные в определенных условиях. И только совокупность определенных причин заставляла изменять этот принцип (усовершенствование лука, оборонительного доспеха и т. п.). И если говорить о хронологическом различии одного и того же типа, надо иметь данные, более четко характеризующие функциональную эффективность наконечника стрелы. Логично допустить, что развитие военного дела шло по линии усовершенствования, и поэтому трудно предположить, что после оптимальной формы начинали использовать менее эффективную.

Датировать наконечник из Кииксу V в. до н. э. мог бы сопутствующий материал, но его практически нет. В кург. 5 (Кииксу) вместе с наконеч-

---

[21] Комплекс кург. 25. Там же, стр. 72, рис. 65.
[22] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 17, рис. 2.
[23] Там же, рис. 13, 15, 22, 23.
[24] С. С. Черников, Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 г., КСИИМК, 1959, 73, стр. 104.
[25] М. К. Кадырбаев. Ук. соч., стр. 380.
[26] Б. А. Литвинский. Ук. соч., стр. 94.
[27] М. К. Кадырбаев, С. С. Черников. Загадка золотого кургана. Изв. АН КазССР, сер. общ., 1966, 3, стр. 81.
[28] С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., 1965, стр. 49.

ником стрелы найдено одно железное кресало. В кург. 16 (Канаттас) наконечник стрелы единственная находка. Бронзовое зеркало и железный акинак, о которых пишет М. К. Кадырбаев [29], найдены в кургане Айдабуль II, но К. А. Акишев сам считает его датировку более поздней — рубеж VI—V вв. до н. э.

Из табл. 1 видно, что набор наконечников стрел, состоящий из черешковых, втульчатых двулопастных и с ромбическим сечением, исчезает одновременно, поэтому для датировки Кииксу форма втульчатого наконечника (двулопастная или с ромбическим сечением) принципиального значения не имеет, поскольку обе формы бытовали и исчезли одновременно [30].

При нынешнем состоянии наших знаний деление по векам на основании только типов наконечников стрел, без привлечения сопутствующего материала, может показаться недостаточно убедительным. Но дело в том, что чаще всего этот материал датируется самими наконечниками стрел. Получается порочный круг. Видимо, имеет смысл выявить тенденцию развития, так сказать, в «чистом» виде, с тем, чтобы затем более строго датировать весь комплекс. Скажем, при датировке VII—VI вв. до н. э., если нет «скифских» наконечников стрел (появившихся в Средней Азии и Казахстане не ранее VI в. до н. э.) и вещей, которые заведомо не могли быть ранее VI в. до н. э., но есть черешковые наконечники стрел, может быть, все-таки следует отдать предпочтение VII в. до н. э. При датировке VI—V вв. до н. э., имея черешковые наконечники и зная о том, что они не могут встречаться в V в. до н. э. (как правило), следует строже датировать сопутствующий материал. Необходимо проверить, не могли ли эти вещи появиться уже в VI в. до н. э. (как, например, Бесшатыр, кург. 25), и, только если есть вещи, бесспорно появившиеся не ранее V в. до н. э., датировать и V в. до н. э. (в кург 25 таких вещей нет).

Вернемся к вопросу о скифских стрелах, под которыми в данной работе подразумеваются только трехлопастные и трехгранные втульчатые наконечники стрел. Дело в том, что считать двулопастные наконечники стрел скифо-савроматскими вряд ли справедливо. К. А. Акишев уже поставил вопрос о казахстанском происхождении некоторых двуперых наконечников, считая бегазинский наконечник с шипом их прототипом [31]. К. Ф. Смирнов отметил, что многие двулопастные наконечники стрел савроматов имеют восточное происхождение [32]. А. И. Мелюкова выделяет предскифские типы бронзовых наконечников стрел, которые появляются в Причерноморье вообще не ранее VIII в. до н. э., на основании всего нескольких памятников, некоторыми исследователями отнесенных к комплексам киммерийской культуры. Из них наиболее многочисленные двулопастные втульчатые с ромбовидной головкой (Симферопольский курган и погребение у с. Бутенки) в скифских комплексах, даже раннего времени, не встречаются. Нет их и на савроматской территории [33]. Комплекс из Малой Цимбалки датируется позднее, переходя уже в скифскую эпоху. По всей вероятности, предскифские двулопастные наконечники стрел были привнесены в Причерноморье и не имеют непрерывной линии развития, уходящей в эпоху поздней бронзы на этих территориях. В основном все аналогии ранним скифо-савроматским (двулопастным) наконечникам стрел уводят нас на Восток.

На «евразийских» прототипах наконечников стрел эпохи бронзы жилка или нервюра проходит через все перо [34]. Именно этот признак указывает на непрерывную линию развития наконечников стрел с эпохи бронзы до скифского времени на территории Средней Азии и Казахстана. На нако-

[29] М. К. Кадырбаев. Памятники..., стр. 380.

[30] В связи с этим следует отметить, что длительного бытования двуперых втульчатых наконечников стрел, о котором писал В. М. Массон, не наблюдается.

[31] К. А. Акишев и Г. А. Кушаев. Ук. соч., стр. 116.

[32] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 42.

[33] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 10, 11.

[34] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., табл. 1, «евразийские» прототипы.

печниках стрел эпохи ранних кочевников жилка часто уже не доходит до конца пера, а переходит в образованное на конце пера утолщение, иногда подчеркнутое заточкой. Утолщение боевой головки является показателем дальнейшего усовершенствования двулопастной формы наконечника стрелы [35], так как в первом случае ударный край наконечника небольшой и ослаблен тонкими краями лопастей, а во втором — боевой конец массивнее, соответственно и пробивная способность его больше.

Среди наконечников стрел Средней Азии и Казахстана были найдены двулопастные наконечники с жилкой, идущей через все перо (Уйгарак, кург. 84, 39; Айдын-Куль, Шаймак, Чиликты, Памирская I). Эти памятники не могут относиться к эпохе бронзы ни по погребальному устройству, ни по сопутствующему инвентарю. Найденные на них архаичные наконечники стрел — промежуточное звено между «евразийским» прототипами эпохи бронзы и уже развитыми двулопастными наконечниками стрел раннего скифского времени. Архаичность среднеазиатских наконечников стрел доказывается и стратиграфическими данными. Двуперые втульчатые наконечники стрел с жилкой через все перо находятся в самых нижних слоях стратифицированных памятников (Яз-Депе I, Эрк-Кала), а в конечном счете все они восходят к эпохе бронзы [36]. Все наконечники стрел, приведенные Е. Е. Кузьминой в табл. VI, датируются концом II — началом I тысячелетия. Верхнюю границу этого периода можно предположительно установить следующим образом. В казахстанском могильнике Карамурун I (кург. 5 ж) в наборе наконечников стрел числом около 40 наблюдается следующее соотношение типов: наконечников с жилкой через все перо всего три экз., а наконечников с утяжеленной головкой — около 20 экз. Датируется этот курган VII—VI вв. до н. э., причем нижнюю границу датировки определяет как раз наконечник с утяжеленной головкой и трехлопастные черешковые [37].

В могильнике Уйгарак, в кург. 39 и 84, найдено всего по одному наконечнику с утяжеленной головкой. Далее, VII в. до н. э. в Казахстане считается временем широкого распространения наконечников с шипом [38], а в Средней Азии только в могильнике Айдын-Куль из шести наконечников с жилкой через все перо всего один наконечник с шипом [39].

Такое изменение в развитии наконечников — количественное нарастание экземпляров усовершенствованной формы и вымирание менее совершенной — дает основание предположительно относить наконечники из кург. 39, 84 могильника Уйгарак и Айдын-Куль, Шаймак, Чиликты, условно до времени появления карамурунского комплекса. Условно, поскольку мы не знаем, как долго эта замена могла проходить [40]. Так что, видимо, возможно наметить и относительную хронологию наконечников стрел доскифского времени, ограниченную, с одной стороны, эпохой бронзы, с другой — временем распространения «скифских» типов наконечников стрел, т. е. VI в. до н. э.

М. К. Кадырбаев уже писал о том, что середина VIII в. до н. э. может быть временем сложения раннесакской культуры [41]. И вполне вероятно, что наборы наконечников стрел VII—VI вв. до н. э. начали складываться уже в VIII в. до н. э.

Доскифским временем датируется набор из остатков тризны (могильник Жаман-Тагай, кург. 1), состоящий из пяти черешковых и трех двулопастных втульчатых наконечников стрел башневидной формы с утя-

---

[35] И. Н. Медведская. Ук. соч., стр. 64.
[36] Е. Е. Кузьмина. Ук. соч., табл. VI
[37] М. К. Кадырбаев. Ук. соч., стр. 387.
[38] Там же, стр. 379.
[39] Б. А. Литвинский. Уч. соч., стр. 91, табл. 7.
[40] Автор раскопок О. А. Вишневская считает основной датой кург. 84—VI в. до н. э., так как в нем найден клевец, который она по аналогии с ананьинскими датирует временем не ранее VI в. до н. э.
[41] М. К. Кадырбаев, С. С. Черников..., стр. 81.

желенной головкой. Возможно, что это уже рубеж VII—VI вв. до н. э (нет наконечников с жилкой), но еще до времени появления «скифских» наконечников стрел [42].

Б. И. Вайнберг в 1970 г. в левобережном Хорезме, в 22 *км* от поселения Кюзели-Гыр, было обследовано небольшое поселение Куюсай-2, на котором было найдено 12 бронзовых наконечников стрел, представляющих полный доскифский набор [43]. Возможно, он несколько разновременный, так как два двулопастных втульчатых наконечника с жилкой через все перо напоминают стрелы еще эпохи бронзы. Но важно, что он не позднее VII в. до н. э. и до времени Кюзели-Гыра. Последнее подтверждается тем, что в 1,5 *км* к северу от Куюсая находится поселение кюзелигырского типа с характерной керамикой. На поселении Куюсай не встречено ни одного фрагмента этой керамики. Два этих поселения вряд ли могли существовать одновременно. Куюсайский набор, видимо, датируется временем более ранним, чем набор Жаман-Тагая.

Черешковые наконечники стрел из Кучук-тепе по аналогиям, приводимым самим автором, датируются не позже VI в. до н. э. с учетом новой датировки Памирской I. Скифские типы наконечников отсутствуют. Датировка их IV в. до н. э. кажется маловероятной [44]. До VI в. до н. э., судя по происхождению западных наконечников стрел, заимствование, видимо, шло из Средней Азии и Казахстана. Заманчиво было бы объяснить это явление передвижением определенного народа на запад, но, видимо, виды вооружения не могут быть показателем этого, так как вооружение относится к тому виду материальной культуры, который быстро совершенствуется и, начиная с определенного времени, быстро заимствуется, иначе сопротивление не может быть успешным.

Если мы обратимся к материалам, систематизированным в таблицах К. Ф. Смирнова [45], то увидим, что часто тип наконечника почти не меняется в течение двух-трех веков. Поэтому, когда единичные среднеазиатские наконечники стрел сравниваются с савроматской классификацией, их дата по существу «скользит». По векам таблицы дают более четкую характеристику. Каждый век определяется четким набором наконечников стрел и количественным преобладанием того или иного типа. Отсюда вытекает и методическая допустимость использования этих таблиц при датировке материалов из других районов. Наконечники стрел могут быть датирующим материалом лишь в том случае, когда они представлены набором. Вне наборов датирующим материалом они быть не могут.

С целью выяснения действительной параллельности в развитии среднеазиатских и савроматских наконечников стрел была выполнена следующая работа. Сравнивались среднеазиатские наборы, включающие «скифские» типы, со «шкалой» К. Ф. Смирнова. Учитывалась взаимовстречаемость типов и особенно наличие преобладающего типа. Важное значение имеет количественная оценка, а не сходство отдельных экземпляров. Подъемный материал может свидетельствовать только о распространенности отдельных типов на данной территории. Правда, в некоторых случаях, когда наконечники найдены на поверхности самого поселения, время существования которого ограничено, с известной осторожностью их можно считать единым комплексом. Сказанное относится к поселению Кюзели-Гыр, которое просуществовало недолго и на котором

---

[42] А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 180, табл. V.

[43] Б. И. Вайнберг, Х. Юсупов, Д. Дурдыев. Разведочные работы в Северной Туркмении. АО — 1970 г., М., 1971, стр. 435. Благодарю Б. И. Вайнберг за возможность познакомиться с этими материалами. Исследование поселения продолжается, после сезона 1971 г. доскифский набор насчитывает около 50 наконечников стрел, есть 2 трехлопастных втульчатых скифского типа.

[44] Л. И. Альбаум. К датировке верхнего слоя Кучук-тепа. ИМКУ. 8. Ташкент, 1969.

[45] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., табл. II—V.

Таблица 2

Типы наконечников стрел по К.Ф.Смирнову	Трехлопастные										Трехгранные							Примечание
	дата	I	V	VI	VII	IX	XI	XII	XIII		I	III	V	XIV	XV	XVIII	XIX	
Кюзели-Гыр	VI в. до н.э.	2	2	18		2		27			2			2				+1 втульчатый пулевидный +1 втульчатый трехлопастной с фигурными лопастями
Дингильдже	V в. до н.э.	4	10	17				14	7			1	4	4	1			+6 черешковых +5 двулопастных +1 четырехгранный +10 фрагментов наконечников
Красноводская обл.																		
Чег-Даг				2	↔	2	5	↔	5									2 наконечника можно отнести и к т. VI и IX, 5 наконечников можно отнести и к т. XI и XIII
Джанак	IV—II вв. до н.э.					3	1											
Кызыл-Кыр						1												
Беркут-Кала		1	6	6	1			7	5			2				3		+1 четырехгранный втульчатый
Окрестности Беркут-Калы и Тешик-Калы				1		3		1									1	+4 наконечника не имеют аналогии
Ташкентская обл.	Подъемный материал	2	1	←2→ 2		9												+4 наконечника не имеют аналогий +1 двулопастной втульчатый. 2 наконечника относятся к т. VI и IX

не обнаружено слоев более раннего и более позднего времени, и к поселению Дингильдже. Это простое сравнение дало результаты, отраженные в табл. 2.

На городище Кюзели-Гыр наконечники стрел «скифского» типа найдены и в помещениях нижнего строительного горизонта, и на самом поселении. Весь набор по «шкале» К. Ф. Смирнова датируется VI в. до н. э. Ведущими являются типы VI и XII среди трехлопастных. Именно эти типы появляются у савроматов в VI в. до н. э. Широко распространяются они в V в. до н. э., но тогда уже появляется тип XIII, который совершенно отсутствует на поселении Кюзели-Гыр. Это дает основание считать, что основным временем существования этого городища был VI в. до н. э. Недавно предложенная М. Г. Воробьевой дата, включающая VII в., основана на находке одного двулопастного наконечника стрелы у подножия городища на сельском поселении и одного пулевидного наконечника плохой сохранности, найденного на городище. По мнению М. Г. Воробьевой, это тоже двулопастной наконечник [46]. Думается, что данных для выделения VII в. до н. э. еще недостаточно.

На поселении Дингильдже уменьшается количество наконечников типа XII, но появляется тип XIII. У савроматов эта замена начинается в V в. до н. э. Обращает внимание относительно большое число наконечников типа V, у савроматов он тоже появляется в V в. до н. э., но количественно незначителен. Несколько отличны от савроматских широким размахом лопастей также наконечники типа I. Отмеченные отличия можно отнести уже за счет местных особенностей. Втульчатые двулопастные наконечники с жилкой через все перо встречены за пределами поселения. Черешковые наконечники не связаны с жизнью на поселении,

[46] М. Г. Воробьева. Ук. соч., стр. 78.

они найдены на архаических поселениях с кюзелигырской керамикой, т. е. VI в. до н. э.

Подъемный материал из окрестностей крепости Беркут-Кала [47] и найденный между крепостями Тешик-Кала и Беркут-Кала [48] по «шкале» относится к VII—V вв. до н. э. Здесь также отмечается относительно большое количество наконечников типа V, а также типа VI, XII, XIII среди трехлопастных.

В Красноводской обл. А. М. Мандельштамом раскопано несколько однотипных погребальных сооружений (Чег-Даг, Джанак, Кызыл-Кыр) [49]. Наконечники стрел разделяются на два типа трехлопастных с длинной и скрытой втулкой. Подразделение внутри каждого типа затруднено, наконечники стрел с длинной втулкой можно отнести и к VI типу, и к IX. Кроме того, некоторые из них можно отнести и к типу трехгранных. А. М. Мандельштам датирует эти сооружения по наконечникам IV—II вв. до н. э. Оба эти типа появились у савроматов еще в VI в. до н. э., правда, со временем наконечники стали более узких, вытянутых пропорций, но тем не менее и в более ранних наборах среди преобладающих приземистых форм можно найти и узкие и вытянутые. Но VI—V вв. можно исключить ввиду того, что нам известны наборы этого времени. Невозможность деления на типы можно считать результатом сглаживания различий между ними, отмечавшихся для предшествующего времени. У савроматов наборы наконечников стрел после V в. до н. э. тоже становятся менее разнообразными. Находки в Бабиш-Мулле [50] только двух типов со скрытой и длинной втулкой дают возможность предположительно считать, что время после V в. до н. э. характеризуется именно таким набором. Большую ясность мог внести такой многослойный памятник, как Эрк-Кала [51]. Но, к сожалению, описание скифских наконечников стрел дано З. И. Усмановой суммарно и вне связи со слоями. Найдены же они в основном «... при расчистке оплывов крепостных стен Эрк-Калы, часть непосредственно в забутовочных кладках замка, а на раскопе № 3 почти все наконечники стрел были найдены в слое, датированном позднепарфянским временем» [52]. Но сколько их и какие типы — установить трудно. Многослойные среднеазиатские памятники из-за своеобразия сырцовой архитектуры имеют и отрицательные стороны, так как материал для строительства мог браться тут же из разрушенных помещений предшествующего периода или за пределами самого городища. И мелкие предметы, подобные наконечникам стрел, могут попасть в слой случайно. Поэтому данных с одного городища Эрк-Кала для положения З. И. Усмановой о столь длительном бытовании бронзовых наконечников стрел в этом районе, в отличие от всех других, кажется недостаточно.

В III—II вв. до н. э. в Средней Азии уже распространяются железные наконечники стрел [53]. Совершенно очевидно, что период после V в. до н. э. требует специального изучения. Возможно, целесообразно проследить взаимовстречаемость бронзовых и железных наконечников стрел. А это в свою очередь позволит уточнить относительную хронологию наконечников стрел IV—II вв. до н. э.

Беспаспортная коллекция из музея Ташкента состоит из втульчатых наконечников скифского типа, за исключением одного двулопастного, который датируется не позднее VII в. до н. э. Скифские наконечники стрел,

---

[47] Коллекция ГИМ.

[48] Коллекция исторического музея Самарканда.

[49] Приношу благодарность А. М. Мандельштаму за возможность познакомиться с неопубликованными материалами.

[50] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 156.

[51] З. И. Усманова. Эрк-Кала (по материалам ЮТАКЭ 1955—1959 гг.). Тр. ЮТАКЭ, 12, Ашхабад, 1963.

[52] Там же, стр. 64.

[53] Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1965, 2.

датирующиеся в пределах VI—III вв. до н. э., не все имеют аналогии с сарматскими типами[54]. Кроме того, часть наконечников можно отнести к типу VI и IX, подобное явление уже отмечалось. Единообразие этих типов может, вероятно, служить своего рода признаком, который позволит относить их ко времени после V в. до н. э.

В обобщающей работе, посвященной вооружению Памира и Ферганы, Б. А. Литвинский на широком материале дает хронологию и типологию наконечников стрел. Автор исходит из вывода В. М. Массона о полной идентичности линии развития савроматских и среднеазиатских наконечников стрел. Так, Б. А. Литвинский находит аналогии двулопастным наконечникам стрел из могильников Айдын-Куль и Шаймак среди савроматского материала VII — VI вв. до н. э.[55] Но если учесть предположение о восточном происхождении наконечников этого типа, то скорее можно говорить о последовательности, чем о параллельности. Да и возможно ли их вообще сравнивать при наличии такого важного, на наш взгляд, признака, как жилка на памирских наконечниках, более ранних, чем западные?

Трехлопастные наконечники из могильников Андемин, Тегерман-Су только приблизительно похожи на савроматские, у них больше отличия, чем сходства. Во-первых, это оформление втулки разрезами, что наравне с «лапками» вообще характеризует наконечники из восточных районов Средней Азии. Во-вторых, Б. А. Литвинский относит наконечник из Андемина к типу IX по «шкале», но к этому типу относятся наконечники с более узкой удлиненной головкой, с меньшим размахом лопастей. Для среднеазиатских наконечников уже отмечалась такая особенность, как довольно широкий размах лопастей у наконечников с треугольной формой головки, восходящая, возможно, к черешковым наконечникам, которые часто имели головку в форме равностороннего треугольника. Прямое использование савроматских датировок в данном случае, видимо, затруднительно. Единичные находки наконечников стрел скифского типа в Фергане (могильник Ак-Там, Кайраккумские поселения, Кува) не составляют наборов, и надежным основанием для датировки быть не могут.

Из всего сказанного можно сделать следующие основные выводы.

1. Сходство в линии развития среднеазиатских и савроматских наконечников стрел устанавливается на основе тождественности наборов только начиная с VI в. до н. э., продолжается в V в. до н. э., т. е. со времени появления наконечников стрел скифского типа, которые появились на Западе еще в VII в. до н. э., что подтверждает их западное происхождение. Правда, о тождественности наборов можно пока говорить только на основании материалов Приаралья и Туркмении. В восточных районах Средней Азии, в Казахстане, нет больших наборов этого времени. Служит ли причиной этому недостаточная изученность этих районов или их своеобразие — сейчас говорить трудно.

Начиная с IV в. до н. э. многообразие типов предшествующего времени исчезает, что характерно и для савроматского ареала, хотя и в меньшей степени, и сводится к господству двух типов с длинной и скрытой втулкой, причем различия между вариантами этих типов, имеющие место у савроматов, в Средней Азии не прослеживаются.

2. До VI в. до н. э. в Средней Азии и Казахстане существуют наборы наконечников стрел, происхождение и развитие которых прослеживается на местном материале. Карта распространения наконечников стрел показывает, что доскифские наборы одинаково были распространены на территории Средней Азии и Казахстана. При этом распространение их в

---

[54] Коллекция насчитывает 27 экземпляров, найденных в районе Ташкента.
[55] Б. А. Литвинский. Оружие населения Памира..., стр. 90, сл., табл. 7.

Средней Азии территориально гораздо шире. Значение Средней Азии в создании доскифского набора наконечников стрел очевидно.

Схема развития бронзовых стрел выглядит следующим образом.

Конец эпохи бронзы — VIII в. до н. э. Двулопастные втульчатые с выступающей и скрытой втулкой, листовидные и с опущенными лопастями. Жилка на всех типах проходит через все перо. Наиболее ранние черешковые наконечники плоские, повторяющие форму ножей-копий, позднее появляются с жилкой.

VIII — VII вв. до н. э. Втульчатые наконечники стрел с жилкой к началу VII в. до н. э. начинают заменяться наконечниками с утяжеленной головкой. В VII в. до н. э. этот тип часто имеет шип на втулке. Бытуют двулопастные с ромбическим сечением. Существующие с эпохи бронзы черешковые наконечники теперь имеют длинный и уплощенный черешок. Появляются черешковые наконечники с трехлопастной головкой.

К началу этого периода можно, видимо, отнести наборы из могильников Айдын-Куль, Шаймак. Затем — куюсайские (поскольку это подъемный материал, то следует относить к этому времени по наиболее позднему типу с утяжеленной головкой), наборы кург. 39, 84 могильника Уйгарак; кург. 32 могильника Тагискен, Памирской I. К концу периода — набор Жаман-Тагая.

VI в. до н. э. Время распространения трехгранных и трехлопастных наконечников стрел скифского типа. Непродолжительное сосуществование скифских и черешковых наконечников стрел и последующее исчезновение последних, так же как и втульчатых двулопастных и с ромбическим сечением. Скифские наборы идентичны савроматским. Преобладают типы VI, XII, при отсутствии XIII. Основной памятник, давший «скифский» набор этого времени, — городище Кюзели-Гыр.

V в. до н. э. Продолжают бытовать названные скифские типы, появляются типы XIII, V; последний единичными экземплярами представлен в конце VI в. до н. э. Набор этого времени представлен на поселении Дингильдже.

Характеристика периода IV — II вв. до н. э. дана выше (пункт 1 основных выводов). Конечно, в такой схеме есть доля условности. Но она выражает последовательность смены наборов наконечников стрел, тенденцию их развития. Дальнейшее накопление материала даст возможность разработать более подробную классификацию.

I. N. Medvedskaya

CERTAINS PROBLÈMES DE LA CHRONOLOGIE DES POINTES DE FLÈCHE EN BRONZE PROVENANT DE L'ASIE CENTRALE ET DU KAZAKSTAN

Résumé

Les pointes de flèche en bronze sont des matériaux de première importance pouvant servir à déterminer les dates.

Les objets actuellement à disposition en Asie Centrale donnent lieu à dégager une ligne locale d'évolution qui se diffère chronologiquement et typiquement de celle des pointes de flèche scythes et sarmates.

On signaie un groupe de pointes de flèche antérieur à celles des Scythes, qui se composent des formes à soie et à douille d'emmenchement bilobés et bilobés, à section en losange. L'évolution de ce groupe est suivie à partir de la fin de l'âge du bronze. En VIe siècle avant notre ère un autre groupe lui succéda qui comportait les pointes de flèche du type scythes, à douille d'emmanchement, trilobés et tripodes. Les remplacement d'un groupe par un autre se fit vite, ce qui a une grande importance pour la datation des monuments.

A base du principe de coexistence de divers types des pointes de flèche dans le même ensemble on met en évidence la parenté des groupes de ces objets provenant de la partie occidentale de l'Asie Centrale et de ceux savromates (selon K. F. Smirnov) pour les VI—Ves siècles avant notre ère.

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕЙШЕГО САМАРКАНДА

Разведки и раскопки, осуществленные в 1945—1947 гг. на городище Афрасиаб, позволили мне разработать основы археологической периодизации древнего Самарканда.

Для древнейшей поры в развитии культуры мною было выделено пять периодов: Афрасиаб I—VI—IV вв. до н. э., Афрасиаб II и III—IV—II вв. до н. э., Афрасиаб IV и Талли-Барзу I—II в. до н. э.— I в. н. э. Ввиду того, что на городище Афрасиаб не удалось обнаружить слоев, соответствующих Талли-Барзу II и III, было сделано заключение, что в течение этих периодов Самарканд находился в упадке. В моем представлении кризисное состояние жизни города продолжалось приблизительно с I или со II по IV в. н. э., в продолжение почти всего кушанского времени. Для средневековья были выделены периоды: Талли-Барзу IV—V—VI вв., Талли-Барзу V—VII— начало VIII вв. и несколько периодов от арабского завоевания Самарканда в 712 г. до разрушения города Чингисханом в 1220 г.[1] Ценные археологические материалы, особенно для периода Талли-Барзу I, были получены при раскопках на Афрасиабе 1948 г.[2]

С тех пор прошло уже более 20 лет, в течение которых в среднеазиатской археологии произошли значительные сдвиги. Далеко продвинулось и изучение Афрасиаба, на котором с 1958 г. работает Самаркандская археологическая экспедиция АН УзССР.

В ходе этих исследований, осуществлявшихся ранее под руководством В. А. Шишкина, а позднее — Я. Г. Гулямова, выдающиеся успехи были достигнуты в освещении средневекового города, тогда как ранние периоды продолжали оставаться в значительной степени в тени. Раскопкам старейших культурных слоев на городище большое внимание стало уделяться лишь в течение последних лет. Однако именно древнейшие периоды жизни Самарканда послужили в печати предметом острой и оживленной полемики, которая явно усилилась в связи с подготовкой к 2500-летнему юбилею города. Рассмотрению вопросов периодизации древнейшего Самарканда, продолжающих оставаться весьма актуальными в археологии Средней Азии, и посвящается настоящая статья[3].

---

[1] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950.

[2] А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиабе. КСИИМ, XXXVI, 1951.

[3] М. К. Пачос, в течение многих лет изучавший остатки фортификации на Афрасиабе, сделал попытку возродить неудачную гипотезу В. Л. Бяткина, согласно которой в I тысячелетии до н. э. Самарканда не было, что он возник на городище не ранее IV—V вв. н. э. М. К. Пачос. К изучению стен городища Афрасиаба. СА, 1967, I и другие статьи. Мне нет необходимости останавливаться в настоящей работе на разборе этих взглядов, получивших обоснованное опровержение в ряде исследований Я. Г. Гулямова, В. А. Шишкина, С. К. Кабанова и Г. В. Шишкиной, которые упоминаются у нас ниже.

На предложенную мной периодизацию древнего Самарканда, еще в ее исходном варианте[4], откликнулся М. Е. Массон и дал ей негативную оценку[5]. Его критика в общем была правильной, но оказалась запоздалой, так как в том же году вышла из печати моя более полная периодизация.

Однако не все заключения М. Е. Массона были обоснованны. Так, например, он не смог подкрепить никакими ссылками на имеющиеся публикации свое утверждение, что мной допущено замалчивание многих важных высказываний среднеазиатских ученых об Афрасиабе, сделанных после издания в 1927 г. известной книги В. Л. Вяткина об этом памятнике[6].

Отвергая мое мнение о существовании кушанского упадка, М. Е. Массон пытается доказать, что именно в эту эпоху, особенно в I—III вв., Самарканд переживал период своего высшего расцвета, в подтверждение чего сообщает, что он еще в 1933 г. видел на Афрасиабе мощные кангюе-кушанские культурные наслоения и что известно много случайных находок с Афрасиаба, относящихся к первым векам нашей эры[7].

В настоящее время нельзя установить, какие культурные слои на Афрасиабе признавались М. Е. Массоном в 1933 г. кушанскими, поскольку в качестве характерных для них находок в его статье названы лишь каменные «орудия типа остроконечников и крупных скребел». Помимо этого, М. Е. Массон много лет спустя одобрил периодизацию Г. В. Григорьева, Талли-Барзу, абсолютный возраст ранних ступеней которой, как известно, был завышен более чем на 500 лет[8]. Перечень вещей, отнесенных М. Е. Массоном к кушанскому времени, нам не ясен, рисунков их нет. Некоторые из них, например оссуарии с архитектурными и скульптурными элементами, как значительно более поздние не имеют отношения к кушанской поре. Монеты «варварского Евтидема» и Кадфиза I не поучительны, так как они старше периода упадка моей периодизации. Для нас могли бы иметь реальное значение монеты «других более поздних кушанских... правителей», но они упомянуты случайно: никаких поздних кушанских монет с Афрасиаба не имеется, о чем мы узнаем из недавней статьи самого же М. Е. Массона, сообщающего, что из всей долины Зеравшана известен пока только халк Кадфиза I, найденный к тому же, как выясняется, не на Афрасиабе, а в европейской части города Самарканда[9].

О такого рода старых замечаниях и необоснованных высказываниях здесь можно было бы и не писать, если бы они в самое недавнее время не получили одобрения и оценки как бесспорно правильные[10]. Не подтвержденный археологическими фактами взгляд на подъем жизни Самарканда в кушанское время получил ныне вновь всемерную поддержку. Так, В. А. Шишкин пишет о моей периодизации, что если в ней начальный и последний этапы жизни Афрасиаба хронологически установлены верно, то дело обстоит «значительно хуже с определением средних этапов, где имеются различные неточности»; вещи «датированы неверно и попали не в те хронологические разделы, где их следовало поместить», значительно более поздним окажется все, что отнесено ко II в. до н. э. — I в. н. э., пред-

---

[4] А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, 4.

[5] М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1959, 4.

[6] Там же, стр. 156.

[7] Там же, стр. 155—157.

[8] М. Е. Массон. Археологические исследования в Узбекистане. Сб. «Наука в Узбекистане за XV лет». Ташкент, 1939, стр. 144.

[9] М. Е. Массон. К вопросу о северных границах государства «великих кушан». ОНУ. Ташкент, 1968, 8, стр. 21.

[10] В. А. Шишкин. Кала'а и Афрасиаб. Сб. «Афрасиаб», 1, Ташкент, 1969, стр. 125 сл.

меты, отнесенные к кушанам (Талли-Барзу III), типичны не для I—IV, а для IV—VI вв. н. э. Высказывается упрек, что в моей периодизации Афрасиаба оказался огромный разрыв, соответствующий I—VIII вв., который якобы восполнен мной целиком материалами Г. В. Григорьева из Талли-Барзу, что только отсутствие у меня собственных археологических источников с самого Афрасиаба и позволило сделать мне тогда ответственный вывод об упадке Самарканда в эпоху кушан, ошибочность которого очевидна, так как на Афрасиабе «культура кушанского времени, эфталитского и особенно предарабского представлена и мощными наслоениями, и большим количеством предметов». В подкрепление своих столь далеко идущих заключений В. А. Шишкин ограничился приведением только одного фактического указания, что будто бы я ошибочно поместил сосуды с коротким носиком IV—VI вв. в период Талли-Барзу III [11]. Однако ошибки в этом нет никакой: В. А. Шишкин вполне прав, считая эти сосуды типичными для ступени Талли-Барзу IV, но он не учел того, что они появились раньше, в период Талли-Барзу III, но установил это не я, а Г. В. Григорьев, и установил правильно [12]. Что же касается самой моей периодизации, то она получила здесь по какому-то досадному недосмотру, допущенному В. А. Шишкиным, весьма неверное освещение. Я писал в своей работе об отсутствии на Афрасиабе только материалов, которые соответствуют ступеням Талли-Барзу II и III, чем и обосновывал существование кушанского упадка в жизни Самарканда, а эфталитское и предарабское время в моей периодизации дано почти исключительно по вещественным остаткам, происходящим из культурных слоев самого Афрасиаба. Опираясь именно на яркость и обилие афрасиабских источников, я писал тогда: «Возрождение Самарканда (после кушан) началось при эфталитах, а в эпоху тюрков он вновь переживает расцвет. VII век — время блестящего подъема ремесел, земледелия, торговли и культуры в Согде» [13].

Основная тенденция в большинстве новых трудов, в которых идет речь о ранних периодах Афрасиаба, та же, что и у В. А. Шишкина; заключается она в стремлении омолодить средние периоды и восполнить тем самым выделенный мной период кушанского упадка Самарканда. С этим мы одинаково встречаемся в работах С. К. Кабанова, Г. В. Шишкиной, Н. Б. Немцовой и М. И. Филанович. С. К. Кабановым предлагается следующая хронология: Афрасиаб I—VI—IV вв. до н. э., Афрасиаб II и III—III—I вв. до н. э., Афрасиаб IV—II—III вв. н. э., Талли-Барзу I—III—IV вв. и Талли-Барзу IV—V—VII вв. [14] Б. Я. Стависким предложена такая датировка интересующих нас ранних слоев городища Талли-Барзу: Талли-Барзу I—конец II (?) — первая половина III в. н. э., Талли-Барзу II — середина III и Талли-Барзу III — конец III—IV вв. [15]

Присмотримся ближе к данным, позволяющим этим авторам так уточнять хронологию ранних периодов Афрасиаба.

Афрасиаб I был выделен мной по материалам из раскопок 1947 г. на валу внешнего укрепления городища близ мавзолеев Шахи-Зинда и на его северо-западной окраине. Для него оказалась типичной гончарная по-

---

[11] В. А. Шишкин. Ук. соч., стр. 128, 129.

[12] Г. В. Григорьев. Городище Талли-Барзу. ТОВЭ, II, Л, 1940, стр. 93, рис. 3.

[13] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 160, 161. Кстати отмечу, что вопрос о неприемлемости абсолютной хронологии слоев Талли-Барзу, предложенной Г. В. Григорьевым, был поставлен мной не в 40-х годах в свете новых археологических сведений, как о том пишет В. А. Шишкин (В. А. Шишкин. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей. Сб. «Афрасиаб», 1, стр. 110—113), а в предвоенное время. А. И. Тереножкин. Литература по археологии в Узбекистане ВДИ, 1939, 1, стр. 188, 189.

[14] С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. СА, 1969, 1, стр. 183 сл.

[15] Б. Я. Ставиский. О датировке ранних слоев Талли-Барзу. СА, 1967, 2, стр. 22 сл.

суда цилиндрических и цилиндро-конических форм, кроме которой в слоях были лепленные от руки на тканом шаблоне котлы, каменный молоток, пестик, пронизь и пастовые бусы, бронзовое зеркало с длинной ручкой и пр. По аналогиям из Гяур-Калы в Мерве и Нади-Али в Афганистане Афрасиаб I был датирован мной VI — IV вв. до н. э.[16].

С тех пор нашлось много новых пунктов с материалами начального периода на городище. Характеристика его обогатилась великолепным бронзовым шлемом скифского типа, найденным близ южной окраины Самарканда, который, очевидно, правильно отнесен Е. В. Черненко к VI в. до н. э.[17]

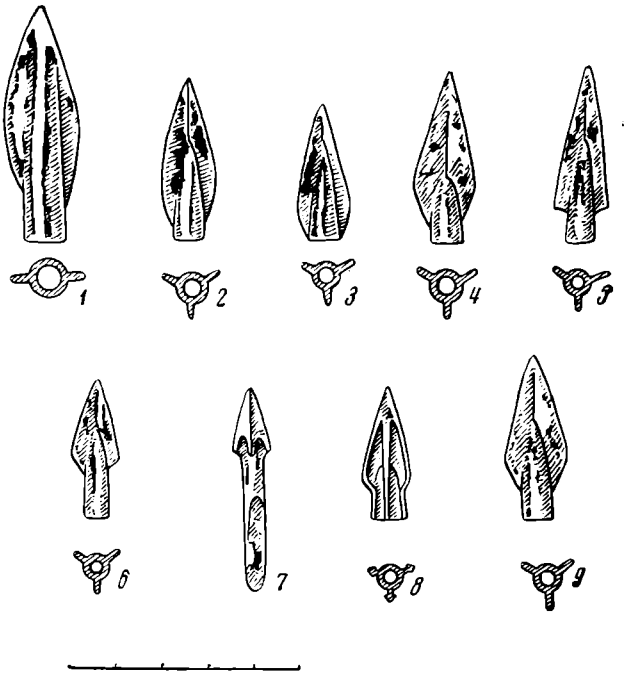


Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел из древнейших культурных слоев городища Афрасиаба

Важное датирующее значение для Афрасиаба I имеет бронзовый двулопастный втульчатый наконечник стрелы, извлеченный С. К. Кабановым из зольника с типичной для той поры керамикой, оказавшегося под древней крепостной стеной на северо-западной окраине городища, над р. Сиабом[18] (рис. 1, *1*). Подобные наконечники стрел известны в находках на Гяур-Кала в Мерве, на Яз-Тепе в Маргиане (Яз I и II)[19] и в Калап-Мире в Таджикистане (Кобадиан I)[20]. Такие наконечники принято датировать второй половиной VII—VI в. до н. э., а как показывают находки в слоях Яз I, они могут быть и старше. Нигде наконечники стрел этого рода не переходят в V в до н. э. Вот почему представляется, что Афрасиаб I следует датировать VII—VI вв., а никак не VI—V или VI—IV вв. до н. э. Мысль М. И. Филанович, что Афрасиаб I своим началом уходит в VII в. до н. э., является вполне плодотворной[21].

В пользу предложенной датировки VII—VI вв. до н. э. Афрасиаба I свидетельствует также недавно выделенная сотрудниками Самаркандской экспедиции поздняя его ступень. М. И. Филанович предварительно отнесла эту ступень к IV в. до н. э.[22]. В яме с керамикой позднего типа Афрасиаба I в западной части городища С. К. Кабанов нашел в 1967 г. бронзовый наконечник стрелы, ценный для датировки этого слоя[23]. Наконечник трехлопастный с удлиненноовальными лопастями и обрезанной втулкой (рис. 1, *2*). Наконечники такого рода сравнительно редко встречаются в савроматских колчаных наборах, относящихся к концу VI — первой половине

---

[16] А. И. Тереножкин. Литература по археологии..., стр. 155.

[17] Е. Е. Кузьмина. Бронзовый шлем из Самарканда. СА, 1958, 4, стр. 120 сл.; Е. В. Черненко. Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 76 сл., рис. 41.

[18] С. К. Кабанов. Ук. соч., стр. 184, рис. 4, *1*.

[19] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, стр. 38, сл., рис. 12, табл. XXXIII и XXXIV.

[20] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирниган (Кобадиан). МИА, 37, 1953, стр. 281, рис. 19.

[21] М. И. Филанович. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе. Сб. «Афрасиаб», 1, стр. 212.

[22] Там же, стр. 213—216, рис. 3.

[23] За разрешение опубликовать этот наконечник приношу благодарность С. К. Кабанову.

V в до н. э. Лучше всего они представлены, на что обращает внимание К. Ф. Смирнов, в материалах Персеполя [24].

Афрасиаб II был выделен по вполне гомогенному комплексу керамики, полученной из ямы, открытой несколько западнее мечети Хазрет-Хызр. В этом комплексе типична столовая посуда отличного гончарного производства с красным ангобом и характерным полосчатым лощением. Материалы Афрасиаба III были получены мной в большом количестве из зольников под зданием с алтарем времени Афрасиаба IV в северо-западной части городища. В период Афрасиаба III керамическое производство в древнем Самарканде достигает высшего уровня. Для него характерны бокалы с валикообразным перегибом на стенках, покрытие красным блестящим лакоподобным ангобом. Афрасиаб II и III условно были датированы IV—II вв. до н. э.[25].

Массовые материалы Афрасиаба II и III были получены (к сожалению, в смешанном виде) С. К. Кабановым в зольнике, раскопанном им под зданием с алтарем в северо-западной части городища, которое раскапывалось мной в 1947 г. Под этим зольником была открыта древняя крепостная стена над Сиабом, упомянутая выше. В зольнике нашлись три бронзовых наконечника стрел, а один наконечник оказался в ремонтной кладке крепостной стены. С. К. Кабанов отнес Афрасиаб II и III к III—I вв. до н. э. Однако находки стрел остались им при этом не использованы, а они очень важны. Наконечник стрелы, происходящий из ремонтной кладки,— трехлопастный с овальными лопастями и низко обрезанной втулкой (рис. 1, *3*) [26]. Другой наконечник, найденный над той же крепостной стеной, отличается от предыдущего тем, что втулка выступает сильнее, а лопасти имеют ромбовидное очертание (рис. 1,*4*) [27]. Наконечники эти одинаковы с описанным выше из ямы с материалами позднего Афрасиаба I и как раннеахеменидские могут быть также датированы концом VI — первой половиной V в. до н. э. Два остальных наконечника стрел найдены непосредственно под зданием с алтарем времени Афрасиаба IV. Один из них с выступающей втулкой, трехлопастный с прямо подрезанными лопастями (рис. 1,*5*) [28], другой подобен предыдущему, но втулка у него длиннее, а головка значительно короче (рис. 1,*6*). Аналогии этим наконечникам можно найти в наборах стрел из сарматских могил V—IV вв. до н. э., тогда как III в. до н. э. представлен преимущественно уже трехгранными наконечниками [29].

Событием явилось открытие Г. В. Шишкиной в западной части городища древнейшего для него могильника. Здесь под толщами культурных наслоений оказалось несколько разрушенных захоронений и одно сохранившееся. Могила имела вид грунтовой ямы, частично обложенной сырцовыми кирпичами, в которой в вытянутом положении лежал скелет человека, ориентированного головой на запад. У черепа стоял обычный для Афрасиаба II банковидный бокал, отделанный полосчатым лощением [30]. Недалеко найден, может быть, выпавший из разрушенной могилы, бронзовый трехлопастный черешковый наконечник стрелы (рис. 1, *7*) сакского типа VII — VI вв. до н. э. [31].

---

[24] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. М., 1961, стр. 46, табл. ПВ, *14—17*.

[25] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 156.

[26] С. К. Кабанов. Ук. соч., стр. 184, рис. 4, *3*; его же. Ареал и эволюция двух древних керамических форм. СА, 1964, 3, стр. 83, рис. 2, *3*.

[27] С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаба, стр. 186, рис. 4, *2*.

[28] Там же, стр. 190, рис. 4, *4*, *5*.

[29] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., табл. III, *41—51*; М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д, 1—10, М., 1963, стр. 31, табл. *14, 29, 57, 66, 105*.

[30] Г. В. Шишкина. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба. Сб. «Афрасиаб», 1, стр. 227, 228; ср.. А. И. Тереножкин. Ук. соч., рис. 70, *5*.

[31] Г. В. Шишкина. О местонахождении Мараканды. СА, 1969, 1, стр. 66, рис. 5, *1*.

Упомянем еще о находках в культурном слое со смешанной керамикой типов Афрасиаба II и III, обнаруженной при шурфовке на обособленном холме на правом берегу р. Сиаб, к востоку от цитадели городища [32]. В 1968 г. здесь найден бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с выступающей втулкой, по которой от лопастей спускаются «ребрышки» (рис. 1,*8*). Наконечник своеобразен, но он, по-видимому, правильно отнесен исследователями к IV—III вв. до н. э. В 1969 г. здесь же найдена монета Антиоха I или II, относящаяся к первой половине III в. до н. э.[33]. Как видно из изложенного, во всех случаях материалы Афрасиаба II и III сопровождаются находками бронзовых наконечников стрел скифского, ахеменидского и сакского типов. Старейшие находки железных трехлопастных черешковых наконечников стрел засвидетельствованы, как известно, только для Афрасиаба IV. Грань между теми и другими представляется весьма существенной для вопросов хронологии. На юге Восточной Европы смена бронзовых наконечников стрел железными начинается в III в. до н. э. и заканчивается во II в. до н. э. Вот что сообщает о ходе этого процесса на соседней со Средней Азией территории Поволжья и Южного Приуралья М. Г. Мошкова: «развитие бронзовых втульчатых наконечников стрел в период прохоровской культуры идет по нисходящей линии», в погребениях конца IV — III в. до н. э. количество бронзовых наконечников «резко падает, а в погребениях III—II вв. до н. э. они отходят на второй план, уступая свое место железным наконечникам» [34]. Смена бронзовых наконечников железными к юго-востоку от Аральского моря на рубеже IV—III вв. до н. э. отчетливо прослежена С. А. Трудновской по материалам городища Чирик-Рабат в Кзыл-Ординской области [35]. В Бухарской области, как это выяснено О. В. Обельченко, с конца II в. употреблялись уже исключительно железные наконечники стрел [36]. Конечно, время смены бронзовых наконечников стрел железными в Средней Азии еще нуждается в уточнении, однако уже сейчас можно сказать, что во II в. до н. э. они здесь не применялись или были редкими. Хронологическая грань между ними лежит приблизительно на рубеже III—II вв. до н. э. Отсюда следует, что в настоящее время должна идти речь не об омолаживании моих датировок Афрасиаба II и III, на чем так энергично настаивают сотрудники Самаркандской экспедиции, а на их удревнении: если в 1948 г. я датировал эти периоды IV—II вв., то ныне для них несравнимо более приемлемой является датировка IV—III вв. до н. э.

Периоды Афрасиаба IV и Талли-Барзу I датировались мной в свое время II в. до н. э.—I в. н. э., следовательно, в основном порой кангюя и начала кушан [37]. В отношении хронологии Афрасиаба IV я ориентировался на материалы некрополя Туп-Хона в Таджикистане (аналогии рюмковидным кубкам на неустойчивой ножке), хорошо датированные находками серебряных оболов, чеканенных по монетам бактрийского царя Евкратида (по Тарну, 169—159 гг. до н. э.), которые были отнесены М. М. Дьяконовым к последним десятилетиям II в. до н. э.[38]. Датировка Талли-Барзу I, как и Каунчи II, могла устанавливаться лишь условно.

Никаких прямых данных, которые позволяли бы уточнить абсолютный возраст Афрасиаба IV и Талли-Барзу I, не дали пока и новые раскопки.

---

[32] Раскопки Ю. Ф. Бурякова и М. Тагиева.

[33] Ю. Ф. Буряков, М. Тагиев. О кангюе-кушанских слоях Афрасиаба. ОНУ, 1968, 8, стр. 59. Благодарю авторов за разрешение опубликовать сведения о находке монеты и рисунок наконечника стрелы.

[34] М. Г. Мошкова. Ук. соч., стр. 31.

[35] С. А. Трудновская. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат. ПИХЭ, 6, М., 1963, стр. 209—213.

[36] О. В. Обельченко. Кую-Мазарский и Лявандакский могильники. Реф. канд. дис. Ташкент, 1954, стр. 11, 15.

[37] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 157.

[38] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда в 1947 г. МИА, 15, 1950, стр. 173, 174, табл. 83—85.

Стремление же к омолаживанию этих периодов, с которым мы сталкиваемся в современных трудах, продиктовано исключительно желанием их авторов любым способом восполнить кушанский пробел в археологии и истории Самарканда. Так, например, С. К. Кабанов, отнеся Афрасиаб II и III к III — I вв. до н. э., пишет: «Приведенная передатировка имеет важное значение для истории города. Если наслоения Афрасиаб IV и Талли-Барзу I датировать II в. до н. э.—I в. н. э., то на Афрасиабе не окажется наслоений, которые соответствовали бы II—IV вв. н. э., и, следовательно, в истории города как бы обнаруживается длительный перерыв. Известно, что этот вывод (А. И. Тереножкина) был немедленно подвергнут критике» — со стороны М. Е. Массона [39]. Производя пересмотр хронологии, С. К. Кабанов совсем исключил из своей периодизации ступени Талли-Барзу II и III: выводя ступень Талли-Барзу IV непосредственно из Талли-Барзу I, он и пишет о существовании непрерывности жизни на Афрасиабе в кушанское время. Не приходится доказывать, что построение это не больше чем иллюзия, находящаяся в глубоком противоречии с фактами согдийской археологии, имеющими для нее опорное значение.

Не можем мы поддержать и попытку омолаживания слоев Талли-Барзу I—III, предлагаемую Б. Я. Стависким. Она интересна, но явно основывается на слишком скудных параллелях в древностях Хорезма, которые сами еще нуждаются в уточнении. Туп-Хона М. М. Дьяконова и Тулхарский курганный могильник в Таджикистане, исследованный А. М. Мандельштамом, более или менее одинаково датируются II—I вв. до н. э. находками подражательных оболов Эвкратида и монеты Герая (попытка А. М. Мандельштама датировать эти могильники с точностью до десятилетий едва ли может быть названа удачной) [40]. По наличию в них только железных наконечников стрел они явно моложе Афрасиаба III и могут во времени сопоставляться с Афрасиабом IV.

Талли-Барзу I по составу и типам вещей связан хронологически с Каунчи II в области среднего течения Сырдарьи и Кобадианом III в Таджикистане. Новые большие исследования памятников культуры Каунчи II произведенные в зоне Чардаринского водохранилища, не дали таких источников, которые позволили бы изменить принятую нами для нее датировку [41]. Однако возможности уточнения ее верхнего рубежа у нас все же появились. Если раньше начало сменяющей ее джунской культуры определялось лишь условно в пределах I—III вв. н. э., то в настоящее время в результате изучения таких вещей из джунских могил, как мечи, бронзовые зеркала, железные наконечники стрел и др., стало очевидным, что его нельзя отнести позже II или, что вернее, I в. н. э. Такая дата для ранних могил Джуна строго закреплена происходящей из них бронзовой фибулой типа Aucissa, исследованной Б. А. Литвинским [42]. Предложенная М. М. Дьяконовым датировка Кобадиана III временем I в. до н. э. — I в. н. э. подтверждена материалами городища Кей-Кобад-Шаха, в котором вместе с керамикой конца Кобадиана II и Кобадиана III оказался обол Герая (середина I в. до н. э. по А. А. Зографу) [43]. Хронологией Кобадиана, как она была установлена М. М. Дьяконовым, продолжает уверенно пользоваться Г. А. Пугаченкова и подтверждает ее своими исследования-

---

[39] С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. СА, 1969, 1, стр. 197.

[40] А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. МИА, 136, 1966, стр. 137 сл.

[41] А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

[42] Б. А. Литвинский. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. СА, 1967, 2.

[43] А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, 66, 1958, стр. 302 сл., рис. 11—14.

ми в Сурхандарьинской области [44]. В общем, если судить по Каунчи II и Кобадиану III, то у нас пока не имеется данных для внесения изменений в датировку Талли-Барзу I.

Археологическая периодизация ранних ступеней Афрасиаба с внесенными в нее необходимыми поправками в настоящее время представляется в следующем виде: Афрасиаб I: ранний — VII—VI вв. до н. э., поздний — V в. до н. э.; Афрасиаб II и III—IV—III вв. до н. э.; Афрасиаб IV и Талли-Барзу I—II в. до н. э.—I в. н. э.; Талли-Барзу II и III—II—IV вв. (периоды кушанского упадка Самарканда).

Так уточненная хронология основных периодов раннего Афрасиаба позволяет осветить ряд важных вопросов истории древнего Самарканда.

Нам точно не известно, когда на Согд распространилась власть ахеменидского Ирана. По-видимому, это произошло не ранее тех восточных завоевательных походов Кира Великого, которые закончились для него гибелью в сражении с массагетами в 530 г. до н. э. Если это так, то, судя по имеющимся уже археологическим данным, почти весь ранний период Афрасиаба I следует считать еще предахеменидским.

Каким же мог быть этот доахеменидский город на городище Афрасиабе? Прежде всего следует сказать, что ныне все сомнения скептиков в существовании такого города в глубокой древности на Афрасиабе уже полностью рассеялись: это был город, и город огромный, а никак не некое странное скопление мелких поселков сельского типа, по М. К. Пачосу. Несмотря на весьма длительное время, прошедшее от начала города до наших дней, и различные большие разрушения культурных слоев, древнейшие наслоения или их явные признаки обнаруживаются в пределах всего городища Афрасиаба, а не только в его западной половине [45].

Вся обширнейшая площадь городища (более 200 *га*) была обнесена внешней могучей крепостной стеной еще в предахеменидское время. Остатки ее можно уже наблюдать на южной, восточной и северной окраинах. Обвалы этой городской стены, перекрывающие культурные слои и руины помещений раннего Афрасиаба I, хорошо видны в обрезах моего раскопа 1947 г. на валу к востоку от ансамбля мавзолеев Шахи-Зинда. Здесь, как пришлось мне увидеть в 1970 г., сохранилось и основание крепостной стены более 1,5 *м* высоты, сложенной из пахсы и крупнейших сырцовых кирпичей (49 × 49 × 13 *см*).

1968 год ознаменовался одним из замечательнейших открытий на городище: Г. В. Шишкина, пропзводя раскопки у обрыва к р. Сиаб (чуть севернее Соборной мечети Хорезмшахов), резко углубилась в толщи культурных слоев и обнаружила величественную крепостную стену, основание которой оказалось на 11 *м* ниже современной поверхности поля. По древности она, как устанавливает исследовательница, едва ли уступает стене близ Шахи-Зинда.

Раскопки на Афрасиабе, осуществляемые Самаркандской археологической экспедицией, привели к началу раскрытия доахеменидской городской цивилизации, а вместе с тем, по-видимому, и государственности в Согде. Там же на р. Сиаб, но несколько западнее, С. К. Кабановым открыта упоминавшаяся ранее великолепная крепостная стена, прикрывавшая северо-западный фас древнего города, расчищенная на протяжении 60 *м*. С. К. Кабанов отнес эту стену к концу III или к первой половине II в. до н. э. [46]. С такой датировкой согласиться нельзя: стена возведена на культурном слое раннего Афрасиаба I; в ее кладке найден бронзовый наконечник стрелы ахеменидского типа. Руины стены перекрыты культур-

---

[44] Г. А. Пугаченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 115 сл.

[45] Г. В. Шишкина. О местонахождении Мараканды. СА, 1969, 1; ее же. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба. Сб. «Афрасиаб», 1.

[46] С. К. Кабанов. Ук. соч., стр. 187.

ными остатками периодов Афрасиаба II и III, в которых также обнаружен бронзовый ахеменидский наконечник стрелы раннего типа, конца VI — первой половины V в до н. э. Все это достоверно свидетельствует о том, что отрезок внешней городской стены, исследованный С. К. Кабановым, был возведен в ахеменидское время, вероятно, не позднее V в. до н. э. Итак, в ней можно видеть остатки фортификации Мараканды времени, которое предшествовало завоеванию города Александром Македонским.

Особый интерес представляют вопросы организации водоснабжения древнего города, изучению которого большое внимание уделяется Я. Г. Гулямовым. Судя по тому, что городские оборонительные сооружения (конечно, не только в виде валов, стен, но и глубоких рвов) были сооружены еще в доахеменидское время, самотечный канал, шедший с юга по линии знаменитого Джуи-Арзиза, должен был функционировать с глубочайшей древности. Сведения о результатах раскопок магистрального канала, идущего с юга к цитадели, еще не опубликованы. М. И. Филанович к западу от Соборной мечети исследовала остатки концевых сооружений самотечных каналов и установила, что они относятся к самым древним периодам истории города [47]. При раскопках в южной части города Н. Б. Немцова обнаружила магистральный канал, идущий от мечети Хазрет-Хызра на восток вдоль южной стены городища и, судя по найденной в нем керамике типов Афрасиаба III [48], сооруженный не позднее III в. до н. э. В районе мавзолеев Шахи-Зинда Н. Б. Немцова открыла мощные слои Афрасиаба I. Ею найден здесь и бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы ахеменидского типа, который опубликован мной (рис. 1, *9*).

Массовые керамические материалы позволяют установить, что ремесла и культура в древнем Самарканде, как об этом писал я и раньше, достигают наивысшего уровня в эллинистическое время, приблизительно в III в. до н. э., а со II в. до н. э. в них определенно обозначается начало упадка, который совсем отчетливо сказался уже на рубеже нашей эры, соответственно в период Талли-Барзу I. Упадок жизни в Самарканде при кушанах, очевидно, не означал полного ее прекращения. О какой-то жизнедеятельности города в эту пору свидетельствуют материалы из шурфа в северной части Афрасиаба, заложенного в 1968 г., где впервые за всю историю исследования этого памятника нашлись обломки типичных для Афрасиаба II сосудов с ангобными росписями в виде переплетающихся лент [49].

В эпоху «великих кушан» высочайший расцвет переживали юг Средней Азии и Бактрия. Однако на севере, особенно в Согде, вопреки мнению многих археологов, мы отмечаем время значительного упадка. По-видимому, здесь раньше начала складываться тяжелая для культурных оазисов политическая обстановка, обусловленная натиском сарматских кочевых племен, мигрировавших в это время с своей древней родины из степей Поволжья и Приуралья как на запад, так и на юго-восток, в области Средней Азии. Известно, что сарматское продвижение на запад, протекавшее двумя волнами — с конца III в. до н. э. и с начала II в. н. э., привело к падению многовекового могущества скифов в Северном Причерноморье и к общей сарматизации юга Восточной Европы. Крупные изменения должны были произойти и на среднеазиатской территории, через которую, по-видимому также двумя волнами, прокатилась сарматская миграция. В деле выяснения особой роли сарматского этнического элемента в древней истории Средней Азии мы более всего обязаны О. В. Обельченко, который в течение многих лет плодотворно исследовал курганы в Ташкентской, Бу-

---

[47] М. И. Филанович. Ук. соч., стр. 209 сл.

[48] Н. Б. Немцова. Стратиграфия южной окраины Афрасиаба. Сб. «Афрасиаб», 1, стр. 168, рис. 5, *19—26*.

[49] Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг. Сб. «Афрасиаб», 1, стр. 279.

харской и Самаркандской областях Узбекистана. В выявленных им признаках массовых вторжений кочевых сарматов во II—I вв. до н. э. и во II—IV вв. н. э.[50], вероятнее всего, и следует видеть причины, вызывавшие в Самарканде постепенное понижение уровня культуры и ремесел со II в. до н. э., а затем, при кушанах, с I в. н. э. общий упадок жизни в этом выдающемся центре древней цивилизации в Средней Азии.

A. I. Térénojkine

PROBLÈMES DE LA DIVISION EN PÉRIODES ET DE LA CHRONOLOGIE DE L'ANCIEN SAMARKAND

Résumé

Dans la division en périodes archéologiques de l'ancien Samarkand, proposée par l'auteur dans les quarantièmes années, ce furent les problèmes de la chronologie absolue de ses premières étapes qui furent l'objet des plus grandes discussions. Les études récentes des chercheurs de Samarkand laissent percevoir une tendance de «rajeunir» les datations des périodes II—IV de l'histoire d'Afrassiab et de celle i de Talli — Barzou; ces périodes attribuées par l'auteur au IX-e siècle avant notre ère au I-er siècle de notre ère sont rattachées généralement dans les ouvrages modernes au IIIe siècle avant notre ère au IVe siècle de notre ère. Onfalt des tentatives de démontrer que Samarkand ne tombait en profonde décadence sous les Kouchans comme cela était antérieurement affirmé par l'auteur.

Les sources archéologiques analysées dans l'article, surtout de nouvelles trouvailles des pointes de flèche en bronze découvertes dans les couches archéologiques, portent l'auteur à penser que la revision de la chronologie prit une fausse direction et certaines périodes historiques sont plus anciennes. Alors une nouvelle division en périodes des débuts de l'histoire de Samarkand est suivante: l'ancienne A1-les VII—VIes siècles avant notre ère; la tardive Al-le Ve siècle avant notre ère; Al et AII—les IV — IIIes siècle av. notre ère; AIV et TBI — le IIe siècle avant notre ère- le Ier s. de n. è. Cette répartition périodique permet de tirer des conclusions importantes du point de vue historique dont la principale consiste en ce que Samarkand se forma comme une très grande ville sur l'emplacement du site urbain d'Afrassiab bien avant l'époque des Achéménides, ce qui marqua alors l'apparition de la civilisation urbaine et de la notion d'Etat au Sogde. Il est de nouveau confirmé que l'épanouissement de Samarkand avait lieu aux temps helléniques et sa décadance correspond à la pàriode kouchane.

[50] О. В. Обельченко. Ук. соч., стр. 15, 16.

Д. В. ДЕОПИК, О. Ю. КРУГ

ЭВОЛЮЦИЯ УЗКОГОРЛЫХ СВЕТЛОГЛИНЯНЫХ АМФОР С ПРОФИЛИРОВАННЫМИ РУЧКАМИ

В Северном Причерноморье для IV—V вв. имеется сравнительно мало датирующих предметов, тем более массовых; поэтому амфоры занимают важное место среди датирующих материалов на поселениях степных культур этого времени. В то же время эти амфоры изучены еще явно недостаточно, чему в немалой степени способствовало как малое число выразительных фрагментов (и целых форм) на степных поселениях, так и недостаточная исследованность слоев этого времени в больших городах Северного Причерноморья. Малая изученность, т. е. отсутствие выделенных вариантов типов, отсутствие классификаций амфор вообще привели к неоправданно широким датировкам. Необходимо подчеркнуть, что особенно важны именно классификации профилированных частей, поскольку на поселениях амфоры обычно находят во фрагментах. Поэтому настоятельна необходимость выявления специфических особенностей как целых амфор этого времени и их профилированных частей (морфологические особенности), так и их теста (петрографические особенности). Попытке выявления таких особенностей и посвящена данная статья.

Наиболее благоприятным материалом для этого представляются небольшие узкогорлые светлоглиняные амфоры с профилированными ручками (тип 1), широко распространенные в римское время в Северном Причерноморье. Их массовость в I—III вв. и единообразие, обилие целых форм привлекли к ним внимание ряда исследователей. Многолетнее накапливание всех профилированных частей амфор из слоев раскопа VI в Танаисе [1] позволило собрать значительный материал как по ранним вариантам типа 1 (варианты A, B, C_1, C_2 по И. С. Каменецкому [2] или варианты A, B, C, D по Д. В. Деопику и А. М. Карапетьянцу [3]), так и по варианту IV—V вв. (вариант E). Эти поздние светлоглиняные амфоры из слоев IV — начала V в., родство которых с ранними вариантами еще строго не доказывалось, сами по себе уже известны сравнительно давно. Есть целые амфоры из раскопа IV на Танаисе [4] (рис. 1, *1*), из помеще-

---

[1] Д. В. Деопик пользуется случаем выразить благодарность всему коллективу Нижне-Донской экспедиции и ее руководителям Д. Б. Шелову, Т. М. Арсеньевой, А. И. Болтуновой, чей постоянный интерес и поддержка во многом обусловили успех этого многолетнего эксперимента. И особенно — И. С. Каменецкому, сделавшему первые шаги в деле точной классификации светлоглиняных амфор, и А. М. Карапетьянцу, без участия которого этот эксперимент вообще невозможно представить.

[2] И. С. Каменецкий. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища. КСИА АН СССР, 94, 1963; Л. М. Казакова, И. С. Каменецкий. Курганы Танаиса. КСИА АН СССР, 124, 1970, стр. 82.

[3] Д. В. Деопик, А. М. Карапетьянц. Некоторые принципы описания массового керамического материала применительно к возможностям статистического анализа. Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, стр. 103.

[4] Д. Б. Шелов. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1956—1957). МИА, 127, 1965, рис. 59, *2*; А. К. Коровина, Д. Б. Шелов. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957). МИА, 127, 1965, рис. 29.

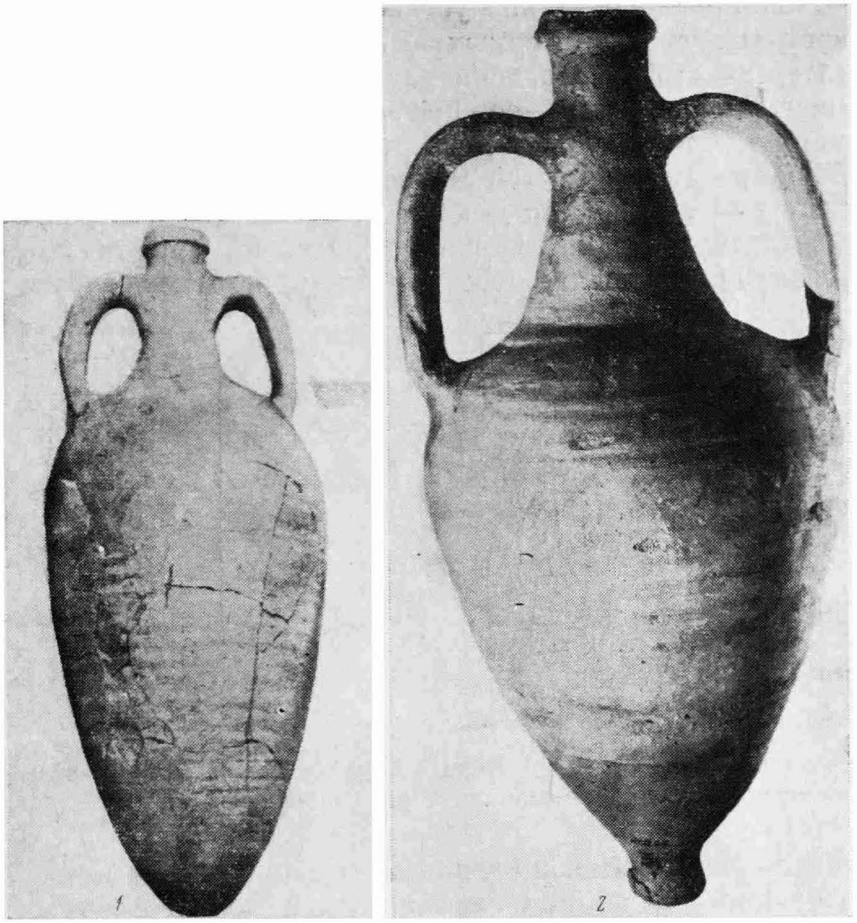


Рис. 1. Светлоглиняные узкогорлые амфоры с профилированными ручками вариантов E (*1*) и D (*2*)

ния 16 в Херсонесе (IV—V вв.) [5], ряд крупных фрагментов опубликован у И. Б. Зеест [6]. Фрагменты таких амфор — не редкость на черняховских поселениях [7]. Но встречаются поздние амфоры в публикациях редко, несравненно реже вариантов I—III вв. Наиболее точное описание поздних амфор принадлежит Д. Б. Шелову [8], который дал не только дату и общую характеристику этой группы, но и сформулировал основное положение, доказываемое в данной статье, о генетическом родстве узкогорлых светлоглиняных амфор IV—V вв. и первой половины III в. (вариант E и D).

Основой для описания типа 1 и его вариантов послужили серии целых амфор и фрагментов из римских слоев Танаиса (I — начала V в.). На Танаисе в большом количестве представлены и фрагменты амфор позднего варианта E и несколько таких целых и слабофрагментированных амфор (рис. 2). Слои Танаиса IV — начала V в. наиболее удобны для выявления позднего варианта, так как хорошо выделяются благодаря слою пожарища середины III в. и не содержат ни непосредственно предшествующего материала (поскольку во второй половине III — первой половине IV в. Танаис был заброшен), ни какого-либо последующего, так как после начала V в. город перестал существовать. Раскопки 1964—1968 гг. к востоку от центрального участка западной городской стены римского Танаиса (раскоп VI «восточный») вскрыли улицы и ряд домов

[5] Г. Д. Белов, С. Ф. Стрежелецкий, А. Л. Якобсон. Квартал XVIII. МИА, 34, стр. 213—215, рис. 63 (слева).

[6] И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 121, 122, табл XLI, *104*.

[7] Устное сообщение Э. А. Сымоновича.

[8] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 126, 127.

IV в. и позволили окончательно установить, что в это время поздний вариант узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками преобладал среди амфор. Поздняя разновидность, таким образом, известна, приблизительное время ее бытования — тоже; наша задача — указать ее место в генетическом ряду амфор типа 1. Описание нескольких тысяч профилированных частей и нескольких десятков целых амфор по принятой системе [9] позволило дать строгое описание четырех ранних вариантов и выделить поздний вариант Е. При их сопоставлении, поскольку еще не опубликованы полные данные по статистическому описанию

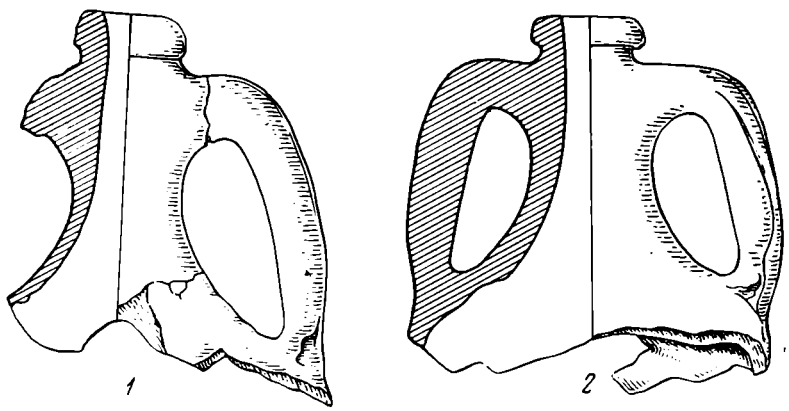


Рис. 2. Горла амфор варианта *Е* из слоев второй половины IV — начала V в. (Танаис, раскоп VI)

всех вариантов, часть имеющихся данных приводится здесь для демонстрации эволюции значений качественных и количественных признаков у вариантов А, В, С, D, эволюции, которая завершилась для Танаиса вариантом Е. Подобная эволюция прослеживается и в составе глин амфор типа 1. Будучи уже доказана для амфор ранних вариантов [10], она подтвердилась и для позднего варианта, чему посвящена соответствующая часть статьи.

Для амфор варианта Е типичны несколько большие по сравнению с вариантами А—D размеры корпуса: высота — 45—55, максимальная ширина — 22—24 *см*. Для А — D высота — 35—40, максимальная ширина — 20—22 *см*. Таким образом, корпус амфор А — D всегда меньше, чем у Е. У Е пропорции корпуса (45—55) : (22—24), т. е. 2,2; у А — D — (35 — 40) : (20 — 22), т. е. 1,8. В целом к варианту Е относятся более вытянутые, с несколько более крупным туловом амфоры.

Изучение качественных (кодовых) и количественных (параметров) признаков венчика и горла показывает постепенную эволюцию от А к Е в более детальном и убедительном виде, чем не очень массовые (для Е) данные по общим размерам.

Остановимся вначале на качественных признаках. Их восемь, у каждого — по нескольку значений.

Признак 1. Обработка верхней наружной поверхности венчика: *1* — наличие резкого возвышения у устья — «истинного гребня»; *2* — заострение около устья; *3* — заострение на середине верхней плоскости венчика; *4* — наличие желобка, выделяющего пологий гребень; *5* — наличие горизонтальной площадки; *6* — наличие округлой верхней поверхности; *7* — наличие слабого возвышения у устья — «ложного гребня».

Признак 2. Обработка боковой поверхности венчика: *1* — расширение внизу, боковая поверхность выпуклая; *2* — расширение вверху, боковая поверхность выпуклая; *3* — расширение в середине, боковая по-

[9] Д. В. Деопик и А. М. Карапетьянц. Ук. соч.

[10] О. Ю. Круг, Э. Бажанов. Классификация и хронология светлоглиняных амфор II—IV вв. СА, 1967, 1.

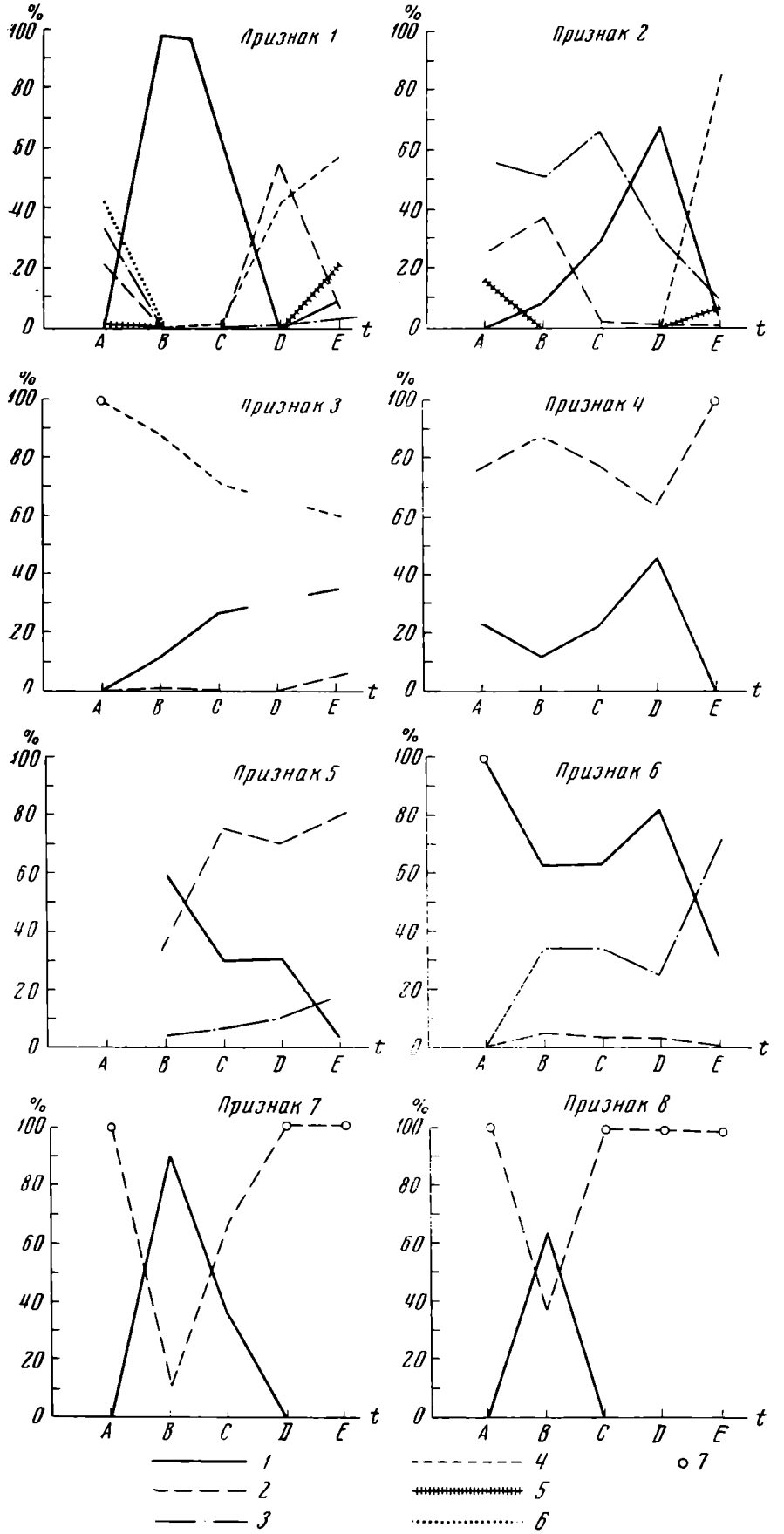


Рис. 3. Графики распределения значений признаков 1—8, описывающих венчики светлоглиняных амфор

1 — значение 1 (у признака 6 — значения 1 и 5); *2* — значение 2; *3* — значение 3; *4* — значение 4; *5* — значение 5 у признака 1, значение 6 у признака 2; *6* — значение 7; *7* — «присущее» значение. По признаку 3 данные для варианта D отсутствуют

верхность выпуклая; *4*, *5*, *6* — то же, что *1*—*3*, но боковая поверхность плоская.

Признак 3. Нижняя поверхность венчика или переход к ней: *1* — нижняя поверхность расположена под прямым углом к боковой (но не к вертикали); *2* — нижняя поверхность под острым углом к боковой; *3* — нижняя поверхность имеет сложную форму (не гладкая); *4* — переход к нижней поверхности плавный.

Признак 4. Переход венчика (нижней или, если ее нет, боковой поверхности) в стенку: *1* — плавный; *2* — четко выраженный.

Признак 5. Профиль внутренней поверхности верхней части горла: *1* — сужается книзу; *2* — цилиндрическая; *3* — сужается кверху.

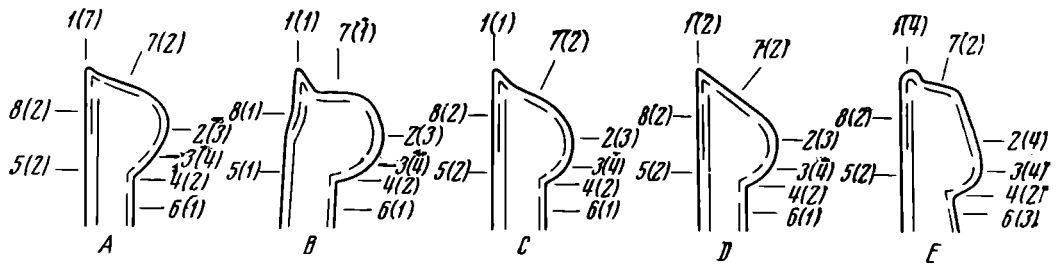


Рис. 4. Основные варианты венчиков светлоглиняных амфор типа 1. За номером признака в скобках стоит номер преобладающего значения

Признак 6. Обработка стенки под венчиком и характерные особенности боковой поверхности венчика: *1* — толщина стенки неизменная; *2* — стенка утончается внизу, образуя вдавленность («желобок») под венчиком; *3* — стенка утончается кверху.

Признак 7. Наличие горизонтальной площадки у верхней поверхности венчика при наличии гребня: *1* — имеется горизонтальная площадка; *2* — не имеется.

Признак 8. Наличие кольцевого вдавления внутри верхней части горла: *1* — имеется вдавление; *2* — не имеется.

Каждый вариант амфор характеризуется, во-первых, наличием всех признаков, во-вторых, каким-либо преобладающим значением для каждого из признаков. Поскольку все значения признаков закодированы цифрами, то одному варианту соответствует строчка из восьми цифр, каждая из которых — преобладающее значение данного признака. Поскольку определенный интерес представляли и «не преобладающие» значения признаков, для каждого из них были сделаны специальные таблицы, где были высчитаны все значения признаков для каждого варианта в процентном значении с доверительными интервалами.

Не приводя, по недостатку места, эти таблицы, приведем соответствующие графики (рис. 3). В итоге получены кодовые характеристики вариантов по преобладающим качественным признакам (табл. 1), которым соответствуют сечения венчиков на рис. 4

Для некоторых вариантов какое-то значение признака может быть единственным, «присущим». Такие значения в табл. 1 выделены кавычками.

Преобладающие значения в сочетании с данными параметров дают возможность отделить (естественно, для серии фрагментов) любой вариант от другого. Приведенные графики (рис. 3) позволяют сделать некоторые выводы и по второстепенным значениям.

Рассмотрим, как менялась на протяжении веков форма венчика у вариантов А—Е. Анализируя смену одних значений другими у каждого из восьми качественных признаков, мы видим в большинстве случаев эволюцию в одном направлении, хотя не всегда это движение равномерно. Это невозможно при детальном описании предмета. Детальный признак может некоторое время не эволюционировать, когда эволюционируют

другие признаки, может повторяться, поскольку набор значений признака порой меньше числа вариантов амфор. Но вместе с количественными признаками венчиков и качественными признаками других частей амфоры качественные признаки венчиков дают неповторяющиеся сочетания значений признаков; наиболее массовые из таких сочетаний и есть типы, их варианты и иные единицы классификации. Поэтому наличие эволюции на всем протяжении исследуемого периода не обязательно для детальных признаков. Другое дело, если большинство избранных признаков дает эволюцию только для части вариантов, а другая часть вариантов

Таблица 1

Варианты	Признаки							
	1	2	3	4	5	6	7	8
A	7	3	«4»	2	«2»	«1»	«2»	«2»
B	1	3	4	2	1	1	1	1
C	1	3	4	2	2	1	2	«2»
D	2	3	4	2	2	1	«2»	«2»
E	4	4	4	«2»	2	3	«2»	«2»

противопоставляется им. В таком случае гипотеза о родстве в пределах данного ряда отвергается.

Из рассмотрения процентных долей различных значений признака 1 в пределах временного ряда, представленного последовательностью вариантов A — E, вытекает наличие по этому признаку общей тенденции развития формы. Для раннего варианта A обычны значения 3 и 7, впоследствии практически не встречающиеся. Последним стоит значение 2, весьма частое впоследствии. Все три значения соответствуют отсутствию «истинного гребня» и говорят о наличии у варианта A его предшественников: «ложного гребня» и «заострения». У следующего варианта B, возникает «истинный гребень», он же является основной формой у более позднего варианта C. У последующего варианта D гребень превращается или в «заострение» около устья (значение 2), или в пологий гребень, выделенный при помощи желобка (значение 4). По указанным причинам (простота признаков) и предшествующая «истинному гребню» форма и последующая кодируются термином «заострение», но «заострение» у D отличается своими параметрами от «заострения» у варианта A. Таким образом, намечается исчезновение острого («истинного») гребня и формирование сглаженного («пологого») гребня, за которым следует появление венчиков вообще без гребня. Эта тенденция реализуется в варианте E, где значение 4 резко преобладает, за ним следует значение 5 (венчик вообще не имеет гребня); венчики с острым гребнем и его модификациями («заострение») очень редки и отличаются своими параметрами от венчиков A, B, C, имеющих острый гребень или «заострение».

Данные по признаку 2 показывают постепенное падение числа венчиков с расширением в верхней части, от A к D. В варианте E они вообще не встречаются. Постепенно падает и доля венчиков с расширением в середине. За счет первых двух групп растет число венчиков с расширением в нижней части, достигая максимума в варианте E. (На графике это менее очевидно, поскольку признак 2 практически состоит из двух признаков — место расширения и форма боковой поверхности,— сведенных воедино для экономии числа колонок на перфокарте.) Ясно видна указанная закономерность в табл. 2.

Вторая закономерность менее очевидна, так как вначале мы видим небольшое количество венчиков с плоской боковой поверхностью, потом они исчезают и снова появляются в конце ряда, у варианта E. Таким образом, сам по себе этот признак выделяет варианты, но не дает эволюции. Но если рассматривать его в связи с первым признаком, то видно,

что в начале ряда встречаются венчики с вертикальной плоской боковой стороной, потом они исчезают, а в конце появляются венчики с наклонной плоской боковой стороной, т. е. другие; повтора на самом деле нет. Таким образом, признак сам по себе может и не описывать эволюцию, но делает это в сочетании с другим признаком.

Аналогичная ситуация возникает при анализе данных по признаку 3. Переход к нижней поверхности имеет форму угла у части венчиков варианта B, доля таких венчиков растет у варианта C, затем они исчезают у D и появляются у E. Снова возникает кажущееся сходство варианта A и D, поскольку все они имеют плавный переход к нижней части венчика. На самом деле плавный переход, во-первых, встречается все реже, во-вторых, он у A реализируется на венчиках, расширяющихся в середине или вверху, а у D — на венчиках, расширяющихся внизу. Поэтому у A выражается в наличии сравнительно длинной плавной дуги, а у D (и E) — в наличии короткого крутого закругления (рис. 4). Можно уточнить значение признака, но это усложнило бы практическое использование системы описания, так как трудно на глаз сравнивать степень крутизны дуги. Проще сопоставить данные, полученные при применении двух простых систем, чем использовать одну сложную, применение которой влечет за собой усиление роли интуитивных оценок. Предложенная система намеренно рассчитана на различие временных вариантов по минимальному количеству признаков. Можно было бы добавить еще ряд признаков, но поскольку поставленная цель — различение основной массы венчиков — достигается предложенной системой, расширение ее нецелесообразно. Напомним, что помимо качественных признаков венчика амфору каждого варианта отличают еще многие качественные и количественные признаки.

По признаку 4 эволюция выражена постепенным ростом числа венчиков с плавным переходом от стенки к венчику у вариантов A — D, у варианта E они неожиданно исчезают. Но, напомним, вариант E отделен от D разрывом в один век, на протяжении которого бесспорно существовал по меньшей мере один, неизвестный на Танаисе вариант. Поэтому вполне вероятно, что фактически появление венчиков без плавного перехода было менее резким. Сам же факт появления, расцвета и исчезновения какой-то особенности формы на протяжении пяти веков вполне естествен и входит в понятие эволюции, так как оно не тождественно понятию равномерного движения в одном направлении.

Своеобразный тип эволюции дает признак 5. Из имеющихся трех значений два — противоположные (1 и 3) и одно — промежуточное (2). Соответственно противоположные значения дают и противоположные тенденции, а промежуточное примыкает к одному из них. К сожалению, по варианту A данные по этому признаку пока немногочисленны и в анализе не участвуют. На отрезке ряда B — E тенденция очевидна. Растет число суженных кверху горл, уменьшается число господствовавших вначале расширяющихся кверху горл. Быстро растет и число цилиндрических горл.

Признак 6, как и признак 2, сочетает в себе два признака: форма стенки под венчиком и контур боковой поверхности венчика. Наличие значения 5 (толщина стенки неизменная, боковая поверхность венчика имеет ребра) однозначно выделяет часть венчиков варианта B. Этим классификационная роль второго признака и ограничивается. Первый же признак позволяет проследить эволюцию по значениям 1 и 3; значение 2 встречается очень редко и ни один из вариантов не характеризует. На графике видно, что сосудов с постоянной толщиной стенки под венчиком становится все меньше на всем протяжении ряда, а сосудов, стенки которых под венчиком утончаются кверху,— все больше. Но эволюция здесь не носит «прямого» характера: вариант D отклоняется от общей тенденции. Но поскольку это отклонение не выходит за рамки крайних

точек кривой, описывающей эволюцию (значение у D больше, чем у A, и меньше, чем у E), вывод об эволюции не опровергается.

По признаку 7 варианты B и C отделились от остальных, не имеющих гребня и площадки вместе. Внутри пары B—C этот признак более типичен для B (91,3%), в то время как у C в большинстве случаев (66,7%) этой площадки нет. Эволюция (исчезновение площадки) очевидна, если учесть, что у варианта A нет «истинного» гребня, но есть «ложный» и к нему примыкает площадка на верхней плоскости венчика; она почти всегда наклонная и очень редко горизонтальная. Таким образом, на протяжении нашего ряда наклонная площадка варианта A сменилась горизонтальной площадкой варианта B, которая стала редкой у варианта C и исчезла у вариантов D и E.

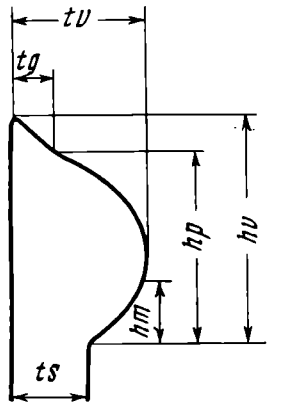


Рис. 5. Параметры венчика светлоглиняных амфор

По признаку 8 однозначно выделяется часть венчиков варианта B, а именно 62,9%. Этот признак был введен как вспомогательный для сложных случаев, поскольку он встречается только у венчиков варианта B, позволяя отличать его от C, с которым венчики B часто схожи. Признак 8 стоит наиболее близко к «идеальному» признаку-паспорту, всегда однозначно определяющему интересующую нас группу явлений. Но очевидно, что оперирование только такими признаками лишает исследователя возможности сравнивать группы предметов, объединять их в более широкие совокупности и пр., для чего требуются признаки, присущие части групп, образующих совокупность. В свою очередь признаки, присущие всем группам, образующим совокупность, неудобны тем, что по ним нельзя классифицировать эту совокупность.

Таблица 2

Значения признака 2	A	B	C	D	E
	%				
2 — «расширение вверху»	25,0	38,2	2,8	0,6	—
3, 6 — «расширение в середине»	75,0	52,4	67,5	31,4	15,2
1, 4 — «расширение внизу»	—	9,3	29,8	68,0	84,8

Таблица 3

Вариант	$\bar{x} - 2\sigma$	$\bar{x}$	$\bar{x} + 2\sigma$	$x - \sigma$	$\bar{x}$	$\bar{x} + \sigma$
B	15,72	29,75	43,78	22,74	29,75	36,76
C	13,45	14,55	15,65	14,00	14,55	15,10
D	13,42	14,40	15,38	13,91	14,40	14,89
E	11,17	15,33	19,49	13,25	15,33	17,41

Подводя итог рассмотрению качественных признаков венчика, видим, что большинство из них дает либо общие для всех вариантов особенности, либо эволюцию в одном направлении и варианту E. Естественно, что не все значения признаков всех вариантов типа дают такую картину, ибо описываемый процесс достаточно сложен.

Для каждого из вариантов рассчитывалось среднее значение ($\bar{x}$) каждого из параметров, затем вычислялись сигмы (σ) и определялась достоверность той или иной тенденции. Для примера приведем (табл. 3) данные по общей высоте горла (h).

По этим данным делается вывод о надежной постепенной тенденции к уменьшению высоты горла от B до E. Некоторое увеличение горла у E по

сравнению с D не меняет тенденцию, поскольку, как указано выше, амфоры E несколько крупнее; доля же горла в общей высоте падает непрерывно. В связи с этим примером надо сказать, что сплошь и рядом более показательными являются отношения, а не сами параметры. В нашем случае это особенно типично, ибо у варианта E абсолютные размеры больше, чем у предшествующих вариантов. Причем разница особенно велика по сравнению с вариантом D. Действительно, если мы рассмотрим эволюцию параметров венчиков (рис. 5, табл. 4), то увидим во многих случаях резкое увеличение значений для варианта E, как будто нарушающее общую тенденцию.

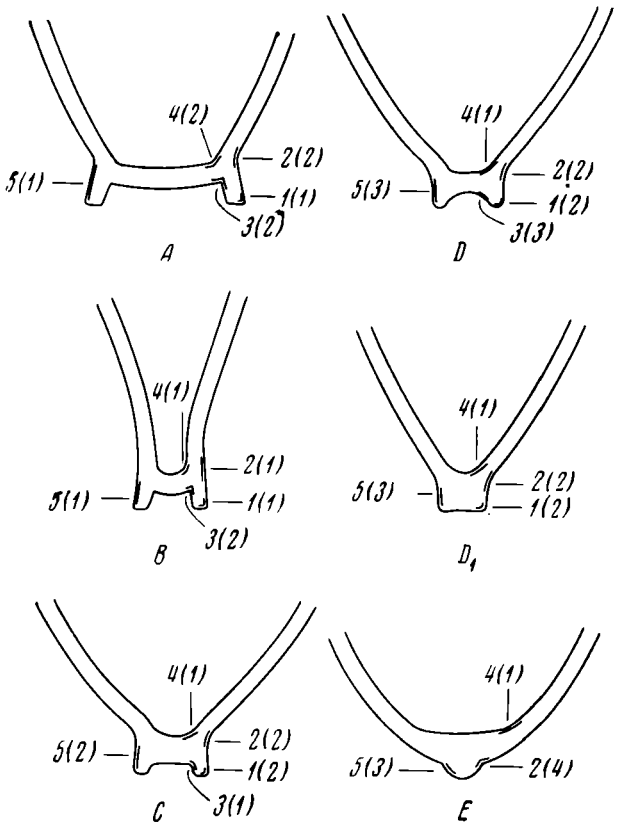


Рис. 6. Основные варианты ножек светлоглиняных амфор типа 1

То же наблюдаем и для большинства параметров горла (табл. 4): расстояния от верха венчика до верха прилепа ручки (h_r), расстояния от верха венчика до перегиба ручки (h_t), внутреннего диаметра венчика (d_v), наружного диаметра под венчиком (d_z), диаметра горла у верха прилепа ручек (d_p), диаметра горла в 10 *см* ниже венчика (d_{10}), диаметра основания горла (d), внутреннего радиуса горла ($D/2$). Переход к пропорциям устраняет указанное различие в размерах, и тенденция становится очевидной. Типичным примером четко выраженной хронологической тенденции могут служить отношения толщины венчика (t_v) к толщине стенки (t_s), высоты горла (h) к диаметру основания горла (d), высоты венчика (h_v) к его толщине (t_v), что и показано в табл. 5.

Отношение высоты венчика (h_v) к высоте его основной части (h_p), напротив, дает пример константного отношения, отсутствия эволюции здесь отражает устойчивость типа.

Таблица 4

Параметры *	A	B	C	D	E
t_s	6,8±1,3	8,0±0,8	7,6±1,0	7,5±1,0	9,3±1,1
t_v	14,1±1,8	15,9±1,5	13,5±1,9	11,9±1,6	14,7±2,0
t_g	—	5,8±1,0	5,5±1,0	6,1±1,2	6,5±1,8
h_v	18,7±2,6	18,7±2,4	15,9±2,2	15,2±2,3	22,3±3,1
h_p	—	15,2±2,2	13,0±2,2	12,8±2,0	20,3±2,4
h_m	12,8±2,6	8,6±2,4	6,1±1,6	5,9±1,6	4,6±2,2
h_r	35,2±11,0	36,4±8,4	30,3±6,1	28,7±4,2	27,3±5,7
h_t	—	65,7±6,0	33,3±13,5	36,6±3,2	50,0±13,4
d_v	41,6±4,5	47,2±4,2	33,6±1,9	33,1±2,4	38,8±1,6
d_z	50,3±2,1	65,7±4,6	47,9±1,7	48,9±1,9	60,5±3,0
d_p	52,1±3,8	55,8±5,0	50,0±2,8	49,6±2,0	61,8±2,2
d_{10}	59,0±7,0	62,5±9,5	67,8±3,7	65,6±2,2	72,4±4,1
d	—	11,5±1,5	10,4±0,7	10,6±0,5	13,1±2,3
$D/2$	20,0±5,9	26,9±4,0	22,0±4,3	19,3±3,4	20,8±2,7

* Параметр d дан в *см*, остальные — в *мм*. В таблице даны $\bar{x} \pm \sigma$.

Таблица 5

Вариант	t_v/t_s	h/d	h_v/t_v	h_v/h_p	$d_v+2t_v-d_z$	$d-d_z$	$d-d_{10}$	$h-10$ см	tg α	α
A	2,07	—	—	—	19,42	—	—	—	—	—
B	1,99	2,58	1,18	1,19	14,33	50,3	56,0	197,5	0,28	1°42′
C	1,75	1,40	1,18	1,22	12,21	55,7	41,1	45,5	0,91	5°12′
D	1,60	1,36	1,27	1,19	8,04	57,1	38,2	44,0	0,87	5°00′
E	1,58	1,16	1,54	1,14	7,71	70,9	59,0	53,3	1,11	6°24′

Примером эволюции сочетания признаков, несомненно имеющего функциональный смысл, может служить эволюция размера выступания венчика над стенками. Вычисляется выступание так: к внутреннему диаметру поверху (d_v) прибавляется удвоенная толщина венчика ($2t_v$) и затем вычитается наружный диаметр горла под венчиком (d_z). Поскольку выступ был необходим для закрепления веревки, державшей пробку, то можно предположить, что уменьшение выступа связано с тем, что выполнявшая те же функции веревка стала тоньше, неся ту же нагрузку, т. е. усовершенствовалась.

Список примеров можно завершить некоторыми расчетами по величинам горла и углам его раструба (tg α). И здесь прослеживается четкая хронологическая эволюция (падение или рост показателя).

При анализе качественных признаков по ножкам ограничимся только анализом их преобладающих значений (табл. 6) и изображением их на рис. 6.

Для варианта А характерно сочетание четко выраженной внешней грани поддона (признак 1, значение *1*) с вогнутой боковой поверхностью донной части амфоры (2, *2*), при дне, четко отделенном от кольца поддона (3, *3*) и от внутренней поверхности стенок амфоры (*4*, *2*); поддон усеченно-конический (5, *1*). Для варианта В характерно сочетание четко выраженной внешней грани поддона (1, *1*) с почти прямой, как правило, поверхностью донной части амфоры (2, *1*), при дне, четко отделенном от кольца поддона (3, *2*), но не отделенном четко от внутренней поверхности стенок амфоры (4, *1*). Поддон — усеченно-конический (5, *1*), реже цилиндрический (5, *2*).

Для вариантов С и D типично сочетание заглаженной внешней грани внизу поддона (1, *2*) с вогнутой (2, *2*), реже прямой (2, *1*), боковой поверхностью донной части амфоры, при дне, плавно переходящем в кольцо поддона (3, *1*) и не отделенном четко от внутренней поверхности стенок амфоры (*4*, *1*); поддон — цилиндр (5, *2*) или конус, причем конус часто перевернутый (5, *3*). У варианта D есть и свои признаки, но четкое их выделение потребует еще некоторого увеличения серий. В основном D дает углубление, образующее поддон, не в виде кольца, как у А—С, а в виде грубой конической ямки в поддоне, имеющем вид перевернутого конуса. Углубление может быть почти не видным, порой оно вообще отсутствует (D_1).

Таблица 6

Вариант	Признаки				
	1	2	3	4	5
A	1	2	2	2	1
B	1	1	2	1	1
C	2	2	1	1	2
D	2	2	1/3	1	3
E	2	4	0	1	3/0

Для варианта Е данные немногочисленны. Очевидно, что у ряда амфор варианта Е поддон без углубления, появившийся в варианте D, превратился в полусферическую «кнопку» на дне, а у некоторых амфор исчез вообще. Не имея возможности построить надежную реконструкцию по пока немногочисленным образцам, можно дать следующее описание: четко выраженный угол в точке перехода стенки в поддон (2, *4*), при

отсутствии углубления в поддоне и дне, не отделенном четко от внутренней поверхности стенок амфоры (4, *1*); поддон — опрокинутый конус (5, *3*) или вообще отсутствует (5, *0*).

Итак, коды дали размывание (от A до E) четких форм поддона и превращение его в выступ на дне и исчезновение. Параметры дали и его постепенное уменьшение и эволюцию формы донной части амфор.

Анализ таблицы средних параметров ножек различных вариантов (табл. 7, рис. 7) показывает, что варианты выделяются отчетливо и по большей части прослеживается та же эволюция, что у венчиков. Как и у венчиков, имеются и константы, характеризующие тип в целом. От плавной эволюции A — E отклоняются по ряду параметров «стройные» ножки варианта B. Но, как известно, они не исчерпывают всех разновидностей ножек этого варианта, а наоборот, составляют в нем меньшинство; большинство же представлено ножками, близкими к C, но с четко выделенным дном внутри поддона и несколько бо́льшим, чем у C, общим диаметром поддона. В данной статье мы оперируем только «стройными» ножками B, первоначально выделенными И. С. Каменецким как единственная разновидность ножек варианта B; сочетания венчиков и ручек варианта B с приземистыми ножками, как у варианта C, были обнаружены позднее.

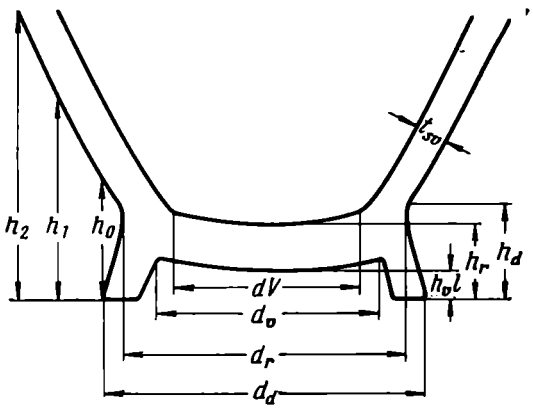


Рис. 7. Параметры ножек светлоглиняных амфор типа 1

Конкретно эволюция идет следующим образом (табл. 7): толщина стенки кольцеобразного поддона (t_s) имеет легкую тенденцию к уменьшению; толщина стенки над поддоном (t_{sv}) не имеет никаких тенденций, по самому своему характеру являясь одной из констант типа; расстояние от низа поддона до высоты самой узкой части ножки (h_d) постепенно уменьшается, начиная с B; расстояние от низа дна снаружи до низа поддона ($h_v l$) также постепенно уменьшается, завершаясь исчезновением этой величины вообще, т. е. исчезновением кольцевого поддона; естественно, уменьшается и расстояние от дна амфоры внутри нее до низа поддона (h_r). Параллельно уменьшается и диаметр поддона снаружи d_d. Поддон постепенно из усеченного конуса превращается в цилиндр, затем в опрокинутый усеченный конус. Соответственно увеличивается число фрагментов с h_0, равным 0. Уменьшение и исчезновение выемки, образующей поддон, отражено в уменьшении внутреннего диаметра поддона d_v. Внутренний диаметр дна dV, характеризующий амфору в целом,

Таблица 7

Вариант	t_s	t_{sv}	h_d	$h_v l$	h_r	d_d	d_r	d_v	dV	h_0	h_1	h_2
A	9,5	8,4	23,3	9,5	16,6	7,2	6,5	50,0	45,0	30,0	47,0	78,0
B	7,0	6,6	31,2	7,5	19,1	3,5	3,2	17,2	18,0	43,6	77,0	105,0
C	7,0	8,0	19,8	4,6	+	3,1	3,2	16,0	+	19,3	22,2	37,4
D	6,8	+	17,0	7,3	14,0	3,2	3,2	13,6	+	15,7	29,5	42,7
D_1	5,0	+	13,0	0,1	17,0	2,3	2,4	14,0	+	10,0	32,0	47,5
E	—	9,0	6,0	—	15,0	1,7	—	—	30,0	6,0	8,0	16,0

Примечание. «+» — замеры не могли быть взяты на целых сосудах, использованных для составления таблицы; «—» — признак отсутствует; параметры d_d и d_r даны в *см*, остальные — в *мм*.

стабилен. Итак, и коды и параметры свидетельствуют о постепенном исчезновении поддона — процессе, завершившемся у амфор варианта Е и открывшем путь к раннесредневековым светлоглиняным амфорам без поддона. Одновременно донная часть становится все более сферической.

Качественных признаков ручки всего два: характер верхней поверхности и общий профиль сечения. Первый раскрыт на рис. 8 и не нуждается в описании. Второй имеет три значения: 1 — валик (валики) плавно переходит в основание; 2 — валик с одного края плавно переходит в основание, с другого между ним и краем ручки горизонтальная плоскость; 3 — горизонтальные плоскости имеются с обеих сторон валика. Параметры характеризуют близость сечения к овалу или кругу.

На рис. 8 даны различные формы верхней поверхности ручек в соотношении с теми вариантами, у которых они имеют преобладающие значения. Общее процентное распределение значений первого признака по вариантам дано в табл. 8. В табл. 9 показано процентное распределение значений второго признака.

Эволюция очевидна. Она идет по пути от четырехваликовой, сравнительно плоской ручки варианта А к двухваликовой ручке варианта В, у которой крайние валики превратились в площадки, а один из валиков стал выше другого. У варианта С остается только один этот высокий валик, становящийся все менее острым, площадка остается только одна, а на уровне С — D исчезает и она. У варианта D она превращается в безваликовую ручку, один из краев которой постепенно утолщается, чтобы у варианта Е дать такую же, близкую к кругу в сечении (бóльшую по абсолютным размерам, но это не существенно, важны пропорции), ручку с таким же асимметричным валиком на краю, но уже рассеченным. Три пути эволюции — верхняя площадка, характер перехода от валика к краям и форма сечения — дают плавную эволюцию в одном направлении, от А к Е.

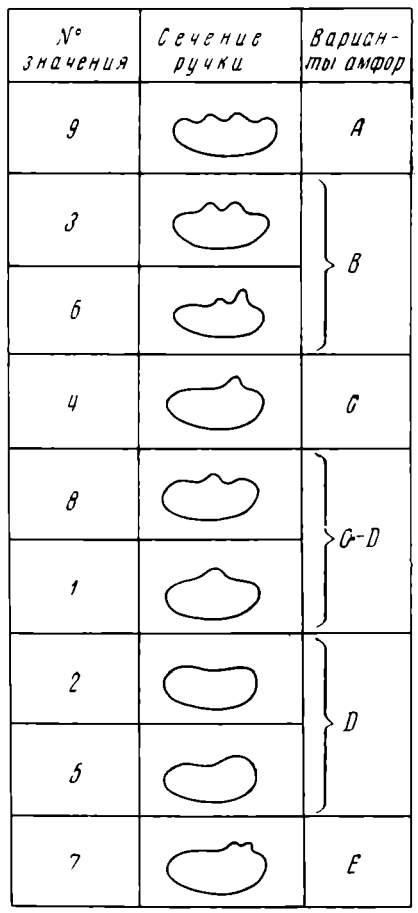


Рис. 8. Значения качественного признака 1 для ручек светлоглиняных амфор типа 1

Абсолютные размеры ручек дают уменьшение у вариантов С и D (табл. 10), что мы наблюдали уже и у других параметров.

Сечение ручки постепенно приближается к кругу, отношение ширины и толщины изменяется от 1,6 у варианта С до 1,2 у варианта Е. Массивность ручки, выраженная в отношении длины и толщины, изменяется на том же отрезке от 10,1 до 6,6. Что касается длины ручки, то она от С до Е практически не изменяется; если учесть общее увеличение размера амфоры к варианту Е, то доля ручек в высоте амфоры падает, что сближает Е с раннесредневековыми амфорами.

В целом венчики, ножки и ручки дают достаточно единообразную эволюцию от А — В до Е, подтверждая мысль о генетическом родстве всех вариантов типа 1.

Для полной характеристики светлоглиняных амфор помимо выделения морфологических признаков профилирующих частей необходимо детальное петрографическое исследование.

Описанный выше вариант Е из слоев IV—V вв. на Танаисе в изломе черепка имеет визуальное сходство с более ранними вариантами (А — D)

типа 1. Здесь преобладают розово-красные оттенки материала. Хорошо фиксируется обломочная примесь, разная по форме и цвету. Постоянно присутствуют черные включения пироксенов, известные в светлоглиняных амфорах II—III вв. Однако здесь отмечается общая грубость теста, в отличие от более ранних вариантов той же группы амфор.

В 1967 г. нами была сделана попытка использовать петрографические методы исследования состава светлоглиняных амфор для выделения двух

Таблица 8

Вариант	Значения признака 1							
	1	2	3	4	5	6	7	8
B	—	—	50,0	—	—	50,0	—	—
C	17,5	10,5	5,4	10,5	5,4	—	—	21,0
D	45,5	18,2	9,1	—	9,1	—	—	18,1
E	16,6	3,3	—	—	—	—	76,5	3,5

Таблица 9

Вариант	Значение признака 2		
	1	2	3
B	—	67,0	33,0
C	50,0	50,0	—
D	58,9	33,2	8,3
E	82,5	17,5	—

Таблица 10

Варианты	Длина, *см*	Ширина, *мм*	Толщина, *мм*	Отношение толщины к ширине	Отношение длины к толщине
B	27	49,0	31,0	1,6	8,7
C	20,7	32,5	20,5	1,6	10,1
D	19,8	31,5	21,3	1,5	9,3
E	21,0	39,3	32,0	1,2	6,6

хронологических классов II — середины III в. и середины III—IV в.[11]. Для этого был применен новый математический метод классификации керамики по петрографическим признакам[12]. В результате работы было получено классифицирующее уравнение I, позволяющее делить любую светлоглиняную амфорную керамику II—IV вв. на две хронологические группы, рубежом которых является середина III в.

Теперь перед нами стоит задача уловить с помощью микроскопа технологические особенности приготовления теста светлоглиняных амфор IV— начала V в. путем сопоставления их петрографических признаков с изученным ранее материалом II—IV вв. Это позволит получить хронологический класс эталонных образцов амфор с определенным набором петрографо-технологических признаков. После этого все «неопределимые» типологически образцы светлоглиняных амфор с тем же петрографическим составом мы сможем продатировать IV— началом V в. н. э. С этой целью нами были изучены микроскопически 40 образцов светлоглиняных амфор из слоя Танаиса, хорошо датированного концом IV— началом V в. Все они оказались близки по минералогическому составу и структуре. Керамический материал состоит из тонкой глины, содержащей крупную искусственную примесь обломков эффузивов — диабазов и базальтов или отдельных минералов этих пород. Для исследуемой керамики характерно присутствие всех тех же минералов, которые мы наблюдали в первых двух классах (II—IV вв.). Качественное тождество признаков светлоглиняных амфор всех трех классов по минералогическому составу отощаю-

[11] О. Ю. Круг, Э. Бажанов. Классификация и хронология светлоглиняных амфор II—IV вв. СА, 1967, 1. В табл. 2 указанной работы допущена опечатка. Первую строку таблицы следует читать: $X_1 > 30$; $X_1 < 30$.

[12] Г. К. Круг, О. Ю. Круг. Математический метод классификации древней керамики. МИА, 129, 1965.

щей примеси позволяет предполагать, что керамика разных классов производилась в одном центре.

Структура и минеральный состав основной массы тонкой глины третьего класса идентичны составу тонкой части материала амфор второй половины III — начала IV в., т. е. II класса. При сравнении изучаемого состава с классами I и II обращают на себя внимание изменения в общей структуре теста в сторону повышения грубости материала. Более крупные обломки эффузивов (до 5—6 *мм*) присутствуют здесь в значительно бóльших количествах, до 35%. Увеличение крупной искусственной примеси при замешивании гончарного теста составляет спицифику технологии светлоглиняных амфор III хронологического класса.

Роговая обманка базальтическая, представлена крупными (до 1 *мм*) зернами неправильной формы, реже ромбическими кристаллами. Плеохроизм: по N_g — темно-бурая, по N_p — рыжая; $2V = 70—75°$. Погасание с: $N_g = 5—7°$. Моноклинный пироксен также присутствует во всех без исключения образцах керамики. $r > v$; $2V = 58—62°$, погасание с: $N_g \approx 45°$, что соответствует составу пироксена титан-авгита. Плагиоклаз представлен отдельными зернами, часто зонален. Состав его определялся ускоренным федоровским методом. Максимальный угол погасания 44°, что соответствует № 73.

Так, в результате детального исследования под поляризационным микроскопом прозрачных шлифов 40 образцов светлоглиняных амфор нами получен ряд признаков, независимых друг от друга, характеризующих минеральный состав и структуру теста. В качестве первого признака выбрано процентное содержание мелкой обломочной примеси размером до 0,08 *мм*, которое характеризует структуру сырцовой глины определенного глиняного карьера. Второй признак — процентное содержание цветных минералов среди крупной обломочной примеси размером от 0,08 *мм* и крупнее. Третий признак — процентное содержание крупной обломочной примеси в тесте. Четвертый признак — количество зерен роговой обманки среди крупной обломочной примеси. Второй, третий и четвертый признаки связаны с технологией приготовления керамического теста, точнее, с введением в него искусственной отощающей примеси (песка, эффузивов базальтического состава). Пятый признак — наличие карбонатов в составе тонкой глины.

Следующей задачей нашей классификации является представление выбранных признаков в стандартизованном, кодированном виде. Для простоты примем, что каждый признак варьируется на двух уровнях, т. е. каждому признаку могут даваться лишь две оценки. Верхний уровень, т. е. одну оценку, мы обозначаем (+1), а нижний уровень, т. е. другую оценку, — (—1). Кодировка признаков представлена на табл. 11. В случае количественного показания признака оценка ведется теперь относительно среднего численного значения признака, вычисленного по всем образцам, участвующим в классификации (по трем классам).

Принадлежность керамики к той или иной хронологической группе определяется в данной работе по перечисленному набору признаков. Она рассматривается нами как функция Y, зависящая от признаков x_1 и x_2 и т. д. Точно датированная керамика ранней группы (I и II классы) кодируется нами $Y = +1$, а поздняя (III класс) $Y = -1$. В основу классификации положен факт принадлежности светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками (варианты B, C, D), датируемых II—IV вв., к ранней группе (I и II классы), и принадлежности амфор из слоя конца IV— начала V в. (вариант E) к поздней группе (III класс).

Затем, используя методику, изложенную нами ранее, получаем классифицирующее уравнение II.

$$Y(x) = +a_0 + a_1x_1 + a_2x_2 + a_3x_3 + a_4x_4 + a_5x_5,$$

где a_i — коэффициент при признаках, входящих в уравнение.

Коэффициенты вычисляются исходя из наилучшей аппроксимации собранного материала функцией заданного вида методом наименьших квадратов. Значение функции Y, вычисленное по формуле для каждого из образцов, должно приближаться к ее действительным значениям $+1$ или -1. В результате проведенных расчетов в вычислительном центре МЭИ было получено классифицирующее уравнение

$$Y(x) = -0{,}1162 + 0{,}0212x_1 - 0{,}1644x_2 - 0{,}6726x_3 - 0{,}1790x_4 + 0{,}1442x_5.$$

Коэффициенты показывают степень и направление влияния каждого признака на принадлежность образца к той или другой группе.

Таблица 11

№ п/п	Признак	+1	−1
1	Мелкая обломочная примесь 0,08 *мм* и меньше	$x_1 > 2\%$	$x_1 < 2\%$
2	Цветные минералы среди крупной обломочной примеси 0,08 *мм* и больше	$x_2 > 7\%$	$x_2 < 7\%$
3	Крупная обломочная примесь	$x_3 > 20\%$	$x_3 < 20\%$
4	Количество зерен роговой обманки среди крупной обломочной примеси	$x_4 > 4$	$x_4 < 4$
5	Наличие карбонатов в материале	Есть	Нет
	Датировка	Ранний период II—IV вв.	Поздний период IV—V вв.

Таблица 12

№	Y_p	№	Y_p	№	Y_p	№	Y_p
1	+0,77	21	+0,77	41	−1,29	61	−0,99
2	+0,69	22	+0,05	42	−0,99	62	−1,01
3	+1,06	23	+0,73	43	−0,67	63	−0,97
4	+1,06	24	+0,84	44	−1,29	64	−1,29
5	+1,06	25	+0,73	45	−1,01	65	−0,99
6	+1,06	26	+0,75	46	−0,69	66	−0,93
7	+1,02	27	+0,37	47	−0,99	67	−0,69
8	+1,02	28	+1,06	48	−1,01	68	−0,99
9	+1,06	29	+0,55	49	−0,99	69	−1,01
10	+1,03	30	+0,06	50	−0,63	70	−1,01
11	+1,06	31	+0,77	51	−1,29	71	−1,01
12	+1,06	32	+0,65	52	−0,93	72	−1,01
13	+0,89	33	+0,73	53	−0,07	73	−0,65
14	+0,69	34	+0,73	54	−0,65	74	−0,85
15	+0,87	35	+0,84	55	−1,29	75	−1,01
16	+1,06	36	+0,65	56	−1,01	76	−1,27
17	+1,06	37	+0,65	57	−0,99	77	−0,97
18	+0,53	38	+0,91	58	−0,83	78	−0,99
19	+1,06	39	+0,84	59	−1,01	79	−1,27
20	+1,06	40	+0,77	60	−0,81	80	−1,01

В табл. 12 приведены расчетные значения Y (расчетное), вычисленные по формуле (уравнение получено по 80 образцам [13]). Образцы с положительным значением относятся к I и II классам, а с отрицательным

[13] Образцы № 1—20 происходят из слоев Танаиса II — первой половины III в.; образцы № 21—40 с городища Батарейка (Тамань) датируются второй половиной III—IV в.; № 41—81 происходят из слоев Танаиса конца IV — начала V в.

значением — к III классу. Таким образом, найденное классифицирующее уравнение позволяет делить любую светлоглиняную амфорную керамику, независимо от размера и формы обломков, на две хронологические группы: II — начала IV в. и конца II — начала V в. В случае, когда требуется более точная датировка внутри раннего периода, нужно пользоваться уравнением [14]. Функции Y, рассчитанные по первому уравнению, получившие положительные значения, относятся к периоду со II по середину III в., а функции, получившие отрицательные значения,— к периоду с середины III по середину IV в.

Итак, в результате проделанной работы удалось комплексным методом характеризовать тип 1 — светлоглиняные амфоры римского времени, выделить его варианты A, B, C, D, E и доказать эволюцию формы и технологии приготовления теста от A до E. Разработана общая петрографоморфологическая методика, позволяющая датировать археологические комплексы по одному фрагменту светлоглиняной амфоры. В случае нахождения профилированной части датировка возможна с помощью морфологического анализа (петрографический желателен), а в случае наличия лишь обломка стенки для датировки необходимо петрографическое (микроскопическое) его исследование.

D. V. Déopik et O. Yu. Kroug

L'ÉVOLUTION DES AMPHORES EN GRÈS CLAIR, A COL ÉTROIT, A ANSES CISELÉES DE L'ÉPOQUE ROMAINE ET UNE VARIANTE TARDIVE DE CES RÉCIPIENTS REMONTANT AUX IV—VES SIÈCLE DE NOTRE ÈRE

Résumé

L'article traite de la méthode complexe de l'étude des amphores antiques en grès clair rattachées à l'époque romaine. La méthode comprend des analyses morphologique et pétrographique.

La classification des amphores établie pour chaque variante perment de suivre l'évolution de leurs formes et de la technologie de préparation de la pâte à partir du II-me jusqu'au Ve siècles de norte ère.

Les amphores en grès clair étudiées par cette méthode peuvent être considérées en tant que matériel de valeur datatif pour des ensembles archéolcgiques de ladite période.

[14] О. Ю. Круг, Э. Бажанов. Ук. соч.

В. И. ГУЛЯЕВ

АТРИБУТЫ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ У ДРЕВНИХ МАЙЯ

В I тысячелетии н. э. на большей части территории низменных районов майя (Южная Мексика и Юкатан, Северная Гватемала, Западный Гондурас и Британский Гондурас) среди произведений богатого и сложного искусства классического периода были широко представлены изображения лиц высокого социального ранга. Как правило, они показаны в пышных костюмах и головных уборах с соответствующими знаками и атрибутами, намеренно подчеркивающими их выдающееся положение. Вполне естественно, что характер и число таких атрибутов каждый раз меняются в зависимости от общего назначения данного памятника (батальные сцены, мотив триумфа, культовое приобщение к божеству и т. д.). И тем не менее можно без особого труда выделить группу «портретов» персонажей высокого ранга с постоянно повторяющимися инсигниями, элементами костюма и украшениями. К числу таких канонических атрибутов, или инсигний, относятся прежде всего так называемые ритуальные (змеиные) полосы (ceremonial bar) и карликовые скипетры (maniquin scepters). В фундаментальной монографии Ю. В. Кнорозова эти регалии названы соответственно «двухголовым жезлом» и «скипетром» (канхел) [1].

К сожалению, до сих пор ни одного реального предмета подобного рода в процессе археологических раскопок найти не удалось, поскольку они почти наверняка изготовлялись из дерева. Все имеющиеся в нашем распоряжении образцы скипетров и «змеиных полос» известны исключительно по изображениям на стелах, алтарях и рельефах, деревянных резных притолоках храмов, фресках и предметах мелкой пластики.

Столь интересные и необычные по виду предметы не могли не вызвать самого пристального внимания со стороны исследователей: почти во всех важнейших трудах о древних майя содержатся подробные описания «полос» и скипетров и делаются попытки объяснить их назначение [2]. Но, добившись определенных успехов в интерпретации отдельных элементов данных инсигний и в отождествлении изображенных там богов, исследователи так и не дали, за редким исключением, их правильной общей оценки. По мнению подавляющего большинства ученых-американистов, «змеиные полосы» и скипетры имели сугубо ритуальное назначение, а персонажи, владеющие ими, были верховными жрецами или богами (см. различные вариации этого положения в указанных работах Г. Спиндена, Э. Томпсона, С. Лотропа и др.).

[1] Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя. М.—Л., 1963, стр. 15. «Змеиная полоса», или двухголовый жезл, представляет собой змею с гибким или прямым (в виде прямоугольной полосы) туловищем, к обоим концам которого присоединены змеиные головы с широко открытой пастью.

[2] H. Spinden. A Study of Maya Art. MPM, VI, Cambridge, Massachusets, 1913, стр. 49—57; M. Butler. Dress and Decoration of the Maya Old Empire. «The Museum Journal of the University of Pennsylvania», XXII, 2, Philadelphia, 1931, стр. 167—168; T. A. Joyce. Mexican Archaeology. London, 1914, стр. 235—238; S. G. Morley. The Ancient Maya. Stanford, 1947, стр. 163; S. K. Lothrop. Tulum. Carnegie Inst. of Washington Publication 335. Washington, 1924, стр. 53; I. E. Thompson. The Moon Goddess in Middle America. CAAH, 29, Washington, 1939, стр. 159—161.

Несколько выпадает из общего ряда лишь точка зрения известного майяниста из США — Сильвануса Морли. Он считал скипетр и щит атрибутами власти правителя города-государства у древних майя («халач-виника»), выражавшими его функцию как административного главы государства, а «змеиную полосу» — как символ его господства в религиозной иерархии [3]. Целиком соглашаясь с первой частью этого высказывания, я тем не менее должен заметить, что в действительности картина была несколько иной. Американская исследовательница Т. Проскурякова убедительно доказала, что «полосы» и скипетры — предметы, хотя и сходные по внутренней семантике и назначению, но, увы, разновременные. Они сосуществовали лишь в течение сравнительно короткого отрезка времени — в VII—IX вв. н. э. На всех более ранних произведениях искусства майя интересующего нас круга, начиная по крайней мере с III в. н. э. и до конца VII в. н. э., безраздельно господствует «змеиная полоса». Скипетры же получают сколько-нибудь широкое распространение только в конце VII — начале VIII в. н. э., да и то не во всех городах [4].

Безусловно, общая оценка интересующих нас инсигний во многом зависит от правильной интерпретации связанных с ними персонажей. За последние годы вышли в свет интересные работы американских археологов Т. Проскуряковой [5], Д. Келли [6] и М. Ко [7], а также монография советского ученого Ю. В. Кнорозова [8], которые позволяют не только полностью пересмотреть прежние устаревшие оценки, касающиеся характера персонажей с полосами и скипетрами, но и внести заметные коррективы в наши представления о социально-политических институтах общества древних майя. Сейчас есть все основания полагать, что лица высокого ранга, изображенные на большинстве каменных стел и рельефов классического периода,— это портреты представителей правящих династий, а сопровождающие их атрибуты (в том числе скипетр и «змеиная полоса») — это царские инсигнии.

Что касается скипетров, доживших в несколько измененном виде почти до испанского завоевания, то данный вывод может быть дополнительно подкреплен и ссылками на разнообразные письменные источники [9]. В них прямо и недвусмысленно сказано, что скипетры служили у древних майя атрибутами царской власти. К сожалению, уцелевшие до наших дней испанские и индейские хроники хранят полное молчание относительно событий более раннего, классического, периода.

Таким образом, атрибуты царской власти у древних майя можно с известными оговорками разделить на две хронологические группы: более раннюю — «змеиные полосы» и более позднюю — скипетры.

В настоящей статье речь пойдет только о второй группе инсигний, т. е. о скипетрах. Они встречаются с конца VII — начала VIII в. н. э. в Петене и долине р. Усумасинты, в самых западных районах территории майя — в Тонина и Калакмуле, на п-ове Юкатан (Цибильчальтун, стела 19) и на юге — в Гондурасе (Киригуа). Исключение составляют лишь несколько крупных городов майя — Копан, Пьедрас Неграс, Коба; там по-прежнему продолжают употребляться «ритуальные полосы».

---

[3] S. G. Morley. The Ancient Maya..., стр. 163.

[4] T. Proskouriakoff. A Study of Classic Maya Sculpture. CIW Publication 593, Washington, 1950, стр., 132.

[5] T. Proskouriakoff. The Lords of Maya Realm. «Ancient Mesoamerica. Selected Readings». Palo Alto, 1966, стр. 168—175.

[6] D. Kelly. Glyphic Evidence for a Dynastic Sequence at Quirigua, Guatemala. Aan., 27, 1962, стр. 323—325.

[7] M. D. Coe. The Maya. London, 1966, стр. 144—147, 170—174.

[8] Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя..., стр. 12.

[9] F. A. Fuentes y Guzman. Historia de Guatemala o Recordacion Florida. Madrid, 1882, I, стр. 23, 167; A. Recinos. Cronicas Indigenas de Guatemala. Guatemala, Guatemala, CIW, Publ. 561. Washington, 1946, рис. 141.

Рис. 1. Стилизованное изображение «ритуальной полосы» с богом-карликом на рельефе из Йашчилана

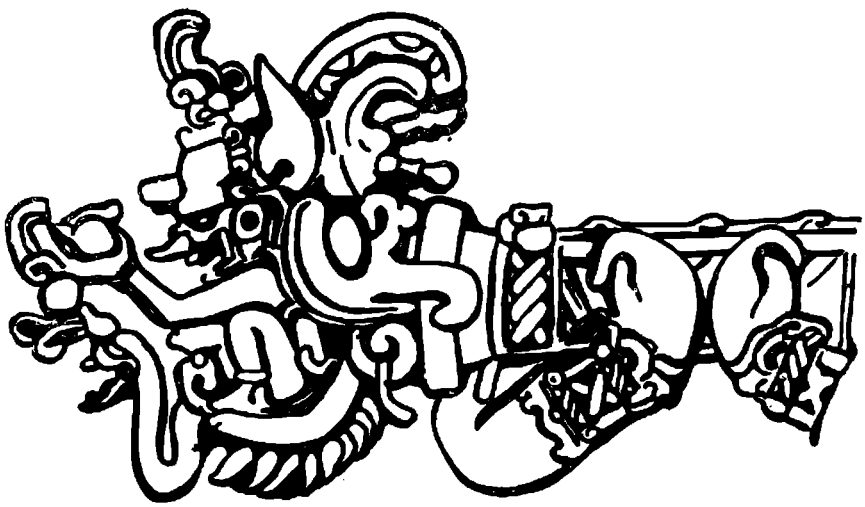


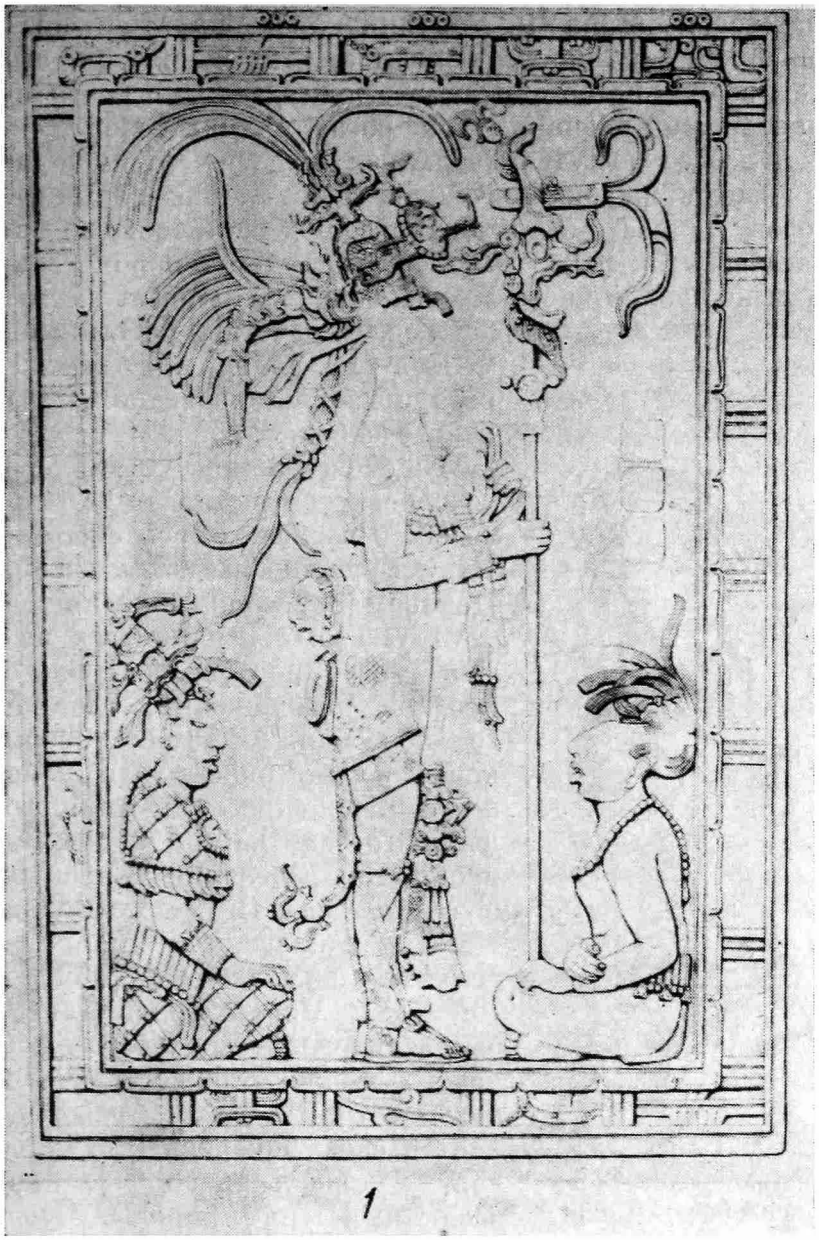
Рис. 2. Деталь «полосы» со стелы 1 с изображением карликового бога, Тикаль

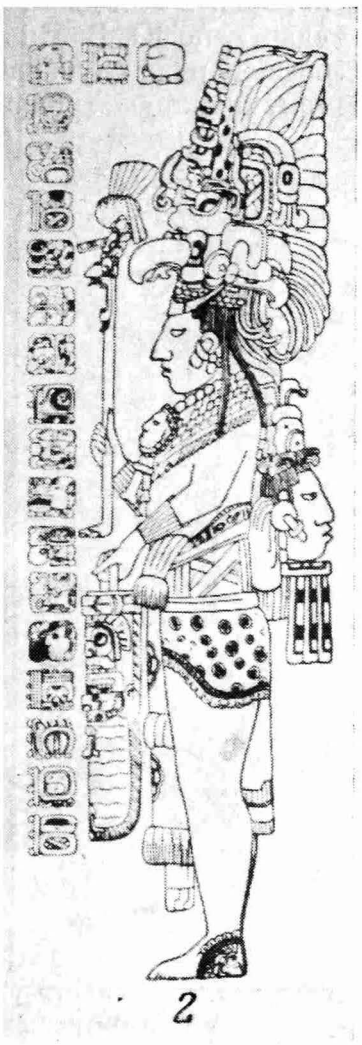
На наш взгляд, можно говорить о наличии какой-то связи между «змеиными полосами», с одной стороны, и скипетрами — с другой. В пользу этого говорит прежде всего факт сравнительно частого появления в пасти змеи на «полосах» карликовой фигурки божества с загнутым вверх носом, т. е. божества, ставшего впоследствии главным элементом в оформлении скипетров. Подобные параллели между двумя видами инсигний отмечены по крайней мере с V в. н. э. (например, стела 1 из Тикаля, 435—445 гг. н. э.).

Фигурой карликового божка украшалась верхняя часть предмета; рукоять и навершие были сделаны в виде гибкого тела змеи, заканчивающегося головой с широко открытой пастью. Сходство с рептильной подосновой «змеиных полос» здесь очевидно. К аналогичному выводу о внутренней и стилистической близости «полос» и скипетров приходит и австрийский ученый Фердинанд Андерс [10].

Появившись только в конце VII в. н. э., скипетры успели пройти до финала классического периода довольно большой путь развития. Уже в VIII в. н. э. мы находим среди них самые различные модификации: от полной фигурки божества на вершине скипетра (см. Йашчилан, Киригуа) до одной лишь его головы, увенчивающей длинное древко (Паленке, Цендалес). В постклассический период (X—XVI вв. н. э.) и позднее скипетры — как символы власти территориального правителя «халач-виника» — сохранили вполне очевидную связь с более древними прототипами, хотя и представлены в сильно деградированном виде (см. фрески Чичен-Ицы,

[10] F. Anders. Das Pantheon der Maya. Graz, 1963, стр. 215—218.





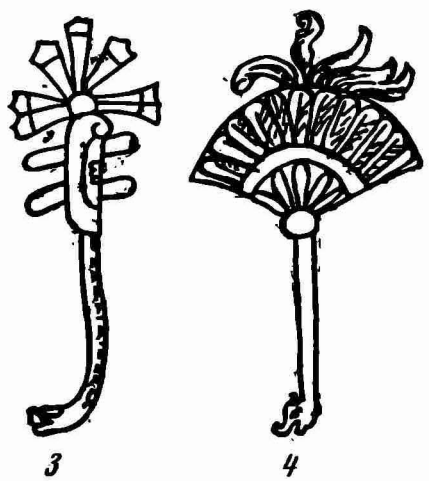


Рис. 3. Скипетры майя:

1 — длинный жезл с головой карликового бога (рельеф из Паленке, Дворец, здание «А»); *2* — стела из Цендалес; *3* — поздний вид скипетра с фрески Храма Воинов в Чичен-Ице; *4* — поздний вид скипетра с рисунка генеалогического древа Шивов из Мани

генеалогическое древо Шивов из Мани) [11]. Верхний конец скипетра украшен либо маленькой фигуркой карликового божества, либо одной лишь его головой. В подавляющем большинстве случаев это божество имеет постоянно повторяющиеся характерные признаки: «глаз бога», длинный (но иногда и короткий) нос, почти всегда загнутый вверх, рептильные черты в облике, факел или двойной завиток, выходящий из лба (знак № 036 — «огонь», «дым», по Ю. В. Кнорозову) и часто стилизованный под растительные побеги. В ряде случаев этот завиток-факел заменен каменным топором-кельтом, также выступающим из лобной части головы божества. Иногда же мы наблюдаем сочетание обоих элементов т. е. топор-кельт сочетается с двойным завитком. Что же это за божество?

Рис. 4. Типы скипетров майя с разными вариантами карликового бога:

1 — с топором-кельтом (Йашчилан); *2* — с характерным двойным завитком, знаком дыма, огня, факела (Киригуа)

Еще со времен Э. Зелера повелось отождествлять карликовых богов скипетров с богом «К» из рукописей п с Ах Болон Цакабом из пантеона майя XVI в. на том основании, что изгибы огромного и вычурного носа на изображениях данного персонажа в Дрезденском кодексе напоминают знак дыма и огня в виде характерного двойного завитка [12]. Тем не менее при определении основных функций бога «К» — Ах Болон Цакаба наблюдается поразительный разнобой. Согласно мнению С. Морли, Болон Цакаб был «земледельческим богом, которого можно отождествлять с богом ветра» [13]. «Это,— утверждает в свою очередь Г. Спинден,— универсальное божество различных сил природы. Особенно часто изображалось оно в связи с водой и маисом и поэтому скорее всего главная его функция состояла в том, чтобы ниспослать животворный дождь» [14]. Аналогичной точки зрения придерживался и сам Э. Зелер, считавший бога «К» каким-то божеством воды [15], тесно связанным с богом дождя (бог «В», Чак) и отличающимся от последнего только формой носа (У Чака длинный, хоботообразный нос всегда опущен вниз, а у бога «К» — Ах Болон Цакаба — загнут вверх). Очень близки этим высказываниям взгляды Д. Бринтона и С. Лотропа, прямо отождествлявших бога «К» с одной из ипостасей Чака (бога «В») [16]. Э. Ферстеманн считал Ах Болон Цакаба богом бури, ссылаясь, в частности, на то, что вычурный и разветвленный нос этого персонажа — стилизованное изображение порыва бури [17]. Наконец, Э. Дизельдорф сопоставляет данное божество с «пернатым змеем» — Кукульканом-Кецалькоатлем [18].

---

[11] S. G. Morley. Ук. соч., 1947, стр. 164, рис. 6, *a. c.*

[12] E. Seler. Venus Period in the Picture — Writings of the Borgian Codex Group. Smithsonian Inst. BAEB, 28, Washington, 1904, стр. 372.

[13] S. G. Morley. Ук. соч., стр. 244.

[14] H. Spinden. Maya Art and Civilization. Indian Hills, 1957, стр. 303.

[15] E. Seler. Ук. соч., 1904, стр. 379.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] Там же.

Ю. В. Кнорозов со своей стороны утверждает, что бог «К» (Ах Болон Цакаб) — это бог огня, которого можно сопоставить с древним мексиканским божеством земли и огня (Шиутекутли — Хуэхуэтеотль) [19]. Указанный персонаж имеет «глаз бога», разветвленный нос (в виде знака № 036 «тоок» — «огонь»), оскаленные верхние резцы и длинные кривые клыки, торчащие изо рта со старческой складкой. Его иероглиф в рукописях (№ 289) также имеет знак в виде двойного завитка (№ 036— «дым», «огонь») и читается как «мох» — «жаровня», «курильница» (ср. Мош — бог вулканического огня и земных недр у майя-киче) [20]. Ах Болон Цакаб, согласно Ю. В. Кнорозову,— эпитет бога огня (бога «К»). Таким образом, получается довольно интересная картина: вся предшествующая традиция связывает бога «К» (Ах Болон Цакаба) с божествами воды, ветра, плодородия (на основе анализа всех атрибутов и ассоциаций этого божества по изображениям в рукописях и на памятниках классического периода). Для большинства исследователей длинноносые божки со скипетров I тысячелетия н. э., бог «К» рукописей и Ах Болон Цакаб из пантеона XVI в.— бесспорно одно и то же лицо. Этой точке зрения противостоит по сути дела лишь приведенное выше мнение Ю. В. Кнорозова: бог «К» — бог огня. Кто же здесь прав? На наш взгляд, в известной мере права и та и другая сторона. Их можно примирить, если, скажем, усомниться в идентификации бога «К» (Ах Болон Цакаба) с карликовым божком скипетров. На чем основано подобное сопоставление? Прежде всего на сходстве двойного завитка, выходящего из лба карликовой фигурки, со знаком № 036 («огонь», «дым»), который ассоциируется с иероглифом бога «К»; а во-вторых, потому, что и у божков со скипетром и у бога «К» длинный нос якобы всегда загнут вверх. В действительности на изображениях классического периода карликовые божки имеют довольно разнообразные формы носа — прямой (длинный и короткий), слегка опущенный вниз, загнутый вверх и т. д. А двойной завиток у карликов — это не просто знак огня, а стилизованное изображение факела. Кроме того, бог «К» в рукописях никогда не имеет во лбу топора или факела. Хорошо известно, что факел и каменный топор-кельт — постоянные атрибуты богов грозы и дождя во многих древних религиях мира: Чак у юкатанских майя XVI в., Тлалок у нахуа (Центр. Мексика), Виракоча у перуанцев и т. д. Таким образом, если отказаться от прежнего сопоставления карликовых богов с богом «К» — Ах Болон Цакабом (поскольку я рассматриваю последнего, вслед за Ю. В. Кнорозовым, как бога огня), то наш божок со скипетров будет не чем иным, как богом-громовником, повелителем грозы и дождя, а тем самым и плодородия. Судя по дошедшим до нас изображениям классического периода, карликовый божок, несмотря на свой более или менее антропоморфный облик, имеет ярко выраженные рептильные (змеиные) черты и ассоциации. «Лицо карлика сильно варьируется, но в целом для него характерны длинный загнутый вверх нос и широко открытый рот, который имеет в верхней челюсти далеко выступающий, пламевидный зуб. Нижняя челюсть обычно значительно короче верхней. Эти гротескные черты явно напоминают пресмыкающихся... В действительности верхнюю часть карлика можно сопоставить с типично змеиной головой... Тело маленькой фигурки не имеет одежды, если не считать пояса с передником и таких украшений, как браслеты и ожерелья. На ногах, спине и руках обычно заметны какие-то овальные знаки, которые, возможно, изображают чешую змеи или других рептилий» [21].

Отсюда вытекает, что данное божество было тесно связано с такими понятиями, как вода и дождь (широко известная ассоциация змея — вода). «Почти на всей территории Нового Света,— подчеркивает Эрик

---

[19] Ю. В. Кнорозов. Ук. соч., стр. 242.
[20] Там же, стр. 300, 301.
[21] H. Spinden. Ук. соч., стр. 51.

Рис. 5. Карликовый бог в его связи с растительными мотивами

Томпсон,— змея всегда непосредственно связывается с дождем» [22]. Довольно часто мы встречаем изображение бога-карлика в окружении символов воды, водяных растений, рыб и раковин [23]. На лицевой стороне стелы «Н» из Киригуа он выглядывает из пасти змеи двухголового жезла с копьем и круглым щитом в руках, а из-под его ног падает вниз поток воды в виде стилизованных полос и завитков [24]. Наконец, мы располагаем и прямым доказательством в пользу того, что карликовый персонаж со скипетров был божеством воды и дождя. На одной из скульптур Копана на скипетре изображен карлик с головой Тлалока — центральномексиканского бога грозы и дождя, с характерными кольцами вокруг глаз и длинными оскаленными зубами. Вместе с тем этот божок сохраняет и все обычные для данного мотива черты: двойной завиток-факел, выходящий из лба фигурки, обнаженное тело, как бы вырастающее из змеиной рукояти, и т. д. [25]. Таким образом, представляется несомненным, что мексиканский Тлалок рассматривался майя эпохи Древнего царства в качестве прямого эквивалента их карликовому богу со скипетров. Тлалок — «тот, кто заставляет все прорастать» (ацтекск).— бог дождя и молнии, наиболее важный и древний из богов ацтеков [26]. Не менее широко представлены в искусстве древних майя сюжеты, говорящие о постоянной связи карликового божества с богом маиса (бог «Е» рукописей), растительностью и земледелием. На знаменитом рельефе из храма Лиственного Креста в Паленке запечатлена интересная сцена: из огромной раковины выглядывает длинноносый карлик, сжимающий в руке ветвистый стебель маиса с головой бога «Е» [27].

[22] I. E. Thompson. The Civilizations of the Mayas. Chicago, 1942, стр. 27.
[23] H. Spinden. Ук. соч., стр. 64.
[24] A. P. Maudslay. Archaeology. In: «Biologia Centrali-Americana», London, 1898—1902, album, табл. 95.
[25] T. Proskouriakoff. Ук. соч., стр. 101, рис. 35, XIV-H 1
[26] A. Caso. El Pueblo del Sol. México, 1953, стр. 57—60.
[27] D. Kelley. The Birth of the Gods at Palenque. ECM, 1965, V, Mexico, стр. 96. рис. 1.

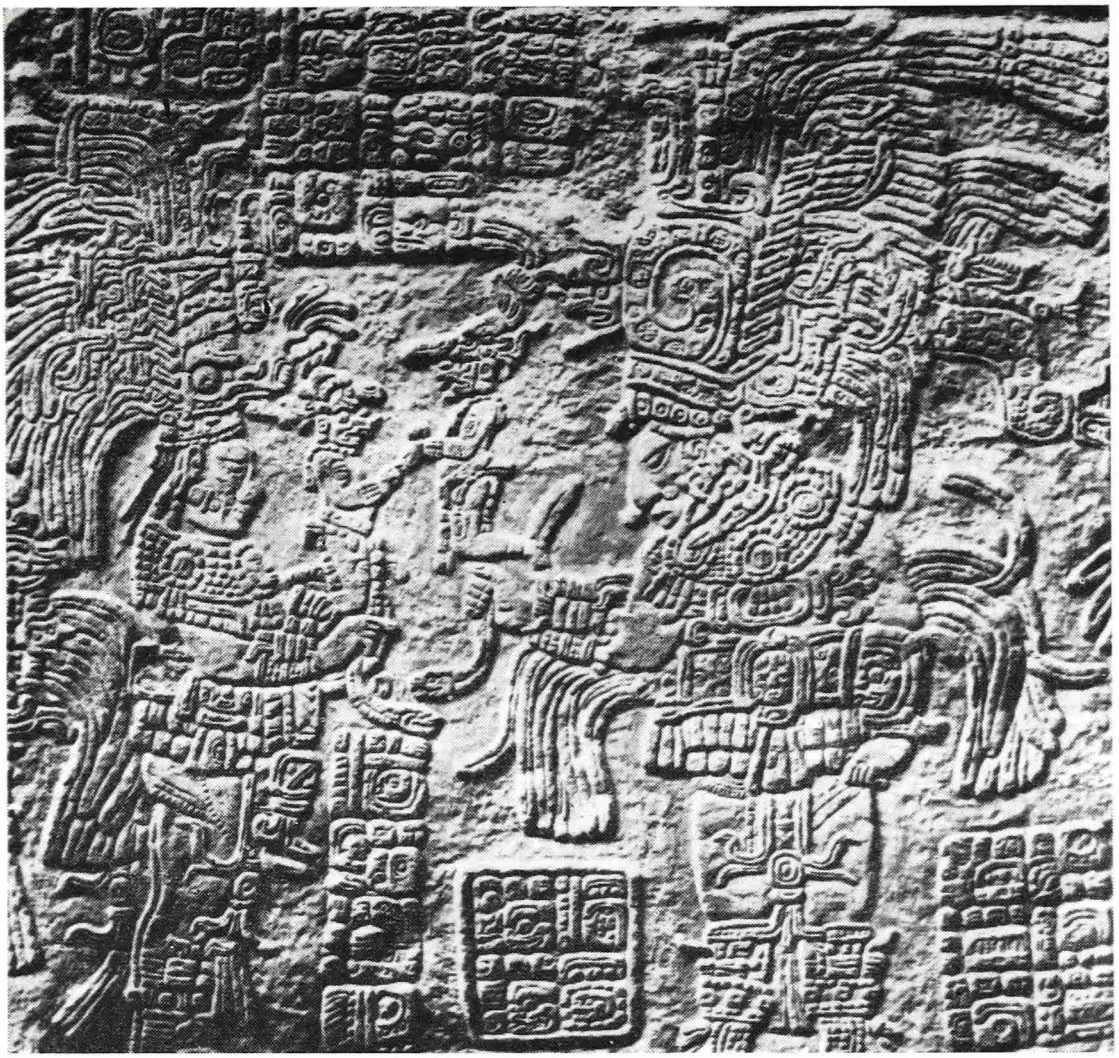


Рис. 6. Рельеф из храма «К» (притолока 3, западная дверь) в Йашчилане

С другой стороны, с ним часто связан и солярный знак «кин» («солнце», «день», «время»), а из лба обязательно выступает факел, характерный двойной завиток (знак № 360 — «огонь», «дым») или же каменный топор-кельт.

Среди различных деталей и символов, свойственных, как правило, образу карликового божества, особое место занимает изображение каменного топора-кельта. Ссылаясь на эту черту, некоторые ученые с полным основанием утверждают, что скипетр — не что иное, как стилизованный ритуальный топор. «Истинная природа этого предмета,— пишет С. Лотроп,— отчетливо проявляется на некоторых скульптурах Древнего царства, где показан топор-кельт, прикрепленный к верхнему концу скипетра. Следовательно, мы имеем здесь дело со стилизованным топором...» [28].

С ним солидарен и англичанин Томас Джойс: «До сих пор истинная природа этого предмета, во многом необъяснимого, была непонятой. В действительности же это — ритуальный топор, каменное лезвие которого имеет знаки, условно выражающие понятие «каменное орудие». Топор почти всегда ясно виден выступающим из лба маленькой фигурки...» [29]. Возможно, что топор действительно следует считать далеким прототипом царских скипетров майя. Несомненно, что каменный топор-кельт был у многих древних народов объектом почитания и символом власти. Так, у африканских йоруба «каменные полированные топоры считались фетишами — оберегами от молнии, якобы сброшенными с неба богом грозы Шанго. Камен-

[28] S. K. Lothrop. Ук. соч., 1924, стр. 53.
[29] T. A. Joyce. Ук. соч., 1914, стр. 236.

Рис. 7. Рельеф из здания «L» (притолока 42, средний дверной проем). Йашчилан

ный топор был также символом власти и могущества. На многих скульптурных портретах цари и сановники изображены с топорами в руках»[30]. В Иракском музее г. Багдада хранится гипсовая копия стелы правителя Ур-Намму — основателя III династии Ура. Он изображен там стоящим перед богом Луны (Син-Нануар). Последний держал в руке символ своей власти проушной топор. На одном из рельефов майяского города Киминальуйю (в горной Гватемале) запечатлен правитель или бог с топором-кельтом в руке[31]. В Дрезденской рукописи бог «В» (отождествляемый с богом дождя Чаком) изображен сидящим на троне, с топором в виде атрибута власти в руке[32]. В надписях на стелах 11, 18, 19, 20 из Йашчилана встреча-

[30] Б. И. Шаревская. Старые и новые религии тропической и Южной Африки. М., 1964, стр. 150.

[31] A. V. Kidder, J. Jennings and E. M. Shook. Excavations at Kaminaljuyú, Guatemala, CIW, Publ. 561. Washington, 1946, рис. 141.

[32] Ю. В. Кнорозов. Ук. соч., 1963, стр. 482, 484, 489.

ется слово «баат-те» (знаки № 487—065), переводимое Ю. В. Кнорозовым как «начальник» [33] (ср. старое «батаб»). А слово «баат» по-майяски означает буквально «топор».

Много пищи для размышлений дает и каменная скульптура города Йашчилана. Обычно на рельефах, находимых снаружи и внутри его разрушенных зданий, запечатлено по два персонажа высокого ранга, горделиво стоящих друг перед другом с символами власти в руках (т. е. со скипетрами и щитами). Один персонаж (он всегда находится справа) занимает главенствующее положение, что подчеркивается бóльшими размерами его фигуры [34]. Однако в некоторых случаях, например на рельефе с притолоки 42 (здание «L») [35], отчетливо видно, что, хотя главный персонаж по-прежнему сжимает в руке знакомый нам скипетр, второстепенный держит в руке простой каменный топор-кельт на длинной рукояти. Возможно, это лишний раз свидетельствует в пользу прямого соответствия скипетра топору-кельту.

Этнографические параллели из самых разных уголков земного шара позволяют вполне определенно утверждать, что каменный топор всегда рассматривался нашими далекими предками как оружие бога грозы и дождя, выступавшего одновременно и как божество плодородия: Перун у славян, Виракоча у перуанцев, Тлалок у ацтеков и т. д. [36] Этим тяжелым и острым орудием небесные громовержцы разгоняли злых духов и наказывали виновных в преступлениях. «Грозное явление „небесного огня“ — молнии представлялось древнему человеку полетом смертоносного оружия, разящего и убивающего» [37]. В качестве такого оружия могли выступать не только каменные топоры, но и кремневые наконечники стрел и копий, палицы, молоты и т. д. Юкатанские майя еще сравнительно недавно рассматривали находимые ими древние наконечники стрел из кремня и обсидиана как осколки молний или же как смертоносное оружие небесных богов — Чаков (боги дождя) или Баламов (покровители земледелия [38].

Индейцы-чортú из восточных районов Гватемалы до сих пор держат на алтарях каменные топоры, твердо веря в их особую магическую силу. Согласно всеобщему убеждению, эти топоры аналогичны тем, которыми пользуются небесные божества для «выколачивания» дождя из туч и для производства молний [39]. Кремень тоже считается у чортú священным камнем, поскольку он ассоциируется с богами грозы и дождя, которые «высекают» из него молнию. По этой причине куски кремня (бесформенные или в виде грубых наконечников стрел) также кладут на алтари. Чортú называют топор-кельт «облачным камнем», а кремень — огненным камнем» [40]. По мере развития земледельческого хозяйства топор как предмет, связанный с богом-громовником, орошающим землю благодатными ливнями, становится принадлежностью обрядов, относящихся к магии плодородия [41].

На одном из рельефов притолоки 2 из храма «К» в Йашчилане изображены два персонажа в пышных костюмах, стоящие друг против друга с какими-то загадочными предметами в руках. Вместо обычных в таких

---

[33] Там же, стр. 306.
[34] A. P. Maudslay. Ук. соч., album, II, табл. 94.
[35] Там же.
[36] А. А. Сидоров. Образы водных божеств Древней Америки. Тр. С. А. РАНИОН. IV, М., 1929, стр. 466, 467.
[37] В. П. Даркевич. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. СА, 1961, 4, стр. 91.
[38] R. Redfield and A. Willa Rojas. Chan Kom. Chicago, 1962, стр. 113.
[39] Ch. Wisdom. The Chorti Indians of Guatemala, Chicago, 1940, p. 382. Молния, по мнению чорти, возникает от быстрого полета топора, сильно брошенного небесными богами.
[40] Ch. Wisdom. The Chorti. Indians of Guatemala. Chicago, 1940, стр. 382.
[41] В. П. Даркевич. Ук. соч., 1961, стр. 99.

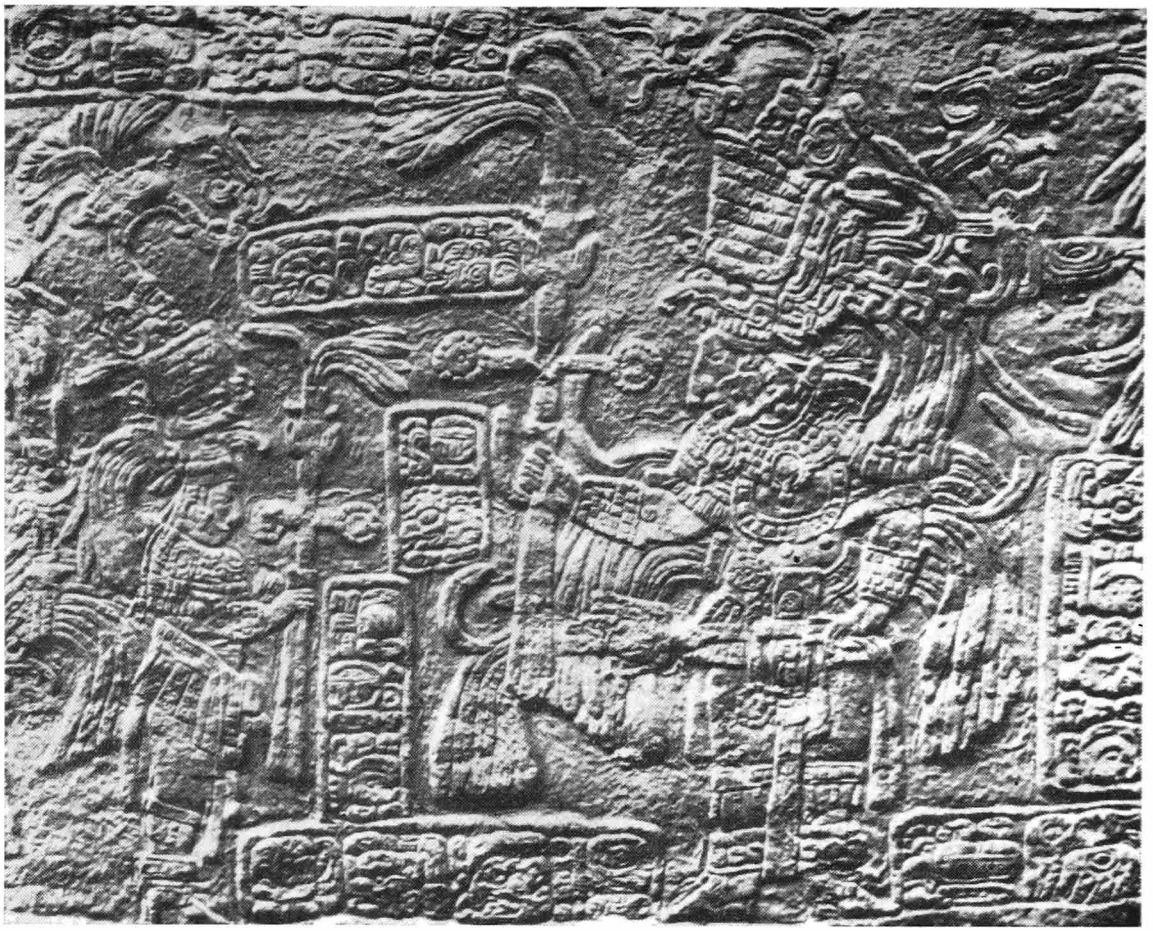


Рис. 8. Рельеф из храма «К» (притолока 2, средний дверной проем), Йашчилан

случаях скипетров они держат крестообразные жезлы со стилизованной фигурой птицы наверху. Не подлежит никакому сомнению, что перед нами — хорошо известный по искусству классического периода мотив «древа жизни», изображавшегося обычно в виде креста с листьями и птицей кецаль наверху. Таким образом, крест у майя — это символ бога плодородия, его дендроморфная форма (см., например, рельеф из храма Лиственного Креста в Паленке) [42]. Судя по письменным источникам, испанцы встречали в XVI в. во многих городах юкатанских майя деревянные и каменные кресты, которым индейцы поклонялись как богам, испрашивая у них дождь и влагу во время засухи [43]. Следовательно, можно предполагать, что и в упомянутой выше сцене из храма «К» в Йашчилане речь идет именно о воплощении бога плодородия. Если это так, то сходные во всем остальном вплоть до мельчайших деталей йашчиланские рельефы позволяют сделать и еще один важный вывод: по-видимому, крестообразный жезл с птицей наверху можно считать неким эквивалентом уже знакомого нам скипетра. Правда, в данном случае изображено два креста, а скипетр всегда представлен обычно в единственном числе. Однако общая тесная связь бога-карлика с «лиственным крестом» — «древом жизни» хорошо видна на том же рельефе из Паленке [44]. Из всего вышесказанного вы-

---

[42] Ю. В. Кнорозов. Ук. соч., табл. 72.

[43] F. Hernandez. Of the Religious Beliefs of the Indians of Yucatan in 1545 Reports of the Maya Indians of Yucatan. (Indian Notes and Monographs, IX, 3). N. Y., 1921, стр. 209.

[44] Ю. В. Кнорозов. Ук. соч., табл. 72.

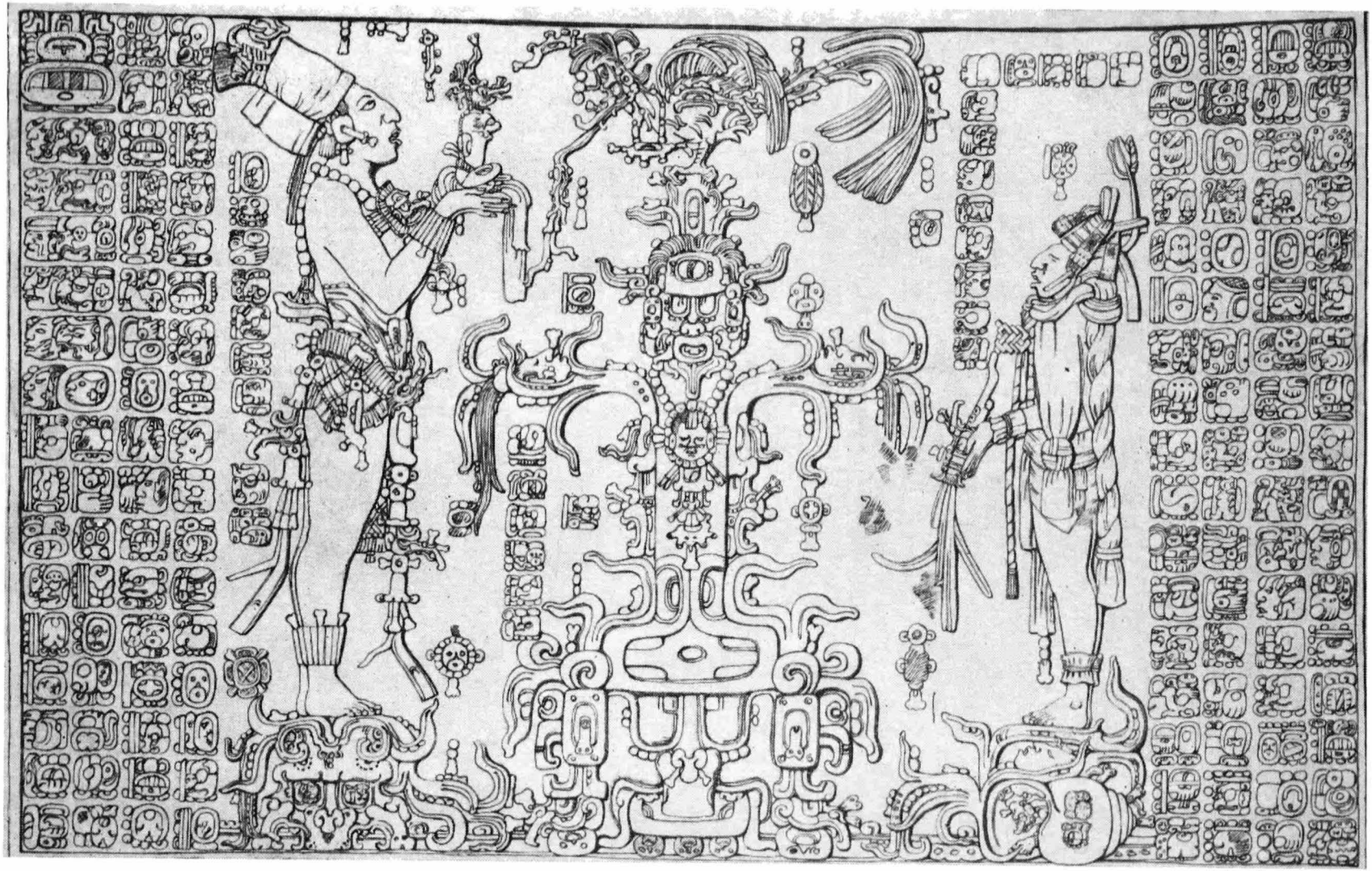


Рис. 9. Рельефное изображение креста — «древа жизни» (храм Лиственного Креста, Паленке)

текает, что карликовый божок со скипетров I тысячелетия н. э. имеет самое непосредственное отношение к плодородию и растительности, воде, дождю и грозе. Подобные функции и черты, взятые воедино, могли быть присущи только одному божеству — богу-громовнику, который часто выступает и как верховное божество. О важной роли бога-громовника в верованиях индейцев-майя и об отождествлении его с повелителем небес и божеством плодородия могут свидетельствовать моления правителей Киче в честь бога грозы Тохиля: «О ты, красота дня! Ты, Хуракан, ты, Сердце Неба и Земли! Ты, податель изобилия и богатств, податель дочерей и сынов! Обрати к нам свое могущество, излей на нас свое изобилие и свои богатства...» [45]. Тохиль иногда выступает в верованиях киче с эпитетом Хуракан: «Какулха-Хуракан, Чипи-Какулха и Раша-Какулха. И эти три суть единое Сердце Небес»,— говорится в книге «Пополь-Вух». Таким образом, горные майя представляли Тохиля-Хуракана как триединое божество. Общая же для всех ипостасей часть имени — Какулха — означает буквально «блеск молнии»; это доказывает, что перед нами бог-громовник. В пользу подобного вывода свидетельствует и эпитет бога — «Сердце Небес» [46]. Как таковой он считался также и богом плодородия. Ассоциация молнии с плодородием будет неясной, если не напомнить, что дождь в тропиках по большей части сопровождается грозой [47]. Столь же важное место занимал бог грозы Хун-Тох и у другого народа майя — какчикелей, обитавшего в горах Гватемалы.

По вполне понятным причинам бог грозы часто выступает одновременно и как бог войны, внушающий ужас врагам и покровительствующий военной знати. Можно отметить, что в иероглифических кодексах майя божества, связываемые обычно с грозой (бог «L»), часто изображаются вооруженными [48] — с маленьким круглым щитом и копьем (иногда вместо этого копьеметалка и пучок дротиков). Тот факт, что карликовый божок всегда ассоциируется с каменным топором-кельтом, а в одном случае (стела «H» из Киригуа) показан вооруженным длинным копьем и маленьким круглым щитом [49], также говорит о многом. Все это позволяет нам, хотя бы в виде предварительной гипотезы, считать карликового персонажа не только божеством, связанным с дождем, грозой и плодородием, но и богом войны, покровителем военной знати. По мнению Т. Проскуряковой, образ бога, украшающего вершину скипетра, мог обозначать и какой-то титул либо должность у правителей майя, поскольку он иногда встречается в виде иероглифа в надписях вполне определенного характера [50]. В пользу такого предположения могут свидетельствовать многочисленные факты использования в прошлом правителями майя имен богов грозы и дождя в качестве своих титулов (Ицамна — Самна в Ицамале, Ушмаль Чак — в Ушмале, Хунтох — у какчикелей и т. д.). Можно ли прямо отождествлять в таком случае карликового бога со скипетров с богом дождя и грозы у юкатанских майя XVI в.— Чаком (бог «B» рукописей)? По-видимому, нет. Дело в том, что имя Чака не встречается в числе имен 13 небесных богов, но среди них есть один загадочный персонаж, которого условно можно назвать «богом числа 6». Он является лицевым вариантом цифры 6 и одновременно иероглифом какого-то небесного божества [51].

Самой характерной чертой данного персонажа, позволяющей сближать его и с Чаком и с богом-громовником скипетров, можно считать изображе-

---

[45] «Пополь-Вух». М.— Л., 1959, стр. 126.
[46] Там же, стр. 198.
[47] T. Joyce. Ук. соч., 1914, стр. 229.
[48] Ю. В. Кнорозов. Ук. соч., стр. 2, 3.
[49] F. Anders. Ук. соч., стр. 92, рис. 42-*a*.
[50] Личное сообщение Т. Проскуряковой (1970 г.).
[51] Ю. В. Кнорозов. Ук. соч., стр. 255.

ние зрачка глаза в виде стилизованного топорика [52], т. е. оружия богов грозы и дождя. В то же время «бог числа 6» ни разу не встречается в рукописях кануна Конкисты, а фигурирует только в надписях классического периода (в Паленке, Киригуа и других городах). Таким образом, и божества грозы и дождя, подобно другим богам пантеона майя, претерпели за две тысячи лет (от конца I тысячелетия до н. э. до Конкисты) весьма серьезные изменения: одни теряли свое значение и уступали место новым, другие во многом сохраняли свои функции, третьи исчезали в определенный момент совсем. Именно поэтому мне представляется, что Чака (бога «В») можно считать лишь функциональным эквивалентом карликового божества скипетров, но никак не прямым. Таковым скорее является загадочный «бог числа 6», связанный с памятниками I тысячелетия н. э. [53]

Вне зависимости от того, с каким именно божеством пантеона майя следует отождествлять карликового божка, он, как и ящер Ицамна «змеиных полос», был тесно связан с дождем, влагой, молнией и грозой и тем самым — с плодородием и земледелием. Остается решить, почему именно эти (и близкие им) боги изображались со столь завидным постоянством на атрибутах царской власти у древних майя? История многих древних народов земного шара содержит достаточно ярких примеров, доказывающих, что на определенной ступени развития было широко распространено обожествление царя, правителя, фараона. «Вера в то, что цари обладают сверхъестественными или магическими способностями, позволяющими им оплодотворять землю и оказывать подданным всякие иные благодеяния, разделялась, по-видимому, предками всех арийских народов от Индии до Ирландии...» [54]. Последующие исследования на новых, более значительных материалах подтвердили правильность основного тезиса Дж. Фрэзера о наличии в древности царского культа у многих земледельческих народов Европы, Азии, Африки и Америки. Мы знаем, что очень часто цари (и их предшественники — вожди) для усиления и магического санкционирования своей реальной власти брали на себя отправление различных религиозных функций. И вполне естественно, что одной из главных обязанностей вождя (царя) у земледельческих племен (например, в Африке) было вызывание дождя, а следовательно, и обеспечение урожая [55]. Вместе с тем в концепции Джеймса Фрэзера есть один существенный недостаток, который, будучи воспринят некритически, до сих пор имеет широкое хождение в среде зарубежных исследователей. Речь идет о тезисе, согласно которому «царь по прямой линии ведет свое происхождение от древнего мага или колдуна» и, в частности, от «вызывателя дождя» («rain-maker») [56].

Справедливую критику этой точки зрения можно найти в работах советских ученых. «Магическая власть священного царя над природой и налагаемые на него в связи с этим запреты,— пишет С. А. Токарев,— конечно, имеют связь с примитивными магическими представлениями... но выводить на этом основании... царскую власть из специализации колдуна — значит искажать действительную связь явлений. В действительности... приписывание вождям и царям магических сверхъестественных способностей есть лишь отражение роста их власти, есть выражение тех чувств безотчетного страха и преклонения, которые порождаются в нераз-

---

[52] S. Morley. An Introduction to the Study of the Maya Hieroglyphs. Smithsonian Inst. BAEB, 57, Washington, 1915, стр. 99, рис. 51, *t-v*.

[53] Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Ю. В. Кнорозову, впервые обратившему мое внимание на «бога числа 6» и его соотношение с Чаком.

[54] Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. М., 1934, стр. 110.

[55] Б. И. Шаревская. Ук. соч., стр. 63, 107.

[56] Дж. Фрэзер. Ук. соч., стр. 111; см. также его работу: I. G. Frazer. The Magical Origin of Kings. London, 1968, стр. 112.

витом сознании самим фактом возникновения в общине первых социальных противоречий, выделением господствующих групп» [57].

Полностью солидарна с этим высказыванием и Б. И. Шаревская: «Не царская власть обязана своим происхождением сакрализации вождей, а наоборот, сакрализация вождей, военачальников и царей уходит своими корнями в расслоение общества, в выделение господствующей эксплуататорской верхушки. Захват власти господствующей прослойкой в образующемся государстве получил свое идеологическое отражение в том, что эта власть была окружена сверхъестественным ореолом» [58]. Наконец, близкой точки зрения придерживается и американский исследователь Генри Фрэнкфорт. «Позади фараона,— подчеркивает он,— мы можем различить примитивное представление о вожде, обладающем якобы властью над силами природы — царя — «вызывателя дождя» («rain-maker»)» [59]. Таким образом, обожествление, или сакрализация царя служила как бы идеологическим обоснованием его реальной власти. Незыблемость установленной социальной иерархии во главе с правителем-деспотом подкреплялась, следовательно, не только средствами подавления и насилия, но и идеологически.

Как и повсюду, культ царя и царской власти у древних майя теснейшим образом связан с их верой в сверхъестественные возможности обоготворяемого монарха по управлению силами природы и обеспечения тем самым хорошего урожая. В силу чисто местных климатических и природных особенностей для майяского земледельца вода, дождь имели огромное, можно сказать, решающее для жизни значение. Полуостров Юкатан — это обширная, известняковая равнина, до желтизны выжженная солнцем. Гряды низких каменистых холмов, редкие рощи деревьев и стена колючих кустарников во многом определяют облик местного пейзажа. Рек, озер и ручьев там нет вовсе: из-за пористости известняковой почвы дождевая вода уходит в глубины земли. Единственным постоянным источником воды служат карстовые колодцы-сеноты, которые встречаются далеко не везде. Поэтому человек с глубокой древности научился использовать для своих нужд дождевую влагу, собирая и храня ее в специальных искусственных водоемах и резервуарах [60]. Джунгли Петена (Сев. Гватемала), где находились основные центры Древнего царства майя, хотя и были более благоприятными для земледелия (пышная тропическая растительность, богатая перегноем почва и т. д.), также почти не имеют рек. Таким образом, и здесь само существование человека во многом зависело от дождевой воды. Я не говорю уже о решающем значении дождей для своевременного орошения полей и прорастания маиса — основной пищи индейцев. Стоит ли поэтому удивляться, что майя с глубокой древности почитали богов грозы и дождя, обеспечивающих плодородие маисовых полей, и своих владык, выступавших как бы в качестве посредников между царством небесных сил и простыми смертными. Именно с этой целью их обоготворяемые правители самолично совершали весьма важные, с точки зрения земледельца, обряды, связанные с аграрным культом и прежде всего с обеспечением хорошего урожая маиса.

На одном из рельефов Тикаля изображен какой-то персонаж в пышном костюме и головном уборе из перьев. На груди у него украшение в виде распластанной лягушки или ящерицы (символ воды и плодородия). Правая рука поднята вверх, видимо, символизируя обращение данного лица к небесным силам. Левая опирается на широкую рукоять какого-

---

[57] С. А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1964, стр. 338, 339.

[58] Б. И. Шаревская. Ук. соч., стр. 209.

[59] H. Frankfort. Kingship and the Gods. Chicago, 1958, стр. 215.

[60] R. Irigoyen. El Agua en la Vida de los Mayas Prehispanicos de Yucatan. «Revista de la Universidad de Yucatan», XI, 66, Merida, 1969, стр. 81—89.

то земледельческого орудия типа мотыги или усовершенствованной палки-копалки [61]. Детали костюма и украшений позволяют предполагать, что перед нами — правитель, принимающий участие в ритуальной пахоте или в ритуальном севе (мотыга и палка-копалка служили для взрыхления почвы и изготовления ямок при посадке семян). Участие правителя в ритуальном севе отражено и на ряде других памятников монументальной скульптуры: на стеле 40 из Пьедрас Неграс [62] и на стеле 21 из

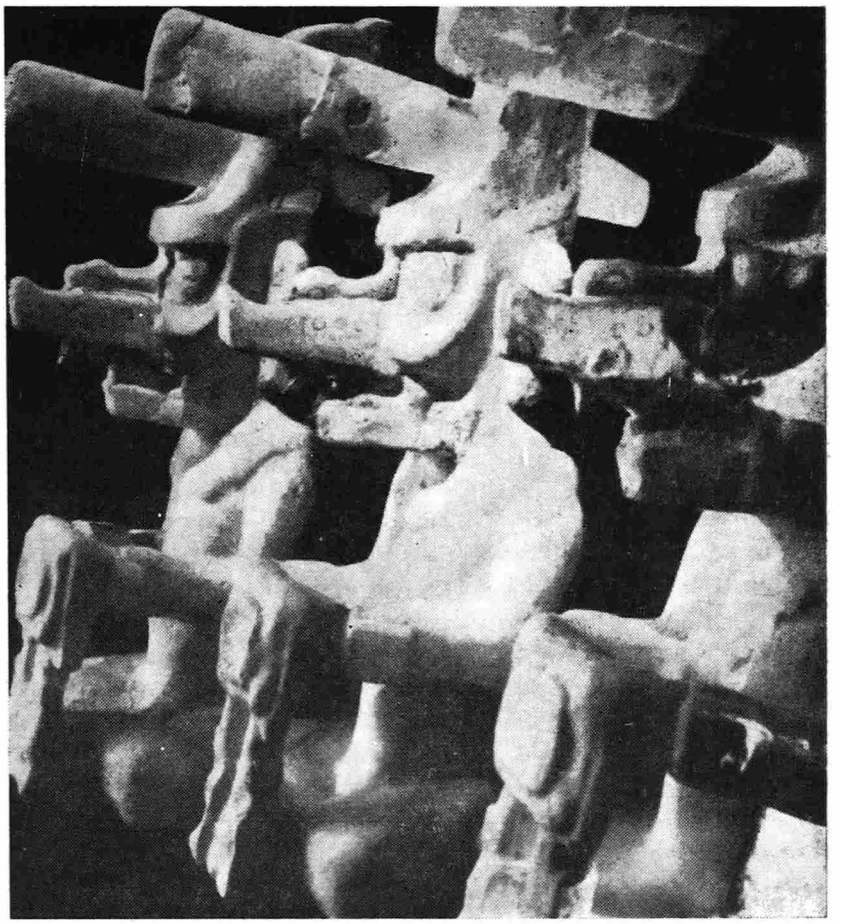


Рис. 10. Деревянные скульптуры длинноносого бога-карлика из гробницы 195, Тикаль (600 г. н. э.)

Тикаля, где изображен пышно одетый человек, который в левой руке держит какой-то предмет в виде узкого длинного мешочка или сумки (для семян?), а правой бросает вниз горсть зерен. Примечательно, что среди ножных украшений этого персонажа мы видим голову длинноносого бога дождя (?) [63]. В Тикале, в комплексе пирамид-близнецов, обозначенном буквой «Q», были обнаружены внутри специальной каменной ограды резная стела (стела 22) и алтарь с календарной датой, соответствующей 790 г. н. э. На лицевой стороне монумента изображен персонаж, несущий узкую и длинную плетеную сумку (для семян?) с личиной Тлалока (бог воды и дождя у нахуа). На ногах и руках у него браслеты с изображением майяского бога дождя. Одновременно этот персонаж

---

[61] E. Schaeffer. El corregidor del Peten coronel Modesto Mendez. AHG. III, 1. Guatemala, 1951. стр. 59, рис. IV.

[62] Р. В. Кинжалов. Искусство древних майя. Л., 1968, стр. 77.

[63] H. Berlin. El Templo de las Inscripciones — IV — de Tikal. AHG. III, 1, Guatemala, 1951. стр. 38, рис. 9.

является, по-видимому, участником ритуального сева, так как бросает вниз горсть зерен, а над ним витает бог неба [64]. В одной из наиболее пышных гробниц Тикаля (Burial, 195), спрятанной под основанием храма и, несомненно, принадлежавшей одному из представителей правящей царской династии, вместе с резным деревянным троном были обнаружены четыре деревянные статуи длинноносого бога скипетров, окрашенные в голубой цвет [65]. Археологи постоянно отмечают обилие различных морских продуктов, связанных с культом воды (раковины, иглы морских ежей и водоросли), среди находок в городах и селениях майя, даже значительно удаленных от побережья. Причем эти дары моря встречаются обычно в ритуальных тайниках храмов, под стелами и в наиболее пышных гробницах [66]. Следовательно, в большинстве случаев эти водные символы связаны именно с правящей верхушкой.

Вполне определенно высказываются на этот счет и письменные источники. «В селении Ицамаль,— пишет испанский историк Лопес де Когольюдо,— ...находился храм, сооруженный для одного идола, которого они очень почитали и который назывался «Ицамат уль», что означает «небесная роса». Индейцы рассказывали, что это был когда-то великий правитель, господин этой земли, которому подчинялись как сыну богов. И когда его спрашивали, как его имя или кто он, правитель отвечал следующим образом: «Иценкаан Ицен Муйяль», что означает: «Я есть роса, я есть влага небес и облаков...» [67]. Наиболее могущественные правители городов-государств Юкатана в постклассический период (Ах Ицимтхуль Чак в Исамале, Чак-Шиб-Чак в Чичен-Ице, Ушмаль Чак в Ушмале) носили в качестве постоянного своего титула имя бога дождя Чака и, очевидно, выступали в роли живого воплощения или представителя данного божества [68]. Правители майя-киче, как уже отмечалось, обязаны были ежегодно совершать обряды и жертвоприношения в честь бога грозы Тохиля, дабы обеспечить своих подданных хорошим урожаем [69].

В свете вышесказанного необходимо, на наш взгляд, решать и вопрос о назначении упомянутых атрибутов царской власти классического периода. Учитывая круг представленных там изображений, а также общие воззрения древних майя, можно предполагать, что эти божественные функции правителя были непосредственно отражены и в его инсигниях. С помощью последних царь якобы оказывал необходимое воздействие на силы природы, обеспечивая тем самым плодородие полей, обильный урожай и в конечном счете благополучие своих подданных.

Не исключено, что и «ритуальная полоса», и скипетр, учитывая их рептильную подоснову, происходят от более простых форм «змеиных жезлов» вождей — «вызывателей дождя». Известно, что ассоциация «змея — вода» — одна из древнейших и наиболее широко распространенных среди всех земледельцев ассоциаций. Возможным доказательством в пользу этого может служить обломок каменного навершия жезла в виде змеи с изогнутой шеей из Эль Ситио (Гватемала), относящегося к концу I тысячелетия до н. э. [70] Изображения атрибутов власти в виде простой змеи как архаизмы встречаются и в искусстве более поздней эпохи: например, персонаж в пышном костюме правителя, сжимающий длинное гибкое тело змеи (Паленке, Большой Дворец, рельеф на столбе

---

[64] G. F. Guillemin. Development and Function of the Tikal Ceremonial Center. «Ethnos», 33, 1—4, Stockholm, 1969, стр. 25.

[65] W. R. Coe. Tikal. A Handbook of the Ancient Maya Ruins. Philadelphia, 1967, стр. 50, 57.

[66] G. F. Guillemin. Ук. соч., стр. 32.

[67] D. Lopez de Cogolludo. Historia de Yucatan. I, Campeche, 1954, стр. 353.

[68] R. Roys. The Book of Chilam Balam of Chumayel. Norman, 1967, стр. 66—67.

[69] «Пополь-Вух», стр. 126.

[70] E. M. Shook. Archaeological Survey of the Pacific Coast of Guatemala. HMAI, 2, Austin, 1965, стр. 181, рис. 1, *d, e*.

из помещения «Д»)[71] или изображение бога «В» из Дрезденского кодекса, где он показан сидящим на троне и с символом власти в виде короткой змеи в руке[72]. О том, что скипетры (и «полосы»), будучи символами власти, были одновременно связаны каким-то образом с водой и дождем, свидетельствует, возможно, один не совсем ясный отрывок из книги Чилам Балам из Чумайеля: «Наступление сезона дождей, будут дожди тогда при лишении скипетра...»[73].

Рис. 11. Бог «В» (Чак), сидящий на троне со скипетром-змеей в руке (Дрезденский кодекс)

Со сложением государства жрецы майя выработали сложные религиозные учения о строении вселенной, богах и божественной силе царя, что не могло не отразиться и на атрибутах власти. Так появились на свет «ритуальные полосы», а позднее и гротескные карликовые скипетры (в сочетании со щитами). Однако вопрос о том, что именно лежит в основе царских инсигний — каменный топор или змееподобный жезл «вызывателя дождя», не имеет, на наш взгляд, особого значения. Как было показано выше, оба эти предмета функционально весьма близки, а часто и тождественны друг другу (топор — огонь, молния, гроза, дождь, плодородие; змея — вода, дождь, молния — «небесный огонь», плодородие).

Таким образом, у правителей майя, впрочем, и у правителей других развитых областей доколумбовой Мезоамерики, атрибуты власти призваны были показать тесную связь их обладателей с богами и обеспечить царей сверхъестественным могуществом и властью над силами природы. Одной из важнейших функций этих инсигний было обеспечение водой и дождем возделываемых полей, обеспечение хорошего урожая. Но в условиях раннеклассового общества эти же инсигнии приобрели и другую, не менее важную для их владельцев функцию — устрашающую, карательную. Дело в том, что царь в лице своих атрибутов (прежде всего скипетра) одновременно обладал и грозным «небесным огнем» — испепеляющей молнией, призванной внушить и подданным и врагам страх перед несокрушимой мощью правителя.

Происхождение основных атрибутов царской власти I тысячелетия н. э. следует, по-видимому, выводить из аграрных культов древних майя. Эти инсигнии как воплощение магической силы царя по управлению различными явлениями природы должны были обеспечить благополучное выполнение всего цикла сельскохозяйственных работ и тем самым процветание всей страны. Но они же, с другой стороны, призваны были внушить окружающим мысль о божественном происхождении и божественном характере царской власти, обеспечить беспрекословное повиновение царю, убедить подданных в незыблемости и вечности установленных свыше порядков.

Как известно, скипетры приходят на смену более ранним видам атрибутов царской власти в виде «ритуальных (змеиных) полос» в конце VII — начале VIII в. н. э. По всей вероятности, это было вызвано какими-то вполне конкретными историческими причинами. Достаточно напомнить, что именно в это время (VII—VIII вв.) в западных областях

---

[71] A. P. Maudslay. Ук. соч., album. IV.
[72] H. Spinden. Ук. соч., 1913, стр. 63, рис. 74.
[73] Ю. В. Кнорозов. Ук. соч., стр. 92.

майя резко возрастает число рельефов и стел, прославляющих военные успехи правителей городов-государств Паленке, Пьедрас Неграс и, особенно Йашчилана. Усиление военной угрозы извне (нашествие чужеземных племен из Центральной Мексики) и рост столкновений между самими городами майя привели к значительному усилению влияния военной знати на всю политическую жизнь местных общин. Это перераспределение сфер влияния внутри общества майя, видимо, произошло прежде всего за счет старого жречества и его религиозных концепций. Именно в подобной ситуации могла возникнуть потребность в замене старых атрибутов власти новыми. Вполне вероятно, что появление у майя скипетров наряду с исчезновением более оккультных по семантике «ритуальных полос» явилось логическим завершением названных выше сложных социально-политических процессов.

V. I. Gouliaïev

OBJETS DE PRESTIGE ROYAL CHEZ LES ANCIENS MAYAS

Résumé

L'article est consacré à l'analyse d'un groupe intéressant d'insignes de royauté connus dans la littérature spécialisée sous le nom de sceptres (Maniquin Scepters). On trouve leurs images sur des autels, reliefs, stèles, peintures murales et linteaux en bois dans la plupart des villes-Etats mayas datant de la fin du VIIe au Xe siècles de notre ère. Ces objets sont directement liés à l'institut du pouvoir royal.

L'étude du motif de divinité décorant généralement la pointe d'un sceptre nous porte à croire que c'est une image d'un Dieu tonnant c'est-à-dire du Maître d'orages et de pluies qui veille aussi sur la fécondité des champs. Les insignes en question étaient une sorte d'incarnation de la puissance magique du roi, dirigée à commander divers phénomènes de la nature et ils devainet assurer le bien-être et la prospérité de tout le pays. Mais à l'étape initiale de la société divisée en classes ces insignes de pouvoir eurent une autre fonction non moins important pour leurs propriétaires, notamment celle d'intimider et de punir. Le sceptre — hache mettait entre les mains des rois mayas une arme redoutable, telle foudre qui réduit aux cendres. Cela devrait suggérer la vénération et la peur d'une puissance surnaturelle du roi à ces sujets

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

О ПЕРИОДИЗАЦИИ РАННЕЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ

Значительное число наконечников древнерусских пахотных орудий, найденных археологами за последние десятилетия, может быть использовано как основа для периодизации истории их развития. Такая периодизация чрезвычайно важна для истории земледелия, в которой хронология нередко трактуется слишком обобщенно. В основу предлагаемой периодизации положены исключительно формальные признаки отдельных групп наконечников пахотных орудий. Одновременно предлагаются и некоторые вероятные объяснения их особенностей, в связи с чем намечаются общие черты истории пахотных орудий восточных славян. Вопросы, поставленные в данной работе, уже привлекали внимание исследователей, во многом (особенно в области классификации материала) облегчивших работу автора. Однако часть этих исследователей (например, В. И. Довженок) слишком прямолинейно проводила аналогии между древнерусскими пахотными орудиями и орудиями XVIII—XIX вв., что, естественно, препятствовало отысканию хронологических рубежей в их истории, другие не могли отвлечься от привычных недоказанных гипотез. К сожалению, от последнего недостатка не свободны работы А. В. Кирьянова, которому впервые удалось на конкретном материале убедительно доказать эволюцию русской сохи с IX по XIV в.

По числу датированных средневековых наконечников пахотных орудий Восточная Европа находится в исключительно благоприятном положении. Однако эти наконечники не так просто с уверенностью связать с тем или иным типом орудий. Древнейшее же русское изображение пахотного орудия относится к XV в.— к периоду, фактически не исследуемому археологически (для Западной Европы характерна противоположная картина: значительное число доброкачественных средневековых изображений пахотных орудий и сравнительно небольшое число датированных наконечников таких орудий). Тем большее значение имеют немногочисленные средневековые изображения славянских пахотных орудий (рис. 1). Интерпретация наконечников пахотных орудий, если они не находят себе соответствия в иконографических или иных источниках, требует большой осторожности.

Отмечая случаи находок наконечников пахотных орудий, следует учитывать, что отсутствие таковых вовсе не говорит об отсутствии в соответствующий период пашенного земледелия. Изображение рала на симферопольской стеле и кривогрядильные рала из белорусского и украинских торфяников[1] значительно древнее любого наральника, найденного

[1] Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, 1, стр. 76, рис. 2; его же. Древний деревянный

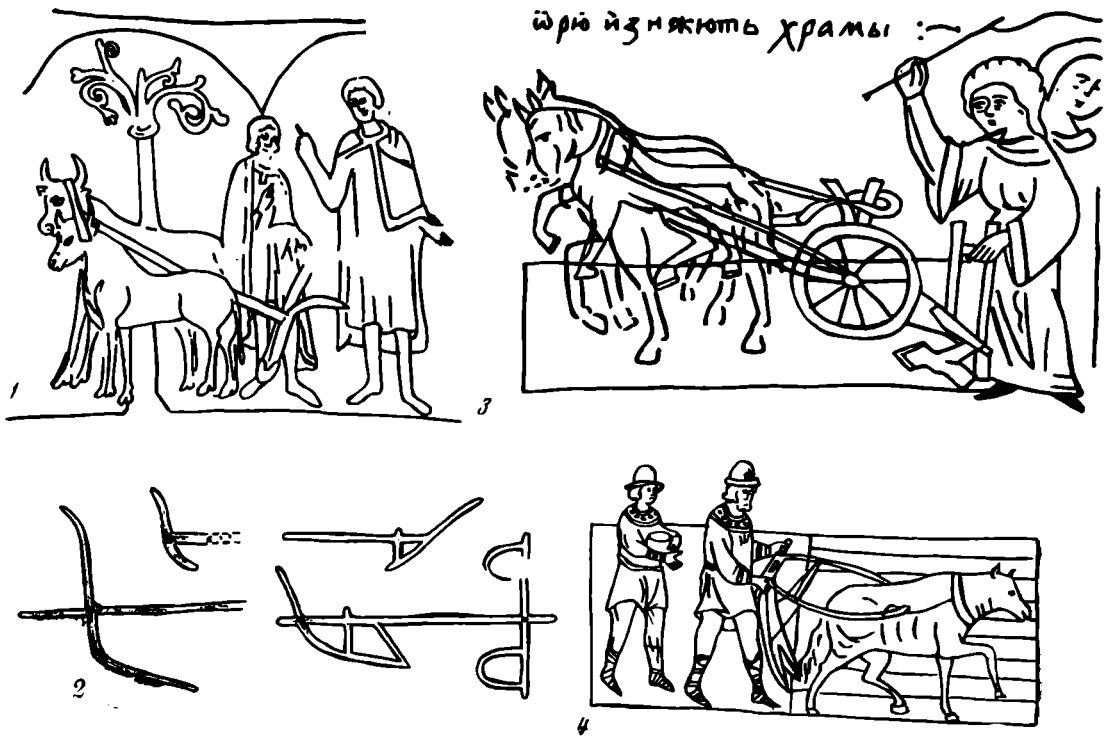


Рис. 1. Средневековые изображения славянских пахотных орудий

1 — Чехия, 1134 г.; *2* — рисунки на камнях дворцового комплекса в Плиске; *3* — миниатюра Радзивилловской летописи; *4* — миниатюра Лицевого летописного свода

в Восточной Европе. Эти орудия работали без наконечника, как и многие пахотные орудия тех времен, когда наконечники уже широко использовались,— вплоть до XIX в.

Металлические наконечники являются важнейшей функциональной частью пахотных орудий. Это не означает, однако, что их изучение может дать исчерпывающее представление об соответствовавших им орудиях. В то время как конструкции деревянных основ пахотных орудий чрезвычайно разнообразны, формы их наконечников относительно более консервативны и представлены немногими вариантами, подавляющее большинство которых (имеются в виду наиболее распространенные — втульчатые) отличается только размерами и пропорциями. При изменении конструкции пахотных орудий в целом формы их наконечников могут оставаться неизменными или почти неизменными. Зато смену формы наконечников пахотных орудий можно считать бесспорным доказательством важного усовершенствования этих орудий или смены традиций их изготовления.

Ранние, да и многие из поздних наконечников пахотных орудий, особенно те из них, которые имеют аморфную, не отработанную форму, сделаны небрежно и не могут рассказать о том, каким типам орудий они соответствовали. Даже такой яркий признак, как наличие или отсутствие плечиков, не соответствует никакому устойчивому комплексу конструктивных или функциональных черт орудия[2]. Искать соответствие между формой наконечника, с одной стороны, и конструкцией деревянного «скелета» и функциональными особенностями орудия — с другой[3], есть смысл лишь в том случае, когда исследователь располагает серией

плуг из Сергеевского торфяника. СА, 1964, 4, стр. 85, рис. 1; стр. 98, рис. 6; Л. Поболь. Деревянное рало из торфяника у деревни Каплановичи. «Acta Baltico-Slavica». V, Bialystok, 1967, стр. 117—128.

[2] Ю. А. Краснов. К проблеме эволюции рала (об одном широко распространенном заблуждении). Древние славяне и их соседи. МИА, 176. 1970.

[3] Fr. Šach. Rádlo a pluh na uzemi Československa. Vědecke práce ustředi zemědělskeho muzea. Cz. 5. Praha, стр. 134—136.

однородных предметов с выработанной формой и устойчивым комплексом признаков.

Средневековые наконечники восточнославянских пахотных орудий по формальным признакам делятся на четко различающиеся группы (рис. 2).

Основная работа с наконечниками пахотных орудий сводится, таким образом, к выявлению серий сходных предметов, попыткам выявить внутри этих серий эволюцию и типологические связи между ними, т. е. к обычному формально-типологическому анализу. Наиболее достоверный путь реконструкции пахотных орудий по наконечникам заклю-

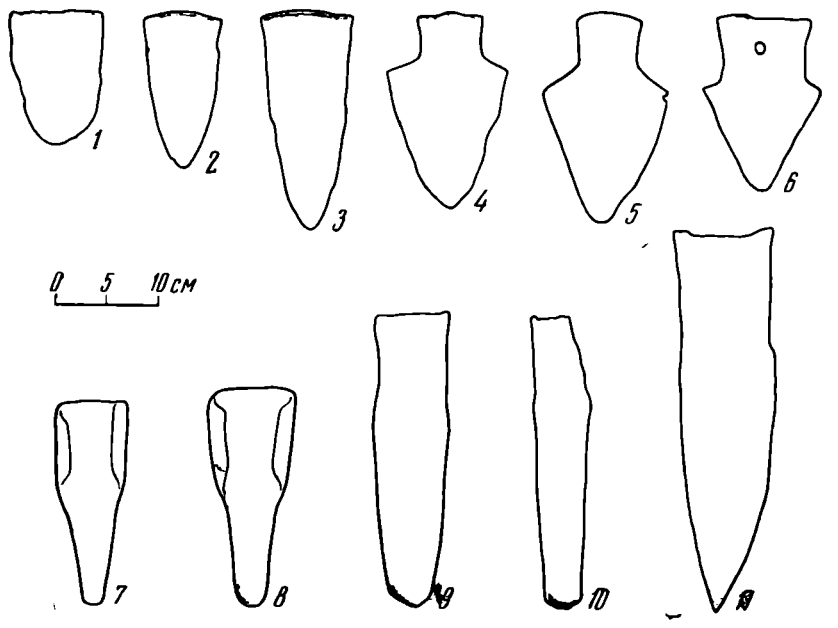


Рис. 2. Древнерусские наральники и сошники

1—3 — наральники без плечиков (*1* — Старая Ладога, *2* — Райковецкое городище, *3* — Городск); *4—6* — широколопастные наральники (*4* — Пеньковка, *5* — Княжа гора, *6* — поздний украинский наральник); *7—11* — сошники (*7*, *8* — первый тип, *9*, *10* — второй тип, *11* — третий тип; *7* — Владимирщина, *8* — Вщиж, *9*, *10* — Новгород, *11* — Москва)

чается в привязке последних к тому или иному типу орудий, известному из этнографии или иконографии. Наибольший интерес при этом представляет сопоставление археологического материала со своеобразными пахотными орудиями, зафиксированными этнографами в Восточной Европе (рис. 3).

Наиболее ранние в Восточной Европе наконечники пахотных орудий черняховского времени немногочисленны и разнообразны. Можно думать, что это разнообразие отражает или смешение различных традиций, или отсутствие сложившейся устойчивой традиции изготовления пахотных орудий. Следует отметить преобладание почти не встречающихся в VII—X вв. наконечников без плечиков и бытование чересел[4].

VII—X века характеризуются бытованием устойчивого типа наральников с плечиками[5]. Ширина лопасти значительно превышает ширину втулки; очень разомкнутая, короткая и узкая втулка свидетельствует, что такой наральник должен был работать в горизонтальном положении. Следует отметить аналогии этому типу, многочисленные на Балканах,

[4] М. Ю. Брайчевський. Біля джерел слов'янської державности. Київ, 1964, стр. 30—38; стр. 32, рис. 2; стр. 34, рис. 3; стр. 37, рис. 4.

[5] О типологической близости таких наральников см.: В. Й. Довженок. Землеробство в древньої Русі до середини XIII ст. Київ, 1961, стр. 64, 66; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958, стр. 18. К этому же типу В. И. Довженок относит ряд симметричных лемехов с Райковецкого городища. В. И. Довженок. Землеробство..., стр. 66, 81; его же. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. В кн. «Материалы по истории земледелия СССР», сб. 1, М., 1952, стр. 152.

имеющиеся и в землях западных славян[6]. Можно думать, что этот тип наральника соответствовал типу рал, бытовавшему у восточных, южных и у западных славян. Тип этот (судя по этнографическим данным) — четырехстороннее рукояточное рало с полозом[7]. Орудия с четырехсторонним скелетом известны с X—XI вв. по западным миниатюрам; их можно генетически выводить из рукояточных прямогрядильных рал с зачаточным полозом, но без перекладины (ср. рало с симферопольской стелы). По-видимому, четырехстороннее рало изображено на камне из

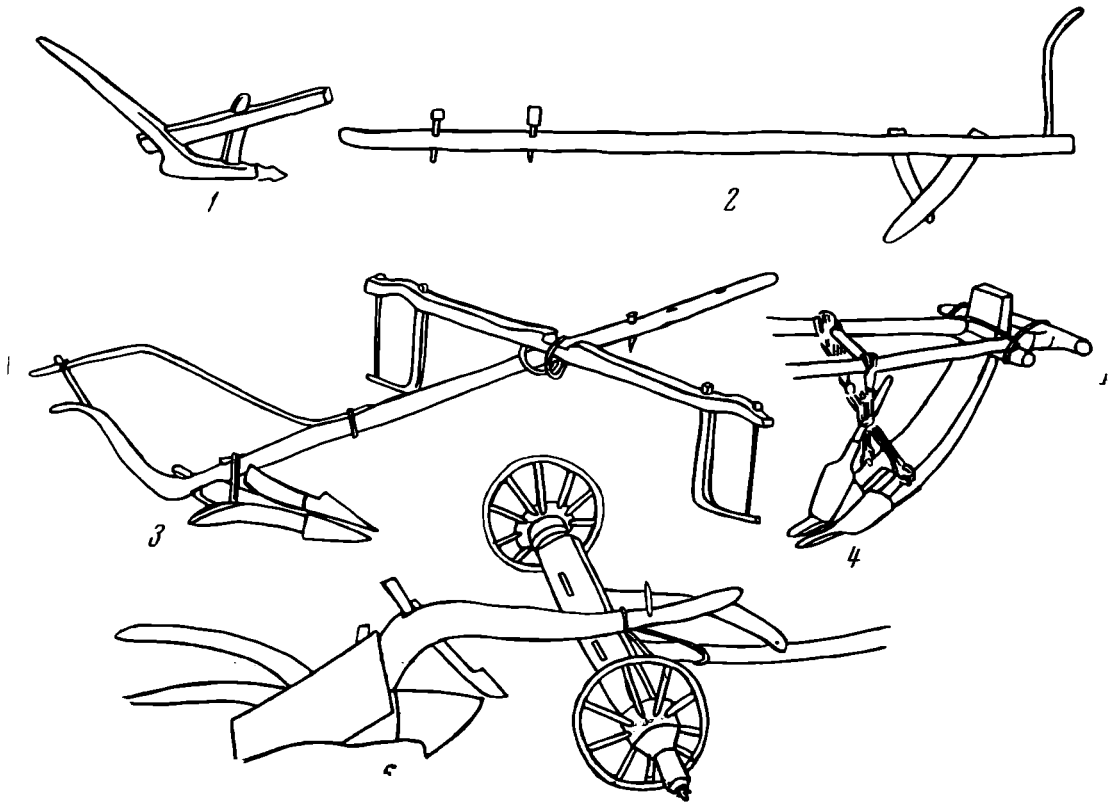


Рис. 3. Пахотные орудия восточных славян по этнографическим данным

1 — рало с полозом (по В. С. Мамонову); *2* — рало без полоза (по Гильденштедту); *3* — полесская соха (по А. К. Сержпутовскому); *4* — русская соха (по Д. В. Найдич), украинский плуг (по Гильденштедту)

развалин дворцового комплекса в Плиске; другие рала оттуда же близки ралу с симферопольской стелы[8].

Древнерусские широколопастные наральники обнаруживают значительное сходство с наральниками украинских рал с полозом, однако последние, как правило, имеют более широкую втулку, а на лопасти нередко отверстие для гвоздя.

Ареал древнерусских наральников указанного типа выходит за пределы степной и лесостепной зон; он включает довольно значительную часть позднейшего ареала сохи, т. е. территории, где позднее рала с полозом не встречались[9]. С IX в. встречаются вместе с наральниками и

---

[6] Ж. Выжарова. О происхождении болгарских пахотных орудий. М., 1956, стр. 11, рис. 5; Z. Podwińska. Technika uprawy roli w Polsce sredniowiecznei. Wroclaw *, 1962, стр. 112, рис. 55 (*c*); стр. 111, 110, рис. 52 (*c*); Fr. Šach. Ук. соч., стр. 73, рис. 52; стр. 74, рис. 53; стр. 75, рис. 55; стр. 77, 78, рис. 57.

[7] В. С. Мамонов. Старинные орудия обработки почвы из с. Староселье на Днепре. СЭ, 1952, 4, стр. 85, рис. 21; K. Moszynski. Kultura ludowa Slowian. Czesc 1, Krakow, 1929, стр. 153, рис. 131; 155, рис. 133—135; стр. 156, рис. 136—138.

[8] St. Stantchev. Un monument de l'agriculture slave à Plisca. «Slavia Antiqua», IV, 1954, стр. 342, рис. 2 (*3*, *1*, *2*).

[9] Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, 1957, 68, стр. 93, рис. 35, *4*; стр. 94; Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка.

чересла [10] — конструктивный элемент усовершенствованных пахотных орудий, известный с римского времени и сочетающийся с очень различными, формально и функционально, орудиями. Считать IX в. временем появления в Восточной Европе плуга нет достаточных оснований. Чересло могло соответствовать симметричным пахотным орудиям, о чем свидетельствуют этнографические данные. Плугом же принято называть орудие для асимметричной (обычно загонной) пахоты, снабженнное односторонним отвалом [11]. В то же время на юге встречены единичные наконечники пахотных орудий без плечиков, довольно аморфных форм [12]. Можно думать, что эти наральники, близкие, с одной стороны, черняховским, с другой — более поздним, свидетельствуют о возможности преемственности некоторых типов рал с черняховского времени до кануна монгольского нашествия, причем VII—X вв. оказываются временем их наименьшего распространения.

В лесной зоне известно некоторое количество разнообразных наконечников пахотных орудий VII—X в. Основная часть их едва ли может быть убедительно «привязана» к славянам и представляет собой набор не очень выразительных разнородных экземпляров [13]. Часть этих наконечников (без плечиков) близка размерами друг другу и некоторым южным (включая черняховские). Подобные наральники, по мнению А. В. Кирьянова, являются типологическими предшественниками сошников [14]. Думается, однако, что вернее было бы говорить о том, что типологическим «предком» сошника был примитивный наральник аморфной формы, но не обязательно местного происхождения. С IX в. появляются первые сошники.

В домонгольских слоях найдено большое количество наконечников пахотных орудий. К сожалению, почти все крупные находки из лесостепной зоны тяготеют к кануну монгольского нашествия. Северные находки распределены по столетиям более равномерно, к тому же в их хронологии и эволюции помогает разобраться тщательно разработанная датировка новгородских слоев, в которых было найдено немало наконечников пахотных орудий.

Для лесостепной зоны рассматриваемого периода характерно широкое распространение наральников без плечиков, почти совсем исчезнувших в предшествующее время. Объяснять это явление можно по-разному: возможно, в этот период стали снабжать металлическим наконечником такие типы орудий, которые раньше в основном использовались без них. Можно думать, что замена основного, универсального пахотного орудия предшествующего периода (рала с полозом) на более тяжелое

СА, 1957, 3, стр. 183, рис. 6, *2*, *3*; стр. 184; е е ж е. Шуклинское городище. КСИИМК, 72, 1958, стр. 76, рис. 22, *1*; сходная находка — Супруты (Тульская обл., раскопки С. А. Изюмовой).

[10] Ю. В. К у х а р е н к о. Ук. соч.; И. И. Л я п у ш к и н. Памятники культуры полей погребений левобережья Днепра. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 33, рис. 20, *1—4*; стр. 37; С. А. П л е т н е в а. От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 145, рис. 38, *10*; то же в Супрутах.

[11] Fr. S a c h. Ук. соч., стр. 28—29; 124 Г. Е. К о ч и н. Сельское хозяйство на Руси в период образования русского централизованного государства (конец XIII — начало XVI в.). М.— Л., 1965, стр. 47.

[12] В. И. Д о в ж е н о к. Землеробство..., стр. 32, 33, рис. 8, *1*, *3*; стр. 34, рис. 10, *1*; стр. 35.

[13] С. Н. О р л о в. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги. СА, XXI, 1954, стр. 344, 345, рис. 1; е г о ж е. К вопросу о древнем пашенном земледелии Старой Ладоги. КСИИМК, 65, 1956, стр. 142—144, рис. 54; П. Д. С т е п а н о в. К вопросу о земледелии у древней мордвы. СЭ, 1950, 3, стр. 165; П. Н. С т а р о с т и н. Памятники именьковской культуры. САИ, Д1-32, М, 1967, стр. 27, 73, табл. 13, рис. 13, 15; Н. Ф. К а л и н и н, А. Х. Х а л и к о в. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, 1954, стр. 47, рис. 13, 15. Имеются более поздние аналогии староладожским и мордовским в Волжской Болгарии и Гродно.

[14] А. В. К и р ь я н о в. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. МИА, 65, 1959, стр. 318, рис. 2, стр. 344, 345.

(с так называемым симметричным лемехом) потребовало для вторичной обработки земли особого облегченного орудия. Наконец, разнообразие типов пахотных орудий в лесостепи можно объяснить социальной неоднородностью земледельцев, которая вызывала сходную картину и в Западной Европе [15].

Размеры и пропорции наральников без плечиков очень широко варьируют, можно думать, что эти наконечники соответствовали различным типам рал. Отдельные, в этот период редкие, экземпляры наральников с плечиками, в принципе тождественные таковым VII—IX вв., известны под Тулой (Супруты, X в., раскопки С. А. Изюмовой), Курском (Лебедка), и на Киевщине (Княжа гора) [16]. Следует полагать, что значение орудий, соответствующих этим наральникам, уменьшилось по сравнению с предшествующим периодом.

Особый интерес представляют появляющиеся не позднее XII в. крупные симметричные наконечники пахотных орудий, обычно называемые лемехами (для удобства в данной работе они называются симметричными лемехами). Эти наконечники снабжены плечиками и отличаются от широколопастных наральников расширением рабочей части (в 1,5 раза) и особенно заметным расширением втулки (в 2 раза), подразумевающим широкий полоз. Эти особенности указывают на большую производительность снабженных ими орудий, очевидно приспособленных для более тяжелых почв, чем их предшественники. Следует отметить, что большинство древнерусских симметричных лемехов найдено совместно с чересламн, что заставляет реконструировать соответствующие орудия с этим элементом. Обыкновенно полагают, что орудие с таким мощным наконечником и чересломмогло быть только плугом [17]. Однако чересла могли быть и у рал, а размеры этих наконечников хотя и значительно больше, чем у более ранних, все же не идут ни в какое сравнение с размерами позднейших плужных лемехов. Д. В. Найдич отмечает, что орудия с подобными лемехами не могли поднимать степной чернозем и были более приспособлены для старопахотных почв [18]. Плужные лемехи, как правило, асимметричны, но в принципе односторонний отвал может сосуществовать и с архаичным симметричным лемехом. В пользу того, что симметричные домонгольские лемехи происходят не от плуга, а от усовершенствованного рала, говорит факт быстрого перехода от симметричных наконечников к асимметричным, позднее, в XIV в. (рис. 4), сопровождающийся резким их укрупнением. Какие же черты могли характеризовать такое рало с массивным симметричным лемехом? Ответить на этот вопрос помогает известная миниатюра Радзивилловской летописи, по-видимому, восходящая к домонгольскому оригиналу. На ней мы видим колесное пароконное орудие с двойным отвалом и двумя рукоятями [19]. Наличие двух рукоятей, подразумевающих широкую подошву и колесный передок, заставляет видеть в этом орудии «предка» тяжелого плуга восточноевропейских степей. Среди аналогий этому орудию следует отметить архаичный двухотвальный сабан, встречавшийся в Поволжье еще в XIX в., чешский «наколесник», а также римский «плуг», если правомерно реконструировать это орудие, комбинируя дан-

---

[15] Ф. Я. Полянский. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954, стр. 228; E. C. Curwen. Plough and Pasture. London, 1946, стр. 70; E. Lipson. The Economic History of England. London, 1934, стр. 72.

[16] В. И. Довженок. Землеробство..., стр. 39, рис 14, *1*, *2*; стр. 47, рис. 20, *1*.

[17] В. И. Довженок. Землеробство..., стр. 72, 74; его же. К истории земледелия..., стр. 153.

[18] Д. В. Найдич-Москаленко. О происхождении и классификации русских пахотных орудий. СЭ, 1959, 1, стр. 44.

[19] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 25. Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. СПб., 1902, 1. Фотомеханическое воспроизведение рукописи, л. 7.

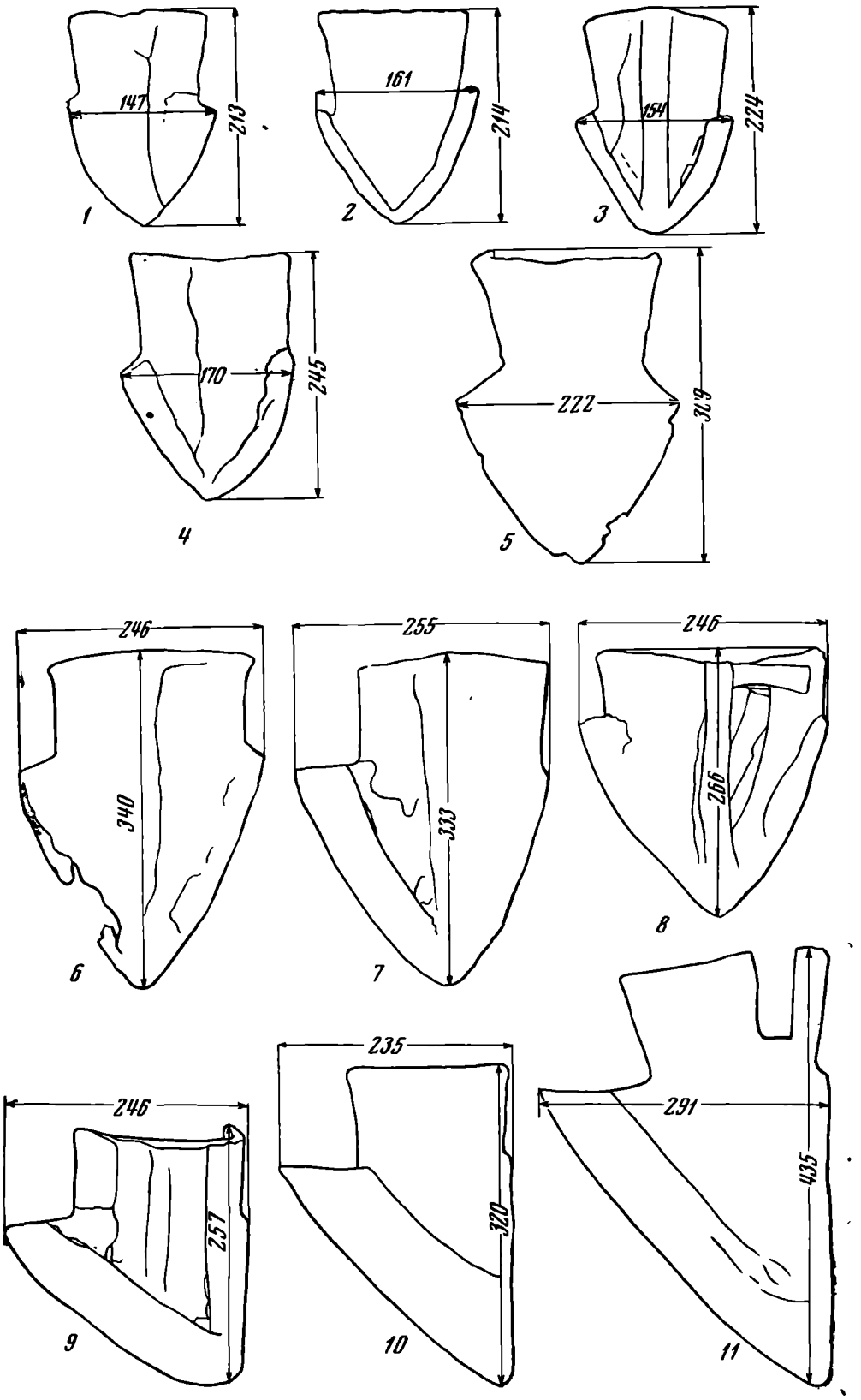


Рис. 4. Формирование асимметричного лемеха по восточноевропейским данным

1—3 — домонгольские симметричные лемехи (*1, 3* — Княжа гора, *2* — из собрания ГИМ); *6—8* — асимметричные лемехи XIV—XVI вв. (*6* — Болгарское городище, *7* — Вышгородское городище, *8* — Комаровка); *4, 5* — переходные формы (*4* — Райковецкое городище, *5* — Киевщина); *9—11* — поздние плужные лемехи (*9* — Поянское селище, Молдавия, XVII в.); *10, 11* — поздние украинские лемехи

ные разных авторов, как это делал, например, А. В. Арциховский[20]. Интересно, что некоторые симметричные наконечники, привязывавшиеся исследователями к римскому «плугу», близки древнерусским симметричным лемехам[21]. На миниатюре отсутствует чересло (как и в описании Виргилия)[22], что можно трактовать как вариацию основного типа для особых почвенных условий. В нескольких случаях совместных находок лемехов и чересел первых заметно больше, чем вторых[23].

Типология рассмотренных наконечников (они хорошо увязываются с более поздними материалами) и предложенная реконструкция указывают на то, что эти наконечники имеют прямое отношение к генезису позднейших орудий восточноевропейской степи и лесостепи — украинского плуга и татарского сабана. Пока нет достаточных оснований искать более древних предков этих орудий в восточноевропейском материале. Переходные формы от роменско-боршевских широколопастных наральников к симметричным лемехам не найдены, а их очень относительное сходство, отмечаемое В. И. Довженком[24], едва ли можно объяснить генетической связью. Предлагаемые реконструкции соответствующих орудий заставляют предполагать у них различное строение основных частей орудия (грядиля и рабочей части) и другие конструктивные различия, которые свидетельствуют о различных культурно-исторических традициях.

На севере в рассматриваемый период преобладают сошники, немногочисленные наральники можно отнести отчасти за счет пережитков более древней традиции, отчасти за счет проникновения южной агротехники. Домонгольские сошники выделяются из массы других наконечников без плечиков большей длиной, округлостью, сечения втулки, некоторой выгнутостью лопасти вперед и тем, что эта лопасть (в отличие от лопастей наральников) никогда не заострена в плане[25]. Последние три признака отражают работу этого типа наконечников под большим углом к почве. Часть сошников имеет асимметрию, которая в данном случае свидетельствует о двузубости соответствующих орудий. Домонгольские сошники могут быть разделены на две группы (выделенные еще В. П. Левашовой[26]). Для первой характерны: меньшие размеры (не слишком отличные от размеров наральников); меньшая выгнутость лопасти вперед; относительно большая длина втулки; узость рабочей части, которая по ширине значительно уступает втулке. Заметим при этом, что количество зубьев орудия (2—3) не определялось размерами сошников. Особенности первой группы определяются, во-первых, близким типологическим родством с наральниками, во-вторых — очень тяжелыми условиями работы на почти неосвоенных лесных участках. С этими условиями связаны узость рабочей части, ее слабая выгнутость, мощность втулки. Особенности формы первой группы сошников говорят, таким образом, о тех же самых условиях начального этапа широкого освоения леса под пашню, которые породили основные конструктивные особенности сохи (высокое расположение центра тяжести, большой угол резания,

---

[20] А. В. Арциховский. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий. Тр. РАНИОН, 1, М., 1927; Д. В. Найдич-Москаленко. Ук. соч., стр. 45; Д. В. Найдич. Пахотные и разрыхляющие орудия. В кн. «Русские». Историко-этнографический атлас. М., 1967, стр. 54; P. Leser. Entstehung und Verbreitung des Pfluges. Münster, 1931, стр. 289, рис. 134; стр. 290, рис. 135.

[21] T. Zawadzki. Plug kolesny w rolnictwie antycznym. Kwartalnik historii kultury materialnej. Warszawa, 1954, 4, стр. 624, рис. 2.

[22] Verg. Georg., 1, 169.

[23] В. И. Довженок. Землеробство..., стр. 254, № 71; стр. 256, № 90, стр. 258, № 114, 124.

[24] В. И. Довженок. Землеробство..., стр. 75.

[25] А. В. Кирьянов. История..., стр. 319, 320.

[26] В. П. Левашова. Сельское хозяйство. В кн. «Очерки по истории русской деревни». Тр. ГИМ, 32, М., 1956, стр. 28.

двузубость) [27]. Это заставляет предположить, что процесс формирования конструкции сохи во время бытования этого типа наконечников завершается, а другие, более развитые формы сошников соответствовали уже сложившейся конструкции, оказавшейся пригодной без существенных изменений и для новых почвенных условий. Второй тип сошников (известен с XII в.) следует связывать уже с преимущественной обработкой старопахотных почв. По-видимому, следует принять точку зрения А. В. Кирьянова, считавшего, что эти разновидности сошников бытовали в хронологической последовательности, что убедительно прослеживается пока только на новгородском материале [28]. Во всяком случае различие этих подтипов наконечников пахотных орудий обусловлено не географией: первый тип известен от Прибалтики до Владимирщины и от Новгорода до Вщижа; второй — связанный с дальнейшей эволюцией сошников, в домонгольское время распространен на более ограниченной территории. При этом отдельные находки XIV в., а также находки с сомнительной датировкой позволяют расширить этот ареал и говорить о его совпадении с ареалом сошников первого типа.

Домонгольские сошники, как правило, симметричны. Они вполне могли принадлежать однозубым орудиям. Однако вышеизложенные соображения, относящие генезис сохи ко времени бытования первого типа сошников, а также находка двузубой рассохи X в. и нескольких асимметричных сошников IX в. [29] заставляют отнести их все или почти все к двузубым орудиям. Симметрия этому не противоречит — асимметрия характерна и необходима только для тех поздних сошников, у которых положение пера близко к горизонтальному и одна его сторона является режущей, а другая, обращенная ко второму сошнику, нет. Представление о широком распространении в древней Руси трехзубых и многозубых сох не находит подтверждения в типологии сошников. Гипотеза о происхождении двузубой сохи от многозубой бороны-суковатки недостаточно обоснована функционально и не может быть подтверждена типологическим рядом. Гораздо убедительнее и логичнее выглядит старая гипотеза о происхождении сохи от рала, большая древность которого в лесной зоне подтверждается археологией. Переход от наральников к сошникам был прослежен А. В. Кирьяновым; связь наральников и сошников подчеркивают и особенности формы сошников первого типа, гораздо более близкого к наральникам, чем его «потомки».

Памятники XIV—XVI вв. редко раскапываются археологами, поэтому находки наконечников пахотных орудий, относящихся к этому времени, как правило, случайны и неточно датированы. Тем не менее они настоятельно требуют изучения, так как в этот период происходят важные сдвиги в агротехнике и появляются те формы наконечников пахотных орудий, которые уже можно связывать или хотя бы сравнивать с наконечниками орудий, известными по данным этнографии.

Важнейший сдвиг, происшедший в это время,— появление асимметричного плужного лемеха. Формирование асимметричного лемеха четко прослеживается по данным исследованного Г. Д. Смирновым клада XIV в. из Ст. Орхея (Молдавия) [30]. Асимметричные лемехи, чрезвычайно близкие

---

[27] Дм. Зеленин. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907, стр. 121—123; Ю. Ф. Новиков. О некоторых закономерностях развития техники обработки почвы в России. Сб. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», V, М., 1962, стр. 464, 465.

[28] А. В. Кирьянов. История..., стр. 345, 347, 316, рис. 2, *8*, *9*.

[29] С. Н. Орлов. Остатки сельскохозяйственного инвентаря..., стр. 349, рис. 5.

[30] Г. Д. Смирнов. К вопросу о пашенном земледелии в Молдавии в связи с находкой клада сельскохозяйственных орудий XIV в. Тезисы докладов и сообщений 7-й (Кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1964.

этим, известны в Семоницах (Чехия) и так же датируются[31]. Сходные лемехи известны и к Востоку от Молдавии. Лемех из Комаровки (под Киевом, раскопки А. И. Кубышева) датируется XIV в.[32]. Три лемеха из старых раскопок Вышгородского городища (Рязанская область) обычно датируют домонгольским временем[33]. Однако их размеры и явная асимметрия резко отличают их от всех известных домонгольских. Крупные лемехи из Восточной Болгарии, среди которых есть асимметричные, по-видимому, не древнее XIV в. Подобные лемехи происходят и из киржемановского клада (Мордовия)[34]. Асимметричные лемехи XIV—XVI вв. не могут быть непосредственно отождествлены с асимметричными лемехами XVIII—XIX вв., так как у последних асимметрия выражена сильнее и левая сторона лопасти параллельна оси втулки; кроме того, поздние лемехи крупнее. Асимметричные лемехи XIV—XVI вв. типологически связаны с домонгольскими, симметричными. В старом Орхее и в Волжской Болгарии асимметричные лемехи встречены вместе с симметричными, превышающими по размерам домонгольские. Есть также несколько лемехов, близких по размерам домонгольским, но имеющих тенденцию к асимметрии. Среди бесспорно домонгольских такие лемехи единичны (в Райках и Изяславле — раскопки М. К. Каргера) и относятся к самому кануну монгольского нашествия[35]. Можно думать, что первые, единичные плуги появились на Руси еще в домонгольское время, но переход к плугам в степи и лесостепи Восточной Европы происходил в XIV в. Интересно, что к тому же XIV в. относит появление утяжеленной двухрукояточной модификации колесного плуга, исходя из иконографического материала, польская исследовательница З. Подвиньска[36]. Двухрукояточность же, по мнению югославского этнографа Бр. Братанича,— особенность «славянского» плуга, распространенного преимущественно на юго-востоке и востоке ареала колесного плуга[37]. Наличие двух рукояток подразумевает широкую подошву тяжелого плуга и дает прочную опору отвальной доске. Можно думать, что лишь в XIV в. произошло соединение принципа одностороннего отвала (известного на Западе с X—XI вв.) [38] с двухрукояточной конструкцией, давшее возможность перейти к широкому наступлению на степную целину.

Одновременно значительные изменения в агротехнике происходили на севере, в лесной зоне. В XIV—XVI вв. продолжается бытование сошников

---

[31] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 313, рис. 69; Fr. Šach. Ук. соч., стр. 88—93; стр. 89, рис. 68; стр. 90, рис. 69.

[32] Пользуюсь случаем выразить благодарность А. И. Кубышеву, предоставившему автору возможность воспользоваться его материалом и сообщившему свою датировку находки.

[33] Н. П. Милонов. К изучению археологических памятников и истории сел и городов Рязанской области. Рязань, 1949, стр. 32; В. П. Левашова. Ук. соч., стр. 30, рис. 6, *2*; стр. 32, 38; А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 259, рис. 108; стр. 260, рис. 109.

[34] Ш. Ф. Мухамедьяров. К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV—XVI вв. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. III, М., 1959, стр. 95; А. В. Циркин. Киржемановский клад. СА, 1969, стр. 238, 239, рис. 1.

[35] В. И. Довженок. Землеробство..., стр. 43, рис. 16, *6*; В. І. Маслов. Рільницьке знаряддя і техніка за пам'ятками Райковецького городища феодальної доби. «Наукові записки ІІМК АН УРСР», 4, 1937, стр. 55, 81, табл. IV, рис. 13—14; В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 63, табл. IV, *2*; пользуюсь случаем выразить благодарность М. К. Каргеру за предоставленную возможность ознакомиться с материалами из раскопок Изяславля.

[36] Z. Podwinska. Ук. соч., стр. 227, 367.

[37] Br. Bratanic. Nekoliko napomena o technickoj konstrukcji starog slovenskog ploga. «Etnografia Polska», III Wroclaw, 1960, стр. 95—99, 96—97, карта (рис. 1).

[38] Большое число миниатюр с изображением средневековых плугов собрано в работе: Подвиньской (Z. Podwinska. Ук. соч., стр. 206, рис. 106, 107; стр. 207, рис. 108; стр. 208, рис. 109; стр. 209, рис. 110, 111 сл.). Некоторые ученые в большинстве этих изображений видят не плуг, а рало (A. Steensberg. North-West European Plough-Types of Prehistoric Times and the Middle Ages. AAKbh., 7, 1—3, 1936).

второго типа[39]. Одновременно появляется тип, который можно назвать третьим. Для сошников этого типа характерна еще большая длина; их форма заставляет предположить для этих сошников рабочее положение, близкое к горизонтальному. У них появляется заостренная лопасть. Одна сторона лопасти становится режущей, в связи с чем сошники приобретают асимметрию. Сохи, снабженные такими сошниками, хорошо приспособлены для старопахотных почв; близкая к горизонтальной установка сошников дала возможность этому орудию распространиться на юг в лесостепную зону. Развитие режущей стороны таких сошников привело к формированию перовых сошников, позднее преобладавших у сох как в лесостепи, так и в центральной России. Древнейший перовой сошник найден в слоях XVI в. в Белгороде Курском[40]. В XIV в. начинает применяться и важнейшее усовершенствование сохи — полица[41] — особая железная лопаточка, приближающая сошную пахоту к плужной и способствующая запахиванию удобрений, что важно при трехполке. Характерно одновременное появление на Руси конструктивно отличных, но функционально близких плужного отвала и сошной полицы (имеющих к тому же одинаковое народное название: отвал по-украински — «полиця»).

Средневековая история восточнославянских пахотных орудий близко подводит нас к формированию картины, известной по данным этнографии. На юге, в степи и лесостепи, мы уже застаем с XIV в. плуг, приобретающий (судя по материалам из Румынии и Молдавии) около XVI—XVII вв. законченную форму асимметричного лемеха[42]. Впрочем, лемехи с неразвитой асимметрией встречались в Восточной Европе изредка даже в XIX в. Кроме общей формы, поздние плужные лемехи отличаются также несколько большими размерами, чем древнерусские, а также нередко встречающимися на удлинившейся втулке вырезом для стойки, а на лопасти — отверстием для болта, усиливающего скрепление лемеха с полозом. Происхождение наиболее характерной для Украины формы рала с полозом можно возводить к VII—X вв. Другая типично украинская форма однорукояточного рала без полоза, у которого рабочая часть вставляется в грядиль (в отличие от всех древнейших рал без полоза и почти всех позднейших прямогрядильных рал Европы, у которых, наоборот, грядиль вставляется в составляющий одно целое «рукоять — ральник») могла соответствовать всем наральникам без плечиков или их части. В пользу того, что рала такого типа были издавна известны на Руси, говорит типология сохи, восходящей, по-видимому, к ралам с подобным соединением рабочей части с грядилем[43]. Возможно, некоторые наконечники без плечиков относились к редкому типу двухрукояточных рал, древность которого у славян засвидетельствована в росписях Зноемской часовни св. Екатерины (Чехия 1134 г.)[44]. Этот тип, по данным этнографии, изредка сопутствует другим в Польше и Белоруссии[45], но в эпоху средних

[39] В. П. Левашова. Ук. соч., стр. 31, 32; А. В. Кирьянов. История..., стр. 316, рис. 2, *10*; стр. 351.

[40] Сб. «Возникновение и развитие земледелия». М., 1967, стр. 222, 223, рис. 69.

[41] В. П. Левашова. Ук. соч., стр. 32, 33, 35, 37; Э. Д. Шноре. Асотское городище. МИА, ЛатвССР, Рига, 1961, стр. 91.

[42] П. П. Бырня, Г. Ф. Чеботаренко. Из исследований Поянского селища. Изв. Молд. ФАН СССР, 4 (70), Кишинев, 1960, стр. 72; V. Neamtu. Contributii la problema uneltelor de arat în perioada feudala. «Arheologia Moldovei», IV, Bucuresti, 1966, стр. 308, 309, рис. 11—14; П. П. Бырня. Сельские поселения Молдавии XV—XVI вв. Кишинев, 1969, стр. 150—152, рис. 29, *б*.

[43] В. С. Мамонов. Ук. соч., стр. 88.

[44] J. Mašin. Romanska nastenna malba v Čechach a na Morave. Praha, 1954, табл. 1, 6, 11, 12, 14.

[45] K. Moszynski. Ук. соч., стр. 152, рис. 127; М. П. Ковальский. Поширення тяглових знарядь обробітку грунту в селянських господарствах Волині на початку XIX ст. «Матеріали з етнографії та мистецтвознавства», Київ, 1963, VII—VIII, стр. 180, 181.

веков он мог быть более распространен. Его близким типологическим родственником является «гибридная» полесская соха, основа конструкции которой не имеет ничего общего с русской сохой. Полесская соха, появившись, вероятно, не ранее XVII в.[46], стала вскоре ведущим пахотным орудием на весьма значительной территории.

Среди древнерусских материалов можно с уверенностью указать только два наконечника таких пахотных орудий, которые не имеют аналогий или близких типологических родственников в восточно-европейском этнографическом материале,— это лопаткообразные наральники из Райков[47]. Они имеют аналогии в античных памятниках Причерноморья, в балканских и западных материалах[48]. Однако очень вероятно, что среди орудий, к которым относились некоторые древнерусские наральники с нестандартной или аморфной формой, были и не связанные с позднейшей традицией. Не дали своих прямых потомков рала с полозом и череслом, бывшие, по-видимому, не «предками», а только предшественниками украинского плуга.

Историю сохи мы довели до формирования сохи с полицей и перовыми сошниками, т. е. наиболее распространенного орудия русских крестьян, по данным этнографии. Однако было бы неправильно считать XVI—XVII вв. плавным переходом от картины, характерной для XIV — XVI вв., к материалам XVIII—XIX вв. Письменные источники XVI—XVII вв. показывают наличие в это время значительного разнообразия пахотных орудий. В то же время, судя по иконографическим данным, тогда даже в центральной России преобладали архаичные бесполичные сохи[49]. Все эти особенности агротехники XVI—XVII вв., имеющие, по-видимому, социальную основу, позволяют говорить еще об одном этапе истории пахотных орудий лесной зоны. Ясно прослеживающееся по источникам различие агротехники XVI—XVII вв. и XVIII—XIX вв. подтверждает выведенный на основе изучения археологических материалов тезис об изменчивости крестьянской агротехники у восточных славян.

В XVIII в., а возможно еще и в XVII в., на базе перовых сох появляются сохи-односторонки, с неподвижной полицей, от которых в свою очередь произошли специфичные сохи с брылой, а также косули[50] — орудия, сочетающие легкость и маневренность сохи со всеми достоинствами плужной пахоты. К тем же сохам-односторонкам, надо думать, восходят важнейшие (в функциональном отношении) элементы конструкции полесской сохи, сформировавшейся и начавшей распространяться в это же время.

В XIX в. все еще местами продолжают бытовать весьма архаичные сохи, в том числе коловые, бесполичные, с «шилообразными» сошниками[51], сохраняются однозубые разновидности, формы с грядилем вместо оглобель[52].

---

[46] Z. Podwinska. Ук. соч., 279—281.

[47] В. К. Гончаров. Ук. соч., стр. 148, табл. V, *6*, *7*; В. И. Довженок. Землеробство..., стр. 67.

[48] Z. Podwinska. Ук. соч., стр. 261, рис. 146, 147; стр. 262, рис. 148, 149; Ж. Выжарова. Ук. соч., стр. 12, рис. 6; Сб. «Возникновение и развитие земледелия», стр. 131, 132, рис. 38, *5*.

[49] Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899, стр. 123—127; Н. А. Горская. Земледельческие орудия в центральной части русского государства второй половины XVI — начала XVII в. Сб. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». III, М., 1959, стр. 144; Сб. «Возрожденные шедевры». М., 1963, рис. 41; А. Д. Горский. Древнерусская соха по миниатюрам Лицевого Летописного свода. XVI в. Историко-археологический сборник, посвященный А. В. Арциховскому. М., 1962, стр. 349, 350.

[50] Дм. Зеленин. Ук. соч., стр. 76, 77.

[51] Д. В. Найдич. Пахотные и разрыхляющие орудия, стр. 37, стр. 275, табл. VI. *6*.

[52] Там же, стр. 34, 39, карта атласа № 4; В. С. Мамонов. Ук. соч., стр. 89 рис. 29; K. Moszynski. Ук. соч., стр. 163, рис. 141; I. A. Güldenstädt. Reisen durch Russland und in Caukasischen Gebürge. II, СПб., 1791, стр. 490, рис. 47.

Прослеживаемая по металлическим наконечникам изменчивость пахотных орудий Восточной Европы подтверждается и другими немногочисленными источниками. Не только изображения эпохи бронзы и находки, относящиеся к скифскому времени, но и изображения пахотных орудий из Радзивилловской летописи и жития Сергия Радонежского не имеют близких аналогий в восточноевропейском этнографическом материале. Заметны расхождения и между письменными данными XVI—XVII вв. и описаниями орудий XVIII—XIX вв. Летописные данные говорят о пахоте «ралом» и «плугом» в IX в. в земле вятичей, где позднее знали только соху, а также о пахоте на конях в Переяславском княжестве [53], там позднее использовались только волы.

Между прослеживающимися по археологическим данным ареалами пахотных орудий и ареалами археологических культур нет прямого соответствия. И узколопастные и широколопастные наральники имеют многочисленные аналогии за пределами древнерусской территории. Сошники уже в домонгольское время известны в Поволжье и Прибалтике; симметричные лемехи встречаются на Балканах и в Румынии [54], лемехи, близкие староорхеевским и им подобным, известны в Чехии. В то же время территория древней Руси ясно разделяется на зоны южной и северной агротехники. Эти ареалы не следует слишком прямолинейно связывать с почвенными или ландшафтными зонами: «южные» орудия довольно значительно углубляются в лесную зону в домонгольское время, позднее отступают, частично уступая лесостепь и даже степь северной сохе; западная граница ареала последней также не имеет связи с границами природных зон. Граница северного и южного ареалов в домонгольское время сильно отличается от хорошо прослеженной этнографами позднейшей границы плуга и сохи. Типы пахотных орудий и их ареалы складывались исторически постепенно под влиянием различных факторов.

Все сказанное показывает: древнерусская агротехника с VIII по XVI в. претерпела существенные изменения; в обычные представления о застойном характере средневековой агротехники следует внести значительные изменения. В истории пахотных орудий Восточной Европы намечаются следующие периоды. Первый — черняховское время. Малочисленность наконечников пахотных орудий и отсутствие устойчивой традиции их изготовления не позволяют конкретно охарактеризовать этот период. Следует отметить полное отсутствие аналогий наиболее распространенному типу роменско-боршевских наральников. Второй — VII—X в.— выделение двух зон с различными традициями изготовления пахотных орудий (северная, связанная с лесной зоной, и южная — преимущественно с лесостепной). На юге характерно преобладание единообразных широколопастных наральников, впоследствии имеющих значительно меньшее распространение. Их можно предположительно связывать с одним общеславянским типом рала с полозом. На севере в то же время бытуют разнородные наральники более примитивных форм. Третий — X—XIII вв. На юге появление усовершенствованного тяжелого рала, вероятного «предка» восточноевропейского плуга, наряду с которым сохраняются более примитивные орудия, среди которых есть близкие орудиям VII—X вв., а также, возможно, и более ранним. На севере распространена соха, наконечники которой находятся в типологическом родстве с более ранними наральниками. Возникнув в условиях начального этапа освоения леса под пашню, соха не позднее XII в. начинает приспосабливаться к старопахотным почвам. Четвертый — XIV—XVI вв. на юге распрост-

---

[53] ПСРЛ, I, СПб., 1846, стр. 27 (964 г.), 35 (981 г.), 118, (1103 г.) ПСРЛ, II, 1, Пг., 1923, стр. 54 (964 г.), 70 (981 г.), 250 (1103 г.), 262 (1111 г.).

[54] Й. Чангова. Средневековни оръдия на труда в България. ИАИ, София, 1962, стр. 22—23; V. Neamtu. Ук. соч., стр. 301, рис. 6.

ранен плуг, возникший на основе тяжелого орудия предшествующего периода, с односторонним отвалом, пригодный для освоения степной целины. На севере наблюдается дальнейшее усовершенствование сохи. Появление у нее отвального приспособления — полицы связано с особенностями трехполья. Отмечается распространение сохи за пределы первоначального ареала.

В продолжение всех рассмотренных периодов следует отметить неуклонную тенденцию к увеличению размеров у всех основных групп наконечников пахотных орудий. Основные этапы развития восточнославянской агротехники, насколько можно судить по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, в целом совпадает с археологической и исторической периодизацией.

A. V. Tchernetsov

A PROPOS DE LA RÉPARTITION PAR PÉRIODES DES INSTRUMENTS DE LABOUR UTILISÉS PAR DES SLAVES ORIENTAUX

Résumé

La présence d'un grand nombre des socs des instruments aratoire d'Europe Oriental permet d'étudier leur évolution. Leurs dimensions et proportions donnent lieu à les diviser en quelques groupes comformément aux outils de différents types. Ce sont les araires de types divers qui servent d'outils de labourage les plus anciens aux Slaves orientaux. Les araires des Slaves orientaux connus d'après des données éthnographiques se distinguent des araires slaves les plus anciennes et de ceux les plus anciens employées en Europe Orientale. Les changements des formes prédominantes de leur socs, la disparition de certains d'eux témoignent des modifications de la technique culturale. Aux araires sont liées génétiquement les charrues et les araires russes («sokha»). On peut suivre très bien l'évolution de la sokha qui est connue depuis le IXe siècle par les changements de la forme du soc. Cette évolution est étroitement liée au progrés général de l'agriculture au nord de la Russie. L'apparition des premières charrues à socs asymétriques n'est pas postérieure au milieu du XIIIe siècle. Mais c'est le XIVe siècle qui doit être considéré comme la période quand la charrue devient fréquente dans les steppes et steppes boisées de l'Europe Orientale. Les sources archéologiques témoignents des modification sensibles de la technique de labourage des Slaves orientaux à partir de l'époque tchernakhovienne jusqu'aux XIV—XVIes siècles. La division en périodes de l'évolution des instruments aratoires des Slaves Orientaux coincident, en traits généraux, avec le développement historique et à celui archéologique. Ce ne sont pas seulement les matériaux mentionnés mais aussi les données des sources écrites et celles de l'icônographie qui montrent que les opinions traditionnelles sur le caractère de stagnation de la technique culturale au Moyen âge doivent être reviser.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

К ИСТОРИИ ГОРОДА МАДЖАР

В пору вхождения Северного Кавказа в состав Золотой Орды крупнейшим административным и торгово-ремесленным центром его являлся город Маджар, остатки которого располагаются доныне у г. Прикумска в Ставропольском крае.

История изучения Маджар подробно разработана А. Архиповым [1], Г. Н. Прозрителевым [2], В. А. Городцовым [3], Т. М. Минаевой [4].

В этой статье на основании всей суммы доступных нам вещественных и письменных источников мы попытаемся наметить более или менее полно основные вехи исторического развития Маджар в хронологическом порядке.

Одним из наименее ясных остается до сих пор вопрос о времени его возникновения. По этому поводу имеются существенные разногласия среди историков, одни из которых (В. А. Городцов, Т. М. Минаева) относили Маджар к золотоордынскому времени, другие допускали возможность существования его в хазарский период. Основными сторонниками хазарской теории были Г. Н. Прозрителев и Н. Я. Караулов. Рассмотрим, на чем же, собственно, базируются мнения исследователей о наличии на месте Маджар хазарского города. Для Г. Н. Прозрителева главными аргументами являлись сведения, почерпнутые из Дербент-наме [5]. Действительно, в этом источнике в двух местах упоминаются одноименные с городом Маджар крепости Кулу и Кичи-Маджар (т. е. Большой и Малый Маджар.— *Э. Р.*) В первый раз речь идет о строительной деятельности сасанидского царя Хозроя Ануширвана (531—579), который по соседству с Дербентом построил ряд городов и значительных крепостей, среди них Кичи-Маджар и Кулу-Маджар [6]. В другом месте эти крепости упоминаются в связи с событиями 721—722 гг., когда разбитый арабами хазарский царевич Пашенг бежал в крепость Балх и отдал оттуда строгий приказ правителям Балха, Сурхаба, Кичи-Маджара и Кулу-Маджара подчиниться правителю Ирана и всеми силами оказать сопротивление мусульманскому войску [7].

Таким образом, если идти вслед за Г. Н. Прозрителевым и верить сведениям из Дербент-наме, то возникновение Маджар следует отнести к VI в. Однако вряд ли есть основание полагаться на них, во-первых, по-

[1] А. Архипов. Очерки исследования древнего г. Маджар. «Ставропольские губернские ведомости», № 12—20, 1856.

[2] Г. Н. Прозрителев. Развалины древнего хазарского города Маджары близ с. Прасковея, Ставропольской губернии, на р. Куме. Тр. СУАК, II. Ставрополь, 1910.

[3] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. Тр. XIV АС, XIV, М., 1911, стр. 165—170.

[4] Т. М. Минаева. Золотоордынский город Маджар. «Материалы по изучению Ставропольского края», 5, 1953, стр. 147—157.

[5] Г. Н. Прозрителев, Мажары — один из древнейших городов Сев. Кавказа. Ставрополь, 1906, стр. 15, 16.

[6] Derbend-name. Translated by Mirsa Karem-Beg. S Pb., 1851, стр. 6.

[7] Там же, стр. 64.

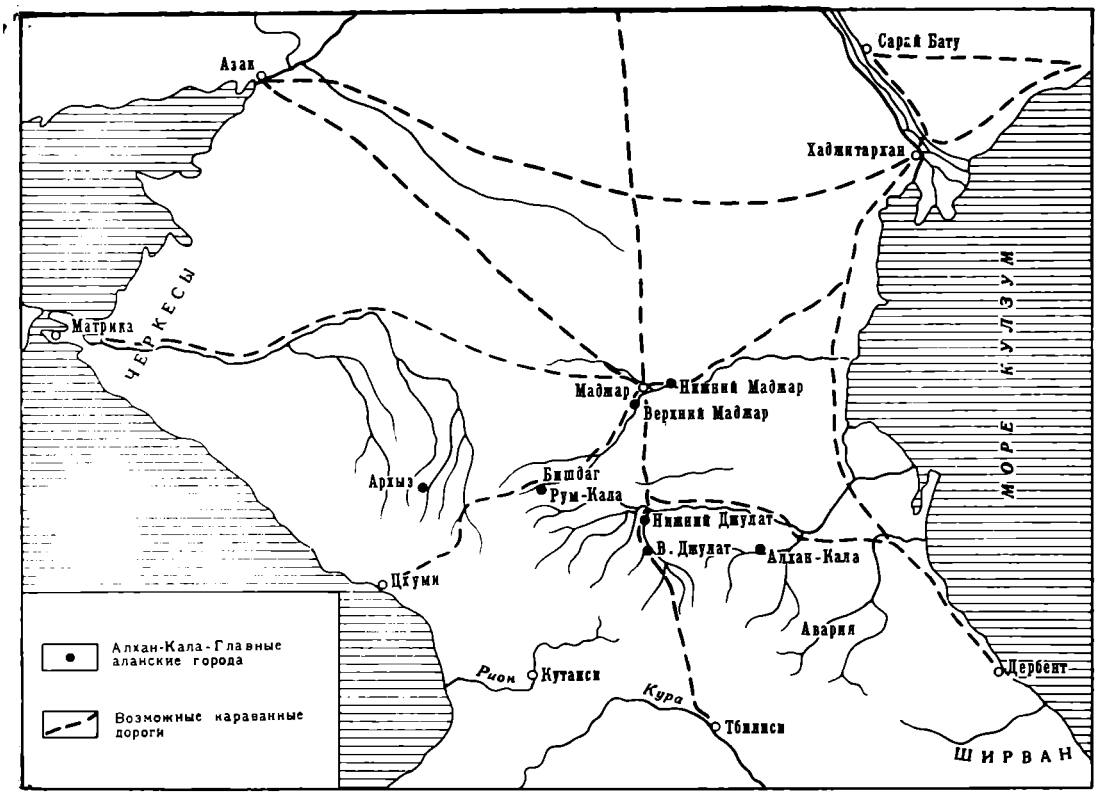


Рис. 1. Схематическая карта Кавказа с обозначением главных караванных дорог и городов

тому, что идентичность названий не есть еще доказательство того, что одна из этих крепостей и есть Маджар, тем более что по источнику они были построены по соседству с Дербентом, в то время как городище Маджар находится на довольно значительном расстоянии от него. Во-вторых, вызывает большие сомнения, что районы, расположенные в глубине степной части Северного Кавказа, входили в состав Сасанидского Ирана, чьи владения, по достоверным источникам, не заходили за Дербент и Кавказский хребет[8]. В-третьих, эти крепости упоминаются на протяжении VI—VIII вв. Следовательно, за этот срок (около двухсот лет) на городище Маджар должен был бы накопиться значительный и хорошо выраженный культурный слой этого времени, а его, как мы увидим ниже, здесь нет. К тому же еще В. В. Бартольд, крупнейший знаток восточных рукописей, выражал большие сомнения в достоверности ряда сведений этого источника, по его словам, похожего на басню[9]. Считая Маджар хазарским городом, Г. Н. Прозрителев относил и найденные здесь предметы к хазарскому времени, хотя они датируются XIII—XIV в.[10]. Например, он упоминает об изразцах с глазурью синего, зеленого и других цветов или о жженых кирпичах $24 \times 24 \times 5$ *см*, характерных для золотоордынского времени. Приводимые же им монеты, на одной из которых мулла Нуцалов читал слово «Атель», в чем Г. Н. Прозрителев хотел видеть название хазарской столицы Итиль, на самом деле золотоордынские и чеканены в пределах XIV в. в городах Сарае, Сарае ал. Джедид и Гюлистане. Две другие монеты, по определению Е. А. Пахомова,— чекана боспорского царя Котиса II (420—428)[11]. Опубликованный же в его статье намогиль-

[8] Политическая обстановка на Северо-Восточном Кавказе в то время подробно разобрана в работе: М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1961.

[9] В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч., II, 1, М., 1963, стр. 675.

[10] Г. Н. Прозрителев. Мажары..., стр. 7—16.

[11] Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, 9. Баку, 1966, стр. 23.

ный камень имеет дату 747 г. х. (1346/47), т. е. тоже относится к XIV в. [12]. Другой сторонник хазарской теории Н. Я. Караулов полагал, что на месте Маджар находился известный по восточным источникам хазарский город Баланджар.

В качестве доказательства своего вывода он приводил следующие соображения: «Основываясь на том, что в IX—X вв. по Р. Х. на Северном Кавказе существовал хазарский город Маджар на р. Удон (древнее название р. Кумы,— *Э. Р.*) и такой большой город арабские географы не могли обойти молчанием, между тем как ни у одного из них не упоминается наименование Маджары, а Баланджар упоминают почти все, мы считаем, что Маджары и есть упоминаемый у арабских географов Баланджар» [13]. Как мы видим, главный аргумент Н. Я. Караулова основан на якобы существовавшем уже в IX—X вв. на Северном Кавказе г. Маджаре, хотя остается совершенно неясным, откуда он взял эти сведения, так как строкой ниже он же пишет о том, что ни один арабский географ не упоминает названия Маджар. Кстати сказать, сведения о реальном существовании Баланджара в сочинениях арабских географов относятся к середине VII — первой половине VIII в., может быть, IX в., а затем следуют простые повторения ранних известий. Так что говорить даже о существовании Баланджара в X в., не говоря уже о Маджаре, по-видимому, не приходится [14]. Не убедительно, на наш взгляд, и этимологическое построение Н. Я. Караулова, по которому выходит, будто бы слово «Баланджар» составлено из «Баланд» и «Маджар», означавшего, по его мнению, в переводе с персидского «великие» или «большие Маджары» [15], хотя слово «боланд» — بلند на русский язык переводится как высокий, длинный, а великий, большой соответствует персидскому «бозорг» — بزرگ. К тому же еще А. Казем-Бек сомневался в точности подлинного написания слова Баланджар, более правильное наименование которого, по его мнению, Булхар [16].

Мнение о положении Баланджар на месте Маджар высказал и Б. А. Рыбаков, основываясь на анализе части карты Идриси 1154 г., относящейся к Северо-Восточному Кавказу [17]. Не имея возможности останавливаться на разборе сведений арабских и персидских географов о местоположении Баланджара, отметим только, что эта тема достаточно подробно освещена в хазароведческой литературе, причем большинство исследователей (Б. А. Дорн, А. Казем-Бек, М. Маркварт, Ф. Вестберг, В. Ф. Минорский, М. И. Артамонов, У. Данлоп и др.) помещают Баланджар в Дагестане.

Трудно согласиться и с Л. И. Лавровым, который на основании датированного им XI—XII вв. фрагменты с куфической надписью, найденного П. С. Палласом в мавзолее у Маслова Кута и виденного Я. И. Шмидтом в с. Федоровка корытообразного камня с арабской надписью, сомневается

---

[12] Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Сев. Кавказа X—XVII вв., I, М., 1966, стр. 117.

[13] Н. Я. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, XXXVIII, 1908, стр. 20, прим. 6.

[14] Б. А. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, I. М., 1962, стр. 176—178.

[15] Н. Я. Караулов. Ук. соч., стр. 20, прим. 6.

[16] Derbend-name, стр. 27.

[17] Б. А. Рыбаков. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. СА, XVIII, 1953, стр. 144.

В работах Н. Я. Караулова и Б. А. Рыбакова несколько неправильно указано, что городище Маджар находится у с. Бургон-Маджары. На самом деле основное городище Маджар (г. Маджар) находится у г. Прикумска, а у с. Бургон-Маджары, находящегося в 30 *км* к востоку от городища Маджар, по данным С. Гмелина, располагались развалины лишь трех зданий, в настоящее время эти развалины имеют вид сильно оплывших холмов, на поверхности которых встречается золотоордынская керамика и глазурованные кирпичи того же времени.

в существовании Маджар только при монголах [18]. Следует, однако, заметить, что как рисунок самой надписи, больше похожей на имитацию или орнамент, так и сведения Я. И. Шмидта весьма неопределенны, да и оба этих пункта находятся на расстоянии более 30 *км* от городища Маджар.

Итак, рассмотренная выше аргументация сторонников домонгольского существования Маджар показывает, что в основном она базируется на данных письменных источников, сведения которых далеко не точны. Поэтому при решении вопроса о древности Маджар решающее слово должно принадлежать археологии.

Еще В. А. Городцов, проводивший в 1907 г. большие исследования на городище, выделил здесь два культурных наслоения, не связанные друг с другом. Из них древнейшее он отнес к II—III в. н. э. (сарматский могильник и небольшое поселение.— *Э. Р.*), а более позднее — к XIV в. [19]. В другом месте он также замечает, «...что можно говорить о существовании Маджар только в XIII, XIV, XV и XVI вв.». Вывод В. А. Городцова представляется весьма верным, только начало бытования сарматского могильника следует, на наш взгляд, отнести к первым векам до нашей эры. На это указывают найденные в погребениях железные втульчатые наконечники стрел, характерные для памятников Нижнего Поволжья и Северного Кавказа VI—I вв. до н. э. [20]. Это подтверждается и найденной нами в районе могильника сероглиняной миской с отогнутым наружу плоским венчиком, по поверхности которого нанесены поперечные линии. Такие миски, по данным В. Б. Виноградова, обычны для конца IV — рубежа II—I вв. до н. э. [21]. Эти древнейшие слои находятся в самой крайней юго-западной части Маджар, в других же местах слоев дозолотоордынского времени не обнаружено.

Наглядную картину этому дают проводимые нами с 1961 г. стратиграфические наблюдения на стенках многочисленных каналов и коллекторах, прорезавших из конца в конец всю восточную и северо-восточную часть города, а также на обрывах р. Кумы, пересекающей его с юга на север (рис. 2).

В целях экономии места мы не даем характеристику найденной здесь керамики, а остановимся лишь на кратком описании слоя, тем более что в большинстве мест он хорошо датирован золотоордынскими монетами. Следует также заметить, что на большей части городища культурный слой, особенно его верхняя часть, почти полностью уничтожен. Наибольшей мощностью отличается культурный слой в торгово-ремесленном районе, достигающий 2—2,5 *м*. Зачистка осуществлена в стенке коллектора в 300 *м* к востоку от артезианского колодца. Самый нижний слой представляет собой лёссовидный суглинок без каких-либо культурных остатков. Над ним залегает темноватый слой комковатой земли мощностью 60 *см*, насыщенный костями животных, керамикой, золой и угольками. В середине слоя найдена медная монета Сарая 731 г. х. (1330/31). Выше прослежен слой мощностью 15 *см*, состоящий исключительно из позвонков и костей рыб, в котором обнаружена медная монета Сарая ал Джедид 752 г. х. (1351/52). Его сменяет слой из обломков жженого кирпича и фрагментов плит из ракушечника мощностью 54 *см*. В самом конце этого слоя отмечена регулярная кладка в два ряда из жженого кирпича 23,5 × 23,5 × 5 *см*, над которой залегает слой обожженной земли мощностью 44 *см* с угольками и керамикой, в том числе и фрагментами с бирю-

---

[18] Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники, стр. 182, прим. 66; стр. 195, прим. 275.

[19] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 165.

[20] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Тр. ЧИНИИ, VI, Грозный, 1963, стр. 14.

[21] Там же, стр. 43. Миска хранится в Кисловодском народном краеведческом музее.

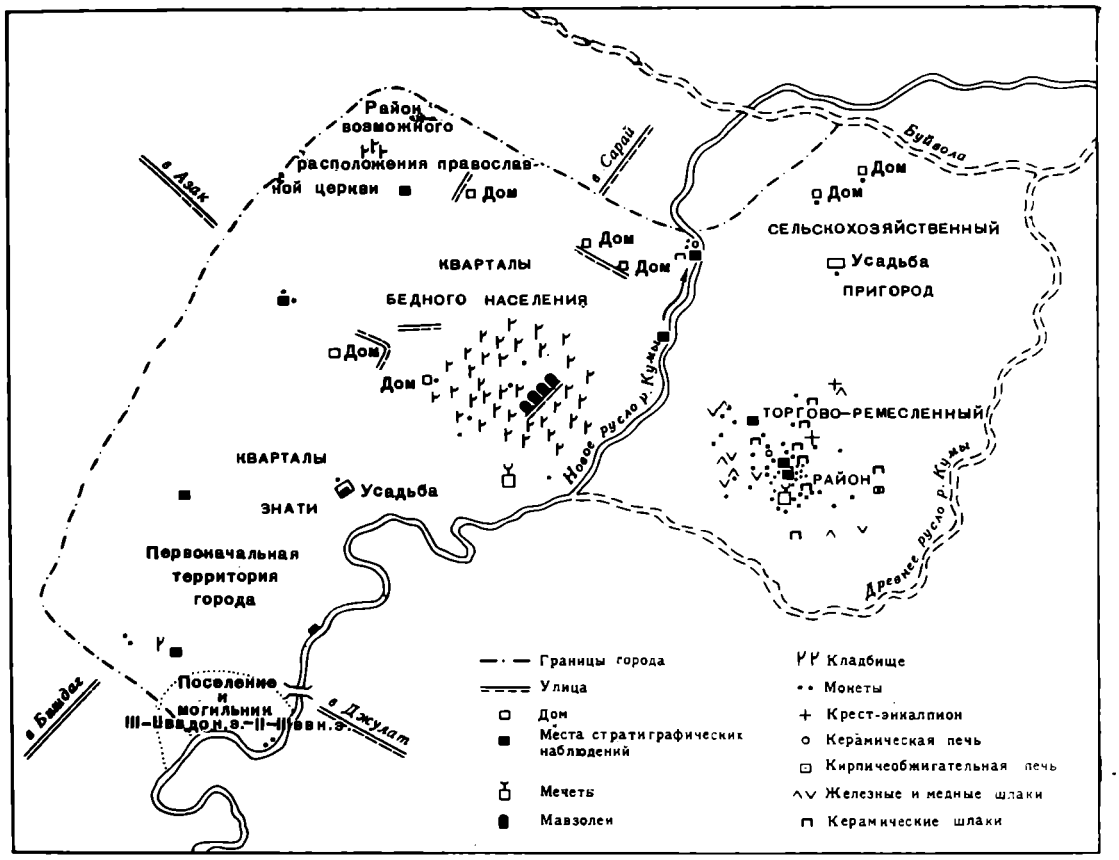


Рис. 2. План городища Маджар

зовой поливой. После него отмечен слой темноватой слегка гумусированной земли мощностью 27 *см*.

В северной части городища зачистка осуществлена на обрыве р. Кумы, достигающем здесь 10—12 *м* высоты. Нижний слой представлен лёссовидным суглинком, над которым прослеживается слой мусора зеленоватого цвета; в нем найдена медная монета Сарая 731 г. х. достоинством 16 пул. Его сменяет горелый слой мощностью 25 *см*, густо насыщенный ошлакованным кирпичом и керамическом браком. Возможно, неподалеку находилась керамическая печь для обжига неполивной керамики, поскольку ни одного фрагмента с поливой здесь не было найдено. После горелого слоя следует почти метровой толщины слой коричневатой земли, прорезанный небольшими прослойками золы, с большим количеством керамики, среди которой очень любопытны по своей форме глиняные светильники. Выше него залегают последовательно сменяющие друг друга слои супеси и суглинка с фрагментами красноглиняной керамики и обломков изразца, покрытого бирюзовой поливой.

Зачистка в 100 *м* ниже моста на обрыве р. Кумы. Здесь над материком шла небольшая прослойка мощностью 5 *см*, состоящая из древесных угольков и золы, которую сменил слой желтоватого суглинка мощностью 40 *см*, насыщенный костями животных и керамикой, среди которой имелось несколько фрагментов с бирюзовой поливой. Над ним на протяжении почти 50 *см* отмечены чередующиеся друг с другом прослойки с угольками и золой, среди которых кое-где встречались линзы зеленоватого цвета. Над ними до дневной поверхности залегал слой, состоящий из серовато-темной земли, слегка гумусированный, мощностью 55—60 *см*. В нем очень часто встречались поливные кирпичики от мозаичного набора. Цвет глазури белый, зеленый, ультрамариновый, грязно-синий и бирюзовый, последний преобладает. Форма кирпичиков прямоугольная (длина 3,6 *см*, ширина 1,2 *см*, высота 1,8 *см*) и треугольная (длина по основанию 3,9 *см*, по сторонам 2,8 *см*, толщина 2,2 *см*). Всего найдено более 80 целых кирпичиков и их фрагментов. В слое также найдено большое количество

белой штукатурки, фрагментов жженого кирпича и обломок мраморного намогильного камня. Характер находок указывает на нахождение в этом месте, видимо, мавзолея. Общая толщина слоя 1 *м* 30 *см*.

Район некрополя. Культурный слой здесь представляет собой остатки погребальных сооружений из сырцового и жженого кирпича, сделанных в чистом лёссовидном суглинке. Мощность слоя в пониженных местах до 1 *м*, в месте всхолмлений 1,5—2 *м*.

Южная часть городища. Большая часть культурного слоя в этом районе уничтожена при различного рода работах. Остатки его мощностью 50—60 *см*, в ряде мест до 80 *см*, состоят в основном из желтоватого суглинка или серой супеси, насыщенных фрагментами жженого и сырцового кирпича, глазурованной керамикой.

Крайняя юго-западная часть городища, выше моста, ведущего в Прасковею. Почти весь культурный слой здесь уже давно уничтожен при строительстве домов. Там, где его удалось проследить, он представляет собой однородный слой темноватой земли мощностью 40—50 *см* со строительными остатками. По керамике и монетам слой датируется золотоордынским временем. Ниже него залегает суглинок. В двух местах на обрывах р. Кумы на глубине 1,5 *м* были найдены фрагменты сарматской керамики I в. до н. э.— I в. н. э. В западной части городища культурный слой также почти полностью уничтожен, остатки его здесь удалось проследить на большом расстоянии благодаря проведенной здесь глубокой канаве для газопровода. Толщина слоя в основном 30—40 *см*, иногда 50 *см*. В одном месте, почти у поверхности, найдена медная монета Сарая ал-Джедид с двуглавым орлом времени Джанибека. Характер слоя аморфный. Слой состоит из строительных остатков в основном сырцового кирпича, иногда с прослойками золы, различными жженными прослойками и мусором.

Таким образом, рассмотренная выше стратиграфия Маджар в самых различных его частях показывает, что почти весь культурный слой приходится на золотоордынское время, что подтверждается найденными в нем монетами, глазурованной архитектурной и бытовой керамикой и размерами жженого кирпича. Только в крайней юго-западной части городища обнаружены остатки поселения первых веков до нашей эры — первых веков нашей эры. Если даже допустить возможность обживания этого места в раннее средневековье, на что намекают монеты Котиса II (если это не случайный занос, так как точное место и обстоятельства находки неизвестны), то и в этом случае нельзя отождествлять Маджар с Баланджаром или с крепостями Кулу и Кичи-Маджар. Все эти пункты, судя по источникам, просуществовали не одно столетие, а за этот срок отложился бы достаточно хорошо выраженный и мощный культурный слой раннего средневековья, какового здесь не найдено.

Пока же, за исключением монет Котиса II и половецких каменных баб, которые Т. М. Минаева датирует XI—XII вв. н. э.[22], стоявших некогда вблизи Маджар, мы не имеем никаких других свидетельств обживания городища в раннее средневековье.

Судя по всем данным, город возник уже в золотоордынское время. Видимо, наиболее вероятные общие причины возникновения его кроются в образовании Золотой Орды, в политике правителей которой в середине XIII в. происходит резкий переход от грабительских войн к развитию ремесел и торговли, созданию новых городов с целью получения (с них) больших доходов. Кроме этих причин, имелись и конкретные. Решающей же, очевидно, была заинтересованность золотоордынских ханов в создании нового, своего города для управления завоеванными областями Северного Кавказа. Старые аланские города для подобных целей не подходи-

[22] Г. М. Минаева. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным. МИСК, XI, Ставрополь, 1964, стр. 176.

ли, так как находились вблизи гор, заселенных народами, непокоренными монголами, и далеко от основного центра Золотой Орды — Нижнего Поволжья. Выбор места для города был обусловлен, по-видимому, следующими обстоятельствами: 1) выгодным географическим и стратегическим местоположением: с одной стороны, близостью его к Нижнему Поволжью, с другой — к горным районам Северного Кавказа; 2) расположением его на месте пересечения торговых путей, ведущих из Закавказья к Нижнему Поволжью и Дону; 3) наличием плодородных земель в пойме р. Кумы и вокруг лежащих степей, что позволяло заниматься кочевым и оседлым хозяйством, а также близостью сырьевых баз для развития ремесел.

О происхождении названия г. Маджар у историков не существует единства взглядов. Наибольшей популярностью пользуется высказанное еще Гербером мнение, будто бы оно происходит от самоназвания венгров — мадьяр, в результате чего Гербер приписывал основание города мадьярам [23], и мнение Ю. Клапрота о том, что слово «Маджар» тюркского происхождения и означает якобы каменные строения — дома [24].

Что касается перевода Ю. Клапрота, то ни в одном из словарей тюркских языков, даже таких подробных, как словари, составленные такими знатоками, как В. В. Радлов и Л. Будагов, нам не удалось найти обозначения каменных домов словом «маджар» или другим, близким к нему словом. Первое же толкование не соответствует исторической действительности, потому что ни археологически, ни исторически в XIII—XIV вв. следов пребывания венгров — мадьяр — на Северном Кавказе не зафиксировано. Об этом можно судить хотя бы по известному путешествию венгерских миссионеров, посланных в начале XIII в. специально для поисков своих соотечественников в Восточной Европе, часть маршрута которых из Эпхии, на северо-восточном побережье Черного моря, проходила через степи Северного Кавказа. Несомненно, что если бы в их время здесь существовал город с венгерским или просто созвучным названием, то они бы отметили его в своих записках [25].

Но отчего тогда город получил название Маджар? Как и когда появляется оно на Северном Кавказе? Согласно наиболее достоверным научным данным, название города Маджар впервые зафиксировано на серебряных дирхемах, чеканенных в 710 г. х. (1310/11 г.) от имени хана Токты и, следовательно, становится известным только со времени вхождения Северного Кавказа в состав Золотой Орды. Отсутствие его на Северном Кавказе в домонгольское время и возникновение самого города при монголах намекает на то, что название Маджар связано как-то с этим народом. В этой связи особенно любопытно наличие у монгольских племен собственного имени Маджар, которое употреблялось у них еще до прихода в Восточную Европу. Так, по свидетельству Рашид ад-Дина, у одного из противников Чингисхана в борьбе за власть Токтайбики — вождя монгольского племени удаит — меркит был сын по имени Маджар [26].

Аналогичные имена впоследствии носили и прямые потомки Чингисхана и Джучи: сыновья Шибан-хана Тангкута, Шингкура, Чимпая и др. [27]. Как мы видим, имя Маджар носили люди, занимавшие высокое положение в Золотой Орде. Весьма возможно, что одному из них могли быть пожалованы земли в районе будущего города, в связи с чем город, по-видимому, и получил свое название.

---

[23] История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958, стр. 67

[24] Ю. Клапрот. Исследования о развалинах маджарских на реке Куме. «Московский телеграф», 3. X, май, 1825, стр. 117.

[25] С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе. «Исторический архив», III. М.—Л., 1940, стр. 78, 79.

[26] Рашид ад-Дин. Сборник летописей, I, 1. М., 1952, стр. 116.

[27] Рашид ад-Дин. Укр. соч., II. М.—Л., 1960, стр. 75, 77.

Некоторое подтверждение этому предположению мы находим в «Продолжении сборника летописей» Рашид ад-Дина, где название города упомянуто в форме Сарай Маджар[28], т. е. оно образовано так же, как и название столиц Золотой Орды Сарай-Берке и Сарай-Бату, происходящих от имен золотоордынских ханов Бату и Берке[29].

Период истории города до начала XIV в. выявлен еще очень слабо. Судя по тому, что многие участки его начали обживаться только при Узбек-хане (1313—1339) и Джанибек-хане (1339—1357), город первоначально занимал небольшую площадь. Его ядром можно считать возвышенную часть на левом берегу р. Кумы к югу от теперешней больницы, что подтверждается и с топографической точки зрения. Об этом же можно судить и по расположению первого городского кладбища, южная граница которого проходит в районе теперешней больницы. Вначале оно находилось на краю первоначального ядра города, а затем в связи с ростом его оказалось примерно в центре. В это время город занимал площадь, вряд ли превышающую 4 *га*. О незначительном и слабом обживании городища в указанный период говорит и малое количество монетных находок. Среди учтенных нами более полутысячи монет к этому времени относятся лишь две. Положение несколько изменяется к концу правления хана Токты, когда в 710 г. х. (1310/11 г.) здесь чеканятся впервые серебряные дирхемы, однако выпуск их, судя по редкости монет, был незначительным. Все же сам факт чеканки монеты, а также большее количество найденных монет этого времени свидетельствует о росте города.

Подлинное возвышение Маджар и становление его как города начинается при Узбек-хане и продолжается при его преемнике Джанибек-хане. Видимо, это связано с общим подъемом производительных сил и военно-политического могущества Золотой Орды при этих ханах. Уже в 1318 г., когда через Маджар проходил траурный кортеж с телом злодейски убитого у р. Терек князя Михаила Тверского, город населяло «мнози... различных языков», имелась православная церковь и проживали русские купцы — гости[30]. Кстати, русских в городе было, по-видимому, немало, о чем свидетельствуют и находки крестов — энкалпионов[31].

Город расширялся во всех направлениях, но особенно интенсивно застраивается его северная и северо-восточная низменная часть, в южной половине которой оформляется торгово-ремесленный район. Именно здесь располагались основные ремесленные мастерские города, причем ведущее место занимали мастерские по производству керамики, жженого кирпича и изделий из металла. Ремесленники-керамисты делились на несколько специальностей: одни из них специализировались на изготовлении простой, другие — на производстве глазурованной, а третьи — на изготовлении архитектурной облицовочной керамики. Исследование двух последних групп, проведенное автором и Н. С. Гражданкиной, выявило, что их производство находилось под сильным влиянием керамической школы Хорезма. Налицо общность в технических приемах, в составе и цвете глазурей и подглазурных оснований. Наряду с этим имеется и другая, хотя и значительно меньшая, группа керамики, происхождение которой связано с Азербайджаном и Крымом. В то же время в бытовой безглазурной керамике наблюдаются особенности, говорящие о продолжении аланских керамических традиций. Особую отрасль составляло производство штампованной керамики, а также сфероконических сосудов

---

[28] В. Г. Тизенгаузен. СМОИЗО, II. М.— Л., 1941, стр. 143, 246 (персидский текст).

[29] А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. ИГАИМК, VII, 2—3, стр. 6—7.

[30] Летописный свод, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ, VIII, СПб., 1885, стр. 186.

[31] Э. В. Ртвеладзе. Крест-энкалпион из Маджар. СА, 1965, 2, стр. 280—281. Еще один энкалпион найден в 1966 г. А. П. Руничем.

для перевозки ртути и ароматических масел. Отдельно находились печи для изготовления жженого кирпича, являвшегося наряду с сырцовым основным строительным материалом в городе. В этом же районе имелось множество мастерских по производству железных и медных изделий, причем, судя по близости нахождения металлических и керамических шлаков, здесь не было строгого разделения на кварталы, занятые под определенный вид ремесла. Мастерские занимали достаточно большую площадь, о чем говорит отмеченный нами участок длиной 40 и шириной 20 *м*, густо насыщенный медными и железными шлаками и различными отходами производства. Эти находки указывают на то, что в одной мастерской могли изготавливаться сельскохозяйственные орудия, посуда и другие виды металлических изделий. Специфическую группу составляли ювелиры, следы производства которых в виде каменных штампов для отливки женских украшений найдены в разных местах этого района. Находки стеклянных шлаков позволяют предполагать наличие здесь стеклодувного производства.

Отдельное и весьма важное производство составляли резчики по камню и каменотесы, специализирующиеся на изготовлении архитектурных деталей, надгробных стел и резных плит для украшения зданий. Основным материалом для них служил ракушечник, привозимый, по-видимому, из района теперешнего с. Бурлацкого, и мрамор, доставляемый из района Теберды. Изредка применялся песчаник. Весьма возможно, что тут же находились и специальные мастерские по выделке жерновов и катков для молотьбы, о чем можно судить по находкам гранитных заготовок.

Помимо указанных выше, в Маджаре имели место и другие виды ремесел. В частности, как правильно предположила Т. М. Минаева, в городе, по-видимому, существовало кожевенное производство и производство по обработке шерсти [32]. Большое развитие получило и костерезное дело. Среди домашних производств значительное место занимало ткачество, свидетельство чему найденные в большом количестве пряслица веретен и грузики.

Этот район был не только ремесленным, но и торговым. Если провести подробное картографирование монетных находок с городища, то подавляющее их количество приходится как раз на эту часть, что, возможно, указывает на местоположение здесь главного базара города, о котором упоминает Ибн-Батута, встретивший на нем бродячего купца из Андалузии [33]. Анализ состава монетных находок относящихся ко времени Узбек-хана и Джанибек-хана, показывает, что на рынках города в это время ходила серебряная и медная монета столичных центров Нижнего Поволжья. Находки монет чеканки других городов исчисляются единицами, к ним относятся: одна медная монета г. Мохши 741 г. х. (1340/41) и две серебряные монеты Хорезма 749 г. х. О торговом характере района говорят и многочисленные находки импортных предметов, среди которых следует отметить китайские зеркала, селадоновую посуду, фрагменты облицовочных плиток типа «чини», золотые индийские динары Ала ад-дина Мухаммада и Мухаммада Таглака [34], талькохлоритовую и глазурованную посуду из Хорезма, стеклянные изделия, янтарные подвески, перламутровые раковины и ряд других вещей, свидетельствующих об участии г. Маджара в международной торговле. Об этом же можно судить и из письменных источников, указывающих на наличие здесь купцов иноземного происхождения. Ведущее место в торговых оборотах Маджара, вероятно, занимала торговля с жителями прилегающих степей и племенами Северного Кавказа. Очевидно, находимые в могильниках Северного Кав-

---

[32] Т. М. Минаева. Золотоордынский город Маджар..., стр. 141.

[33] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., 1, СПб., 1884, стр. 267.

[34] Э. В. Ртвеладзе. О чем рассказал золотой динар. Газ. «Ставропольская правда» за 9 сентября 1968 г., стр. 4.

каза золотоордынские монеты и предметы попадали туда из этого города.

В торгово-ремесленном районе находились и крупные архитектурные сооружения; при хане Джанибеке здесь была выстроена мечеть, вероятно, у базара, так как мечети обычно размещались на перекрестках оживленных торговых магистралей[35]. Если южную половину низменной части занимал торгово-ремесленный район, то в северной располагались огороды, виноградники, сады и поля жителей города, занимающихся сельским хозяйством, о чем можно судить по характерным отложениям и редкой застройке этой части. Вероятно, урожаи здесь были довольно хорошими, что дало право Ибн-Батуте назвать Маджар городом с «обильными плодами»[36]. Поля орошались арыками, вода в которые поступала из р. Кумы. Немаловажную роль в хозяйстве населения Маджар играло скотоводство и в меньшей мере рыболовство и охота.

На возвышенной части города находились наиболее крупные и значительные общественные и мемориальные здания. Это с полной очевидностью вытекает из описаний городища Маджар в работах С. Гмелина, П. С. Палласа, И. А. Гильденштедта, А. Архипова, В. А. Городцова и наших наблюдений по топографии уцелевшей части Маджар. По словам С. Гмелина, «фигуры сохранившихся зданий четырехугольные, восьмиугольные и круглые. Все они от 4 до 9 саженей высоты (т. е. от 8,52 *см* до 19,17 *см* — *Э. Р.*), четырехугольные и восьмиугольные, оканчиваются остроконечной пирамидой». Очевидно, описанные С. Гмелиным постройки не только мавзолеи, как думает ряд исследователей, но и мечети с минаретами. Трудно сейчас установить, где размещались отдельные составные элементы города, но, вероятно, в возвышенной части был сосредоточен главный административный и общественный центр города. По А. Архипову, снятая им третья часть города, относящаяся как раз к этому району, включала в себя 43 полных квартала и 7 нанесенных на план неполностью, в этих же пределах им отмечены: три площади и пять ям диаметром до 50 *м*, видимо, остатки хаузов[37]. Судя по топографическим наблюдениям, четкого членения города улицами из конца в конец не было — улицы (часть одной из них, шириной до 4 *м*, была видна до недавнего времени на протяжении до 200 *м*), да и то только, по-видимому, главные, шли прямо. По всей вероятности, в наиболее возвышенной части, за теперешней больницей, размещались органы управления; с точки зрения исторической топографии, здесь же должна находиться и главная соборная мечеть города[38], существовавшая уже в 1334 г. во время посещения Маджар Ибн-Батутой. Проповеди в этой мечети читал мусульманский священник из Бухары Иездеддин, имевший здесь много почитателей и учеников.

К юго-западу от центра находились кварталы знати, а районы к северу и северо-западу, у р. Бибалы, были заняты кварталами беднейшего населения Маджар. Самое большое городское кладбище с великолепными мавзолеями, особенности архитектуры которых указывают на связь их с мусульманским зодчеством Средней Азии, располагалось к северу от современной больницы, другие, более мелкие, находились в северо- и юго-западной части города. Где-то на краю, в стороне от городской суеты, должна была находиться и почитаемая завие, во главе которой стоял благочестивый шейх Мухаммад ал-Батаихи. По словам Ибн-Батуты, завие пользовалась большой популярностью у жителей города, и даже сам

---

[35] Э. В. Ртвеладзе. Надпись Джанибек-хана из Маджар. СА, 1970, 3, стр. 253, 254.

[36] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., I, стр. 267.

[37] А. Архипов. Ук. соч., № 18, стр. 144.

[38] Примерно в этом месте указано местоположение мечети с минаретом на плане Гильденштедта. Т. М. Минаева. Золотоордынский город Маджар, стр. 151.

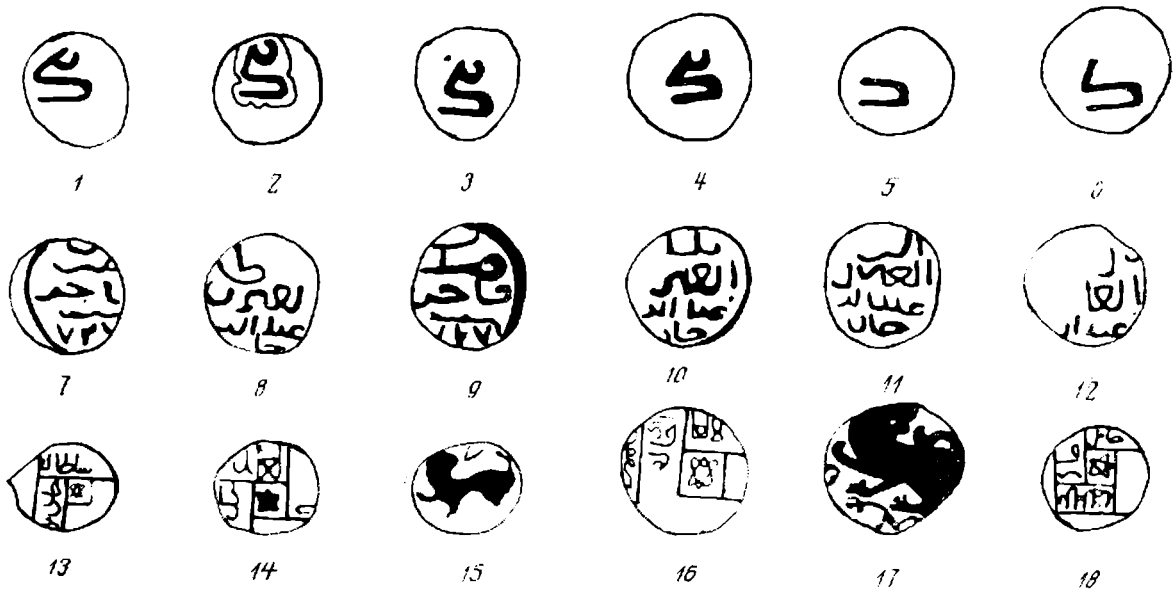


Рис. 3. Медные монеты, чеканенные в г. Маджаре в период феодальных смут
1—6 — монеты с надчеканкой; *7—12* — монеты Абдаллаха 767 г. х.; *13—18* — монеты Джанибека II

Узбек-хан и его жены во время проживания в Маджаре ходили к шейху за благословением [39].

Стратиграфические наблюдения убеждают, что Маджар достиг своих максимальных пределов в правление Узбек-хана (1313—1339) и Джанибек-хана (1339—1357). В то время он вытянулся в длину в направлении с юго-запада на северо-восток вдоль левого берега г. Кумы, на расстояние немногим более 5 *км*, причем северо-восточная граница проходила вблизи р. Буйволы, а юго-западная окраина находилась на расстоянии нескольких сот метров от нынешнего моста, ведущего из Прикумска в Прасковею. В ширину размеры города колебались от одного до 3 *км* и здесь крайними пределами являлись: с юго-восточной стороны русло р. Кумы, а северо-западная граница проходила примерно в районе современной улицы Пушкинской. Исходя из этих данных, можно определить площадь города того времени немногим более 8 *км*^{2}. Как и в золотоордынских городах Нижнего Поволжья в Маджаре, при ханах Узбеке и Джанибеке не было оборонительных стен, хотя вокруг города имелись какие-то заставы, посты, названные в русских летописях «сторожами» [40].

О политической истории Маджар после правления хана Джанибека письменные источники умалчивают, но исследования нумизматического материала, особенно для периода феодальных смут 60—70-х годов рисуют интересную картину острой борьбы между различными враждующими ханами за этот город. Видимо, в первые годы феодальной смуты город продолжал находиться под властью ханов, управляющих Нижним Поволжьем. Положение меняется после убийства хана Хызра осенью 1361 г., когда от Нижнего Поволжья, где находились столичные центры Золотой Орды, отпадают одна область за другой, превратившиеся в самостоятельные владения, управляемые представителями феодальной золотоордынской знати [41]. Не остался в стороне от этих событий и г. Маджар. Вначале он входил в состав владений Кильдибека (1361—1362), а после смерти последнего в борьбе с ханом Мюридом в конце 1362 г. обособился в самостоятельное феодальное владение. Об этом можно судить по мед-

[39] В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., I, стр. 267.
[40] Никоновская летопись, стр. 186.
[41] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 274, 275.

ным монетам с своеобразной надчеканкой 3, не найденным нигде, кроме городища Маджар (рис. 3, *1—6*). Выпуск монет с этой надчеканкой в Маджаре проходил с 763 г. х. (1362/63) до 767 г. х. (1365/66), но уже в 767 г. х. здесь чеканится медная монета с именем султана Абдаллаха, хорошо известного по письменным источникам. Это был ставленник известного темника Мамая, который, не будучи чингизидом, согласно Никоновской летописи, в 1362 г. провозгласил ханом Авдулу (Абдаллаха) из потомков Узбек-хана и начал решительную борьбу за власть в Золотой Орде[42]. В 767 г. х., судя по монетам с именем Абдаллаха, выпускавшимся в Орде, Шехр ал-Джедид ал-Махрусе, Азаке Мамай и Абдаллах владели землями к западу от Волги; как теперь выясняется, в том же году они присоединили к своим владениям г. Маджар и, следовательно, часть Северного Кавказа. На первых порах Мамай и Абдаллах не смогли, очевидно, удержать город в своих руках, поскольку в 767 и 768 гг. (1366/67 г.) в Маджаре осуществляется выпуск монет от имени хана Джанибека II[43]. Хотя ни на одной его монете не проставлено место выпуска, о том, что они чеканились здесь, можно судить по их ареалу. Так, на городище за короткий промежуток времени найдено более 40 медных и серебряных монет, тогда как находки этих монет в других золотоордынских городах пока неизвестны. Исходя из времени чеканки монет можно допустить, что Джанибек II, по-видимому, владел г. Маджаром не менее одного года. Однако в конце концов Мамай и Абдаллах взяли верх и вновь захватили Маджар, о чем говорит отсутствие монет Джанибека II после 768 г. х. и недавно обнаруженные здесь медные монеты этого хана, надчеканенные именем Абдаллаха. Весьма вероятно, что при захвате город был подвергнут сильному разгрому, так как нами зафиксировано всего лишь восемь монет конца 1360 и первой половины 1370 г. Город, возможно, переходит на новое место. В связи с этим любопытно наличие серебряных дирхемов с именем Мухаммеда, второго подставного хана Мамая, чеканенных в Маджаре ал-Джедид (т. е. Новом Маджаре. — *Э. Р.*)[44] и намекающих на то, что Мамай, по-видимому, не захотевший восстанавливать разгромленный им Старый Маджар, основал Новый Маджар. Возможно, ему соответствует небольшое поселение у с. Бургон-Маджар. в 30 *км* к востоку от основного городища, хотя размеры его незначительны. Примечательно, что на самом городище Маджар до сих пор не найдено ни одной монеты Нового Маджара, эмиссия которых была довольно значительна.

Наглядное представление о сильном упадке городской жизни и характере денежного обращения дают табл. 1 и 2, из которых видно, что в годы «великой замятни» по сравнению с предшествующими совершенно изменяется состав монет. Ходившие на базарах города монеты Сарая и Сарая ал-Джадид теперь почти совсем вытесняются монетами местной чеканки. Монеты столичных центров Золотой Орды поступают сюда в незначительном количестве, да и только в начале 60 и во второй половине 70-х гг. Ведение самостоятельного денежного хозяйства в г. Маджаре в связи с его политической обособленностью свидетельствует о нарушении в период феодальных смут обычных торговых и экономических связей города с городами Нижнего Поволжья, так ярко проявлявшихся при ханах Узбеке и Джанибеке.

---

[42] Никоновская летопись, стр. 233.

[43] Впервые мнение о чеканке серебряных монет Джанибеком II в Маджаре высказал Г. А. Федоров-Давыдов. Находки джучидских монет. НЭ, IV, М., 1963, стр. 54, № 83, табл. II, *20* и стр. 224.

[44] Х. Френ. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды, СПб., 1832, стр. 21, табл. V; П. С. Савельев. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб., 1858, стр. 54, № 83, табл. II, *20* и стр. 224.

Судя по нумизматическим объектам, жизнь в городе возобновляется во второй половине 70-х годов XIV в. и особенно при хане Тохтамыше (1380—1396), при котором в Маджаре чеканятся даже медные монеты. Количество найденных монет, относящихся к его времени, исчисляется всего 30 экз., вдвое больше, чем для 70-х годов XIV в., но в несколько раз меньше, чем при ханах Узбеке и Джанибеке. А это говорит о слабом развитии рыночной торговли и об упадке экономики города.

Таблица 1

Состав монетных находок (по правителям меди)

Правитель	Годы правления	Количество экз.	Содержание, %
Хызр	1359—1361	6	4,05
Кильдибек	1361—1362	5	3,07
Абдаллах	1361—1369	22	17,04
С надчеканом З	1362—1365	51	38,01
Джанибек II	1365—1367	30	22,05
Мухаммед Булак	1369—1380	4	3,00
Черкесбек	1374—1375	1	0,75
Анонимные чекана Сарая ал-Джадид с тамгой с тремя ножками	Вторая половина 70-х годов	14	10,05

В 1395 г. Маджар подвергся новому разгрому, в этот раз со стороны армии Тимура, о чем кратко упомянуто в «Зафар-наме» Шереф ад-дина Али Йезди [45].

Вместе с тем тщательный анализ маршрутов похода Тимура на Северный Кавказ позволяет предположить, что сам он не принимал участия в завоевании Маджар. Город был, по-видимому, взят войсками под руководством Мираншаха, оставшимися после битвы Тимура с Тохтамышем на р. Куре, а затем присоединившимися к основной армии Тимура где-то на Дону. Маршрут их движения должен был пролегать через Маджар, связанный с низовьями Дона старой торговой дорогой.

Таблица 2

Состав монетных находок по месту чекана

Город	Количество экз.	Содержание, %	Город	Количество экз.	Содержание, %
Маджар	90	76,02	Азак	3	2,05
Сарай ал-Джадид	19	16,01	Орда	2	1,06
Гюлистан	3	2,05	Хаджи Тархан	1	0,84

Красноречивым свидетельством разгрома является полное отсутствие на городище монет, относящихся ко второй половине 90-х годов XIV в. и началу XV в. Следует упомянуть также о том, что многие из найденных монет Тохтамыша обожжены и о наличии на городище следов пожарищ. Все же город не прекратил свое существование, как это полагает ряд исследователей [46]. Через некоторый промежуток времени здесь вновь возрождается жизнь, и в первой четверти XV в. в Маджаре, как нам удалось установить, чеканится даже медная монета по типу медных именных монет Тохтамыша. В. А. Городцов упоминает о находках в Маджаре

---

[45] Шереф ад-дин Али Йезди. Зафар-наме. В кн.: В. Г. Тизенгаузен. СМОИЗО, II, М.— Л., 1940, стр. 85.

[46] Л. И. Лавров. Ук. соч., стр. 199.

Псковской деньги XV в. и эпиграфических памятников этого времени[47]. Судя по местам находок монет, подражающих монетам Тохтамыша, и так называемой тимуридской керамики, датирующейся концом XIV — началом XV в., обживались лишь некоторые участки былого торгово-ремесленного предместья и возвышенной части города.

Возрождение городской жизни после разгрома войсками Тимура было недолгим и непрочным. Дальнейший стремительный распад Золотой Орды, внутригосударственные катаклизмы обусловили и постепенное угасание города. Мы не имеем данных о существовании Маджар в XVI в., но надо полагать, что где-то в это время он пришел в полный упадок. Правда, в «Книге Большому чертежу» упоминается о Можаровом юрте по р. Куме, в котором имеются семь мечетей по одну сторону реки, да еще одна мечеть Арак-Кешень[48] по другую, но были ли они действующими — неизвестно. В начале XVII в. город уже не существовал, но месту, где он располагался, придавалось важное стратегическое значение и имелись попытки со стороны крымских ханов восстановить его как военное укрепление для того, чтобы преградить путь между русскими поселениями на Тереке и Астраханью. В 1608 г. астраханский воевода доносил в Москву: «Крымский царь Казы Гирей по Турского царя повелению ставит город на Можаровом городище блиско Терки, и тот де город немного не доделан, делают де ево восемьдесят мастеров»[49]. Несколько позже калмыцкий правитель Мончак сообщал: «...что и астраханские татары и все вообще мусульмане пересылаются с крымским ханом и азовским пашою промышляют этим союзом Тарковский Сурхай-шевкал да кабардинские владельцы, мыслят построить город на крымской стороне на урочище Маджара, что бывало венгерское городище между Астраханью и Тереком, чтобы небыло дороги между этими городами»[50]. Однако попытки эти, по-видимому, успеха не имели.

Подводя итог нашему далеко не полному исследованию, следует сказать, что, как правильно отметил В. А. Городцов, город Маджар «не Ольвия и не Пантикапея, стоявшие столетиями во главе культуры обширного края». Тем не менее значение его для истории Северного Кавказа золотоордынского времени велико. Имеющиеся в распоряжении науки факты позволяют утверждать, что в истории Северного Кавказа это был один из самых больших городов. Недаром Ибн-Батута называл его «одним из лучших городов тюркских». Вместе с тем большая часть высокой культуры, созданной в городе, не привилась на Северном Кавказе, так как являлась чуждой, принесенной извне, не имевшей крепких и прочных традиций в культуре местных северокавказских племен. Будучи во многих отношениях близок Сараю-Берке и Сараю-Бату, Маджар в своем развитии, так же как и эти города, прошел типичный путь городов, созданных Золотой Ордой. Характерной их особенностью является то, что они существовали и развивались только тогда, когда существовала и развивалась сама Золотая Орда, и пришли в упадок в одно время с падением государства, породившего их.

---

[47] В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 165, 178.

[48] Последняя, по-видимому, не мечеть, а мавзолей, так как кешене по-ногайски означает намогильный склеп — мавзолей. Л. И. Лавров. Ук. соч., стр. 218, 219.

[49] А. М. Гневушев. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914, стр. 177.

[50] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, VI, 11—12, М., 1961, стр. 580.

E. V. Rtvéladzé

A PROPOS DE L'HISTOIRE DE LA VILLE DE MADJAR

Résumé

L'article traite de certains problèmes de l'histoire de la ville de Madjar située sur la rive gauche du fleuve de Kouma à proximité de la ville de Prikoumsk (le Caucase de Nord).

Les données des observations stratigraphiques montrent que la gorodichtché ne possède pas de couches archéologiques antérieures à l'époque de la Horde d'Or, à l'exception d'un petit site datant des premiers siècles avant notre ère — premiers siècles de notre ère. Cela donne tout lieu à penser que la ville de Madjar apparut à la deuxieme moitié du XIIIe siècle et non pas à l'époque des Khasars, ce qu'était l'avis de certains auteurs. Le nom de la ville est originaire probablement d'un nom propre mongol de Madjar. Elle atteint son apogée aux périodes du règne d'Ouzbek (1313—1339) et celui de Djanibek (1339—1357) qui étaient les khans de la Horde d'Or. Alors la ville couvrait la surface légèrement supérieure à huit km². Ibn — Batouta qui l'avait visitée en 1334 lui attribua la caractéristique «d'une des meilleures villes turques». Certaines productions artisanales, premièrement celles de céramique, de briques crues, de métaux ainsi que l'agriculture y prennent un grand essor. La ville avait de larges relations commerciales et culturelles avec plusieurs pays d'Occident et d'Orient, surtout avec l'Asie Centrale. Sa circulation nétaire était bien développée. A Madjar il y avait d'importantes constructions, telles églises, mosquées, mausolées. Le caractère d'architecture de ces derniers révèle des liens évolués avec l'art de construire islamique de l'Asie Centrale. A la période des troubles féodaux la ville tombait en décadence, elle devenait la proie d'un khan après un autre. En 1365—1367 on y battait les monnaies sur l'ordre du khan Djanibek II et du khan Abdallakh. En 1395 Madjar fut détruit par les troupes d'amir Timour. Mais au début du XVe siècle la vie y renaît. On y batît même les monnaies d'après le type des pièces de cuivre portant le nom du khan Tokhtamych. Mais cette période de renaissance fut de courte durée. Plusieurs sources écrites et données archéologiques nous renseignent que la vie de la ville de Madjar s'éteint définitivement vers le XVIe — debut du XVIIes siècles.

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

РУССКИЕ ВЕЩИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В тяжелые годы татарского ига сотни русских людей были угнаны в плен татарами. Путешественники, побывавшие в татарских городах и становищах, часто упоминают о встречах с русскими. Плано Карпини [1] говорит о «русских клириках» при дворе хана. Особенно подробно рассказывает он о встрече в Каракоруме с русским ювелиром хана по имени Козьма. Этот Козьма оказал Карпини и его спутникам поддержку, когда они были в бедственном положении [2]. Неоднократно о русских пленниках говорит и Рубрук, подробно описывая даже их костюм, устройство поселка [3]. Встреченная Рубруком у татар француженка Пакетта была замужем за русским: «Муж ее умел строить дома, что считается у них выгодным занятием» [4].

В прошлом веке при раскопках на золотоордынских городищах археологи находили отдельные вещи русского происхождения. В основном исследователи отмечали различные крестики, иконки и другие предметы христианского православного культа или вещи с русскими надписями. Широко известна серебряная чара черниговского князя Владимира Давыдовича, которая была найдена при раскопках Нового Сарая, куда она попала после разграбления Чернигова. При невнимании к рядовым находкам, свойственном археологам того времени, эти вещи единственно могли быть безошибочно определены как русские.

Нужно сказать, что находки эти, свидетельствующие о пребывании русских людей в татарских городах большей частью в качестве пленников, по-видимому, волновали исследователей. А. В. Терещенко, девять сезонов подряд (с 1843 по 1851 гг.) исследовавший Царевское городище (Новый Сарай или Сарай Берке, как его принято называть), писал в своих рапортах перед началом работ: «... Среди Заволжских степей могут открываться драгоценные памятники для русского сердца: храм и домы князей, духовенства и живших в Орде русских» [5].

Следы пребывания русских в татарских городах отмечаются и новейшими исследованиями. Довольно много русских вещей, найденных в золотоордынских памятниках, приведено Б. А. Рыбаковым в книге «Ремесло Древней Руси» [6]. Однако в задачу автора не входила полная сводка по этому вопросу.

Наша сводка сведений о находках русских вещей на золотоордынской территории будет излагаться по памятникам.

---

[1] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
[2] Там же, стр. 78.
[3] Там же, стр. 110.
[4] Там же, стр. 143.
[5] Переписка и дневники по раскопкам А. В. Терещенко в Цареве. Архив ЛОИА, ф. 6, № 81, 1, стр. 50.
[6] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М.— Л., 1948, стр. 527—531.

Упомянутые раскопки А. В. Терещенко на этом городище дали очень богатый и разнообразный материал, в большей своей части, к сожалению, к настоящему времени утерянный. Переписка и краткие дневниковые записи по этим работам, а также списки находок, отправленных из Царева, хранятся в архиве ЛОИА, каких-либо рисунков, чертежей нет. Публикации так же очень отрывочны и неполны [7]. Поэтому уже высказывались мысли о необходимости изучения и даже опубликования документации А. В. Терещенко [8].

Сохранившаяся коллекция находок из раскопок Терещенко находится в Эрмитаже. В числе ее — несколько русских вещей; паспортные данные о них, кроме указания памятника, отсутствуют.

Приведем описание этих вещей. Лицевая половина бронзового энколпиона с верхней и нижней петельками (Эрм. инв. № Сар —128), с закругленными концами и парными выступами на каждом конце, длина с ушками — 10 *см*, ширина 7 *см*. В центре — распятие, Христос стоит на подножии, выше и ниже рук Христа следы неразборчивых надписей, как будто IC XC. В верхнем конце погрудное изображение, по-видимому, Саваофа; в конце перекрестия в медальонах плохо различимые изображения предстоящих — вероятно Богоматери и Иоанна Богослова. Лица всех изображенных расплывчаты (рис. 1, *1*). Сходные энколпионы (XII—XIII вв.) опубликованы Ханенко (рис. 2, *1*). Г. Ф. Корзухина публикует совершенно аналогичную лицевую створку энколпиона из Херсонеса. Подобные кресты она датирует концом XII—XIII вв. [9]

Лицевая половина бронзового энколпиона (Эрм. Сар —867) с закругленными концами и парными выступами на каждом конце, петельки сохранились. Длина —8 *см*, ширина —5 *см*. Изображения очень схематичны, отливка плохая, выпуклые части сильно стерты (рис. 1, *2*). В центре — распятие, под руками Христа угадывается какая-то надпись. На концах в медальонах — четыре погрудных изображения в нимбах.

Энколпионы с такой композицией лицевой створки часто встречаются в русских древностях [10]. Наибольшее сходство обнаруживает наш энколпион с лицевой стороной крестов, такой композиции, где на обороте у стоящей в рост Богоматери имеется надпись: «Святая Богородица, помогай». Последние имеют очень широкое распространение. Б. И. и В. Н. Ханенко публикуют подобный энколпион из Княжей Горы (рис. 2, *2а*,— надписи читаются четко: справа от распятия — Богоматерь, слева — Иоанн, вверху — Николай, внизу — Григорий); А. Л. Якобсон — из Херсонеса [11], Б. А. Рыбаков указывает три таких креста из Поволжья, Бессарабии и с Северного Кавказа [12]. Аналогичная находка была сделана в Мстиславле [13], на городище Маджары [14], в русском поселке у с. Березовки в Поволжье [15]

---

[7] А. Терещенко. Древние памятники, открываемые в Царевском уезде губ. Саратовской. ЖМВД, СПб., 1843, II; его же. Дневник разрытия курганов в окрестностях города Царева. Там же, IV, ЖМВД, 1844, VII, VIII; его же. Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кипчакского царства. Уч. Зап. АН по I и III отд., II, СПб., 1854; его же. Археологические поиски в развалинах Сарая. 3, СПб., АНО, II, СПб., 1850; В. В. Григорьев. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая. ЖМВД, 1847, XIX.

[8] Б. Б. Жиромский. Забытая страница в истории русской археологии. Тр. СОМК, 2, 1959, стр. 134.

[9] Г. Ф. Корзухина. О памятниках «корсунского дела» на Руси. ВВ XIV, 1958, стр. 133, табл. II, 3.

[10] Б. И. и В. Н. Ханенко. Кресты и образки. I, СПб., 1899, табл. II, № 37, № 39, № 41.

[11] А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, 17, 1950, рис. *2а, б*.

[12] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М.— Л., 1948, стр. 525.

[13] Подъемный материал; любезно ознакомил Л. В. Алексеев.

[14] Э. В. Ртвеладзе. Крест-энколпион из Маджар. СА, 1965, 2, стр. 282.

[15] А. Е. Алихова. Русский поселок XIII—XIV вв. у с. Березовка. МИА, 80, стр. 198, рис. 3, *1*.

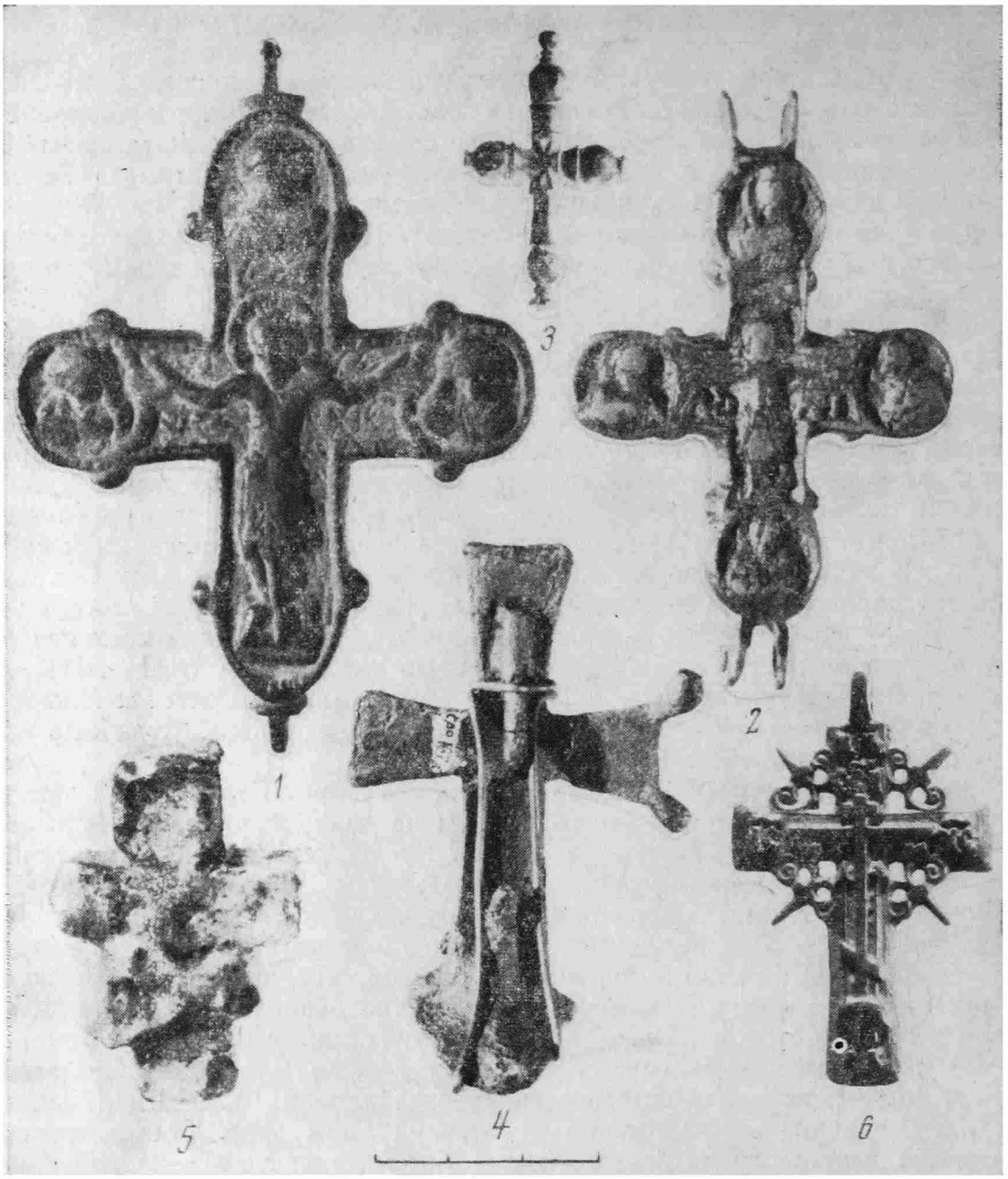


Рис. 1. Русские кресты из Нового Сарая, хранящиеся в Эрмитаже

и т. д. Многие из них отлиты в одной форме. Б. А. Рыбаков дает очень узкую дату для энколпионов этого типа — XIII в., время непосредственно перед татарским нашествием [16]. Топография находок позволяет убедительно связывать эти энколпионы с русскими пленниками татар.

Целый бронзовый энколпион (Эрм., Сар — 133) с закругленными концами, парными выступами на каждом конце и массивным ушком, на котором с лицевой стороны помещен крестик. Длина энколпиона с ушком — 9 *см*, без ушка — 7,5 *см*, ширина 5 *см*. На лицевой стороне — грубое изображение распятия, кисти рук сильно расплющены; в верхнем конце — изображение креста («крест в круге»). В боковых концах в очерченных полукругах — монограммы и крестики. На обороте — стоящая в рост, закутанная в плащ Богоматерь; на концах в очерченных кругах — крестики и монограммы. По обе стороны фигуры Богоматери — косые кресты. На

[16] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. САИ, EI — 4½. 1964, стр. 39.

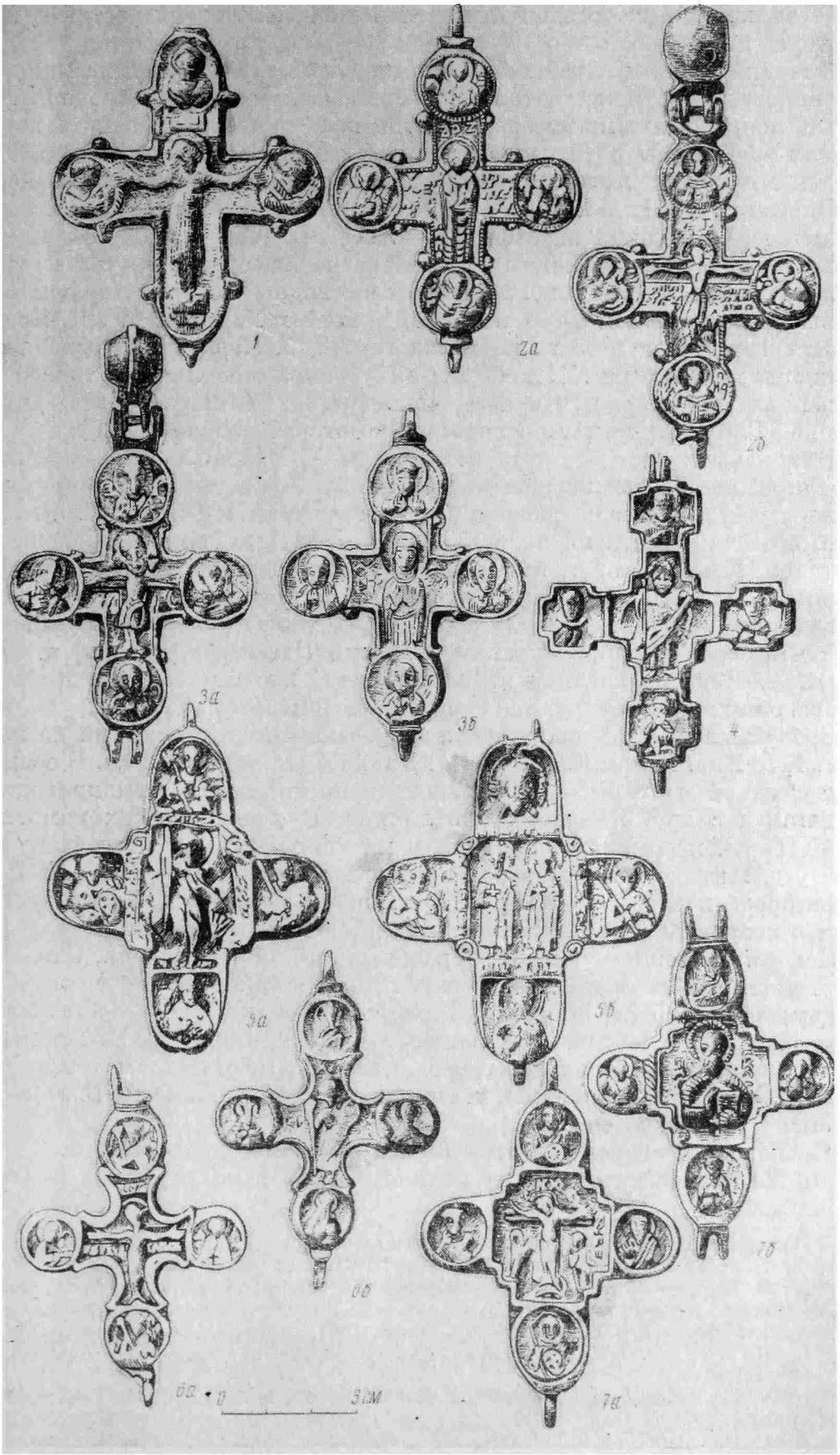


Рис. 2. Энколпионы из публикации коллекций Б. И и В. Н. Ханенко, аналогичные найденным А. В. Терещенко на Царевском городище

боковом конце и на нижнем имеется по небольшому отверстию — литейный брак (рис. 3, *3*).

Близкие аналогии этой вещи многочисленны. В Друцке найдена лицевая половина совершенно такого же энколпиона и сходный целый, но с сильно поврежденными изображениями; насколько можно судить, знаки на концах размещены в других композициях [17]. В Новгороде в слое XIII в. найден энколпион, лицевая сторона которого также очень близка находке из Царева [18]. А. Л. Монгайт публикует лицевую сторону энколпиона с Жокинского городища из слоя XII—XIII вв. (саму вещь он датирует XIII в.) с совершенно сходным распятием и «крестом в круге» в верхнем конце. Изображения в боковых концах не видны [19]. Г. Ф. Корзухина воспроизводит энколпион этого типа, найденный в Херсонесе К. К. Костюшко-Валюжиничем в 1903 г.; по типологии Г. Ф. Корзухиной подобные энколпионы датируются XII в. [20] Два экземпляра энколпионов такого типа, найденные на Северном Кавказе, приводит В. А. Кузнецов [21], который вслед за Г. Ф. Корзухиной относит их ко второй половине XII в.

Нам кажется, что эта дата неточна. А. А. Медынцева доказывает, что русские энколпионы с черневыми или инкрустированными изображениями должны датироваться несколько более поздним, чем считает Г. Ф. Корзухина, временем — второй половиной XII и XIII вв. вплоть до нашествия монголов. Кроме того, А. А. Медынцева выделяет еще один тип энколпионов перв. пол. XIII в., которые сходны с интересующим нас типом по гравированным медальонам в закругленных концах, где помещены монограммы [22]. На основании приведенных аналогий (Новгород, Рязань) и датировок А. А. Медынцевой, нам представляется, что энколпионы типа этой царевской находки датируются скорее первой половиной XIII в.

Бронзовый крестик-тельник с шарообразными утолщениями на концах (рис. 1, 3; Инв. N Эрм. Сар —1421). Длина 4 *см*, ширина 2 *см*. В средокрестии с одной стороны — четырехконечный крестик с расширяющимися концами, а с другой — как будто личина. В древнерусских памятниках XI—XIII вв. крестики с утолщением на концах встречаются часто (курганы у д. Митино в Белозерье [23], в Старой Рязани в слое XII—XIII вв.[24], в Новгороде в слое XI—XIII вв.[25]). Наиболее близки к крестику с Царевского городища кресты с Киевщины из коллекции Ханенко [26].

Необычная вещь — фибула, переделанная из креста (Эрм., Сар —167). Крест четырехконечный, с расширяющимися концами, с длинным нижним концом; длина 7,5 *см*, ширина 4,5 *см*. На одном из боковых концов на углах имеются шарообразные утолщения. По-видимому, такие же шарики имелись и на других концах, но обломались, а места отлома были заглажены. Кресты близкой формы, часто с эмалью опубликованы Б. И. и В. Н. Ханенко [27], датируются они XI—XII вв.

На оборотной стороне креста имеется основание изогнутой иглы и приемник. На лицевой стороне, на длинном конце 2 полукруглых выступа с

---

[17] Подъемный материал, время — предмонгольское. Благодарю Л. В. Алексеева за предоставленную возможность ознакомиться с этими находками.

[18] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, 65, 1959, табл. 4, *16*.

[19] А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 226, 228, рис. 100, *10*.

[20] Г. Ф. Корзухина. О памятниках «корсунского дела» на Руси. ВВ, XIV, 1958, табл. III, *4*.

[21] В. А. Кузнецов. Энколпионы Сев. Кавказа. Сб. Славяне и Русь. М., 1968, стр. 82, рис. 1, 2, 4.

[22] А. А. Медынцева. О датировке некоторых типов энколпионов. Археологический сборник МГУ. М., 1961.

[23] Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, 3.

[24] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955, рис. 139, *9*.

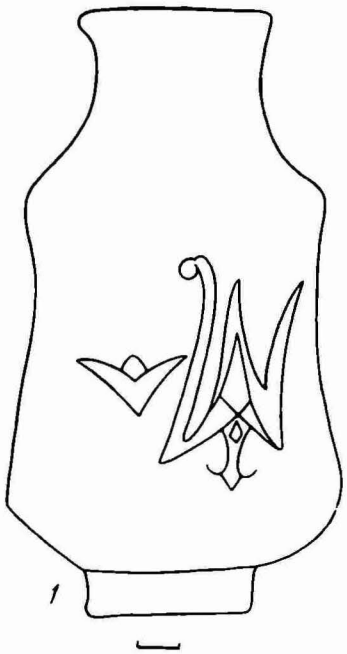
[25] М. В. Седова. Указ. соч., стр. 235, 236, рис. 4, *3, 4*.

[26] Б. И. и В. Н. Ханенко. Кресты и образки. II, табл. XVII, 184, 188.

[27] Б. И. и В. Н. Ханенко. Кресты и образки. 1, № 44, 45, № 237/238; № 280.

симметричными отверстиями и штырек между ними, который показывает, что крест к чему-то прикреплялся. Может быть, это половина складного креста? (рис. 1, *4*). Поскольку крест переделан и отремонтирован, можно думать, что он, несмотря на свою первоначальную раннюю дату, мог быть завезен в Сарай русскими в более позднее время.

Глиняный поливной зеленый крестик; тесто серое, длина 4,8 *см*, ширина 3 *см*, толщина 1 *см* (Эрм. Сар — 155, рис. 1, *5*). Глиняные крестики



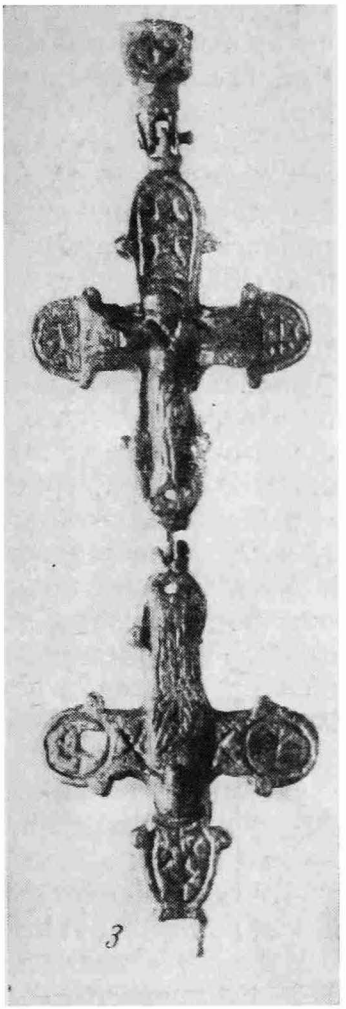


Рис. 3. Вещи из Нового Сарая, хранящиеся в Эрмитаже

встречены в русских древностях, в частности в Белоозере [28], на городище Княжа Гора (небольшие, длина одного из них 2 *см*, но мне неизвестно, были ли они поливные) [29]. В Белоозере же найдено 2 глиняных крестика-тельника XIII в., на меньшем из которых имеются на концах пятна желтой поливы. Эрмитажный экземпляр по цвету и качеству поливы, по составу теста, безусловно, принадлежит к русским изделиям.

Бронзовое навершие шлема (Эрм., Сар. 15; рис. 3, *2*), сделанное из двух пластинок, составляющих четырехчастную розетку с парными че-

---

[28] Любезно сообщено Л. А. Голубевой.

[29] Н. Беляшевский. Раскопки на Княжей Горе в 1892 г. Киевская старина, 41, Киев, 1893, стр. 144. Г. Г. Мезенцева. Древнеоруське місто Родень, Княжа Гора. Київ, 1968, стр. 104.

канными изображениями птиц [30]. В центре розетки — отверстие диаметром 1 *см*, куда вставлена короткая трубочка с ободком для укрепления флажка-яловца [31]. Край пластинки отделан рельефными линиями и жемчужным орнаментом. На головах птиц хохолки, от поднятого крыла отходит растительный побег, ноги и хвосты изображены стилизовано. Внутри тела птицы помещен росток-крина.

Абсолютно такое же навершие известно на шлеме, найденном в позднекочевническом погребении южнее г. Энгельса [32]. Шлем этот по типу своему датируется XII—XIII вв. [33] Изображения птиц подтверждают эту дату.

Крест бронзовый, с 4-мя лучами по углам (Эрм., Сар —868), представляет собой распространенный тип крестиков XVII—XVIII вв. и не имеет отношения к золотоордынскому слою (рис. 1, *6*).

Особо нужно отметить найденный А. В. Терещенко и хранящийся в Эрмитаже (Инв. № 115, рис. 3, *1*) золотоордынский красноглиняный сосуд с зеленой поливой, на стенке которого имеется крупное изображение знака Рюриковичей и крины. Этот рисунок нанесен техникой подглазурной гравировки. Высота сосуда 13,5 *см*, высота знака 5 *см* [34].

Знак, изображенный в парадном варианте, представляет собой по схеме трезубец с отогнутым наружу концом левой мачты и с отростком в центре основания. Близкий по схеме знак встречен в виде клейма на дне сосуда со Старорязанского городища [35]. Для такого позднего времени невозможно определить принадлежность золотоордынского знака какому-либо князю [36]. По всей вероятности сосуд был сделан по заказу какого-то русского князя или его приближенного, проводивших, как известно, часто по много месяцев в татарской столице. Поливная золотоордынская керамика на Руси ценилась очень высоко.

Работы Ф. В. Баллода в 20-х гг. XX в. в Сарае не дали, судя по публикациям, находок древнерусских вещей.

В 1959 г. работами экспедиции МГУ и Института археологии АН СССР под руководством Г. А. Федорова-Давыдова начался новый цикл археологических исследований на территории Нового Сарая. Почти ежегодно здесь, среди многочисленных находок, попадаются отдельные рядовые вещи русского происхождения, которые нужно связывать с бытом русских, постоянно живущих в Орде.

В 1964 г. найдено 5 фрагментов славянской керамики, среди которых имеется 1 обломок венчика и 1 обломок донышка [37]. Керамика эта, по своему грубому тесту с примесью крупного песка, плохому обжигу, оставляющему черепок трехслойным в изломе, и плохой сохранности, зависящей от плохого качества, резко отличается от красной и желтой золотоордынской неполивной керамики, сделанной из хорошо отмученной глины и обожженной до звонкости.

В 1965 г. найден фрагмент венчика русского сосуда [38].

В 1966 г. найдено дно сероглиняного горшка с клеймом и 2 фрагмента стенок этого же сосуда с линейным многорядным орнаментом.

---

[30] Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. стр. 34.

[31] А. Н. Кирпичников. Русские шлемы X—XIII вв. СА, 1958, 4, стр. 61, 63.

[32] Е. К. Максимов. Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье. СА, 1960, 4.

[33] Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 115.

[34] Н. М. Булатов. Поливная золотоордынская керамика. Диссертация, альбом М., 1969, рис. XXVIII. *6*.

[35] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49. рис. 81.

[36] В. Л. Янин. Княжеские знаки Суздальских Рюриковичей. КСИИМК, 62, 1956, стр. 16.

[37] Г. А. Федоров-Давыдов. Отчет о раскопках на Царевском городище за 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р. 1, № 2885.

[38] Г. А. Федоров-Давыдов. Отчет об археологических исследованиях на Царевском городище в 1965 г. Архив ИА АН СССР, Р. I, № 3130.

Клеймо (сохранилось частично) представляет собой круг с перекрещивающимися внутри него линиями. Кроме того, найдены 3 обломка стенок русского поливного сосуда; полива плохая, тесто темное, обжиг плохой — черепок трехслойный в изломе (инв. № 95, 96, 99, 104—107, 119) [39]. Такая керамика, условно называемая сероглиняной поливной, производилась во многих центрах древней Руси, начиная с рубежа XI—XII вв. и до позднего средневековья [40].

В 1967 г. найдено 2 обломка стенок и обломок дна от русских неполивных сосудов [41].

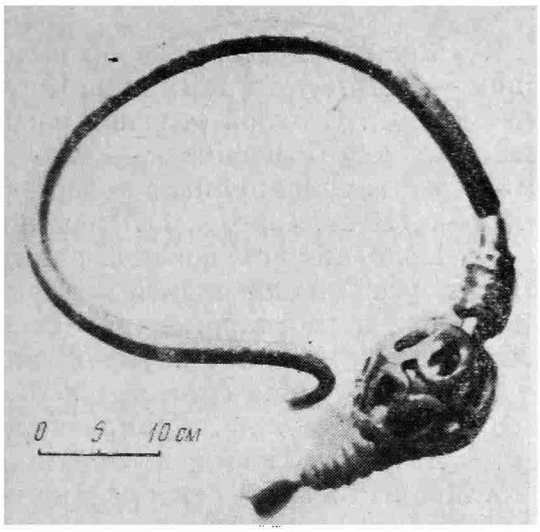


Рис. 4. Серьга с напускной бусиной из Нового Сарая, подъемный материал

Среди подъемного материала 1967 г. на Царевском городище обнаружена серьга из оловянисто-свинцового сплава с напускной ажурной бусиной (рис. 4). Она похожа на трехбусинные серьги так называемого «киевского типа» конца XII — начала XIII вв., где бусины были сканные [42]. Наша бусина отлита, по-видимому, по восковой модели. Кроме того, она отличается от киевских и по конструкции — состоит из 16 проволочных петелек, в то время как киевские — из 8-ми. На проволоке по обе стороны от бусины имеется имитация обмотки тонкой проволочкой. Один конец загнут в виде крючка, другой — расплющен, что образует застежку. Можно думать, что эта серьга изготовлена в более позднее время по образцу украшения конца XII — начала XIII вв., может быть даже мастером, работавшим в Орде. Подобные серьги известны только в русских древностях. Ниже публикуется другая подобная серьга с Водянского городища, но, по-видимому, с тремя напускными бусинами.

Как уже говорилось, большая часть коллекции вещей, добытых А. В. Терещенко, не сохранилась. Его дневники, которые он с каждым годом раскопок писал все более кратко и небрежно, публиковались выборочно. Рисунков вещей не было, их описания, по-видимому, часто сделаны недостаточно квалифицированно. Нами изучены дневники А. В. Терещенко, его переписка по поводу Царевских раскопок, описи вещей, которые он отсылал в Петербург, Москву, Саратов и т. д. [43] Мы постарались выделить по его описаниям среди хаотического перечня находок, не сохранившихся до сего дня вещей, те предметы, которые можно было бы отнести к русским. Чаще всего это предметы христианского культа, т. к. автор недостаточно хорошо знал бытовой инвентарь, оружие и т. д., чтобы отделить русские вещи от золотоордынских или каких-то других.

Перечисление этих вещей мы будем вести по годам работ А. В. Терещенко и попытаемся определить по описанию некоторые предметы, сопоставив их с известными. Необходимо также попытаться отделить предметы более поздние, попавшие в культурный слой, когда Сарай существовал уже только в виде развалин.

[39] Г. А. Федоров-Давыдов. Отчет об археологических раскопках на Царевском городище в 1966 г. Архив ИА АН СССР, Р. 1, № 3289.

[40] Т. И. Макарова. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. САИ, Е1-38, М., 1967, стр. 61.

[41] Г. А. Федоров-Давыдов. Отчет о раскопках на Царевском городище в 1967 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3533.

[42] Н. П. Кондаков. Русские клады. I. СПб., 1896, табл. IV, *5*, *10*; табл. XII, *11*.

[43] Архив ЛОИА, фонд 6, № 81, *1*.

1843 год

1. «Медный крест, с изображением распятия, вверху Саваофа, а по сторонам — Богоматери и Иоанна Богослова. Под Саваофом слова — «Господь бог Саваоф». С одной стороны распятия — животворящее дерево. Под руками распятого Спасителя — надпись Иисус Христос, прочие буквы неясны». Кресты-энколпионы с подобной композицией известны, они относятся к XII—XIII вв. (рис. 2, *1*). Неясная деталь — «животворящее дерево».

2. «Половина епископской рипиды из красной меди: одна сторона гладкая, а другая со славянской надписью в 2 кружочка». В первом — плавающие рыбы, а во втором — два епископских жезла, соединенные в одной точке; между жезлами — украшение наподобие виноградных кистей. Время, судя по оттиску букв и изображению — половина XIV в. Буквы слились и не читаются». Датировка ошибочна — вещь безусловно поздняя, как по материалу, так и по орнаменту.

3. Медный крест — «посредине распятие, вверху бог Саваоф, по правую сторону Богоматерь с младенцем, по левую — Мария Магдалина, а внизу Иоанн Богослов, как обыкновенно изображается на этих крестах». Это описание явно неточно — Богоматерь никогда не изображается с младенцем около распятия, и слева, вероятно, изображен как обычно Иоанн Богослов, а не Мария Магдалина (композиция сходна с рис. 2, *2а, 3а, 4а*).

4. «Крест из аспидного камня, изломанный» — вероятно, четырхконечный, серый сланцевый нательный крестик, которые часто встречаются в русских древностях [44]. В Новгородской коллекции подавляющее большинство каменных крестов относится к XII—XIII вв.; единицы к XIV в., один — к XV в.; 2 каменных крестика из яшмы и из серо-зеленого камня найдены были в Увеке [45].

5. «Складной медный крест с изображениями на одной стороне распятия, вверху — св. Духа в виде голубя, по углам в кружках крестики. На другой стороне изображение неизвестно какого святого в ризе, вверху венец в звездочках, а по углам — тоже крестики в кружке и два заметных знака Х. Х. С одной стороны ушка — крестик, он представлен на облаках». Это неточное описание целого энколпиона из Эрмитажа (Сар —133), описанного выше, где приведены и аналогии ему.

6. «На валу был найден камень-дикарь, один обломок с изображением креста».

1844 год

1. «Верхнюю часть от церковного подсвечника нашли у стены большого здания, покрытого углем и золой. В чашке подсвечника сохранилась бумажная светильня. Подсвечник, возможно, принадлежал к утвари православной церкви. Ханенко опубликованы медные подсвечники, представляющие собой чашечку на сложной подставке и с торчащим шипом посередине, на который насаживалась свеча. Подсвечники эти происходят с Киевщины — городища Сахновка, Девица, Киев [46].

2. «Глиняный крест, внизу немного попорченный, покрытый зеленой глазурью, а под зеленью находится желтая глазурь». Это возможно, экземпляр, хранящийся в Эрмитаже (инв. № Сар. 155).

3—5. 3 медных креста с изображением распятия. Вместе с крестами и подсвечниками найдены «несколько медноузорчатых блюдечек». Автор дневника относит их к комплексу жилища русского. «Вероятно кто-то из наших соотечественников жил на этом месте».

---

[44] Б. И. и В. Н. Ханенко. Кресты и образки. I, табл. I, *1—20*; табл. II, *170—173, 176—180*.

[45] А. А. Спицын. Некоторые новые приобретения Саратовского музея. ИАК, 53, Пг., 1914, стр. 100, рис. 25, 26.

[46] Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1897, табл. IX, *237, 238, 240, 242, 243*.

1845 год

1—3. Обломки медных церковных подсвечников (см. выше).

4. «Медное блюдечко в роде гладкой тарелки. В середине двух его кругов видны буквы славянские кирилловского начертания. Прочесть не удалось из-за ржавчины».

5. Верхняя часть епископского жезла с виноградными ягодами (поздняя вещь).

6. Половина глиняного крестика, «который так перепрел, что едва может сохраниться».

1846 год

1. «Обломок рипиды с едва видными славянскими буквами».

2. Церковный подсвечник (см. выше).

3. «Крест наперсный с изображением распятия, а вверху его вырезан крестик».

Кроме того, был найден крест, осыпанный мелким бисером. Крестики вверху и сами изображения вылиты из стекла, и «кругом перламутровое украшение, на коем изображены: посредине кувшин, по бокам его секира и алебарда, над ними русские буквы У. У. Н., вверху корона, а внизу кувшина лавровая ветвь». — Это, конечно, поздняя вещь, не относящаяся к золотоордынскому слою.

1847 год

1. «Крестик томпаковый[47] (половина): Распятие Иисуса Христа, сверху Саваоф, а по сторонам Богоматерь и 2 апостола». По-видимому, это лицевая сторона энколпиона (типа рис. 2, *2А, 3а, 4а*).

2. «Продолговатая иконка, на одной стороне которой изображена Матерь Божия в лучезарном венце, с младенцем, вверху — св. Дух в виде голубя[48], по сторонам буквы ІИХС Н—Иисус Христос Назарянин. На другой стороне — святые. Один из них держит в руке крест, а сбоку видны слова — Антон..., и, кажется, Андрей. Эта иконка была носима на груди, будучи вставлена в образочек. Сделана из красной меди[49], овальная, длина чуть более 2 *см*, а в поперечнике 2 *см*».

4—7. «4 каменные напряслины, употребляемые для прядения на веретенах. Каменные пряслица у кочевников неизвестны. Это могли быть русские шиферные или сланцевые пряслица.

1848 год

По дневникам и описям Терещенко в 1848 г. было найдено 17 крестов, 2 панагии, два образка. Автор специально оговаривает, что за исключением 2 экземпляров, все кресты, а также все панагии и образки «были складные и таковыми сохранились в целости... Большая часть этих вещей была найдена в одном месте».

1. Два креста, которые Терещенко описывает так: «с изображением на одной стороне Иоанна Крестителя с 4-мя благовестителями, а на другой — 2 апостола Петр и Павел, вверху голова Иоанна Крестителя, а по трем

---

[47] Томпак (по Далю) — смесь меди с цинком.

[48] Изображение св. Духа в виде голубя появляется в XVII — нач. XVIII вв., см. Н. Перетц. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. ИГАИМК, 73, 1933, стр. 46.

[49] Красная медь обычно говорит о более поздней дате. См. Н. Перетц. Ук. соч., стр. 48. По мнению М. В. Седовой, о сравнительно поздней дате говорит и овальная форма иконки и помещенные на ней святые, если они правильно определены.

углам евангелисты». Длина креста с кольцом 8,5 *см*, ширина 6,5 *см*. Это очень неточное описание. Скорее всего этот крест может быть сопоставлен, например, с квадрифолием из Сахновки, опубликованным Ханенко (рис. 2, *5*) и датированным XIII в. Там на лицевой стороне — воин с копьем и щитом в руках — предположительно св. Владимир; на трех верхних концах по архангелу (Михаил, Гавриил, Сихаил), а на нижнем — Николай. На оборотной стороне, в центре изображения Бориса и Глеба, вверху — образ нерукотворного Спаса, по бокам — Михаил и Гавриил, а внизу — Николай. Подобную лицевую сторону имеют другой квадрифолий из собрания Ханенко [50], из собрания Уварова [51], из собрания б. Церковно-археологического музея [52]. Подобная оборотная сторона принадлежит квадрифолию XIII в. из Загорского музея [53], лицевая опубликована Н. И. Петровым [54], который считает центральную фигуру Федором Стратилатом.

2—4. Один крест, сохранившийся полностью и оборотные створки еще двух энколпионов, описанные одинаково: «представляет Иоанна Крестителя, который в правой руке держит крест со знаменем, в левой — свиток, а по сторонам — 4 благовестителя». По описанию эти энколпионы как будто сходны с № 1, вышеописанным, но размеры указаны другие: длина без кольца $1^3/_4$ *в.* (7,7 *см*) ширина 1 *в.* (4,4 *см*).

Можно предположить, что фигура, стоящая в центре — не Креститель с крестом и свитком, а один из архангелов с копьем и державой. Такие композиции известны: медный энколпион XII—XIII вв. из Житомира (рис. 2, *4*; длина 7,7 *см*, ширина 4,6 *см*), медный энколпион XIII в. с квадратами по концам, где помещены погрудные изображения святых и с фигурой архангела посередине (рис. 2, *6*; длина 7,7 *см*, ширина 5,7 *см*). Имеются и более поздние кресты с такими изображениями, но не энколпионы [55]. Лицевой стороной обоих экземпляров, приведенных в качестве аналогий, являются распятия в окружении четырех изображений — по бокам Богоматерь и Иоанн Богослов, вверху и внизу — архангелы Гавриил и Михаил. Такой могла быть и сохранившаяся лицевая сторона одного из наших крестов, которую сам Терещенко описывает так: «на одной стороне изображение распятия с надписью вверху: Иисус Христос Назарянин Царь Иудейский; а по сторонам Богоматерь, св. Магдалина, Иоанн и Иаков» .

5—8. Энколпионы, где на лицевой стороне: распятие в центре и четыре фигуры на концах креста (по Терещенко — Богоматерь, Магдалина, Иоанн и Иаков), а на оборотной — Богоматерь «с четырьмя евангелистами». Длина всех этих крестов 7,7 *см*, ширина 5,5 *см*. На одном из них, отмечает Терещенко, явственно видна надпись БОГОРОДИ... Это безусловно указывает на то, что мы имеем дело с распространенным типом киевского энколпиона XIII в. с надписью «Святая Богородица, помогай». Сведения о находках таких крестов см. выше при описании лицевой створки энколпиона (Эрм. Сар—867). Может быть она является сохранившейся частью одного из описываемых крестов (по размерам близка).

9—11. Кресты «имеют одно изображение — распятие, а по сторонам Божия Матерь, Магдалина, Иоанн и Иаков», т. е. по схеме они аналогичны лицевой створке вышеописанной группы, но немного отличаются размерами: один — длина 2 *в.* (8,8 *см*), ширина $1^1/_4$ *в.* (5,5 *см*), два других — длина $1^3/_4$ *в.* (7,7 *см*), ширина — 1 *в.* (4,4 *см*).

---

[50] Б. И. и В. Н. Ханенко. Кресты и образки, I, табл. VIII. 96/97.

[51] А. С. Уваров. Каталог собрания древностей, отд. VIII—XI, М., 1908, стр. 24, рис. 176, 177.

[52] Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии. Киев, 1915, табл. XVII, *9*.

[53] Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. Загорск, 1960, стр. 102, № 8а. Приведена библиография таких крестов.

[54] Н. И. Петров. Ук. соч., табл. XVII, *10*.

[55] Б. И. и В. Н. Ханенко. Кресты и образки, II, табл. XI. *131, 132*.

12. Такую же схему лицевой стороны имеют золоченый энколпион, оборотная сторона которого описана так: «в центре св. Николай, который одной рукой благославляет, а другой держит евангелие: по бокам 4 угодника. Вверху кольцо». Длина с кольцом $2^1/_4$ *в.* (9,9 *см*), ширина $1^1/_2$ *в.* (6,6 *см*). У Б. И. и В. Н. Ханенко опубликованы квадрифолии, которые они датируют XIII в., а можно, вероятно, датировать XIII—XIV вв.: на лицевой стороне распятие с предстоящими, а на концах архангелы и еще какие-то святые. На оборотной стороне благославляющий Никола с евангелием, на концах в медальонах святые (см. рис. 2, 7; длина без кольца 8 *см*, ширина около 6 *см*). Подобная оборотная сторона опубликована Н. И. Петровым [56]. Можно вспомнить также створку энколпиона XV в., где Никола изображен в рост; вверху — погрудное изображение одной фигуры, в боковых концах — по 2 фигуры (нижний конец отломан) [57].

13. «Крест, почти потерявший свои начертания». С одной стороны изображено распятие, с другой — Богоматерь. Длина 6,6 *см*, ширина 2,2 *см*.

14. Крест с изображением «Распятия Спасителя, вверху его надпись: Иисус Назарянин, царь Иудейский, по сторонам Магдалина и один из учеников» (вероятно, Богоматерь и Иоанн Богослов). Длина 8,8 *см*, ширина 4,4 *см*.

15. Крест, о котором автор специально говорит, что он не складень: «Распятие Спасителя, вверху крест четырехконечный». Длина 7,7 *см*, ширина 3,85 *см*.

16. Половина креста с изображением в кругу Богоматери. «Вверху — греческая надпись». Длина 9,9 *см*, ширина 5,5 *см*.

17. Крест двенадцатиконечный (не складень). «На одной стороне распятие, а по сторонам Богоматерь, Магдалина, Иоанн и Иаков, а на другой — Иоанн Креститель. В правой руке крест со знаменем, а в левой свиток. По сторонам — 4 благовестителя. Вверху креста — кольцо с вырезанным крестиком. Весь крест был позолочен». Длина с кольцом — 11 *см*, ширина 6,6 *см*.

18. «Половина образка с изображением распятия, а по сторонам — Божья Матерь, Магдалина, Иоанн и Иаков». Длина 6,6 *см*, ширина 4,4 *см*.

19—20. «2 панагии с кольцами и одинаковыми изображениями: на одной стороне посередине Божья Матерь, держащая в руках младенца Спасителя, вокруг — 4 евангелиста. На другой стороне посредине образ Иисуса Христа, вверху Петр (надпись), внизу Иоанн (надпись), а по бокам Богоматерь и Магдалина». Длина обеих панагий с кольцом — 8,8 *см*, без кольца 6,6 *см*, а ширина 5,5 *см*.

21. Образок с кольцом: «На одной стороне явленный образ Спасителя семи угодникам: Василию, Андрею, Протархию, Дионисию, Николе, Константину, Савелию... На другой стороне — Ангел вручает какому-то святому свиток... Вверху надпись, которую трудно разобрать. Вокруг образка рамочка наподобие каймы плюшевой. Вероятно, это греческое изделие, м. б. XII в.» Длина с кольцом 8,8 *см*, ширина 5,5 *см*.

22. Одна каменная напряслина.

1849 год

1. Крест, надломленный, из красной меди. Восьмиугольный, без всяких изображений. Длина 9,35 *см*, ширина около 8,8 *см*. Автор не считает его наперсным.

2. Складень наперсный из красной меди. На лицевой стороне — распятие и вокруг 4 изображения святых (по А. В. Терещенко: Богоматерь,

---

[56] Н. И. Петров. Альбом..., табл. XVII, *4*.

[57] Б. И. и В. Н. Ханенко. Кресты и образки, I, табл. X, *120/121*.

Магдалина, Апостол Иоанн вверху и апостол Петр внизу); над головой Иисуса — надпись ІНЦІ (Иисус Назарянин, Царь Иудейский). На оборотной створке — Богоматерь и 4 святых с надписью вокруг: вверху — Петр, внизу — Василий (имеются надписи). Длина креста с ушком $3^3/_4$ *в.* (16,5 *см*), без ушка $3^1/_2$ *в.* (15,4 *см*), ширина $2^1/_4$ *в.* (9,9 *см*). Терещенко датирует его первой половиной XIV в. По композиции крест сходен с известным типом энколпионов с обращением к Богородице. Энколпионы таких больших размеров встречаются редко. Возможно здесь в цифры вкралась ошибка, иначе автор как-то отметил бы эту особенность.

3. Образок из желтой меди. На одной стороне — крест шестиконечный и сокращенная надпись: Царь Славы Иисус Христос. Под крестом — голова Адамова. На другой стороне надпись, выполненная с сокращениями: «Да воскреснет бог, да расточаться врази его и да исчезнет аки дым». Длина 2,2 *см*, в окружности (?) — 4,4 *см*. Судя по надписям — вещь поздняя, не относящаяся к золотоордынскому слою.

4. «Крышка кадила посеребренная. Нижняя сторона в поперечнике $1^3/_4$ (7,7 *см*). Наверху и по бокам — следы позолоты. Украшение состоит из как бы перевитых жгутов, между коими — скважина. Внизу дырочка для продевания цепочки».

1850 год

1—5. Пять лицевых створок медных складных крестов с изображением распятия, а около Богоматерь «с апостолом». Размеры не указаны. Композиция характерна для древнерусских энколпионов.

6. Половина медного складня, где изображен «Спаситель с державой в руке, вокруг угодники». Композиция со стоящей фигурой в центре и четырьмя фигурами по концам также характерна для древнерусских энколпионов.

7. Половина медного наперсного креста-складня. «Изображен св. Николай, облаченный в спископскую одежду, держащий в правой руке евангелие. Вверху бог Саваоф, а по бокам святые». Это могла быть створка энколпиона XIII—XIV вв. квадрифолийной формы, аналогичная рисунку 2,7 или энколпиона XV в., как и описанный выше № 12 за 1848 г.

8. «Крестик серебряный, подобный надеваемому при крещении младенцев». Длина около 3,3 *см*, ширина 2,2 *см*. Похоже, что это описание подходит к крестику-тельнику из Царева, хранящемуся в Гос. Эрмитаже (инв. Сар — 1421, см. выше).

9. Обломок глиняного крестика.

10. «Крестик из желтой меди, носимый на шее. На одной стороне надпись: Кресту твоему, Христе Боже, поклоняемся». Судя по надписи — поздний, не связанный с золотоордынским слоем.

Таким образом, по описаниям А. В. Терещенко можно выделить 24 экземпляра целых или половинок древнерусских энколпионов следующих типов: *1*) лицевая сторона — распятие, оборотная сторона — Богоматерь, по концам изображение звезд, луны, солнца, крестики (1 экз.— хранится в Эрмитаже под номером Сар. 133, XIII в. рис. 1, *1*); *2*) лицевая сторона — распятие, в верхнем конце — Саваоф, в боковых — Богоматерь и Иоанн Богослов, оборотная — неизвестна (1 экз.— возможно, именно он хранится в Эрмитаже под номером Сар. 128, XII—XIII вв. типа рис. 2, *1*); *3*) лицевая сторона — распятие в окружении 4-х святых, оборотная — Богоматерь в окружении 4-х святых, на одном упоминается часть надписи, которая позволяет предположительно отнести всю группу или отдельные экземпляры к известному типу энколпиона с надписью «Святая богородица, помогай!» (5 экз. начала XIII в. типа рис. 2, *2*); *4*) лицевая сторона — по схеме подобна вышеописанной группе, но отличается по размерам, оборотная сторона отсутствует (11 экз. м. б. одна из этих створок

хранится в Эрмитаже под номером Сар. 867; *5*) лицевая сторона — в центре святой с копьем и державой (архангел?), по концам 4 святых, оборотная сторона — в центре Борис и Глеб с крестами, вверху — нерукотворный Спас, по бокам — архангелы, внизу Никола (квадрифолий типа рис. 2, *5*, 1 экз. XIII в.); *6*) лицевая сторона — распятие, по концам — 4 святых, оборотная в центре Никола, благославляющий правой рукой и с евангелием в левой, по концам — 4 святых типа рис. 2, *7* (1 экз. аналогии XIII—XIV вв.); *7*) лицевая сторона — распятие, вверху и внизу архангелы, справа и слева Богоматерь и Иоанн Богослов, на обороте в центре архангел (?) с копьем и державой (?), по бокам архангелы, вверху и внизу святые типа рис. *2, 4* (1 экз. если это складень — XII—XIII вв., если двусторонний крест — XIV—XV вв.); 8) лицевая сторона отсутствует, оборотная повторяет предыдущий тип (2 экз.); вероятно, оборотная сторона — в центре Никола с евангелием , по концам 4 святых (1 экз).

Упоминается еще половина складня, где в центре — Спаситель с державой в руке, а по концам — святые; крест (или створка энколпиона) с распятием и Богоматерью и Иоанном Богословом по сторонам; крест (простой или складень) с распятием и Богоматерью на обороте, и, наконец, три раза упомянут крест с распятием. Ко всем этим описаниям в силу их краткости не удалось подобрать аналогии.

Другой тип древнерусских крестов — тельники. Один такой крест XII—XIII вв. (хранится в Эрмитаже); еще несколько — не могут быть датированы по скудному описанию. Как тельники носились, по-видимому, и каменный крестик и 3 глиняных поливных крестика (один из них, возможно, и хранится в Эрмитаже).

К русским вещам золотоордынского времени возможно могут быть отнесены подсвечники, так же как и 2 обломка мраморной и каменной плит с высеченными на них крестами — вероятно архитектурные детали от церквей. 5 «каменных напряслин», упомянутых Терещенко, может быть можно считать русскими пряслицами, шиферными или сланцевыми. Интересен золотоордынский сосуд с процарапанными под поливой знаком Рюриковичей.

Увек

В Эрмитаже, в коллекции находок из золотоордынских центров имеются следующие русские вещи, найденные в Увеке в 1893 г.

1. Обломок лицевой створки бронзового энколпиона, погнутого и оплавленного (инв. № 30—156, рис. 5, *2*). В центре — распятие, на концах в круглых медальонах погрудные изображения святых (хотя нижний конец обломан, но по небольшим размерам фигурки Христа ясно, что и здесь был медальон с изображением). Композиция обычна для русских энколпионов. Судя по неровному, с заусенцами краю, это, по-видимому, производственный брак. Может быть здесь налицо неудачная попытка отлить новый крест по образцу наиболее распространенного в то время.

2. Односторонняя иконка с закругленным верхом и реберчатым ушком (ЗО — 36, рис. 5, *1*). В середине нижней стороны — отросток, очевидно, подражание более древним экземплярам, когда такие иконки были складными. Длина — 7 *см*, ширина 4 *см*. В иконке одно большое и три маленьких отверстия, появившиеся как брак отливки. Изображение очень нечеткое. На иконе изображен св. Георгий верхом на вздыбленном коне, копьем поражающий змея (?) Вся композиция повернута влево. Сюжет очень распространенный в русском искусстве, особенно начиная с XIII—XIV вв. [58] По форме иконка не позже XV в., а реберчатое ушко позволяет

[58] Н. Г. Порфиридов. Георгий в древнерусской мелкой каменной пластике. Сообщ. Гос. Русского музея. VIII, Л., 1964, стр. 121.

предполагать более раннюю дату — XIV в. Отверстия в иконке и неровные с заусенцами края ее убедительно говорят о том, что это бракованное изделие.

3. Крестик из Увека (3037) с изображением креста, стоящего на голове Адама с копьем и тростью рядом. Вверху надпись — Царь Славы, на обороте многострочная надпись на латинском языке. Время — XVII в. Такие кресты широко известны.

Рис. 5

4. Также безусловно поздней является бронзовая квадратная иконка (3041) с изображением св. Николая с евангелием в крещатом омофоре, благославляющего. У его головы маленькие фигуры Марии (судя по надписи) и святого (Иоанн Богослов?) на облаках. На квадратном ушке — Спас нерукотворный. Эти две последние вещи не имеют отношения к золотоордынскому слою.

В Саратовском краеведческом музее также имеется несколько русских вещей из Увека, найденных в конце XIX — начале XX в.

1. Оборотная сторона энколпиона XIII в. в форме квадрифолия (без инв. номера). В центре — большая фигура Богоматери, сидящей на троне с младенцем на коленях, по сторонам — маленькие фигурки ар-

хангелов в профиль, протягивающих руки к Богоматери. Хорошо различимы витые столбики трона и подушка, четко моделированы складки одежды, натянутой раздвинутыми коленями Богоматери. Фигурка младенца нечеткая (рис. 6).

Б. И. и В. Н. Ханенко опубликованы створки двух энколпионов: один из них, датированный авторами XII в. (найден в с. Лебедине Киевской

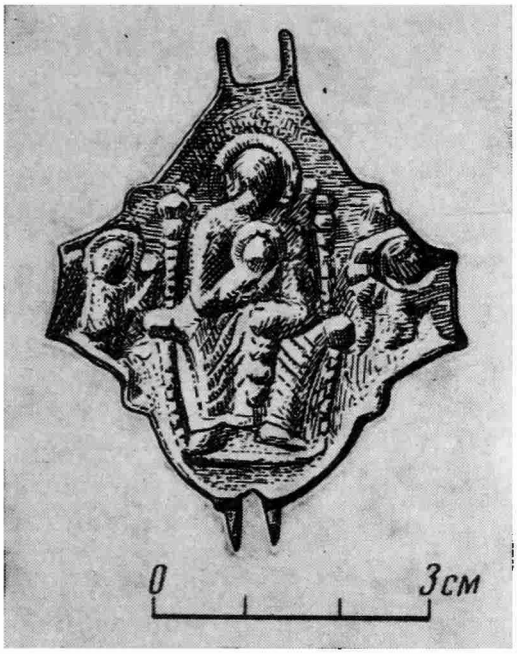


Рис. 6. Икона из Увека

губ.) отличается несколько и по форме, и по манере изображения от увекского, зато другой (место находки неизвестно, датирован XIII в.) совершенно ему идентичен [59].

Изображение Богоматери на троне с младенцем на коленях — сюжет довольно редкий для древнерусской мелкой пластики. В иконописи он соответствует иконографическому типу Богоматери Кипрской, получившей на Руси наименование Печерской, что связано, вероятно, с построением Киево-Печерского монастыря (середина XI в.), где в алтаре имелось мозаичное изображение Богоматери этого типа [60]. Иногда по сторонам трона помещали архангелов или святых [61]. На византийских изделиях мелкой пластики такие изображения встречаются довольно часто [62]. Н. П. Лихачев приводит ряд печатей, преимущественно эпохи Комнинов, с изображением Богоматери этого типа, причем для XII в. характерны престолы без спинок, а в XIII в. престол изображается уже со спинкой, как на нашем энколпионе [63]. Изображения на печатях XIII в. довольно близки изображениям на указанных энколпионах — столбики трона также изображены витыми,

---

[59] Б. И. и В. Н. Ханенко. Ук. соч., I, №№ 71. 99.
[60] Н. П. Кондаков. Иконография Богоматери. Пг, 1915, стр. 316, 326, 327.
[61] Там же, стр. 340 сл.
[62] Там же, стр. 348.
[63] Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой живописи. Изображение Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911, стр. 95—100, рис. 55, 170, 172, 220, 221.

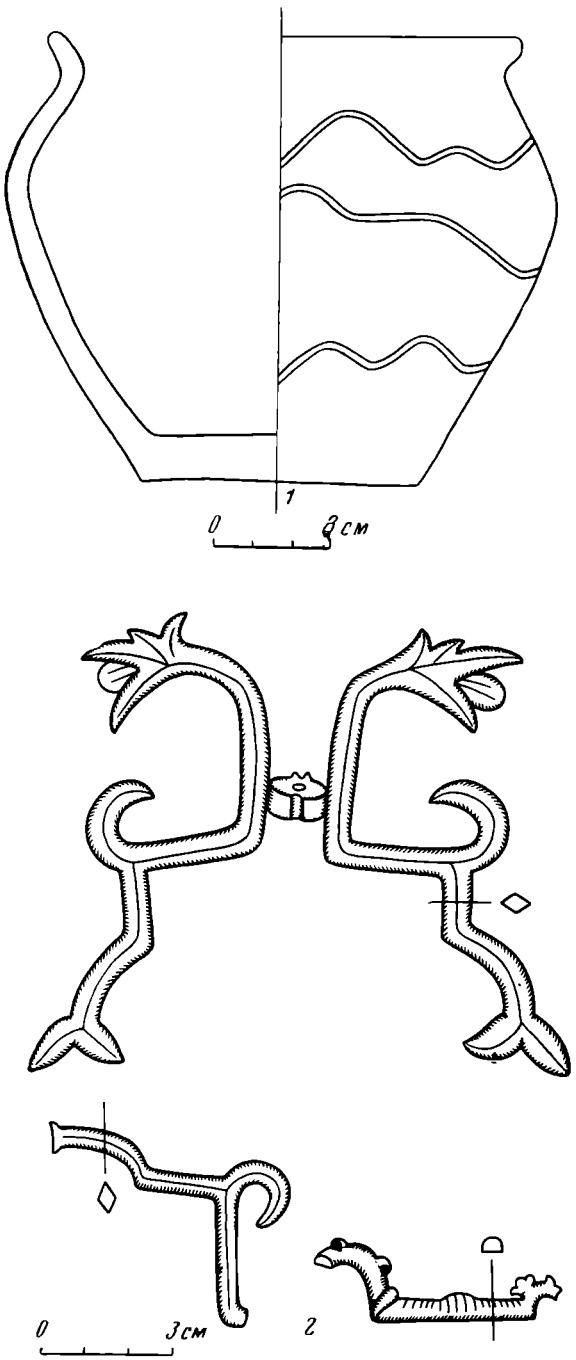


Рис. 7. Русский горшок (1) и детали хоросов (2) из Увека, хранящиеся в Саратовском музее

сходно изображены складки одежды на коленях. Фигуры архангелов отсутствуют.

2. Имеется фотография[64] утерянной каменной иконки из Увека с изображением св. Николая с крещатым омофором. Иконка имеет форму четырехугольника со срезанными верхними углами. По сторонам нимба четкая надпись: АГИОСЪ НКОЛА. Правая рука святого благословляет, левая, кисть которой спрятана в мягких складках одежды, держит евангелие. Большеносый, с пухлыми щеками, с волосами, расчесанными на пробор, святой по своему облику очень простонароден, далек от аскетизма (рис. 5, *3*).

Наиболее близка по форме к иконке из Увека (прямые нижние и скругленные верхние углы) по трактовке лица (с крупными чертами и пухлыми щеками) и одежды — иконка Богоматери Одигитрии XIV в. из ГИМа[65]. По общей композиции, по расположению складок и орнаменту одежды, по рисунку нимба близки так же две шиферные иконки с изображением Николы из Загорска[66], которые датируются XIV в. и концом XIII—началом XIV вв. Палеографические особенности надписи на иконке из Увека также подтверждают ее датировку XIV в.

3. Несколько бронзовых деталей хоросов (инв. № 261, 262, 1222 и др.). Наиболее крупная деталь представляет собой уплощенный симметричный предмет, верхние концы которого оформлены в виде расцветающего бутона, в центре имеется сквозное отверстие (рис. 7). Несколько похожих вещей имеется в Новгородской коллекции — совпадает оформление концов в виде расцветающих бутонов[37].

4. Небольшой русский горшок с ровным слабо отогнутым венчиком и тремя волнами по плечикам и тулову (инв. № 1610, случайная находка 1910 г.). Тесто серое с примесями песка, обжиг трехслойный. Фрагменты подобных сосудов встречены в большом количестве на Водянском городище (рис. 7, *1*).

---

[64] Фотография иконки любезно предоставлена И. В. Синицыным, за что приношу ему глубокую благодарность.

[65] Т. В. Николаева. Древнерусская мелкая пластика. Альбом. М., 1968, № 35.

[66] Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. Загорск, 1960. №№ 26, 27.

[67] Новгород— 55, инв. № 749; Новгород — 57, инв. № 1130.

Кроме того, в музее хранится еще несколько фрагментов русских сосудов из Увека (инв. № 913, 996).

В архиве А. А. Кроткова, хранящемся в Саратовском музее, имеются указания на находки в Увеке в 1900-х годах еще нескольких русских иконок, крестов, деталей лампадок. Многие из них, по-видимому, вошли в публикацию А. А. Спицына [68], но сами вещи к настоящему времени утеряны. Все предметы, опубликованные А. А. Спицыным, кроме двух медных крестиков, приведены Б. А. Рыбаковым в его сводке находок русских вещей в золотоордынских областях [69]. Среди них — каменный образок с изображением жен-мироносиц у гроба господня. А. А. Спицын приводит мнение Н. П. Лихачева об этом предмете, как о греческом по работе и по композиции [70]. Т. В. Николаева подробно рассматривает в своей книге этот сюжет каменных иконок. Самые ранние она датирует XII в., наиболее широко они распространяются в искусстве XIII — начала XIV вв. и только немногие относятся к XIV—XV вв. Позже они не встречаются [71]. Такие иконки служили, по мнению Т. В. Николаевой, нагрудным знаком епископа, своего рода панагией. А. В. Рындина считает, что это, в основом, новгородские изделия и что только в XIV—XV вв. они появились и в других центрах (Москва, Ярославль, Троице-Сергиева лавра), в это время снижается качество их изготовления [72].

Б. А. Рыбаков определяет иконку как киевскую, так как изготовлена она из розового шифера.

Образок с изображением Спасителя, Богоматери и святого сделан из серо-белого мягкого камня с розовым оттенком.

Часть каменной литейной формы XIII в. для изготовления колтов. Б. А. Рыбаков указывает, что подобная найдена в тайнике Десятинной церкви в Киеве и приводит еще много аналогий таким колтам [73].

Каменный образок с изображением архангела, вероятно, византийской работы интересен тем, что в русских древностях известна панагия, прототипом для одной из сторон которой он послужил. На основании надписи Б. А. Рыбаков датирует панагию временем непосредственно перед татарским погромом [74].

Образок из Увека относится, вероятно, к несколько более раннему времени и был занесен, безусловно, на Волгу русскими.

Один из упомянутых крестиков — медный с шариками на концах, — похожий отчасти на царевскую находку, но плоский. Такие крестики датируются XI—XIV вв.

Другой медный крестик — с расцветшими концами, — по аналогии датируется XII — XIII вв.

В литературе имеются сведения о приобретении в Бережном Увеке смотрителем саратовской тюрьмы Палеологом «старинной печати из какого-то темного камня, на котором древнеславянским начертанием вырезаны слова: «Печать Михаила князя Черниговского». Печать была доставлена Палеологом на Киевский съезд археологов [75].

---

[68] А. А. Спицын. Некоторые новые приобретения Саратовского музея.
[69] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М.— Л., 1948.
[70] А. А. Спицын. Ук. соч., рис. 31, стр. 101.
[71] Т. В. Николаева. Мелкая пластика..., стр 34.
[72] А. В. Рындина. Особенности сложения иконографии в древнерусской мелкой пластике. «Гроб господен». Сб. «Древнерусское искусство», М., 1968.
[73] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 527.
[74] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. САИ, EI-44, М., 1964, стр. 40 табл. XXXIV.
[75] П. Пономарев. На развалинах города Увека близ Саратова. «Древняя и Новая Россия», 1879, 1, стр. 332.

ВОДЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ (БЕЛЬДЖАМЕН?)

В 1963 г. на хорошо известном золотоордынском Водянском городище у г. Дубовки, к северу от Волгограда, на правом берегу р. Волги были найдены в большом количестве фрагменты русской керамики, что до тех пор не отмечалось исследователями. Керамика эта плохого качества: в тесте примесь очень крупного песка, обжиг трехслойный, черепок ломкий. По форме венчиков она отличается от золотоордынской и близка русской посуде. Орнаменты — линейный, волнистый и различные штампованные.

С 1967 г. начались раскопки на Водянском городище. Русская керамика теперь собрана в большом количестве, что позволило ее классифицировать [76]. Кроме того, найдено несколько грузиков или пряслиц, которые можно считать русскими, т. к. они сделаны из черепков русских сосудов. Возможно, что именно русскому населению принадлежали несколько «древолазных шипов» (подков для копыт и для сапог), т. к. у татар эти предметы неизвестны.

В 1969 г. на Водянском городище на раскопе II в материковой яме, содержавшей в основном русскую керамику, был найден плоский бронзовый крестик (рис. 8, *2*; длина 2,1 *см*, ширина 1,3 *см*). Концы крестика оформлены в виде трех шаровидных выпуклостей: такие же «жемчужинки» видны и в средокрестии. Такая форма распространена среди древнерусских крестов очень широко, причем у хорошо сохранившихся экземпляров в средокрестии видны пять «жемчужинок», расположенных крестообразно. Многие из крестов имеют совершенно те же размеры, что и наша находка. Датируются они XII—XIII вв. [77].

На раскопе III в том же году в заполнении большого золотоордынского дома была найдена деформированная серьга (инв. № 89, рис. 8, *7*), близкая к так называемому «киевскому типу», т. е. с тремя ажурными напускными металлическими бусинами [78]. Проволока серьги изготовлена из оловянисто-свинцового сплава, а сами бусины — из меди или бронзы, покрытой оловом [79]. Из трех бусин сохранилась только одна, но в обмотке стержня тонкой проволочкой имеются интервалы, как раз по размеру отсутствующих бусин. Сохранившийся конец стержня расплющен, как у серег киевского типа. Сама же бусина отлита по восковой модели и подражает сканным киевским бусам. Обычно в русских древностях подражание скани делалось более простым способом — литьем «навыплеск». Можно думать, что, как и находка с Царевского городища, эта бусина — пример позднего изготовления украшения по образцу конца XII — начала XIII вв.

В подъемном материале 1969 и 1970 гг. с Водянского городища были найдены еще 3 нательных крестика.

1. Миниатюрный крестик (рис. 8, *3*) с тонкими лопастями и ромбом в средокрестии (длина 2 *см*, ширина 1,6 *см*). По углам ромба и на концах лопастей кольцевидные утолщения. Близкие по форме крестики, но бо́льших размеров встречены, например, в Новгороде и Княжой Горе (дата XII—XIII вв.) [80].

---

[76] М. Д. Полубояринова. Русская керамика Водянского городища. КСИА АН СССР, 129, 1972.

[77] Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, 20. СПб., 1896, табл. XII, 32; Б. И. и В. И. Ханенко. Кресты и образки, II, № 185; Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XVIII, *9*, табл. XXIV, 8; Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. МАВГР, III, М., 1899, табл. 6, *4*; Л. А. Голубева. Ук. соч., рис. 18.

[78] Н. П. Кондаков. Русские клады. I, СПб., 1896, табл. IV, *5, 10*, табл. XII, *11*.

[79] Бусина была исследована Н. В. Рындиной, которой и сделаны определение металла и техники изготовления.

[80] М. В. Седова. Ук. соч., рис. 4, *5*; Г. Г. Мезенцева. Древньоруське місто Родень-Княжа Гора. Київ, 1968, табл. IX, *31*.

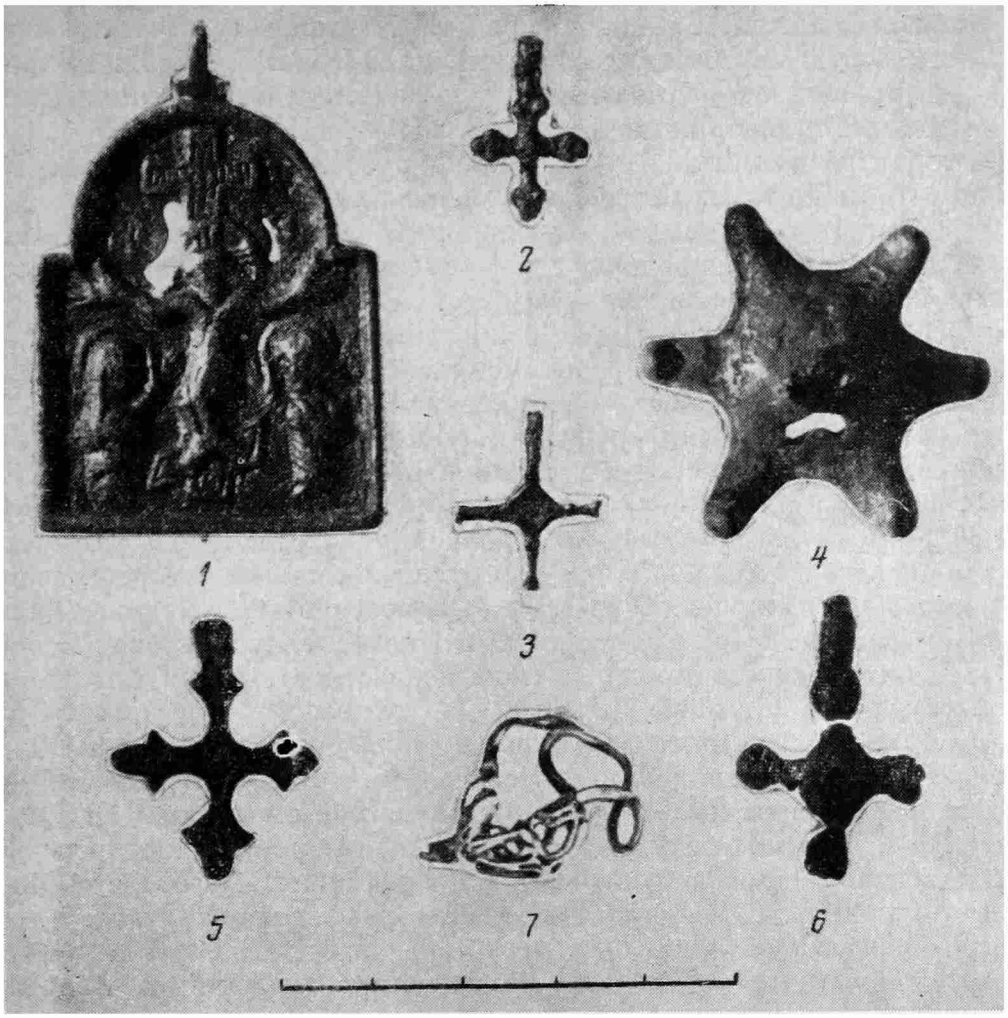


Рис. 8. Находки русских вещей с Водянского городища

2. Бронзовый крестик с трехлепестковыми криновидными концами, в средокрестии ромбик (рис. 8, *5*; длина 3 *см*, ширина 2,4 *см*). Форма часто встречается в русских древностях; многие экземпляры близки по размерам нашему — новгородский и увекский [81]. А. А. Спицын датирует также кресты XIV в., но они известны с XI—XII вв.

3. Крестик бронзовый, с большим ушком и круглыми лопастями: в средокрестии двойной ромб, вокруг которого мелкая насечка. Точных аналогий не встречено, но общая схема близка ко многим крестам XII — XIII вв. (рис. 8, *6*; длина 3,4 *см*, ширина 2,2 *см*).

Среди подъемного материала 1969 г. на Водянском городище были обнаружены еще два предмета, относящихся к христианскому культу, а следовательно, принадлежащих русскому населению города: иконка и деталь паникадила. Иконка бронзовая, литая, прямоугольная с закругленным верхом, по краю имеется выступающий бортик, наверху ушко (рис. 8, *1*). Изображено распятие с предстоящими. Форма иконки характерна для XII — XIII вв. Изображение, довольно грубое по исполнению, позволяет отнести эту иконку к XIII в.

Часть бронзового паникадила представляет собой в плане шестиконечную звезду, три лопасти которой (через одну) имеют снизу петельки для

---

[81] М. В. Седова. Ук. соч., рис. 4, *8*; А. С. Спицын. Ук. ссч. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, 29, СПб., 1903, табл. XXIV, *2*; Н. И. Булычев. Раскопки по среднему течению р. Угры (Ока). Зап. Московского археологического института, XXXI, М., 1913, рис. 19.

прикрепления цепочек. В центре оборотной стороны имелась большая петля, за которую подвешивалось паникадило (рис. 8, *4*). Такие паникадила известны на Руси и имеют широкую дату. В частности, новгородские находки таких паникадил датируются XII—XIII вв.[82]

В литературе известно еще несколько русских вещей интересующего нас времени, найденных на золотоордынских городищах.

С Терновского городища, расположенного на Волге вблизи г. Камышина, А. А. Спицыным приведены 2 каменных крестика: «...один, кажется, из яшмы, другой из серо-зеленого камня»[83]. Судя по аналогиям с новгородскими каменными крестами, это вещи домонгольские XII — XIII вв.[84]

Кроме того, с Терновского городища известен медный энколпион и медные тельные крестики (подъемный материал 1909 г.)[85] Ф. В. Баллодом опубликован найденный им среди подъемного материала складень в виде квадрифолия, с изображением в центральном медальоне Иисуса Христа, а в медальонах на концах — святых, на обороте — Богоматерь с младенцем, также в окружении святых в медальонах[86]. Эта вещь упоминается Б. А. Рыбаковым в его сводке находок русских вещей в татарских городах и на территории их кочевий[87]. Б. А. Рыбаков упоминает также о других отливках в этой же форме, найденных в Киеве, с. Кудинетове (Северный Кавказ) и на Увекском городище (нам неизвестен). Дата этой иконки — XIII в., судя по киевской находке.

А. Е. Алихова исследовала и опубликовала русское поселение на правобережье Волги при впадении р. Усы в Волгу близ с. Березовки. Автор датирует поселок временем с середины или второй половины XIII в. и до конца XIV в. Там, кроме русской керамики, были найдены крест-энколпион с обратной надписью, содержавшей обращение к Богородице, шиферный крестик-тельник (XII—XIII вв.), обломок костяного резного крестика и привеска-уточка (XIII в.)[88].

Некоторое количество русских предметов происходит из кочевнических курганов Нижнего Поволжья.

В Саратовском музее хранится вятическое семилопастное височное кольцо, найденное вместе с бронзовым зеркалом XIII—XIV вв. в кургане у с. Русская Бундиевка на р. Терсе близ с. Рудни Саратовской губернии[89]. По классификации Т. В. Равдиной такие кольца датируются второй половиной XII — XIII вв.[90] Вероятно, это его упоминает А. В. Арциховский в кн. «Курганы вятичей»[91]. Там же хранятся и овручские шиферные пряслица, найденные в с. Куликовка Саратовской области[92]. В Саратовском музее имеются также находки 1914 г. из урочища Подстепное (золотоордынский памятник) — несколько фрагментов русской керамики (инв.

---

[82] По любезному сообщению М. В. Седовой.

[83] А. А. Спицын. Некоторые новые приобретения Саратовского музея, стр. 100.

[84] Новгородские находки каменных крестов распределяются во времени следующим образом: XII — перв. пол. XIII вв.— 13 экз., XIII (втор. половина) — 6 экз.; XIV в. — 3 экз.; XV — 1 экз.

[85] В. Ф. Баллод. Приволжские Помпеи. Пг., 1923, стр. 52.

[86] Там же, табл. 12, 14.

[87] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 528. Здесь же, по-видимому, ошибочно, упомянуты находки русских черепков. Ф. В. Баллод говорит лишь о татарской керамике, а черепки, приведенные на указанной таблице, вполне могут быть золотоордынскими. Кроме того, найдены они на селище, расположенном в 3 *км* от Терновского городища.

[88] А. Е. Алихова. Русский поселок XIII—XIV вв. у с. Березовка. МИА, 30, 1960.

[89] Е. К. Максимов. Вятическое семилопастное кольцо из Нижнего Поволжья. СА, 1964, 4, стр. 225.

[90] Т. В. Равдина. Типология и хронология лопастных височных колец. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 140, рис. 1, *6*, *7*.

[91] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 47.

[92] Е. К. Максимов. Ук. соч., инв. № 782.

№ 870), глиняный крестик с зеленой поливой (длина неизвестна, ширина 3,6 *см*, толщина 1,3 *см*, рис. 9, *1*) и обломанная глиняная птичка-свистулька, покрытая по спинке желтой и зеленой поливой (рис. 9, *2*, инв: № 860). Судя по серому тесту и по поливе — это русские изделия. Крест очень близок сарайскому.

Под инв. № 865 в Саратовском музее хранится среди золотоордынской керамики венчик русского сосуда XIV в. из поселения у сл. Покровское; под инв. № 1038, 1039 — несколько русских черепков с золотоордынского селища у г. Хвалынска; под инв. № 1027 — венчик русского сосуда с золотоордынского памятника из окрестностей с. Курдюм.

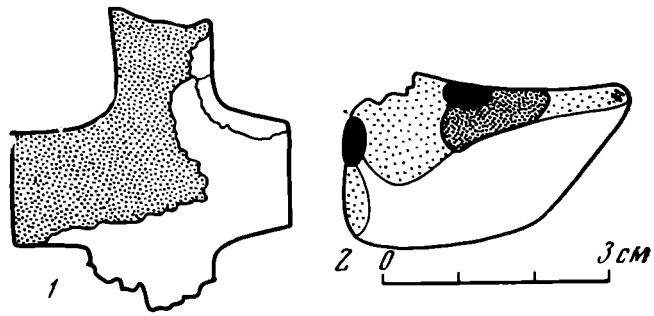


Рис. 9. Поливные глиняные крестик и птичка-свистулька из урочища Подстепное

С территории Волгограда известно погребение, сопровождавшееся русским горшком [93]. Горшок имеет высоту 11 *см*, диаметр горла — 7 *см*. Тесто содержит примесь крупного песка, обжиг плохой. Орнамент по плечикам и отгибу края линейно-волнистый. Таким образом, этот сосуд очень близок к русской керамике с Водянского городища, а по форме он сходен с горшком, найденным в Увеке. Одновременно рядом были вскрыты еще 3 погребения, по-видимому, не содержавшие вещей.

В кочевническом кургане, южнее г. Энгельса, в 1959 г. обнаружен русский шлем с бронзовой обкладкой, несущей чеканные парные изображения птиц, подобный находке с Царевского городища, хранящейся в Эрмитаже [94].

Б. А. Рыбаковым указаны еще несколько находок русских вещей в Поволжье [95]. Один из крестов с обратной надписью «Святая Богородица, помогай» найден у с. Губино, б. Сызранского уезда. Змеевик XIII в. с изображением Федора Стратилата найден на берегу Волги у с. Балаково.

В. В. Кропоткиным опубликован энколпион, найденный в Крыму на Коктебельском городище в 1886 г. На лицевой стороне — распятие и 3 медальона с изображением святых, на обороте — крест и 4 медальона с изображениями святых. Все изображения исполнены чернью. Крест совершенно аналогичен киевской находке в мастерской конца XII — начала XIII вв. В. В. Кропоткин считает, что энколпион принадлежал одному из русских пленников, пригнанных в Причерноморье для продажи в рабство [96].

На Северном Кавказе также известны находки нескольких древнерусских предметов. Б. А. Рыбаковым упомянута находка энколпиона с обращением к Богородице из с. Кудинетово у г. Нальчика [97].

На золотоордынском городище Маджары в 1963 г. был найден энколпион распространенного типа с обратной надписью «Богородица, помогай», т. е. киевского происхождения, времени накануне татарского нашествия [98].

---

[93] Т. М. Минаева. Погребение Зацарицынского р-на г. Сталинграда. ГАИМК за 1932 г., вып. 3—4, стр. 63.

[94] Е. К. Максимов. Находка древнерусского шлема в саратовском Заволжье. СА, 1960, 4, стр. 190.

[95] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 525 сл.

[96] В. В. Кропоткин. Крест-складень из Коктебеля. СА, 1957, 2.

[97] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 529.

[98] Э. В. Ртвеладзе. Крест-энколпион из Маджар, стр. 281.

В. А. Кузнецов, кроме упомянутой выше иконки в форме квадрифолия из с. Кудинетово, сообщает о находках в г. Пятигорске в 1961 г. бронзового литого наперсного креста с двусторонними изображениями [99]. Подобные кресты датируются обычно XV—XVI вв., и нам кажется безосновательным изменение этой даты на XIII в. на основании находки на древнерусском селище Лебедка. Кресты такого типа неизвестны в домонгольских древностях.

Кроме того, в районе Кисловодска несколько лет назад был найден русский змеевик XIII в., имеющий точную аналогию из Киева [100].

В другой статье В. А. Кузнецовым собраны частично публиковавшиеся раньше 11 энколпионов (целых и половинок), найденных на Северном Кавказе [101]. В числе их упомянутый выше энколпион с Маджарского городища и энколпион из Кудинетова, относящиеся к известному типу крестов с обратной надписью, содержащей обращение к Богородице. Автор определенно связывает их с монгольским нашествием, как это делает Б. А. Рыбаков [102]. Однако нам кажется, что и энколпион из Карачаевска и из станицы Макошевской, представляющие собой один тип с рельефным распятием на лицевой стороне, с гравированными «крестом в круге» в верхнем конце и монограммами в боковых концах, также относятся ко времени, близкому нашествию. Выше упомянута находка такого креста в золотоордынском Сарае, где приведено тому основание. По-видимому, энколпионы из Карачаевска и ст. Макошевской также занесены сюда русскими, пленниками татар.

Крест с такой же надписью найден и в степях Бессарабии, куда его могли занести русские пленники, угоняемые в татарскую неволю [103].

Рассмотрим в целом собранный здесь материал, оставляя в стороне извлечения из дневников и отчетов А. В. Терещенко, как трудно определимые, а также, конечно, поздние вещи, случайно попавшие в золотоордынские коллекции. При всей своей разнохарактерности большинство вещей имеет строгие хронологические рамки, конец XII в. и, в основном, XIII в. Все они были принесены в Поволжье и другие захваченные татарами территории русскими, угнанными в плен в период первых походов татарских отрядов на Русь, во время нашествия Батыя.

Само городище, например Новый Сарай, датируется более поздним временем — с 1340-х годов по 1395 г. (разгром Тимура) [104]. На Водянском городище нет как будто слоя XIII в., но в 50-х годах XIII в. Рубрук видел здесь поселок русских. Унесенные с родины реликвии тщательно хранились в среде пленников во всех их странствиях вместе с татарскими ордами в течение столетия, прежде чем попали в золотоордынскую столицу.

Из вещей, относящихся к более позднему времени, к XIV в., многие возможно были изготовлены на месте: бронзовая бракованная иконка с Георгием Победоносцем из Увека, возможно, иконка с распятием с Водянского городища, обломок энколпиона из Увека. Безусловно, изготовлялась на месте вся известная нам русская керамика с золотоордынских территорий — из русского квартала на Водянском городище, с поселения у с. Березовки.

Судя по скромности русских вещей, их владельцы не принадлежали к верхам русского населения, что вполне согласуется со сведениями источников о социальном составе пленников. Например, в письме епископу Перуджи доминиканского миссионера брата Юлиана, который совершал в

---

[99] В. А. Кузнецов. Древнерусские предметы, найденные на Северном Кавказе.

[100] Там же.

[101] В. А. Кузнецов. Энколпионы Сев. Кавказа. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968.

[102] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв., стр. 39.

[103] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 529.

[104] Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА. 1964, I. стр. 271.

1237—1238 гг. второе путешествие на восток, в земли, завоеванные татарами, говорится: «Во всех завоеванных царствах они (татары) без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасение, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли...» [105].

«И, если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда...» (Плано Карпини) [106]. Дальше Плано Карпини точно указывает, кого именно предпочитали брать в плен завоеватели: «В земле Сарацинов и других, в среде которых они являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам» [107].

Кроме того, нужно учитывать, конечно, что пленники не могли сохранить вещи, имеющие материальную ценность.

Определить русский ремесленный центр, где был изготовлен тот или иной предмет, в большинстве случаев не представляется возможным. Исключение составляют, может быть, 5 экземпляров энколпионов с обратной надписью, содержащей обращение к Богородице, найденные в самых различных местах — они, по-видимому, сделаны в Киеве, энколпионы XII—XIII вв. с черненым изображением совершенно идентичны киевскому (крымская находка); образок с изображением Спасителя на троне (Увек), который Б. А. Рыбаков считает киевским по материалу, из которого эта вещь изготовлена. Однако даже это относительно точное установление центров производства некоторых вещей мало что дает, любая из них могла быть увезена в любой пункт Руси, а уже оттуда попасть вместе с владельцем в Орду. Известно, что продукция, например, киевских ювелирных мастерских имела самое широкое распространение на русской территории. Вполне определенно можно говорить лишь о вятичском семилопастном кольце, найденном в Поволжье, да о бракованной иконке и энколпионе из Увека, которые явно изготовлялись на месте. Определить же, с каких территорий были угнаны в плен русские, могут, быть может, помочь лишь письменные источники.

M. D. Polouboïarinova

LES OBJETS D'ORIGINE RUSSE DANS LA HORDE D'OR

Résumé

Dans la période du joug tataro-mongol des miliers de Russes furent pris en esclavage et emmenés à la Horde d'Or. D'objets isolés appartenant aux Russes et découverts au cours des fouilles archéologiques des centres de la Horde d'Or permettent de former une certaine opinion sur la composition sociale des prisonniers. Dans l'article sont utilisés les matériaux provenant d'anciennes fouilles et conservés dans les Musées ou connus d'après les publications ainsi que les matériaux récemment mis au jour. Le plus grand nombre d'objets russes (pointes de casques, croix en métal et en argile etc) son trouvés à Novy Saraï (la gorodichtché Tsariovskoïe) qui était une des capitales de la Horde d'Or, lors des travaux de fouilles exécutés au milieu du XIXe siècle. Sur la gorodichtché Vodianskoïé, outre plusieurs objets isolés, on a découvert la céramique russe, de fabrication locale. Cela porte à penser que grand nombre de Russes y demeuraient durant une longue période. Certains objets russes proviennent des kourganes.

Tous les objets décrits remontent à l'époque du XIIe au XIVe siècles.

---

[105] С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. «Исторический архив», III, М.— Л., 1940, стр. 87.

[106] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, стр. 54.

[107] Там же, стр. 58.

В. И. ВИХЛЯЕВ

СЮЛЬГАМЫ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ СЕЛИКСЕНСКОГО И АРМИЕВСКОГО ТИПОВ

Сюльгамы, или кольцевые застежки [1], являются одной из самых распространенных категорий вещей, которые встречаются в погребениях мордовских могильников. Специальных работ, посвященных вопросу хронологии и классификации мордовских сюльгам, еще не было. В какой-то степени эти вопросы освещены в ряде исследований общего характера [2]. Между тем значительное количество сюльгам из погребений в мордовских могильниках, часто по нескольку экземпляров в одном комплексе, позволяет, применив типологический и статистический методы, довольно точно датировать определенные типы. Это в свою очередь значительно облегчает общую датировку не только могильников, но и отдельных погребений.

Предметом нашего исследования являются сюльгамы из мордовских могильников селиксенского и армиевского типов II—VII вв. [3]. В общей сложности привлечены материалы из 383 погребений, которые дали более 240 экз. сюльгам. Было отобрано 175 экз. хорошо сохранившихся сюльгам, пригодных для классификации.

В одежде древней мордвы сюльгамы использовались и в качестве застежек и в качестве украшений. В подавляющем большинстве они изготовлены из бронзы, лишь несколько — из железа. По форме сюльгамы очень устойчивы и представляют собой круглое или овальное кольцо, отличаясь друг от друга лишь сечением кольца, устройством концов и орнаментом. Все сюльгамы имеют прямой подвижный язычок. Большинство из них орнаментировано по лицевой стороне. Особенности конструкции и изготовления этого рода застежек хорошо описаны в сводной работе В. А. Мальм о сюльгамах Северо-Западной Руси, где она называет их спиралеконечными подковообразными фибулами [4].

[1] В археологической литературе эта категория вещей именуется сюльгамами, кольцевыми застежками, фибулами, пряжками. Однако для мордовских древностей более распространен термин «сюльгама», который принимаем и мы, хотя следует отметить, что даже в написании этого слова существуют различия.

[2] В. В. Гольмстен. Хронологическое значение эволюции древних форм. Изв. Самар. ГУ, 5, Самара, 1923, стр. 7, 10, 12, рис. 1—8; П. П. Ефименко. Рязанские могильники. МЭ, III, 1, Л., 1926, стр. 61, 75; П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе реки Узы. Саратов, 1930, стр. 17—19; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 118—121.

[3] В статье использованы материалы Селиксенского могильника — 144 погребения (ПОКМ, инв. № 8629, 8358, 8675, 8843, 9103, 9495), Ражкинского могильника — 20 погребений (ПОКМ, инв. № 8842, 9104), Тезиковского могильника — 55 погребений (ПОКМ, инв. № 9381, 10 330), Селикса-Трофимовского могильника — 36 погребений (с 29 до 64 погребения по нумерации М. Р. Полесских, фонды МНИИЯЛИЭ) и Армиевского могильника — 128 погребений (раскопки П. С. Рыкова, СОМК, инв. № 766). Остальные материалы оказались для нас недоступными. Пользуясь случаем, выражаем глубокую признательность М. Р. Полесских за предоставленную возможность ознакомиться с материалами его раскопок.

[4] В. А. Мальм. Подковообразные и кольцевидные застежки — фибулы. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ 43, М., 1967, стр. 151, 152.

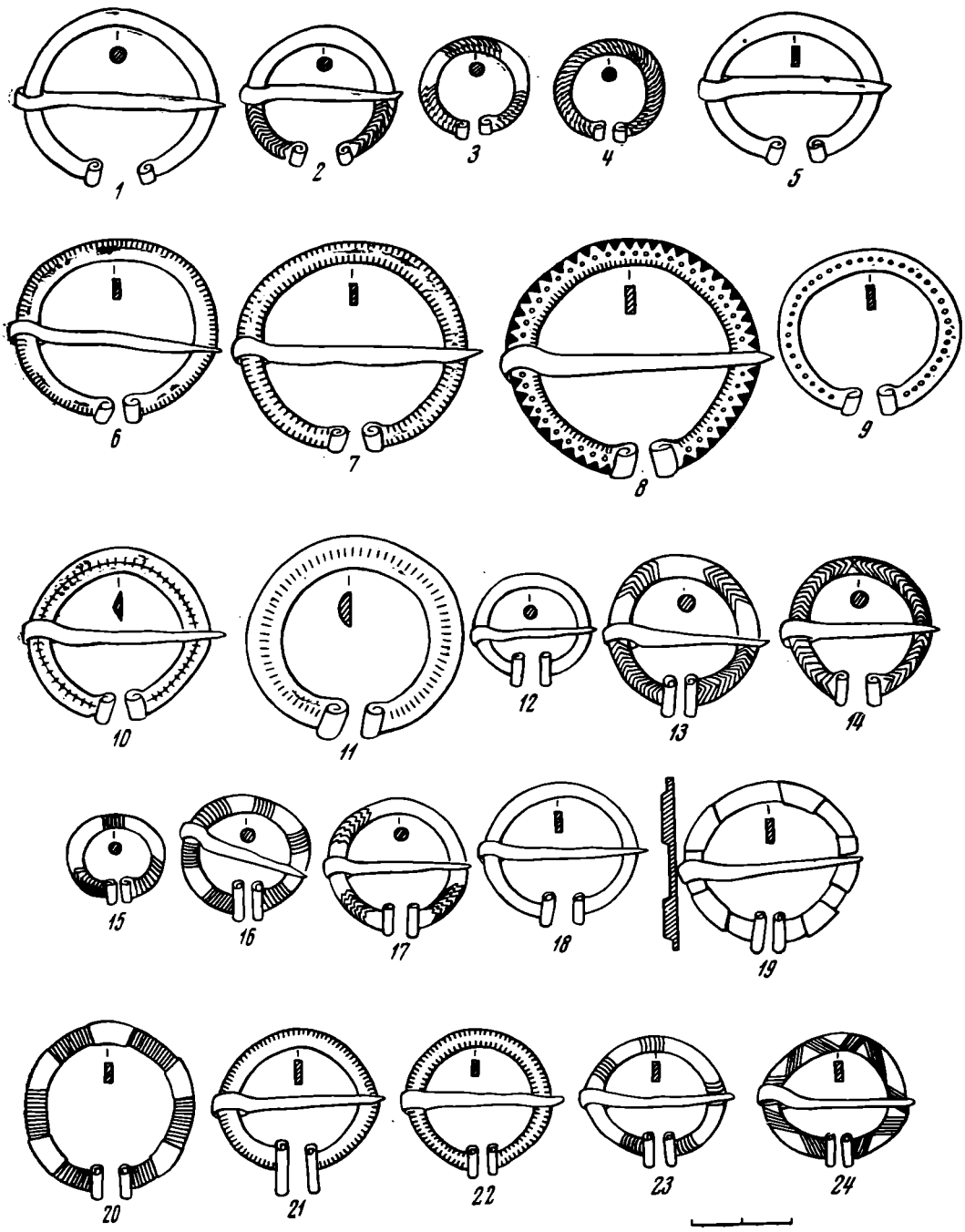


Рис. 1. Бронзовые сюльгамы

При классификации мы учли необходимые устойчивые классификационные признаки, такие как направление развития эволюционного ряда сюльгам по форме концов (заслуга определения которого принадлежит В. В. Гольмстен [5]), форму сечения кольца и орнамент. Все сюльгамы делятся на разряды по материалу, на группы по форме концов, группы расчленяются на отделы по форме сечения кольца и на типы по орнаменту.

РАЗРЯД I. БРОНЗОВЫЕ.

Группа 1. Без «усов». Закрученные в спирали или отогнутые концы не выступают за ширину сечения кольца

Отдел А. Круглые в сечении

Тип 1 (11 экз.). Без орнамента (рис. 1,*1*).

Тип 2 (1 экз.). Орнаментированные у основания концов насечкой в виде «елочки» (рис. 1,*2*).

[5] В. В. Гольмстен. Ук. соч., рис. 1—8.

Тип 3 (1 экз.). С зонным орнаментом из зигзаговых насечек (рис. 1,*3*).

Тип 4 (1 экз.). Орнаментированные зигзаговыми насечками по всей длине кольца (рис. 1,*4*).

Наиболее многочисленный тип 1 этого отдела имеет широкий хронологический и территориальный диапазон бытования: встречаясь в памятниках мордвы уже с первых веков 1 тысячелетия, он продолжает бытовать до середины II тысячелетия [6]. Аналогии остальным типам этого отдела нам неизвестны.

Отдел Б. Плоские в сечении

Тип 1 (5 экз.). Без орнамента (рис. 1,*5*).

Тип 2 (16 экз). Орнаментированные короткими насечками по внешнему краю кольца (рис. 1,*6*).

Тип 3 (18 экз.). Орнаментированные короткими насечками по внутреннему и внешнему краю кольца (рис. 1,*7*).

Тип 4 (3 экз.). Орнаментированные рубчиками по внешнему, короткими насечками по внутреннему краям и пунктиром из точечных вдавлений, идущим посредине кольца параллельно краям (рис. 1, *8*).

Тип 5 (1 экз.). Орнаментированные пунктиром из точечных вдавлений, идущим посредине кольца параллельно краям (рис. 1, *9*).

Сюльгамы типа 1Б1 [7] встречаются в памятниках Восточной Европы на протяжении всего I тысячелетия.

Сюльгамы типа 1Б2 известны в комплексах стадий А, В и В1 рязанских могильников, т. е. во II—IV вв. [8], в погребении 5 Кошибеевского могильника из раскопок В. Глазова [9], которое П. П. Ефименко отнес к стадиям В—В1, т. е. к III—IV вв. [10], в могильниках азелинской культуры III—V вв. [11].

Сюльгамы типа 1Б3 были найдены в погребениях стадий В1—С рязанских могильников, т. е. в IV—V вв. [12], в погребении 76 Кошибеевского могильника из раскопок А. А. Спицына, которое относится к стадиям В—В1, что соответствует III—IV вв. [13], в погребениях Иваньковского могильника V—VII вв. [14], в Холуйском могильнике V—VII вв. [15].

Сюльгамы типа 1Б4 имеются в погребении 5 Кошибеевского могильника, которое, как уже было отмечено выше, датируется III—IV вв., типа 1Б5 — в ранних комплексах Хотимльского могильника VI—IX вв. [16].

Отдел В. Треугольные в сечении

Тип 1 (3 экз). Орнаментированные короткими насечками по лицевой средней грани кольца (рис. 1, *10*).

---

[6] П. Д. Степанов. Паньжинский могильник. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959, табл. 79, *9*.

[7] В обозначениях типа 1Б1 — первая цифра — группа, буква — отдел, последняя цифра — тип.

[8] П. П. Ефименко. Ук. соч., рис. 1, 2.

[9] ГИМ, инв. № 44263, хр. 51/19 б.

[10] П. П. Ефименко. Ук. соч., табл. IV.

[11] В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. н. э. ВАУ, 5, Свердловск, 1963, табл. VIII, *3*.

[12] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 75.

[13] П. П. Ефименко. Ук. соч., табл. IV; ГИМ, инв. № 37730, хр. 51/25 б.

[14] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1961, рис. 25, *1, 2*.

[15] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, рис. 57, *3*.

[16] Там же, рис. 56, *19*.

Отдел Г. Сегментные в сечении

Тип 1 (2 экз). Орнаментированные короткими насечками по середине кольца (рис. 1, *11*).

Группа 2. С короткими «усами». Завернутые в трубочку концы образуют «усики», немного выступающие за ширину кольца. Их длина никогда не превышает $^1/_3$ диаметра сюльгамы

Отдел А. Круглые в сечении

Тип 1 (12 экз.). Без орнамента (рис. 1, *12*).

Тип 2 (5 экз.). С зонным орнаментом в виде насечек «елочкой» (рис. 1, *13*).

Тип 3 (1 экз.). С орнаментом в виде насечек «елочкой» по всему кольцу (рис. 1, *14*).

Тип 4 (1экз.). С орнаментом из насечек «елочкой» у одного конца и длинных насечек поперек кольца, расположенных в виде двух зон — у второго конца и в средней части кольца (рис. 1, *15*).

Тип 5 (4 экз.). С зонным орнаментом в виде групп длинных насечек поперек кольца (рис. 1, *16*).

Тип 6 (1 экз.). С зонным орнаментом из насечек в виде зигзагов (рис. 1, *17*).

Сюльгамы типа 2А1 известны в Курманском могильнике IV—VII вв.[17], в комплексах V—VI вв. Щатрищенского могильника [18], в Старшем Кужендеевском могильнике конца VI — VII вв. [19], в могильнике у пос. Заря в комплексах VII—VIII вв. [20], в материалах Троицкого городища IV—III вв. до н. э.— конец V — начало VI вв. н. э. [21], на Щербетьевском островном селище III — VIII вв. на Нижней Каме [22], в бассейне Верхней Оки на городище Свинухово в слоях IV — VII вв. [23]

Сюльгамы типа 2А5 были найдены в Щатрищенском могильнике в комплексах V—VI вв.[24], в Старшем Кужендеевском могильнике [25], в могильнике у пос. Заря в комплексах VII—VIII вв.[26]

Сюльгамы типа 2А6 имеются в материалах Самозлейского городища I—VI вв. на Средней Мокше [27]. Аналогии типам 2А2, 2А3, 2А4 нам неизвестны.

Отдел Б. Плоские в сечении

Тип 1 (26 экз.) Без орнамента (рис. 1, *18*).

Тип 2 (2 экз.). С прямоугольными выступами по лицевой стороне кольца (рис. 1, *19*).

---

[17] ГИМ, инв. № 55421, хр. 47/31а, 47/25 б.

[18] Т. А. Кравченко. Раскопки Щатрищенского могильника в 1966 г. КСИА, АН СССР, 119, 1969, рис. 47.

[19] М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник в долине р. Тёши. СА, 1959, 1, рис. 3, *2*.

[20] М. Ф. Жиганов. К истории мордовских племен в конце I тысячелетия. н. э. (могильник у пос. Заря). СА, 1961, 4, рис. 4, 8.

[21] А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964, 1, рис. 11, *4*.

[22] П. Н. Старостин. Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме. СА, 1968, 1, рис. 2, 5.

[23] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959, рис. 20, *5*.

[24] Т. А. Кравченко. Ук. соч., рис. 47.

[25] М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник в долине р. Тёши. рис. 3, *3*.

[26] М. Ф. Жиганов. К истории мордовских племен, рис. 4, 10.

[27] Самозлейское городище. Экспозиция археологического музея Мордовского университета. А. В. Циркин. Отчет о раскопках Самозлейского городища. Архив ИА АН СССР.

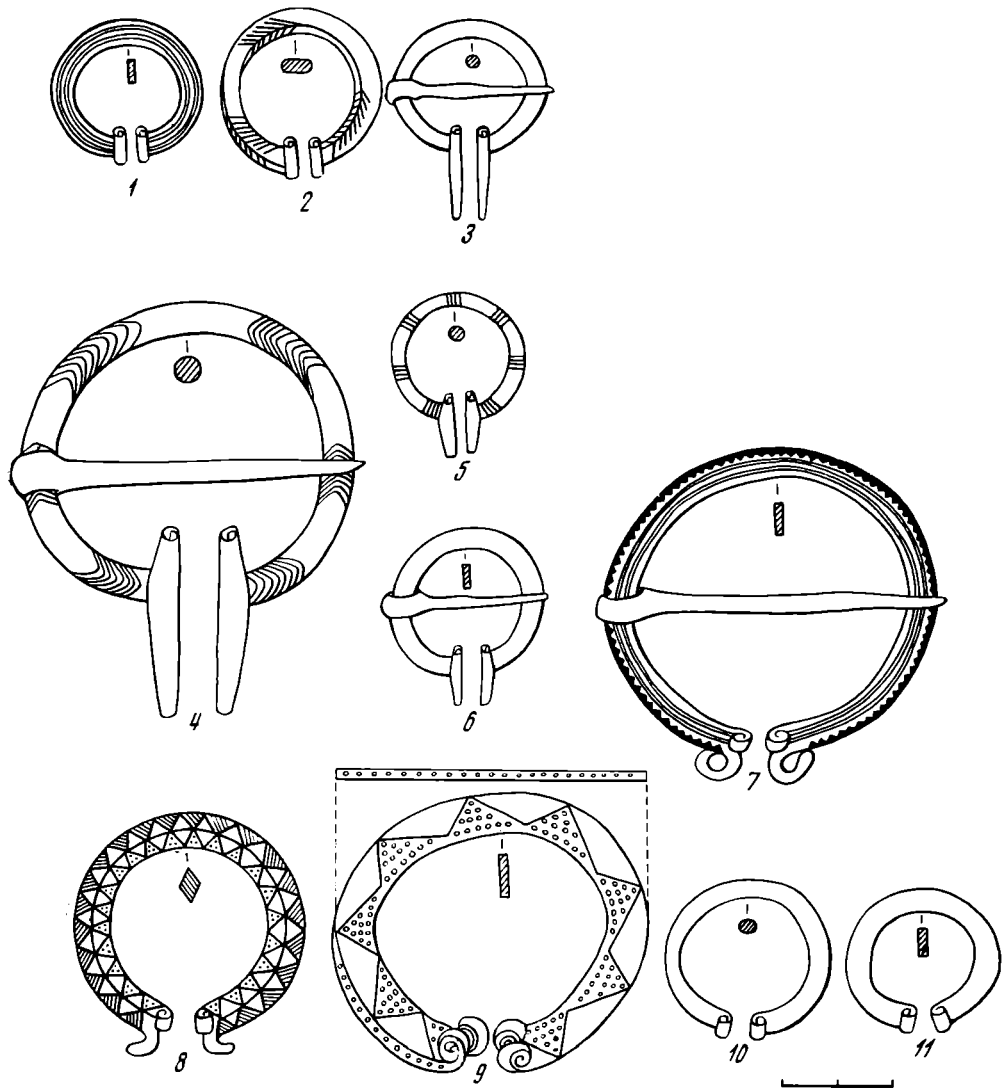


Рис. 2. Бронзовые и железные сюльгамы
1—9 — бронзовые, *10—11* — железные

Тип 3 (1 экз.). Такие же, только пространство между выступами заполнено густыми, длинными насечками (рис. 1, *20*).

Тип 4 (3 экз.). Орнаментированные короткими насечками по внешнему краю кольца (рис. 1, *21*).

Тип 5 (22 экз.). Орнаментированные короткими насечками по внутреннему и внешнему краям кольца (рис. 1, *22*).

Тип 6 (9 экз.). С зонным орнаментом из длинных насечек поперек кольца (рис. 1, *23*).

Тип 7 (12 экз.). С орнаментом из нескольких групп по 2—6 длинных насечек, расположенных одна по отношению к другой зигзагообразно, как бы образующих фигуру многолучевой звезды (рис. 1, *24*).

Тип 8 (2 экз). С двумя желобками по кольцу, идущими параллельно краям (рис. 2, *1*).

Отдел В. С уплощенно-круглым в сечении кольцом

Тип 1 (1 экз). С зонным орнаментом в виде насечек «елочкой», образованных насечками, расположенными на лицевой и боковых плоскостях кольца (рис. 2, *2*).

Сюльгамы типа 2Б1 имеются в Курманском могильнике IV—VII вв.[28], в Борковском II—VI вв. и в Кузьминском II—VII вв.[29], а также в комплексах VII — VIII вв. могильника у пос. Заря[30].

Сюльгамы типа 2Б3 известны в Курманском могильнике[31] и в Шокшинском могильнике VI — X вв.[32]

Аналогии сюльгамам типа 2Б4 имеются в комплексах V—VI вв. Щатрищенского могильника[33] и в ранних погребениях могильника у пос. Заря,[34] типа 2Б5 — в погребении 31 Кузьминского могильника[35], которое датируется П. П. Ефименко VI в.[36], в Старшем Кужендеевском[37] и в Шокшинском могильнике[38].

Сюльгамы типа 2Б6 известны в Щатрищенском могильнике в погребении конца VI — начала VII в.[39], в могильнике у пос. Заря в комплексах VII—VIII вв.[40]

Аналогии типу 2Б7 можно найти в Шокшинском могильнике[41]. Аналогии типу 2Б2 нам неизвестны.

Группа 3. С концами, закрученными в трубочки в виде длинных «усов». Длина «усов» всегда больше $^1/_3$ диаметра сюльгамы

Отдел А. Круглые в сечении

Тип 1 (3 экз.). Без орнамента (рис. 2, *3*).

Тип 2 (1 экз). С зонным орнаментом в виде насечек «елочкой». (рис. 2, *4*).

Тип 3 (1 экз). С зонным орнаментом в виде длинных насечек поперек кольца (рис. 2, *5*).

Отдел Б. Плоские в сечении

Тип 1 (2 экз). Без орнамента (рис. 2, *6*).

Многочисленные аналогии сюльгамам типа 3А1 известны в цнинских могильниках VIII—XI вв.[42]

Сюльгамы типа 3А3 были найдены в Шокшинском могильнике[43] и могильнике «Волчиха»[44]. Точные аналогии типам 3А2 и 3Б1 нам неизвестны.

Группа 4. С раздвоенными завернутыми концами

Отдел А. Плоские в сечении

Тип 1 (1 экз). Орнаментированные мелкими рубчиками по внешнему краю кольца и двумя желобками, идущими по кольцу параллельно краям (рис. 2, *7*).

[28] ГИМ, инв. № 55421, хр. 47/25 б, 47/12 а.
[29] Сб. «Древности мордовского народа». Саранск, 1941, табл. XVII, *12*.
[30] Могильник у пос. Заря, погр. 25. Раскопки М. Ф. Жиганова. Фонды МРКМ.
[31] ГИМ, инв. № 55421, хр. 47/25а.
[32] Шокшинский могильник, погр. 111; А. В. Циркин. Отчет о раскопках Шокшинского могильника в 1967 г. Архив ИА АН СССР.
[33] Т. А. Кравченко. Ук. соч., рис. 47.
[34] Могильник у пос. Заря. Фонды МРКМ, погр. 25.
[35] ГИМ, инв. № 39250.
[36] П. П. Ефименко. Ук. соч., табл. 1.
[37] М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник, стр. 221.
[38] Шокшинский могильник, погр. 103; А. В. Циркин. Ук. соч.
[39] Т. А. Кравченко. Ук. соч., рис. 47, стр. 99.
[40] М. Ф. Жиганов. К истории мордовских племен, рис. 4, 9.
[41] Шокшинский могильник, погр. 154; А. В. Циркин. Отчет о раскопках Шокшинского могильника в 1968 г. Архив ИА АН СССР.
[42] Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952. Сб. «Материальная культура среднецнинской мордвы в VIII—XI вв.». Саранск, 1969.
[43] Шокшинский могильник, погр. 204; А. В. Циркин. Отчет за 1968 г. Архив ИА АН СССР.
[44] Могильник «Волчиха», погр. 21, 23, 28. Раскопки М. Ф. Жиганова. Фонды МРКМ.

Тип 2 (1 экз.). Орнаментированные по лицевой стороне рядом треугольников, заполненных точечными вдавлениями. По внешнему ободку имеется орнамент в виде пунктира из точечных вдавлений (рис. 2, *9*).

Отдел Б. Ромбические в сечении

Тип 1 (1 экз.) Лицевые стороны кольца украшены рядами треугольников, внешний ряд которых заштрихован, а внутренний заполнен точечными вдавлениями (рис. 2, *8*).

Сюльгамы типов 4А1, 4А2 известны в материалах азелинской культуры III—V вв.[45] Аналогии типу 4Б1 нами не найдены.

РАЗРЯД II. ЖЕЛЕЗНЫЕ

Группа 1. Без «усов»

Отдел А. Круглые в сечении

Тип 1 (1 экз.). Без орнамента (рис. 2, *10*).

Отдел Б. Плоские в сечении

Тип 1 (1 экз.). Без орнамента (рис. 1 *11*). Аналогии железным сюльгамам типа 1А1 имеются в многочисленных памятниках на обширной территории, которые в основном относятся к первой половине I тысячелетия.

Таким образом, мы видим, что среди сюльгам могильников селиксенского и армиевского типов выделяется ряд устойчивых и распространенных типов. Поскольку железные сюльгамы встречаются единично, вся наша работа будет основываться на сюльгамах, изготовленных из бронзы.

Для того чтобы выделить хронологически одновременные группы сюльгам и проверить направление развития их эволюционного ряда, нами проведено исследование взаимовстречаемости типов в отдельном погребении В основу его положен известный в статистике коэффициент ассоциации, одна из эмпирических мер тесноты связи[46]. Этот метод в общей форме не отличается от других статистических методов, применяемых в археологии[47].

Если тип A и тип B встречены в одном и том же погребении, это говорит о том, что между ними имеется определенная хронологическая или этническая связь. Чем больше случаев совместного нахождения двух типов, тем выше коэффициент ассоциации, тем увереннее можно говорить о одновременности их существования или принадлежности к носителям одного и того же этноса. Этот коэффициент исчисляется по формуле:

$$R = \frac{(AB \cdot \bar{A}\bar{B} - A\bar{B} \cdot \bar{A}B)}{\sqrt{A \cdot B \cdot \bar{A} \cdot \bar{B}}},$$

где R — коэффициент ассоциации; AB — количество погребений, где есть сюльгамы типа A и типа B; $A\bar{B}$ — количество погребений, где есть сюльгамы типа A, но нет сюльгам типа B; $\bar{A}B$ — количество погребений, где есть сюльгамы типа B, но нет сюльгам типа A; $\bar{A}\bar{B}$ — количество погребений с сюльгамами, где нет сюльгам ни типа A, ни типа B; A — количество погребений, где есть сюльгамы типа A; B — количество погребений, где есть сюльгамы типа B; $\bar{A}$ — количество погребений с сюльгамами, где нет сюльгам типа A; $\bar{B}$ — количество погребений с сюльгамами, где нет сюльгам типа B.

[45] В. Ф. Генинг. Ук. соч., табл. XXIII, *4*, рис. 25.

[46] И. Г. Венецкий, Г. С. Кильдишев. Основы теории вероятностей и математической статистики. М., 1968, стр. 274—276.

[47] Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 93—96.

Мы принимаем, если:

$$-0{,}1 \leqslant R < 0{,}1 \text{ — связь отсутствует,}$$
$$0{,}1 \leqslant R < 0{,}2 \text{ — слабая связь,}$$
$$R \geqslant 0{,}2 \text{ — сильная связь.}$$

Теперь, графически изобразив полученные результаты (табл. 1), получаем следующую картину (рис. 3). Четко выделяются три комплекса сюльгам. В комплекс I входят только сюльгамы первой группы без «усов». Между ними имеются слабые связи, которые все же позволяют выделить их в отдельную группу. Слабость связей объясняется тем, что сюльгамы первой группы обычно встречаются в погребениях единично. В комплекс II входят лишь сюльгамы второй группы с короткими «усами», между которыми имеются сильные связи. Сильные связи прослеживаются и в комплексе III, который объединяет два типа сюльгам с короткими «усами» и один тип с длинными «усами». Между II и III комплексами сюльгам расположились два типа, имеющие слабые связи как с одним, так и с другим комплексом. Поскольку единство этноса могильников селиксенского и армиевского типов не вызывает сомнений, то остается предположить, что выделенные нами комплексы сюльгам хронологически разновременны. С другой стороны, в ряде случаев в одном и том же погребении встречены вместе сюльгамы первой и второй, второй и третьей групп, но ни разу не было случая совместного нахождения сюльгам первой и третьей групп. Это позволяет предположить, что первая и третья группы хронологически разновременны, а промежуточной между ними является вторая группа. Но для того чтобы убедиться в этом, необходимо проверить, как распределяются типы сюльгам по хронологическим периодам (табл. 2). Хронология рассматриваемых памятников разработана М. Р. Полесских[48]. Его датировка могильников не вызывает возражений и применяется нами. На табл. 2 четко видно, что выдвинутое нами предположение о разновременности трех групп сюльгам подтверждается. Сюльгамы первой группы без «усов», как правило, за исключением двух случаев, не встречаются позднее V—VI вв. Вторая группа сюльгам с короткими «усами» господствует в период VI—VII вв. и в конце его начинает вытесняться сюльгамами третьей группы с длинными «усами». В более поздних цнинских могильниках, являющихся хронологическими и этническими восприемниками могильников армиевского типа, преобладают уже сюльгамы с длинными «усами», а сюльгамы с короткими «усами» не встречаются[49].

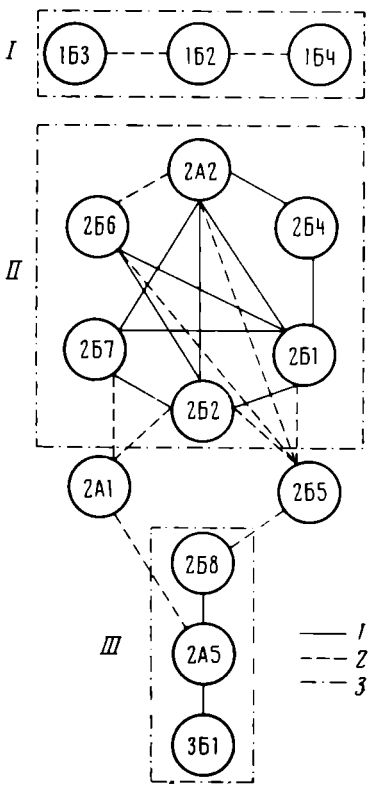


Рис. 3. Связи между типами сюльгам

1 — сильная связь, *2* — слабая связь, *3* — хронологические комплексы типов сюльгам

Таким образом, на материалах могильников селиксенского и армиевского типов находит полное подтверждение направление развития эволюционного ряда, определенное В. В. Гольмстен. Оно шло по пути изменения формы концов. Сначала появляются сюльгамы с закрученными конца-

[48] М. Р. Полесских. Пензенские могильники мордвы IV—V вв. СА, 1962, 4, стр. 179—188; его же. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши. Сб. «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965, стр. 144—148, рис. 1.

[49] Материалы по истории мордвы VII—IX вв.; Моршанск 1952. Сб. «Материальная культура среднецнинской мордвы VII—XI вв.». Саранск, 1969.

Таблица 1

Событие AB		A	B	$\bar{A}$	$\bar{B}$	AB	$A\bar{B}$	$\bar{A}B$	$\bar{A}\bar{B}$	R[1]
тип A	тип B									
1А1	2Б6	11	8	93	96	1	10	7	86	0
1Б2	1Б3	16	12	88	92	3	13	9	79	+
1Б2	1Б4	12	3	92	101	1	11	2	90	+
1Б4	2Б1	3	19	101	85	1	2	18	83	0
1Б4	2Б5	3	17	101	87	1	2	16	85	0
2А1	2А2	11	5	103	99	1	10	4	89	0
2А1	2А5	11	4	93	100	1	10	3	90	+
2А1	2Б1	11	19	93	85	2	9	17	76	0
2А1	2Б2	11	2	93	102	1	10	1	92	+
2А1	2Б5	11	17	93	87	2	9	15	78	0
2А1	2Б6	11	8	93	96	1	10	7	86	0
2А1	2Б7	11	7	93	97	2	9	5	88	+
2А2	2Б1	5	19	99	85	3	2	16	83	*x*
2А2	2Б2	5	2	99	102	1	4	1	98	*x*
2А2	2Б4	5	3	99	101	1	4	2	97	*x*
2А2	2Б5	5	17	99	87	2	3	15	84	+
2А2	2Б6	5	8	99	96	1	4	7	92	+
2А2	2Б7	5	7	99	97	2	3	5	94	*x*
2А5	2Б5	4	17	100	87	1	3	16	84	0
2А5	2Б8	4	2	100	102	1	3	1	99	*x*
2А5	3Б1	4	2	100	102	1	3	1	99	*x*
2Б1	2Б2	19	2	85	102	2	17	0	85	*x*
2Б1	2Б4	19	3	85	101	2	17	1	84	*x*
2Б1	2Б5	19	17	85	87	6	13	11	74	+
2Б1	2Б6	19	8	85	96	4	15	4	81	*x*
2Б1	2Б7	19	7	85	97	4	15	3	82	*x*
2Б2	2Б5	2	17	102	87	1	1	16	86	+
2Б2	2Б6	2	8	102	96	1	1	7	95	*x*
2Б2	2Б7	2	7	102	97	1	1	6	96	*x*
2Б4	2Б5	3	17	101	87	1	2	16	85	0
2Б5	2Б6	17	8	87	96	3	14	5	82	+
2Б5	2Б7	17	7	87	97	1	16	6	81	0
2Б5	2Б8	17	2	87	102	1	16	1	86	+
2Б6	2Б7	8	7	96	97	1	7	6	90	0

[1] Знак *x* показывает, что $R \geqslant 0{,}2$, знак + показывает, что $0{,}1 \leqslant R < 0{,}2$, знак 0 показывает, что $-0{,}1 \leqslant R < 0{,}1$.

Таблица 2

Распределение типов сюльгам по хронологическим периодам[1]

Века	Типы сюльгам (в экз.)																								
	1А1	1А2	1Б1	1Б2	1Б4	1Б5	1Б6	1В1	1Г1	2А1	2А2	2А3	2А4	2Б1	2Б2	2Б3	2Б4	2Б5	2Б7	2Б8	3А1	3А3	3Б1	4А2
II — IV																								
IV — V	2		2	3	1	1	1	1	1															1
V — VI	2	1	1	1	4			1																
VI — VII	1					1				4	1	1	1	5	1	1	7	2	7	1	1	1	1	

[1] В таблицу включены только типы и экземпляры сюльгам из хорошо датированных комплексов.

ми, не выступающими за пределы ширины кольца, затем они вытягиваются в короткие «усы», длина которых обычно не превышает $^1/_3$ длины диаметра, и, наконец, на смену последним приходят сюльгамы с длинными «усами».

Для более точной датировки необходимо уточнить хронологические границы бытования каждой группы. В табл. 2 показано, что сюльгамы первой группы появляются в могильниках селиксенского типа не ранее IV в. В Старшем Селиксенском могильнике сюльгамы никогда не встречаются

в комплексе с ранними вещами II—III вв.— круглодротовыми гривнами с обрубленными несомкнутыми концами и украшениями пьяноборского типа. Это позволяет сделать вывод, что во II—III вв. население, оставившее Старший Селиксенский могильник, не знало сюльгам. Они появляются в IV в., что подтверждается их находками в погребениях с височными привесками с биконическим грузиком. Это украшение, появляясь уже в ранних комплексах, бытует до IV в., когда форма его грузика изменяется на бипирамидальную [50]. Дату не ранее IV в. дает и весь остальной вещевой комплекс погребений.

Среди сюльгам первой группы наиболее ранние — типы 1А1, 1Б1, 1Б2, 1В1 и 1Г1. Они известны уже в комплексах Старшего Селиксенского, Ражкинского, Тезиковского и Селикса-Трофимовского могильников, т. е. в IV—начале V в. При этом типы 1А1, 1Б1, 1Б2 и 1В1 были найдены в погребениях совместно с височными привесками с биконическим грузиком, что позволяет датировать их появление не позднее IV в. То же можно сказать и о типе 1Б5, который также обнаружен с височной привеской ранней формы. Кроме орнаментированных круглых в сечении и пластинчатых сюльгам в этом периоде бытуют орнаментированные типы 1Б2, 1В1, 1Г1 и 1Б5. Тип 1Б2 имеет наиболее многочисленные аналогии в погребениях рязанских могильников. По П. П. Ефименко, он — самая ранняя орнаментированная форма сюльгамы для рязанских могильников [51]. Сюльгамы типов 1В1 и 1Г1 бытуют в IV—V вв. и специфичны для Тезиковского могильника. Несколько позднее появляются сюльгамы типов 1Б3 и 1Б4. Первый из них обнаружен в одном из комплексов Тезиковского могильника, второй — в Селикса-Трофимовском. Но основное развитие они получают в могильниках армиевского типа. Комплексы этих могильников позволяют определить период бытования этих сюльгам концом IV—V в. Интересно отметить, что П. П. Ефименко установил эволюцию развития орнаментации бронзовых пластинчатых сюльгам для рязанских могильников в следующем порядке. Сначала появляются сюльгамы с насечкой по внешнему краю, затем они приобретают дополнительный элемент в виде пунктира из точечных вдавлений по средней части кольца и, наконец, к ним добавляются насечки по внутреннему краю [52]. Эта эволюция в основном прослеживается и у сюльгам могильников селиксенского типа, хотя здесь отсутствует промежуточный тип, что, по-видимому, объясняется более поздним появлением этой категории вещей в данных памятниках. К тому же в IV—V вв., чаще всего совместно, встречаются в одном погребении сюльгамы типа 1Б2 и 1Б3, общее количество которых составляет больше половины численности всех сюльгам этого периода. Такой комплекс характерен для могильников селиксенского и армиевского типов в IV—V вв. Судя по материалам Кузьминского, Борковского и Курманского могильников, он не менее типичен и для них [53]. Таким образом, в IV—V вв. наблюдается целый ряд параллелей в развитии между сюльгамами из пензенских и рязанских могильников.

Остальные типы сюльгам первой группы представлены единичными экземплярами, и судить о периоде их существования затруднительно. Следует, однако, отметить, что уже в V в. появляются новые элементы орнамента — насечки «елочкой» и зигзагом (типы 1А2 и 1А3).

Сюльгамы первой группы без «усов» бытуют в основном на протяжении IV—V вв., хотя единично встречаются и в более позднее время. Затем они вытесняются сюльгамами второй группы с короткими «усами» — в конце V — начале VI в. (табл. 2). Некоторое время обе группы сюльгам сосуществуют, что подтверждается их совместными находками в погребе-

[50] М. Р. Полесских. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши, стр. 145.
[51] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 75.
[52] Там же.
[53] ГИМ, инв. № 39250, оп. VI/328, № 39251, оп. 17/520, № 55421, оп. VI/335.

нии № 43 Младшего Селиксенского и в погребении № 61 Армиевского могильников. Интересно, что то же происходит и с сюльгамами из рязанских могильников. Здесь на стадиях А, В и С сюльгамы не имели «усов». Они появляются лишь на стадии С1, что соответствует VI—VII вв.[54]

Все типы сюльгам второй группы устойчиво датируются VI—VII вв. Они найдены в Армиевском могильнике V—VI вв. и Младшем Селиксенском могильнике VI—VII вв. При статистической обработке среди сюльгам этого периода выделились два комплекса (второй и третий, рис. 3). В комплекс II вошли типы 2А2, 2Б1, 2Б2, 2Б4, 2Б6, 2Б7. Сюльгамы этих типов обычно встречаются в погребениях как Армиевского, так и Младшего Селиксенского могильников. Комплекс III составляют типы 2А5, 2Б8 и 3Б1. Они найдены лишь в погребениях Младшего Селиксенского могильника. Поскольку эти могильники несколько разновременны, то можно сделать вывод, что сюльгамы II комплекса встречаются в одновременных погребениях первого и второго памятников. Общим временем существования этих могильников является VI в. Этим временем и датируются сюльгамы типов 2А2, 2Б1, 2Б2, 2Б4, 2Б7. Сюльгамы типов 2А5, 2Б8 и 3Б1, неизвестные в погребениях Армиевского могильника, датируются поздним периодом существования Младшего Селиксенского могильника — VII в. Более позднюю дату III комплекса по сравнению со II подтверждает наличие в нем типа 3Б1, принадлежащего к третьей группе сюльгам с длинными «усами», характерной для времени цнинских могильников VIII—XI вв. Между II и III комплексами расположились типы 2Б5 и 2А1, имеющие слабые связи с типами и II и III комплексов. Такое расположение этих типов говорит о том, что они имели длительный период бытования, охватывающий время существования II и III комплексов сюльгам. Таким образом, типы 2Б5 и 2А1 датируются VI—VII в. Длительность бытования их объясняется, по-видимому, тем, что тип 2А1 — один из наиболее простых в изготовлении, а орнаментация типа 2Б5 имеет давнюю традицию, уходящую в IV в., и устойчиво сохранилась на протяжении долгого времени.

В VII в. появляются сюльгамы третьей группы с длинными «усами», размеры которых всегда превышают $^1/_3$ диаметра кольца. Некоторое время сюльгамы второй и третьей группы сосуществуют (погребения № 77 и 144 Младшего Селиксенского могильника, рис. 3), а затем в цнинских могильниках третья группа занимает господствующее положение. Необходимо отметить, что традиция орнаментации сюльгам в этот период сохраняется. Встречаются сюльгамы третьей группы, украшенные насечкой в виде «елочки» и зонными насечками поперек кольца (типы 3А3 и 3А4).

Проделанная нами работа позволяет сделать следующие основные выводы:

1) на материалах пензенских могильников подтверждается обоснованное В. В. Гольмстен направление развития эволюционного ряда сюльгам; 2) в могильниках селиксенского типа сюльгамы появляются на ранее IV в.; 3) в IV—V вв. бытуют лишь сюльгамы без «усов». Переходным рубежом от них к сюльгамам с короткими «усами» следует считать конец V — начало VI в.; 4) сюльгамы с короткими «усами» распадаются на два комплекса, первый из которых датируется VI в., а второй — VII в., и затем они полностью вытесняются сюльгамами с длинными «усами». Этот процесс начинается в VII в.

Следует отметить, что предложенная нами классификация и хронология сюльгам может быть применена в основном к могильникам селиксенского и армиевского типов. Более северные территории как к западу, так и к востоку, по-видимому, дадут несколько иную картину, выяснение которой поможет раскрыть своеобразие развития этой категории вещей для каждой отдельной племенной группы и позволит решить ряд этнических вопросов.

---

[54] П. П. Ефименко. Ук. соч., рис. 1—4.

V. I. Vikhliaïev

LES SULGAMES PROVENANT DES TOMBES DES TYPES SÉLIKSÉNIEN ET ARMIÉVIEN

Résumé

Les sulgames appartiennent à l'une des catégories d'objets les plus fréquentes dans les nécropoles mordvines. Cependant il n'est encore paru aucune publication consacrée à leur classification et chronologie. Avec les méthodes typologique et statistique (critère de complexes) on a réussi à dégager les ensembles chronologiques des sulgames livrés par les cimetières des types séliksénien et armiévien. Les études ont montré que dans les sépultures du type séliksénien l'apparition des sulgames n'est pas antérieure au IVe siècle de notre ère. Aux IV—Ves siècles ne sont communs que les sulgames à bouts en spiral ne dépassant pas la largeur de l'anneau. A la fin du Ve-début du VIe siècles ils cèdent place aux sulgames à bouts cornés, légèrement supérieurs à la largeur de l'anneau. Les sulgames de ce groupe se subdivisent, chronologiquement, en deux ensembles dont le premier est attribuable au VIe siècle tandis que second remonte au VIIe siècle. Ensuite au VIIIe siècle ils sont complétement remplacés par les sulgames à bouts en forme de tuyaux qui débordent sensiblement la largeur de l'anneau.

Н. Г. ПОРФИРИДОВ

ДРЕВНЕРУССКАЯ МЕЛКАЯ КАМЕННАЯ ПЛАСТИКА И ЕЕ СЮЖЕТЫ

Мир древнерусской пластики, богатство которого, вопреки долго существовавшим представлениям, с новыми исследованиями, находками и публикациями становится все более ясным, изучен все же значительно меньше, чем мир архитектуры и живописи. В свою очередь в нем самом к числу наименее освоенных наукой должна быть отнесена область так называемой мелкой пластики, вся вообще и в особенности та ее часть, которая представлена изделиями из камня.

Еще в дореволюционное время ряд каменных иконок наряду с другими категориями «древностей» был опубликован каталогами крупнейших частных собраний [1], но большей частью с отсутствием точных описаний и неравноценными, подчас фантастическими аннотациями. Немногие отдельные произведения, своими сюжетами или иными особенностями привлекавшие к себе внимание исследователей, изредка становились предметом специальных штудий [2].

В советской литературе этот вид памятников, в соответствии с его очевидной значимостью, стал привлекаться гораздо шире. Он вошел, хотя еще и недостаточно, в обобщающие работы по художественному ремеслу и искусству древней Руси [3], вызвал к жизни несколько монографических статей по отдельным связанным с ним вопросам [4] и весьма ценный каталог

---

[1] Описание памятников древности церковного и гражданского быта Русского музея П. Коробанова. Составлено Г. Филимоновым. М., 1849; Каталог Музея древнерусского искусства Академии художеств. Составил В. Прохоров. СПб., 1879; Каталог христианских древностей, собранных московским купцом Н. М. Постниковым. М., 1888; Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве, в частных руках. 1, Киев, 1890; 2, Киев, 1891; Опись русских древностей, составлявших собрание В. А. Прохорова. СПб., 1896; Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского. Киев, 1898; Собрание Б. И. и В. Н. Хане нко. Древности русские. II, Киев, 1900; их же. Древности Приднепровья. V, Киев, 1902; VI, Киев, 1907; Каталог собрания древностей А. С. Уварова. VIII—XI, М., 1908; Собрание М. П. Боткина. СПб, 1911; Божница из резных и литых образков от XI по XVIII век. Собраны и описаны Е. В. Барсовым. Изданы С. С. Ермолаевым. М., 1912.

[2] Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой живописи. СПб., 1911, стр. 153; Д. В. Айналов. Две каменные новгородские иконки. Тр. Новгородского Церковно-Археологического общества. I. Новгород, 1914, стр. 67; В. К. Мясоедов. Каменный образок новгородского Епархиального Древлехранилища. Там же, стр. 199.

[3] А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948; История русского искусства. I. М., 1953; II, 1954; III, 1955; Русское декоративное искусство. I, М., 1962.

[4] Н. Н. Померанцев. Героическая тема в древнерусской пластике. Сб. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960; А. В. Рындина. Влияние творчества Андрея Рублева на древнерусскую мелкую пластику XV—XVI вв. «Древнерусское искусство XV—XVI вв.». М., 1963; она же. Особенности сложения иконографии в древнерусской мелкой пластике. «Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода». М., 1968.

одного из крупных музейных собраний мелкой пластики, удачно объединивший научное описание памятников с их исследованием [5]. Важным обстоятельством следует считать и то, что вновь открываемый материал стал неизменно находить себе место в общих отчетах или специальных публикациях об археологических раскопках [6]. Все эти успехи, однако, еще не создали твердой основы для изучения мелкой пластики и не привели к вполне надежным результатам ни в отношении точных датировок изделий, ни в отношении привязывания их к определенным областным центрам по происхождению.

Памятники мелкой каменной пластики имеют свои специфические особенности, отличающие их не только от произведений крупной скульптуры, но и от произведений мелкой же пластики, выполненных в других материалах, главным образом кости и дерева. По сравнению с последними они в основном и более древние: время классического расцвета образков из кости и дерева XV—XVI вв.— является для каменных изделий периодом упадка.

Конкретизировать особенности, присущие именно каменной мелкой пластике, установить свойственные ей собственные закономерности будет возможно на основании самого широкого и всестороннего накопления наблюдений, которые дополнили бы стилистический анализ памятников анализом их иконографии, обследованием их материально-технической стороны, изучением бытового назначения и использования произведений, попытками установления паспортов хотя бы части обезличенного материала старых музейных собраний.

Настоящая статья посвящена вопросу сюжетики каменных иконок, тесно связанному и проливающему свет на вопросы их идеологического и бытового значения. К подсчетам и анализу привлечены три группы интересующего нас материала. Во первых, музейные собрания — как центральных государственных, так и местных областных музеев [7]. Во-вторых, памятники, найденные при археологических раскопках советского времени в Киеве, Изяславле, Турове, Минске, Пинске, Новгороде, Вологде и Москве [8]. В-третьих, памятники, известные по литературе, в настоящее время утраченные или неизвестно где находящиеся [9]. Всего по этим трем категориям включены в подсчеты 323 памятника — русских, исполненных рельеф-

---

[5] Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог, Загорск, 1960.

[6] А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, 11, 1949, стр. 141; его же. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, XVIII, 1953, стр. 367; А. В. Никитин. О первоначальном периоде истории города Вологды. КСИА АН СССР, 81, 1960, стр. 34, 35; П. А. Раппопорт. Археологические и архитектурные заметки, КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 33; М. В. Седова. Каменные иконки древнего Новгорода. СА, 1965, 3, стр. 262—266; и др.

[7] По этой группе учтено 269 памятников: по Государственному Историческому музею — 86, Государственной Третьяковской галерее — 18, Государственной Оружейной палате — 8, Государственному Русскому музею — 99, Загорскому историко-художественному музею-заповеднику — 24, остальные 34 — по Новгородскому, Казанскому, Владимирскому, Рязанскому, Тверскому, Ярославскому, Вологодскому, Рыбинскому, Саратовскому и некоторым украинским музеям. В подсчет не вошли собрания музеев Углича, Архангельска, Устюга и некоторых других музеев Российской Федерации.

[8] По данной группе учтено 24 памятника. За сообщение сведений о находках, частично еще не изданных, приношу благодарность А. В. Арциховскому, М. В. Седовой, М. К. Каргеру, П. А. Раппопорту, А. В. Никитину, П. Ф. Лысенко. За последнее время интересные образцы каменной пластики, не вошедшие в этот подсчет, найдены в Любиче, Полоцке, Москве и других городах.

[9] По данной группе учтено 30 памятников, сведения о которых извлечены из древних монастырских и церковных описей и из литературы. Так как в состав названных выше советских музеев в разное время вошли коллекции некоторых существовавших ранее музеев и частных собраний, например, в состав ГИМ — собрания бывш. Румянцевского музея, Уварова, Щукина, в состав ГТГ — собрание Остроухова, в состав ГРМ — собрания бывш. музея Академии художеств, Духовной академии, Му-

ной резьбой по камню, изображения на которых поддаются узнаванию. Отметим, что многие каменные иконки двусторонни и, следовательно, количество их экземпляров не совпадает с количеством изображений. Таких в числе указанных 323 имеется 100 и, следовательно, общее число изображений на них определяется цифрой 423.

Конечно, использованный материал не является исчерпывающим. Однако и при условии неизбежной неполноты позволительно думать, что наблюдения в его пределах более или менее вредно отражают закономер-

Рис. 1. Архангел. Каменный образок. XIII в. Собрание ГТГ, № 12694

Рис. 2. «Никита, побивающий беса». Каменный образок. XIII в. Собрание ГРМ, № К-43

ности, объективно присущие данному виду памятников, и с известным правом могут иметь общее значение.

Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении сюжетов каменных иконок, то, что общая цифра зарегистрированных сюжетов (423) очень неравномерно распадается на изображения единоличных фигур и изображения многофигурных композиционных сцен. Первых насчитывается 303 (71, 6%), вторых — 120 (28, 4%).

В группе единоличных фигур [10], в которую включены также изображения Христа, богоматери и ангелов, в свою очередь наблюдения устанавливают резкое преобладание нескольких изображений. Самостоятельных изображений Христа, т. е. таких, где он не является частью какой-либо композиции, например «Крещения», «Распятия», «Сошествия в ад», находим 28 в разных иконографических типах: Вседержителя, Эммануила и т. п. Таких же отдельных изображений богоматери в разных типах (Оранты, Одигитрии, Умиления и др.) вдвое больше — 56. Изображений ангелов, включая надписанные изображения архангела Михаила, встречено 20 (рис. 1).

Из святых вне сравнения со всеми другими по количеству посвященных ему каменных иконок стоит Никола. Его изображения занимают видное место решительно во всех музейных собраниях, а всего среди учтен-

зея Штиглица, Прохорова, Боткина, Плюшкина и др., то материал каталогов и описей этих бывших музеев и частных собраний отдельно в наш учет не вошел.

[10] К группе «единоличных» отнесены нами и парные изображения двух рядом поставленных фигур, не связанных в какую-либо сцену.

ного материала их нашлось 88, (55 отдельных и 33 вместе с другими святыми). На втором месте по численности после Николы находятся изображения св. Георгия — их зарегистрировано 30. Вслед за Георгием идут изображения других святых воинов: Димитрия, Феодоров Стратилата и Тирона, Евстафия и, возможно, других или их же, но без надписания имен (20 случаев). Изображений прочих святых значительно меньше: Стефана архидиакона — 11 (большей частью в соединении с Николой), Бориса и Глеба — 8, Козьмы и Дамиана — 7, Никиты — 5 (рис. 2), Ипатия — 3. В одном-двух экземплярах встречены иконки с изображениями Ильи-пророка, Иоанна Предтечи, Симеона Богоприимца, Трех вселенских святителей — Василия, Григория и Иоанна, Захарии, Луки, Тимофея, Фомы, Власия, Зиновия, Максима, Аверкия, Дионисия, из святых женщин — Харитины, Домники, Пятницы (Параскевы), Евдокии, Оксиньи.

Столь узкий отбор и неравномерная распространенность изображений, очевидно, не могли быть случайными. Не требует особых объяснений большое число иконок с изображениями главных лиц христианского пантеона — Христа и божьей матери, равно как и значительное преобладание последней. В народно-поэтическом представлении она искони наделялась чертами не только небесной царицы, но и главной заступницы человека. Ожидать на каменных иконках также большого числа изображений ангелов тем естественнее, что, по представлениям древнерусских людей, ангелы играли активную роль в жизни целых народов и каждого человека, будучи приставлены ко «всем тварям», чтобы им помогать. Каждый крестившийся имел своего «ангела-хранителя». Архангелу Михаилу, мыслившемуся особым хранителем и помощником в ратных делах и битвах, посвящено особенно много иконок. Здесь его изображение играло такую же роль, как на шлемах и других предметах вооружения древнерусского воина. Большая или меньшая доля, равно как и самый отбор разных святых, заставляют искать объяснений.

Что могло обусловливать выбор изображения для помещения на иконке? Теоретически рассуждая, очевидно, могло оказать влияние так называемое крестное имя заказчика или владельца иконки. Об этом как будто свидетельствует случай подписания на иконке с изображением Константина и Елены: «се икона Константинова Гаврилова». Ряд соответствий изображенных святых именам вкладчиков прослежен в собрании памятников Загорского музея. Возможно, что на выбор изображения могли оказывать влияние местные культы тех или иных святых, хотя говорить об этом можно только с осторожностью и предположительно, поскольку областная атрибуция памятников мелкой пластики еще очень слабо разработана. Основные причины выбора изображений, по-видимому, надо усматривать в других обстоятельствах.

Обилие изображений, резко выделяющее Николу из всех святых, объясняется, конечно, прежде всего его особым положением среди них. В произведениях древнерусской мелкой пластики, как и в произведениях живописи, в нарушение строгой иконографической традиции Никола не только иногда заменяет канонического Предтечу в композиции Деисуса, но оказывается даже в центре деисусного чина, как бы заменяя самого Христа [11], а также наравне с ним и с божьей матерью центрирует композицию «Семь отроков» [12]. Едва ли есть необходимость повторять здесь огромное количество справок из области древнерусской письменности, фольклора и пр., свидетельствующих об особом почитании Николы повсеместно на Руси. Важно то, что, в отличие от «специализации» функций большинства святых в народном представлении, культ Николы исходил из универсальности этого святого, о котором в «Четьи-Минеи» говорилось: «многа великая и преславная чудеса сотвори на земли и на мори, в бедах

[11] Каменная иконка Успенского собора во Владимире. Русские древности по снимкам И. Ф. Барщевского, 1, рис. 772.

[12] ГИМ, № 74467, 74478, 17962-Щ; ГРМ БК-1856.

сущим помогая...» И, может быть, не безынтересно указать, что именно на памятнике мелкой пластики универсальность Николы засвидетельствована характерным надписанием его «заступенико» [13].

Изображения Георгия, которых зарегистрировано 30, также принадлежат к группе многочисленных, проходят через всю историю древнерусской пластики начиная от древнейшего времени. В народном календаре Георгий обычно выступает как «сельскохозяйственный» святой, покровитель стад, вообще крестьянского труда. Этот аспект его культа имел большое значение для разработки образа Георгия в устнопоэтическом творчестве и в станковой живописи древней Руси. В произведениях каменной пластики большее, если не исключительное, значение имели другие стороны культа Георгия. В раннее время (XI—XIII вв.) Георгий — патрон и покровитель князей и княжеской дружины [14] — обстоятельство, достаточно подтверждаемое обилием крестных княжеских имен, княжескими печатями, храмоздательством и пр. В дальнейшем за Георгием сохраняется наряду с архангелом Михаилом роль главного помощника в героических ратных делах. Этого одного было бы достаточно для обеспечения ему видного места на личных иконках-филактериях. Но в дополнение к основной «военной» функции Георгий считался также защитником и охранителем на охоте [15], в пути [16], наряду с шестью «святителями» — Лукой, Марком, Иваном Богословом, Иваном Крестителем, Николой и Уареем — он, по поверью, мог отгонять от человека 12 злых болезней [17]. Наконец, по апокрифическому сказанию, имел дар вообще спасать тех, кто «в страхе или в беде или в напасти» прибегал к его помощи [18].

Помощь человеку и сохранение его в рати, походе, бою были, по-видимому, одним из главных назначений древних каменных иконок. Вероятно, поэтому на них кроме архангела Михаила и св. Георгия высок процент изображений святых воинов — Димитрия Солунского, Феодора Стратилата, Феодора Тирона, Евстафия и, возможно, других (не надписанных). Впрочем, тут следует еще иметь в виду то обстоятельство, что святые Дмитрий, оба Федора по апокрифической литературе не только «воины» и помощники воинов, но и демоноборцы [19], так же как святые Ипатий Гангрский [20] и Никита [21]. Изображений Ипатия на каменных иконках встречено нами 3, Никиты, побивающего беса,— 5. Последняя цифра способна казаться даже «недостаточной», если принять во внимание, что из всей группы святых, имеющих силу спасать человека от наиболее страшной для него «нечистой» демонской силы, Никита везде — в житии, легенде, апокрифах, заговорах — выступает как особый «победитель диавола», «смущение бесам», которого эти исконные враги рода человеческого настолько боятся и трепещут, что не только от изображения, но от одного его имени «бежат... за четыредесят дней» [22]. Изображения Никиты, бьющего

---

[13] Каменная иконка собрания ГРМ, инв. № БК-1859, содержащая поясное изображение Николы с русской надписью «о агиос Никола заступенико».

[14] В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. ВВ, VI, 1953; М. В. Алпатов. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси. Тр. ОДРЛ, XI, 1956; Н. Г. Порфиридов. Георгий в древнерусской мелкой каменной пластике. «Сообщ. Гос. Русского Музея», VIII, 1964.

[15] А. Кирпичников. Святой Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879, стр. 108.

[16] И. Калинский. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877, стр. 62.

[17] Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы. II, М., 1863, стр. 352.

[18] Там же, I, стр. 111.

[19] Там же, II, стр. 99.

[20] Там же, стр. 133.

[21] Там же, стр. 112 сл.

[22] А. Пыпин. Памятники старинной русской литературы. III, стр. 146 сл.; А. Кадлубовский. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, стр. 108 сл.; И. Четыркин. Реферат доклада. Изв. X АС, Рига, 1896, стр. 76.

беса, нашли себе широкую сферу применения также на змеевиках, медных литых иконках и крестах.

На относительно большое число изображений в мелкой каменной пластике Бориса и Глеба (8 зарегистрированных случаев) помимо общей популярности этих святых князей, воинов, мучеников, возможно, определенное влияние оказал также демоноборческий аспект их культа. В этом значении их изображения помещались и на наузах-змеевиках [23].

Неожиданно много встретилось на каменных иконках изображений Стефана архидиакона — 11, большей частью в соединении с Николой. В житийной литературе, гимнологии, в народном календаре как будто не находится объяснения причин, которые бы в нашем материале давали этому святому преимущество перед многими другими. Кажется, объяснение дает один живописный памятник XIV в., на котором Стефан изображен также с Николой и надписан «попутник» [24]. Этот эпитет позволяет считать, что Стефан, как и Никола, в мире представлений древнерусского человека жил как покровитель путников, людей, отправляющихся и находящихся в опасной дороге.

Понятно и несколько повышенное количество изображений (7 случаев), посвященных Козьме и Дамиану: это святые врачеватели, которые, по выражению «Четьи-Минеи», «прияша от бога дар исцелений», врачуют «всякие болезни и всяк недуг и всяку язю в людях».

Сложнокомпозиционные сцены по сравнению с единоличными изображениями в сюжетике каменных иконок занимают, как уже упоминалось выше, второстепенное место. Представляется несомненным, что объяснения этому факту нельзя видеть в трудности исполнения многофигурных сцен в таком неподатливом материале, как камень. Древнерусские резчики прекрасно справлялись с трудностями техники. В нужных случаях они и на ничтожной площади каменной пластинки умели создавать великолепно построенные и исполненные сложные сцены. Дело, очевидно, заключается в относительной «ненадобности» здесь, в мелких каменных иконках, этого рода сюжетов. Так, например, сцены так называемых праздников, столь распространенные в живописи и стенной и станковой, здесь встречены буквально в единичных количествах: «Успение Богоматери» — 4 случая, «Сретение» — 3, «Уверение Фомы» — 2, «Рождество Христово», «Крещение», «Преображение», «Вход в Иерусалим» — по 1, «Рождество Богородицы», «Вознесение», «Сошествие Св. Духа» не встречены вовсе.

Какие же многофигурные композиционные сцены имеются в каменных иконках? Прежде всего надо отметить легко объяснимое относительное обилие сцен «Деисуса» (19 случаев). Там, где просят о помощи, этот сюжет воплощал самую идею моления, персонифицированную в лицах главных «заступников» — божьей матери, Предтечи и иногда Николы, предстоящих Христу. Уместно в данной связи отметить, что в том же значении этот сюжет неоднократно встречается на больших крестах, каменных [25] и деревянных [26]. Изображений «Троицы», главного христианского божества под видом трех ангелов, нашлось 10.

При крайней малочисленности евангельских сцен «праздников» обращает на себя внимание обилие в мелкой каменной пластике сцен так называемого страстного цикла. «Распятие» встречено 16 раз, кроме того, примыкающая к нему сцена «Снятие с креста» — 3 раза. Возможно, в данном случае, как и в ряде случаев ранее, объяснение можно найти в таинственно-апокрифической литературе, именно в «Сказании о 12 пятни-

---

[23] А. С. Орлов. Амулеты «змеевики» Исторического музея. Отчет Гос. Исторического музея за 1916—1925 гг., М., 1926, стр. 8.

[24] ГРМ, инв. № ж-1225.

[25] Боровичский крест — см.: Н. Г. Порфиридов. Малоизвестный памятник древнерусской культуры. «Древнерусское искусство», М., 1963, стр. 184.

[26] Людогощенский крест — см.: В. Н. Лазарев и Н. Е. Мнёва. Памятник новгородской деревянной резьбы XIV века. «Сообщ. ИИИ АН СССР» 4—5. М., 1954, стр. 145.

цах», в котором философ Елевферий открыл людям «тайну 12 пятниц», в частности третьей, «в ню же распялся Христос»: «Кто ту пятницу чтит, тот человек от всякого неприятеля сохранен будет» [27].

При большом числе изображений «Распятие» может показаться непонятным несравнимо меньшее количество изображений самого главного, центрального в страстно́м цикле сюжета — воскресения («Сошествие в ад»). Учтено лишь шесть случаев. Нам думается, что в этом же значении должен рассматриваться популярнейший в мелкой каменной пластике сюжет, известный под названием «Жены у гроба», просто «Гроб Господень», в поздних вариантах превратившийся в «Святая святых». Он проходит через всю историю древнерусской мелкой каменной пластики и в дошедшем до нас ее фонде своим количеством решительно и даже резко превосходит все другие сюжеты: нами учтено 43 случая его изображения.

Христианская иконография знала троякое изображение «Воскресения Христова»: в виде сошествия в ад, в виде исхождения Христа из открытого саркофага и в виде явления ангела женам у гроба. Последняя композиция исторически была едва ли не самой ранней. Сложившись еще в IV в., она сосуществовала с композицией «Сошествия» в VIII—X вв., главным образом в росписях каппадокийских крипт и римских церквей, и позднее постепенно вытеснялась ею, употребляясь сравнительно редко в XI—XIII вв., в основном в произведениях прикладного искусства [28]. В отличие от той, за которой закрепилось наименование ἀνάστασις — воскресение, она надписывалась именно τάφος τοῦ κυριου или просто ἅγιος τάφος —гроб господень, святой гроб [29]. О таком смысле композиции, по-видимому свидетельствует и тот факт, что в каменных иконках, в случаях двусторонних и комбинированных изображений, она часто объединялась с композициями «Распятия», «Снятия с креста», «Сошествия в ад» в качестве подчиненных ей [30]. Уместно вспомнить, что в древнерусских требниках апокрифическая молитва-заклинание «от всякого недуга» — «от души, и от тела, и от главы, и от чела, и от мозга, и от крови...» и т. д. связывалась как раз с упоминанием жен-мироносиц: «болезнь и недуг исцели... плач мироносицам на радость преложивы» [31].

Наконец, в числе немногих композиций, характерных для каменных иконок, надо назвать композицию «Семь спящих отроков». Она встречается и в крупной монументально-декоративной скульптуре [32], но мелкая каменная пластика была преимущественной областью ее распространения в искусстве древней Руси. Среди известных нам каменных иконок насчитывается 15, содержащих изображение этого сюжета [33]. Связь последнего с верой в ограждение от злой демонской силы и спасительную силу сна, по-видимому, подтверждается помещением этого изображения на змеевиках и надписью на суздальском, испрашивающей владельцам его «сон животный», т. е. животворный, целительный [34].

---

[27] Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы. II, М., 1863, стр. 337.

[28] В качестве памятника, где даны одновременно все три композиции, может быть указана известная Хлудовская Псалтирь. Н. П. Кондаков. Миниатюры греческой рукописи псалтири IX в. М., 1878.

[29] Е. О. Костецкая. К иконографии воскресения Христова. SK, II, Prague, 1928.

[30] ГИМ, № 4805-щ, 8695-щ, 54626 (ОК 9219); ГРМ, № К-39.

[31] Н. Тихонравов. Ук. соч., II, стр. 12.

[32] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964, стр. 65 сл.; его же. Легенда о семи спящих ефесских отроках и ее отражение во Владимиро-Суздальском искусстве. ВВ, XXIII, М., 1963.

[33] К числу древнейших принадлежат: фрагмент, найденный Милеевым при раскопках Десятиной церкви в Киеве в 1911 г. (ОАК за 1911 год. СПб., 1914, стр. 61, рис. 106) и змеевик с надписью, найденный Г. Филимоновым в Суздальском Рождественском соборе в 1866 г. А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.— Л., 1952, 71, стр. 58.

[34] Н. А. Богоявленский. Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., 1960, стр. 203.

Результаты приведенных наблюдений над древнерусской мелкой каменной пластикой со стороны сюжетов, таким образом, позволяют определенно говорить об особенностях, отличающих этот вид от других видов древнерусского искусства, очевидно, обусловленных его назначением и бытовым употреблением.

Круг изображений, употребляемых в каменных иконках, гораздо более узок по сравнению и с живописью и даже другими видами пластики. В живописи, равно монументальной и станковой, можно найти весь круг христианских святых, все их многочисленные группы — пророков, апостолов, мучеников, преподобных, святителей и пр.— в большом и разнообразном составе и весь круг евангельских событий и «праздников». В каменных иконках то и другое весьма ограничено.

Анализируя ближе репертуар единоличных изображений и композиционных сцен на каменных иконках, можно убедиться в том, что он не случаен, но подчинен определенной закономерности. В состав его, как правило, попадали святые, получившие в церковной литературе, преимущественно апокрифической, и в народных поверьях репутацию сугубых покровителей и защитников от демонской силы, болезней, военных и путевых опасностей и т. д. Словом, покровителей, помощников и защитников не столько общественной, хозяйственной, производственной деятельности, сколько самого человека, его благополучия.

Каменные иконки — предметы сугубо личного назначения и характера. Их помещение на больших иконах в местах общественного характера — соборах и церквах, свидетельствуемое поздними (XVI—XVIII вв.) описями,— их вторичная жизнь. Первоначально они предназначались для личного употребления, ношения на себе. Поэтому они имеют оправы с ушком или просверленное в камне отверстие для продевания шнура. В отдельных случаях, при отсутствии того и другого, их могли носить положенными в мешочек.

Основной в назначении и бытовом употреблении каменных иконок была их роль оберегов, филактериев. Элемент повествовательности при понимании их должен быть учитываем на втором плане. Нарративность сюжета мало интересовала мастеров и заказчиков. В данном отношении из всех видов древнерусских христианских древностей каменные иконки обнаруживают преимущественную идеологическую и историко-бытовую связь с дохристианскими филактериями.

Известно, какое значение в жизни и быту русских славян в языческое время имели магические представления. Их следы усматриваются в разных видах раскопочного инвентаря, полнее всего в украшениях — как изобразительного характера, так и таких, в которых изобразительный момент стерт и которые воспринимаются нами как только орнаментальные. Этот вид бытовых памятников амулетно-магического назначения не исчез в период христианизации, он лишь пополнился предметами христианизированного обихода. Если оставить в стороне христианские амулеты и реликвии неизобразительного характера — разного рода части мощей, части креста и гроба господня и т. д., то главнейшими стали крестики и иконки, предназначенные для индивидуального пользования и ношения на себе. Справедлива мысль об исторической и семантической преемственности христианских оберегов от языческих [35]. Отражая так же, как и те, уровень сознания человека, мир его верований и представлений, они отличаются от языческих развитием и богатством изобразительного элемента, обилием и насыщенностью человеческими образами. И если среди них, как и во всех других областях, попадаются произведения посредственного и низкого уровня, то многие обладают высокими художественными качествами, обеспечивающими им значение полноправных памятников искусства древней Руси.

---

[35] Б. А. Рыбаков. Искусство древних славян. ИРИ, I, М., 1953, стр. 92.

N. G. Porfiridov

LES ICÔNES ANCIENNES RUSSES EN PIERRE SCULPTÉE, DE DIMENSIONS RÉDUITES, ET LEURS SUJETS

Résumé

De petites réprésentations en pierre sont un type des arts plastiques de l'ancienne Russie très peu connu. Leur valeur artistique est appréciée insuffisamment et, en majorité, elles ne sont pas datées avec précision. L'article présent est un essai d'études de leurs sujets. Faite dans cette optique la revue de toutes les petites icônes en pierre à disposition (connues par les publications, conservées dans les Musées soviétiques, livrées par des fouilles archéologiques récentes) permet de révéler certaines lois particulières propres aux sujets de ce type d'oeuvres d'art.

Les thèmes des icônes de dimensions réduites, sculptées en pierre, sont strictement sélectionnés. Les compositions les plus fréquentes, telles la Déisis, le Crucifixe, les Femmes apportant les drogues aromatiques pour embaumer le corps du Christ, les sept adolescents d'Ephèse, et les Saints représentés isolement (Nicolas, Georges, Nikita, Ipate, Côme et Damien) sont liés avec la foi en leurs vertus générales et spéciales de protéger les hommes contre les malheurs en route, au combat, pendant la maladie et surtout contre une mauvaise force démonique. Cette observation nous porte à penser que ces petites icônes avaient une destination de défendre leurs porteurs, c'était une sorte de talismans personnels.

On incline à croire aussi que les représentations isolées d'autres Saints (outre ceux qui ont été mentionnés) dont les images ciselées sur de petites icônes en pierre sont moins communes peuvent être interprétées comme celles des saints patrons protecteurs individuels portant les mêmes noms que les propriétaires d'objet.

Публикации

А. А. СЕМЕНЦОВ, П. М. ДОЛУХАНОВ, Е. Н. РОМАНОВА

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ЛАБОРАТОРИИ ЛОИА (1968—1969 гг.)

В настоящей работе приводятся датировки по C^{14}, произведенные в радиоуглеродной лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в период с июля 1968 по июль 1969 г. Определен возраст 85 археологических образцов дерева, угля и торфа.

Для всех образцов в качестве носителя радиоуглерода использовался бензол, получаемый из образцов по методу, предложенному Х. А. Арслановым и Л. И. Громовой.

Синтез бензола происходил по следующей схеме: образец → уголь → → карбид → ацетилен → бензол.

Выход бензола по ацетилену составлял 90—95% и был очень стабилен. Измерения радиоактивности образцов производились на двух счетных установках с одиночными ФЭУ [1]. Счетный канал (30—80 *кэв* ж. с.) устанавливался по краю спектра Co^{60} и стабилизировался импульсами светового датчика. Предельный возраст, измеряемый на установках, составляет 45 000 лет.

Все датировки вычислены по периоду полураспада C^{14}, равному 5570 ± 30 лет.

Возраст образцов рассчитан относительно 1950 г.

ПАЛЕОЛИТ

ЛЕ-771. Таштык I. 12180 ± 120
10230 до н. э.

Уголь из многослойной палеолитической стоянки Таштык I на левом берегу р. Енисея в 2 *км* от с. Батени (Хакасская авт. обл.). Образец взят из верхнего культурного слоя, относящегося к верхнему палеолиту. Представлен З. А. Абрамовой.

МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Датировки памятников мезолита и неолита Прибалтики, Латвийская ССР

Лубанская низменность

Оса, Балвский район (раскопки Ф. А. Загорскиса) [2]
ЛЕ-810 6580 ± 70
4630 до н. э.

---

[1] А. А. Семенцов. Стабилизация параметров сцинтилляционной счетной установки для счета естественного радиоуглерода. Тр. III совещания по проблеме «Астрофизика и радиоуглерод». Тбилиси, 1970.

[2] Ф. А. Загорскис. Ранний и развитый неолит восточной части Латвии. Автореф. канд. дис., Рига, 1967.

Торф с глубины 1,4 *м*, мезолит.

ЛЕ-811 — 6960 ± 80 / 5010 до н. э.

Древесина с глубины 1,45 *м*, мезолит.

ЛЕ-812 — 6760 ± 80 / 4810 до н. э.

Древесина с глубины 1,7 *м*, мезолит.

Примечание. Датировки подтверждают мезолитический возраст нижнего культурного слоя Оса. Образец древесины с глубиной 1,6 *м* датирован в радиоуглеродной лаборатории Института до- и протоистории Берлинской Академии наук (ГДР): 7186 ± 160 (B1п — 770).

ЛЕ-850 — 5730 ± 50 / 3780 до н. э.

Древесина из слоя с керамикой раннего неолита (типа Оса). Глубина 1,2—1,3 *м*.

Примечание. Образец отобран из контрольного шурфа, вскрывшего слой с керамикой типа Оса. Подтверждается ранненеолитический возраст этой керамики.

ЛЕ-758 — 4000 ± 60 / 2050 до н. э.

Древесина с глубины 0,9—1,0 *м*.

Примечание. Эта датировка, вероятно, относится к комплексу гребенчато-ямочной керамики. Образцы отобраны и представлены П. М. Долухановым.

Сулька. Резекнинский район (раскопки И. А. Лозе)

ЛЕ-752. Шурф № 1. — 4060 ± 60 / 2110 до н. э.

Древесина (свая) с глубины 0,9—1,25 *м*, из культурного слоя.

ЛЕ-834. Шурф № 2. — 4850 ± 60 / 2900 до н. э.

Образец торфа с глубины 0,8—0,9 *м*, ниже культурного слоя палинологически датируется границей атлантического и суббореальным периодами.

ЛЕ-836. Шурф № 2. — 5260 ± 70 / 3310 до н. э.

Образец торфа с глубины 1,1—1,2 *м*, ниже культурного слоя. Палинологически датируется второй половиной атлантического периода.

ЛЕ-837. Шурф № 2. — 5940 ± 95 / 3990 до н. э.

Образец сапропеля с глубины 1,5—1,6 *м*, палинологически датируется первой половиной атлантического периода.

ЛЕ-838. Шурф № 2. — 6380 ± 120 / 4430 до н. э.

Образец сапропеля с глубины 1,8—1,9 *м*. Палинологически датируется первой половиной атлантического периода.

Примечание. Дата ЛЕ-834 может характеризовать комплекс типичной гребенчато-ямочной керамики или керамики пористого состава[3]. Датировки ЛЕ-834 и ЛЕ-836 характеризуют время регрессии, ЛЕ-837 и ЛЕ-838 — время трансгрессии Лубанского озера[4]. Пыльцевые анализы произведены Г. М. Левковской. Образцы отобраны и представлены П. М. Долухановым.

Эйни, Мадонский район

ЛЕ-751. — 4000 ± 60 / 2050 до н. э.

---

[3] И. А. Лозе. О новых неолитических памятниках Лубанской низменности. Изв. АН ЛатвССР, 12 (221), 1965, стр. 15—24.

[4] П. М. Долуханов. О колебаниях уровня моря и внутренних озер Прибалтики. Тр. III симпозиума по истории озер. Вильнюс, 1970.

Древесина из культурного слоя. Глубина 1,3 *м*.

Примечание. На стоянке обнаружена ранняя текстильная и другие группы керамики пористого состава (Лозе, 1965). Образец отобран и представлен П. М. Долухановым.

Абора, Мадонский район

ЛЕ-749 — 3860 ± 100 / 1910 до н. э.

Торф и древесина из средней части культурного слоя. Глубина 0,6—0,7 *м*.

Примечание. Стоянка содержит шнуровую и раннюю текстильную керамику. Ранее была получена датировка: 3870 ± 70[5]. Образец отобран и представлен П. М. Долухановым.

Пиестиня, Резекнинский район

ЛЕ-750 — 4670 ± 150 / 2720 до н. э.

Образец торфа из культурного слоя. Глубина 0,7—0,8 *м*.

ЛЕ-748 — 4520 ± 120 / 2570 до н. э.

Древесина из культурного слоя. Глубина 0,9—1,0 *м*.

Примечание. Стоянка содержит керамику с примесью раковин, орнаментированную оттисками гребенки, ямок, нарезками, оттисками шнура; меньшая часть — с примесью дресвы — орнаментирована гребенчато-ямочным орнаментом[6]. Образцы отобраны и представлены П. М. Долухановым.

Сарнате, Вентспилсский район (раскопки Л. В. Ванкиной)

ЛЕ-813 — 3140 ± 60 / 1190 до н. э.

Образец торфа с глубины 0,3—0,4 *м*, выше культурного слоя. Палинологическая датировка: суббореальный период (анализы Д. Д. Аграновой)

ЛЕ-814 — 4510 ± 110 / 2560 до н. э.

Древесина из неолитического жилища, глубина 0,6—0,7 *м*. Палинологическая датировка: граница атлантического и суббореального периодов.

ЛЕ-815 — 7500 ± 80 / 5550 до н. э.

Торф с глубины 0,9—1,0 *м*. Палинологическая датировка: начало атлантического периода.

ЛЕ-816 — 6980 ± 80 / 5030 до н. э.

Торф с глубины 1,2—1,3 *м*. Палинологическая датировка: начало атлантического периода.

Примечание. Образец торфа из культурного слоя (глубина 0,6—0,7 *м*). Датирован в радиоуглеродной лаборатории Института до- и протоистории Берлинской Академии наук (ГДР): 4639 ± 100 (Bln-769). Ранее для памятника были получены датировки: 4490 ± 250 (ТА-24) и 4700 ± 250 (ТА-250). Датировки ЛЕ-815 и ЛЕ-816 характеризуют время анциловой регрессии. Образцы отобраны и представлены П. М. Долухановым.

Литовская ССР

Швянтойи, Кретингский район (раскопки Р. К. Римантене).

ЛЕ-835 — 3860 ± 50 / 1910 до н. э.

Древесина из верхнего культурного слоя, содержащего шнуровую керамику. Образец представлен Р. К. Римантене.

---

[5] А. А. Семенцов, Е. Н. Романова, П. М. Долуханов. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. СА, 1969, 1, стр. 255.

[6] А. А. Загорскис. Ук. соч., стр. 16.

ЛЕ-833 4100 ± 60
2150 до н. э.

Древесина из нижнего культурного слоя. Образец представлен Р. К. Римантене.

Белорусская ССР

Осовец II, Бешенковичский район Витебской области (раскопки М. М. Чернявского).

ЛЕ-753 3500 ± 50
1550 до н. э.

Древесина (свая) из культурного слоя, глубина 1,6 *м*.

ЛЕ-756 3350 ± 60
1400 до н. э.

Скопление древесной коры в культурном слое. Глубина 1,5 *м*.

ЛЕ-754 1080 ± 50
870 н. э.

Образец торфа из шурфа № 1, глубина 1,6 *м*.

ЛЕ-755 2280 ± 80
330 до н. э.

Образец торфа из шурфа № 1, глубина 1,8 *м*.

Примечание. Датировки ЛЕ-754 и ЛЕ-755 не связаны с культурным слоем.

Кривина, Бешенковичский район (раскопки М. М. Чернявского)

ЛЕ-757 3880 ± 60
1930 до н. э.

Образец торфа, глубина 1,2 *м*.

Примечание. В Гронигенской лаборатории (Голландия) памятник датирован: 4270 ± 40[7].

Заценье

ЛЕ-759 2200 ± 70
250 до н. э.

Образец торфа, глубина 0,4—0,5 *м*.

Примечание. Возраст образца значительно моложе предполагаемого, вероятно, вследствие неясной стратиграфии памятника. Образцы отбирались М. М. Чернявским и П. М. Долухановым, представлены П. М. Долухановым.

ЛЕ-799 3590 ± 150
1640 до н. э.

Уголь из неолитической шахты 125, Красное Село (Гродненская обл., БССР). Глубина 1—1,4—1,6 *м*. Образец представлен Н. Н. Гуриной.

ЛЕ-725. Подзорово, Тамбовская область. 4770 ± 60
2820 до н. э.

Древесина «закол», приспособление для лова рыбы из слоя с ямочно-гребенчатой керамикой. Представлен В. П. Левенком.

ЛЕ-778. Давлеканово I. Стоянка Давлеканово I близ г. Давлеканово Башкирской АССР. 490 ± 60
1460 н. э.

Уголь из очага; у очага находки неолитической керамики камского типа IV—III тысячелетия до н. э. Представлен Г. Н. Матюшиным.

Примечание. Значительное омоложение возраста. Образец, датированный в Берлинской лаборатории, также показал значительное омоложение по сравнению с археологической оценкой. Сообщение Г. Коля.

ЛЕ-776 8080 ± 90
6130 до н. э.

Древесина из I Висского торфяника. Предполагаемый возраст — мезолей. Образец представлен Г. М. Буровым.

---

[7] М. М. Чернявский. Новое поселение на Кривинском торфянике. Докл. к XI конф. молодых ученых Белорусской ССР. Минск, 1967, стр. 383.

Примечание. Ранее полученные датировки: ЛЕ-616, ЛЕ-684, ЛЕ-685, ЛЕ-713 подтверждают мезолитический возраст памятника [8].

ЭПОХА БРОНЗЫ

Европейская часть СССР и Кавказ

ЛЕ-800. Оленеостровский могильник. Баренцево море. 3000 ± 50 / 1050 до н. э.

Подстилка из погребения № 6 Оленеостровского могильника. Представлен Н. Н. Гуриной.

Курганные погребения ямной культуры

Дмитровский могильник, Никопольский район Днепропетровской области УССР

ЛЕ-822 3850 ± 90 / 1900 до н. э.

Древесина из кургана № 1, погребение 5. Глубина 0,7 *м*.

ЛЕ-823 3680 ± 60 / 1730 до н. э.

Древесина из кургана № 1, погребение 16.

ЛЕ-824 3920 ± 50 / 1970 до н. э.

Древесина из кургана № 10, погребение 12. Образцы представлены В. П. Шиловым.

ЛЕ-731 2920 ± 80 / 970 до н. э.

Древесина из основного погребения кургана Крест (Выбла Могила) у г. Переяславль-Хмельницкий Киевской области УССР. В погребении находилась срубная пряжка. Представлен М. И. Сикорским.

Примечание. Возраст значительно омоложен.

Бабадервиш, Казахский район Азербайджанской ССР

ЛЕ-780 3900 ± 60 / 1950 до н. э.

Уголь на глубине около 1 *м* эпохи ранней бронзы первой половины III тысячелетия до н. э. Представлен И. Г. Наримановым.

НЕОЛИТ — ЭНЕОЛИТ — ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Туткаул, Нурекский район Таджикской ССР (раскопки В. А. Ранова)

ЛЕ-772 8020 ± 170 / 6070 до н. э.

Уголь из основания II горизонта, глубина 7,65 *м*, квадрат В-20.

ЛЕ-777 6760 ± 110 / 4810 до н. э.

Уголь из основания II горизонта, глубина 9,90 *м*, квадрат 0-29.

Примечание. Ранее полученная датировка I горизонта: $7100 \pm \pm 140$ (ЛЕ-690) [9]. Подтверждается отнесение слоев к мезолиту — докерамическому неолиту.

Алтын-Депе, Туркменская ССР

ЛЕ-769 3260 ± 60 / 1310 до н. э.

Уголь из раскопа 7 (1967 г.)

ЛЕ-770 4660 ± 50 / 2710 до н. э.

---

[8] А. А. Семенцов, Е. Н. Романова, П. М. Долуханова. Ук. соч., стр. 254.
[9] Там же, стр. 257.

Уголь из очага, раскоп 5, помещение 29.

ЛЕ-767 — 3140 ± 50 (1190 до н. э.)

Уголь из раскопа 7, у наружной стены к востоку от помещений 10 и 7.

Примечание. Ранее получена датировка: 4070 ± 50 (ЛЕ-664). Датировки Берлинской радиоуглеродной лаборатории: 4120 ± 100 (B1п-716) и 4025 ± 100 (B1п-717) (сообщение Г. Коля): обнаруживается значительный разброс значений. Необходимы контрольные датировки. Образцы представлены В. М. Массоном.

Кучук-Тепе, близ г. Термеза, Таджикская ССР

ЛЕ-773 — 2850 ± 60 (900 до н. э.)

Уголь из поселения Кучук-Тепе.

Примечание. Начало I тысячелетия до н. э.; хорошее согласие с археологической оценкой возраста. Представлен Л. И. Альбаумом.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Городище у дер. Демидовка, в 12 *км* от Смоленска

ЛЕ-726. Уголь из нижнего слоя — 1880 ± 80 (70 н. э.)

Археологическая датировка: середина I тысячелетия н. э.

ЛЕ-727. Уголь из верхнего слоя — 1570 ± 60 (380 н. э.)

Археологическая датировка: вторая половина I тысячелетия н. э. Образцы представлены П. Н. Третьяковым.

ЛЕ-728 — 1520 ± 50 (430 н. э.)

Уголь из городища у дер. Ямполье, бассейн р. Сож. Археологическая датировка: рубеж нашей эры. Образец представлен П. Н. Третьяковым. Пингишский торфяник, Архангельская область, р. Пингиша, приток Северной Двины.

ЛЕ-766. Древесина с глубины 2,5 *м*. — 1120 ± 50 (830 н. э.)

ЛЕ-768. Древесина (палки со срезами) с глубины 2,5 *м*. — 900 ± 50 (1050 н. э.)

Образцы представлены Г. М. Буровым.

ЛЕ-781. Намчедури, Кобулетский район Грузинской ССР. — 2470 ± 80 (520 до н. э.)

Обугленная древесина из предполагаемого оборонительного рва; археологическая датировка: первая половина I тысячелетия до н. э. Образец представлен Д. А. Хахутайшвили.

ЛЕ-779 — 2830 ± 60 (880 до н. э.)

Крепость Петра-Цихисдзири, Кобулетский район Грузинской ССР

Уголь из развалин города-крепости Петра из слоя чернолощеной керамики, перекрытого античным слоем. Археологическая датировка: VIII—VII вв. до н. э. Образец представлен Д. А. Хахутайшвили.

ЛЕ-818 — 2850 ± 50 (900 до н. э.)

Древесина из катакомбного погребения на склоне горы Арагац (Армянская ССР). Археологическая датировка: XI—XII вв. до н. э. Образец представлен Т. С. Хачатряном.

ЛЕ-787. Коконовка — 1950 ± 60 (рубеж нашей эры)

Древесина из перекрытия погребения кургана № 10 у дер. Кокоповка (Омский р-н Омской обл.). Археологическая датировка: IV—III вв. до н. э. Образец представлен В. А. Могильниковым.

ЛЕ-788. Калачевка II — 2800 ± 60 (850 до н. э.)

Древесина из кургана № 1 курганной группы Калачевка II Саргатского района Омской области. Археологическая датировка: начало I тысячелетия до н. э. Образец представлен В. А. Могильниковым.

Датировка курганных погребений тагарской культуры

ЛЕ-720. Кичик-Кюзюр I — 2410 ± 80 (460 до н. э.)

Древесина из кургана I, Кичик-Кюзюр I (Красноярский край). I стадия. Археологическая датировка VI—V вв. до н. э. Образец представлен М. П. Завитухиной.

ЛЕ-721. Кичик-Кюзюр I — 2180 ± 50 (230 до н. э.)

Древесина из кургана 7, могила 5. Образец представлен М. П. Завитухиной.

ЛЕ-722. Новоселово — 2160 ± 50 (210 до н. э.)

Древесина из могилы 1, пункт Заготзерно, Новоселово (Красноярский край). Образец представлен М. П. Грязновым.

ЛЕ-723. Улуг-Кюзюр — 1670 ± 50 (280 н. э.)

Древесина из могилы 1 кургана 4. Улуг-Кюзюр. Красноярский край. Образец представлен М. Н. Пшеницыной.

ЛЕ-724. Каменка III — 1790 ± 60 (160 н. э.)

Древесина из могилы 64 Каменки III (Красноярский край). Образец представлен Я. А. Шером.

Датировки многослойного памятника Белькачи I

Памятник Белькачи I (Якутская АССР) на левом берегу р. Алдан, к югу от устья р. Улахан-Эльге.

ЛЕ-808 — 8760 ± 260 (6810 до н. э.)

Обугленная древесина из слоя XXVII.

ЛЕ-809 — 9330 ± 180 (7380 до н. э.)

Обугленная древесина из слоя XXV, кв. А-48.

ЛЕ-802 — 8740 ± 100 (6790 до н. э.)

Древесина из слоя, причленяющегося к слоям XXV и XXIV.

ЛЕ-764 — 8560 ± 100 (6610 до н. э.)

Уголь из слоя XXIV, траншея 50.

ЛЕ-763 — 9190 ± 80 (7240 до н. э.)

Древесина из слоя XXIII, траншея.

ЛЕ-762 — 8520 ± 80 (6570 до н. э.)

Уголь из слоя XXII.

ЛЕ-801 — 8440 ± 80 (6490 до н. э.)

Древесина из слоя XXI.

ЛЕ-761 — 8370 ± 80 / 6420 до н. э.

Обугленная древесина из очага, слой XX.
ЛЕ-740 — 8500 ± 160 / 6550 до н. э.

Древесина из слоя, прилежащего к слою XX.
ЛЕ-760 — 8290 ± 80 / 6340 до н. э.

Древесина из слоя XIX.
ЛЕ-747 — 8360 ± 80 / 6410 до н. э.

Древесина из слоя XVIII.
ЛЕ-745 — 8260 ± 80 / 6310 до н. э.

Древесина из верха слоя XVII.
ЛЕ-746 — 8060 ± 70 / 6110 до н. э.

Уголь из низа слоя XVII.
ЛЕ-744 — 8110 ± 80 / 6160 до н. э.

Древесина из слоя XV.
ЛЕ-743 — 7920 ± 60 / 5970 до н. э.

Древесина из слоя XIV.
ЛЕ-742 — 7830 ± 150 / 5880 до н. э.

Древесина из слоя XIII.
ЛЕ-741 — 7430 ± 60 / 5480 до н. э.

Древесина из слоя XII.
ЛЕ-775 — 4880 ± 90 / 2930 до н. э.

Уголь из слоя V.

Примечание. Слои XXIII—VIII относятся к сумнагинской культуре («верхний палеолит»), в слоях VII—VI представлена ранненеолитическая сыалахская культура, в V—VI слоях представлена белькачинская неолитическая культура. Нижние слои (XXVII—XXIV) характеризуют время образования нижней части русловой фации берегового вала р. Алдан [10].

Образцы представлены Ю. А. Мочановым.

Дюктайская пещера, Усть-Майский район Якутской ССР, правый берег р. Алдан.

ЛЕ-784 — 13070 ± 90 / 11120 до н. э.

Уголь из верхнего очажного слоя пещеры Дюктай, Якутская АССР, глубина 230—234 *см*.

ЛЕ-829 — 740 ± 50 / 1210 н. э.

Уголь из пещеры Дюктай, глубина 115 *см*.

Примечание. Датировка ЛЕ-784 характеризует верхнепалеолитическую дюктайскую культуру [11], датировка ЛЕ-829 произведена по образцу, взятому из отложений, перекрывающих слой с остатками раннежелезного века.

---

[10] Ю. А. Мочанов. Многослойная стоянка Белькачи I. М., 1969.

[11] Ю. А. Мочанов. Дюктайская верхнепалеолитическая культура и некоторые аспекты ее генезиса. СА, 1969, 4, стр. 235—239.

Усть-Тимптон. Алданский район Якутской ССР.
ЛЕ-832 9000 ± 110
7050 до н. э.

Уголь из слоя IV.
ЛЕ-831 8380 ± 80
6430 до н. э.

Уголь из слоя IV.
ЛЕ-830 2200 ± 50
250 до н. э.

Уголь из слоя II.

Примечание. Датировки ЛЕ-832 и ЛЕ-831 относятся к слоям сумнагинской культуры.

ЛЕ-825. Михайловка 2330 ± 50
380 до н. э.

Обугленная древесина из поселения у с. Михайловка, Амурский край. Образец представлен А. П. Деревянко.

ЛЕ-826. Болонь 860 ± 50
1090 н. э.

Уголь из мохэсских могильников у с. Болонь, Хабаровский край (Нижний Амур). Образец представлен А. П. Окладниковым.

ЛЕ-793. Арктика. В 6 *км* к северу от лагуны Теплой. Северо-восточный Таймыр, Берег Прончищева. 75°18′ с. ш., 113°35′ в. д. 34500 ± 1000
32550 до н. э.

Древесина из морской террасы, сложенной песками. Образец представлен В. М. Макеевым.

ЛЕ-791 10360 ± 110
8410 до н. э.

Древесина из слоя погребенной почвы в разрезе террасы р. Большой Енисей (Тувинская АССР). Глубина 8 *м*. Образец представлен С. Н. Астаховым.

ЛЕ-792 3520 ± 60
1570 до н. э.

Древесина из слоя погребенного торфяника в обнажении террасы высотой 4—5 *м* р. Хамсары. Глубина 2 *м*. Образец представлен С. Н. Астаховым.

ЛЕ-730. Антарктида 1220 ± 80
730 н. э.

Оторфованный мох, станция Молодежная. Антарктика. Образец представлен В. М. Каменевым (НИИ Арктики и Антарктики).

Из приведенных в настоящем списке радиоуглеродных датировок наибольший интерес представляют серии датировок памятников мезолита и неолита Прибалтики. В частности, был подтвержден глубокий (конец VI — начало V тысячелетия до н. э.) возраст мезолитического слоя памятника Оса (Латвийская ССР). Ранненеолитический слой того же памятника датирован первой половиной IV тысячелетия до н. э. Заслуживает внимания хорошее совпадение контрольных датировок памятников Оса (мезолитический слой) и Сарнате, выполненных в радиоуглеродной лаборатории Института до- и протоистории Берлинской Академии наук (ГДР), с нашими определениями. В настоящее время памятники мезолита и неолита Прибалтики в лучшей степени охарактеризованы радиоуглеродными датировками. Эти датировки уже сейчас можно использовать в качестве основы для хронологических построений.

Огромный интерес представляет хронологическая колонка радиоуглеродных дат, полученная для многослойной стоянки Белькачи I в Якутской АССР. Для 23 культурных слоев памятника было получено 27 радиоуглеродных дат, причем 22 из них получены для образцов, взятых из

слоев, залегающих в стратиграфической последовательности. Подобной хронологической колонки нет ни для одного археологического памятника в Советском Союзе.

Наряду с этим следует отметить, что памятники каменного века Украины, Белоруссии, центральных и восточных областей РСФСР в лучшем случае охарактеризованы единичными радиоуглеродными датировками. Не получено достаточного для построения твердой хронологической шкалы количества датировок для памятников неолита и энеолита Средней Азии. Задача будущих исследований — восполнить эти пробелы.

Авторы благодарят всех лиц, предоставивших на анализ образцы.

A. A. Sémentsov, P. M. Doloukhanov et E. N. Romanova

LES DATES OBTENUES PAR LE RADIOCARBONE DANS LE LABORATOIRE DE LA FILIALE DE L'INSTITUT D'ARCHÉOLOGIE À LÉNINGRAD (1968—1969)

Résumé

Cet article est issu, de façon consécutive, d'une série de publications traitant, dans resprit de suite, des résultats des travaux réalisés dans le Laboratoire de radio-carbone en vue d'établir des séries et colonnes chronologiques du matériel lithique à grand pourcentage de fréquences pour les régions concrètes de notre pays.

L'auteur publie une série des datations du Mésolithique et du Néolithique se rapportant aux régions côtières de la Mer Baltique et une grande échelle chronologique comportant 27 datations relatives au gisement à couches multiples de Belkatchi I (en Yakoutie). Au total, 85 dates sont publiées.

ВЕЛИ АЛИЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ХОЛМЕ КЮЛЬ-ТЕПЕ II

Поселение Кюль-Тепе II находится в 12 *км* севернее г. Нахичевань Азербайджанской ССР, близ селений Юхары Узуноба и Дидивар, в слиянии рек Нахичевань-чай и Джагри-чай.

Холм Кюль-Тепе II имеет подтреугольную форму. Часть холма размыта рекой Джагри-чай, вследствие чего образовался обрыв, местами достигающий 11 *м* высоты. Обследование показало, что вся эта толща представляет собой культурный слой, относящийся к эпохе начиная с ранней бронзы (куро-аракская культура) и до начала железного века. Хотя среди большого количества подъемного материала более ранней керамики не имеется, однако возможность наличия ее здесь не исключена, как это было установлено в процессе раскопок в Кюль-Тепе I.

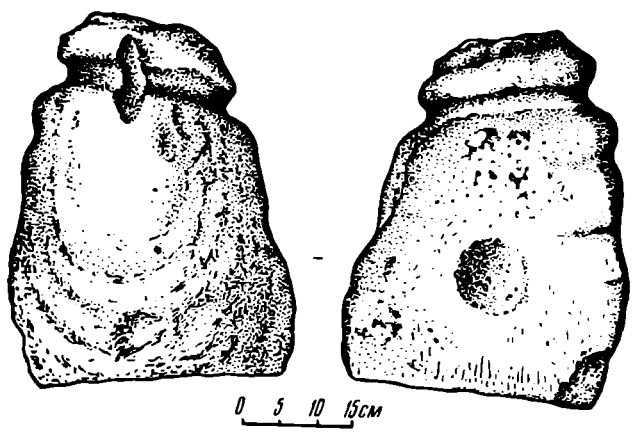


Рис. 1. Кюль-Тепе II. Молотильный камень

Поселение занимало выгодное во всех отношениях положение. Нахождение поселения между слиянием двух рек обеспечивало его естественными оборонительными рубежами от нападения соседних племен. Кроме того, реки, а также наличие рядом источников обеспечивали поселение водой. Расположенные вокруг поля использовались под посевы и для выпаса скота. Столь благоприятные естественные условия способствовали длительному существованию поселения.

В настоящее время площадь, занимаемая поселением, доходит до 3 *га*. Поверхность основной части его плоская и ровная. Однако северо-восточная сторона сильно всхолмлена. В этой части поселения имеется остаток оборонительной стены круглой формы, сложенной из речного булыжника различной величины. В процессе раскопок выяснилось, что основание ее уходит лишь на 0,5 *м* в глубину. Это доказывает, что она была воздвигнута в последние этапы существования поселения. Стена имеет 2 *м* толщины и 100 *м* в диаметре, часть ее смыта рекой.

До начала основных раскопок был вскрыт один из многочисленных холмиков, чтобы выяснить, что они из себя представляют. Оказалось, что это остатки каменной стены толщиной до 2 *м*. Несомненно, что и остальные подобные холмики представляют собой тоже остатки стен.

Основной раскоп размером 20 × 20 *м* был заложен на юго-западной части оборонительной стены и доведен почти до 2 *м* глубины. Исследованный слой частично относится к эпохе средней бронзы, но основная

часть охватывает эпоху поздней бронзы, а в верхних пластах местами сохранился слой раннего железа. В результате раскопок был выявлен ряд строительных остатков, очажные сооружения, обнаружена богатая расписная и простая керамика, различные каменные орудия, в небольшом количестве металлические предметы и изделия из кости.

Строительные остатки выявлены на различной глубине. В качестве строительного материала использованы неотесанные булыжники, скрепленные глиняным раствором. Первое помещение обнаружено на глубине 0,5 *м*. От этого четырехугольного строения полностью сохранилась одна стена и частично — две, четвертая разрушена до основания. Толщина стен 50—60 высота 25—30 *см*. Местами на полу помещения сохранился один ряд мелких камней. Видимо, пол был замощен камнями и сверху обмазан глиной.

На этой же глубине выявлена вторая стена, однако другого характера. Она имеет 2 *м* толщины, 15 *м* длины и 20—50 *см* высоты, причем продолжение ее прослеживается и за пределами раскопа на очень продолжительное расстояние. Пока точно установить ее назначение трудно, однако, имея в виду мощность и длину стены, можно предполагать ее оборонительное назначение и отнести ее к более раннему этапу, чем упомянутая круглая стена.

Интересна стена, обнаруженная на глубине 1,2 *м*. Она также имеет ширину 2 *м*, но по форме округлая, и оба конца ее уходят за пределы раскопа. Длина ее изнутри 13, снаружи 16 *м*, высота 20—60 *см*. Пока вскрыта небольшая часть стены, и сказать, что она круглая или овальная, невозможно. Еще труднее определить ее назначение.

В пределах этой стены было выявлено глинобитное сооружение диаметром 1 × 1,2 *м*. Толщина стены 12—15, высота 16—18 *см*. Стены сооружения не обожжены, однако оно было заполнено золой, а дно почернело от действия огня. Вокруг него также было много скоплений золы и угля. Возможно, это печь, но использовавшаяся недолго, в связи с чем стены ее не обожжены.

Обнаружен остаток еще одной стены — прямой, длиной 5 *м*, шириной 65 *см*, высотой 50 *см*.

На глубине 1,3 *м* обнаружено четырехугольное сооружение. Сохранились только две стены: одна длиной в 3,5 *м*, другая — 1 *м* при толщине 60 *см* и высоте 80 *см*. При разборе остатков стен этого сооружения среди камней было найдено орудие, по форме напоминающее каменный молот почти прямоугольной формы с округлыми краями и шейкой с одного конца. Однако для молота он слишком велик (рис. 1). Правильнее считать его молотильным камнем, тем более, что на боках специально выбиты углубления, чтобы камень не всей поверхностью придавливал солому, а легко скользил по ней.

Подобные молотильные камни случайно найдены на территории Нагорного Карабаха в 1963 г. в Степанакерте и на территории Даланлар Гадрутского района [1].

Аналогичные молотильные камни известны на территории Армении из курганов Лчашена и из Зангезура, недалеко от Геруса [2], относящихся к XIV—XII вв. до н. э.

Наряду с этим можно отметить, что молотильный камень из Кюль-Тепе II по сравнению с указанными выше более архаичен. И поскольку он обнаружен с определенным комплексом материалов, его можно отнести к более раннему этапу и датировать XVII в. до н. э.

Следующие обнаруженные стены относятся к остаткам двух четырехугольных помещений. Земляной пол их обмазан глиной, и под одним из

[1] Ш. А. Гулиев. Молотильные камни, найденные в Карабахе (на азерб. языке). Докл. АН АзербССР, 11, Баку, 1968, стр. 79—81, рис. 1—2.

[2] С. А. Есеян, А. Н. Шагинян. Археологические находки в Зангезуре. СА, 1962, 3, стр. 193—200. рис. 1.

них выявлены 23 обломка сосудов различной формы, в том числе и расписные. Это кувшины, горшки, миски и др.

Недалеко от этих сооружений был выявлен подковообразный глинобитный очаг, стенки которого обожжены. Толщина стенок в среднем 10, высота 30, длина очага 90, ширина 70 *см*, он был заполнен золой.

Вскрыт комплекс помещений из четырех комнат. Размеры помещений точно установить трудно. Длина их 3,2, ширина 1,8—3,3, ширина входных проемов 0,6—1,1 *м*. В помещениях обнаружены фрагменты различных сосудов, кости животных, а за пределами их выявлены скопления обломков различных сосудов, принадлежащих более чем 10 экземплярам. Возможно, здесь были какие-то сооружения, но от них ничего не сохранилось. В некоторых местах земля была обожжена, скопилась зола, среди сосудов находились булыжники. Обнаружен лишь остаток какого-то небольшого сооружения в виде очага или печки. На нем находились два миниатюрных сосудика.

Таким образом, выявленные остатки сооружения дают некоторое представление о характере строительной техники, строительном материале и форме помещений.

Что касается керамических изделий, обнаруженных раскопками, то они изготовлены из хорошо промешанной глины с примесью песка. Среди сосудов имеются вылепленные как вручную, так и на гончарном круге. Обжиг хороший, равномерный, в основном красного цвета, встречаются и черные, серые и другие оттенки. По форме сосуды различны, среди них имеются кувшины, горшки, миски, чашки, так называемые чайники. Много среди сосудов тщательно обработанных, тонкостенных, поверхность которых залощена или сглажена. Встречаются зооморфные ручки, в основном изображающие мелких рогатых животных.

По сравнению с другими памятниками Нахичевани, а также памятниками Закавказья эпохи бронзы Кюль-Тепе II очень богат расписной керамикой.

По характеру росписи керамика делится на монохромную и полихромную. Монохромные расписные сосуды из слоя эпохи средней бронзы имеют красный фон, украшены черной росписью. Это сетчатые геометрические фигуры, шевроны, волнистые и прямые линии, углы и треугольники, вписанные друг в друга (рис. 2, *1*, *2*, *4*).

Подобная керамика, характерная для эпохи средней бронзы, известна в Азербайджане из Кюль-Тепе I, Нахаджира, Шор-Тепе[3], Зурнабада[4], Узерлик-Тепе[5], из Азнабюртского кургана[6], Мильской степи[7] и Триалетских курганов в Грузии[8]. На территории Армении она найдена на Гызыл-Тамуре, Астападе, Муханнат-Тепе[9], в Тазакенде, Каяхараба[10] и на других памятниках.

---

[3] О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе. Баку, 1959, стр. 85—86, табл. 35, *1—10*.

[4] Я. И. Гуммель. Крашеная керамика в долине Гянджачая. Изв. Азерб. ФАН СССР, 5, Баку, стр. 37—41.

[5] К. Х. Кушнарева. Раскопки на холме Узерлик-Тепе около Агдама. КСИИМК 69, 1957, стр. 131, рис. 52; е е ж е. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама. МИА, 67, 1959, стр. 402—404.

[6] В. Г. Алиев. Новые материалы о культуре расписной керамики в Азербайджане. СА, 1967, 1, стр. 120, рис. 3, *1—5*.

[7] А. А. Иессен. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МИА. 125, 1965, стр. 18—20, рис. 5, *5—6*.

[8] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. I, Тбилиси, 1941, стр. 97, 99, табл. XXXI—XXXII.

[9] Е. Байбуртян. Проблема крашеной керамики Армении. ВИИЛ АрмССР, II, Ереван, 1937, стр. 288, 289.

[10] П. С. Уварова. Коллекция Кавказского музея. Археология, V, Тифлис, 1902, стр. 119—120; К. Х. Кушнарева. Тазакендский могильник. СА, 1960, 1, стр. 141, рис. 3; А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 48, 49, рис. 15—17.

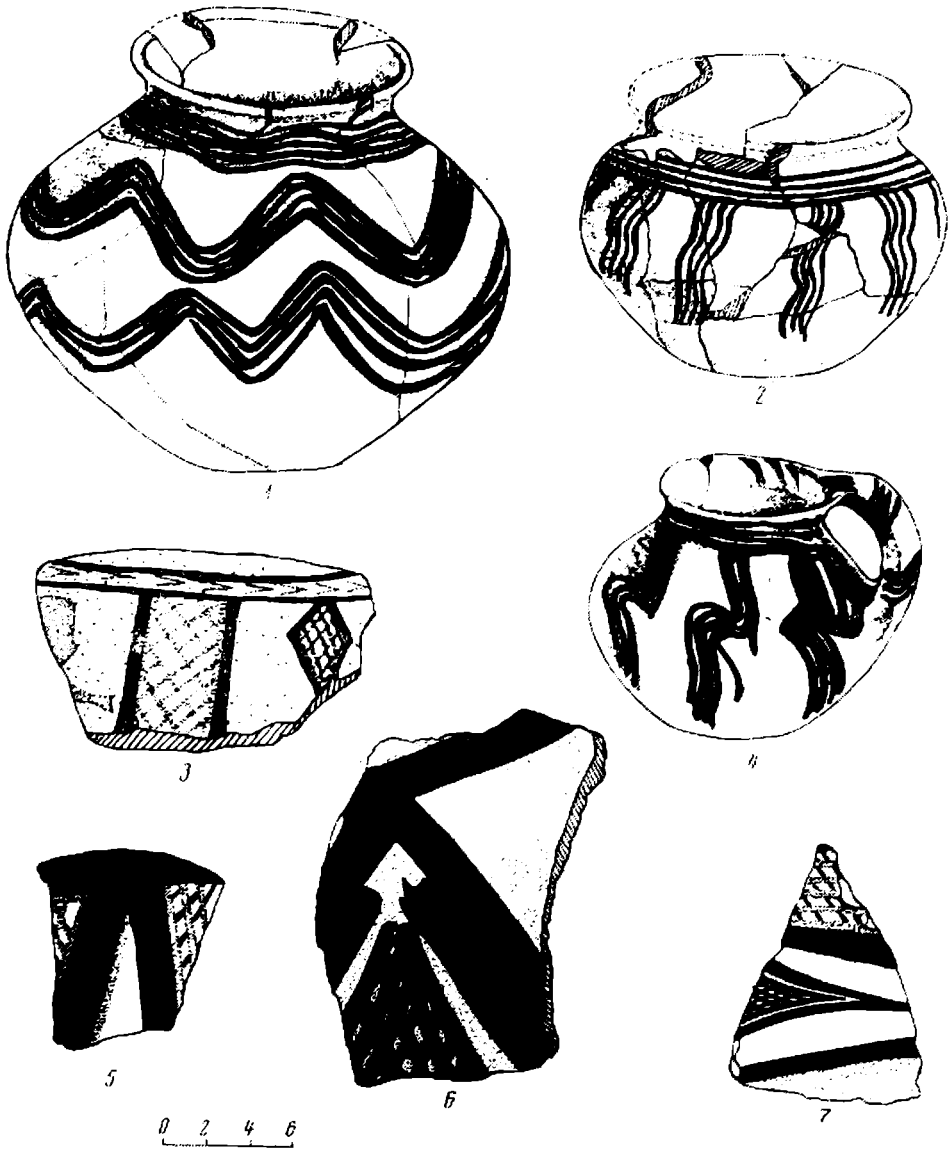


Рис. 2. Кюль-Тепе II

1, 2, 4 — монохромные расписные кувшины эпохи средней бронзы; *3, 7* — фрагменты полихромной расписной керамики эпохи средней бронзы; *5, 6* — фрагменты монохромной и полихромной керамики эпохи поздней бронзы

Верхние слои Кюль-Тепе II дают полихромно расписную керамику. По характеру росписи эта керамика делится на две группы.

К первой относятся сосуды, на которых по красному, желтому и белому фону идет роспись, выполненная красной, черной, коричневой и белой красками. Роспись, исполненная тонкими линиями, состоит из сетчатых треугольников и ромбов, горизонтальных полосок, а также поясков, составленных из отдельных прямоугольников (рис. 2, *3*, *7*). Аналогичные полихромные сосуды известны из Кызылванка [11], Кюль-Тепе I, Шор-Тепе [12], Шахтахтов [13] в Нахичевани.

Вторую группу керамики составляют относительно толстостенные сосуды серого, темно-серого и розоватого оттенков. У большинства из них

[11] А. С. Спицын. Некоторые Закавказские могильники. ИАК, 29, СПб., 1909, стр. 4—5, рис. 46—50, 53—58, 60—63.

[12] О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе (на азерб. яз.). Баку, 1959, стр. 100.

[13] О. А. Абибуллаев. Материалы Шахтахтинского погребения. ИАН АзербССР, 5, 1961, стр. 28, рис. 1.

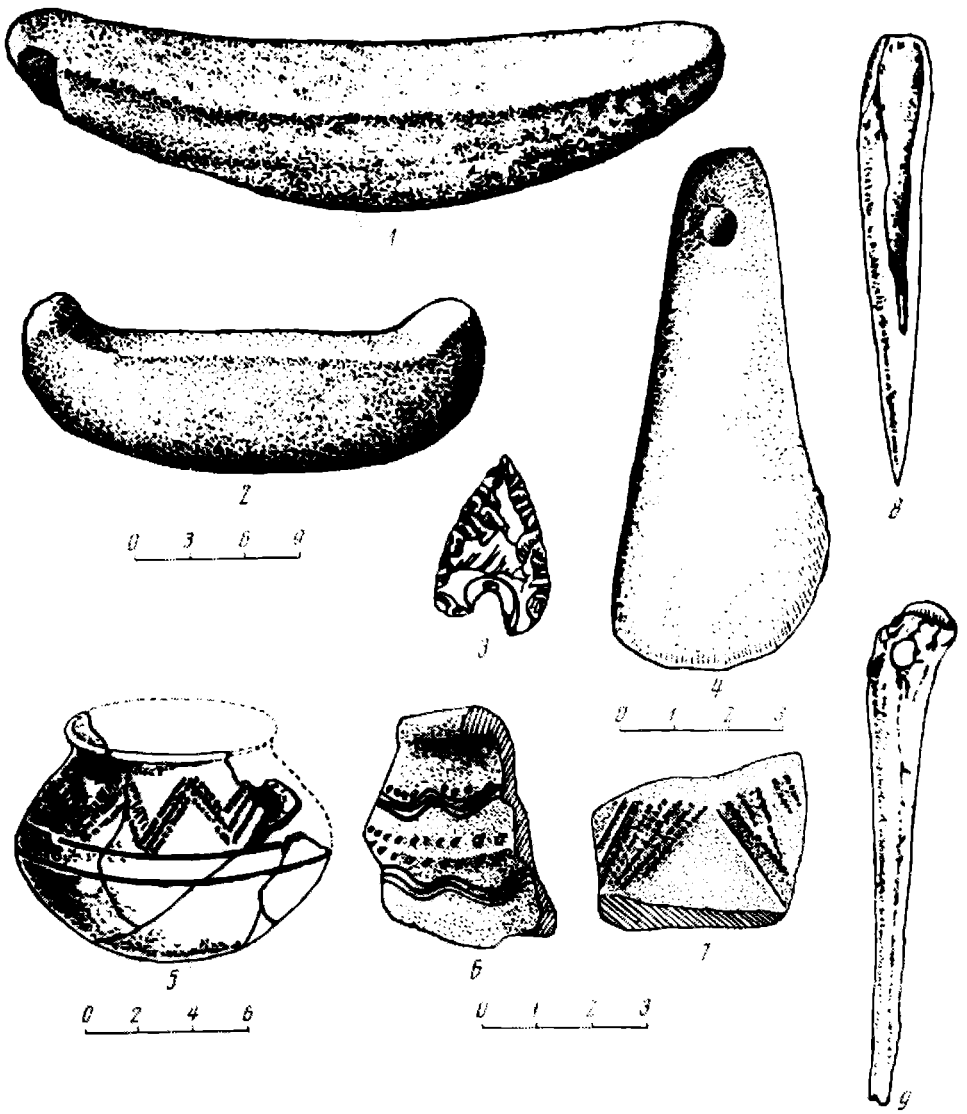


Рис. 3. Кюль-Тепе II

1 — зернотерка; *2* — терочник; *3* — наконечник стрелы из обсидиана; *4* — каменный нож; *5* — чернолощенный кувшин; *6, 7* — фрагменты серой керамики; *8, 9* — костяные орудия

поверхность покрыта белой и желтой краской и орнаментирована черной и красной краской.

Роспись состоит из широких прямых полос или же из углов, треугольников, иногда дополненных волнистыми линиями. В росписи этих сосудов заметно упрощение узоров и небрежность их выполнения (рис. 2, *5*, *6*). Такие сосуды найдены в Кызылванке [14], Шор-Тепе [15] и в Кюль-Тепе I [16].

Кроме расписной, найдено много простой керамики серого, черного и красного цвета. Часть сосудов украшена точечным орнаментом, резными, прямыми, ломаными, волнистыми линиями, треугольниками и насечками (рис. 3, *5*, *6*, *7*,).

Древние жители Кюль-Тепе II широко использовали каменные изделия. Во время раскопок обнаружены в большом количестве различные орудия: вкладыши составных серпов, зернотерки, терочники, ступки,

---

[14] А. С. Спицын. Ук. соч., стр. 13, рис. 46, 47, 55, 61; О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе, табл. 37, *2*, *3*, *5*.

[15] Там же, табл. 37, *1*.

[16] Там же, стр. 93, табл. 41, *6*.

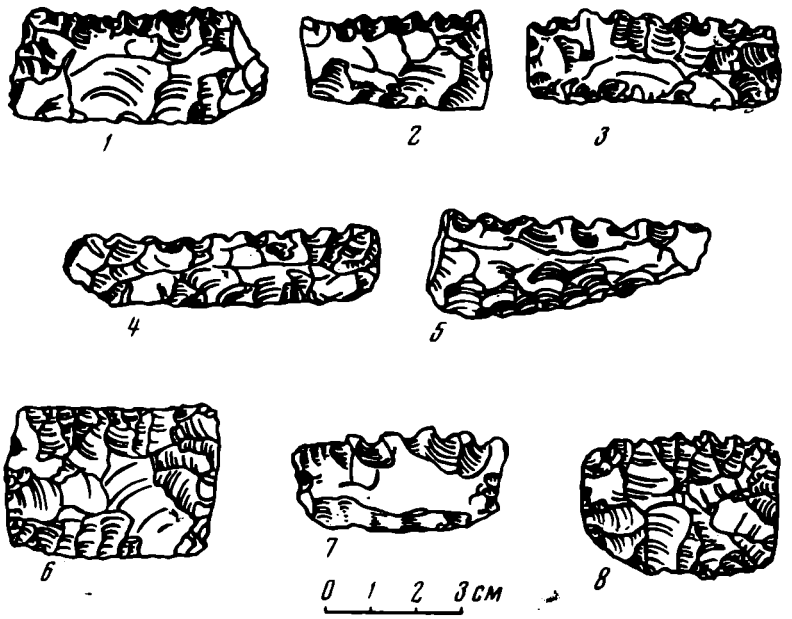


Рис. 4. Кюль-Тепе II
Вкладыши составного серпа из кремня

песты и др.; множество каменных молотов, подвески, грузила, наконечники стрел и другие каменные предметы.

Вкладыши для составных серпов изготовлены из кремня с двухсторонней ретушью рабочего края. На противоположных краях у некоторых вкладышей остались следы закрепляющего черного вещества.

По форме вкладыши подтреугольные, прямоугольные и трапециевидные (рис. 4).

Из археологических исследований Кюль-Тепе 1, Шому-Тепе и других памятников известно, что основными серпами с костяными и деревянными основами широко пользовалось земледельческое население Азербайджана в эпоху энеолита и бронзы.

Зернотерки, песты и ступки изготовлены из серого туфа и из другого плотного камня (рис. 3, *1, 2,* рис. 5, *1, 2,*).

Привлекает внимание очень большое количество каменных молотов. Они изготовлены из крепкого хорошо отесанного камня и имеют грушевидную и овальную форму. С одной стороны они конусообразные, с другой — округлые. Ближе к округлому концу имеется шейка (желоб) для прикрепления рукоятки (рис. 6, *1—6*).

Археологические исследования показывают, что такие орудия труда широко использовались древними племенами Нахичевани с энеолитического времени.

Подобные орудия труда известны из Кульпинских и Нахичеванских соляных копей [17], из Кюль-Тепе I [18], Кявуркала [19], из Киликдага [20] и из других памятников Азербайджана.

---

[17] К. А. Никитин. Гор. Нахичевань и Нахичеванский уезд. СМОМПК, 2, 1882, стр. 115; И. С. Поляков. Дневник... Протоколы подготовительного комитета V АС. Прил. в вып. 1, IX, М., 1882, стр. 212—215; М. М. Гусейнов. Каменные молоты из Нахичевани. Докл. АН АзербССР, XII, 2, Баку, 1956, стр. 135—145.

[18] О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе (на азерб. яз.). Баку, 1959, стр. 42, 43; табл. IX, *2, 6.*

[19] А. К. Алекперов. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку, 1960. стр. 55.

[20] Я. И. Гуммель. Памятники древности в окрестностях Килликдага. Азерб. ФАН СССР, 2, Баку, 1941, стр. 27, 28.

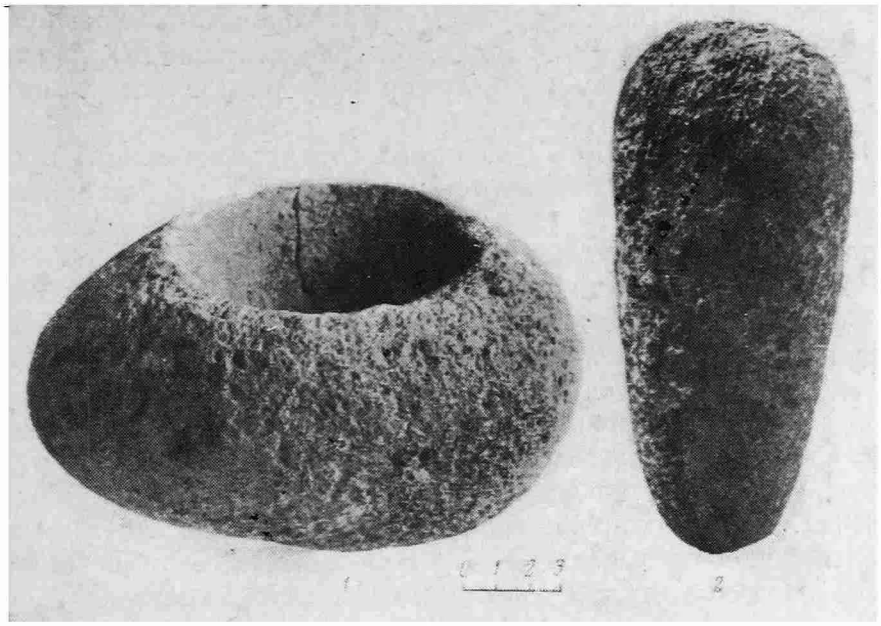


Рис. 5. Кюль-Тепе II

1 — ступка; *2* — пест

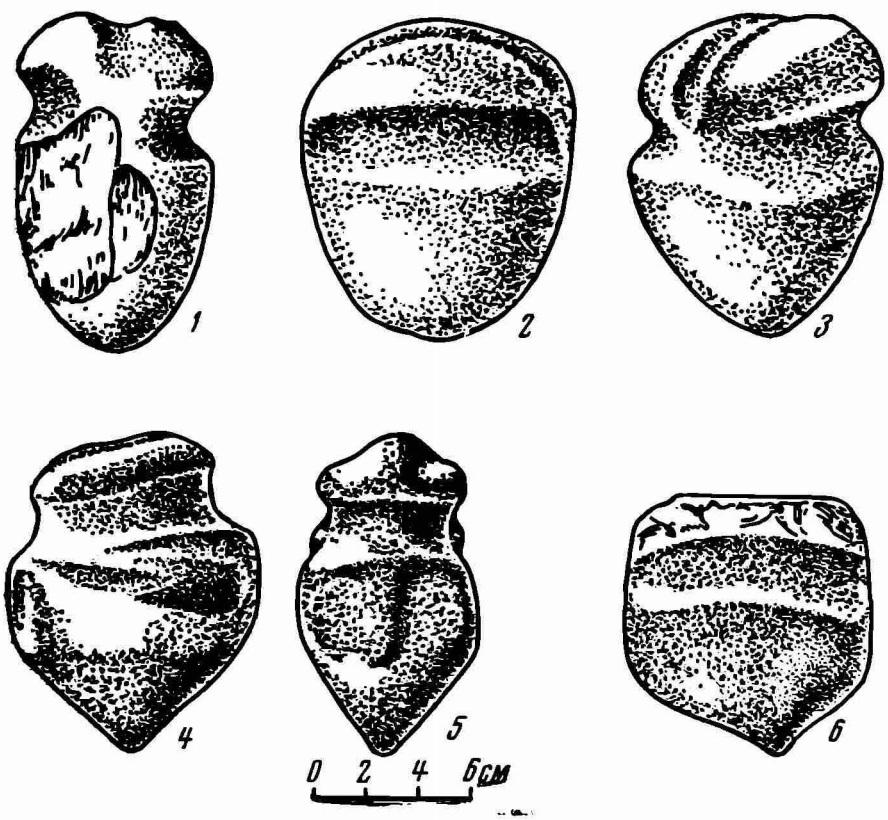


Рис. 6. Кюль-Тепе II

1—6 — каменные молоты

Из орудий необходимо отметить небольшой нож, изготовленный из серого плотного камня. Рукоятка его несколько округлена, а лезвие, заостренное двухсторонней обточкой, имеет овальную форму. В конце рукоятки есть небольшое углубление — попытка сверления отверстий (рис. 1, *4*). Точно повторяющий его форму нож был обнаружен в третьем слое Кюль-Тепе I [21].

[21] О. А. Абибуллаев. Ук. соч., стр. 48. рис. 25.

В большом количестве обнаружены и наконечники стрел из обсидиана. Они имеют листовидную форму, поверхность сплошь ретуширована. Концы их острые, у основания имеются углубления для укрепления черенков (рис. 3, *3*).

Пока не так много костяных изделий. Они представлены проколками, изготовленными из трубчатых костей мелких рогатых животных (рис. 3, *8, 9*).

Археологические данные показывают, что в эпоху средней и поздней бронзы в Кюль-Тепе II жили богатые земледельческо-скотоводческие племена. Скотоводство было наиболее развитой отраслью хозяйства. Это доказывается большим количеством остеологического материала. Действительно, здесь было выявлено столько костей животных, что ни одно синхронное поселение, известное нам, не дало столько остеологического материала. Они представлены костями крупного и особенно мелкого рогатого скота. Среди них часто встречаются кости лошадей, оленя и других животных. Анализ археологических материалов дает возможность датировать исследованные слои Кюль-Тепе II XVII—X вв. до н. э. Мощные нижние слои холма, как мы отметили выше, относятся к эпохе ранней бронзы. Таким образом, древнее поселение является многослойным памятником, датируемым III—II тысячелетиями до н. э., очень перспективным для изучения куро-аракской культуры и культуры расписной керамики в Азербайджане, в том числе и в Закавказье. Материалы из этого памятника очень ценны для выяснения культурно-экономических связей Закавказья и Ближнего Востока.

Véli Alièv

LES FOUILLES ARCHÉOLOGIQUES SUR LA COLLINE DE KULTÉPÉ II

Résumé

Les site de Kultépé II se trouve à proximité de la ville de Nakhitchévan (la République Soviétique Socialiste d'Azerbaïdjan). C'est un monument à plusieurs couches récemment découvert au Caucase du Sud et attribuable, au total aux IIIe- début du IIe millénaires avant notre ère.

L'article signale, de façon succinte, les résultats des premières fouilles exécutées sur cette colline.

Le chantier des fouilles couvrait une surface de 400 m^2, les travaux ont été menés jusqu'à la profondeur de 2 *m*. Les niveaux dégagés remontent aux Bronzes moyen et tardif. Ces couches renferment les vestiges de constructions à usage l'habitation et de ménage, ceux des remparts et un mobilier abondant (une grande collection de céramiques décorées de peinture y compris).

В. И. СПРИШЕВСКИЙ

ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

Изучение ранних оборонительных сооружений позволяет выяснить некоторые стороны социально-экономической жизни древних племен и народов. В этом отношении интересно Чустское поселение эпохи бронзы, открытое М. Э. Воронцовым и автором в Ферганской долине в 1950 г. В течение девяти лет (1953—1961 гг.) автором, под общим научным руководством академика Я. Г. Гулямова, здесь велись стационарные раскопки.

Чустское поселение расположено на песчано-лёссовой возвышенности у северной окраины Чуста (Наманганская обл.). С северной, восточной, южной и юго-западной сторон оно было защищено естественными саями (балками) и заболоченными низменностями. На северо-западном участке памятника (раскоп № 3) были выявлены остатки оборонительного сооружения в виде стены, имевший дугообразную форму (рис. 1). Она начиналась у северной границы поселения от обрыва сая, а на южной стороне доходила до болотистой низменности. Протяженность стены 64 *м*. С наружной стороны к ней были пристроены дополнительные сооружения в виде мощных платформ. Длина северного крыла дугообразной стены 34 *м*. Высота его у северного края 2,1 *м* (рис. 2), у стыка с южным крылом до 3,75 *м*, при толщине на всем ее протяжении 2,9—3 *м*. Все северное крыло стены сложено из крупного сырцового кирпича батонообразной формы размером 54—55 × 32 × 8—10 *см*, положенного на толстый (до 10 *см*) слой глиняного раствора. Нижняя часть стены возведена на культурном слое. Сложена она из пахсы и сырцового кирпича (55 × × 33 × 10 *см*), скрепленного глиняным раствором. Верхние ряды кирпичей сильно разрушены атмосферными осадками.

С внешней стороны к северному крылу вплотную пристроена платформа из сырцового кирпича, уложенного вместе с глиняной забивкой на культурный слой и зольник мощностью от 58 до 70 *см*. Видимо, платформа была прямоугольной формы (северо-западная и северо-восточная ее стороны не сохранились). Ненарушенная часть достигает в юго-западном направлении 12,5, вдоль северного крыла 14 *м*; толщина ее колеблется от 1,7 до 3,5 *м*. На поверхности платформы сохранились остатки круговой (диаметр 10—11 *м*) выкладки из сырцового кирпича — такого же, какой использовался при постройке северного крыла. Почти в центре круга обнаружены остатки стен пяти небольших помещений. У первого из них, узкого и длинного, сохранилась только юго-восточная половина. Юго-восточнее первого находилось еще одно помещение. Северо-западная стена его имела длину 3,3 северо-восточная 2,25, юго-восточная около 4, юго-западная 1 *м*. Оба помещения разделены стеной толщиной в 1,1 *м*. Юго-восточнее второго «веерообразного» помещения было еще какое-то

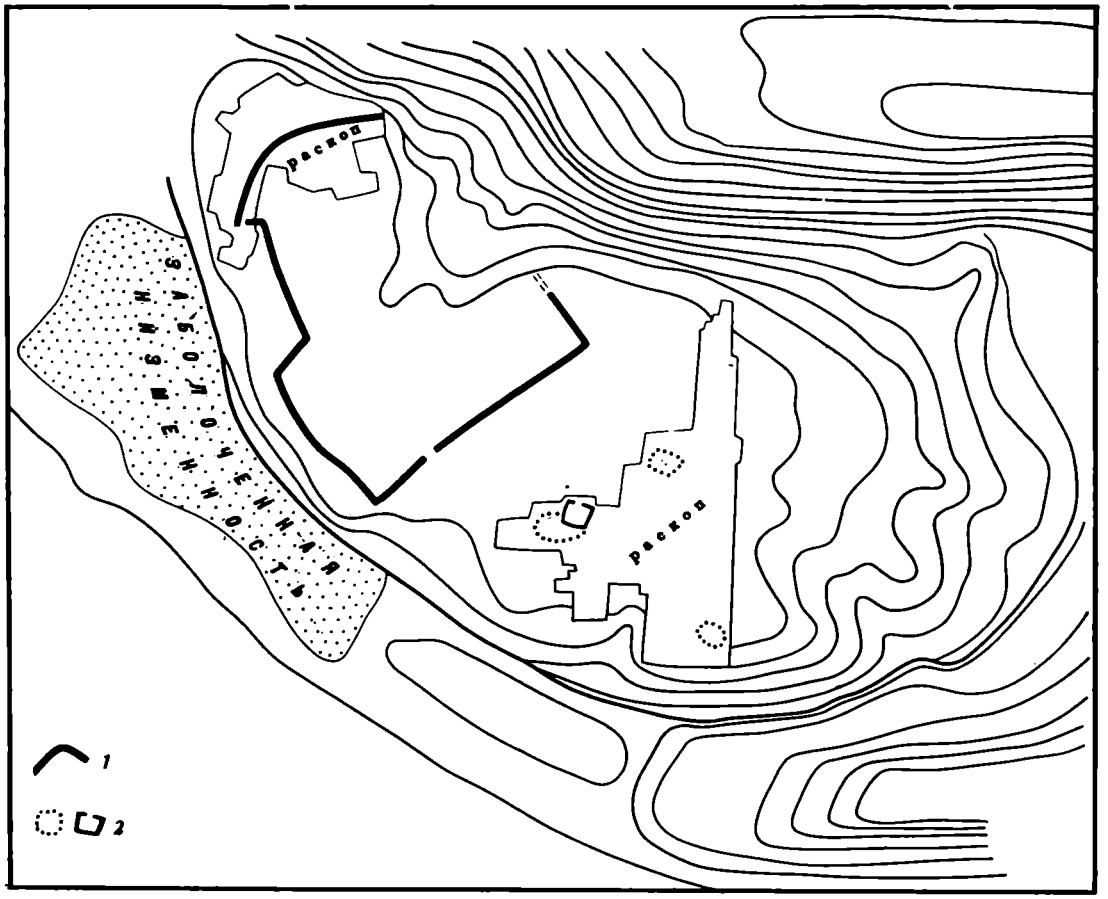


Рис. 1

сильно разрушенное сооружение, но установить его контуры и размеры невозможно.

Стены двух первых комнат сложены из сырцового кирпича размером 54 × 32 × 8 *см* и сохранились на высоту 1,35 *м*. Штукатурка на стенах отсутствует. Пол был покрыт истлевшим камышом, слой которого достигал 1 *см*. На полу найдены три каменные терки и семь фрагментов посуды чустского типа. В 1961 г. были обнаружены следы еще двух помещений, размеры которых из-за плохой их сохранности определить не удается.

Все сооружение в целом — северное крыло с платформой перед ним, с выкладкой башнеобразной формы и пятью комнатами в центре — очевидно, являлось подобием бастиона с казематами внутри.

Сопоставление размеров и формы кирпича, структуры его кладки на северной стене и оборонительных пристройках к нему, позволяет установить полную их идентичность и отнести рассмотренную часть укрепления к первому этапу строительства оборонительных сооружений на поселении.

Южное крыло стены протяженностью 30 *м* доведено до болотистой низменности на юго-западном крае поселения. Высота его у стыка с северным крылом 4 *м* при ширине 3 *м*. У болота стена сохранилась плохо и не превышает 30—35 *см*.

В средней части крыла высота стены достигает 5 *м*, и она укреплена со стороны поселения глинобитном откосом (контрфорсом) высотой до 1 *м*. Это было вызвано наличием здесь под стеной глубокой промоины. На южном конце ширина стены несколько превышает 2 *м*. Сложена она из пахсы в основании и сырцового кирпича размером 32—37 × 30 × 8 *см*, скрепленного глиняным раствором слоем от 5 до 8 *см*. Верхние ряды кирпичей, особенно на южном конце стены, сильно разрушены. С внешней стороны стена была повреждена брешью шириной в 2 и глубиной около 1 *м*.

Рис. 2

При сравнении размеров кирпичей оказалось, что в южном крыле они меньше, чем в северном. Пахсовая «подушка» под кирпичами южного крыла своей структурой значительно отличается от пахсы северного крыла. Очевидно, южное крыло стены сложено несколько позже, чем северное, и, следовательно, относится ко второму этапу строительства укрепления. Вторая очередь постройки дугообразной стены была вызвана, вероятно, интенсивным высыханием заболоченной низины, на юго-западной окраине поселения.

Раскопками последних двух лет установлено, что с внешней стороны к южному крылу была пристроена широкая платформа из пахсы в основании и сырцового кирпича размером от 30 × 27 × 5 до 60 × 28 × 8 *см* (всего 21 вариант). Платформа примыкала к бастионообразному выступу северного крыла; в плане она имеет как бы ступенчатую конструкцию с наибольшей шириной 5,5 и минимальной, у южного конца стены, 2 *м*. Общая длина платформы достигает 32, толщина около 2 *м*. Верхние ряды кирпичей платформы перекрывают южное крыло и частично бастионообразное сооружение северного крыла стены.

Различия в кладке кирпичей платформы и стены, несоответствие их размеров и перекрывание кирпичами платформы южного крыла и башнеобразного сооружения позволяют отнести строительство платформы к третьему строительному этапу.

В целом весь северо-западный участок поселения был защищен мощной системой, состоящей из дугообразной стены и платформы с башнеобразным сооружением на ней.

В 1960—1961 гг. работы велись в основном по выявлению всей оборонительной системы древнего поселения. Продолжение укреплений было обнаружено у южного конца (южного крыла) дугообразной стены, в виде остатков пахсовой кладки. Она прослежена на 6 *м* в юго-восточном направлении, затем на 4 *м* в южном направлении. Здесь был

Рис. 3

обнаружен ее поворот под тупым углом на юго-восток, а через 32 *м* — на юго-запад. Затем через 18 *м* она поворачивает и следует изогнутой линией вдоль заболоченной низменности в юго-восточном направлении на протяжении еще 53 *м*. Начиная с 54 *м*, остатки ее идут уже на северо-восток и имеют в длину 87 *м*. Не доходя 17 *м* до крутого обрыва сая, стена делает последний свой поворот в северо-западном направлении и на 22-м *м* обрывается на склоне широкой и глубокой ложбины, выходящей в сай.

Судя по направлению остатков северо-восточного участка стены, она должна была бы примкнуть к северному концу дугообразной стены у обрыва сая. Очевидно, в глубокой древности стены представляли собой замкнутую и извилистую систему оборонительного сооружения. Под действием атмосферных осадков и северных ветров значительная часть обрыва сая была разрушена, а вместе с ним была уничтожена и северо-восточная линия укрепления. У болотистой низменности она сложена из пахсы и сохранилась на высоту от 30 до 120 *см* при ширине основания в 1,3—1,5 *м*.

Юго-восточная стена, проложенная через центр поселения, своей структурой отличается от стены, возведенной вдоль болотистой низменности; она сложена из сырцового кирпича (50 × 30—35 × 10; 45 × 35; 40 × 25 × 8 *см*), уложенного на культурный слой (рис. 3) и скрепленного раствором глины с саманом. В северной части поселения сохранность стены очень плохая, местами от нее сехранились только отдельные кирпичи и их обломки, по которым определялось ее направление. В южной части юго-восточной стены обнаружен проход (калитка) шириной в 120—130 *см*, через который можно было проникнуть на огороженную территорию.

Таким образом, в результате проведенных работ удалось полностью оконтурить оборонительное сооружение поселения, наиболее древнего на территории Узбекистана. Периметр сохранившихся стен достигает 286 *м*; толщина их, за исключением дугообразной, не превышает 1,5 *м*; высота, судя по завалам, не была больше 2 *м*.

На территории поселения и непосредственно у стен обнаружено большое количество (около 35 тыс. за 9 лет) разбитых остроугольных камней. Камни встречались как россыпью, так и сложенные в специальные углубления в оборонительных стенах и у их основания. Вероятно, эти камни предназначались для метания из пращи во время обороны.

Все стены сооружения возводились на тонком культурном слое. Впоследствии образовавшиеся культурные наслоения перекрыли остатки оборонительных стен слоем от 10 до 60 *см*.

Часть площади поселения, примерно 1,5 *га*, полностью обнесенная извилистой стеной, представляла достаточно неприступную по тому времени территорию. Укрепление с двумя выступами на северо-западном и юго-западном его участках служило как загон для домашнего скота в ночное время и как укрытие во время нападения врагов.

Выяснено, что оборонительное сооружение возводилось в три строительных этапа. В первый было построено северное крыло дугообразной стены вместе с выступающим бастионоподобным сооружением. Несколько позже было сооружено южное крыло.

В целом сооружение полностью закрывало доступ на поселение с северо-западной стороны. В третьем строительном этапе сооружаются какие-то дополнительные укрепления перед южным крылом (от которого сохранилась только платформа) и все остальные стены укрепления, о чем свидетельствуют одинаковые размеры сырцовых кирпичей платформы и стен.

Сопоставление этапов постройки оборонительной системы с культурными напластованиями позволяют совместить во времени каждый из этапов с соответствующим ему жилым горизонтом поселения. Первый и второй этапы (начало постройки северного и южного крыльев дугообразной стены) соответствуют первой зольной прослойке на культурном слое. Третий строительный этап, судя по толщине культурного слоя под стенами, приходится на второй, третий и четвертый жилые горизонты. Три верхних жилых горизонта относятся ко времени, когда стены были разрушены и потеряли свое оборонительное значение.

Открытие на Чустском поселении эпохи поздней бронзы оборонительного укрепления с выдвинутым бастионоподобным сооружением свидетельствует о начале фортификационного строительства. Подобные укрепления встречены на селище Дальверзин (Ферганская долина) [1] и Узерлик-Тепе (Азербайджан) [2]. Судя по описанию К. Х. Кушнаревой, узерликские находки очень близки одноименным предметам с Чуста и Дальверзина. Кроме того, оборонительные и жилые сооружения Узирлик-Тепе и Чуста имеют почти одинаковую конструкцию.

Чустское оборонительное сооружение представляет большой интерес для изучения истории возникновения укрепленных поселений на территории не только Узбекистана, но и всей Средней Азии. Строительству оборонительных сооружений здесь в это время способствовала, очевидно, необходимость защиты имущества рода или племени при участившихся военных столкновениях.

Во время раскопок на поселении и непосредственно около остатков оборонительного сооружения собрано значительное количество различных предметов. Среди них первое место по количеству занимает керамика, изготовленная без гончарного круга — расписная и без росписи; различные изделия из камня — зернотерки, булавы, песты, литейные формы, серпы, точильные камни, отбойники. Из кости животных делали детали ткацкого станка (бердо, челноки), а также проколки, псалии. Из бронзы отливались ножи, шилья, швейные иглы, рыболовные крючки, наконечники стрел и другие предметы быта.

Сопоставление чустских находок с инвентарем других памятников позволило датировать Чустское поселение эпохой поздней бронзы, т. е. концом II — началом I тысячелетия до н. э. К этому времени относятся и вся оборонительная система, обнаруженная на поселении.

V. I. Sprichevsky

UNE FORTERESSE DATANT DE L'ÂGE DU BRONZE ET DÉCOUVERTE SUR LE TERRITOIRE DE L'UZBÉKISTAN

Résumé

La forteresse de Tchou attribuable à l'âge du bronze est un monument le plus ancien de constructions fortifiées découvertes à l'Uzbékistan.

---

[1] Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское поселение. Раскопки 1959. КСИА, 86, 1961, стр. 53.

[2] К. Х. Кушнарева. Раскопки на холме Узерлик-Тепе около Агдама. КСИИМК, 69, 1957, стр. 130.

Un rempart a été dégagé dans la partie nord-ouest du site de Tchou, qun, n'était pas naturellement protégée par des ravins et une dépression marécageuse.

La longueur du mur est de 286 *m*, à la hauteur ne dépassant pas 2 *m*. (sur tout son portour) et à la largeur de 1,5 *m*. près. Le mur est construit des briques crues. Sa partie arquée, longue de 54 *m*, haute de 3,75 *m*, et large d'environ 3 *m* était la plus fortifiée. De sa côté extérieure, le rempart fut muni de puissantes plates-formes en vue d'augmenter sa capacité de résistance.

Dans l'aile septentrionale du mur arqué devant la plate-forme on a décélé les vestiges d'une maçonnerie en forme de tour, à cinq locaux au centre. C'est une sorte de bastion avec des cachots à l'intérieur.

La nécessité de défendre les biens des groupes de population sédentaires pratiquant l'agriculture contre les invasions des tribus d'éleveurs contribua, à ce qu'il paraît, à l'édification des constructions fortifiées justement en ces lieux et à cette époque.

А. Д. ПРЯХИН

КУРГАНЫ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ У с. СТАРОЮРЬЕВО

Достигнутые к настоящему времени успехи в изучении абашевской культуры (районы лесного Среднего Поволжья, Южный Урал, лесостепной Дон) с настоятельностью диктуют необходимость исследования так называемых промежуточных территорий, занятых преимущественно племенами срубной культуры. Встает вопрос не только о выявлении и изучении здесь комплексов абашевской культуры, но также и о соотношении абашевской и срубной культур на каждой из этих территорий.

Одним из таких промежуточных районов является территория между Чебоксаро-Йошкар-Олинским районом хорошо изученных абашевских могильников и лесостепным Доном с большим массивом поселений и пока недостаточно изученных могильников той же культуры. В этот промежуточный район включается часть бассейна Оки с прилегающими верховьями левых притоков рек донского бассейна. Отдельные сведения об абашевских материалах, происходящих отсюда, содержатся в литературе [1]. К планомерному изучению абашевских памятников этой территории в последние два сезона приступила археологическая экспедиция Воронежского университета.

Среди обследованных экспедицией памятников наибольший интерес представляет курганный могильник у с. Староюрьево одноименного района Тамбовской области, расположенный на участке левобережья верховья Лесного Воронежа на водоразделе речек Ситовки и Шушпанки. В могильнике в настоящее время четко выявляются четыре курганные насыпи, составляющие компактную группу. Остальные курганные насыпи распаханы. В 1970 г. вскрыты три насыпи.

Курган 1 имел высоту от уровня материка 210 *см*, от уровня древней дневной поверхности примерно 185 *см*, диаметр его около 26 *м*. Насыпь кургана неоднородна. В основании в бровке выявлена прослойка погребенной почвы толщиной в 20—25 *см*. Эта прослойка хорошо видна только на участке, где выявлялись контуры ранней насыпи, оказавшейся затем под более поздней. Ранняя насыпь довольно четко прослеживалась по более черному заполнению. Она имела высоту около 50 *см*, диаметр 21 *м*. С ней связывается погребение 1, которое было смещено на 5 *м* к югу от предполагаемого центра древней курганной насыпи. Погребение со-

[1] А. Е. Алихова. Абашевские курганы близ с. Земского Рязанской области. КСИИМК, 64, 1956; О. Н. Бадер. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 66—72; П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, 97, 1961, стр. 43—44; Т. Б. Попова. Эпоха бронзы на Тамбовщине. СА, 1961, 3; А. Д. Прягин. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971; В. Сагайдак, А. Дегтярева. Поселение у с. Бокино. «Сборник научных студенческих работ». II, Воронеж, 1970; П. Д. Степанов. Памятник абашевской культуры в Мордовии. АО, 1968; М., 1969; А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова. Пепкинский курган. Тр. Марийской археологической экспедиции. III, Йошкар-Ола, 1966, стр. 29, рис. 9; И. К. Цветкова. Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского. Тр. ГИМ, 37, М., 1960, стр. 50—51, рис. 2, 7; ее же. Стоянка Подборица-Щербининская. СА, 1961, 2, стр. 183—184, рис. 12—13.

вершено на уровне материка. Покойник положен на спину головой на запад. Ноги умершего вытянуты, руки положены параллельно туловищу. Сопровождающего инвентаря не было. Контуры могильной ямы не выявлены. Поскольку на участках, прилегающих к древней насыпи, не было погребенной почвы, возникло предположение, что вокруг этой ранней насыпи в древности скорее всего был ров, образовавшийся при взятии земли для ее сооружения. Он был углублен до материка.

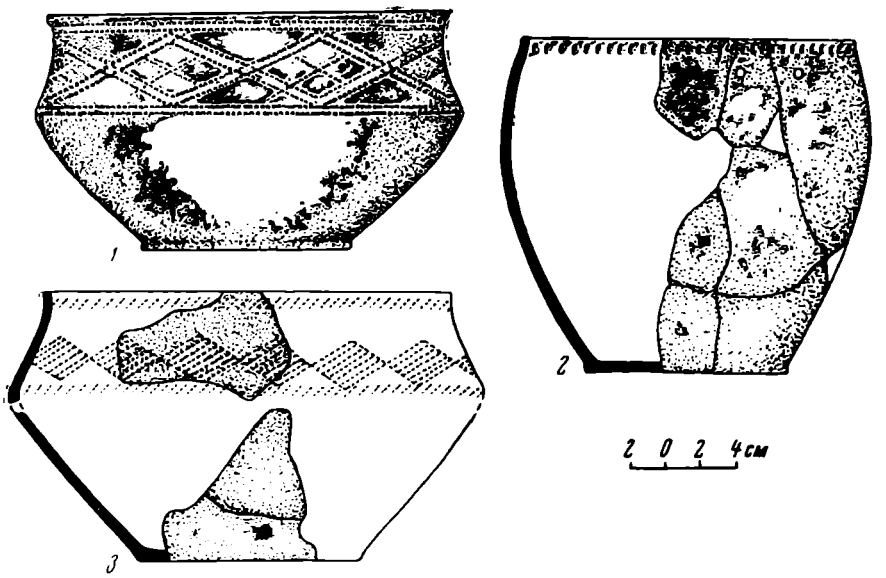


Рис. 1. Керамика срубной культуры из погребений

1 — курган 1, погребение 2; *2* — курган 1, тризна, связанная с погребением 2

Курганная насыпь затем была значительно досыпана. Досыпка связана с совершением впускного захоронения (погребение 2). Захоронение впущено в северную полу древней насыпи. Умерший лежал примерно на уровне древней поверхности, соответствовавшей времени насыпки ранней насыпи. Захоронение было совершено в небольшой яме, имевшей яйцевидную форму, основание ее подмазано глиной. Покойник находился в скорченном положении на левом боку, головой на восток, руки согнуты в локтях и положены параллельно направлению головы. Вблизи черепа перед руками умершего стоял остроребериый сосуд, типичный для срубной культуры (рис. 1, *1*), а перед тазом умершего находилась кость лошади. Поверхности сосуда серо-желтые, излом черный, в тесте примесь песка и шамота. У дна есть незначительные закраины, связанные с формовкой дна. По ребру и выше ребра сосуд украшен вдавлениями мелкозубчатого штампа, образующего композицию из двух двойных рядов горизонтальных линий с ромбами между ними, сделанными также двумя линиями. Расположенные внутри ромбов перекрещивающиеся вдавления делят каждый из ромбов на четыре равные части. Ниже ребра на поверхности сосуда видны следы дополнительной их обработки скорее всего гончарным ножом, что было вызвано необходимостью убрать лишнюю глину. Скорее всего, с погребением срубной культуры связано небольшое кострище на уровне поверхности древнейшей насыпи невдалеке от головы умершего, на котором встречен развал от баночного сосуда срубной культуры (рис. 1, *2*). Венчик банки выражен небольшим отгибом, у дна есть закраины. В тесте примесь песка и шамота. Внешняя поверхность — серая, внутренняя — темная со следами нагара. На обеих поверхностях сосуда беспорядочные расчесы. По верху банка украшена одним рядом почти вертикальных вдавлений штампом. Нельзя не отметить, что данный сосуд использовался и до совершения тризны, о чем свидетельствуют отверстия для скрепления треснувшего в употреблении сосуда.

Заканчивая описание кургана, можно высказать предположение, что отрезок времени, разделявший период между двумя этапами сооружения насыпи, вряд ли был продолжительным, поскольку между более поздней насыпью и рвом, который она перекрывала, связанным с первоначальной насыпью, нет прослойки почвенного слоя.

Курган 2 имел высоту от уровня материка 175 *см*, от уровня древней дневной поверхности — 160 *см*, диаметр его 20 *м*. Стратиграфия насыпи кургана та же, что и в первом кургане. В его основании есть прослойка погребенной почвы толщиной немногим более 20 *см*. Четко выделяется более темная ранняя насыпь кургана, имевшая наибольшую высоту около 60 *см* от уровня погребенной почвы при диаметре 20 *м*. Вокруг этой ранней насыпи также нет слоя погребенной почвы. Под центром насыпи находилось основное захоронение в большой могильной яме, при разрушении перекрытия которой просела верхушка ранней насыпи. Размеры могильной ямы 3 × 3,7 *м*, стены ее почти отвесные, углы немного закруглены, глубина в материке 55 *см*. Яма ориентирована сторонами почти по странам света. Могильная яма в древности была перекрыта накатом из бревен (сохранился тлен от трех поперечных бревен на участках, прилегающих к западной и восточной стенам могильной ямы, и тлен от двух бревен вблизи ее юго-восточного угла). Еще два плохо сохранившихся обломка дерева находились в заполнении самого погребения. На полу могильной ямы вблизи центра западной стены прослежены вкрапления красной охры. Костяк не сохранился. Весь погребальный инвентарь концентрировался вблизи северной стены погребальной ямы. В северо-восточном углу могильной ямы стоял сильно разрушенный колоколовидный горшок абашевской культуры (рис. 2, *5*). Вблизи был обломок от другого абашевского сосуда. Возможно, ему принадлежал венчик (рис. 2, *6*), встреченный в другом конце могильной ямы. Вблизи северо-западного угла лежали бронзовый нож, кремневый наконечник стрелы и обломки от дисковидного костяного псалия. Ближе к центру стены лежали два костяных наконечника стрел и еще один раздавленный дисковидный костяной псалий (рис. 2, *1—4*, рис. 3).

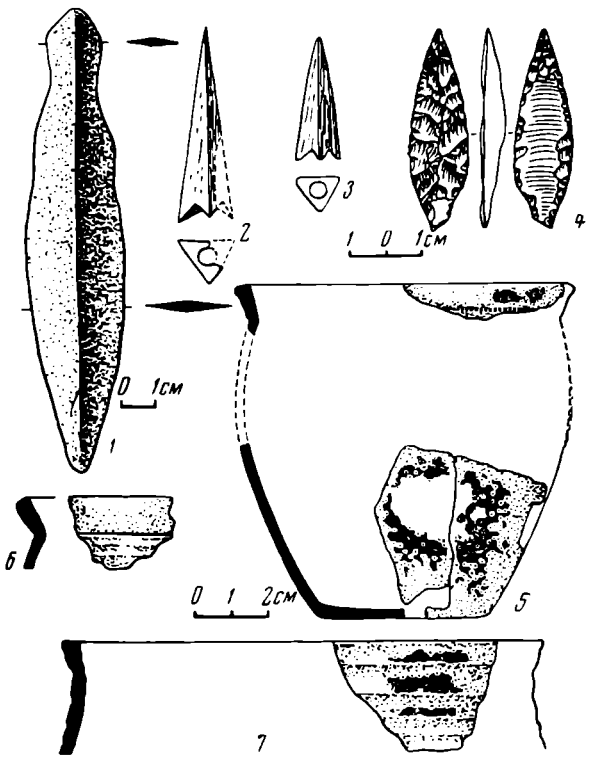


Рис. 2. Материалы из погребений абашевской культуры

1—6 — основное погребение кургана 2, *7* — курган 3, насыпь

Впускного погребения, с которым была связана досыпка курганной насыпи, обнаружено не было. Оно, скорее всего, было разрушено норами грызунов. Возможно, с ним связываются встреченные в насыпи обломки от остроребериого сосуда срубной культуры (рис. 1, *3*). Обе поверхности сосуда желто-серые, в тесте песок и шамот. Сосуд украшен зубчатым штампом, образующим два горизонтальных ряда боковых вдавлений и один ряд заполненных ромбов между ними.

Курган 3 имел высоту 235 *см* от уровня материка, диаметр 26 *м*. Вся насыпь кургана, как и основание под ним, испещрены многочисленными норами грызунов. Почти под центром кургана выявлена пустая, также

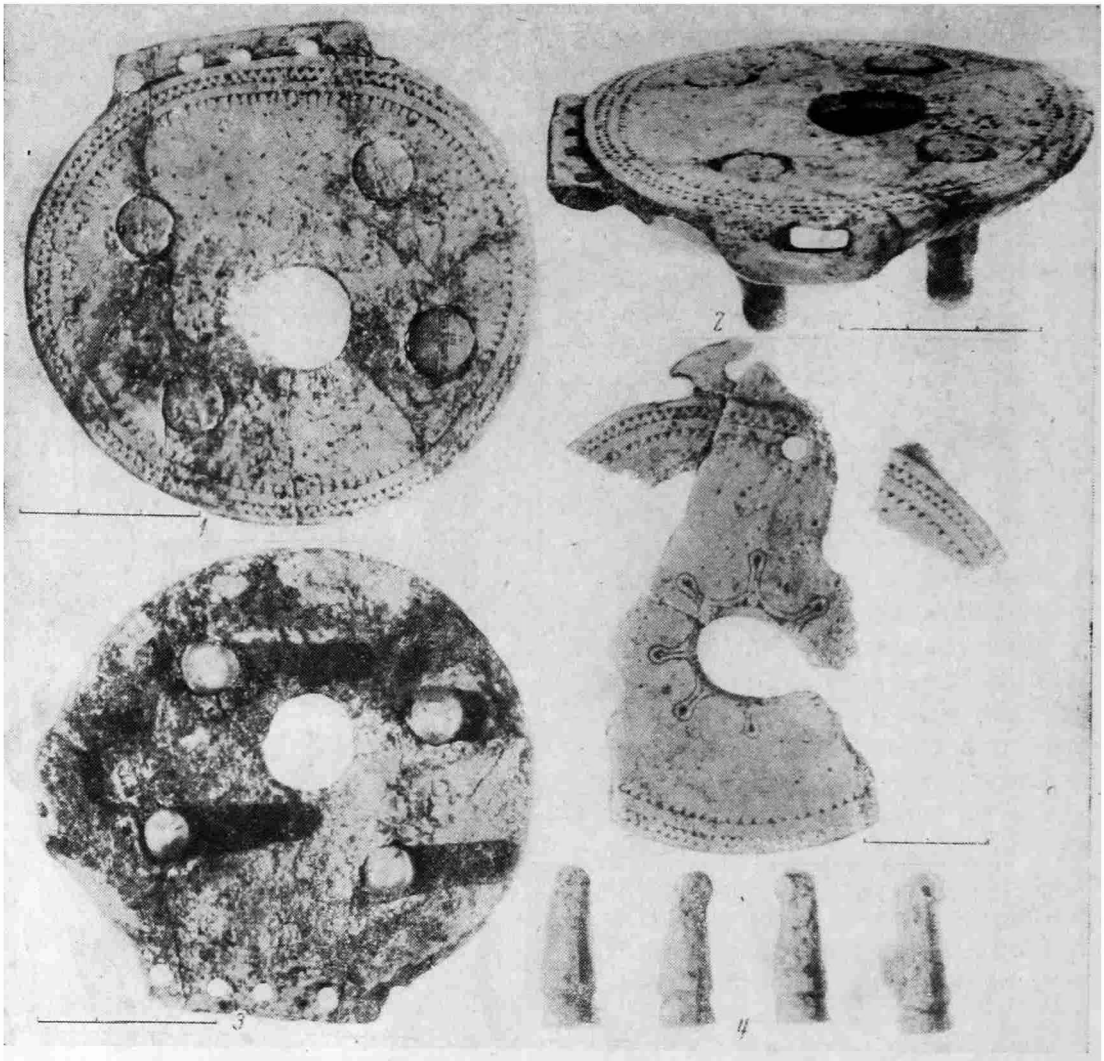


Рис. 3. Дисковидные костяные псалии из основного погребения кургана 2
1—3 — правый псалий, *4* — обломки левого псалия

перерытая норами грызунов могильная яма размером 2,2 × 2,3 *м*, глубиной 70 *см*. В заполнении могильной ямы незначительные следы древесной трухи — возможно, от перекрытия. Не исключено, что с захоронением в яме связывается встреченный в насыпи обломок венчика от горшка (рис. 2, 7). Поверхности его желтые, с обеих сторон слабо прослеживаемые горизонтально прочерченные линии, в тесте примесь ракушки. Фрагменты стенок от абашевского сосуда встречены и на распахиваемой поверхности кургана.

Создается впечатление, что во всех рассмотренных курганах основные погребения — абашевские, впускные же, сопровождавшиеся досыпкой насыпи,— срубные. Староюрьевские курганы — это не единственный пример стратиграфического перекрывания погребений абашевской культуры срубными, о чем отдельные авторы писали неоднократно. Подборка таких данных с различных территорий распространения абашевской и срубной культур уже приводилась нами в печати [2].

При наличии стратиграфических данных по Староюрьевским курганам большое значение приобретает вопрос о датировке абашевских материалов оттуда.

Наиболее многочислен инвентарь основного погребения кургана 2. Уникальной находкой в погребении являются два массивных костяных орнаментированных псалия. Правый псалий сохранился полностью

[2] А. Д. Пряхин. Абашевская культура в Подонье, стр. 188—189.

(рис. 3, *1—3*). В плане он дисковидной формы. Внешняя сторона плоская, залощена, оборотная — бугристая. Почти в центре диска находилось большое отверстие, которое в результате сработанности сместилось книзу и вбок. Примерно на одинаковом расстоянии от центрального отверстия есть четыре отверстия меньшего диаметра, в которые вмонтированы четыре шипа конусовидной формы. Шипы закреплены в отверстиях с помощью специально вырезанных пазов, образованных боковыми вертикальными срезами. С внутренней стороны у края диска псалия есть утолщение, в котором проделано почти прямоугольное продольное отверстие, внутренние поверхности которого сработаны. К верхней части диска псалия примыкало небольшое расширение с пятью отверстиями со следами потертости между ними.

Внешняя поверхность диска псалия богато украшена искусно выполненным врезным орнаментом. Вблизи края диска идут две круговые параллельно расположенные линии орнамента. Внешнюю линию орнамента образует зигзаг, выполненный двумя рядами вырезанных треугольников, заключенных между двумя слабо намеченными прочерченными линиями. Внутренний круг орнамента составлял один ряд соединяющихся прочерченной линией вырезанных треугольников, обращенных вершинами к центру диска. Около вершины каждого треугольника находится по одному округлому точечному вдавлению. Украшена внешняя поверхность всех шипов — два пересекающихся под прямым или почти прямым углом ряда двойных прямых линий с точечными вдавлениями между ними. Сохранились следы украшения внешней поверхности псалия вокруг большого центрального отверстия. Основу этой композиции составляют волнистые прочерченные линии, образующие каплевидный орнамент. С внешней стороны прочерченная линия дублируется линией из мелких точечных вдавлений. В основании каждой из «капель» есть прочерченный треугольник с точкой внутри. Основания треугольников образуют многоугольник, обрамляющий центральное отверстие в псалии. От вершины каждого из треугольников идет прочерченная линия, заканчивающаяся в расширении «капель» округлыми или ромбическими ямками. В целом нетрудно заметить, что нанесение орнамента на псалий производилось в два приема: вначале тонкими врезными линиями были намечены контуры орнаментальной композиции, которые затем или вошли в орнаментальную композицию, или явились ориентиром для симметричного выполнения композиции рисунка в целом.

Левый псалий сохранился только частично (рис. 3, *4*). Его особенностью является наличие небольшого округлого отверстия в верхней части самого диска, которого нет в правом псалии. Несколько иной, в сравнении с правым, характер сработанности центрального отверстия левого псалия. Нет полного тождества и в орнаментации обоих псалиев. В отличие от правого псалия, к внутреннему кругу вырезанных треугольников на левом псалии не примыкала линия точечных вдавлений. Не ограничивается рядом точечных вдавлений и волнистая прочерченная линия, образующая каплевидный орнамент вокруг центрального отверстия левого псалия. Но все эти отличия незначительные. Думается, что оба рассмотренных псалия составляют единую пару.

Реконструкции древнейшей конской сбруи с территории степной и лесостепной Европы известны по литературе[3]. Судя по расположению отверстий на староюрьевских псалиях и следам потертости, способ их использования близок описанному К. Ф. Смирновым[4]. Псалии примыкали к углам рта лошади шипами внутрь. Расширение на псалии было обращено к переносице. На нем через вертикальные отверстия с помощью сухо-

[3] S. Bökönyi. Reconstruction des mors en bois de cerf et en os. AA, III, 1—4, Budapest, 1953; К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1.

[4] Там же, стр. 50—51, рис. 3.

жилий или тонких ремней наглухо крепился широкий наносной ремень. Наличие среза на внешней поверхности расширения обеспечивало подгонку этого ремня под уровень орнаментированной поверхности самого диска псалия. Нельзя не отметить, что горизонтальные потертости на площади между вертикальными отверстиями расширения говорят о том, что прошив на ремне был только горизонтальным. Через большое центральное отверстие в псалии проходил конец мягких удил, скреплявшихся с внешней стороны с поводом. Сработанность в нижней части правого псалия предполагает возможность наличия подгубного ремня, располагавшегося скорее всего с внутренней стороны от псалия. Через продольное отверстие в псалии проходил единый нащечный ремень, шедший к мягким удилам с внутренней стороны от псалия, о чем говорят следы потертости на внутренней поверхности продольного отверстия. Судя по большой сработанности отверстия в сторону внешней поверхности диска, этот ремень имел еще какое-то дополнительное назначение.

Но в то же время у нас возникали сомнения в том, что псалии эти использовались для верховой лошади, как предполагают исследователи. Во-первых, нельзя не заметить, что наличие мощных шипов на массивных псалиях скорее соответствовало использованию их для резкой остановки лошади и резких поворотов, нежели для дифференцированного управления верховой лошадью. Нельзя не обратить внимания на разную сработанность центрального отверстия и внешней поверхности обеих псалий. Центральное отверстие левого псалия четко сработано только в направлении тулова лошади, в то время как центральное отверстие правого псалия сработано и в сторону тулова лошади, и вниз. В сравнении с левым правый псалий имеет значительно бо́льшую потертость внешней поверхности в нижней части вокруг центрального отверстия. Эти особенности староюрьевских псалий дают основание предположить, что они использовались в упряжи боевых колесниц. Если так, то нетрудно определить, что эти псалии принадлежали лошади, находившейся в упряжке справа от дышла колесницы. Именно поэтому на правом псалии орнамент потерт значительно сильнее, чем на левом, особенно в нижней его части под центральным отверстием. Вероятно, поэтому и площадь сработанности центрального отверстия этого псалия больше. Этим же, вероятно, объясняется наличие в верхней части левого псалия небольшого сработанного внутри отверстия, в которое крепился дополнительный ремень, связанный с системой управления колесницей.

Вспомним случаи обнаружения парных захоронений лошадей в отдельных курганах поздней бронзы Нижнего Поволжья [5], которые, возможно, также связываются с боевыми колесницами. Создается впечатление о наличии такой колесницы прежде всего у племен абашевской культуры, а не срубной или андроновской.

Староюрьевские псалии — это не единственный случай обнаружения псалий подобного типа на памятниках абашевской культуры: на территории лесостепного Дона два псалия происходят из первого Кондрашевского кургана [6], один — с Отрожинского поселения в черте Воронежа [7]; и на территории Южного Урала известен один псалий с поселения Баланбаш [8]. Кроме абашевской культуры, на территории степи и лесостепи Восточной Европы один дисковидный псалий известен на поселении Каменка близ Керчи, относящемся к предкавказскому варианту катакомб-

[5] К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957, стр. 212—214.

[6] П. П. Ефименко, Т. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, 91, 1961, стр. 88, рис. 31, *4*; Б. А. Латынин. Архаические круглые псалии с шипами. Сб. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 203, рис. 1.

[7] Раскопки Б. Г. Тихонова 1970 г.

[8] К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 55, рис. 8, *19*; Б. А. Латынин. Архаические круглые псалии с шипами, стр. 203, рис. 2.

ной культуры [9]. Еще два дисковидных псалия происходят по каталогу В. В. Хвойко из-под с. Трахтемирова Киевской области [10], которые А. М. Лесков почему-то счел возможным предположительно отнести к катакомбной культуре [11].

По тщательности и изящности исполнения ни один из костяных псалиев с территории степи и лесостепи Восточной Европы не может сравниться со староюрьевскими. Только на староюрьевских псалиях данного типа есть орнаментация. Староюрьевские псалии, как думается, отличаются от других и известным архаизмом. Ранним их признаком следует признать наличие вставных шипов, что еще отмечено только на кондрашевских псалиях [12]. Ранний характер носит и боковое продольное отверстие в староюрьевских псалиях, которое позднее заменяется более простым и прочным удлиненным поперечным отверстием на самой поверхности диска.

Решая вопрос о датировке дисковидных костяных псалий с территории Восточной Европы, авторы чаще всего опираются на находку дисковидного псалия с шипами, украшенного волнистым орнаментом из IV шахтовой гробницы в Микенах [13]. На одной из плоскостей его наряду с другими отверстиями есть отверстие и для нащечного ремня. Ссылаясь на дату IV и V шахтовых гробниц XVI в. до н. э. [14], А. М. Лесков относит известные к тому времени комплексы абашевской и катакомбной культур с подобными псалиями ко времени не позднее XVI в. до н. э. [15] В. Д. Рыбалова, касаясь случаев находок дисковидных псалиев на территории Греции, отмечает наличие их там и в более позднее время. Она говорит о том, что дисковидные псалии из Кондрашевки, Каменки, Баланбаша и Трахтемирова по небрежности изготовления близки позднемикенским керамическим псалиям, которые существовали там скорее всего параллельно с костяными. В. Д. Рыбалова делает более оправданный вывод о том, что в степях Евразии дисковидные костяные и роговые псалии проявляются не ранее XIV в. до н. э. [16]

В настоящее время появился дополнительный материал, позволяющий говорить о том, что дисковидные псалии на территории степи и лесостепи Восточной Европы какое-то время сосуществовали с псалиями из расколотой пополам кости (тип 1 по К. Ф. Смирнову). Вспомним зигзагообразный орнамент на псалиях из расколотой пополам кости пятого Комаровского кургана и кургана С 5:8 у с. Усатово [17], который тождествен подобному орнаменту на староюрьевских псалиях. Такой же орнамент,

---

[9] В. Д. Рыбалова. Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи. СА, 1966, 4.

[10] А. М. Лесков. Древнейшие роговые псалии из Трехтемирова. СА, 1964, 1.

[11] В диссертации Г. В. Подгаецкого приводятся сведения из картотеки А. А. Спицына (Архив ИИМК, ф. 5, карточка № 274, Киевская губ., Новоселки, коллекция В. В. Хвойко, погребение со скорченным костяком) о находке такого же предмета Г. В. Подгаецкий. Предскифский период на Среднем Дону. Рукопись диссертации. Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 35, оп. 2, № 24, стр. 11.

[12] Весьма интересным является замечание Г. В. Подгаецкого, изучавшего сами несохранившиеся к настоящему времени кондрашевские псалии, что на одном из псалий наряду со вставными шипами был один монолитный шип. Это интереснейший факт, внедрения новой технологии изготовления монолитных шипов. Г. В. Подгаецкий. Предскифский период на Среднем Дону, стр. 8.

[13] W. Reichel. Homerische Waffen. Archaeologische Untersuchen. Wien, 1901, стр. 105, рис. 42.

[14] G. Milonas. Ancient Mycenae, the Capital City of Agamemnon. Princeton, 1957, стр. 181; A. Wace. A. Mycenian Mystery. «Archeology», 13, 1, N. Y., 1960, стр. 40—45, рис. 2, 3, 5.

[15] А. М. Лесков. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова, стр. 303.

[16] В. Д. Рыбалова. Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи, стр. 181.

[17] А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки. КСИИМК, 59, 1955, стр. 97, рис. 38; И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 99, табл. VI, *1*; К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей, стр. 48, рис. 1, *1*, *4*.

образованный врезными треугольниками, заключенными между параллельными прочерченными линиями, и орнамент из врезных треугольников, соединяющихся основаниями в одну линию, есть на обломке псалия из расколотой пополам кости с поселения андроновской культуры Тасты-Бутак [18]. Эта аналогия важна еще и потому, что для поселения Тасты-Бутак имеется абсолютная дата по радиоуглероду — 1229 до н. э. ±80 [19]. Интересные параллели выявляются при сравнении староюрьевских псалий и костяных изделий с Шиловского поселения абашевской культуры под Воронежем. В средней и верхней частях культурного слоя этого поселения найдены часть псалия из расколотой пополам кости, украшенного треугольниками, образованными парными прочерченными линиями, а вблизи наносного ремня — тремя горизонтально прочерченными линиями; орнаментированная костяная пронизка и бронзовый нож, имеющий ромбический, хорошо выделенный черенок и листовидное с намечающимся перекрестием и продольным ребром лезвие [20]. На пронизке с Шиловского поселения есть каплевидный орнамент из прочерченной волнистой линии. В основании каждой из «капель» есть вырезанный треугольник, опирающийся основанием на общую горизонтальную линию. От вершин треугольников внутрь «капель» идет по одной прочерченной линии, заканчивающейся в расширении «капель» точечными вдавлениями. Ниже этой композиции идет еще одна горизонтальная линия с примыкающими к ней снизу врезными треугольниками. Нетрудно заметить, что вся орнаментальная композиция на пронизке с Шиловского поселения весьма сходна с орнаментальной композицией староюрьевских псалий. Что же касается ножа с Шиловского поселения, то он того же типа, что и нож из староюрьевского погребения. Приведенные наблюдения позволяют не только на каком-то отрезке времени синхронизировать дисковидные псалии и псалии из расколотой пополам кости, но и синхронизировать по времени развитый в поздний период Шиловского поселка абашевской культуры с временем староюрьевского абашевского захоронения кургана 2.

Несколько слов хотелось бы сказать о бронзовом ноже из анализируемого староюрьевского захоронения. Этот нож имеет сравнительно хорошо выделенный черенок с ромбическим окончанием, листовидное с намечающимся перекрестием лезвие и продольное ребро (рис. 2, *1*). Этот тип ножей, по общепринятому мнению, относятся к разновидности ножей срубной культуры. Но так ли это на самом деле? На территории бассейна Дона такого типа ножи известны на Шиловском поселении абашевской культуры [21], в насыпи одного из курганов у Рождественской Хавы, где такой нож найден вместе с абашевской керамикой [22], в Костенках, где есть и абашевская и срубная керамика [23], в погребении с шатровым деревянным перекрытием без другого инвентаря у с. Скорняково [24], из случайных находок в урочище Маяки по р. Девице [25].

В районе Поволжья такого типа ножи есть не только в комплексах срубной культуры (II Новомордовский могильник [26], могильник близ

---

[18] Андроновская культура, 1, САИ, В 3—2, М.— Л., 1966, табл. XXXVIII, *30*.

[19] В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак в Западном Казахстане. МИА. 120, 1962, стр. 89.

[20] Из указанных предметов с Шиловского поселения опубликован только псалий из расколотой пополам кости. А. Д. Пряхин. Абашевская культура в Подонье, стр. 66, рис. 18. *1*.

[21] Раскопки автора 1970 г.

[22] Случайные сборы, кабинет археологии Воронежского университета.

[23] Прорисовка в архиве С. Н. Замятнина. Архив ЛО ИА АН СССР.

[24] В. И. Сизов. Скорняковские курганы в Воронежской губернии Задонского уезда. «Древности, Тр. МАО», 12, II, М., 1888, стр. 125, табл. А, *1*.

[25] Прорисовка в архиве С. Н. Замятнина.

[26] А. Х. Халиков. Новомордовские курганы (ранние связи срубных и приказанских племен). Сб. «Новое в советской археологии», стр. 147, рис. 2, *1*.

р. Кротовки[27], поселение у с. Надеждино-Куракино[28], Пензенское пос.[29] и др.), но и в комплексах других культур (I Турбинский могильник[30], Сейминский могильник[31] и дюна[32] и др.). Есть такого типа ножи и в андроновской культуре[33]. В целом создается впечатление, что в абашевской и других северных культурах ножей такого типа больше, чем в срубной культуре. Хронологически они укладываются в отрезок, датирующийся третьей четвертью II тысячелетия до н. э.

Интересным фактом является находка в староюрьевском захоронении двух костяных наконечников стрел, относящихся к типу, получившему распространение в эпоху раннего железа[34]. Это трехгранные наконечники стрел с шипами на гранях и с продольным отверстием в центре для насадки на древко. Тулово одного из них узкое, удлиненное, треугольной формы (рис. 2, *2*), тулово другого более короткое, широкое (рис. 2, *3*), приближенно напоминающее сводчатые наконечники стрел раннего железного века. Такого типа наконечники стрел есть на поселениях срубной культуры (по одной на Успенском в Нижнем Поволжье[35] и Ильичевском по р. Северный Донец[36]), есть они в Покровских курганах поздней бронзы, особенно в погребении с абашевским сосудом кургана 8[37], по одной известно из погребения 4 кургана 8 Арчединского могильника[38] и разрушенного погребения кургана у ст. Карамыш в Нижнем Поволжье[39]. Такие же костяные стрелы есть на Садчиковском поселении андроновской культуры[40] и на сабатиновских поселениях юга Украины[41]. Уже само это перечисление говорит о том, что трехгранные костяные наконечники стрел с шипами и продольным отверстием не связываются с одной культурой, а представляют собой хронологический этап в зоне степи и лесостепи Евразии. И. В. Синицын относит их ко второй половине II тысячелетия до н. э.[42]. В. П. Шилов датировал погребение 4 кургана 8 Арчединского могильника серединой II тысячелетия до н. э.[43]

---

[27] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 31, рис. 4, 5.

[28] Там же, стр. 55, рис. 12, 7.

[29] Раскопки М. Р. Полесских. Пензенский обл. краеведческий музей.

[30] О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 84, рис. 79, *1*.

[31] О. Н. Бадер. Бассейн Оки в эпоху бронзы, рис. 45, *2*, 46, *2*.

[32] Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, стр. 66, рис. 57, *42*.

[33] Е. Е. Кузьмина. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии», М., 1964, стр. 135, рис. 3, *3*.

[34] А. И. Мелюкова. Вооружение, войско и военное искусство скифов. Архив ИА АН СССР, № 1011 (канд. дис.); К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 36, 37, 51—52, 54—55, табл. IV*а*, V*а*.

[35] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 215, рис. 25.

[36] Раскопки Т. А. Шаповалова.

[37] P. Rykov. Die chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga. ESA 1, 1927, стр. 77, рис. 20, 89; П. Рыков. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. «Известия краеведческого института», II, Саратов, 1927; A. M. Tallgren. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. ESA, II, 1926, стр. 79, рис. 54, *8*, *9*.

[38] В. П. Шилов. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. «Археологический сборник», ГЭ, 6, Л., 1964, стр. 93, рис. 3, 6; В. И. Мамонтов. Арчединский комплекс наконечников стрел срубной культуры. СА, 1966, 3, рис. 1, 5.

[39] Е. К. Максимов. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш Саратовской области. Тр. СОКМ, 1, Саратов, 1956, стр. 119, рис. 68, *1*.

[40] О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). МИА, 21, 1951, стр. 164, рис. 14, *8—15*.

[41] И. Н. Шарафутдинова. К вопросу о сабатиновской культуре. СА, 1968, 3, стр. 30, 31.

[42] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья, стр. 215.

[43] В. П. Шилов. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы, стр. 10.

И. Н. Шарафутдинова отметила наличие подобных стрел особенно на ранних сабатиновских памятниках — XIII—XI вв. до н. э.[44]. О. А. Кривцова-Гракова датировала Садчиковское поселение началом I тысячелетия до н. э.[45] Мы же только отметим, что в погребальных комплексах Староюрьева, Покровска, Арчединска стрелы данного типа оказываются наиболее ранними.

Не дает уточнения даты Староюрьевского погребения и находка в нем кремневого наконечника стрелы листовидной формы со слабо намеченным черенком (рис. 2, *4*). Такого типа кремневые наконечники стрел имеют довольно значительный хронологический диапазон. Что же касается памятников абашевской культуры, то для классического района лесного Поволжья они не характерны[46]. Но они есть в лесостепной зоне, в уже упоминавшихся Покровских курганах, на Малокизильском селище Южного Урала[47] и др. Архаической особенностью староюрьевского кремневого наконечника стрелы является то, что его тыльная плоская сторона ретуширована только по краям.

В заключение обратимся к керамике из захоронения. Форма одного колоколовидного горшка восстанавливается полностью (рис. 2, *5*). Поверхности его серо-бурые, в тесте значительная примесь ракушки. Переход от венчика к тулову подчеркнут горизонтально прочерченной линией, которая затем усилена рядом вдавлений, нанесенным зубчатым штампом сверху вниз. На внешней поверхности в верхней части тулова идут широкие горизонтальные расчесы, в нижней части тулова — боковые расчесы. Переход к плоскому днищу весьма плавный.

Форма другого колоколовидного горшка не восстанавливается (рис. 2, *6*). Цвет поверхностей этого сосуда более темный, в тесте также значительная примесь ракушки. По внешней поверхности сосуд украшен одной четко прочерченной горизонтальной линией и еще несколькими слабо прослеживаемыми горизонтальными линиями, образующими штриховку его поверхности. Оба сосуда относятся к разряду распространенной формы абашевской погребальной керамики, представленной во всех районах распространения Абашевской керамики (лесное Среднее Поволжье, лесостепной Дон, лесостепное и степное Поволжье, Южный Урал). Поскольку пока еще не разработан вопрос о хронологии абашевской керамики, данные сосуды мало что дают для выяснения даты староюрьевского захоронения.

От рассмотрения параллелей отдельным вещам из основного захоронения кургана 2 у с. Староюрьева перейдем к сравнению целых погребальных комплексов. Приведем только аналогии с широко известными Покровскими курганами Поволжья. Возьмем, например, погребение поздней бронзы в кургане № 8 из этого могильника[48]. Захоронение здесь также совершено в большой яме, размер которой 2,16 × 3,7 *м*, глубина 1 *м*. В могиле есть остатки столбов вместе с перекрытием. На дне кости овцы и коровы. Есть следы золы. Костяка не было. Из погребального инвентаря в захоронении были раздавленный сосуд, пять кремневых и два костяных наконечника стрел и бронзовый наконечник копья. Обращает на себя внимание, что сосуд из погребения почти тождествен сосуду из основного погребения второго староюрьевского кургана. Совпадают пропорции обоих сосудов — высота их почти равна диаметру устья, диаметр дна примерно в два раза меньше диаметра устья, одинаково оформление венчика и

[44] И. Н. Шарафутдинова. К вопросу о сабатиновской культуре, стр. 30, 31.
[45] О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение, стр. 181.
[46] О. Н. Евтюхова. О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья. Сб. «Новое в советской археологии», стр. 139, рис. 1, *1—20*.
[47] К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 39, рис. 5, *2*.
[48] Раскопки П. С. Рыкова за 1924 г. Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, № 178; P. Rykov. Die chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga, стр. 76—77, рис. 20; A. M. Tallgren. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux, стр. 79, рис. 54.

дна, переход от венчика к тулову в обоих случаях подчеркнут горизонтальной линией, в обоих случаях одинаково оформлены поверхности сосудов, одинаковый состав теста и т. д. Такое совпадение вряд ли случайно, оно, по всей видимости, говорит об одновременности сосудов или хронологической их близости. Костяные стрелы такие же, как и в староюрьевском погребении. Большинство кремневых стрел из восьмого Покровского кургана относится к тому же типу, что и кремневая стрела из Староюрьева. Хронологически не противоречит староюрьевскому бронзовому ножу и нож из рассматривавшегося покровского захоронения. У покровского ножа также есть намечающееся перекрестие. Не исключено, что и он имел такое же оформление черенка, что и староюрьевский нож (на покровском ноже черенок не сохранился). Но в отличие от староюрьевского ножа, на покровском нет четко выраженного продольного ребра. Можно думать, что в данном случае речь идет не только о близких хронологических комплексах, но и о единых в культурном отношении погребениях. В тех же Покровских курганах можно выявить еще ряд захоронений, сближающихся по погребальному обряду с абашевскими погребениями лесостепных районов. Дона. Но это не входит сейчас в нашу задачу. Хотелось бы только подчеркнуть бесспорную правильность вывода Н. Я. Мерперта, который говорит о достаточно прочном сочетании в одновременных комплексах определенных типов предметов, куда он включил бронзовые копья с расширяющимся книзу пером, круглым или ромбическим стержнем, ушком и муфтой на конце втулки; бронзовые листовидные ножи с выемками при переходе к черенку рукоятки и плоские кремневые наконечники стрел с опущенными крыльями и коротким треугольным черенком [49]. Сюда же можно сейчас добавить и другие предметы, среди которых наиболее важны дисковидные псалии и псалии из расколотой пополам кости, которые на каком-то отрезке времени сосуществовали.

Весь рассмотренный материал позволяет определить время основного захоронения абашевской культуры в кургане 2 у с. Староюрьево в пределах третьей четверти II тысячелетия до н. э., с возможной конкретизацией даты в сторону раннего времени данного хронологического диапазона. Тем самым захоронения срубной культуры этого могильника должны быть отнесены к более позднему времени.

A. D. Priakhine

LES KOURGANES ATTRIBUABLES AU BRONZE TARDIF PRÈS DU VILLAGE DE STAROYOURIÉVO

Résumé

L'article donne l'analyse des matériaux des fouilles livrés par trois tumuli datant du Bronze tardif à proximité du village de Staroyouriévo (sur la rivière de Lesnoï Voronèj dans la région de Tambov). Les kourganes comportaient les sépultures de la culture abachévienne (tombes primitives) et celles de charpentes (installées dans les premières.). C'est la sépulture primitive de la culture abachévienne (du tumulus N 2) qui présente le plus d'intérêt. Là ont été découverts deux tiges verticales retenant les mors de bride (discoïdes, ciselées en os, décorées d'ornements), un couteau en bronze à garde naissante, trois pointes de flèche (deux en os, une en silex), les tessons de deux récipients abachéviens. Cette sépublture remonte au troisème quartier du IIe millénaire avant notre ère (approximativement). Elle est étroitement analogue à l'ensemble du kourgane N 8 de la nécropole Pokrovsky sur le cours inférieur de la Volga. L'auteur fait la tentative de dégager un mobilier synchrone de l'époque de la culture abachévienne sur l'étendue steppique et celle de steppe boisée de l'Europe Orientale.

[49] Н. Я. Мерперт. Срубная культура Южной Чувашии. МИА, 111, 1962, стр. 18—19.

Г. И. МАТВЕЕВА, И. Б. ВАСИЛЬЕВ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ В БАШКИРИИ

В 1962—1970 гг. экспедицией Башкирского университета были обследованы левые притоки р. Белой: База, Дема, Берсианка, Уршак с Аургазой и правый берег р. Ик. В результате разведок было открыто 60 поселений, 8 могильников и отдельных погребений (рис. 1). На трех поселениях и трех курганных могильниках производились раскопки.

Большая часть открытых памятников не нашла отражения в монографии К. В. Сальникова «Очерки древней истории Южного Урала», поэтому назрела небходимость их публикации.

Все поселения располагаются на первых надпойменных террасах. На двух селищах — Казангуловском и Мало-Кармышевском — прослеживаются большие заплывшие жилищные впадины. Керамика всех поселений однородна: сосуды баночных и горшковидных форм содержат в тесте примесь шамота. Резной и зубчатый орнамент располагается в верхней части сосудов (рис. 2). Вещей во время разведок не найдено, за исключением обломка шлифованного сверленого топора, происходящего с Чесноковского селища на р. Берсианке.

Были получены сведения о четырех разрушенных погребениях срубной культуры (Ильчегуловском, Куштирякском, Нижне-Черекулевском и Туксанбаевском). По сообщениям очевидцев, во всех погребениях лежали скорченные костяки, сопровождавшиеся одним-двумя сосудами. Керамика из Ильчегуловского, Куштирякского и Нижне-Черекулевского погребений поступила в кабинет археологии Башкирского университета. Из двух первых погребений происходят баночные сосуды без орнамента. В Нижне-Черекулевском кургане был найден горшковидный сосуд, орнаментированный резными линиями (рис. 2, *4*).

Раскопки были произведены на Нижне-Хозятовском, Давлекановском и Куштирякском селищах. Одно из них находится на окраине деревни Нижнее Хозятово Чишминского района Башкирской АССР на берегу старицы р. Дёмы. На селище было вскрыто 40 $м^2$. Происходящие с поселения фрагменты керамики принадлежали 28 сосудам, 13 из них имели горшковидную (рис. 3, *1—5*, рис. 4, *1*), 15-баночную (рис. 4, *2—6*) форму. Поверхности сосудов заглажены твердым предметом и покрыты штрихами и бороздками. Имеются слегка подлощенные фрагменты; 20 сосудов орнаментированы. Основные элементы орнамента: насечки (рис. 4, *4, 6*), отпечатки крупного зубчатого штампа, составляющего различные комбинации: заштрихованные треугольники (рис. 3, *2—4*), горизонтальную елочку (рис. 4, *5*), зигзаги (рис. 3, *5*).

Богатством орнаментации отличаются 6 остроребериых горшков (рис. 3). Особо следует остановиться на двух из них. На одном из этих сосудов кроме отпечатков зубчатого штампа имеются кружковые вдавления, нанесенные срезом пера или полой кости (рис. 3, *5*). Второй сосуд густо орнаментирован отпечатками шнура (рис. 3, *1*). В наличии остроребериых форм, богатстве орнаментации и присутствии веревочного и

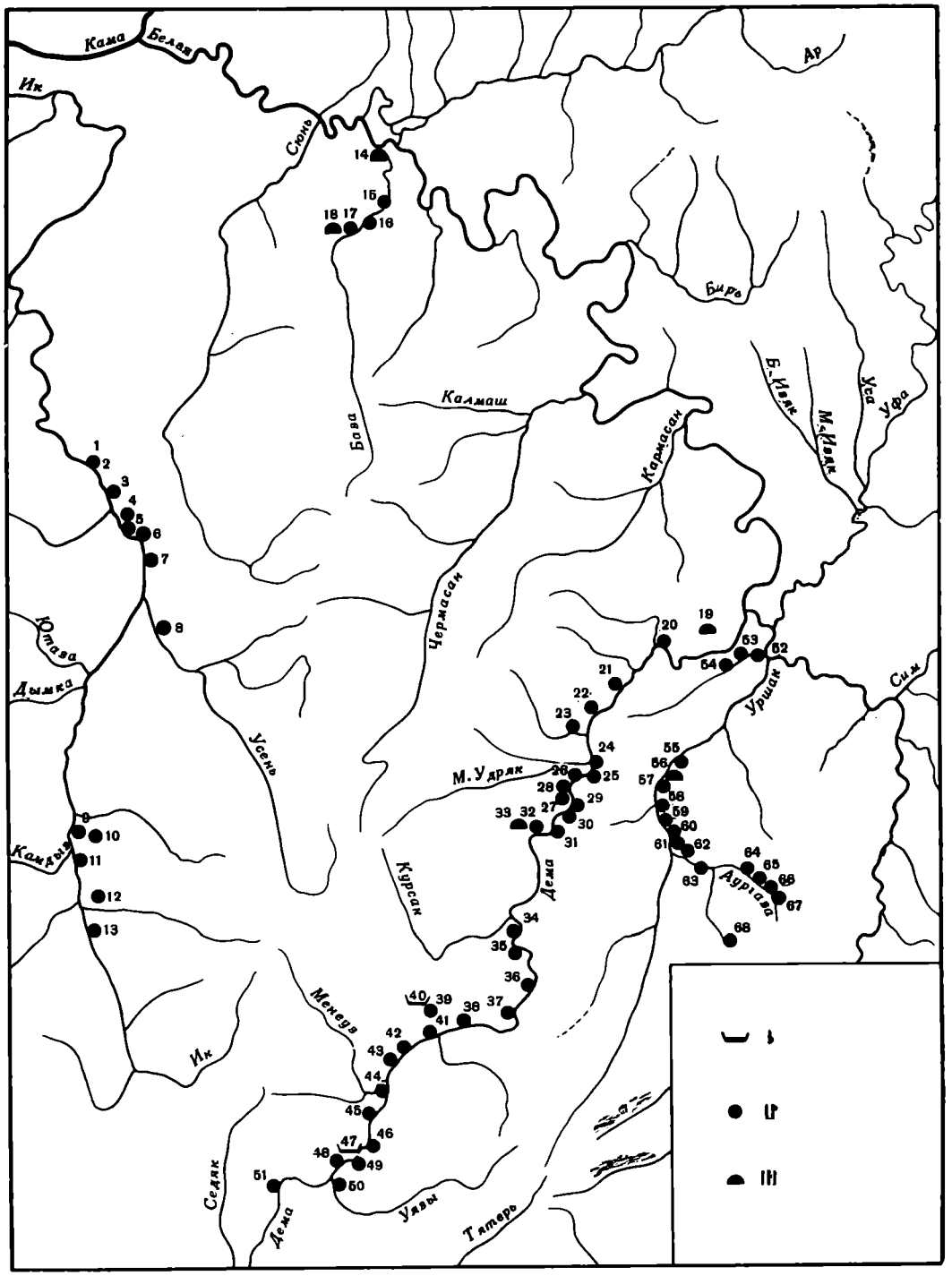


Рис. 1. Карта памятников срубной культуры, открытых экспедицией Башкирского университета
I — погребение, II — поселение, III — курганы

1 — Куштирякское погребение, *2* — Куштирякское селище, *3* — Урманаевское селище, *4* — Камаевское селище, *5* — Чеканское I селище, *6* — Чеканское II селище, *7* — Беткинское селище, *8* — Кызыл-Ташевское селище, *9* — Абдулла I селище, *10* — Абдулла II селище, *11* — Кулбай селище, *12* — Рятамак селище, *13* — Абдрахмановское селище, *14* — Атасовский могильник, *15* — Ново-Надирское селище, *16* — Зитимбековское селище, *17* — Верхне-Черекулевское селище, *18* — Нижне-Черекулевский курган, *19* — Юматовский курган, *20* — Алкинское селище, *21* — Горновское селище, *22* — Нижне-Хозятовское селище, *23* — Средне-Хозятовское селище, *24* — Чукраклинское I селище, *25* — Чукраклинское II селище, *26* — Ново-Ябалаклинское селище, *27* — Калиновское I селище, *28* — Калиновское II селище, *29* — Казангуловское I селище, *30* — Казангуловское II селище, *31* — Курмантайское селище, *32* — Давлекановское селище, *33* — Давлекановский могильник, *34* — Кармышевское селище, *35* — Мало-Кармышевское селище, *36* — Тебетейское селище, *37* — Чебенлинское селище, *38* — Алдаровское селище, *39* — Мало-Ильчегуловское селище, *40* — Ильчегуловское погребение, *41* — Никифоровское селище, *42* — Гайны-Ямакское I селище, *43* — Гайны-Ямакское II селище, *44* — Менеуз-Тамакское селище, *45* — Русско-Урсаевское селище, *46* — Средне-Тамьянское селище, *47* — Туксанбаевское погребение, *48* — Туксанбаевское I селище, *49* — Демское селище, *50* — Азнаевское селище, *51* — Каскыновское I селище, *52* — Чесноковское селище, *53* — Зубовское селище, *54* — Вавиловское селище, *55* — Петряевское I селище, *56* — Петряевский могильник, *57* — Петряевское II селище, *58* — Яковлевское селище, *59* — Старо-Мрясовское селище, *60* — Сабуровское I селище, *61* — Сабуровское II селище, *62* — Курманаевское селище, *63* — Старо-Туримбетовское селище, *64* — Кшанны селище, *65* — Новокольчировское селище, *66* — Новокармалинское I селище, *67* — Новокармалинское II селище, *68* — Таштамакское селище

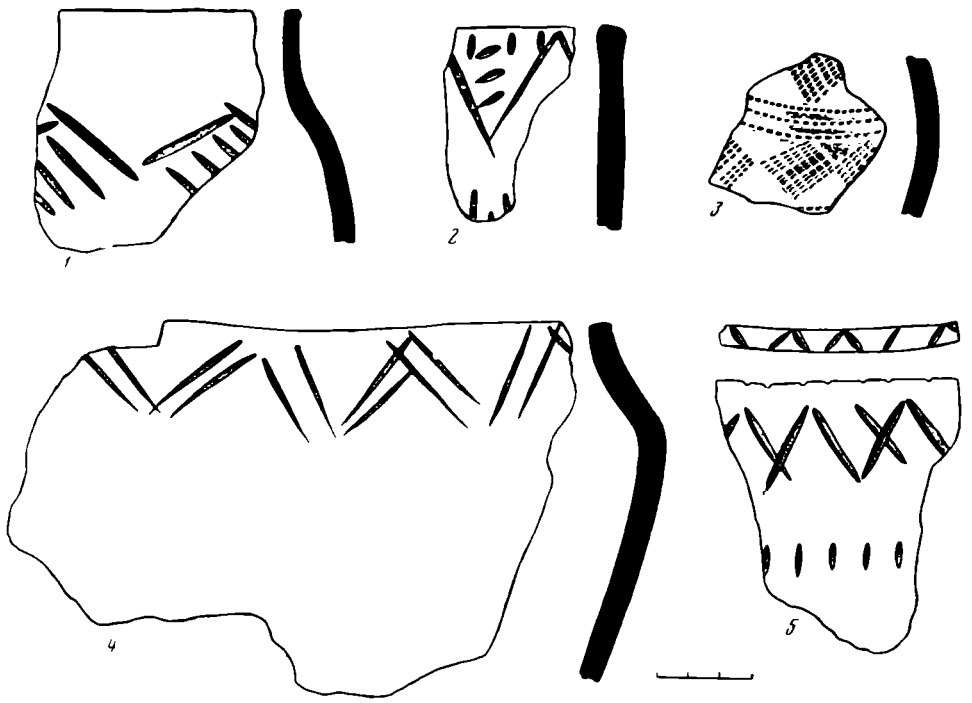


Рис. 2. Керамика из разведочных сборов

1 — Таштамакское селище, *2* — Старо-Туримбетовское селище, *3* — Ново-Надирское селище, *4* — Нижне-Черекулевский могильник, *5* — Гайны-Ямакское селище

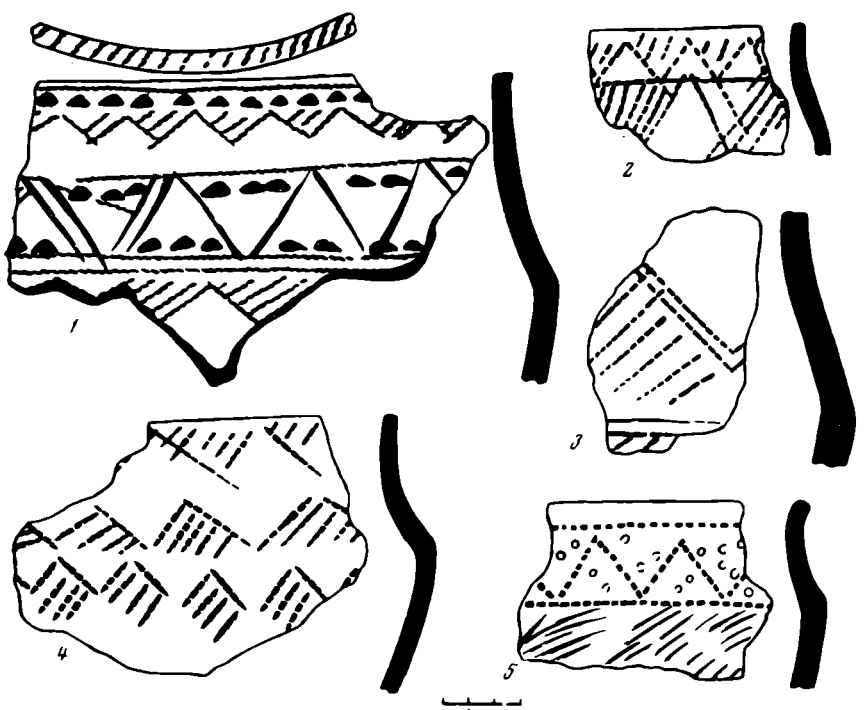


Рис. 3. Керамика Нижне-Хозятовского селища

кружкового орнамента несомненно следует видеть пережитки полтавкинских традиций, поэтому Нижне-Хозятовское селище должно быть отнесено к раннему периоду срубной культуры. Вероятно, тем же временем датируются три других обследованных экспедицией поселения: Туксанбаевское, Ново-Ябалаклинское и Курмантайское. С Туксанбаевского селища происходит 12 сосудов. Три сосуда имели баночную (рис. 5, *3*) и 9 горшковидную (рис. 5, *1, 2, 4*) форму. Орнамент состоит из ямок (рис. 5, *4*), отпечатков зубчатого штампа (рис. 5, *2, 3*) и веревочки (рис. 5, *1*). На Ново-Ябалаклинском и Курмантайском селищах встречен кружковый орнамент.

Керамика срубной культуры представлена наряду с материалами неолитической эпохи и железного века на Давлекановском селище, которое

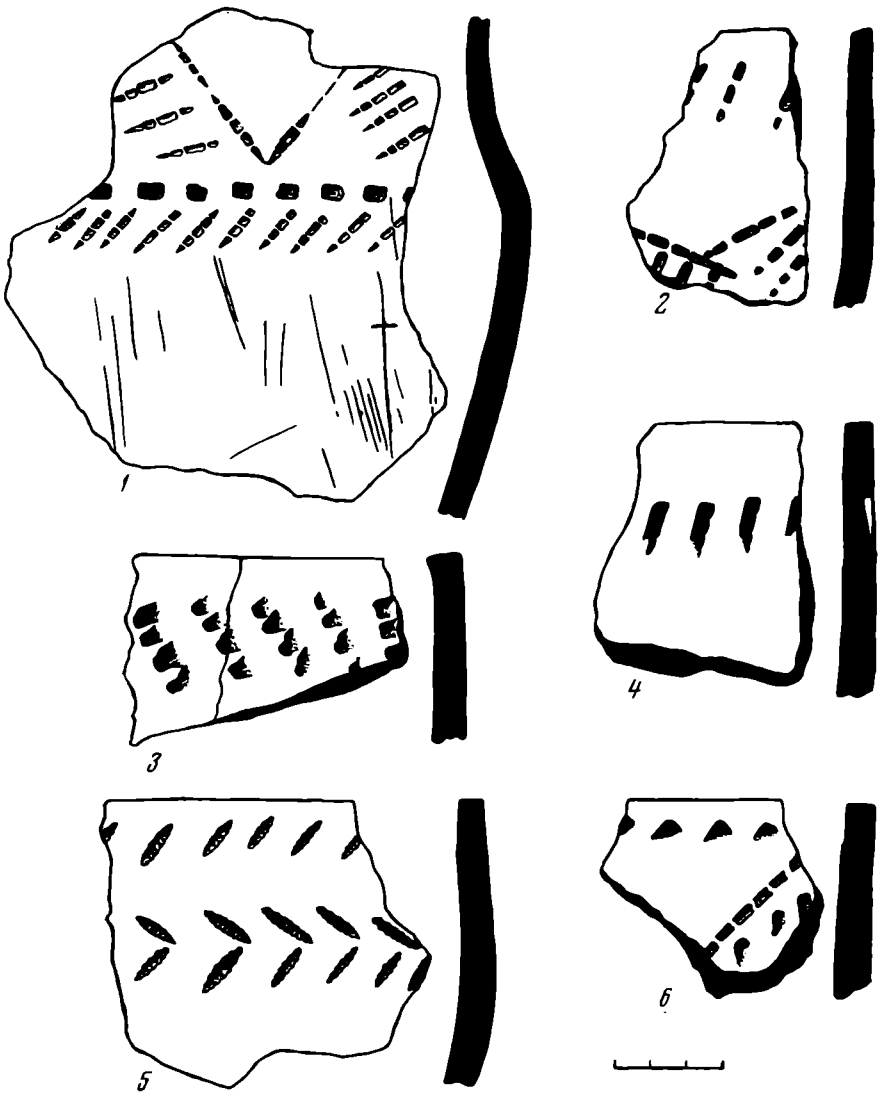


Рис. 4. Керамика Нижне-Хозятовского селища

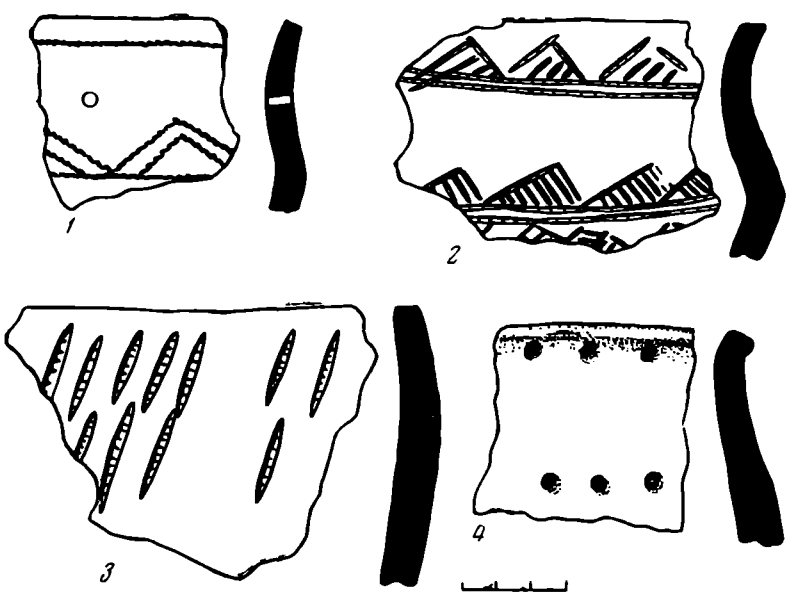


Рис. 5. Керамика Туксанбаевского селища

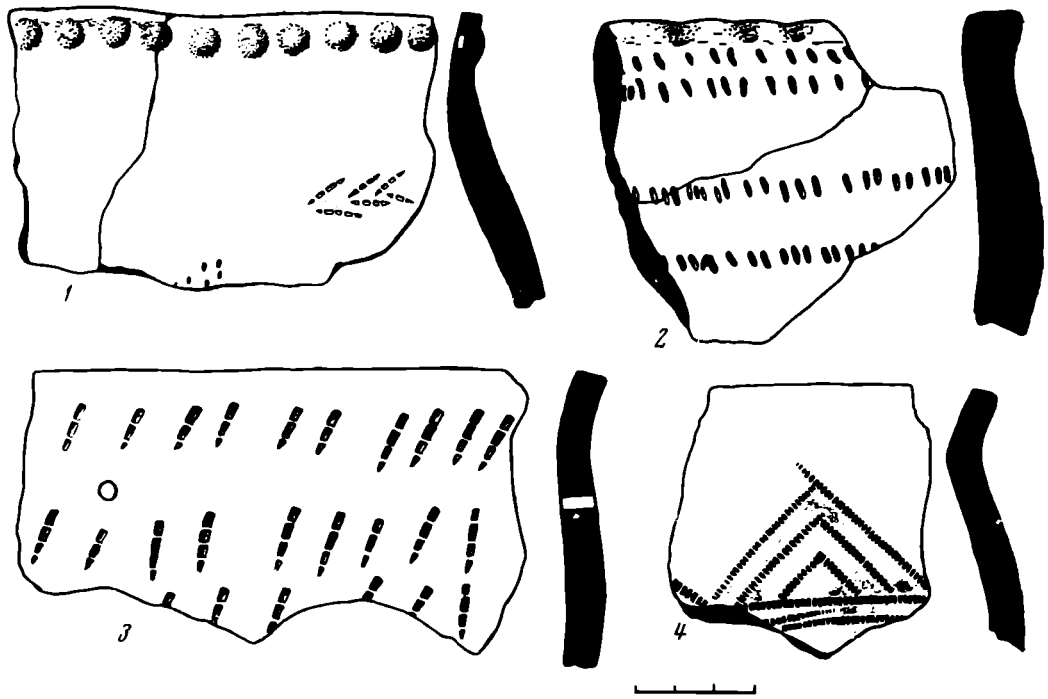


Рис. 6. Керамика Давлекановского селища

находится близ северо-восточной окраины г. Давлеканово. Оно было открыто и исследовано в 1962 г. экспедицией Башкирского университета. Заложен раскоп площадью 120 *м*². Впоследствии раскопки были продолжены Южноуральским отрядом АН СССР в 1962, 1963 и 1967 гг.

Происходящие с поселения фрагменты принадлежат баночным и горшковидным сосудам, содержащим в тесте примесь песка, а иногда шамота́. Преобладает зубчатая и резная орнаментация. Особый интерес представляют три фрагмента. Один из них принадлежал горшковидному сосуду, орнаментированному зубчатым штампом (рис. 6, *4*). Шейка сосуда отогнута и с внутренней стороны образует ребро, не встречающееся на сосудах срубной культуры, но весьма характерное для абашевской керамики. По фактуре и составу теста фрагмент не выделяется из общей массы керамики срубной культуры. Второй фрагмент отличается большой толщиной (16 *мм*) и слабой профилировкой. Он орнаментирован 4 рядами параллельных насечек по верхней части тулова и срезу венчика (рис. 6, *2*). Особенно необычен третий фрагмент, украшенный по венчику рядом «жемчужин», образованных путем наколов, сделанных изнутри, и горизонтальной елочкой, нанесенной зубчатым штампом (рис. 6, *1*).

Наиболее крупные раскопки произведены на Куштирякском селище на р. Ик в Бакалинском районе. Здесь заложено два раскопа общей площадью 412 *м*². Селище многослойное; наряду с керамикой эпохи бронзы — срубной, абашевской, Курмантау — здесь представлены сосуды кушнаренковского типа, относящиеся ко второй половине I тысячелетия н. э.

Исследовано жилище прямоугольной формы размером 15,5 × 10,5 *м*, глубиной 1—1,1 *м* от уровня материка, 1,6—1,7 *м* от уровня современной поверхности (рис. 7). Заполнение жилищного котлована состояло из чернозема и гумусированной супеси. На глубине 35 *см* от современной поверхности прослеживалась углистая прослойка мощностью 30 *см*. Четко вырисовывались темные полосы, параллельные длинным стенкам жилища. Вторая углистая прослойка прослеживалась на дне жилища. Между нею и стерильным подстилающим слоем залегала тонкая прослойка слабо гумусированного песка (рис. 7).

В центре жилища находилась круглая яма диаметром 1,3 *м*, глубиной 2,15 *м* от уровня материка (3,6 *м* от уровня современной поверхности).

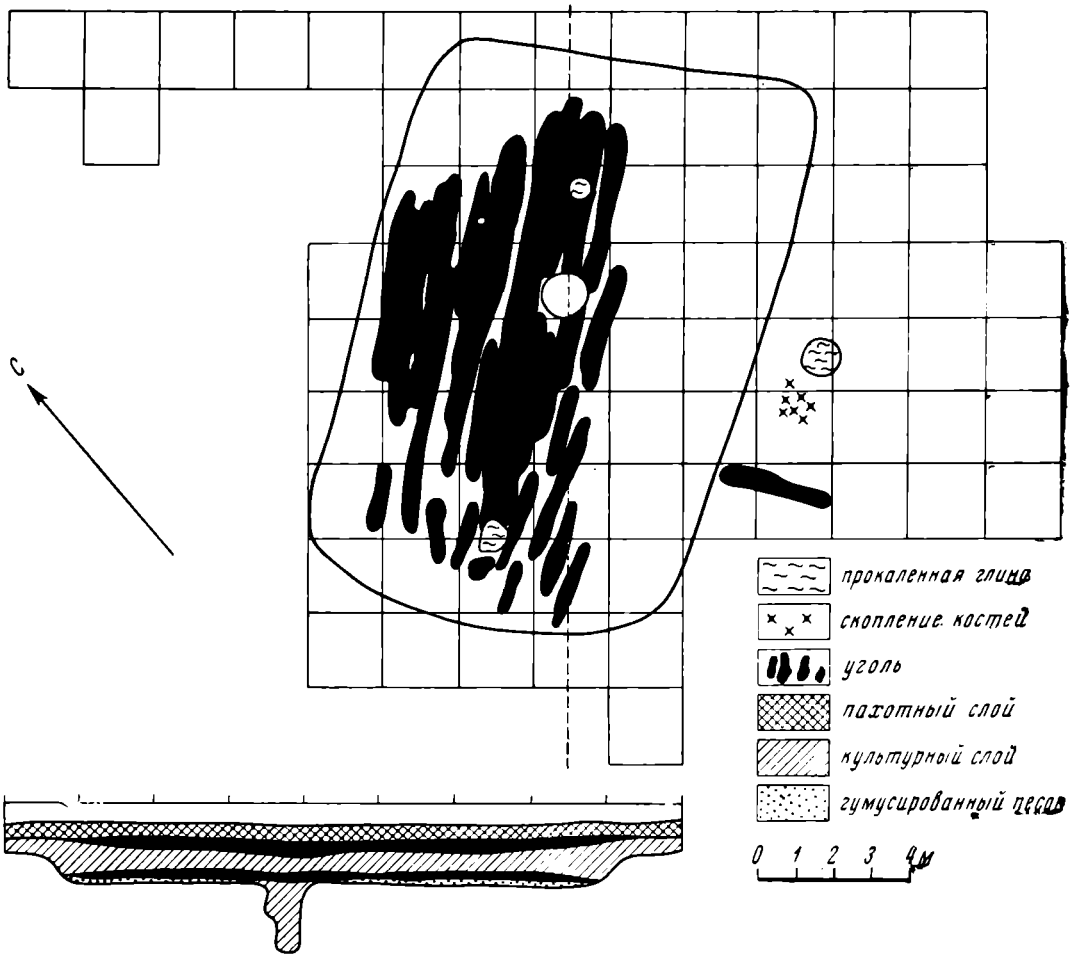


Рис. 7. План жилища Куштирякского селища

В восточной стенке ямы на глубине 1 *м* от уровня материка имелась ступенька шириной 30 *см*, остальные стенки вертикальные, без ступенек. В заполнявшем яму черноземе встречены кости животных и три фрагмента керамики.

Несколько неожиданным оказалось распределение керамики по горизонтам (см. таблицу).

Горизонты	Типы керамики			
	срубная	Курмантау	абашевская	кушнаренковская
I	40	8	3	7
II	78	7	2	22
III	84	13	1	40
IV	71	4	2	34
V	155	18	2	103
VI	65	9	1	77
VII	41	37	—	76

Жилище по своим размерам, глубине, конструкции, наличию глубокой хозяйственной ямы аналогично жилищам поселений срубной культуры: Береговского 1[1], Первого Сусканского[2], Успенского, Максютовского[3].

[1] В. Д. Викторова. Из истории населения юго-западной Башкирии в эпоху бронзы. Сб. «Из истории Урала». Свердловск, 1960, стр. 66; К. В. Сальников. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959, стр. 31—35; его же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 149—153.

[2] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, 61, 1958, стр. 107—117.

[3] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 198—204, 208—212, рис. 4, *20*.

Несмотря на это, едва ли можно безоговорочно отнести его к срубной культуре, так как в нижних горизонтах (V — VII) наряду со срубной керамикой встречено значительное количество фрагментов кушнаренковского типа, относящихся ко второй половине I тысячелетия н. э., что пока не поддается объяснению.

Для решения этого вопроса необходимо произвести раскопки других жилищ этого поселения.

В 1,2 *м* к юго-востоку от жилища был обнаружен очаг, сложенный из нескольких камней, под которыми залегал слой прокаленной глины и золы мощностью 15 *см*. На очаге стоял большой толстостенный сосуд баночной формы без орнамента (рис. 9, *3*).

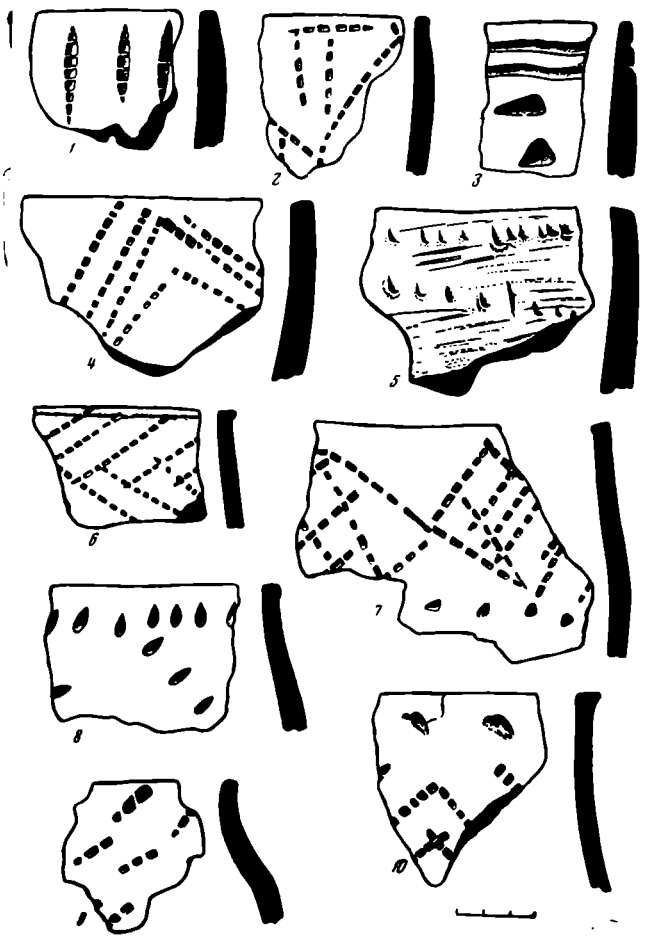


Рис. 8. Керамика Куштиряк ского селища

В пределах жилища на глубине второго горизонта найдена бронзовая очковидная подвеска.

Собранные на селище фрагменты принадлежат 183 сосудам: 92 из них баночной (рис. 8, *1—5*, рис. 9, *2*), 91 горшковидной (рис. 8, *6 — 10*, рис. 9, *1, 3, 4*) формы.

Сосуды толстостенные, грубые, с примесью шамота в тесте. Внешние и внутренние поверхности заглажены беспорядочной штриховкой. 29 сосудов не имеют орнамента, остальные орнаментированы вдавлениями уголка штампа (рис. 8, *3*, рис. 9, *4*), насечками (рис. 8, *5*), зубчатым штампом в виде вертикальных (рис. 8, *1*), наклонных (рис. 8, *9*) отпечатков, горизонтального зигзага (рис. 8, *4, 10*), заштрихованных ромбов (рис. 8, *7*). Несколько сосудов реконструировано (рис. 9).

Из общей массы выделяются 11 сосудов баночной формы с уплощенными венчиками, содержащие в тесте примесь песка и белой крошки. Примесь шамота отсутствует. Орнамент состоит из зон наклонных нарезок (рис. 10, *1, 2, 4*), прочерченных или зубчатых линий (рис. *10, 3, 4, 8—10*), зубчатой или резной елочки (рис. 10, *3, 4, 9*). Преобладающий мотив — горизонтальная елочка. Два сосуда имеют валики, но не налепные, как на керамике хвалынского этапа, а сформованные из стенок сосудов (рис. 10, *1, 2*). Ряд признаков: орнамент, состав теста, фактура сближают эти сосуды с керамикой черкаскульского[4] и замараевского[5] типов. Отличие состоит в том, что описываемые сосуды имели баночную форму, нехарактерную для черкаскульской и замараевской керамики. Сочетание баночной формы, присущей в основном керамике срубной культуры, и типично черкаскульско-

[4] К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 357, рис. 57, *12, 14, 16, 21*; его же. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы. ВАУ, 6. Свердловск, 1964, стр. 15, рис. 4, *2, 5*.

[5] К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 340, рис. 55, *1, 2, 7, 12, 13, 17*.

замараевских элементов орнамента и состава теста, вероятно, отражает процесс проникновения групп черкаскульского населения в однородную среду срубных племен.

Куштирякское селище датируется более поздним временем, чем Нижне-Хозятовское и Туксанбаевское поселения. Об этом свидетельствует отсутствие остроребериых сосудов, преобладание вертикальных пропорций, бедность орнаментации, наличие сосудов черкаскульско-замараевского типа. Сосудов с хвалынскими налепными валиками на Куштирякском селище не найдено, как и на 60 других открытых экспедицией поселениях.

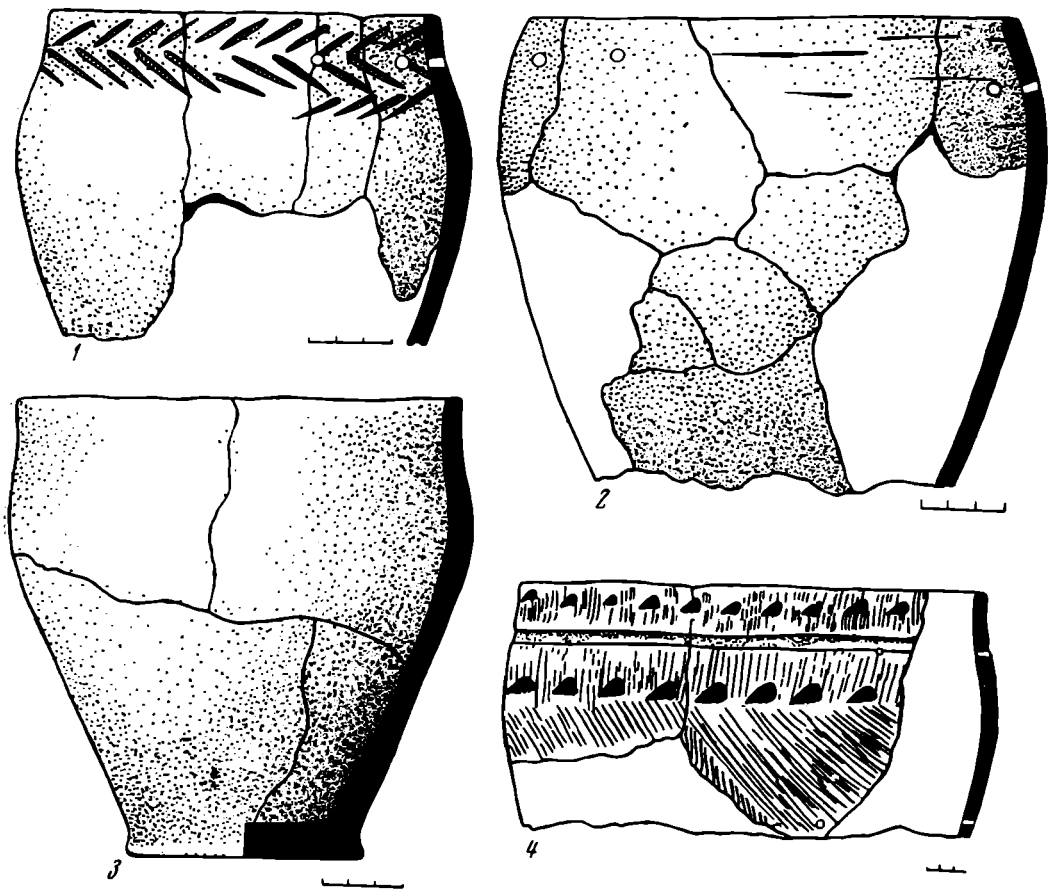


Рис. 9. Реконструированные сосуды Куштирякского селища

Раскопки производились на трех курганных могильниках. Один из них находится в Чишминском районе на правом берегу р. Уршак в 1 *км* к югу от дер. Петряево.

Могильник состоит из 13 оплывших насыпей. Диаметр курганов от 10 до 22 *м*, высота от 10 до 60 *см*. В 1968 г. было вскрыто 4 кургана. Под каждой насыпью находилось от 1 до 3 могильных ям овальной и прямоугольной формы. Из 8 погребений — 3, принадлежащие младенцам, ориентированы строго на восток, остальные 5 погребений подростков и взрослых имели северо-восточную ориентировку. Костяки хорошей сохранности лежали на левом боку в скорченном положении.

Все погребения одиночные, за исключением одного парного (рис. 11, *4*).

В насыпи двух курганов прослеживалась подсыпка из белой глины (рис. 11, *3*). В заполнении могилы, содержавшей парное захоронение подростков, встречались вкрапления белой глины.

В погребениях находилось по 1—2 сосуда. Из всех погребений происходит 11 сосудов (рис. 12), сформованных из плохо промешанной гли-

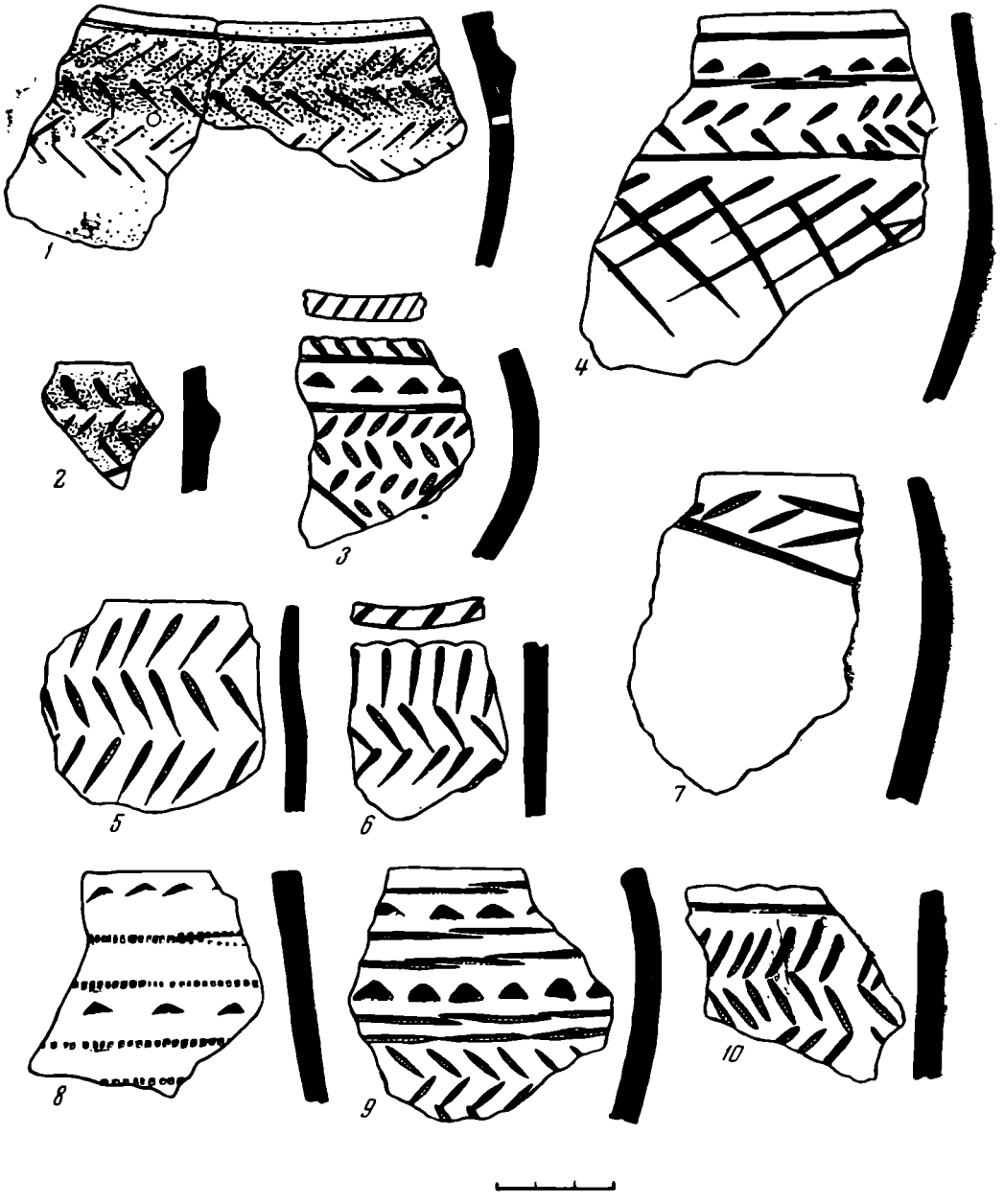


Рис. 10. Керамика срубно-черкаскульского типа Куштирякского селища

ны с примесью шамота. 5 сосудов имели баночную, 6— горшковидную форму. Как и в других могильниках Южного Приуралья, в керамике Петряевских курганов прослеживается сильное алакульское влияние: уступчики (рис. 12, *3*, *5*), «уточки» (рис. 12, *4*, *7*), меандры (рис. 12, *5*), нехарактерные для срубной культуры. Особенно интересен сосуд из погребения 1 кургана № 3, орнаментированный по шейке горизонтальными линиями, заштрихованными треугольниками и отпечатками зубчатого штампа. Ниже уступчика тот же штамп образует примитивный неправильный меандр (рис. 12, *5*).

Андроновское влияние прослеживается и в другом исследованном памятнике срубной культуры — в одиночном кургане, расположенном в 1 *км* к северу от станции Юматово Уфимского района на вершине плоской возвышенности. Диаметр кургана 15 *м*, высота 0,8 *м*. В северо-западном секторе на глубине 60 *см* от поверхности кургана, на уровне погребенной почвы было обнаружено темное углистое пятно диаметром 40 *см*, мощностью 0,1—0,15 *м*. Рядом с ним находилось несколько разбросанных в беспорядке ребер, 2 позвонка, 2 клыка (собаки?) и один фрагмент керамики. В центре кургана на глубине 0,6—0,7 *м* от поверхности стоял сосуд, вокруг

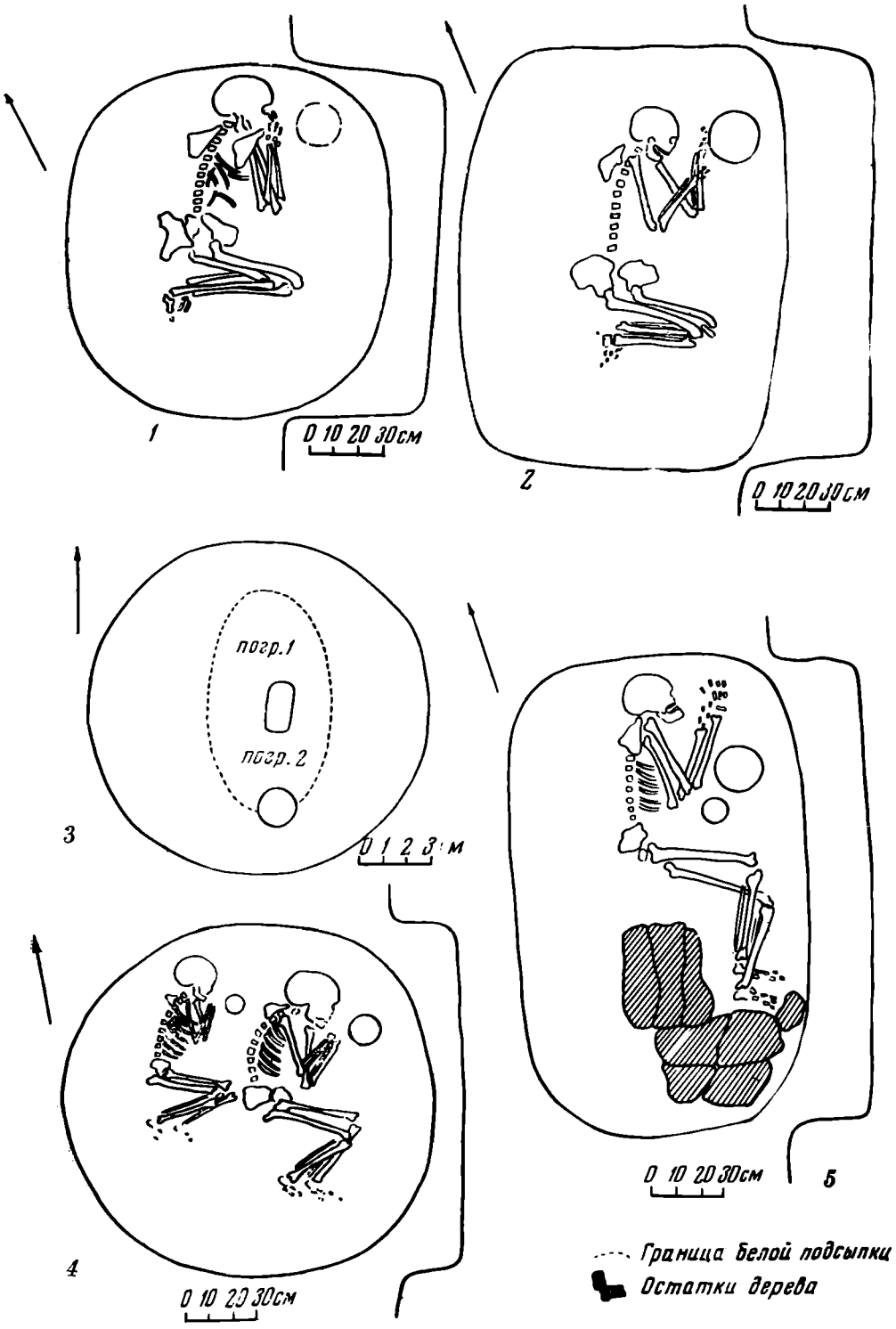


Рис. 11. Петряевский курганный могильник. Планы кургана и погребений

1 — курган 1, погр. 1; *2* — курган 1, погр. 3; *3* — курган 2; *4* — курган 2, погр. 2; *5* — курган 2, погр. 1

которого было обнаружено скопление пережженных кальцинированных косточек — следы совершенного на стороне трупосожжения.

В восточной половине кургана на глубине 60 *см* от поверхности было обнаружено захоронение подростка, лежавшего в скорченном положении на левом боку головой на север. Ноги были сильно согнуты в коленях, вероятно первоначально связаны, руки сложены перед грудью. Перед лицом находилось два горшка, в ногах стоял сосуд баночной формы.

В двух погребениях найдено 4 сосуда. Все они имели примесь шамота. Сосуд, находившийся рядом с трупосожжением, орнаментирован в верхней части резными треугольниками и насечками. По ребру проходят

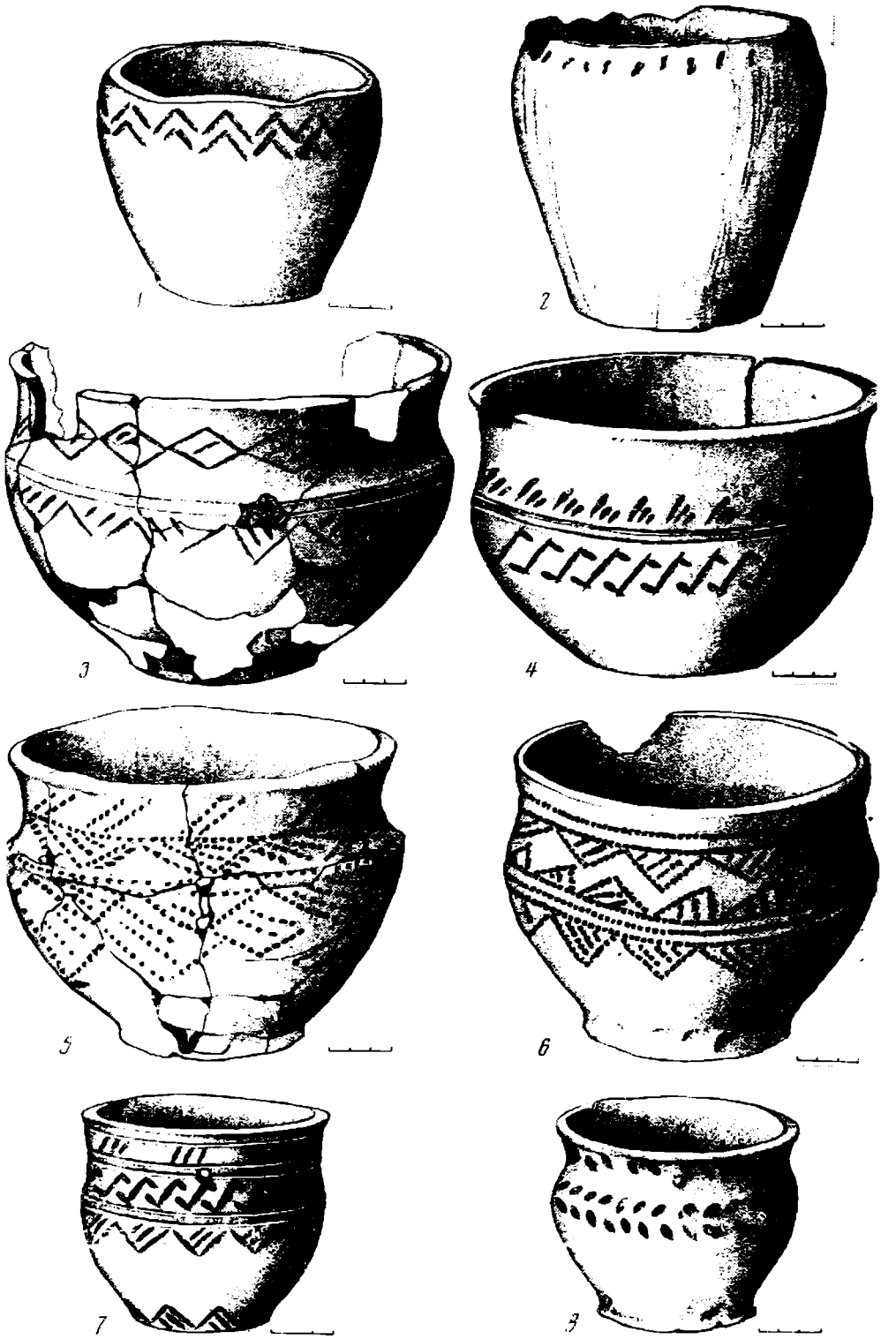


Рис. 12. Сосуды Петряевского могильника

1 — курган 3, погр. 2; *2* — курган 2, погр. 2; *3* — курган 1, погр. 3; *4* — курган 3, погр. 2; *5* — курган 3, погр. 1; *6* — курган 2, погр. 1; *7* — курган 2, погр. 1; *8* — курган 3, погр. 1

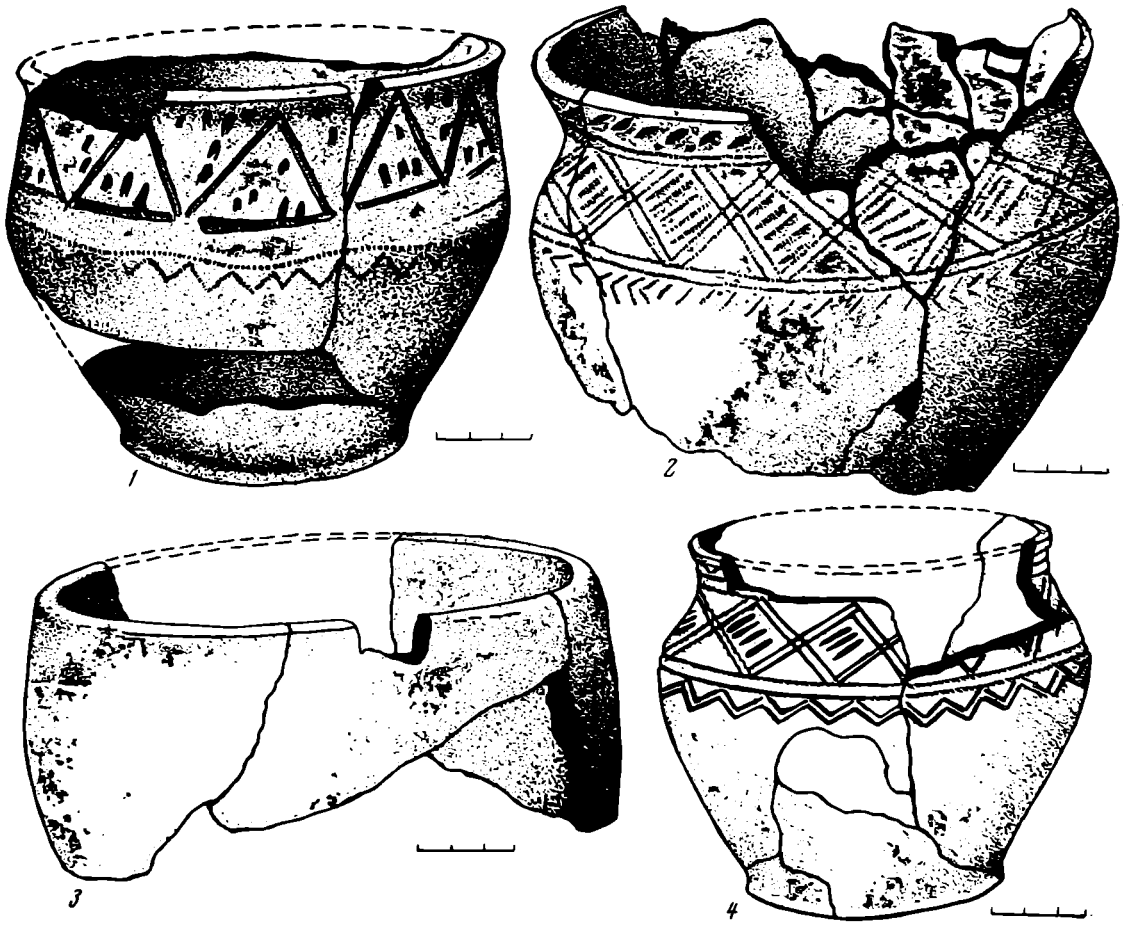


Рис. 13. Сосуды Юматовского кургана

1 — сосуд из погребения с трупосожжением; *2—4* — сосуды из погребения с трупоположением

горизонтальная и зигзагообразная линии, нанесенные с помощью зубчатого штампа (рис. 13, *1*). Два горшковидных сосуда орнаментированы заштрихованными ромбами и горизонтальными линиями. На ребре одного — елочка (рис. 13, *2*), другого — горизонтальный зигзаг (рис. 13, *4*). Все узоры нанесены зубчатым штампом.

Трупосожжение, встреченное в Юматовском кургане, не единично на территории Южного Приуралья и Поволжья.

К. Ф. Смирнов в своих работах [6] рассматривает более десятка трупосожжений в курганах срубной культуры. Он объясняет появление этого обряда проникновением групп андроновского населения в среду племен срубной культуры.

В Юматовском кургане наблюдается интересное сочетание федоровских, алакульских и срубных черт. Наряду с трупосожжением, находящим аналогии в федоровских могильниках, в кургане встречено трупоположение по ориентировке и положению погребенного, типичное для срубной культуры. Сосуды из погребения с трупоположением орнаментированы характерными для алакульской керамики заштрихованными ромбами, зигзагами и горизонтальной елочкой.

Самый северный среди исследованных памятников — курганный могильник в 600 *м*, к юго-востоку от дер. Атасово Илишевского района БАССР. Могильник состоит из трех курганов диаметром 16—22 *м*, высотой 0,3 *м*.

Исследован курган № 1. В нем было вскрыто 6 погребений. Могилы имели четырехугольную и овальную форму. Длина их от 1,3 до 1,8 *м*, ширина от 0,8 до 1,1 *м*, глубина 0,2—0,35 *м*.

[6] К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXVII, 1957; его же. Савроматы. М., 1964, стр. 175.

Костяки находились в скорченном на левом боку положении, головами на северо-восток. Исключение составляет погребение 3, где погребенный лежал на животе. Череп его был обращен лицом на север. Ноги согнуты в коленях (рис. 14, *3*).

Все погребения сопровождались 1—2 сосудами. В одном детском погребении рядом с костяком найдено несколько речных раковин (рис. 14, *5*).

Из всех исследованных погребений происходит 7 сосудов баночной и горшковидной формы с шамотом в тесте. Большая часть сосудов лишена

Рис. 14. Погребения Атасовского курганного могильника

1 — погр. 1; *2* — погр. 2; *3* — погр. 3; *4* — погр. 4; *5* — погр. 5; *6* — погр. 6

орнаментации, лишь на 3 из них имеется скудный орнамент из насечек (рис. 15, *1*, *2*) и заштрихованных треугольников. Эта бедность орнаментации указывает на позднюю дату памятника. И погребальный обряд и керамический материал типичны для срубной культуры. В могильнике не прослеживается никаких инокультурных включений.

Наиболее важным результатом работ археологической экспедиции Башкирского университета явилось полное обследование рек Дёмы и Ур-

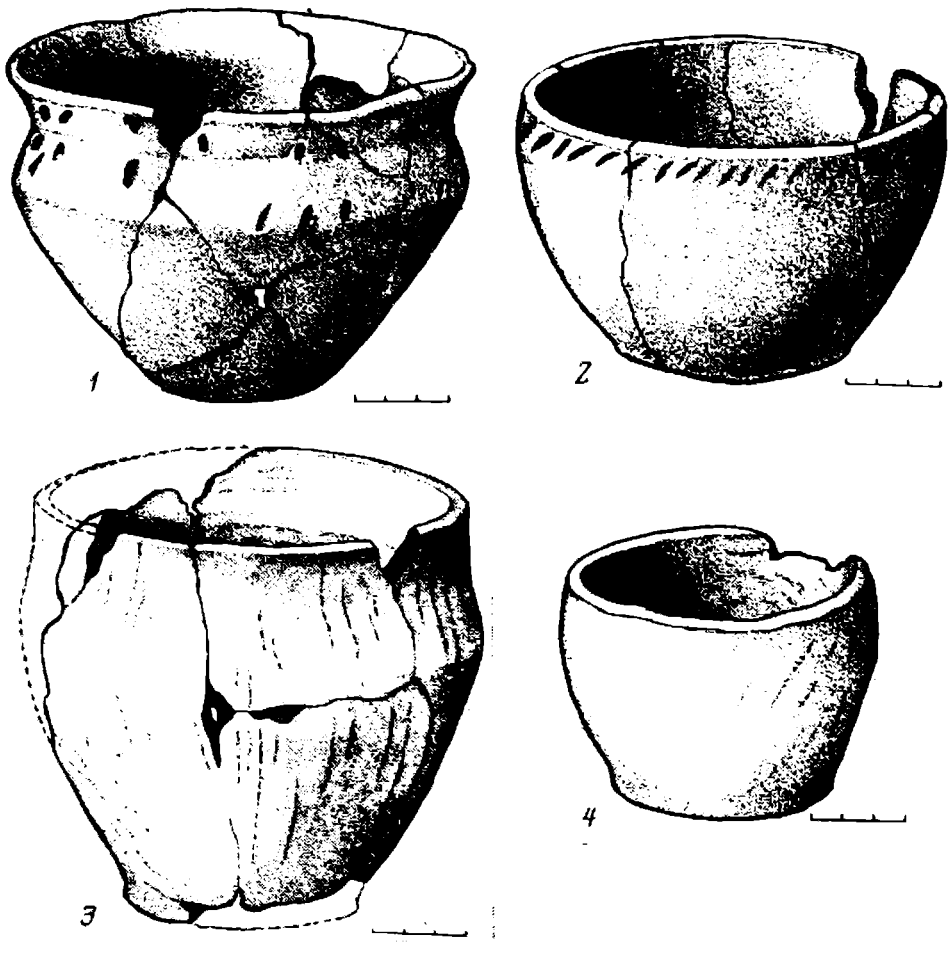


Рис. 15. Сосуды Атасовского курганного могильника
1 — погр. 6; *2* — погр. 1; *3* — погр. 4; *4* — погр. 5

шака, в бассейнах которых раньше было известно всего пять памятников срубной культуры [7]. В настоящее время их выявлено около пятидесяти. Кроме названных селищ и отдельных разрушенных погребений, к срубной культуре, видимо, принадлежат многие из 16 открытых здесь курганных могильников. Столь значительное скопление памятников на юго-западе Башкирии несомненно свидетельствует о том, что эта была не периферия, а один из наиболее густо населенных районов срубной культуры.

Судя по материалам исследованных памятников, наиболее ранние из них (Нижне-Хозятовское, Курмантайское, Туксанбаевское, Ябалаклинское) не выходят за пределы первого (покровского) этапа.

Хвалынская валиковая керамика на поселениях срубной культуры Бельско-Икского междуречья представлена единичными фрагментами. Вопрос о том, объясняется это сохранением на хвалынском этапе архаичных форм керамики или прекращением существования поселений срубной культуры — в настоящее время не поддается решению.

---

[7] Р. Б. Ахмеров. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии. КСИМК, 59, 1955, стр. 82, рис. 30.

G. I. Matvééva et I. B. Vassiliev

LES MUNUMENTS DE LA CULTURE DES SEPULTURCS EN CHARPENTE MIS RECEMENT AU JOUR EN BACHKIRIE

Résumé

En 1962—1970 par les soins de l'expédition de l'Universite de Bachkirie ont été trouvés sur les affluents gauches du fleuve de Bélaïa 60 sites et 8 cimetières ou tombes individuelles attribuables à la culture des sépultures en charpente. Trois sites et quatre nécropoles ont été objet de fouilles.

Les poteries richement onrées auv arêtes aigues, aux décorations corxdées et à petits cercles y découvertes nous portent à rattachés quatre sites à l'étape pokrovienne de la culture des sépultures en charpente (selon la division en périodes proposée par K. V. Salnikov). D'autres sites se rapportent, paraît-il, à une époque plus recente. Mais il est à noter que sur les monuments en question la céramique de Khvalynsk, à bourrelet, n'est repré-sentée que par des exemplaires exceptionnels. Sur le site de Kouchtyriak on a dégagé un habitat de type mi-souterrain, à une profonde fosse à rebuts au centre. Outre des tessons céramiques abondants rattachés à la culture de charpente. dans l'habitat ont été rencontrés des fragments de poterie de type abachévien, kourmantaouïen et tcherkasskoulo-zamaraïen remontant à l'âge du bronze et la céramique du Haut Moyenâge.

Le mobilier des tombeaux de la culture des sépultures en charpente mis au jour dans le bassin du fleuve de Dioma révèle une forte influence de la culture d'Andronovo. Cela se fait sentir dans la présence des pots de la culture de charpente d'Alakoul et dans l'incinération des morts.

L'inspection de la partie sud-ouest de la Bachkirie a permis d'y signaler une grande quantité de monuments archéologiques. Cela témoigne d'une nombreuse population appartenant à la culture sepultures an charpente dans cette région.

Э. В. ЯКОВЕНКО

КУРГАН НА ТЕМИР-ГОРЕ

В 1869—1871 гг. к северо-востоку от Керчи, на одной из вершин скального хребта, известного под названием Темир-Гора, был раскопан большой курган. Раскопки производились со значительными перерывами П. И. Хицуновым (1869 г.) и А. Е. Люценко (1870—1871 гг.) [1]. Фиксация работ велась неудовлетворительно, полевые рисунки и чертежи не сохранились, поэтому курган, довольно сложный в стратиграфическом отношении, до последнего времени был малоизвестен.

В литературе есть отрывочные сведения, главным образом об основном погребении кургана на Темир-Горе, где в захоронении скифа находилась расписная греческая ваза. Являясь одним из лучших экземпляров раннегреческой керамики в Северном Причерноморье, ваза из Темир-Горы неоднократно привлекала внимание исследователей [2]. В то же время весь комплекс основного погребения этого кургана специально никогда не изучался.

Это связано не только с малочисленностью данных об обстоятельствах раскопок, но и с крайне сжатой, а зачастую и путаной публикацией отчетов П. И. Хицунова и А. Е. Люценко.

Первая попытка реконструкции основного погребения на Темир-Горе, столь интересного и важного для скифоведения, была предпринята М. И. Ростовцевым [3]. Ее нельзя признать удачной, так как автор пользовался только опубликованными данными.

Еще раз к материалам Темир-Горы в связи с изучением группы так называемой родосско-милетской посуды обращалась Т. Н. Книпович. Ею дано краткое описание этого кургана и отмечена «недостаточная подробность и ясность опубликованных материалов» [4].

Среди специалистов было общепринятым, что детали погребального обряда основного захоронения в кургане на Темир-Горе не выяснены. Поэтому Т. Н. Троицкая, исследуя скифские памятники Крыма, отметила только круглую форму могильной ямы этого погребения [5].

Работая над материалами из скифских погребений Керченского полуострова, автор данной статьи познакомился с журналами полевых наблюдений П. И. Хицунова и А. Е. Люценко, которые хранятся в научном архиве Ленинградского отделения Института археологии [6].

---

[1] ОАК за 1869 г., стр. XI; ОАК за 1870—1871 гг., стр. XX—XXI.

[2] Б. В. Фармаковский. Милетские вазы из России. «Древности», XXV, табл. VIII—IX; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 16, 17, рис. 1; Д. Б. Шелов. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 40, 41, рис. 11.

[3] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 395.

[4] Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V вв. до н. э. ИГАИМК, 104, М.— Л., 1935, стр. 106.

[5] Т. Н. Троицкая. Скифские погребения в курганах Крыма. Дис. канд. ист. н. Симферополь, 1954, стр. 20.

[6] Журнал раскопок П. И. Хицунова. Научный архив ЛОИА, ф. 1, 4/1869, стр. 27—30; Журнал раскопок А. Е. Люценко. Там же, ф. 1, 23/1870.

На основании изучения этих рукописных отчетов предпринята еще одна попытка реконструкции погребальных сооружений кургана на Темир-Горе.

Курган представлял собой большую насыпь высотой до 8, в окружности до 84 *м*. Грунт насыпи насыщен отдельными фрагментами керамики, камнем и щебнем. В основании насыпи раскопщики обнаружили кромлех из крупных известняковых блоков, достигавший ширины 2 *м*. Верхний ряд его каменной кладки составляли тесаные плиты «с небольшою выемкою вроде карниза» [7]. В кургане обнаружено восемь захоронений: два трупосожжения (№ 82 и № 83) [8], пять каменных гробниц и одна могильная яма, высеченная в скальном материке. Ниже предлагается их описание на основании журналов раскопок.

Одно из трупосожжений (№ 82) обнаружено П. И. Хицуновым и доследовано А. Е. Люценко недалеко от кромлеха, в юго-восточной части насыпи. Вполне вероятно, что погребальное сооружение имело вид грунтовой ямы, стены которой не прослежены П. И. Хицуновым. Наше предположение основано на анализе данных журнала П. И. Хицунова, в котором он фиксирует кромлех на глубине 1,5 саженей до материка, а рядом с ним — трупосожжение (№ 82) на материке. Создается впечатление, что могильная яма погребения № 82 была опущена в грунт насыпи до уровня твердого материка, на котором и совершено сожжение.

При расчистке кромлеха стенки ямы, вероятно, были срыты, а захоронение выявлено непосредственно на дне. Здесь в 1869 и 1870 гг. найдены полусожженные кости человека и коня, четыре обломка железных мечей и копий, черепки простой глиняной посуды, куски мраморного алебастра, железные и бронзовые гвозди.

Трупосожжение № 83 обнаружено к северо-западу от центра кургана, рядом с гробницей № 76. В журнале раскопок наблюдается та же ситуация с отметками местоположения могильного сооружения. Так П. И. Хицунов фиксирует гробницу № 76 «выше материка в насыпи, а трупосожжение — на материке... всего на глубине 1/2 аршина... от склепа» (№ 76). Следовательно, и в этом случае возможно предположить, что грунтовая могильная яма была впущена в насыпь до материка.

Погребение № 83 с трупосожжениями, как отмечено в журнале, было ориентировано по оси ЮЗ — СВ и занимало площадь «около 12 квадратных сажен». Среди остатков сожжения найдены: пара небольших серег из дутого золота в форме полумесяца: небольшая круглая золотая пуговица, покрытая филигранью; золотая продолговатая подвеска овальной формы с рельефным узором; части золотого ожерелья из подвесок в виде желудей и розеток: несколько золотых бляшек с головой Медузы; пара массивных бронзовых браслетов из витой толстой проволоки, обтянутой золотом с львиными головами на концах; камень от перстня с изображением летящего орла, который держит в когтях лань; золотой перстень с резным камнем, где изображен Аполлон, играющий на лире; две золотые бляшки с изображением бегущего льва; три золотые подвески в виде створчатых раковин на золотой цепочке; 28 обломков различных золотых предметов; 16 слитков золота, сплавившегося на костре; несколько обломков перегоревшей костяной коробочки; переломленный серебряный ободок; куски оплавленного бронзового зеркала.

При доследовании насыпи на месте этого погребения зимой 1870—1871 гг. А. Е. Люценко обнаружил крышку леканы, девять обломков краснофигурного сосуда с позолотой и несколько фрагментов большого расписного кратера [9].

---

[7] ОАК за 1869 г., стр. XII.

[8] Нумерация погребений дана по журналу раскопок А. Е. Люценко.

[9] В первой публикации отчета П. И. Хицунова о раскопках на Темир-Горе оба трупосожжения соединены в один комплекс и находки даны совместно (ОАК за 1869 г., стр. XII—XIII).

В центре кургана, как уже упоминалось выше, находился каменный склеп № 76. Стенки его, «сложенные из дикарных камней на извести», оштукатурены внутри и окрашены красной краской. Погребение полностью ограблено.

Еще четыре небольшие гробницы «под завалами камней» (№ 77—80) были вскрыты в 1870—1871 гг. А. Е. Люценко в различных частях насыпи. К сожалению, координаты их не указаны. Они, как отметил автор раскопок, «небрежно сложены из камней дикарной породы и вмещали в себя каждая по нескольку человеческих остовов, лежавших один на другом в большом беспорядке». В одном из этих склепов, ограбленных полностью, сохранился краснофигурный лекиф с изображением сфинкса [10].

Основное погребение (№ 81) также исследовано А. Е. Люценко. Оно находилось «с северной стороны кургана близ центра его». Округлая в плане могильная яма была высечена в скале и перекрыта завалом камней. Длина ямы —4, ширина —3, глубина —1,4 *м* [11]. Яма «заключала в себе только одного, лежавшего головой на запад, человеческого остова, при костях которого найдено у ног... раздавленный землею и камнями глиняный кувшин, возле левой руки — один бронзовый загадочного значения прутик в золотой оправе... костяное от чего-то состоящее из двух частей украшение фантастической формы, с весьма курьезною на нем резьбою, шесть костяных конической формы трубочек, с двумя бронзовыми, по-видимому, принадлежащими к ним наконечниками и восемь маленьких костяных вещиц в виде пуговок и закругленных цилиндриков, возле же головы означенного остова ничего не оказалось» [12].

На этом исчерпываются данные об исследовании кургана на Темир-Горе. Приведенное выше описание погребальных сооружений дает возможность с достаточной долей вероятности говорить о времени и культурной принадлежности обнаруженных захоронений.

Особый интерес представляет основное погребение кургана. Время его надежно определяется родосско-милетской вазой класса Камира, которые принято сейчас датировать второй четвертью — серединой VII в. до н. э. [13].

В Северном Причерноморье к этому времени относится небольшая серия раннескифских погребений [14]. Пять из них наиболее известны тем, что содержали в погребальном инвентаре родосско-милетские сосуды VII—VI вв. до н. э. Это, кроме кургана на Темир-Горе, захоронения у с. Болтышки на Кировоградщине, у Цукур-Лимана на Тамани, на р. Калитве и в Хоперском округе [15].

Среди них только в погребении на Темир-Горе зафиксированы детали погребального обряда, остальные из вышеупомянутых погребений были обнаружены при случайных, почти неизвестных обстоятельствах.

В связи с этим целесообразно остановиться на характеристике основного погребения в кургане на Темир-Горе более подробно.

Значительные размеры могильной ямы позволяют предполагать здесь существование какой-то дополнительной конструкции, скорее всего деревянной, которая к моменту раскопок не сохранилась.

Особо следует отметить вытянутое положение и западную ориентировку погребенного — это типично скифский погребальный ритуал, представ-

---

[10] ОАК за 1870—1871 гг., стр. XX.

[11] Размеры могильной ямы даны в переводе с сажен по журналу А. Е. Люценко.

[12] Журнал раскопок А. Е. Люценко, стр. 30.

[13] Н. А. Сидорова. Архаическая керамика из Пантикапея. МИА, 103, 1962, стр. 95—97.

[14] О. І. Тереножкін, В. А. Іллінська. Археологія України, II, раздел «Пам'ятники степової Скіфії».

[15] Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. ИГАИМК, 104, М.— Л., 1935, стр. 94 сл.

ляющий исключительный интерес в связи с ранней датировкой всего комплекса.

Кроме упоминавшейся выше греческой вазы в погребении найдена серия предметов, которые, по наблюдениям А. Е. Люценко, находились все у левой руки погребенного.

Первым среди них назван «бронзовый загадочного значения прутик в золотой оправе». Это круглый в сечении бронзовый стержень, покрытый тонким листовым золотом. Поверхность стержня украшена четырьмя рельефными зубчатыми утолщениями в виде колец и поперечной нарезкой (рис. 1, *2*). Это несомненно, колчанная застежка, находящая себе ближайшие аналоги во многих скифских погребениях последующего периода — Мельгуновском кургане [16], Старшей могиле [17], Ногайском кургане № 3 [18] и т. д. Находка из кургана на Темир-Горе ближе всего застежке из Мельгуновского и Ногайского курганов.

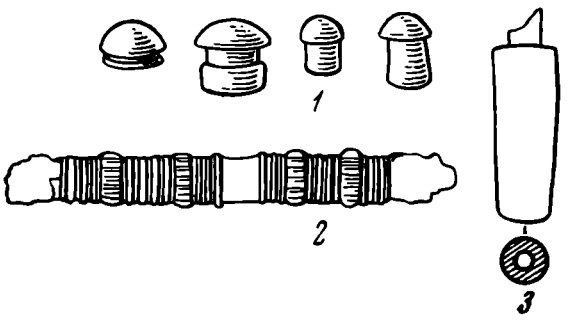


Рис. 1. Части колчана, найденные в основном погребении:

1 — костяные скрепки; *2* — бронзовая застежка, плакированная золотом; *3* — костяная насадка — «трубочка»

Вполне закономерно, что колчанная застежка найдена у левой руки погребенного; судя по изображениям на скифских бабах и предметах торевтики, а также по находкам в погребениях, скифы обычно носили колчан на левом боку. Чаще всего это колчан, соединенный с налучьем. Как замечено исследователями, в раннее время такие составные колчаны — налучья — имеют для стрел специальный карман с клапаном и застежкой в виде палочки [19].

Наличие в основном погребении Темир-Горы колчанной застежки позволяет предполагать существование других остатков колчанного набора среди предметов, найденных слева от погребенного.

А. Е. Люценко упоминает костяные конические трубочки, пуговки и закругленные цилиндрики. В свое время Т. Н. Троицкая отнесла все эти предметы к принадлежности узды [20].

Что касается пуговок и закругленных цилиндриков, то вопрос решается довольно просто. По аналогии с группой подобных предметов все они могут быть определены как детали крепления мягких, очевидно кожаных, частей колчана. Такие же костяные скрепки известны среди более поздних комплексов: Серогозы, курган у с. Васильков близ Шполы и т. д. [21]. В журнале раскопок А. Е. Люценко отмечает восемь пуговок и цилиндриков. Сейчас в фондах Отдела культуры и искусства античного мира Государственного Эрмитажа хранится только шесть предметов — три столбика и три пуговки [22] (рис. 1, *1*).

Следующая серия предметов — шесть костяных трубочек. При внимательном их изучении оказалось, что трубочки первоначально представля-

---

[16] Е. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. МАР, 31, 1911, стр. 20, рис. 14.

[17] В. А. Ильинская. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Київ, 1968, табл. V, *1*.

[18] И. В. Яценко. Скифские погребения близ Ногайска. ВДИ, 1956, 1, стр. 163, рис. 6.

[19] Н. Г. Елагина. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея. СА. 1959, 2, стр. 193.

[20] Т. Н. Троицкая. Ук. соч., стр. 25.

[21] В. И. Ильинская. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья, Киев, стр. 149—150.

[22] Пользуюсь случаем поблагодарить Л. Ф. Силантьеву за помощь при работе над материалами из Темир-Горы.

ли собой костяные столбики длиной 2,4 см, имеющие у одного конца шип и сужающиеся к другому. Сделаны они из кости мелкого млекопитающего или птицы. Шип вырезан из внутренней пористой костной ткани (рис. 1, *3*). С течением времени вся пористая масса как менее стойкая часть кости, истлела и столбики превратились в трубочки. Только у двух экземпляров из шести сохранились полуистлевшие шипы длиной до 0,5 *см*. Шипы и прилегающая к ним поверхность у пяти трубочек слегка окрашены в зеленый цвет окисью бронзы. Мы склонны связать это явление с теми бронзовыми наконечниками, которые отмечены в отчете А. Е. Люценко: «... шесть костяных... трубочек с двумя бронзовыми, по-видимому, принадлежащими к ним наконечниками...». Представляется, что в данном случае речь идет о бронзовых наконечниках стрел, иначе А. Е. Люценко особо отметил бы находку чего-то необычного. Таким образом, костяные «трубочки» имели какое-то отношение к стрелам, скорее всего к их древкам.

Древки скифских стрел изготовлялись из нестойких материалов и, как правило, не сохранялись. Поэтому в специальных работах данные о древках почти полностью отсутствуют. Очень кратко пишет о них А. И. Мелюкова [23]. Немногим более о савроматских стрелах сообщает К. Ф. Смирнов [24]. Оба исследователя считают основным материалом, служившим для изготовления древков, березу, ясень, тополь и тростник.

Кроме простых древков существовали древки составные. На это обратил в свое время внимание М. П. Грязнов. В одной из карасукских могил у Дадынбая он нашел остатки стрел из тростника арундо, на котором двулопастные бронзовые наконечники крепились при помощи деревянных стержней [25].

Следует отметить, что аналогичный двулопастный бронзовый наконечник происходит из Персеполя. Во втулке его сохранился деревянный стержень для насадки тростникового древка [26].

О савроматских составных древках сообщает К. Ф. Смирнов. В некоторых комплексах он обнаружил бронзовые наконечники стрел с короткими деревянными стерженьками из плотной древесины во втулках [27].

Возможность существования таких же составных стрел у скифов допускает А. И. Мелюкова [28]. В связи с этим интересно отметить, что остатки составных древков Б. А. Шрамко определил в комплексах курганов 456 у с. Макеевки, в кургане 400 у с. Журавки. Он называет их переходными стержнями [29].

Аналогичные деревянные стержни длиной от 1,3 до 3 *см* оказались среди колчанных наборов скифских комплексов, исследованных в последние годы на Никопольщине и Херсонщине [30]. При рассмотрении этих стерженьков в лупу видно, что они обработаны острым инструментом: одна сторона у них тонкая и заостренная — для втулки наконечника, другая, служившая насадкой тростникового древка,— утолщенная, слегка конусовидная.

---

[23] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д 1—4, М., 1964, стр. 16.

[24] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1962, стр. 32.

[25] М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 134, рис. 3.

[26] E. Schmidt. Persepolis, II. Contents of the Treasury and other Discoveries. The University of Chicago Oriental Institute Publications, LXIX, Chicago — Illinois, 1957, стр. 99, рис. 20, *A*.

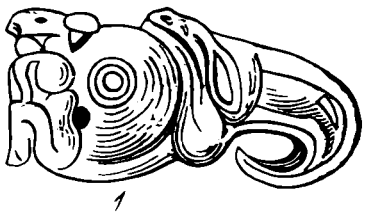
[27] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 32.

[28] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 16.

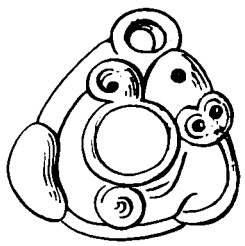
[29] Б. А. Шрамко. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую пору. Дис. док. ист. н. Київ, 1065, стр. 561.

[30] Скифская экспедиция 1963 г. (нач. А. И. Тереножкин), группа 22 шахты, кург. 12. погр. 2. Краснознаменская экспедиция 1968 г. (нач. Е. В. Черненко), группа Широкое III, кург. 14, погр. 2.

Тростниковые древки были с древнейших времен в широком употреблении. По образному выражению Плиния, «полсвета было завоевано тростником»[31]. Составные тростниковые древки длительное время бытовали у древних лучников Сибири, Средней Азии, Монголии и Китая. В колчанных наборах там известен особый тип бронзово-железных стрел. Это бронзовые трехгранные наконечники стрел, во втулку которых вставлялся железный стержень для насадки тростникового древка. Такие типы наконечников зафиксированы в комплексах Китая и Индокитая с VII по III в. до н. э., в Средней Азии — с VI по III в. до н. э.[32].



1



2

Рис. 2. Резная кость из основного погребения:

1 — головка длинноклювой птицы; *2* — бляха с изображением свернувшегося хищника

В Северном Причерноморье стрелы с тростниковыми составными древками фиксируются, судя по наблюдениям Б. А. Шрамко, с V в. до н. э. Но вполне допустимо, что они были известны гораздо раньше, с момента появления здесь скифов.

В связи с этим мы предположительно относим костяные конусовидные предметы из Темир-Горы к частям составных древков стрел. Скорее всего это переходные стержни, у которых шип служил для насадки бронзового наконечника, а слегка заостренный конец вставлялся в тростниковое древко. Вполне вероятно, что будущие исследования раннескифских памятников смогут дать дополнительные сведения о подобных типах составных древков стрел.

Из всей группы вещей, найденных слева от погребенного, выделяются особо два предмета, которые А. Е. Люценко определил как «состоящее из двух частей украшение фантастической формы...».

М. И. Ростовцев считал резную кость из Темир-Горы «выдающимся образчиком ионийской архаической работы»[33]. Однако манера исполнения и композиция резных изображений находят многочисленные аналогии среди образцов раннескифского звериного стиля, что полностью снимает вопрос о греческом происхождении этих вещей.

Принимая во внимание серию специальных работ, где изображения на резной кости из Темир-Горы рассматриваются особо[34], мы останавливаемся главным образом на функциональном назначении этих предметов.

Один из них представляет костяную бляху подтреугольной формы с круглым центральным отверстием. Длина предмета — 2,9 *см*. Лицевая поверхность бляхи украшена резной рельефной фигуркой свернувшегося кошачьего хищника (рис. 2, *2*).

Т. Н. Троицкая считала эту бляху принадлежностью конской упряжи[35]. С. В. Киселев на основании сибирских аналогий отнес ее к пуговицам[36]. Это определение кажется нам наиболее удачным. Вполне вероятно, что бляха-пуговица служила частью декора корпуса колчана. Плоские костяные украшения известны на савроматских колчанах. Они

---

[31] А. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 135.

[32] С. В. Киселев. Монголия в древности. ИАН, сер. ист. и филос. IV, 4, М., 1967, стр. 364, рис. 3; Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, стр. 348, табл. 53, 101.

[33] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 395.

[34] В. А. Ильинская. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, 1, стр. 102 сл.

[35] Т. Н. Троицкая. Ук. соч., стр. 25.

[36] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, стр. 135.

представляют собой фигуры животных и рыб, прямоугольные и круглые пластины типа пуговиц [37].

Второй резной предмет из Темир-Горы — голова длинноклювой птицы, выполненная в круглой скульптуре; она украшена фигурками зайчиков, на уровне спины одного из них есть сквозное отверстие, вероятно, для крепления. Длина всего предмета 4,5 *см* (рис. 2, *1*).

Т. Н. Троицкая считает его частью уздечки [38]. В. А. Ильинская определила его как верхнюю часть деревянного псалия [39]. С. В. Киселев отнес головку птицы из Темир-Горы к группе ременных обойм, в число которых он включал и резные зооморфные клыки вепрей из Блюменфельда [40].

В результате монографических исследований К. Ф. Смирнова о культуре савроматов стало очевидным, что резные клыки вепрей и их бронзовые имитации (в том числе и блюменфельдские) служили украшением не только оголовья конской уздечки, но и портупейных ремней ножен и колчанов [41].

Одним из традиционных сюжетов на зооморфных клыках является голова длинноклювой птицы, обычно в сочетании с головой хищника — волка или льва [42]. В то же время среди аналогичных клыков, найденных на Поднепровье, есть несколько экземпляров, где голова длинноклювой птицы использована резчиком как основной изобразительный мотив,— это резные клыки из Роменского уезда и Гуляй-Города VI—V вв. до н. э.[43]. К сожалению, точные данные об их находке неизвестны, поэтому мы не можем рассматривать их как близкую параллель резной головке из Темир-Горы.

Для нас определенный интерес представляют два колчана VI в. до н. э. из бассейна Ворсклы, на которых основными сюжетами декора являются голова длинноклювой птицы и кошачий хищник (Витова могила, Опишлянка) [44]. Эти же образы мы находим и на резной кости из Темир-Горы, что позволяет с достаточной долей вероятности отнести данные зооморфные украшения к декору колчана.

Анализ вещественных находок в основном погребении кургана на Темир-Горе позволяет говорить о том, что это погребение воина, скорее всего не рядового, а военачальника. Об этом свидетельствует и тип погребального сооружения: большая яма, высеченная в скале, возможно, с добавочной деревянной конструкцией. Погребение основное, над ним специально сооружен курган. При погребенном кроме колчана была дорогая греческая ваза. Несмотря на столь раннюю дату погребения (середина VII в. до н. э.), в нем представлен четко выраженный скифский погребальный обряд: подкурганное захоронение при вытянутом положении и западной ориентировке погребенного.

Остальные погребения кургана на Темир-Горе относятся к более позднему времени. Это каменные гробницы № 77—80, однотипные по устройству и погребальному обряду, что позволяет считать их одновременными и датировать на основании краснофигурного лекифа со сфинксом IV в. до н. э.

Краткое описание этих гробниц, приведенное в журнале А. Е. Люценко, сближает данные погребения с подкурганными скифскими склепами, открытыми в последние годы в степной части Керченского полуострова. Они были сложены насухо из слегка уплощенного известняка и

---

[37] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, рис. 9.
[38] Т. Н. Троицкая. Ук. соч., стр. 25.
[39] В. А. Ильинская. Некоторые мотивы..., стр. 103, рис. 13, *4*.
[40] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 145.
[41] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, рис. 8, 52, 53.
[42] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 369, рис. 77, *19*, *25*.
[43] Э. В. Яковенко Клыки с зооморфными изображениями. СА, 1969, 4, стр. 200—202, рис. 1, 8—9.
[44] Г. Т. Ковпаненко. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967, стр. 102, 103, рис. 47, 48.

имели с восточной стороны небольшой вход — дромос. Перекрытие склепа, состоявшее из нескольких известняковых плит, обычно забутовано сверху камнем. Такие каменные гробницы служили семейными усыпальницами: при раскопках в них обнаружено от 2 до 25 погребенных различного пола и возраста. Эти склепы принадлежали оседлому земледельческому населению Восточного Крыма V—III в. до н. э.[45].

Приведенные выше данные почти полностью совпадают с описанием каменных гробниц в кургане на Темир-Горе. В связи с этим мы находим возможным определить их как скифские. Это тем более вероятно, что среди многочисленных погребений IV в. до н. э. в некрополях Боспора такого типа каменные гробницы с коллективными захоронениями неизвестны.

Обнаруженный в центре кургана на Темир-Горе каменный склеп № 67 — единственное греческое погребение, о чем свидетельствуют и его кладка «на извести», и оштукатуренные внутри стенки. Он, вероятнее всего, принадлежит к группе расписных позднебоспорских склепов и связан с античным поселением у подножья Темир-Горы[46]. С этим же временем связана находка в юго-восточной части курганной насыпи двух монет Савромата II.

Особый интерес представляют впускные погребения с трупосожжениями № 82 и 83. Обращают на себя внимание размеры площади, занимаемой трупосожжением № 83. По сообщению А. Е. Люценко, она составляла 12 кв. сажен, т. е. около 53 $м^2$. Несомненно, что здесь было большое кострище, возможно, даже деревянная гробница, обложенная сверху дополнительно бревнами и стволами деревьев, как, например, это наблюдается в некоторых больших скифских трупосожжениях Кировоградщины[47].

Значительная часть вещей этого погребения пропала в огне кострища бесследно, а многие золотые вещи расплавились. П. И. Хицунов упоминает 28 обломков золотых предметов и 17 слитков золота. Все же по сохранившимся вещам (к сожалению, место их хранения пока неизвестно) можно составить довольно определенное представление о богатстве погребения и его времени. Остатки ожерелья с желудевидными подвесками, золотые кольца с античными геммами — все это напоминает погребения богатых скифянок в боспорских некрополях — Нимфей[48], Три Брата[49]. Часть из найденных при сожжении предметов — нашивная бляшка с головой Медузы, фигурки бегущих львов — довольно определенно указывает на дату погребения — IV в. до н. э. Это же подтверждается и находками греческой краснофигурной керамики — крышкой леканы и обломками кратера.

О втором трупосожжении (№ 82) почти ничего не известно. Детали обряда трупосожжения в могильной яме позволяют нам сближать его с предыдущим погребением и предположительно относить к IV в. до н. э. Найденные на месте сожжения бронзовые и железные гвозди свидетельствуют, что здесь существовала какая-то деревянная конструкция, уничтоженная огнем. Наличие среди находок оружия (мечей и копий), а также костей лошади (возможно, остатков захоронения боевого коня) позволяет считать это трупосожжение скорее всего захоронением скифского воина.

---

[45] Э. В. Яковенко. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. Сб. «Древности Восточного Крыма». Київ, 1970.

[46] В. Ф. Гайдукевич. Укрепление villa rustica на Темир-Горе. СА, VII, 1941.

[47] Н. М. Бокий. Охранные работы в Кировоградской области. АИУ, I, Киев, 1967, стр. 112.

[48] Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, 69, 1959, рис. 24, 38.

[49] Д. С. Кирилин. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968. стр. 186, рис. 7.

Оба погребения (№ 82 и 83) близки по обряду к трупосожжению богатого воина из Ак-Бурунского кургана (раскопки 1875 г.), параллели которому до последнего времени не были известны.

Мнения об обряде этого погребения различны. Его называют и скифским [50], и сарматским [51], и греческим [52]. Больше всего возражений вызывает последнее определение, так как греческий обряд кремации на Боспоре имеет свою специфику, в частности обязательно присутствие сосудов-пеплохранилищ [53]. Этому противоречит обряд, зафиксированный как в Ак-Бурунском кургане, так и в трупосожжениях на Темир-Горе.

Теперь, когда скифская принадлежность трупосожжений в Ак-Бурунском кургане и на Темир-Горе представляется вполне вероятной, можно говорить о существовании обряда трупосожжения в погребальном ритуале эллинизованных боспорских скифов. Оно существовало наряду с захоронениями в грунтовых и каменных гробницах и совершалось в ямах с деревянными конструкциями. В этой связи интересно вспомнить, что в Ак-Бурунском кургане на дне погребения с трупосожжением были прослежены остатки обгоревшего дерева [54].

Обряд трупосожжения у скифов был довольно широко распространен в VI—V вв. до н. э., что засвидетельствовано в Костромском, Медеровском, Литом курганах и т. д. Позже, в IV—III вв. до н. э., этот ритуал не встречается, скорее всего он был вытеснен ингумацией.

Обряд трупосожжения у скифов Восточного Крыма в IV в. до н. э. можно связать с сильным влиянием греков, в среде которых кремация была распространена широко во все периоды существования Боспорской державы. Следовательно, скифы могли заимствовать у греков основную идею обряда, сохранив при этом свои погребальные традиции.

Приведенный выше анализ и реконструкция погребальных сооружений кургана на Темир-Горе позволяют рассматривать его как один из интереснейших памятников степной Скифии.

E. V. Yakovénko

LE KOURGANE SUR LA TÉMIR — GORA

Résumé

En 1869—1871, à nord-est de la ville de Kertch, sur l'arête d'un rocher dite Témir-Gora un grand tumulus fut fouillé. Les circonstances de fouilles sont restées presqu'inconnues jusqu'à nos jours. L'étude du Journal des fouilles établi par P. I. Khitsounov et A. E. Lioutsénko permit de supposer la reconstitution des constructions funéraires sur la Témir-Gora et d'en faire l'analyse. On mit en évidence que des huit sépultures les sept appartiennent plutôt aux Scythes. Un intérêt particulier est suscité par une sépulture principale du kourgane dont la rite funéraire est retablie pour la première fois selon le Journal des fouilles. A l'article est adjointe une nouvelle interprétation des trouvailles déjà connues livrées par ce tumulus: on incline à tenir tous les objets en os et l'agrafe en bronze plaquée d'or pour les vestiges d'un jeu de carquois.

Outre une sépulture principale on mentionne quatre caveaux en pierre et deux incinérations de morts. Quant à ces dernières l'auteur en donne l'analyse plus détaillée en dressant les parallèles avec une incinération connue d'un combattant, découverte dans le kourgane d'Ak — Bouroune en 1875. On suppose que la rite de crémation fût habituelle chez les Scythes nobles héllénisés du Bosphore, ce qui fut lié avec l'influence des cérémonies funéraires grecques.

---

[50] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 388.

[51] Г. А. Цветаева. Сокровища причерноморских курганов. М., 1969, стр. 52.

[52] Сокровища скифских курганов. Текст М. И. Артамонова. Прага — Ленинград, 1966, стр. 66.

[53] Г. А. Цветаева. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. МИА, 19, 1951, стр. 65, 66.

[54] ОАК за 1875 г., стр. 5 сл.

Б. Н. МОЗОЛЕВСКИЙ

КУРГАН ТОЛСТАЯ МОГИЛА БЛИЗ г. ОРДЖОНИКИДЗЕ НА УКРАИНЕ

(предварительная публикация)

Среди памятников степной Скифии особое место принадлежит погребениям скифской знати, так называемым царским курганам.

В дореволюционное время в украинской степи было раскопано свыше 20 таких курганов. Среди них Александрополь, Чертомлык, Солоха, Краснокутский, Геремесов, Башмачка, Деев, Чмырева Могила, Большая Цимбалка, Козел, Огуз, Малая Лепетиха, Верхний Рогачик, Лемешев, Шульговка, Мордвиновский, Томаковские Могилы и некоторые другие [1].

К сожалению, ни один из них не может быть сколько-нибудь надежным и полным источником для изучения истории скифского общества, так как методика их раскопок оставляет желать много и много лучшего. Достаточно сказать, что, за исключением Александропольского кургана, ни один из указанных памятников не был раскопан полностью, и поэтому ни в одном случае мы не имеем уверенности, все ли объекты, находящиеся под ними, выявлены и исследованы. Но даже те объекты, которые были открыты в царских курганах дореволюционными раскопщиками и исследованы более или менее сносно, не могут быть доступны в полной мере из-за отсутствия научной документации. Не говорю уже о том, что многие замечательные могилы в раскопанных до революции курганах были открыты после окончания исследования крестьянами и судьба их для науки в высшей степени печальна.

Учитывая все эти оговорки, можно понять, почему такой большой интерес ученого мира вызывает каждый вновь исследуемый скифский курган типа царских. Первый из них в новейшее время был исследован А. И. Тереножкиным в г. Мелитополе (1954 г.) [2], второй — под руководством В. И. Бидзили у с. Балки Запорожской области (Гайманова Могила, 1969—1970 гг.) [3]. Два других кургана этого типа (Страшная Могила, раскопки А. И. Тереножкина 1965 г., и Второй Мордвиновский курган, раскопки А. М. Лескова 1969 г. [4]), к сожалению, оказались почти полностью разграбленными.

Весной — летом 1971 г. Орджоникидзевская экспедиция Института археологии АН УССР провела охранные исследования большого скифского

---

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пг., 1925, стр. 404 сл.; Сокровища скифских курганов. В собрании Гос. Эрмитажа. Текст М. И. Артамонова. Прага — Л., 1966, стр. 28 сл., библиография на стр. 89 сл.

[2] А. И. Тереножкин. Скифский курган в г. Мелитополе. КСИА АН УССР, вып. 5. Киев, 1955, стр. 23 сл.; Е. Ф. Покровская. Мелитопольский скифский курган, ВДИ, 1955, 2, стр. 191 сл.

[3] В. І. Бідзіля. Дослідження Гайманової Могили. «Археологія», 1. Киев, 1971, стр. 44 сл.

[4] Научный архив ИА АН УССР.

кургана Толстая Могила, стоявшего на окраине г. Орджоникидзе Днепропетровской области[5]. Приступая к его раскопкам, мы поставили задачу максимально полного исследования памятника, полагая, что второстепенных деталей в нем не может быть.

Материалы, полученные при исследовании кургана, чрезвычайно обширны и весомы. Обработка и изучение их потребуют еще много напряженной работы. До ее же окончания было бы преждевременным делать какие-либо выводы и обобщения. Однако, учитывая большой интерес к памятнику, мы решили в настоящей работе дать предварительную научную его публикацию.

Толстая Могила входила в большую курганную группу, насчитывавшую свыше 20 насыпей различной высоты, растянувшихся более или менее прерывистой цепочкой с юга на север на расстояние около 2 *км*. Толстая Могила была самой северной из них. В группу входили как скифские курганы, так и курганы эпохи бронзы. Значительная часть их была бесследно уничтожена свыше 20 лет назад при строительстве. Четыре скифских кургана, находившихся на южной оконечности группы, были раскопаны А. И. Тереножкиным в 1964 г.[6]. Все они датируются IV—III вв. до н. э.

К ближайшему окружению Толстой Могилы относятся расположенные в 2 *км* на север от нее уже упомянутая Страшная Могила и курганная группа, в состав которой входит еще не исследованный скифский курган высотой 6 *м*, занятый современным кладбищем. В 5—6 *км* на северо-восток находится исследованная автором в 1970 г. Хомина Могила[7], а в 10 *км* почти на восток — Чертомлык. Такое богатое окружение вызывало к Толстой Могиле очень большой интерес. Она стояла на самой высокой точке возвышенности, ограниченной Крутенькой и Свинаревской балками, между селами Крутенькое на востоке и Богдановка на западе.

Курган очень пострадал от строительства. Современные постройки, почти вплотную примыкающие к нему, очень осложнили исследование такого большого памятника, состоявшего из 15 000 $м^3$ грунта.

Насыпь кургана снималась с помощью бульдозера и скреперов. Сначала была снесена западная ее половина с зачисткой на всю высоту стенки разреза по линии Ю — С, затем восточная с зачисткой нижней части разреза, проходящего в 3 *м* от первого точно через центр кургана.

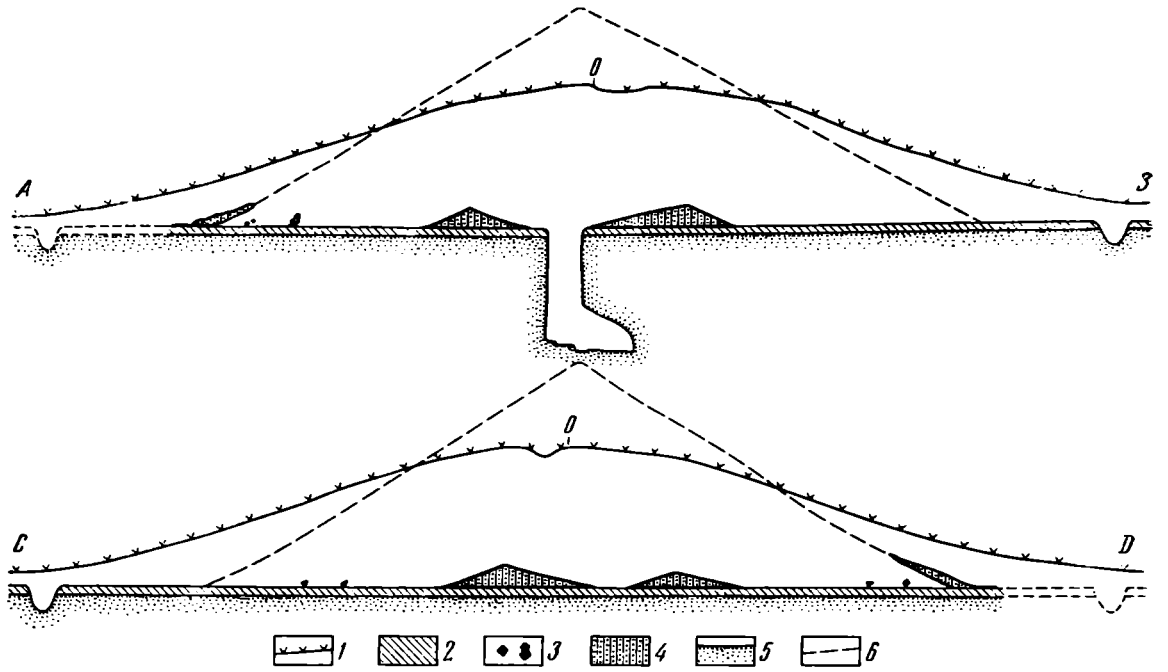
Высота насыпи составляла 8,6 *м* при диаметре около 70 *м*. Курган был насыпан из тучного чернозема, в котором лишь изредка встречались отдельные небольшие камни, мелкие обломки амфор и костей животных. Вокруг насыпи тянулся кольцевой ров, имевший перемычку в северо-восточном секторе. В связи с застройкой околокурганной поверхности удалось раскопать только северо-восточную половину рва. Контуры его неправильные, извилистые. Ширина на уровне древней поверхности меняется в пределах 1,5—2,5 *м*, глубина от этого же уровня (все замеры

---

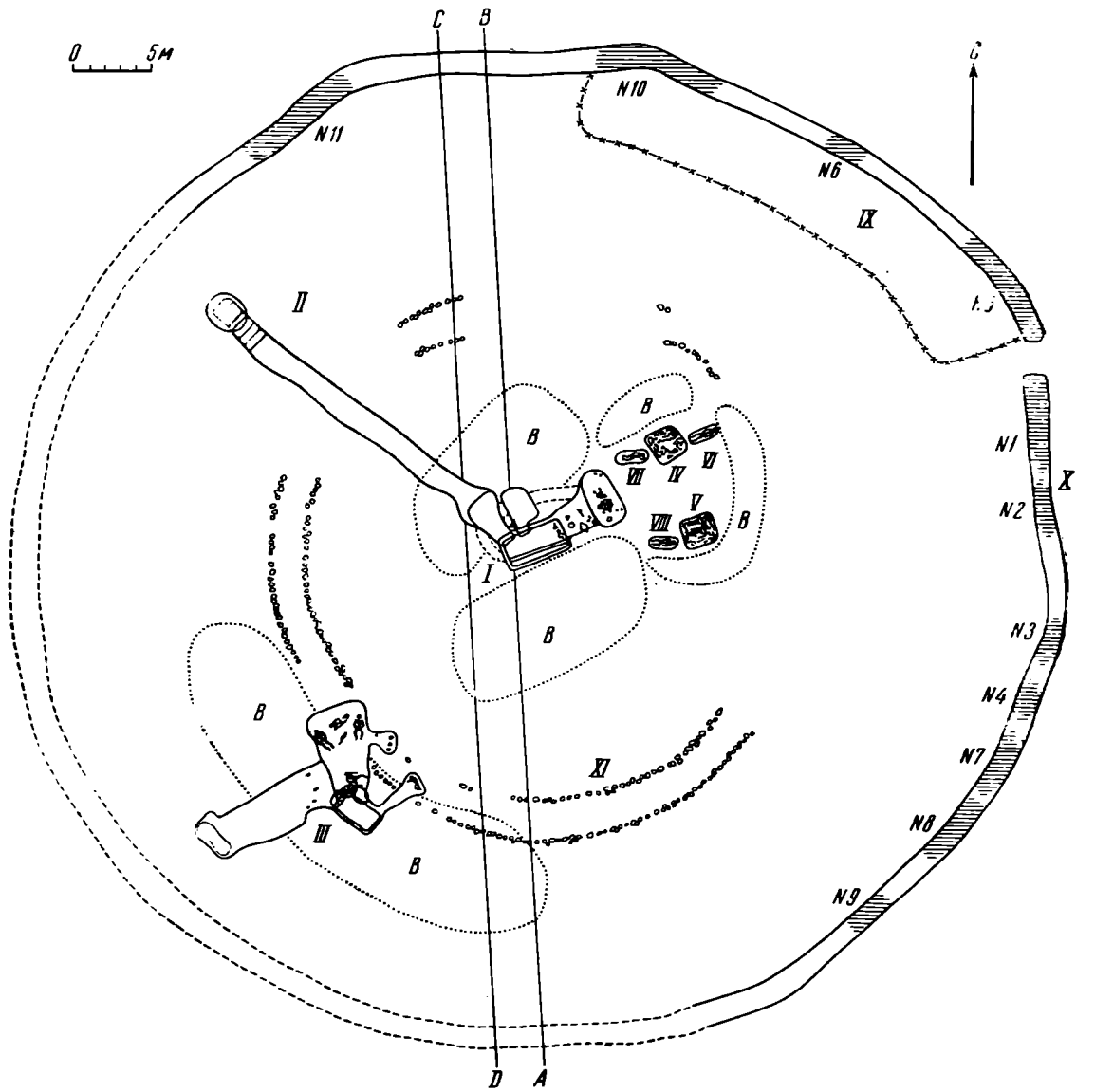
[5] В работе экспедиции, возглавляемой автором, приняли участие Е. В. Черненко (заместитель начальника), Н. П. Зарайская, Г. Л. Евдокимов, А. Н. Загребельный (лаборанты), Г. С. Ковпаненко (чертежник). Сложные подземные работы в кургане осуществила бригада шахтеров Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината в составе В. А. Степанова (горный мастер), Д. Я. Бондаренко, И. Я. Косенко, И. И. Кухтий (проходчики-крепильщики). Исследования проводились на средства и при непосредственном участии Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината (директор Г. Л. Середа). Большую помощь в исследовании памятника экспедиции оказали партийные и советские органы и общественные организации г. Орджоникидзе (секретари горкома КПСС Ю. Д. Крушинский, Е. П. Лебедько, председатель горисполкома А. И. Баранов, председатель Общества по охране памятников Н. А. Занудько). Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность всем лицам, принявшим участие в работе экспедиции или содействовавшим ей.

[6] Научный архив ИА АН УССР.

[7] Научный архив ИА АН УССР.



A
O
3
C
O
D
1
2
3
4
5
6



0 5м
C
B
N10
N11
N6
IX
II
B
B
VII
IV
VI
V
VIII
B
I
B
B
XI
III
B
N1
X
N2
N3
N4
N7
N8
N9
D
A

в дальнейшем — от него) составляет 1—1,5 *м*. Попутно отметим, что ров вокруг царского скифского кургана раскапывался впервые, поэтому материалы его исследования представляют очень большой интерес.

По обе стороны от перемычки в черноземном замыве раскопанной половины рва встретилось 11 больших скоплений амфорного боя и костей, главным образом черепов животных, залегавших на всю глубину рва, но имевших особенную мощность в верхних 0,6 *м* (рис. 1). В промежутках между скоплениями прослеживались только отдельные обломки. Животные представлены костями коня, дикого кабана и лося (определения предварительные). Среди них найдены три метательных камня для пращи.

На север от перемычки с внутренней стороны рва на подкурганной поверхности обнаружена площадка, на которой совершалась тризна, почти сплошь устеленная обломками амфор. Ширина ее около 6 *м*, длина свыше 20 *м*. На самом краю площадки над рвом выявлено 13 амфорных ножек, закопанных в грунт. Следует отметить, что среди огромного амфорного материала из рва и площадки не встретилось ни одного клейма. Вблизи площадки, а также в юго-западном секторе на подкурганной поверхности найдены железные удила с большими С-видными псалиями и пряжками в виде круга и треугольника во внешних петлях.

Под курганом открыты две грунтовые гробницы в виде катакомб: центральная и боковая. Первую из них сопровождали две конские могилы с тремя погребениями «конюхов» возле них.

Могилы коней и «конюхов». Конские гробницы были устроены в 7 *м* на ВСВ по обе стороны от продолжения длинной оси центральной могилы, выходящей прямо на перерыв во рву. Расстояние между ними 4,2 *м*. К северной из них (№ 1) с востока и запада примыкали могилы «конюхов» № 1 и 2, а к южной (№ 2) — могила «конюха» № 3 (с запада). С тех сторон, кроме западной, могилы были окружены подковой общего глиняного выкида, имевшего небольшую перемычку напротив перемычки во рву, около могилы «конюха» № 1.

Все три «конюха» были погребены в небольших овальных ямах размерами около 2 × 0,8 *м* и глубиной 0,5—0,8 *м*, длинные оси которых так или иначе несколько отклонены от длинной оси входной ямы центральной гробницы. Костяки были ориентированы к центральной могиле ногами. «Конюхи» № 1 и 3 лежали в вытянутом положении на спине с прямыми руками и ногами, «конюх» № 2, мальчик лет 10,— на левом боку в позе бегуна (рис. 2 и 3). Погребальный инвентарь обнаружен только с «конюхом» № 3. На шее у него была золотая проволочная гривна с заходящими друг за друга концами, на запястье правой руки — железный браслет, у левого бедра — колчанный набор наконечников стрел (бронзовых и костяных) и два оригинальных железных ножа с костяными рукоятями.

Обе конские могилы устроены по одному принципу. Это подквадратные в плане ямы с очень неровными сторонами и закругленными углами размерами около 2,2 × 2,2 *м*. Стены слегка скошены внутрь и испещрены следами тесловидных и обуховидных орудий. Посредине ямы идет перемычка высотой до 0,15 *м* и шириной в северной могиле (по дну) 0,6 *м*, а в южной до 1,1 *м*. Таким образом, ямы как бы разделены на два отделения. Глубина северной могилы 1,35 *м*, южной — 1,66—1,77 *м*. В верхней части засыпки ям прослеживались следы истлевшего деревянного перекры-

---

Рис. 1. Общий план и разрезы кургана

Разрезы кургана: *1* — дерновой слой; *2* — погребенный чернозем; *3* — камни кромлеха; *4* — глиняный выкид из могил; *5* — материк; *6* — реконструкция первичной насыпи кургана. План кургана: I — центральная гробница; II — грабительский ход; III — боковая гробница; IV — конская гробница № 1 (северная); V — конская гробница № 2 (южная); VI — могила конюха № 1; VII — могила конюха № 2; VIII — могила конюха № 3; IX — площадка со следами тризны; X — ров (заштрихованные участки под номерами — скопления костей животных и амфорного боя); XI — кромлех; В — выкиды из могил

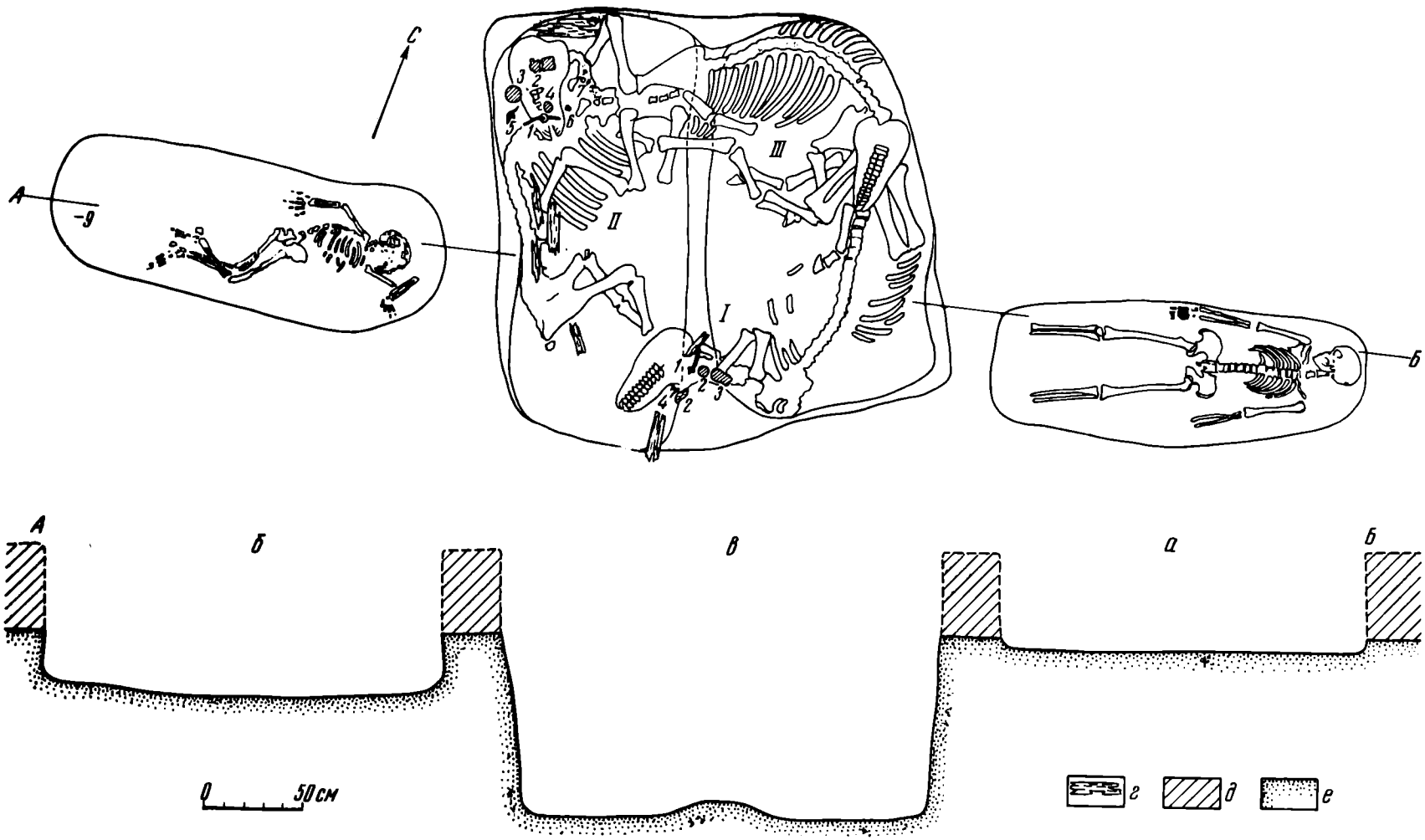


Рис. 2. Общий план и разрез северной конской гробницы и могил конюхов № 1 и 2

а — могила конюха № 1; *б* — могила конюха № 2; *в* — северная конская гробница: I — конь № 1 (*1* — удила и псалии; *2* — круглые бляхи; *3* — нащечник; *4* — наносник); II — конь № 2 (*1* — удила и левый псалий; *2* — левый нащечник; *3* — круглая большая бляха; *4* — круглая малая бляха; *5* — наносник; *6* — бронзовый колокольчик нагрудного убора; *7* — железное кольцо); III — конь № 3; *г* — дерево; *д* — погребенный чернозем; *е* — материк

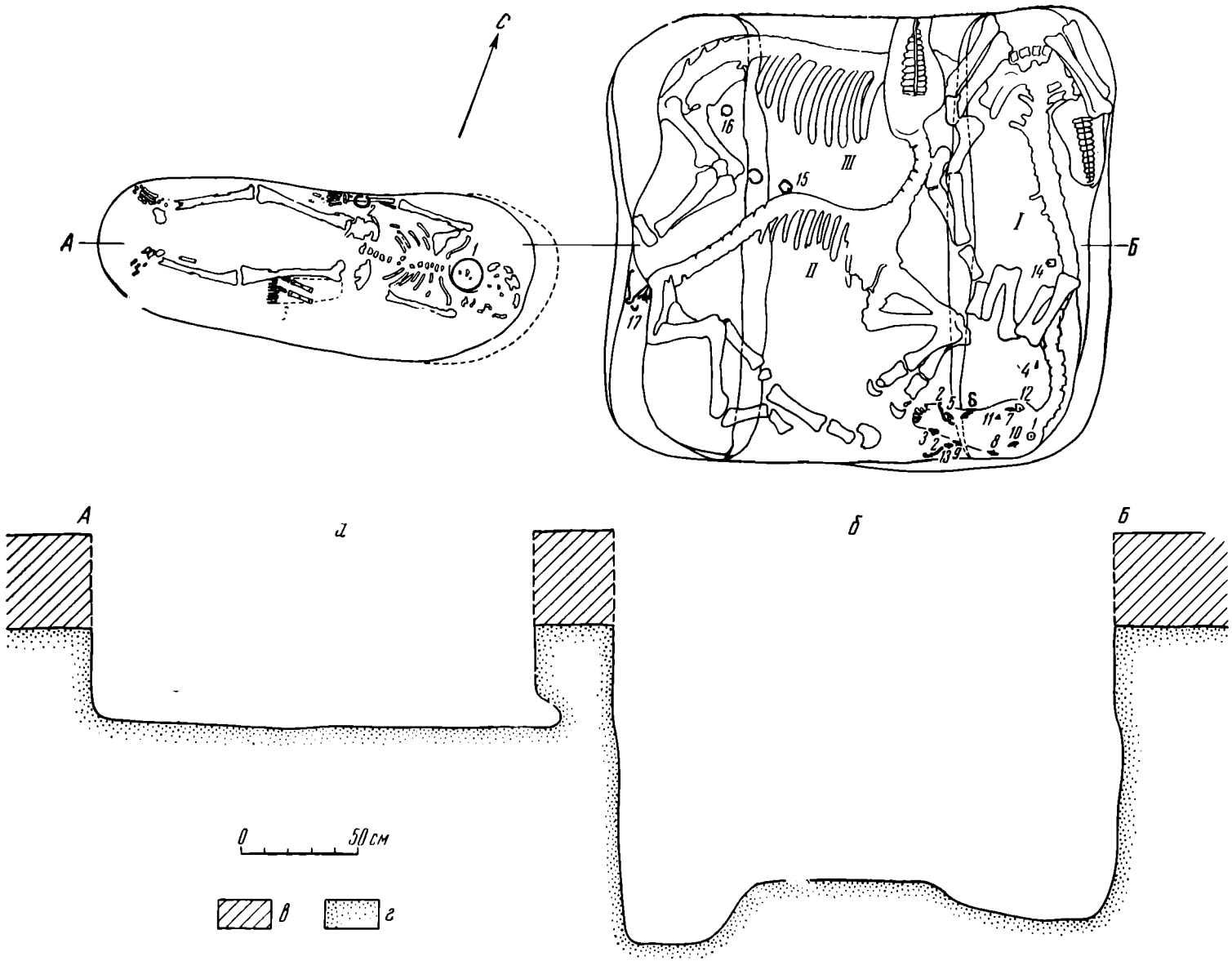


Рис. 3 Общий план и разрез южной конской гробницы и могилы конюха № 3

а — могила конюха № 3 (*1* — гривна; *2* — браслет; *3* — остатки колчана и ножи); *б* — южная конская гробница (I — конь № 1: *1* — ворварка левая; *2* — удила и псалии; *3* — наносник; *4* — наконечник стрелы; *5* — правая нижняя малая бляха; *6* — правая нижняя большая бляха; *7* — правая верхняя большая бляха; *8* — левая верхняя большая бляха; *9* — левая нижняя большая бляха; *10* — левый нащечник; *11* — ворварка правая; *12* — правый нащечник; *13* — левая нижняя малая бляха; *14* — подпружная пряжка; II — конь № 2: *15* — подпружная пряжка; *17* — уздечные наборы № 2 и 3; III — конь № 3: *16* — подпружная пряжка) *в* — погребенный чернозем; *г* — материк

тия в виде продольных (с запада на восток) плах. Местами встречалась также камка.

В обеих могилах лежало по три конских костяка. Кони были брошены в ямы очень небрежно, но в расположении их удается проследить и некоторую закономерность.

Конская могила № 1 (северная, рис. 2). Конь I отгораживал восточный угол могилы. Скелет лежал на животе, ноги подогнуты, шея покоилась на перемычке, голова свисала за нее и была повернута таким образом, что подбородок упирался в южную стену могилы. Рядом с черепом коня и частично на нем найдены металлические части узды. Железные удила с шипами для строгого управления лежали растянуто на дне могилы. В крайние их петли были вставлены большие С-видные псалии и удила, состоящие из круга и треугольника пряжки. Удила всех остальных коней тождественны, поэтому в дальнейшем описываться не будут. Справа от удил коня I найдены три серебряные круглые бляхи с петлями и серебряная же ворварка, ниже их — серебряный наносник в виде протомы ушастого зверя с закрученным клювом. Под удилами лежал нащечник с прочерченным орнаментом и еще одна круглая бляха, а на черепе коня сверху — второй нащечник и круглая бляха. Таким образом, уздечный набор состоял из наносника, двух нащечников, пяти круглых блях и ворварки. Шестая круглая бляха, очевидно, была потеряна еще до погребения.

Скелет коня II находился у западной стенки могилы. Конь лежал на левом боку. Задние ноги слегка подогнуты, передние находились под конем. Голова его была свернута набок и лежала на шее, лобной частью к западной стенке могилы. Во рту коня находились железные удила с псалиями. Узда была надета на коня. Как и в предыдущей узде, все ее украшения серебряные. На черепе сразу около удил лежала распавшаяся бляха с петлей, выше удлиненный нащечник с двумя петлями, имеющий на лицевой стороне прочерченный орнамент, ниже лба — более крупная круглая бляха. Рядом с ней находился наносник в виде львиноголового грифона с раскрытой пастью. Остальные украшения — малая и две большие круглые бляхи, нащечник и ворварка — найдены под черепом коня. Таким образом, и в этом наборе недостает одной круглой бляхи.

Под грудью коня II лежал бронзовый нагрудный убор, состоявший из двух крупных круглых блях с ровным верхним краем и отверстиями для нашивания в нем, 10 лунниц и девяти колокольчиков. Лунницы и колокольчики подвешивались на железных цепочках, к сожалению совершенно распавшихся.

Рядом с нагрудным убором прослеживались остатки седла — части деревянной луки, местами покрытой кожей, и остатки подпружного ремня, оканчивающегося прямоугольной железной пряжкой. Ширина ремня 2,5 *см*, длина сохранившейся части 15 *см*. На линии подпружного ремня лежала выпуклая бронзовая бляха с петлей, другая такая же найдена несколько западнее от него. На юг от сохранившихся частей на дне могилы прослеживался деревянный тлен от седла.

Конь III лежал вдоль северной стены могилы головой на восток. Задние ноги подогнуты, левая уходит под шею коня II, правая лежит на его боку. Левая передняя нога подогнута под живот, правая согнута, но свисает. Череп коня лежит уже вдоль восточной стенки могилы. Никаких уздечных принадлежностей на коне не было. Предназначавшаяся, очевидно, для него узда выявлена под крупом коня II, южнее его седла. В ее комплект входили железные удила с псалиями и покрытые тонкой золотой фольгой серебряные украшения. Среди них длинный налобник, представляющий собой точную копию налобника из Большой Цымбалки с изображением змееногой богини на нем[8]. К сожалению, серебряная пласти-

[8] Сокровища скифских курганов..., табл. 186.

на налобника, набитая на деревянную основу, почть полностью разложилась. В таком же плохом состоянии находятся и нащечники в виде крыльев, аналогичные цымбальским. Деревянная основа под ними сохранилась почти полностью. Нащечники лежали восточнее и несколько ниже налобника. Ниже находились две бляхи с изображением бородатого мужского лица. Здесь же найдены две ворварки. На некотором расстоянии на север вместе с удилами лежали пара круглых блях с изображением женского лица и пара более мелких с розеткой на лицевой стороне. Последние находились у внешних концов удил. Рядом с ними найдена бронзовая пряжка, аналогичная железным в других комплектах. Примечательно устройство круглых блях. Все они объемны и состоят из бронзовой основы, в ободок которой вправлена серебряная пластина с изображением, лежащая на толстом слое свинцовой пасты. С обратной стороны бляхи имеют бронзовую петлю.

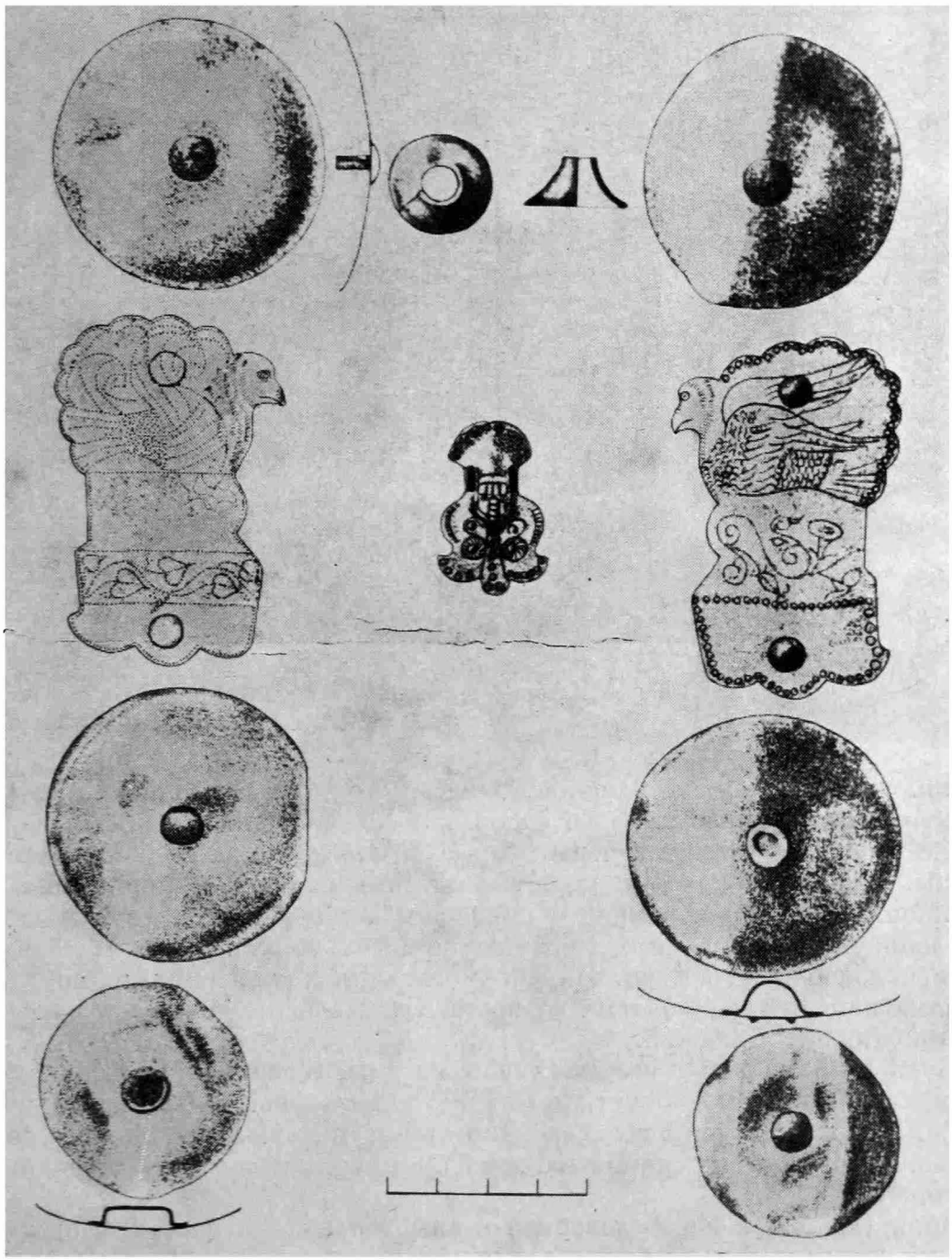


Рис. 4. Южная конская гробница. Уздечный набор коня № 1

Не вызывает сомнения, что бляхи с розеткой прикрывали соединение удил и псалий, бляхи с женским лицом были помещены на перекрещении наносного и нащечных ремней, а с мужским — на перекрещении нащечных с налобным. Таким же образом были помещены на узде и круглые бляхи двух других наборов. Труднее определить местонахождение так называемых нащечников: во всех трех случаях они найдены выше круглых блях, к тому же несколько в стороне.

Конская могила № 2 (южная, рис. 3). Конь I лежал вдоль восточной стенки ямы. Левая задняя нога согнута, правая вытянута вдоль тела. Обе передние конечности согнуты. Голова находится у южной стены и лежит на боку. На шейных позвонках коня найден окисленный бронзовый нако-

Рис. 5. Южная конская гробница. Наносник коня № 1

нечник стрелы. Во рту находились железные удила с псалиями, при черепе — золотые украшения узды, состоящие из наносника в виде львиноголового грифона с раскрытой пастью, двух малых круглых блях, расположенных у внешних колец удил, четырех таких же больших, прикрывавших соединение нащечных ремней с наносным и налобным, и двух удлиненных нащечников, стоявших вертикально ниже верхних круглых блях, на месте подбородных ремней. На дне могилы между верхними круглыми бляхами найдены две золотые ворварки (рис. 4 и 5). Между ребрами лежала подпружная пряжка.

Конь II был брошен по диагонали могилы, головой к северному углу. Все конечности слегка согнуты и свисают вниз, голова резко поднята вверх и лежит перпендикулярно к северной стенке могилы, на передних лопатках коня III. Над его спиной найдена прямоугольная железная подпружная пряжка.

Конь III лежал вдоль северной стены головой на восток, с едва согнутыми ногами. Голова уходила под круп лошади I. В паху находилась круглая бронзовая подпружная пряжка с грибком.

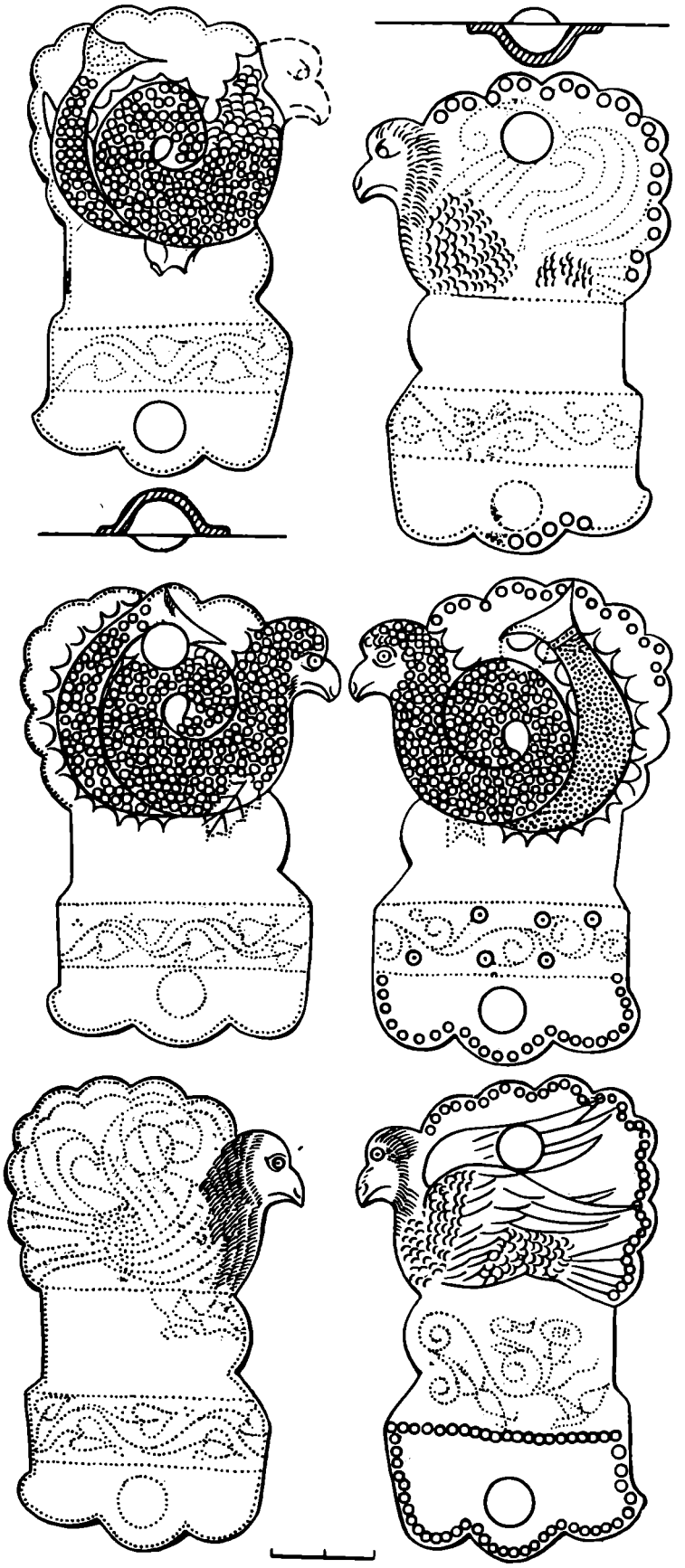
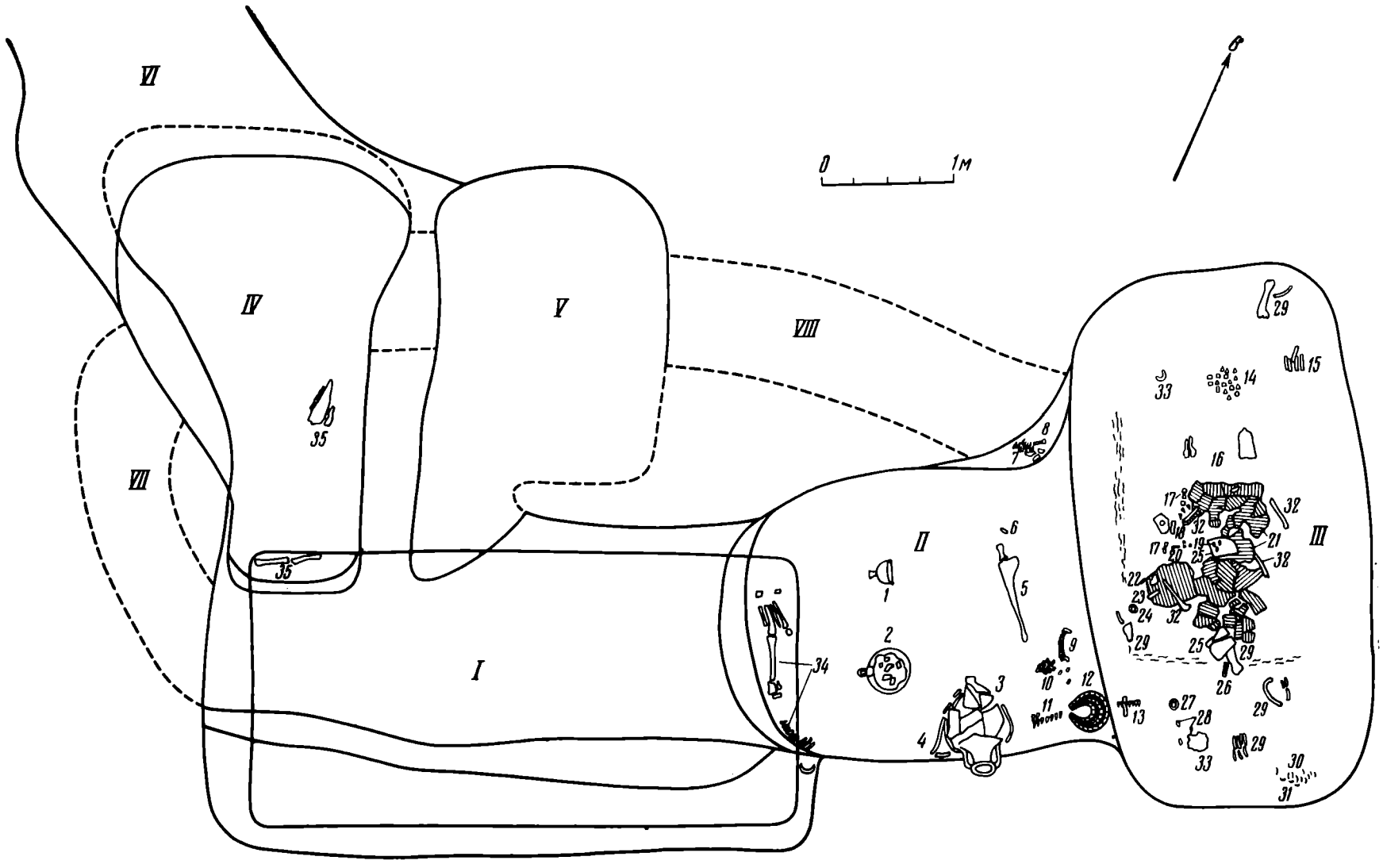


Рис. 6. Южная конская гробница. Нащечники


VI
IV
V
VIII
VII
I
II
III
0
1м
С
35
35
34
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33

Уздечки коней II и III были скручены и брошены у западной стены могилы. Оба комплекта совершенно аналогичны набору узды № 1 и состоят из таких же железных удил и золотых украшений. Наносники одинаковы. Круглые бляхи всех наборов выпуклые, с внешней стороны к ним припаяны серебряные петли, а с лицевой — такие же полые внутри полусферические шишечки. Нащечники имеют по две подобные петли с тыльной стороны и по две шишечки с лицевой. В нижней части нащечников помещен начерченный от руки растительно-геометрический орнамент, в верхней — изображение птицы. Все изображения представляют собой свободную импровизацию на заданную тему. Фигуры некоторых птиц очень реалистичны, другие же имеют только голову птицы с закрученным телом гиппокампа, покрытым чешуей, тело третьих состоит из стилизованного растительного орнамента (рис. 6).

В некоторых случаях сохранились остатки хвостов и грив, а также кожи животных вместе с шерстью. Благодаря этому удалось установить, что кони были гнедыми, с черными гривами и хвостами. Кости скелетов, к сожалению, почти полностью разложились. По их остаткам можно только констатировать, что лошади были довольно старыми.

На глиняном выкиде вдоль конской могилы № 2, на левом боку головой к центральной гробнице, найден костяк седьмой лошади. К сожалению, он был нарушен бульдозером. Его снаряжение состояло из железных удил и псалиев и бронзовой подпружной пряжки с грибком.

Центральная гробница (рис. 7). Входная яма катакомбы находилась под геометрическим центром кургана и по длине была вытянута с ЗЮЗ на ВСВ. Она имела форму прямоугольника размерами по верху 4 × 2 *м*, ко дну же несколько расширялась. На глубине 7,75 *м* вдоль южной ее стены в материке была устроена ступенька с пологой стенкой высотой 0,25 м. Под северную стену колодца шли две смежные ниши, очевидно, хозяйственного назначения, состоящие из узкого входа и расширенной задней части. Обе ниши полностью обрушились после ограбления могилы, стенка между ними прослеживалась только по дну на высоту до 0,15 *м*. Размеры помещений около 2,7 × 2 *м*. У входа, в засыпке и частично на дне западной ниши встречались кости животных, в том числе и окрашенные окислами бронзы,— вероятно, выброшенные грабителями из котла.

Вход в основную погребальную камеру находился в восточной стене входного колодца, ближе к северному его углу. В камеру вел наклонный дромос длиной 2,8 *м*, расширявшийся к склепу (от 1,5 до 2,6 *м*). Склеп имел форму овала размерами 4 × 2,2 *м*, перпендикулярного оси входной ямы — дромоса. Дно камеры находилось на глубине 8,5 *м*. Высоту ее, как и высоту дромоса, вследствие обвалов определить не удалось. Представляется, что она едва ли могла превышать 1,8 *м*.

Могила была ограблена посредством длинного хода, идущего из-под северо-западной полы кургана. В верхней части ход имеет четыре материковые ступеньки, а дальше его дно наклонно опускается к гробнице.

Рис. 7. План центральной гробницы

I — входная яма; II — дромос; III — погребальная камера; IV — западная хозяйственная ниша; V — восточная хозяйственная ниша; VI — основной грабительский ход; VII, VIII — поисковые грабительские ходы. *1* — бронзовый сосуд; *2* — лутерий; *3* — амфора; *4* — железный предмет; *5* — меч; *6* — обломок ножа; *7* — обломки железного пояса и колчанный набор наконечников стрел № 4; *8* — нож с костяной ручкой; *9* — витая золотая лента от бунчука; *10* — золотые бусы; *11* — колчанный набор наконечников стрел № 3; *12* — пектораль; *13* — колчанный набор наконечников стрел № 2; *14* — россыпь золотых бляшек; *15* — подтоки копий и дротиков; *16* — следы поножей; *17* — прорезные золотые бляшки и наконечники стрел из колчанного набора № 1; *18* — костяная рукоятка ножа; *19* — золотая фольга; *20* — бронзовая уховертка; *21* — обломки панциря; *22* — золотая пронизь; *23* — костяная рукоятка ножа; *24* — втулка булавы; *25* — обломки амфор; *26* — обложенная золотом железная полутрубка; *27* — серебряный поддон сосуда; *28* — обломки ручек килика; *29* — кости от жертвенной пищи; *30* — бронзовые пластинки пояса; *31* — россыпь золотых пуговок; *32* — кости скелета основного покойника; *33* — остатки черепа основного покойника; *34* — остатки скелета слуги; *35* — кости животных

Длина хода 22 *м*, ширина — 1,6—1,8 *м*, высота 0,9 *м*. В неразрушенной его части на стенках и потолке были следы тесловидного орудия. По всему ходу на дне встречались кости животных и человека, обломки амфор, а у выхода из него, кроме того, обнаружены золотые нашивные бляшки, обломки чешуйчатого железного доспеха и бронзовые пластинки от боевого пояса.

Ход вышел на западную хозяйственную нишу. Обобрав ее и, возможно, заодно с ней восточное хозяйственное помещение, грабители сделали поисковый ход на запад. Проведя его по дуге, они наткнулись на входную яму со стороны ее западной стенки и таким образом убедились, что погребальная камера здесь отсутствует. Тогда они повели поиски на восток, прорыв мину параллельно северной стенке входной ямы, и точно вышли на угол основной погребальной камеры. Ко времени ограбления свод погребальной камеры и дромоса, очевидно, частично уже обрушился, и грабителям пришлось выбирать ценности из-под обвала. Человеческие кости и кости животных от жертвенной пищи, обломки амфор и железного доспеха в камере встречались на высоте свыше 0,5 *м*, проверить же дромос грабители вообще не посчитали нужным, будучи, вероятно, уверенными в отсутствии там каких-либо ценностей.

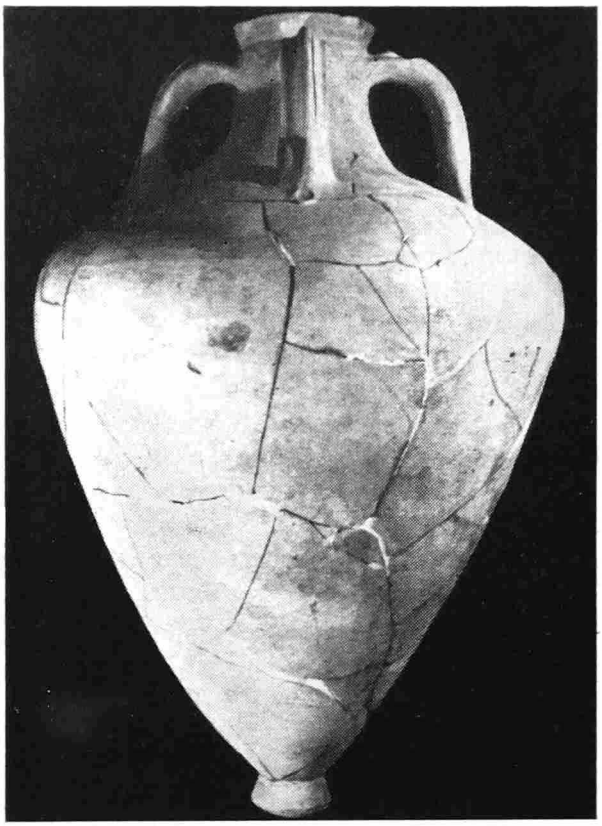


Рис. 8. Центральная гробница. Амфора

После расчистки дна подземелья для нас открылась следующая картина [9].

У входа в подземелье был обнаружен костяк слуги, сохранившийся очень плохо. Нижняя часть костяка лежала в южной части углубления, с которого начинался дромос, верхняя — уже на ступеньке, идущей вдоль южной стены входной ямы, отчего создавалось впечатление, будто слуга был похоронен в сидячем положении. Вещей при скелете не оказалось. Рядом встречались обломки деревянных ступиц.

За костяком слуги посредине дромоса на боку лежал бронзовый сосуд в виде небольшого котла на высокой ножке, но с чашевидной верхней частью, снабженной двумя петельчатыми ручками. Со дна чаши выступал явно обломанный стержень, доходящий почти до верха сосуда. Следы закопченности прослеживаются не только на внешней поверхности чаши, но и на внутренней, примерно с 1—1,5 *см* выше дна. Исходя из этого, мы не исключаем, что сосуд мог служить светильником.

Почти на уровне сосуда у южной стенки дромоса найден бронзовый лутерий, перевернутый вверх дном. Он имел подвижную ручку, прикрепленную с помощью широкой накладки, орнаментированной растительными мотивами. Посредине южной стенки дромоса стояла большая грече-

[9] Расчистка подземелья была осложнена тем, что в нижней его части стояла вода, проникающая сюда, вероятно, вследствие нарушения околокурганной поверхности. Для ее стока в камере пришлось выкопать глубокий колодец.

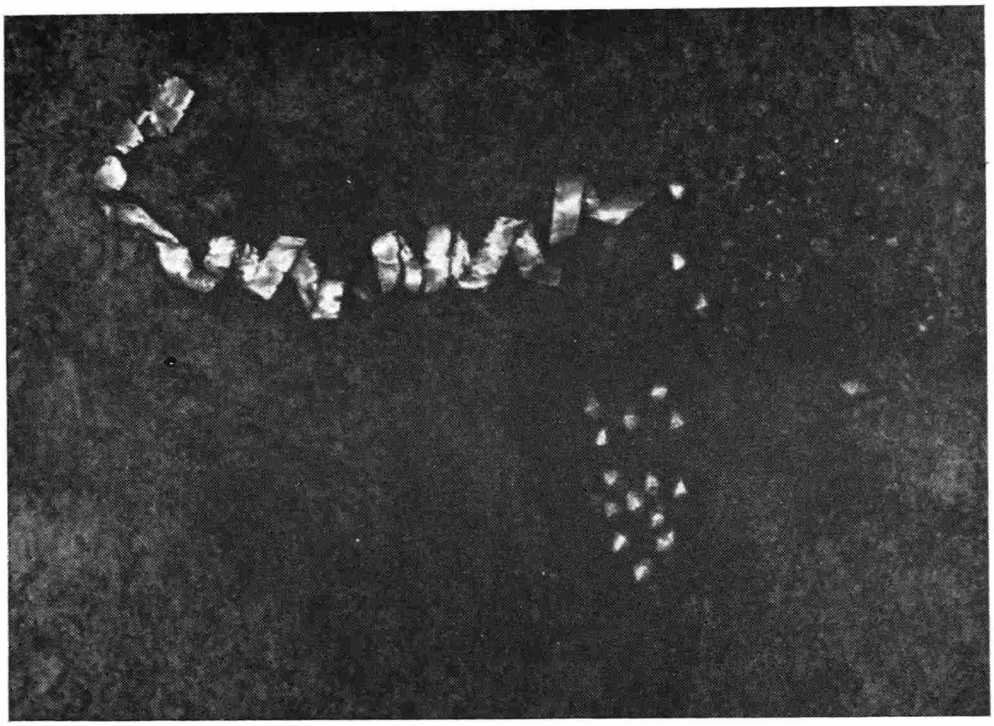


Рис. 9. Центральная гробница. Золотые детали бунчука

ская амфора с тремя ручками, аналогии которой пока что не находятся (рис. 8). Около амфоры лежал железный стержень.

Рядом с амфорой у южной стены дромоса и на этом же уровне у северной лежали два колчанных набора наконечников стрел. Южный набор состоит из бронзовых наконечников, лежавших слоем до 17 *см* ширины остриями к стене. Ближе к дромосу у набора найдено железное лезвие ножа. Северный набор включал бронзовые и костяные конусовидные наконечники, обращенные остриями к погребальной камере, под углом к ее длинной оси. Ширина слоя та же. Верхняя его часть разрушена грабителями (набор находился прямо перед грабительским ходом), нижняя лежит на месте. Во втулках бронзовых наконечников сохранились остатки древков, расписанных красными поясками. Рядом с набором выявлены обломки железного чешуйчатого пояса и костяная рукоятка железного ножа. На дне камеры у набора замечены следы голубой и красной краски от колчана.

На юг от последнего колчанного набора, посредине дромоса, в 30 *см* от погребальной камеры найден меч с обложенной золотом рукоятью и ножнами. Золотая пластина покрытия ножен в верхней части имеет большой выступ с отверстием для подвешивания. Меч лежал этим выступом к камере, острием к югу. Почти на одной линии с мечом выявлена спиральная золотая лента, скорее всего украшавшая деревянную рукоять нагайки (бунчука). Лента состоит из четырех обрывков и вдоль обеих сторон украшена точечным орнаментом. Сразу за южным концом ленты на дне дромоса наблюдалось пятно тлена темного цвета, на котором лежало 18 крупных золотых биконических бусин, находившихся, очевидно, на ремнях бунчука (рис. 9). Южнее их и восточнее южного колчанного набора, в 10 *см* от линии погребальной камеры обнаружена массивная золотая пектораль, вероятно, являвшаяся парадным нагрудным украшением похороненного в могиле лица.

В погребальной камере царил полный хаос. По остаткам погребения на дне камеры установлено, что покойник лежал посредине помещения в вытянутом положении головой на юг. Кости скелета вместе с обломками железного чешуйчатого панциря были перемешаны с засыпкой.

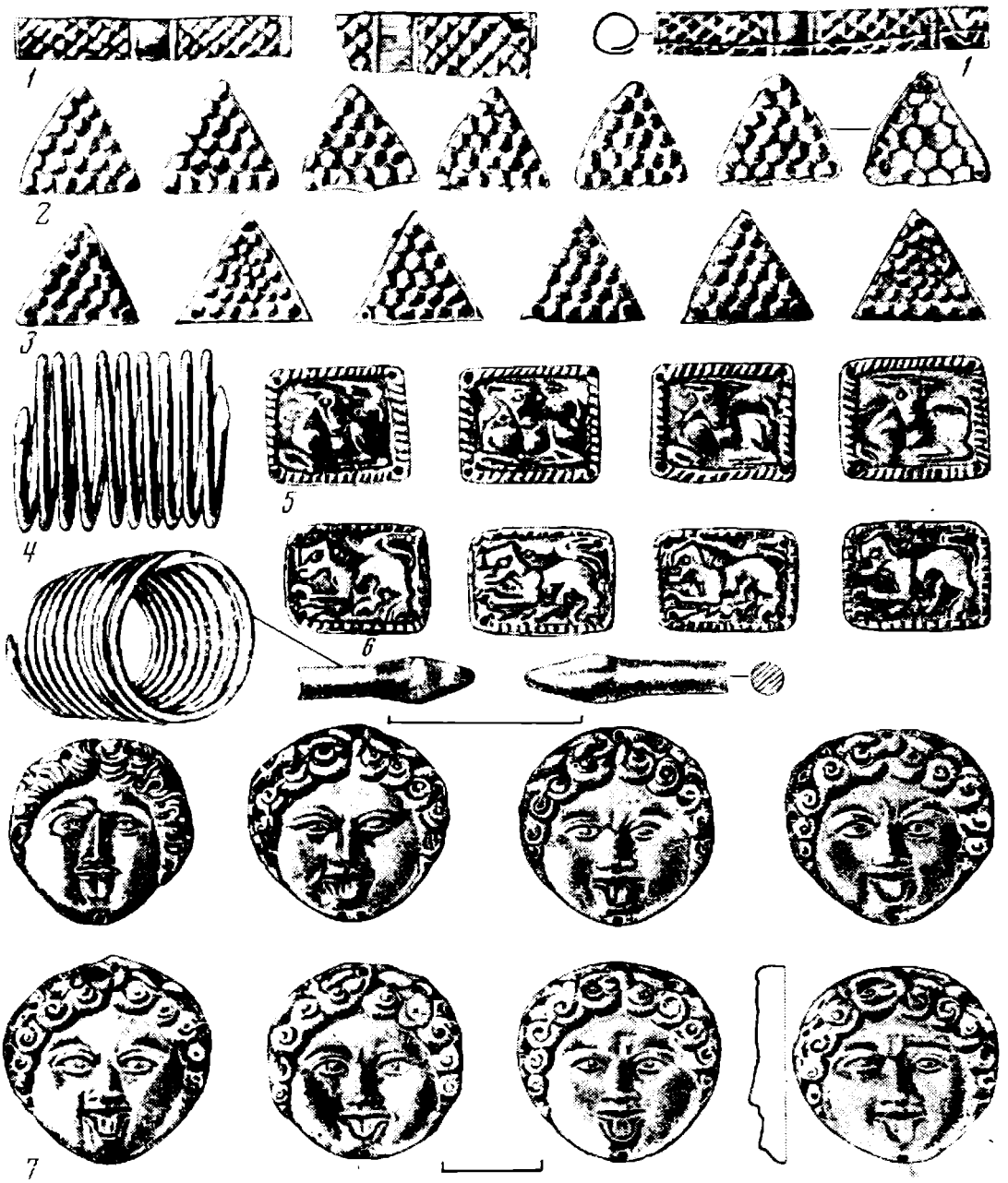


Рис. 10. Центральная гробница. Золотые украшения

Черепная крышка найдена почти у южной стены гробницы, нижняя челюсть — в противоположном ее конце. На дне лежали только крупные кости рук покойника, лишь несколько сдвинутые в стороны, и коленные чашечки. Ниже колен на дне могилы параллельно друг другу шли два пятна разложившихся бронзовых поножей. Длинна следов до 16 *см*, ширина 10 *см*. За поножами ближе к северной стенке гробницы на ее дне и в засыпке выявлена россыпь нашивных золотых бляшек, скорее всего от штанов покойника. Они представлены бляшками с изображением лица Медузы-Горгоны двух типов (8 экз., рис. 10, 7), стилизованного животного, скорее всего льва (6 экз., рис. 10, *6*), лежащего быка с повернутой в фас головой (13 экз., рис. 10,5), треугольниками с псевдозернью и тремя напаянными петлями с обратной стороны (56 экз. рис. 10, 2), такими же треугольниками с тремя отверстиями по углам (14 экз., рис. 10, *3*) [10]. Здесь же, в засыпке, были найдены две золотые накладки ритона, укра-

[10] Перечень составлен с учетом бляшек, найденных в грабительском ходе.

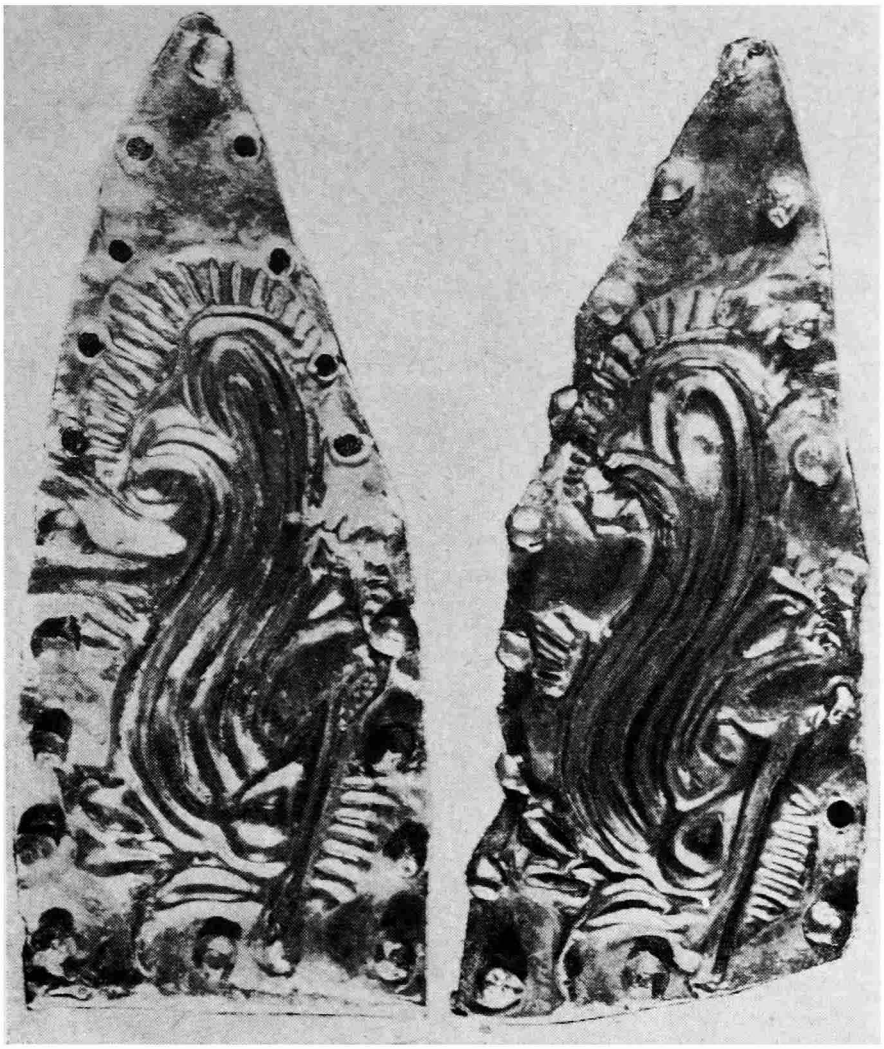


Рис. 11. Центральная гробница. Золотые обкладки ритона

шенные выштампованным изображением стилизованного животного, напоминающего морского конька (рис. 11). Вдоль длинных сторон накладок идет ряд отверстий, во многих из которых сохранились золотые гвозди с большими шляпками и загнутым с обратной стороны острием. Верхний край пластин загнут внутрь. Уникальной находкой, сделанной здесь, является массивный золотой перстень из скрученной спиралью в 10 оборотов проволоки. Концы изделия украшены объемными змеиными головками (рис. 10, *4*).

Надетый на покойника панцирь был полностью разрушен. Наиболее значительные обломки сохранились от спинной части. Панцирь доходил почти до колен покойника, и части его здесь сохранились на месте. В области живота и грудной клетки найдено шесть железных полутрубок, отделанных с внешней стороны тисненым золотым листом. Почти все они прикипели к обломкам панциря. Не исключено, что они служили своеобразными его застежками. Среди обломков выявлен большой кусок панциря дуговидной в разрезе формы, покрытый с внешней стороны тремя полосами кожи. Средняя полоса намного тоньше внешних. На ней вытиснен рельефный орнамент из розеток и прочих элементов растительных мотивов, инкрустированный тонкой золотой фольгой и красной краской, чередующимися между собой. На дне могилы обнаружено много листочков золотой фольги. Среди обломков панциря и костей скелета лежали два больших обломка стенок амфор.

Рядом с местом, где должно было лежать левое бедро погребенного, найдено несколько бронзовых наконечников стрел и прорезных золотых

Рис. 12. Центральная гробница. Ажурные золотые бляхи от горита

бляшек. Три крупные и одна мелкая бляшки выполнены в виде масок, одна передает стилизованное изображение грифона (?) с наклоненной головой и еще одна представляет собой заднюю часть тела льва (рис. 12). За исключением последней, все бляшки рифлены и густо покрыты окислами серебра. В отверстиях некоторых блях, идущих по краю, сохранились небольшие, но острые золотые гвозди с четырехгранными стержнями. Представляется наиболее вероятным, что бляхи были набиты на серебряную основу горита. В этом же районе были выявлены костяная рукоять ножа и обломок бронзовой уховертки.

Слева от скелета обнаружены три крупные золотые пронизи (одна в обломках), орнаментированные мелкими ромбиками (рис. 10, *1*). У левого плеча на обломке панциря лежала еще одна костяная рукоять ножа, а чуть дальше от нее — бронзовое кольцо с деревом внутри, совершенно тождественное насаженному на нижнем конце рукояти булавы из бокового погребения Солохи [11].

Левее места, где должна была находиться голова покойника, и у отброшенного его черепа на дне могилы отмечены следы окислов серебра.

Среди них удалось выявить обломки ручек килика и разрушенный поддон — возможно, еще от одного серебрянного сосуда. Левее этих находок, у самого края камеры, почти рядом с пекторалью, находился четвертый по счету колчанный набор бронзовых наконечников стрел, лежавших полосой до 16 *см* остриями к югу.

В северо-восточном углу склепа найдено несколько подтоков древков копий или дротиков, лежавших вдоль камеры. В противоположном, юго-восточном углу камеры встречались обломки бронзовых пластинок от боевого пояса. При промывке грунта из этой части гробницы собрано свыше 600 золотых полусферических бляшек, снабженных с обратной стороны петлей. Бляшки очень различны по размерам (диаметр от 0,2 до 0,6 *см*).

В засыпке подземелья встречалось много костей животных — остатки жертвенной пищи. На дне камеры, в юго-восточном углу, лежала боль-

---

[11] ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1915, стр. 113, рис. 185.

шая кость и ребра крупного животного, у кольца булавы — лопатка и трубчатые кости мелкого животного, а у отброшенного черепа погребенного — мелкие ребра.

В средней части склепа прослеживался деревянный тлен от настила, на котором лежали останки покойника.

Из вещей, найденных в гробнице, особого внимания заслуживают меч в золотых ножнах и пектораль, представляющие собой высокохудожественные произведения прикладного искусства.

Длина меча вместе с рукоятью и ножнами 68 *см*, длина рукояти 13 *см*, пластины, покрывавшей внешнюю сторону ножен,— 54 *см*. Навершие рукояти почти круглое в плане, перекрестие имеет подтреугольные очертания, почти в точности повторяющие контуры перекрестия меча из Чертомлыка [12]. Меч вырезан монолитом, и пока что можно рассмотреть только одну сторону покрытия рукояти. Оно состоит из сплошной пластины, опускающейся на клинок несколько ниже перекрестия. В средней части под перекрестием клинок имеет продольную прорезь. На навершии помещена фигурка лежащего оленя с ветвистыми рогами, поставленная горизонтально. На самой рукояти края пластины гладкие, посредине вдоль нее отштамповано изображение сцены пожирания львом козла. В средней части перекрестия сидит со скрещенными ногами играющий на свирели Пан. Между его ногами — палка. По обе стороны от Пана лежат козлы. К сожалению, железо рукояти очень сильно коррозировалось и порвало обкладку, однако рисунок на ней просматривается довольно отчетливо.

Оковка ножен меча по форме совершенно тождественна оковке ножен чертомлыцкого

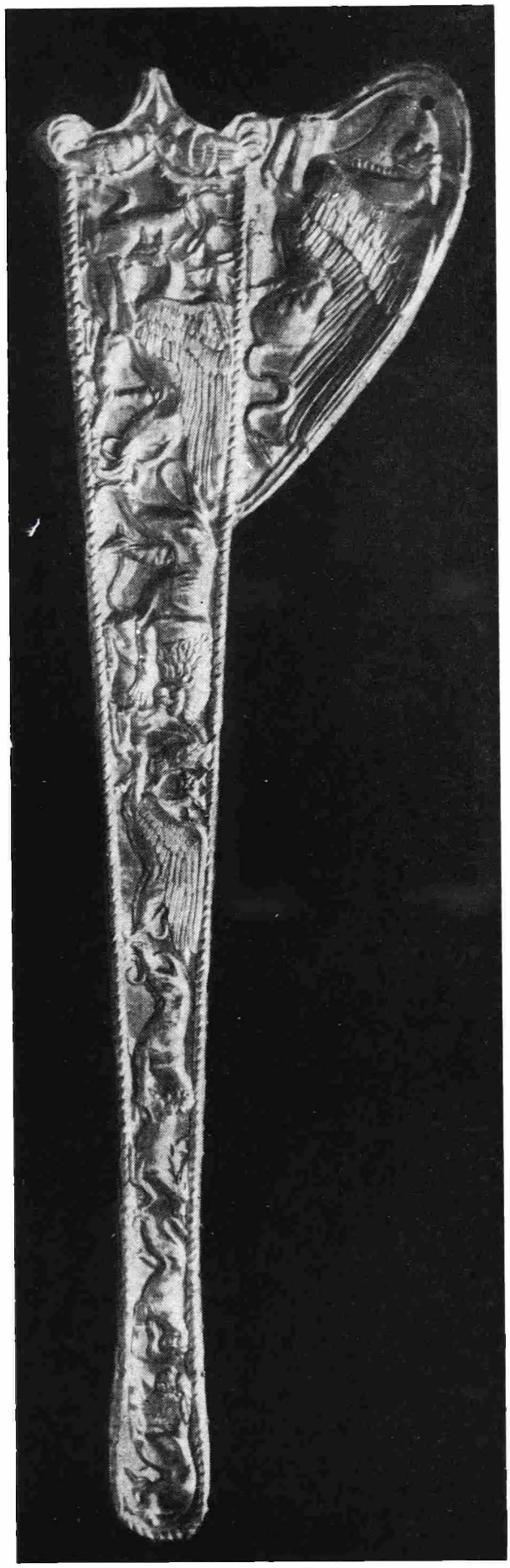


Рис. 13. Центральная гробница. Золотая обивка ножен меча

[12] Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971, табл. II, *а*.

Рис. 18. Фрагмент пекторали

меча [13], однако изображения здесь другие (рис. 13). Под перекрестием в геральдической позе помещены дерущиеся петухи. Ниже идут сцены борьбы животных, поставленные вертикально. Сразу за петухами — раздирающий лежащего оленя грифон. Обе фигуры обращены головами кверху. Ниже головой вниз лежит лошадь, на которую сзади напал лев, а спереди грифон. Следующая группа — напавший на оленя леопард (?) — обращена головами книзу. Заканчивают сюжет встречающиеся в поединке леопард и лев.

На выступе для подвешивания изображен львиноголовый грифон с подогнутыми ногами. Хвост его оканчивается змеиной головой, на ногах острые когти, голову увенчивает загнутый козлиный рог.

Все изображения окаймлены выступающим бортиком в виде перевитой веревки, идущим по краю оковки. Края пластины загнуты и прибиты золотыми гвоздиками к деревянной основе ножен. Между основой и оковкой — слой алебастра, заполняющего вогнутости на пластине на месте изображений.

Образы животных очень реалистичны, картина полна динамики. Только петухи, дерущиеся под перекрестием, кажутся застывшими. Изображения отличаются высокой четкостью вплоть до проработки мельчайших деталей. Стилистически образы очень близки к изображениям животных на уже упомянутой оковке ножен меча из Чертомлыка (грифон) и на верхнем фризе чертомлыцкой вазы (сцены терзания оленя грифонами) [14] — они кажутся выполненными одной рукой.

Гениальным произведением торевтики является золотая пектораль (рис. 14—27). Детальное исследование ее впереди, в настоящей же работе мы ограничимся лишь общим описанием изделия (рис. 15—17).

Вес пекторали 1150 *г*, диамет 30,6 *см*. Каркас ее составляет четыре жгутоподобные трубки, концы которых скреплены в украшенных напаянным растительным орнаментом обоймах. При помощи штифтов к последним прикреплена изящная золотая плетенка, также заправленная с обоих

[13] Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971, табл. II, *а*.
[14] Сокровища скифских курганов..., табл. 169, 170.

Рис. 14. Центральная гробница, Золотая пектораль

Рис. 15. Фрагмент пекторали

Рис. 16. Фрагмент пекторали

Рис. 17. Фрагмент пекторали

Рис. 19. Фрагмент пекторали

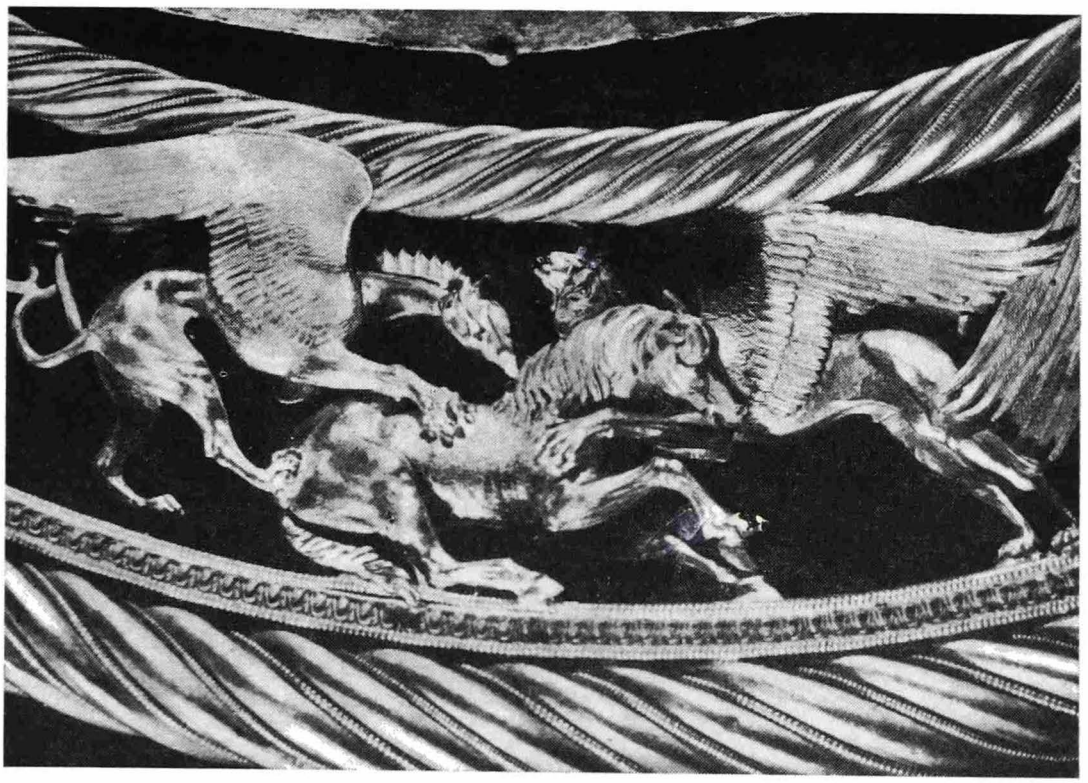


Рис. 20. Фрагмент пекторали

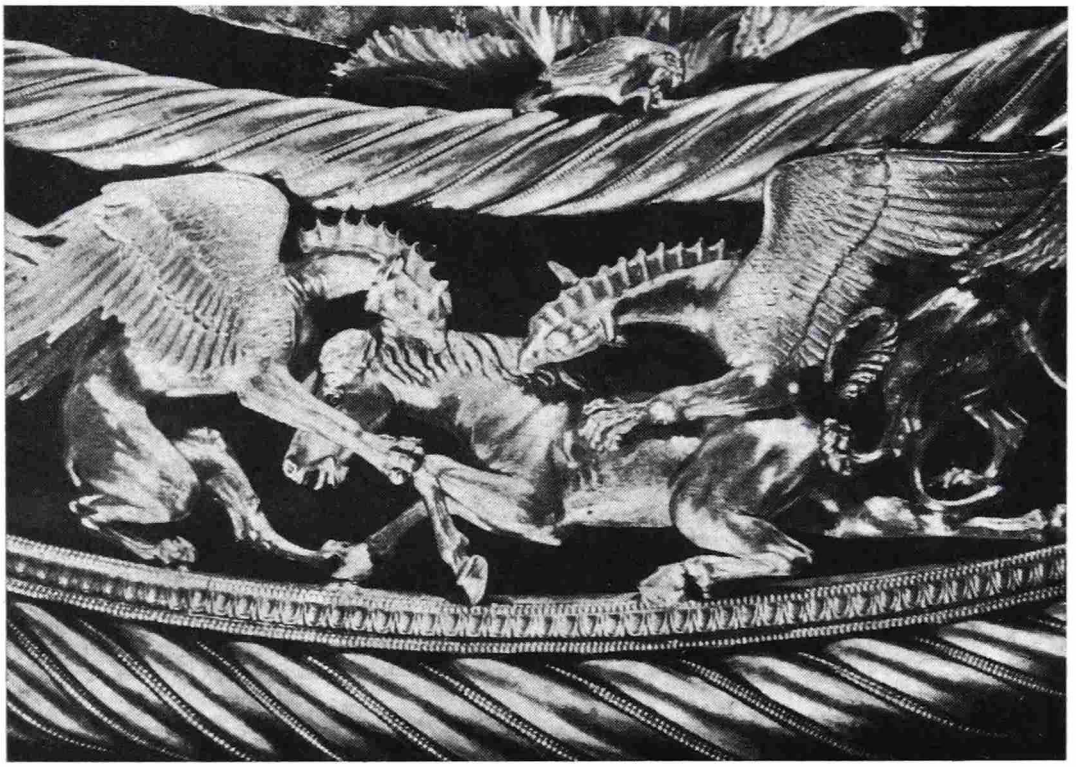


Рис. 21. Фрагмент пекторали

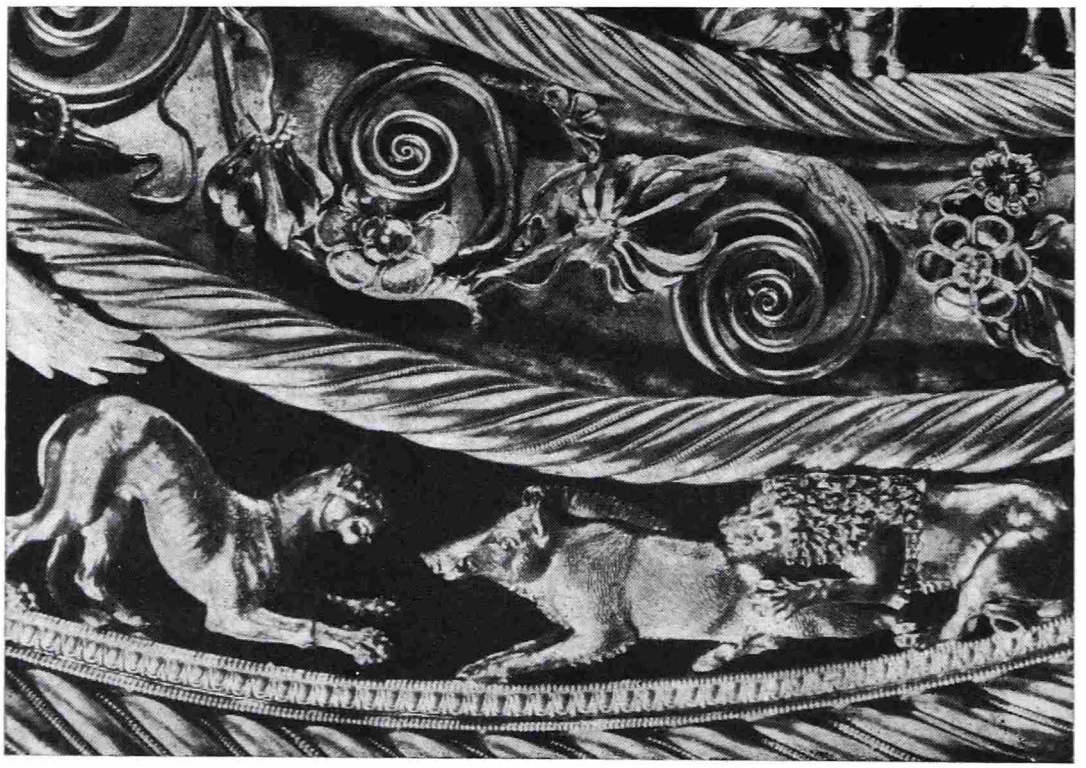


Рис. 22. Фрагмент пекторали

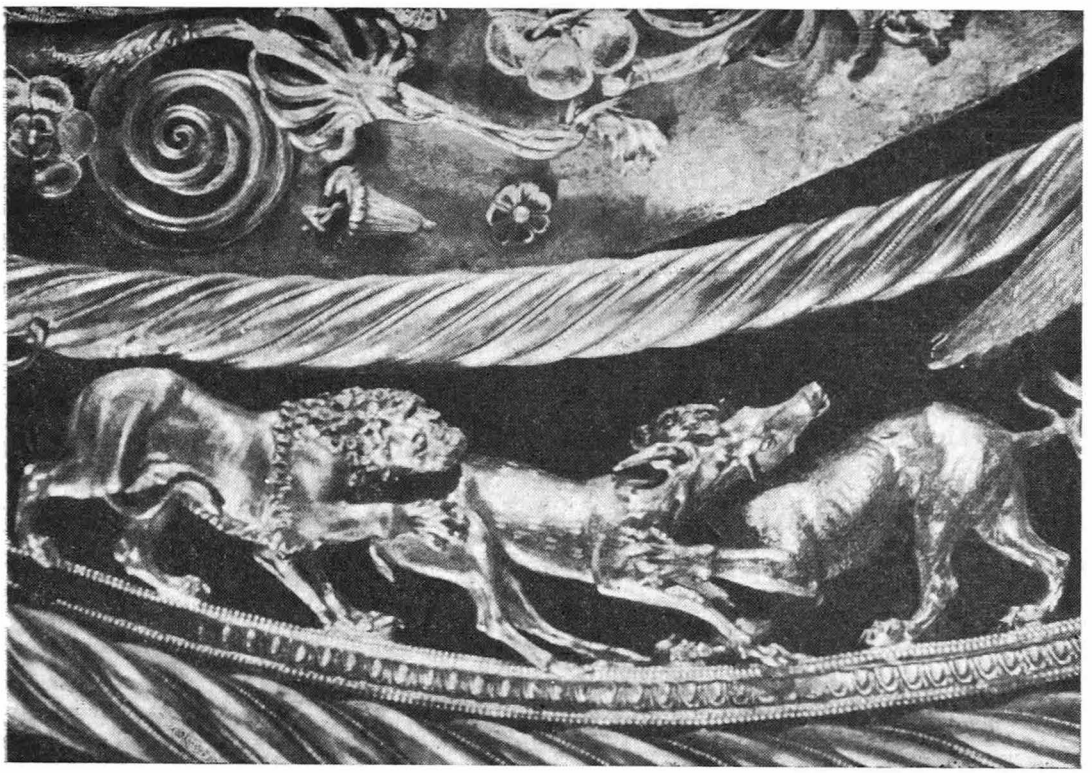


Рис. 23. Фрагмент пектораля

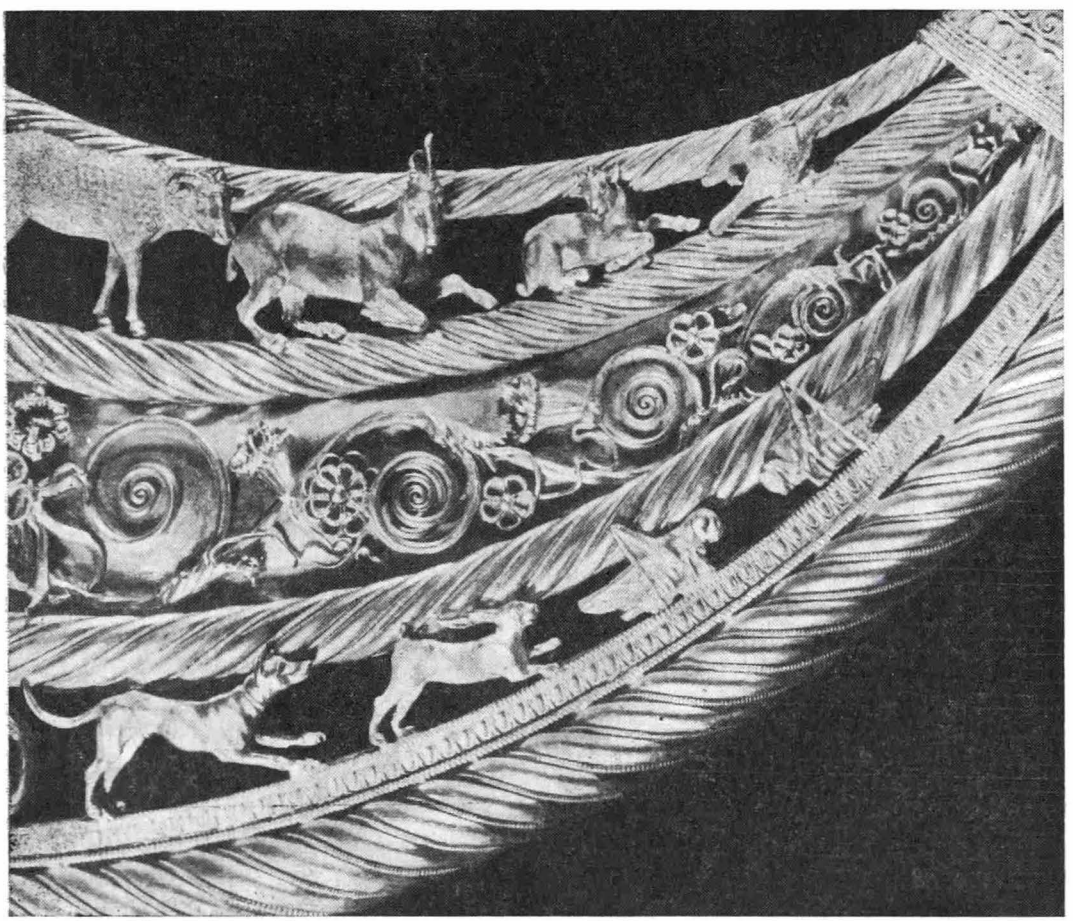


Рис. 24. Фрагмент пектораля

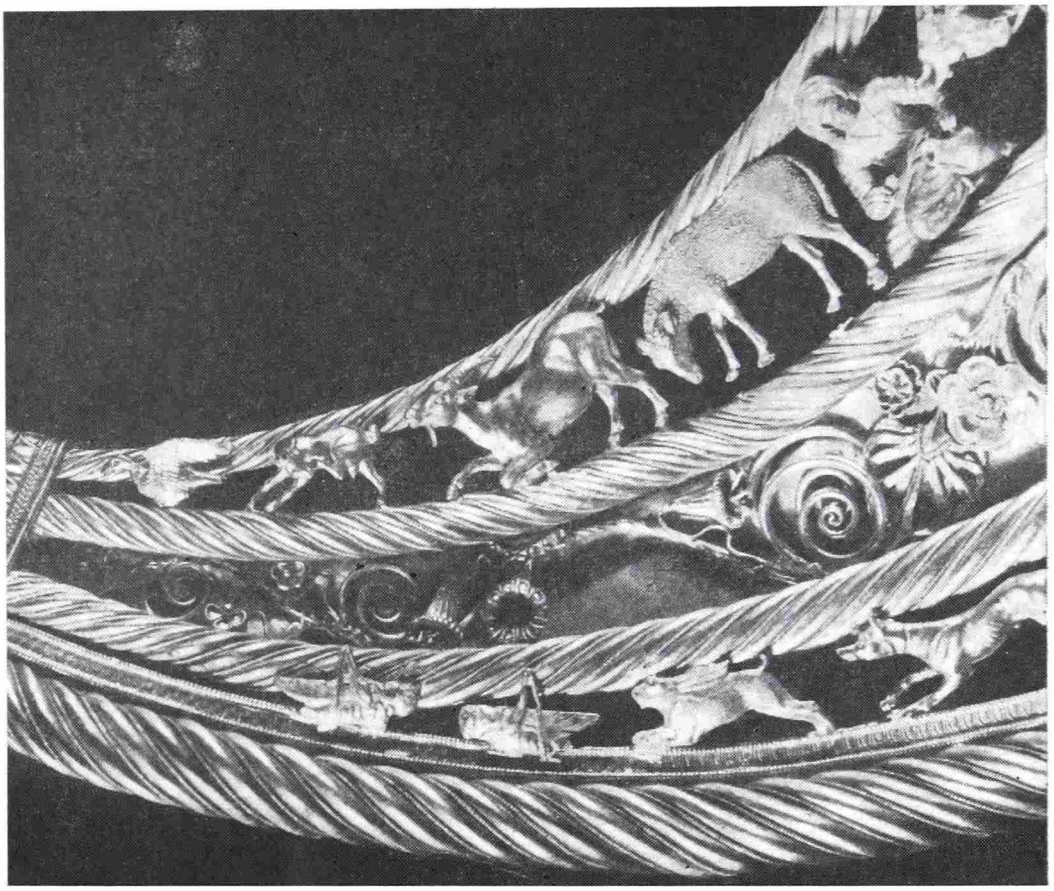


Рис. 25. Фрагмент пекторали

концов в орнаментированные обоймы. Наконечники украшения сделаны в виде уплощенных львиных голов с кольцами в пасти (рис. 18). Последние служили для завязывания пекторали с помощью ремешка.

Диаметр каждой последующей трубки меньше, чем предыдущей. Углубления между звеньями жгутов заполнены псевдозернью. Поверх нижней трубки идет бордюр, украшенный снизу и сверху псевдозернью, а посредине овами. По виду трубки не отличаются от обручей солохинской и кульобской гривен [15].

Трубки делят поле пекторали на три месяцеподобных яруса. Верхний и нижний заполнены скульптурными композициями, средний — растительным орнаментом.

Нижний ярус посвящен сценам борьбы животных. В центре композиции — три сцены терзания коня напавшими на него грифонами (рис. 19—21). Слева и справа лошадь еще пытается устоять, хватая одного из грифонов за ногу, посредине она уже совсем раздавлена ими. Глаз животного выкатился из орбиты, ноздри раздуты, язык вывалился изо рта, все тело напряжено, как струна.

Слева от описанных групп леопард и лев нападают на оленя, справа — на дикого кабана. Дальше за ними с обоих концов собака гонится за зайцем, перед которым сидят обращенные друг к другу двое кузнечиков (рис. 22—25). Фигурки животных уменьшаются по мере удаления от центра и становятся все более схематичными.

Вся композиция полна динамизма борьбы, схватки между сильными и слабыми. Необыкновенно тонко моделированы тела животных. Шкура леопарда в пятнах из мельчайших точек, оленя — в двойных насечках. Щетина вепря передана идущими вертикально и горизонтально штрихами. Очень изящно отделаны перья на крыльях грифона.

---

[15] Там же, табл. 201, 202; ОАК за 1913—1915 гг., рис. 182.

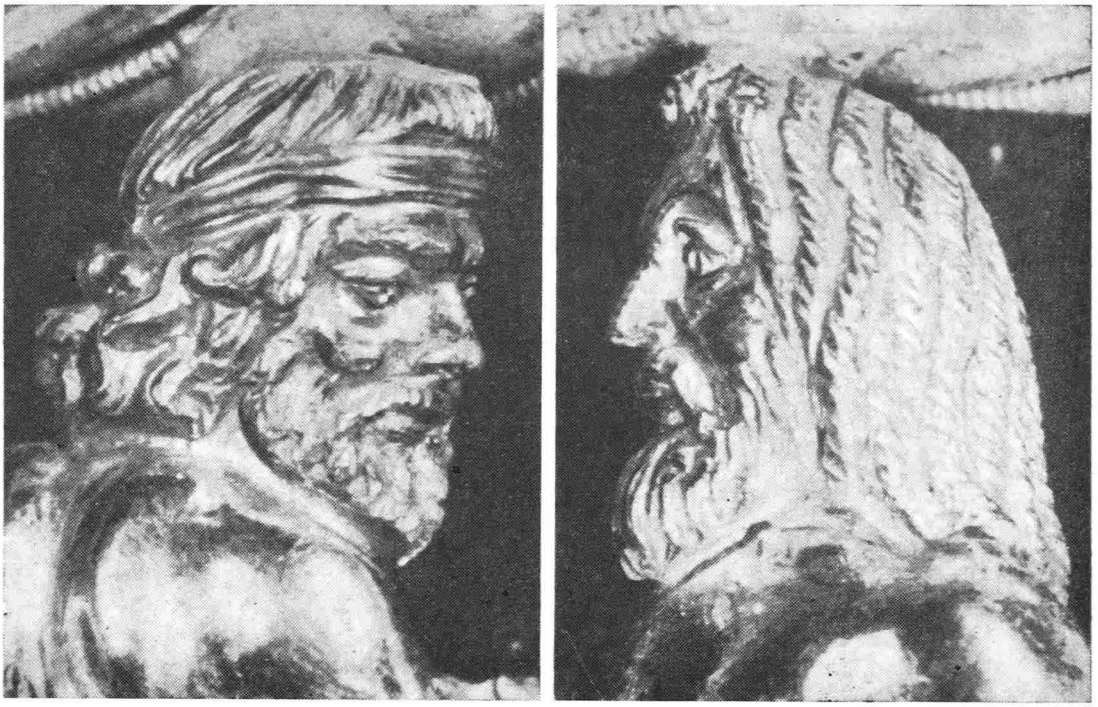


Рис. 26. Пектораль. Лица мужчин, шьющих одеяние

Растительный орнамент среднего яруса укреплен на сплошной пластине, впаянной между трубками. Он состоит из пышного сплетения проволочных завитков, листьев, пальметок, цветов. В центре внизу — пышный куст зубчатых листьев. На лепестках симметрично расположенных по полю больших цветов сохранились следы голубой эмали. Очень удачно дополняют композицию пять скульптурок птиц. Одна из них пьет воду из колокольчикоподобного цветка, другая тянется клювом к предполагаемой ветке, третья чешет лапкой шею, четвертая и пятая перебирают клювами перья.

Орнамент частично припаян к пластине, частично укреплен на ней с помощью заклепок. Несмотря на отличие в технике исполнения, бросается в глаза удивительное сходство композиции яруса с орнаментом нижнего фриза чертомлыцкой вазы [16].

В центре верхнего яруса двое обнаженных до пояса мужчин шьют меховую рубашку, растянув ее за рукава (рис. 15). Внизу одеяние отделано вертикальными рубчиками, вверху имеет выступ ворота. Правее от него припаян обрывок нитки. Между мастерами посредине висит горит с луком и стрелами, другой горит лежит около ноги правой фигуры. Обкладки горитов имеют очень неясные изображения борьбы человека с животным.

Левый мужчина стоит на коленях, спина его на треть повернута от зрителя, лицо, наоборот, повернуто к нему. Правая рука мастера протянута к рубашке, в ней изогнутая иголка или шило. Мужчина одет в широкие шаровары, заправленные в невысокие мягкие сапожки. Последние через подошву и выше щиколоток перевязаны ремнями.

Курчавые волосы мужчины откинуты назад и перевязаны широкой лентой. Лицо окаймлено курчавой бородой и усами. Под глазами — большие отечные мешки. Взгляд направлен на руку с иголкой.

Фигура правого мастера подана сидящей на подогнутой левой ноге. Левой рукой он тянет к себе рукав рубашки, в правой держит тот же инструмент, что и его напарник. Указательный палец этой руки отставлен, и взгляд мужчины обращен на коллегу. Одежда та же, что и на предыду-

[16] Сокровища скифских курганов..., табл. 162—165.

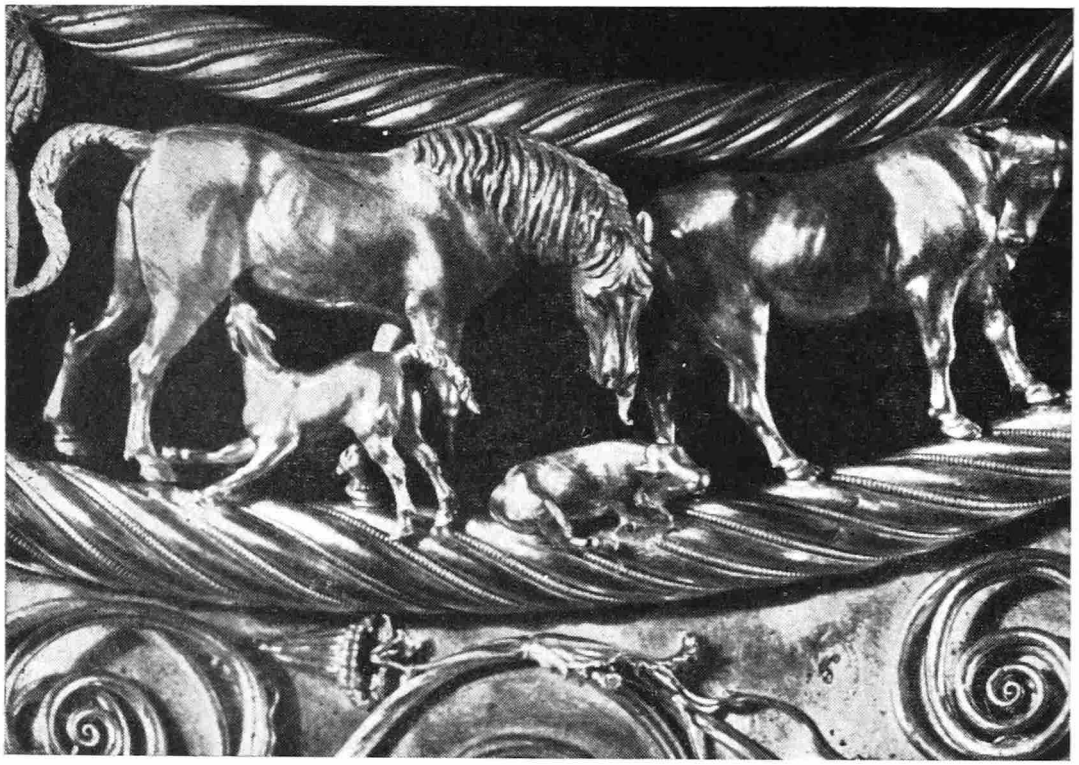


Рис. 27. Фрагмент пекторали

щей фигуре. Бородатое лицо с фигурными усами имеет удлиненные пропорции. Длинные волосы закручены в крупные локоны (рис. 26).

Налево и направо от центральной сцены стоят лошадь и корова с жеребенком и теленком. Справа жеребенок сосет кобылу, а теленок лежит (рис. 27), слева — наоборот. Дальше с обеих сторон сидят юные скифы, занятые доением овец (рис. 16, 17). За овцами — коза с козленком. Композиция кончается изображением летящих в разные стороны птиц, которые создают впечатление законченности композиции и вместе с тем бесконечности пространства (рис. 24, 25). Позы животных с обеих сторон совершенно разные, их фигуры проработаны до мельчайших подробностей. На лбу у коров — симпатичные звездочки, волосы между рогами переданы остроконечными листьями. Овечья шерсть оформлена густыми кольцами с точкой внутри, руно выделено незначительным утолщением. На животах у коней расходятся вздутые вены.

Юноша, сидящий в левой части композиции (рис. 16), держит левой рукой за ручку амфору, в правой у него скорее всего пучок травы, которым он собирается заткнуть сосуд. Его волосы, как и волосы правого мастера, закручены в крупные локоны. Фигура дана в фас, а верхняя ее часть представляет собой полную скульптуру. Одежду юноши составляет кафтан с удлиненными спереди полами и такие же, как у мастеров, штаны, заправленные в сапожки.

Одежда другого юноши такая же (рис. 17). Сидя на корточках, он сосредоточенно доит овцу. Возле ее задних ног стоит сосуд с широкой шейкой. Лицо юноши очень простое, подрезанные спереди волосы ровными прядями лежат на голове.

Большая часть фигур верхнего и нижнего ярусов представляет собой одностороннюю скульптуру с выемкой в средней части обратной стороны для экономии золота. Однако за счет очень удачного закругления фигур и ажурности композиции создается впечатление, что перед нами полная скульптура. Каждая фигурка отливалась отдельно и затем сверху и снизу припаивалась к трубкам каркаса. В некоторых местах припой очень груб и портит композицию. Из-за обвала гробницы пектораль несколько дефор-

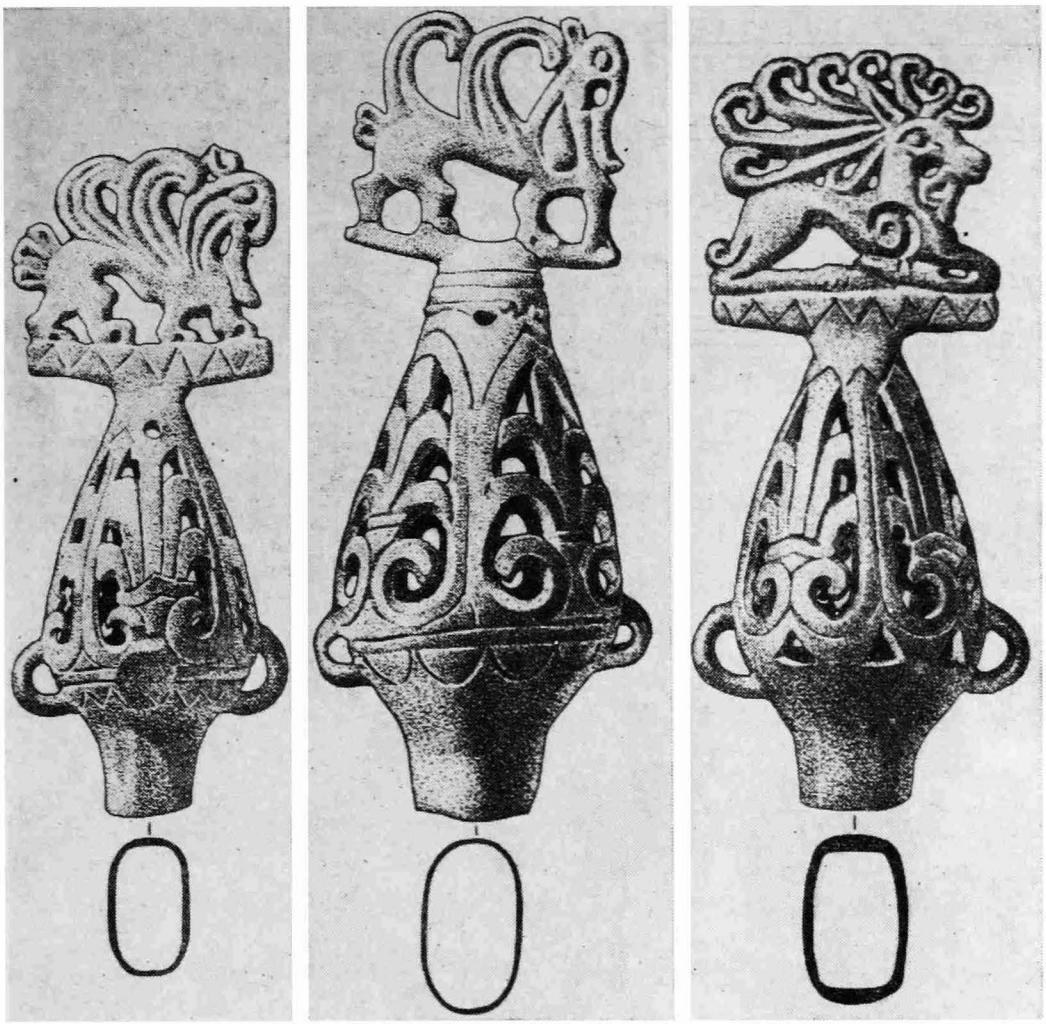


Рис. 28. Погребальный кортеж. Бронзовые навершия

мировалась и в отдельных местах фигурки отстали от каркаса. То же следует сказать и о пластине-основе среднего яруса.

По количеству образов пектораль не имеет себе равных среди изделий из курганов скифской знати, по художественным достоинствам стоит в одном ряду с лучшими произведениями античной торевтики. Ближайшая и единственная прямая ее аналогия — пектораль из Большой Близницы [17] — в этом отношении значительно уступает нашей.

Заканчивая описание центральной гробницы, отметим, что весь комплекс сооружений, связанных с ней, был окружен двойным каменным кромлехом. Диаметр внутреннего его кольца 32, внешнего — 37 *м*. Кромлех находился под насыпью, поэтому удивительно, что значительные участки его не сохранились (рис. 1). Кромлех состоял из известняковых камней до 0,5 *м* в поперечнике, стоящих на ребре один около другого. Только на южном участке внутреннего кольца камни расположены в два яруса и наклонены к центру кургана, словно лежали на склоне насыпи. Однако досыпка ее в этом месте не прослеживалась.

Боковая гробница. Могила находилась в юго-западном секторе кургана и состояла из погребальной камеры и двух входным ям (рис. 1). Входная яма № 1 была прокопана через первичную насыпь кургана, глиняный выкид из нее полумесяцем лежал на склоне этой насыпи. Входная яма № 2 находилась на запад от первой за пределами первичной насыпи. Выкид из ямы № 1 был перекрыт толстым слоем чернозема, однако сле-

[17] Сокровища скифских курганов..., табл. 295.

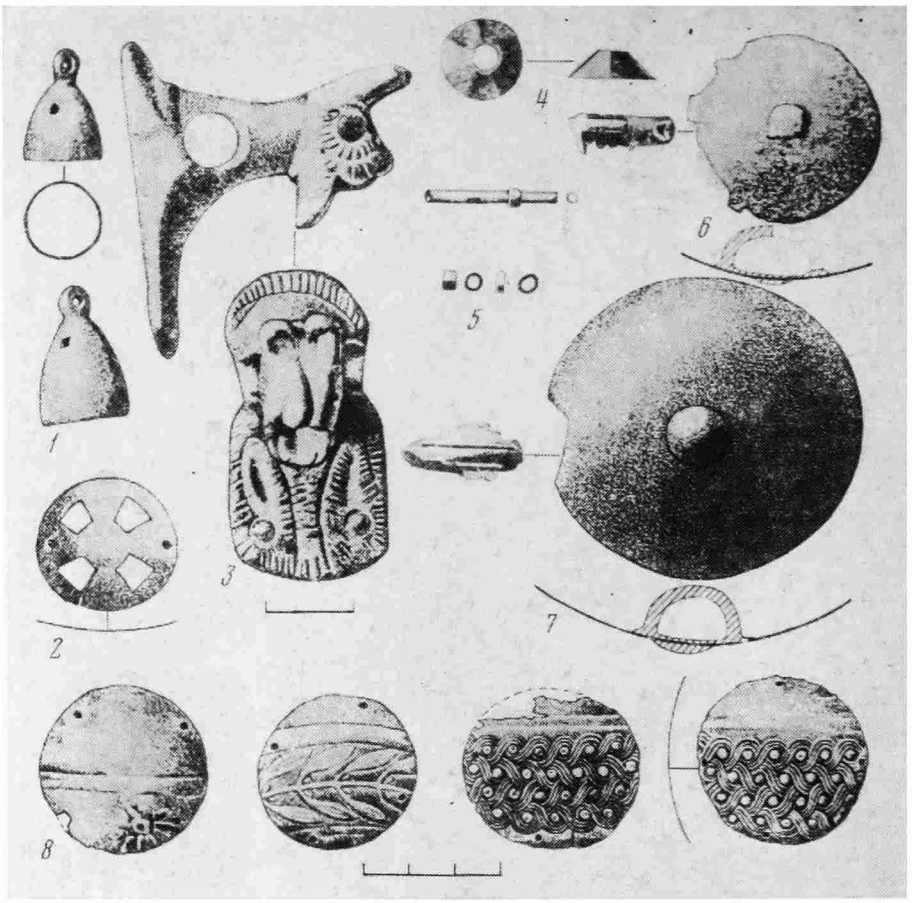


Рис. 29. Погребальный кортеж. Бронзовые украшения

дов досыпки кургана не было. Если он и досыпался, то очень незначительно и в скором времени после сооружения первичной насыпи, еще не успевшей зарасти травой. Слой же чернозема над выкидом скорее всего образовался за счет расползания насыпи. Расстояние между концом этого выкида и рвом 6 *м*. Такую же ширину имела и площадка, на которой совершалась тризна, на противоположной стороне кургана. Этими параметрами очень четко оконтуривается первичная насыпь, диаметр которой равнялся 52 *м*. Ров же был выкопан в 6 *м* от насыпи. Высота реконструируемой первичной насыпи 13,5 *м* (рис. 1).

На вершине выкида у входной ямы № 1 обнаружено скопление бронзовых украшений погребального кортежа, лежавших компактной кучкой. В состав комплекта входят:

1) шесть ажурных грушевидных наверший с овальной в сечении втулкой и двумя петлями на боках. Размеры наверший разные, высота их от 14,7 до 17,5 *см*. Три из них увенчаны стилизованными фигурками лежащих оленей, три — грифонами (рис. 28);

2) большое количество слегка выпуклых блях, нарезанных из бронзового листа, с четырьмя отверстиями для нашивания вдоль края. На некоторых бляхах обрывки орнамента, что свидетельствует о вторичном использовании бронзового листа. Отдельной кучкой лежали бляхи с четырьмя крестообразно расположенными прорезями и двумя отверстиями для нашивания, несколько толще, чем описанные выше (рис. 29, *2, 8*);

3) несколько десятков бронзовых пронизей и колечек, свернутых из полоски металла. Некоторые колечки были насажены на пронизи, во многих из них сохранились обрывки ниток (рис. 29, *5*);

4) 16 бронзовых колокольчиков с железными язычками. Колокольчики лежали кучкой отдельно от наверший и, очевидно, не были связаны с последними (рис. 29, *1*);

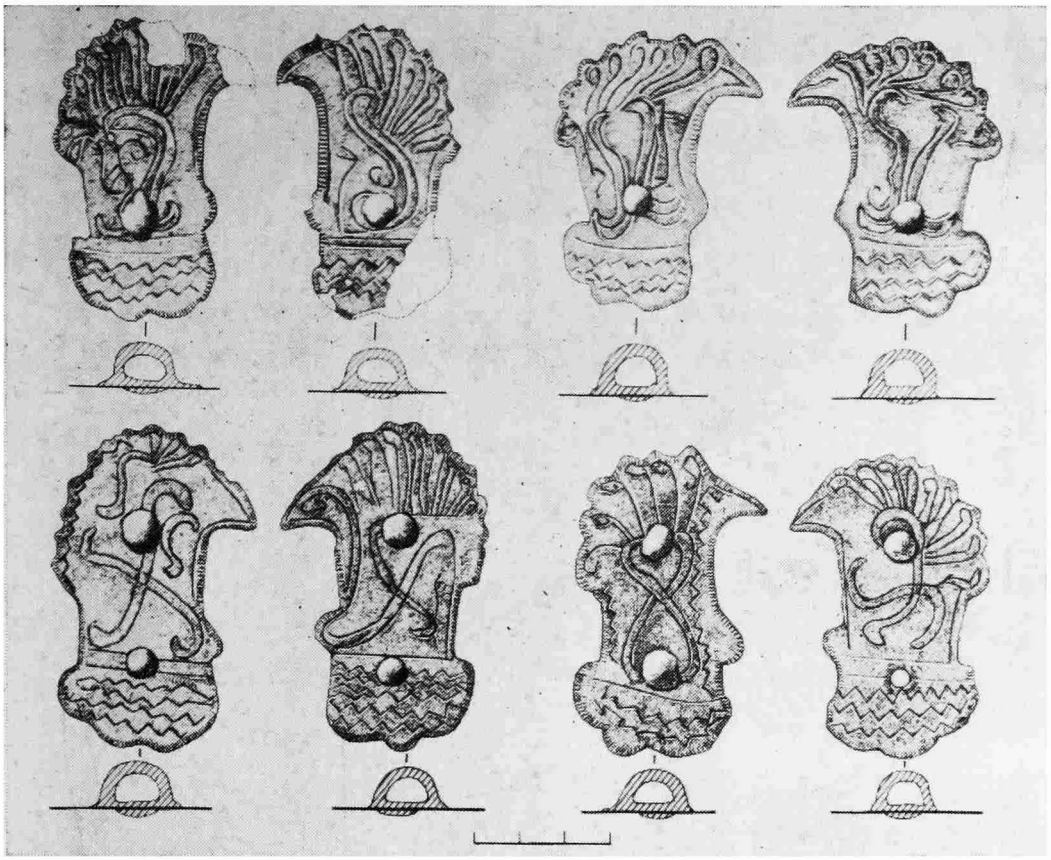


Рис. 30. Погребальный кортеж. Бронзовые нащечники

5) обломки не менее пяти комплектов железных удил и псалиев. Псалии прямые, с двумя отверстиями, концы украшены бронзовыми шариками;

6) 11 шестигранных бронзовых ворварок (рис. 29, *4*);

7) четыре конских наносника в виде головы фантастического животного с раскрытой пастью (рис. 29, *3*); четыре пары нащечников с прочерченным линейно-растительным орнаментом (рис. 30); 16 больших и четыре меньших гладких выпуклых блях с петлями (рис. 29, *6, 7*). Очевидно, все украшения происходят от четырех уздечных наборов.

Комплект скорее всего принадлежал погребальной упряжке. Навершия были сняты с шестов, два из них лежали втулкой к втулке. Исходя из этого очень трудно видеть в них украшения колесницы. Легче предположить, что они увенчивали хоругви или знамена, под которыми двигалась погребальная процессия.

Выкид перекрывал входную яму № 1. Размеры ее поверху 3 × 1,5 *м*, книзу она расширялась до 3,6 × 2,1 *м* (рис. 31). По длине яма была вытянута с юго-востока на северо-запад. С глубины 5,75 *м* дно шахты наклонно опускалось на северо-запад до 6,2 *м*.

В восточном углу ямы находился вход в небольшое подземелье, состоявшее из дромоса длиной 2,3 *м*, шириной 0,8—1,1 *м* и высотой 0,8 м и перпендикулярной к нему камеры размерами 1,6 × 1 × 0,95 *м*. Вдоль камеры в произвольном положении на правом боку, головой на запад, лежал костяк подростка, скорее всего девочки. На ее шее обнаружено несколько продолговатых пастовых бус, украшенных поперечными цветными жилками.

Вход в основной склеп был устроен в северном углу входной ямы, очень сильно обвалившемся. В погребальную камеру вел дромос длиной 2,2 и шириной до 2,4 *м*.

Вторая входная яма имела ту же ориентировку, что и первая. Размеры ее 2,7 × 1 *м*, глубина 4,7 *м*. Засыпка ямы в свое время просыпалась в

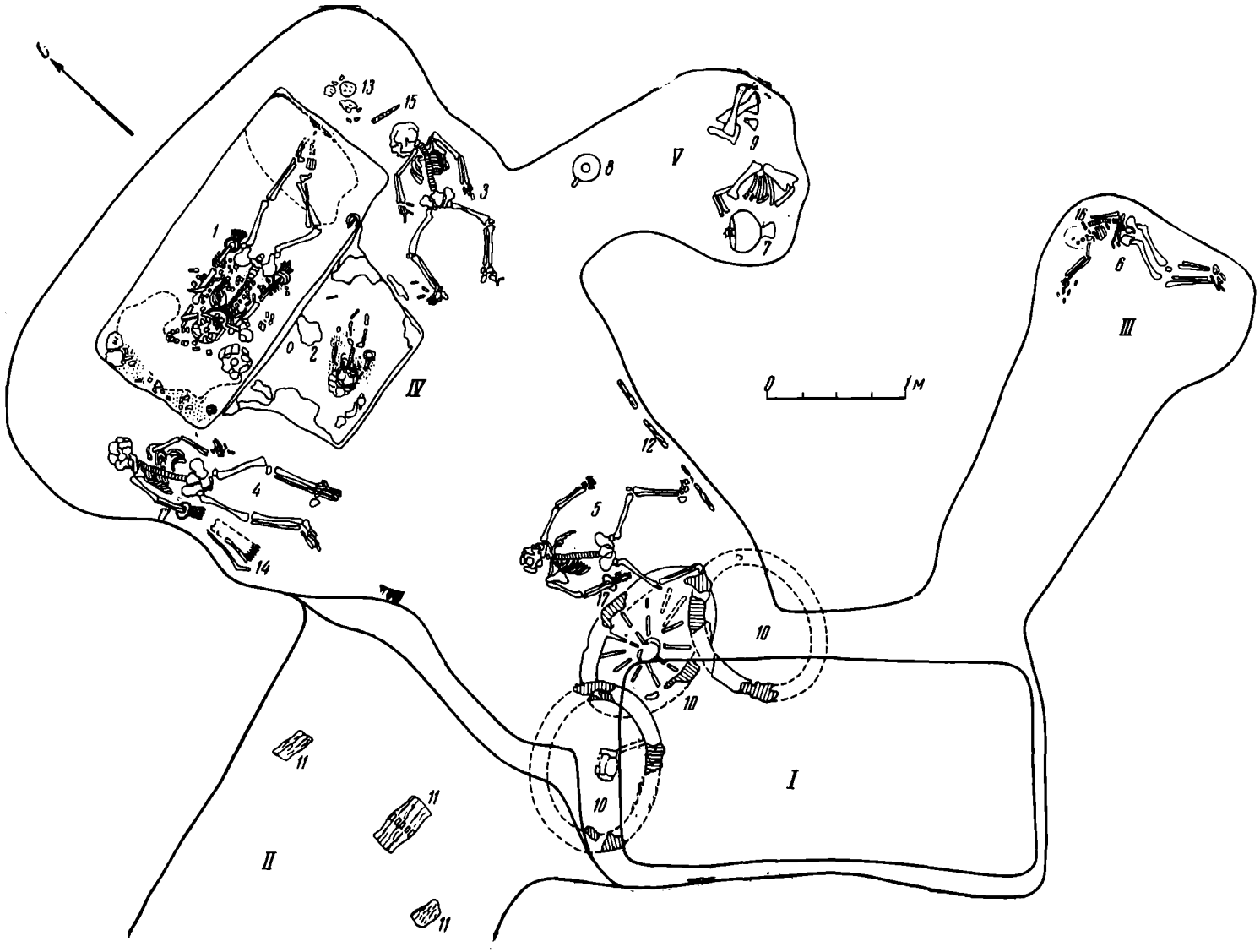


Рис. 31. План боковой гробницы.

I — входная яма № 1; II — дромос из входной ямы № 2; III — погребальная камера девочки-служанки; IV — основная погребальная камера; V — хозяйственная ниша.
1 — погребение женщины; *2* — погребение ребенка; *3* — погребение «кухарки»; *4* — погребение «воина-охранника»; *5* — погребение «возничего»; *6* — погребение девочки-служанки; *7* — бронзовый котел; *8* — бронзовая сковородка; *9* — кости животных от жертвенной пищи; *10* — отпечатки колес; *11* — остатки ступиц колес; *12* — тлен от бортов колесницы; *13* — развал чурбака; *14* — остатки колчана; *15* — нож с костяной ручкой; *16* — пастовые бусы; *17* — браслеты

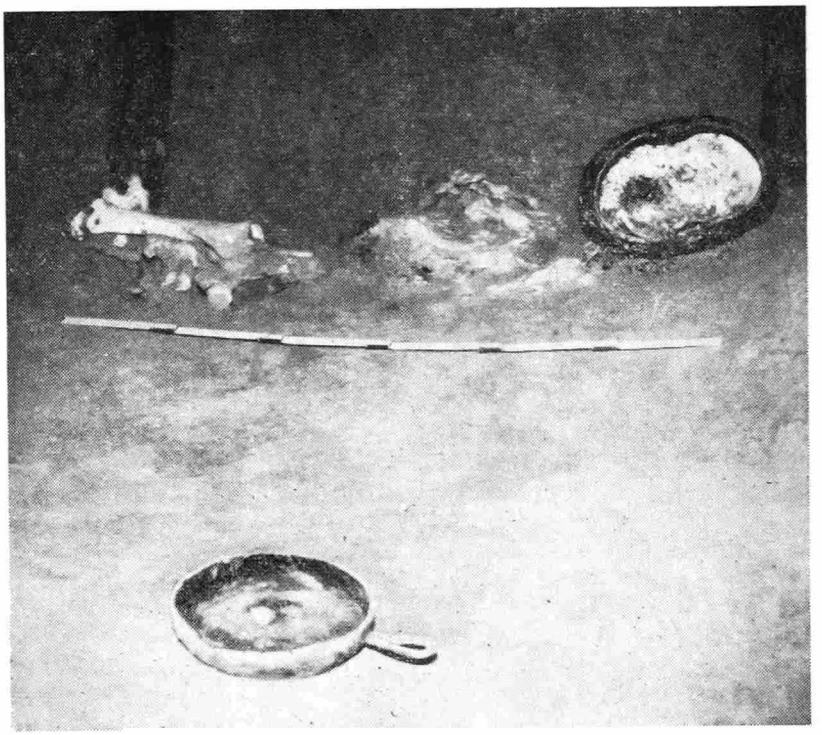


Рис. 32. Боковая гробница. Хозяйственная ниша

дромос, и ее стены значительно обрушились. Вход в дромос находился в северо-восточной стене ямы и скорее всего был устроен на всю ее длину. Протяженность дромоса 7,5 *м*. Он выводил в дромос, шедший из первичной входной ямы, перепад их глубин составлял до 0,8 *м*.

Перед входом в подземелье со стороны входной ямы № 1 и в конце второго дромоса обнаружены остатки деревянных колес. В первом случае на глине сохранились их отпечатки, стоящие наклонно. Очевидно, колесами закрывался вход. Ободья колес состояли из четырех частей, которые скреплялись между собой с помощью четырех стержней, заклепанных на железных накладках. От колес, стоявших в дромосе № 2, хорошо сохранилась одна из ступиц. Железных частей здесь не было, но общее устройство колес одинаково. Диаметр их 1,2 *м*. Из ступицы выходило по 12 прямоугольных в сечении спиц. Судя по размерам отверстий в ступицах, оси были деревянными. Вдоль северной стенки дромоса № 1 тянулся деревянный тлен, возможно, от бортов колесницы.

Погребальная камера (размеры 4,2—3,5 × 3,5 *м*) имела трапециевидные очертания, вытянутые по линии В —3, и, безусловно, была расширена после сооружения второго хода: контуры первичного склепа улавливаются довольно отчетливо, размеры его должны были составлять 4,2 × 1,6 *м*. Дно подземелья несколько повышалось к северной стенке, свод обвалился на значительную высоту. Первоначально он, по-видимому, достигал 2 *м*.

В восточной стене склепа была устроена небольшая хозяйственная ниша с ведущим в нее коридором. Общая длина их 1,9 *м*, ширина ниши 1,5 *м*, высота 0,9 *м*. В глубине ниши (рис. 32) обнаружен лежащий на боку небольшой бронзовый котел обычного скифского типа и кучи костей от жертвенной пищи, а между ними — два железных ножа с костяными ручками. У входа в нишу стоял бронзовый сосуд с профилированным дном и петельчатой ручкой — сковорода или светильник.

В погребальной камере открыты останки пяти погребений. Вдоль северной стенки, очевидно посредине первоначального склепа, лежал костяк знатной скифянки, слева от нее — богатое погребение ребенка. У них в ногах, у входа в хозяйственную нишу, выявлен скелет служанки, условно названной кухаркой, за головами — костяк воина-«охранника». В на-

Рис. 33. Боковая гробница. План погребений женщины и ребенка.

Погребение женщины: *1* — гривна; *2* — левая подвеска; *3* — серьга; *4* — пластины от головного убора; *5* — нижняя пластина от головного убора; *6* — браслеты правой руки; *7* — перевязь из бус правой руки; *8* — перстни правой руки; *9* — браслет левой руки; *10* — перевязь из бус левой руки; *11* — перстни левой руки; *12* — бляшки от обуви; *13* — серебряный кубок; *14* — чернолаковая миска; *15* — бронзовое зеркало; *16* — остатки кожи; *17* — осколки стеклянных сосудов; *18* — бусы; *19* — белила; *20* — обломки железных булавок; *21* — румяна; *22* — поделка из пористой массы; *23* — поделка для растирания красок; *24* — бронзовые пряжки; *25* — камка; *26* — контуры деревянного настила; *27* — золотые бляшки (с чистой поверхностью лицом кверху, заштрихованные — лицом книзу)

Погребение ребенка: *1* — гривна; *2* — серьги; *3* — браслет и перстень; *4* — кольцо; *5* — золотые пуговицы; *6* — килик; *7* — ритон; *8* — кубок; *9* — ребро животного; *10* — следы алебастровой отделки саркофага; *11* — деревянные цилиндрики; *12* — золотые бляшки

чале первичного дромоса, сразу за колесами, найден скелет еще одного слуги, условно названного возничим.

Погребение женщины (рис. 33). По предварительным антропологическим наблюдениям, погребенная умерла в 20—30 лет. Костяк ее лежал на спине головой на запад. Руки вытянуты вдоль тела ладонями вниз, левая нога вытянута и лежит на боку, правая согнутая в колене и, судя по положению костей пяты, стояла коленом кверху. Под костяком прослеживался тлен от деревянного настила размерами около 2,25 × 1,15 *м*. В ногах и головах погребенной лежали толстые кучи камки.

Кости скелета в плохом состоянии, череп совершенно раздроблен обвалом свода.

Очевидно, женщина лежала на попоне или ковре, полы которого закрывали ее и застегивались по углам двумя бронзовыми пряжками с подвижным язычком (рис. 34). За головой покойницы обнаружена россыпь — несколько сотен — мелких разноцветных пастовых бус и среди них девять больших с глазками, комки румян и белил, шиферная пластинка с выемкой для их растирания, поделка из пористой массы неизвестного назначения, обломки железных булавок и уховертки. Здесь же, частично под бусами, лежали как минимум два разбитых стеклянных сосуда, вероятно, небольшого размера. На некоторых обломках прослеживался выпуклый орнамент. О форме сосудов до реставрации говорить не приходится.

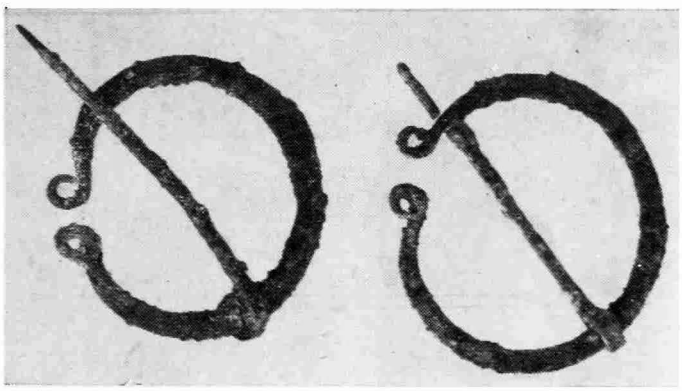


Рис. 34. Боковая гробница. Бронзовые пряжки из погребения женщины

В ногах у женщины, за пределами деревянного настила, найден развал деревянного чурбака. Возле него на дне тянулся след какого-то разложившегося серебряного предмета. Справа от головы покойницы стояли серебряный кубок очень плохой сохранности и чернолаковая греческая миска, орнаментированная двумя кругами пальметок по дну, а с внешней стороны — кругами красного лака.

Удивительно богат убор женщины. Вокруг ее головы лежали вперемежку четыре золотые пластины размерами 16 × 3 *см* с изображениями терзания двумя грифонами оленя и борьбы крылатой свиньи со стилизованным львом, а также семь пластин различной длины шириной 2 *см*, заполненных сценами встречи над невысоким кустом грифона и сфинкса (рис. 35). Пятая и шестая пластины первого типа были загнуты с одного верхнего угла. Здесь же найдено много обрезков пластин обоих типов, в том числе перегнутых вдвое. Все украшения, вместе взятые, хорошо реконструируются в сплошную обшивку высокого, расширяющегося кверху кокошника (калафа). Снизу его окаймляла пластина размерами 32 × 3,7 *см*, покрытая растительным орнаментом, среди завитков которого помещены муха, стрекоза, кузнечик и две птицы (рис. 36).

За головой погребенной по треугольнику лежали бляхи размерами 3,5 × 3 *см* с изображением грифона, терзающего лань (?) (рис. 37, *б*). Скорее всего ими было обшито покрывало, опускавшееся с головного убора. Ряд таких же блях тянется от плеча до плеча костяка и два ряда — вдоль позвоночника. Вероятно, ими были обшиты борта какой-то куртки или накидки. Некоторые бляхи этого типа находятся в разных местах погребения, что можно объяснить их перемещением в результате разложения тка-

Рис. 35. Боковая гробница. Золотые пластины от головного убора из погребения женщины

ней, обвалом гробницы и пр. Всего блях рассматриваемого типа обнаружено 94.

Очень пышно были обшиты золотыми бляхами рукава одежды в области плечей и ниже локтей. Ниже левого локтя сохранился на месте концентрический ряд украшений, дающий представление о ширине рукава. Бляхи в области рук представлены следующими типами: 1) 33 экз. с изображением льва, терзающего лань (рис. 37, *5*); 2) 28 экз. с изображением крылатого быка (рис. 37, *3*); 3) 10 экз. с изображением девушки (?), сидящей на голубе (рис. 37, *2*); 4) экз. с изображением крылатого сфинкса (рис. 37, *4*); 5) бляшка с изображением лежащего грифона; 6) обрезок бляшки с не поддающимся реконструкции рисунком; 7) около 40 полусферических пуговок двух размеров. Под некоторыми бляшками сохранились очень небольшие обрывки ткани лилового цвета. Подобный же оттенок имеют и кости верхней части скелета, а также участки дна могилы.

Башмачки покойницы были расшиты бляшками в виде пяти соединенных кружков (14 экз., рис. 37, *1*).

Не менее богаты и украшения женщины. На шее у нее находилась массивная золотая гривна (478,5 *г*), украшенная по концам семью фигурками львов, крадущихся за молодым оленем с пантами вместо рогов. Последний передан только по грудь (рис. 38). У висков найдены крупные подвески, состоящие из проволочной дужки и полого внутри медальона, на котором оттиснута сидящая богиня с поднятыми руками. Изображение очень грубое. По бокам от богини очень невыразительные головы животных. Края медальона украшены подвешенными на колечках восемью амфоровидными подвесками (рис. 39), у правого виска кроме подвески была проволочная золотая серьга.

Запястье правой руки украшали два широких пластинчатых браслета с ребром посредине, запястье левой — подобный им, но с двумя ребрами. На обоих запястьях, кроме того, была перевязь из разнообразных пасто-

вых бус, среди них по несколько биконических золотых бусинок. Очевидно, на краях перевязи правой руки были помещены с одной стороны спаренные золотые колечки и золотой наконечник в виде головки льва с кольцом в пасти (рис. 40) — с другой. У левого запястья те же колечки и простая обоймочка из золотого листка.

Все пальцы женщины были унизаны перстнями. На левой руке пять перстней со щитками, на правой также пять (на безымянном пальце два) и простое проволочное колечко (на мизинце).

Под левой лопаткой лежало бронзовое зеркало с железной ручкой. Между зеркалом и лопаточной костью сохранился двойной слой толстой кожи (?). Обрывки кожи со следами красной и голубой красок прослеживались также левее и ниже конца рукояти зеркала.

Погребение ребенка (рис. 33). Судя по размерам костей, ребенку во время смерти едва ли было больше двух лет. Похоронен он был в отделанном алебастром деревянном саркофаге — развал последнего прослеживался и над погребением, и по дну могилы. Направо от костяка на высоту до 2 *см* сохранился бортик саркофага из алебастра шириной до 2,5 *см*. Предполагаемые размеры саркофага 1,2 × 0,85 *м*. Судя по расположению погребения, ребенок умер позже женщины и был внесен в гробницу через второй ход.

Скелет погребенного лежал на спине головой на запад почти по диагонали саркофага. Ноги образуют едва заметный ромб, руки несколько откинуты от тела. Кости плохой сохранности, череп был сбит обвалом на грудь.

Скелет ребенка до пояса был окружен несколькими деревянными цилиндриками с поперечным отверстием посредине, понять назначение которых очень трудно. Значительная часть их совершенно распалась. Длина цилиндриков около 2,5 *см*, диаметр около 0,7 *см*.

На шее ребенка была золотая проволочная гривна с заходящими друг за друга концами, в ушах — по такой же сережке с утончающимися концами. В районе затылка просматриваются обложенные тонкой золотой фольгой глиняные бусы, а также отдельные мелкие пастовые бусинки. Вокруг развала черепа ниже него идут расположенные полукругом золотые бляшки с изображением лилии и лотоса и чередующиеся с ними бляшки с лежащим быком, тождественные найденным в центральной гробнице. Сейчас их в общей сложности насчитано 14.

Скелет ребенка усеян мелкими золотыми бляшками двух типов: кружками с выштампо-

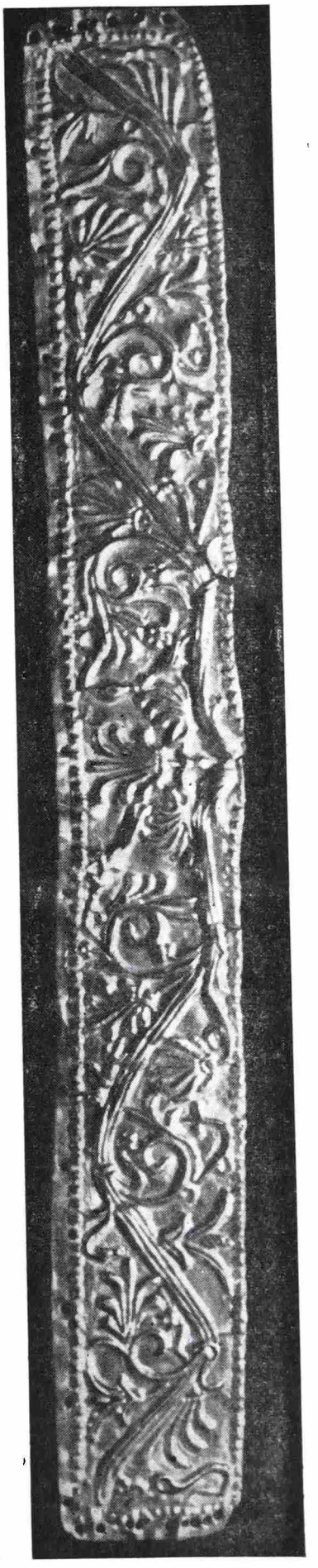


Рис. 36. Боковая гробница. Нижняя золотая пластина от головного убора женщины

Рис. 37. Боковая гробница. Золотые бляшки от одеяний женщины

ванной розеткой (насчитано 129) и выпуклыми продолговатыми бляшками с очень грубым человеческим лицом (43 шт). Начинаются они от ушей и идут вдоль рук до запястий. Наибольшее скопление бляшек — между руками и грудной клеткой. Грудная клетка также вся в украшениях, но ниже нее они почти не встречаются. Ниже запястья левой руки прослеживаются два почти параллельных ряда круглых бляшек. Нижний из них сохранился лучше, длина его 14 *см*. Возможно, бляшки окаймляли рукава наряда. Менее выразительный ряд таких же бляшек улавливается и на запястье правой руки.

Ниже места, где должна была находиться кисть левой руки ребенка

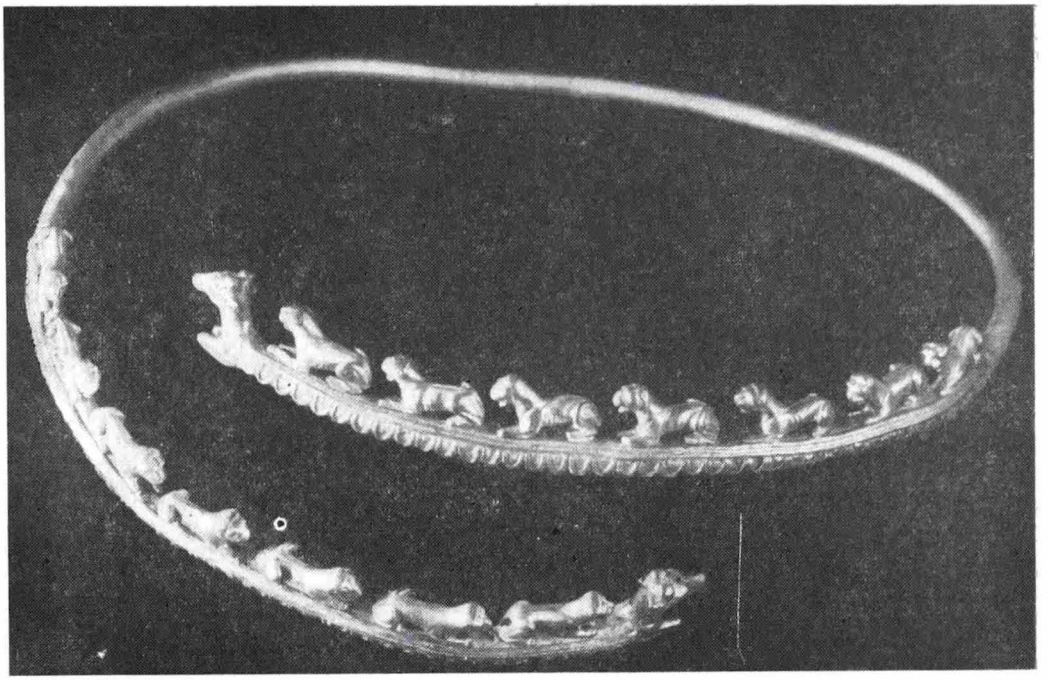


Рис. 38. Боковая гробница. Золотая гривна женщины

Рис. 39. Боковая гробница. Золотые подвески женщины

Рис. 40. Боковая гробница. Золотой наконечник от перевязи из бус у правой руки женщины

лежало колечко из толстой проволоки, на безымянном пальце правой руки был надет маленький перстень со щитком, а в кисти находился широкий пластинчатый браслет с ребром посредине (все вещи золотые).

Справа от изголовья погребенного на дне саркофага в ряд лежали миниатюрные серебряные сосуды для питья вина: килик, ритон и кубок (рис. 41). Килик обычной формы, на низком кольцевом поддоне. Ритон состоит из серебряного раструба, двух переходных золотых колец, за которыми идет серебряная трубка и затем золотой наконечник с головкой льва на конце. Кубок в миниатюре повторяет формы кульобской чаши, но не имеет поддона. Бока сосуда гладкие. Серебряные части ритона и килик почти полностью разложились, кубок сохранился лучше.

Через весь саркофаг от правой руки покойника, через сосуды и дальше за них тянется ряд мелких полусферических пуговок (50 шт.). Представляется вероятным, что они были нашиты на поясе, положенном с ребенком в могилу с той же целью, что и сосуды для питья вина.

В северо-восточном углу саркофага лежало небольшое ребро животного (?), возможно, от жертвенной пищи.

Погребения женщины и ребенка вырезаны монолитами и доставлены в Киев для дальнейшего изучения и реставрации в лабораторных условиях с целью последующего экспонирования. Не исключено, что во время работы над ними будут выявлены некоторые новые детали.

Погребения слуг. В отличие от девочки-служанки из отдельной погребальной камеры все костяки слуг в склепе лежали на спине. «Кухарка» и «охранник» были ориентированы головами на север, «возничий» — на северо-запад. «Возничий» и «кухарка» лежат с широко раскинутыми руками и ногами, воин несколько более компактно. Правая нога «возничего» была приподнята и покоилась на засыпке, проникшей из входной ямы,— явное свидетельство того, что в этом месте его положили, когда входная яма № 1 уже была засыпана. Плечевые кости правой руки «кухарки» и левой воина лежали так, словно они были выкручены. Кисть левой руки воина неестественно вывернута наружу, пальцы правой судорожно сжаты. Подобное положение костяков с раскинутыми конечностями и теми или иными дефектами в положении рук автор склонен объяснять тем, что еще не остывшие трупы слуг, взявши за руки и ноги, вносили в гробницу и бросали на пол, не стараясь придать останкам более достойный вид. Однако мы не исключим, что убийство могло производиться уже на месте. Во всяком случае, менее всего это положение костяков объяснимо с точки зрения ритуала.

Инвентарь слуг чрезвычайно беден. На запястье правой руки «возничего» был распавшийся железный браслет. За головой «кухарки» лежал железный нож с костяной ручкой, а среди развала черепа обнаружена костяная шляпка серьги (?) с выпуклой внешней стороной. На за-

Рис. 41. Боковая гробница. Серебряные сосуды из детского погребения

пястье правой руки «охранника» находился проволочный бронзовый браслет. У правого его бедра сохранились остатки колчана с бронзовыми наконечниками стрел на дне, лежавшими полосой в 13—14 *см*. В длину следы колчана прослеживались на 40 *см*. Справа от колчана замечался изогнутый отпечаток тлена в форме лука со спущенной тетивой.

Несколько удивляет отсутствие в могиле амфор. Возможно, они стояли в первичном дромосе вдоль западной его стены и были побиты во время сооружения второго входа, а затем выброшены — на дне дромоса, рядом с отпечатками колес найдены два обломка амфорных стенок.

Очень трудно решить вопрос о времени погребения слуг, за исключением девочки-служанки, которая могла быть похоронена только одновременно со знатной женщиной. Если верно наше предположение о первоначальных размерах погребальной камеры (в его пользу может свидетельствовать характерное закругление западной стены сразу за настилом, на котором лежала женщина), то естественным будет также предположить что воин-охранник положен в гробницу уже после ее расширения, т. е. одновременно с ребенком. В то же время нахождение ноги «возничего» на засыпке ни в коем случае не может служить доказательством этого — слуга мог быть просто переложен сюда во время похорон ребенка вследствие расширения подземелья. Во всяком случае в пользу погребения его одновременно с женщиной может свидетельствовать то, что он преграждает второй вход в могилу. Поскольку нам кажется более вероятным, что хозяйственная ниша сооружалась во время первых похорон, то и лежащая возле нее служанка скорее всего была положена вместе с женщиной — большинство подобных помещений в могилах скифской знати обязательно сопровождалось погребением слуги. Однако не исключено, что это погребение и более позднее, в нем вполне можно видеть «няньку» ребенка.

* * *

Скифоведы давно уже склоняются к мнению, что в том случае, когда под курганом погребены мужчина и женщина (а случаев таких очень много), в них скорее всего можно видеть мужа и жену. Очевидно, не представляет собой исключения в этом смысле и Толстая Могила, с той лишь разницей, что рядом с женой похоронили и умершего позже ребенка. О родственности последнего с мужчиной центральной гробницы помимо всего прочего свидетельствует находка в обоих погребениях одной и той же, к тому же очень редкой бляшки с изображением лежащего быка (рис. 10, *5*). До этого она встречалась только в Чертомлыке [18].

На первый взгляд общность центральной и боковой гробниц на этой бляшке и кончается. Но это отнюдь не так. Близость их заключается прежде всего в том, что оба комплекса находят себе аналогии в одних и тех же памятниках. На первом месте здесь стоит Чертомлык.

Помимо отмеченных уже прямых аналогий вещам центральной гробницы Толстой Могилы среди комплекса Чертомлыка, типологической и стилистической близости найденных здесь меча и пекторали чертомлыцким мечу и серебряной вазе укажем, что в первую очередь в Чертомлыке можно видеть аналогию погребениям коней и «конюхов» Толстой Могилы. Принцип устройства их здесь и там один и тот же, очень близки золотые уздечные наборы обоих памятников [19], только в Чертомлыке и Толстой Могиле конюхи имели золотую гривну на шее. Совпадение прослеживается вплоть до включения в колчанные наборы «конюхов» в обоих курганах как бронзовых, так и костяных наконечников стрел.

Инвентарь боковой гробницы Толстой Могилы также больше всего находит себе соответствий среди находок Чертомлыка. На первое место здесь можно поставить стилистическую близость гривен, украшенных фигурками львов на концах (рис. 38) [20] — подобные изделия не встречались больше нигде. Ближе всего к чертомлыцким также пластины от головного убора женщины из боковой гробницы Толстой Могилы. Детали рисунка пластин с изображением терзания двумя грифонами оленя и борьбы крылатой свиньи со стилизованным львом (рис. 35) совершенно тождественны, чертомлыцкие пластины отличаются от наших только ажурностью [21]. Не менее близок и рисунок пластин с растительным орнаментом (рис. 36), хотя здесь имеются и некоторые стилистические отличия. Не будем отдельно останавливаться на вещах, которые помимо Толстой Могилы и Чертомлыка встречаются также и в других памятниках (пластинчатые рубчатые браслеты, бляшки с изображением лилии и лотоса, со сценой терзания львом оленя [22] и т. д.).

Очень близок к Толстой Могиле, по-видимому, был курган в Верхнем Рогачике [23], оказавшийся сокрушительно ограбленным. В отличие от Толстой Могилы женская гробница здесь скорее всего находилась в центре, мужская же оказалась впускной. В первой из них найдены бляшки с изображением грифона, терзающего лань [24], тождественные подобным бляшкам из боковой гробницы Толстой Могилы (рис. 37, *6*) во второй — бляшки с Медузой-Горгоной [25], выполненные тем же штампом, что и соответствующие бляхи в центральной гробнице нашего кургана (рис. 10, *7*). Попутно отметим, что последние встречены также в Чмыревой Могиле [26].

---

[18] Сокровища скифских курганов, рис. 107.
[19] Там же, рис. 119.
[20] Там же, рис. 92.
[21] Там же, рис. 109.
[22] Там же, рис. 96, 104, 105.
[23] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 132—136.
[24] Там же, рис. 221.
[25] Там же.
[26] ОАК за 1909 и 1910 гг., СПб., 1913, рис. 192.

В задачу нашей работы не входит привести аналогии всем вещам и всем элементам погребального обряда Толстой Могилы. Мы отобрали только те из них, которые помогают установить родство между погребенными в ней знатными лицами. Думаем, что оно прослеживается достаточно хорошо. В таком случае мы склонны считать, что все погребения в кургане совершены в очень небольшой промежуток времени между смертью отца из центральной гробницы и ребенка из боковой, учитывая возраст последнего, могло пройти максимум три года. Однако у нас есть некоторые основания полагать, что в действительности этот отрезок времени был намного более коротким, практически все погребения под курганом можно считать одновременными. Последнее положение может иметь принципиально важное значение как для определения места памятника в истории скифской культуры, так и для решения многих существенных вопросов скифоведения в целом.

Помимо близости к Чертомлыку и Верхнему Рогачику Толстая Могила обнаруживает целый ряд общих черт с большим кругом скифских курганов. Аналогии многим ее вещам и элементам ритуала встречаются в Солохе, Большой Цимбалке, Большой Близнице, Чмыревой Могиле, Лемешевом кургане, кургане Козел, Мастюгинских курганах и т. д.

Вместе с тем необходимо отметить и ее отличительные признаки. В первую очередь среди них следует упомянуть несоразмерно большое количество человеческих жертвоприношений. Даже в грандиозном Чертомлыке, пожалуй самом богатом скифском кургане, слуг было погребено в два раза меньше, чем в Толстой Могиле. Количество же сопровождающих лиц во всех других скифских памятниках очень редко превышает одного-двух.

При опустошительном ограблении большинства скифских могил очень трудно сравнивать заключавшиеся в них ценности. Однако один факт при этом кажется несомненным: золотая пектораль из Орджоникидзе была бы куда более под стать Солохе или Чертомлыку, чем такому незначительному по объему памятнику, как Толстая Могила.

Необычно в Толстой Могиле наличие кромлеха, заключенного под насыпью. Вместе с тем удивляет отсутствие вокруг нее каменной крепиды. Пожалуй, это единственный большой скифский курган на Днепровском Правобережье, не укрепленный камнем. В этом отношении он больше родствен Солохе, чем правобережным памятникам. Здесь следует отметить, что каменная крепида, не упомянутая авторами раскопок многих курганов Левобережья, в некоторых случаях, очевидно, все же существовала. Так, при обследовании нами Большой Цымбалки крепида просматривалась очень отчетливо, но ни у И. Е. Забелина [27], ни у других авторов, писавших о кургане, она не упоминается.

К очень важным явлениям уже чисто субъективного характера следует отнести то обстоятельство, что в Толстой Могиле впервые за всю историю скифоведения гробница с двумя входами оказалась неразграбленной. Могилы этого типа встречались давно, однако только благодаря раскопкам последних лет удалось установить необыкновенно широкое их распространение и выделить некоторые отличительные особенности [28]. К сожалению, многое здесь оставалось неясным вследствие того, что ни одно сооружение не избежало участи разграбления. Надеемся, что открытие целой такой гробницы в Толстой Могиле помимо всего прочего сможет пролить новый свет и на затронутый вопрос.

При определении времени Толстой Могилы следует исходить прежде всего из близости ее комплекса комплексу Чертомлыка, который, несмотря на некоторые разногласия в мнениях ученых, все же не выводится за пределы середины — последней четверти IV в. до н. э. К сожалению, уточ-

[27] ОАК за 1965 г. СПб., 1866, стр. X—XI.

[28] Б. Н. Мозолевский. Работы Северо-Рогачикской экспедиции. Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971, стр. 32.

нению этой даты пока что в значительной мере препятствует неразработанность хронологии многих категорий изделий местного производства. Опираться же исключительно на предметы греческого импорта всегда несколько рискованно, ибо вещи эти в скифском обществе ценились очень высоко и могли попадать в могилу после продолжительной службы.

Однако массовый амфорный материал из рва, значительную часть которого составляют мендские амфоры первой половины IV в. до н. э., не позволяет отодвинуть дату кургана выше середины этого столетия.

Благодаря своей оригинальности, сохранности и систематичности исследования Толстая Могила в скифоведении — явление, безусловно, не рядовое. В ней отразился весь уклад, культура, обычаи и нравы Скифии, ее социально-экономические отношения и внешнеполитические устремления. Надеемся, что дальнейшее изучение памятника позволит ему занять место в ряду первостепенных исторических источников не только скифского общества, но и широких ареалов населения раннего железного века вообще.

B. N. Mozolevsky

TUMULUS SCYTHE TOLSTAIA MOGILA À L'EXTRÉMITÉ DE LA VILLE d'Ordjonikidze

Résumé

On fit connaissance à la culture des Scythes riche en monuments, somptueuse et d'un caractère très particulier grâce aux recherches des kourganes de la noblesse scythe effectuées avant la Révolution d'Octobre. Ces sépultures étaient de vrais trésors de la production matérielle. Cependant jusqu'à présent les fouilles de la plus grande partie de ces monuments ne sont pas menées à bien. En plus on constate la violation des règles essentielles de la méthode de ces travaux, ce qui diminua leur importance en tant que sources historiques. C'est pour ces raisons que l'exploration de tout grand tumulus scythe nouvellement découvert attire beaucoup d'intérêt de la part des savants.

L'article est consacré à une publication pràliminaire des résultats des fouilles d'un tel kourgene nommé «Le Gros Tombeau» qui était en 1971 l'objet de recherches effectuées par l expédition de l'Institut d'archéologie de l'Académie des sciences de la République Socialiste Soviétique d'Ukraine. Le tombeau en question se trouve à l'extrémité de la ville d'Ordjonikidzé (la région de Dniépropetrovsk, à 10 *km* de Tchertomlyk).

Sous le tumulus du kourgane de la hauteur de 8,6 *m* et du diamètre de 70 *m* on a découvert deux sépultures: l'une essentielle et l'autre latérale (celle d'entrée). La première a été accompagnée de deux tombes où furent ensevelis 7 chevaux et de trois sépultures des valets d'écurie. Les brides de rêne sont somptueusement ornées de parures, en or, argent et bronze. La sépulture d'un mort principal située sous le centre du tumulus a été volée. Néanmois on y a trouvé beaucoup de restes du mobilier, entre autres un glaive dont la gaine et la poignée sont dorées et une parure pectorale en or qui est un véritable chef-d'oeuvre.

La sépulture latérale s'est conservée intacte. Là ont été découverts un riche sépulcre d'une femme aristocrate et celui d'un enfant, accompagnés des ceux de quatre valets. La tombe avait deux entrées liées avec deux sépulcres principaux. Dans l'historique des études scythes c'est le premier tombeau à deux entrées qui n'a pas été volé.

Grâce à son caractère original, un bon état de conservation et aux études systématiques effectuées le Gros tombeau peut être considéré en tant que source de prime importance pour l'étude de l'histoire de la société scythe.

В. А. ЛЕКВИНАДЗЕ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ВАШНАРИ

В юго-западной части Грузии в современном селе Вашнари (Махарадзевский р-н), удаленном от берега Черного моря на 25 *км*, выявлены очень интересные раннесредневековые памятники [1]. Здесь — на невысоком мысу, у слияния двух небольших речек Натанеби и Скурдеби, — еще в прошлом веке хорошо были видны остатки различных сооружений, которые впервые посетил и описал в 1833 г. Ф. Дюбуа де Монперё, решивший, что в Вашнари он имеет дело с остатками раннесредневекового города Петры [2], неоднократно упоминавшегося Прокопием Кесарийским [3] и в одной из юстиниановских новелл [4]. В 1873 г. Вашнари посетил и описал также Дм. Бакрадзе, высказавшийся против отождествления этого пункта с Петрой, которая была правильно локализирована исследователями уже позднее недалеко от Вашнари в современном пункте Цихисдзири (Кобулетский р-н Аджарской АССР) на берегу моря. По мнению Дм. Бакрадзе, Вашнари «был одною из греческих колоний, которые до рождества Христова покрывали наши берега Черного моря» [5].

И. Ф. Дюбуа де Монперё, и Дм. Бакрадзе составили схематические планы развалин в Вашнари, которые, дополняя друг друга, фиксируют многие уже невидимые сегодня на поверхности сооружения и дают таким образом, возможность составить более полное представление о всем памятнике.

1949 г. в Вашнари во время строительства чайной фабрики рабочие наткнулись на остатки сооружений, осмотренных вышеназванными двумя исследователями, в связи с чем здесь начаты были раскопки под руководством Г. Ф. Гобеджишвили [6]. Район этих раскопок (рис. 1) совпал в основном с той центральной частью памятника, которую Ф. Дюбуа де Монперё называл акрополем. Раскопана была лишь небольшая часть всей территории памятника — приблизительно 15 — 20% его площади, однако выявлены были здесь при этом несомненно наиболее интересные его сооружения: довольно необычная базилика с баптистерием, мартирий и небольшой отрезок ограды, особенности которой определяют, возможно, весь характер памятника лучше, чем базилика и мартирий. При сопоставлении плана выявленного участка ограды с вышеупомянутыми планами Ф. Дюбуа де Мон-

[1] Впервые эти памятники были вкратце описаны в статье: В. Леквинадзе. Материалы по монументальному строительству в Лазике, ВГМГ, XXII-В, 1961, стр. 153 сл. В настоящей же статье эти памятники рассматриваются и по-новому, и подробнее.

[2] F. Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase. III, Paris, 1839. стр. 86 сл.

[3] Прокопий. Война с персами. II, СПб., 1880; его же. Война с готами. VIII, М., 1950; его же. О постройках. III, ВДИ, 1939, 4.

[4] Corpus juris civilis, III, nov. XXVIII, Ediderunt fratres Kriegelii. Stuttgart, 1887.

[5] Дм. Бакрадзе. Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре. СПб., 1878, стр. 275 сл., табл. IV.

[6] Краткое сообщение об этих раскопках содержится см.: Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 154—156 (на груз. яз.).

перё и Дм. Бакрадзе создается впечатление, что вся ограда «акрополя» имела в плане приблизительно прямоугольную форму. К выявленной в 1949 г. части ограды примыкали изнутри одинаковые башни, каждая из которых имела почему-то по две двери в нижнем этаже. Судя по указанным старым планам, такие башни, расположенные примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, имела вся ограда. Следует при этом отметить, что Дм. Бакрадзе точнее передает характер памятника (рис. 2): у

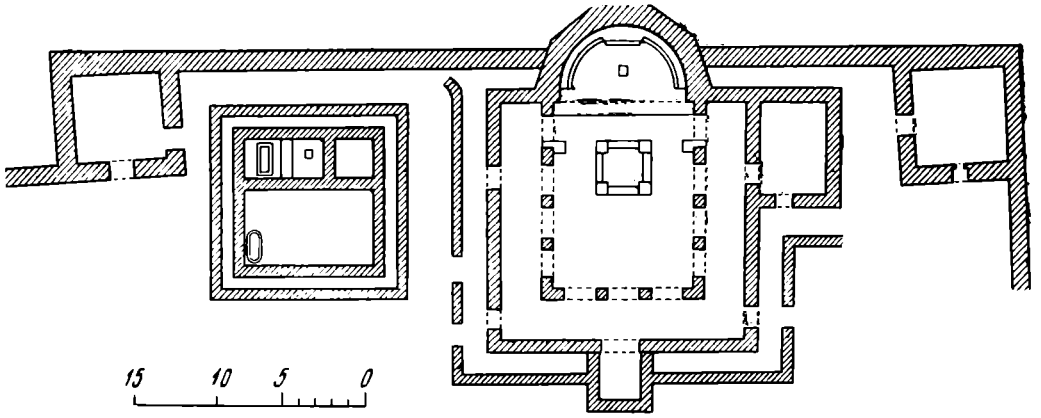


Рис. 1. План сооружений, выявленных в Вашнари в 1949 г.

него все башни примыкают к ограде изнутри, как это и было, судя по раскопкам, в действительности, в то время как Ф. Дюбуа де Монперё помещает ошибочно башни за оградой снаружи[7]. Именно действительное местонахождение указанных башен позволяет сопоставить описываемую ограду[8], если можно так выразиться, с раннесредневековой «церковной фортификацией», т. е. оборонительными оградами церквей или дворов, примыкающих непосредственно к церквям. Ограды с пристроенными изнутри башнями имели, например, общеизвестная базилика в Тебессе (Алжир)[9] и так называемая «Южная церковь» в Иль-Андерине, а также церковные дворы (атриумы?) базилики-кафедрала в Керратине и базилики Маркиана в Бабиске (все три памятника — в Сирии)[10]. Таким образом, уже характер ограды центральной части описываемого памятника позволяет предполагать, что мы в действительности имеем здесь дело не с акрополем, т. е. не с городищем, а с каким-то раннехристианским святилищем. Делая такое предположение, мы, конечно, исходим и из наличия внутри этой ограды целого комплекса культовых христианских сооружений, чего мы не имеем в Западной Грузии больше нигде, несмотря на то что здесь известны и другие базилики, но без каких-либо связанных с ними культовых сооружений.

Само географическое положение Вашнари не свидетельствует в пользу того, что здесь мог находиться раннесредневековый город. Вашнари не расположен на берегу моря, связь с которым обусловила, например, возникновение контролируемых византийцами городов в Фазисе и Петре; с другой стороны, Вашнари не был защищен достаточной удаленностью

---

[7] F. Dubois de Montpereux. Voyage au Caucase. Atlas, I, Paris, 1843, табл. XIX.

[8] В интересах компактности на рис. 1 фигурирует не весь выявленный в 1949 г. участок ограды. Здесь отсутствует северная его часть с пристроенной изнутри башней, удаленной на 43 *м* от имеющейся на рисунке ближайшей, расположенной к югу от нее башни.

[9] Ch. Diehl. Justinien et la civilisation byzantine au VI[e] Siecle. Paris, 1901, стр. 520 сл., рис. 170; этот памятник исследователи считали раньше монастырем, сейчас же его монастырем не считают; Ш.-Андре Жульен. История Северной Африки. М., 1961, стр. 273.

[10] H. C. Butler. Ancient architecture in Syria. v. II, Sect. B, 1, Leyden, 1907, рис. 54; 2, 1908, табл. X, 4, 1909, рис. 177.

от моря и местонахождением в неприступных предгорьях, как, например, Археополис или Кутаиси; наконец, Вашнари не был таким коммуникационным узлом и экономическим центром, какими были, например, Кутаиси и Родополис.

В связи с отсутствием здесь предпосылок для существования города следует, по-видимому, вспомнить и указание Прокопия о том, что район Вашнари, т. е. левобережная часть (относительно р. Риони) Лазики, была «совсем безлюдной»[11]. «Безлюдье» же является препятствием для возникновения городов, а не монастырей и прочих «святых мест».

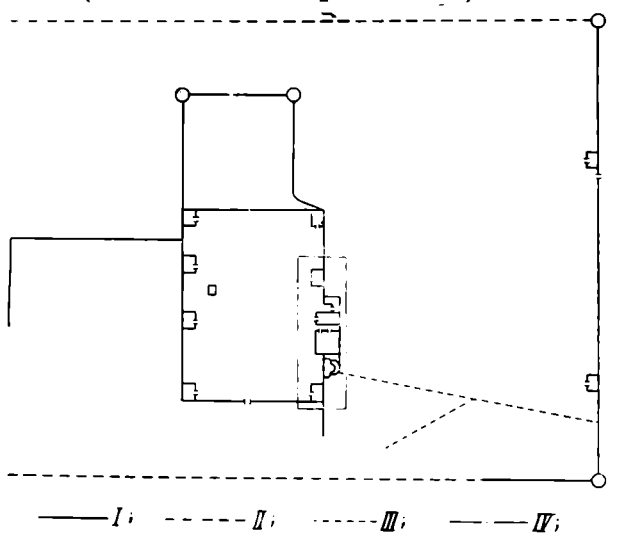


Рис. 2. Схематический план Вашнарских сооружений по Дм. Бакрадзе

I — стены; *II* — реконструкция стен; *III* — водопровод; *IV* — границы участка, раскопанного в 1949 г.

До раскопок у Вашнарской базилики прослеживалась лишь апсида, которую Ф. Дюбуа де Монперё принял за развалины храма огнепоклонников, а Дм. Бакрадзе — за развалины бани. Только раскопки 1949 г. выявили полностью эту базилику, остатки стен которой сохранились в лучшем случае на высоту 1 *м* (рис. 3). Вашнарская базилика, в стенах которой была применена кладка «opus mixtum», является весьма необычным сооружением не только для Западной Грузии, но, пожалуй, и для всего христианского мира. Необычность этой базилики заключается в ее центричной композиции, которая выражена здесь в первую очередь точной квадратной формой плана основной части сооружения, а также членением внутреннего пространства. Мы не имеем здесь обычных продольных нефов: центральный неф не доходит в базилике до западной стены — вокруг него был устроен трехсторонний обход. Центральная внутренняя часть сооружения несомненно была выделена здесь в какой-то степени и с четвертой, обращенной к апсиде, стороны. Перед апсидой в центральном нефе в полу базилики сохранились фундаменты кивория и алтарной преграды. Основная часть этих фундаментов, в точности повторяющая количество, расположение, а также форму промежуточных опор каждой стороны обхода, и составляет в плане четвертую сторону внутреннего центрального квадрата базилики, в точности соответствующего внешнему квадрату ее стен. Таким образом, описываемый памятник несомненно отражает в себе искания в области создания центричных композиций на базе базилик, в чем и заключается в основном его значение. Переход от базилики к купольному храму происходил, конечно, в основном путем выделения купольного пространства лишь четырьмя опорами, обусловившими создание так называемых крестовокупольных церквей, однако вполне возможно, что сооружения типа Вашнарской базилики сыграли определенную роль в создании так называемой перистильной системы, сущность которой заключается в отделении центрального квадрата «...от окружающих его помещений не только четырьмя угловыми столбами, но с трех сторон еще и промежуточными парами колонн между ними. В сторону алтаря пространство между столбами остается открытым. Таким образом, вокруг центрального квадрата, перекрытого куполом, образуется внутренний обход... Имея некоторое сходство в плане с крестовокупольными зданиями, постройки пе-

[11] Прокопий. Война с персами, II — 29; его же. Война с готами, VIII — 13.

Рис. 3. Остатки базилики в Вашнари

ристильного типа глубоко отличны от них тем, что они лишены концов креста» [12].

Говоря о значении Вашнарской базилики, здесь, конечно, нужно отметить, что при всей своей необычности особенности ее не являются исключительным явлением в раннесредневековой архитектуре. Можно указать, в частности, на существование двух аналогичных Вашнарской базилике памятников. Это сохранившаяся базилика св. Марии в Сан-Джермано (в Италии возле Неаполя) и развалины базилики в Истрии (Западное Причерноморье). Оба памятника также представляют в плане точные квадраты, вдоль стен, которых изнутри устроены обходы (в первом случае четырехсторонний, а в другом — трехсторонний), имеющие, как и в Вашнари, с каждой внутренней стороны по четыре промежуточные опоры [13]. Столь сильная территориальная удаленность всех трех очень редких и в то же время очень похожих памятников говорит, несомненно, о том, что выстроены они были независимо друг от друга, хотя, по-видимому, и отражали при этом одну из общих тенденций в развитии раннесредневековой архитектуры.

Центричную композицию Вашнарской базилики (и двух вышеназванных аналогичных ей памятников) подчеркивает и то, что здесь нет нартекса, отсутствие которого особенно бросается в глаза, так как в «конструктивном» отношении рассматриваемый памятник (и его аналоги) связан не со сводчатыми базиликами, часто безнартексными, а с эллинистическими, снабженными обычно нартексами. Наиболее характерной чертой последних являлось деревянное стропильное перекрытие; оно должно было быть и в Вашнарской базилике, о чем говорит здесь сочетание тонких стен с большими пролетами.

Некоторые исследователи полагают, что функциональную роль нартекса в базиликах может играть наружная галерея, имеющаяся, в частности, и в Вашнарской базилике. Однако в данном случае следует, по-видимому, учесть и то, что у весьма немногочисленных эллинистических

---

[12] Н. И. Брунов. Архитектура Византии. ВИА, 3, Л.— М., 1966, стр. 84.

[13] H. Holtzinger. Altchristliche und byzantinische Baukunst. Leipzig, 1909. рис. 105—107; J. Barnea. Nouvelles considerations sur les basiliques chrétiennes de Dobroudja. «Dacia», XI—XIII, 1945—1947, Bucureşti, 1948, рис. 3.

базилик с аналогичными внешними трехсторонними галереями (базилики в Партенитах — Крым и в Курлине — Югославия) имеются также и нартексы [14]. Как и в двух вышеназванных базиликах, наружная галерея рассматриваемого памятника огибает его с трех сторон. Однако сохранилась здесь эта галерея очень плохо: у восточных ее концов не осталось даже фундаментов.

В западной стороне базилики с остатками наружной галереи связаны фундаменты прямоугольного наружного помещения, устроенного возле главного входа в базилику. Помещение это, несомненно, было каким-нибудь преддверием — портиком или притвором. В северной и южной стенах базилики было устроено по два входа. В южной стене наличие двух дверей обусловлено тем, что одна из них связывала базилику с прилегающим к ней с юга помещением. Наличие же двух северных дверей у базилики вызвано было, по-видимому, только стремлением соблюсти симметрию. В середине восточного фасада у базилики выступала пятигранная снаружи апсида, крайние грани которой сужались в плане наружу, как это наблюдается в Западной Грузии лишь у базилики Петры, расположенной недалеко от Вашнари, что представляется нам неслучайным обстоятельством.

Изнутри вдоль апсиды были устроены полукругом сидения для священнослужителей с выделенным посредине местом для епископа. В центре апсиды выявлена небольшая яма, выложенная кирпичом. Аналогичные ямы с находящимися в них ковчежцами для мощей были обнаружены и в апсидах многих других раннесредневековых базилик [15], исходя из чего устанавливается и назначение описываемой ямы.

К восточной части южной стены Вашнарской базилики примыкало снаружи прямоугольное помещение, чего мы не имеем больше ни в одной из известных раннесредневековых базилик Западной Грузии. Аналогичные по местонахождению помещения при базиликах других районов являлись обычно баптистериями [16], исходя из чего можно определить и назначение указанной части рассматриваемого памятника. Интересно отметить, что возле баптистерия Вашнарской базилики обнаружены снаружи остатки водопровода из керамических труб, который подводил сюда, по-видимому, воду, необходимую для обряда крещения.

Внутри базилики во время раскопок 1949 г. была найдена обломанная мраморная ионическая капитель от колонки диаметром в 22 *см*. Небольшой диаметр колонки говорит о том, что она могла быть применена здесь только в кивории, или в алтарной преграде. С этой капителью и надо, по-видимому, связывать упоминание Дм. Бакрадзе «колонок из чистого белого мрамора», которые были отрыты в прошлом столетии внутри базилики [17].

Внутренними промежуточными опорами Вашнарской базилики служили не колонны, а сложенные из кирпича столбы Г-образного (по углам центрального нефа) и прямоугольного сечения. Применение таких столбов вместо круглых колонн можно считать самой характерной чертой раннесредневековых базилик Западной Грузии [18]. Однако в кивории (или алтарной преграде) Вашнарской базилики, да и в нижерассматриваемом мартирии, колонны с капителями применены были, поэтому отсутствие

---

[14] А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.— Л., 1964, рис. 16; R. F. Hoddinott. Early Byzantine Churches in Macedonia and Southern Serbia. London, 1963, рис. 104.

[15] Н. М. Беляев. Херсонесская мощехранительница. SK, III, Прага, 1929, стр. 115 сл.

[16] См., например, баптистерии сирийских базилик: восточной в Кседжбехе, св. Серия в Дар-Кита и в Каср-Иблису. H. C. Butler. Ук. соч., 4, рис. 170, 191, 211.

[17] Дм. Бакрадзе. Ук. соч., стр. 277, 278.

[18] В. А. Леквинадзе. О некоторых сооружениях древнего Питиунта. КСИА АН СССР, 113, 1968, рис. 11, *а*, стр. 57; его же. Гантиадская базилика. СА, 1970, 3, рис. 1, 4 и 6.

здесь междунефных колонн — и здесь и в других базиликах Западной Грузии — вряд ли можно связывать с архитектурными вкусами их строителей. Как известно, в раннее средневековье колонны с капителями вместе со всеми остальными мраморными орнаментированными деталями базилик производились в основном на острове Проконессе (Мраморное море), откуда они поставлялись почти всему христианскому миру [19], поэтому отсутствие междунефных колонн в указанных раннесредневековых базиликах Западной Грузии можно объяснить лишь тем, что широкого завоза сюда этих деталей не было, т. е. отсутствие здесь этих колонн с капителями имеет чисто экономическую подоплеку. О значении в таких случаях экономических обстоятельств свидетельствует, по-видимому, пример раннесредневековой Ликии (Малая Азия, где городские базилики были снабжены колоннами, а деревенские — прямоугольными столбами) [20]. Вполне возможно, что применение в эллинистических базиликах столбов вместо колонн может служить в какой-то степени и хронологическим признаком, так как известные нам такие базилики со столбами датируются VI и последующими веками, например базилики в Месемврии и Гисаре (Болгария) [21], Алекилисе (Ликия) [22], Суводоле, Царицыном Граде (юго-западная базилика) и Радолисте (Македония) [23], в Партенитах, Планерском и Пампук-Кая (Крым) [24]. В VI в. кроме базилик со столбами сооружались, конечно, и базилики с колоннами. В Западной Грузии единственной базиликой, где были применены колонны, является древнейшая базилика Питиунта [25].

Очень интересен вопрос о том, каковы были внешние массы рассматриваемого памятника в его неразрушенном виде. Упоминавшаяся выше аналогичная церковь св. Марии в Сан-Джермано представляет собой, по-видимому, снаружи центральную квадратную башню, выступающую над четырехсторонним обходом. Однако здесь и в самом обходе по углам также возвышались меньшие по размерам четыре башни [26]. Таким образом, внешние массы памятника полностью выражали здесь его внутреннюю центричную композицию.

В Вашнарской же базилике, где обход был не четырех-, а трехсторонним, вопрос может ставиться лишь о том, выступал ли здесь центральный неф над трехсторонним обходом или нет, и если нет, то каково было перекрытие — двускатное или четырехскатное.

Общая четырехскатная кровля над всей базиликой, разумеется, лучше всего бы соответствовала отмечавшейся выше центричной композиции памятника и его общей планировке в виде квадрата. Выступающий же центральный неф над обходом или общая двускатная кровля представляли бы собой, по-видимому, отход от стремления строителей во всем, где это можно было, соблюсти здесь центричную, или, точнее выражаясь, даже «концентричную» композицию памятника, поэтому исходя уже из этого можно предположить наличие у рассматриваемой базилики именно общей четырехскатной кровли, исключающей всякое выделение центрального нефа над обходом. В пользу этого предположения нам кажется, говорят в рассматриваемом памятнике и некоторые его незначительные на первый

---

[19] А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Л.— М., 1959, стр. 132.

[20] R. M. Harrison. Churches and Chapels of Central Lycia. AS, XIII, 1963, стр. 149.

[21] Кр. Миятев. Архитектурата в средновековна България. София, 1965, рис. 4—5, стр. 16; A. Protitch, L'architecture religieuse Bulgare. Sofia, 1924, рис. 3.

[22] R. M. Harrison. Ук. соч., рис. 3, стр. 129.

[23] R. F. Hoddinott. Ук. соч., рис. 128, 144 и 159, стр. 203, 213, 231.

[24] А. Л. Якобсон. Средневековый Крым, рис 11 и 16; его же. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л., 1970, рис. 77.

[25] И. Н. Цицишвили. История грузинской архитектуры. Тбилиси, 1955, стр. 41 (на груз. яз.). Однако эта базилика датируется началом IV в. В. А. Лекванадзе. О древнейшей базилике Питиунта и о ее мозаиках. ВДИ, 1970, 2, рис. 1 *б*, стр. 192.

[26] H. Holtzinger. Ук. соч., рис. 105—107.

взгляд детали. А именно: апсида в Вашнарской базилике снаружи несколько шире центрального нефа, в то время как у обычных базилик с выступающим центральным нефом апсиды или уже центрального нефа, или же имеют одинаковую с ним ширину. Среди же довольно редких базилик с выступающей более широкой, чем центральный неф, апсидой, сохранившиеся или реконструируемые памятники как раз и отличаются тем, что центральный неф у них не выступает над боковыми. Примером могут служить реконструируемая А. Саиняном базилика в Касахе (Армения) [27]. и базилика св. Георгия в Самехе (Сирия) [28]. Таким образом, отсутствие базиликального разреза в рассматриваемом памятнике более или менее очевидно.

Предполагая в Вашнарской базилике общую четырехскатную, а не двускатную кровлю, здесь, по-видимому, следует обратить внимание на первую от апсиды пару столбов, которые явно были мощнее всех остальных промежуточных столбов памятника. Вот над этой-то первой от апсиды парой столбов и могла находиться самая мощная балка перекрытия, которая служила затяжкой, или опорой, четвертого ската кровли, обращенного к апсиде; роль такой же «балки» с остальных трех сторон играла аркада обхода. Однако в данном случае возникает, конечно, вопрос: для чего же вообще нужны были тогда четыре столба в каждой стороне обхода, если с их ролью могли вполне справиться и два столба? Дело в том, что все трехсторонние обходы в известных нам сохранившихся эллинистических базиликах были двухэтажными [29], так что и в Вашнарской базилике такой обход, по-видимому, также должен был быть двухэтажным. Для несения же второго этажа двух столбов в каждой стороне обхода было бы, разумеется, недостаточно.

При почти одинаковой высоте в Вашнарской базилике центрального нефа с обходом аркада между ними обязательно должна была быть двухъярусной, так как относительно общих размеров базилики расстояния между столбами очень невелики здесь для одноярусной аркады, так что и двухъярусность аркад вместе со значительной высотой обхода также должны говорить о наличии в обходе двух этажей. Таковы наши предположения о том, как выглядела Вашнарская базилика в неразрушенном виде.

Как уже говорилось, в Вашнари был выявлен также и мартирий, который мы приняли раньше за обычный мавзолей, а некоторые исследователи даже за «малую церковь» [30].

Мартирий (рис. 1 и 4) был расположен всего в 2 *м* к северу от описанной базилики. Представлял он собой квадратное в плане здание с двойными внешними стенами. Внутренний квадрат здания был разделен стеной на два неравных прямоугольных помещения, из которых меньшее также было разделено сперва на две неравные части. По своим размерам эти части соответствовали приблизительно одна другой как 1:2. Большая из них часть позднее была вновь поделена перегородкой на две части в результате чего в одном — восточном конце сооружения образовались три одинаковые «ячейки». Вполне естественно, что главной ячейкой по своему расположению, а следовательно, и назначению была средняя. В центре ее была обнаружена небольшая (30 × 46 *см*), выложенная кирпичом яма, точно такая же, в каких помещались в базиликах ковчежцы с мощами. То, что и в этой яме должен был находиться когда-то ковчежец, подтверждается кроме характера самой ямы также и приводимыми ниже обстоятельствами.

[27] О. Х. Халпахьчян. Архитектура Армении. ВИА, 3, рис. 7.

[28] H. C. Butler. Ук. соч., II, A, 2, 1909, рис. 65.

[29] См., например, базилику св. Агнессы в Риме (H. Holtzinger. Ук. соч., рис. 44, 46) или некоторые сирийские базилики в Апамене (G. Tchalenko. Villages antiques de la Syrie du Nord. II, Paris, 1953, табл. XII, *1*, *2*, *3*, *4*, *6*).

[30] Г. Ломтатидзе. Культура и быт Грузии IV—VII вв. «Очерки истории СССР, III –IX вв.», М., 1958, стр. 282.

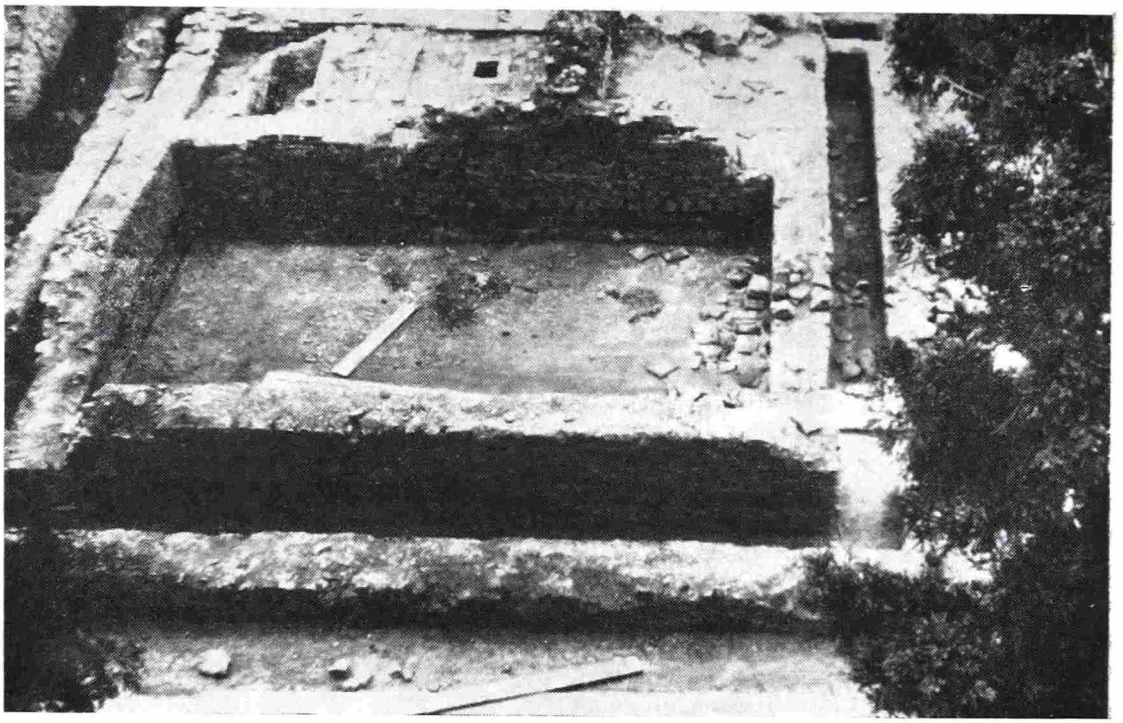


Рис. 4. Остатки мартирия в Вашнари

В описываемом сооружении выявлены два нарушенных погребения: одно в северной ячейке, а другое — в глиняном саркофаге — в северо-западном углу самого большого помещения.

Сооружения описанного типа довольно редки и слабо изучены; на них, по-видимому, вообще никогда не обращали должного внимания, поэтому — хотя бы для предварительного осмысления рассматриваемого памятника для определения его назначения — здесь придется перечислить и коротко описать все известные нам аналогичные сооружения.

В 1855 г. в Херсонесе (Крым) была выявлена базилика V в., известная в специальной литературе под именем «Уваровской». К более позднему нартексту этой базилики, датируемому, по-видимому, началом VII в [31], было пристроено с севера точно такое же по своему внутреннему устройству сооружение, какое мы только что описали [32]. В Херсонесе, это сооружение представляло собой часть базилики (рис. 5,*а*), а не изолированную постройку. Интересно также отметить, что в центральной «ячейке» херсонесского сооружения обнаружено одно из погребений, однако его местонахождение у самой стены, а не в центре «ячейки» ясно говорит о том, что и здесь «ячейка» предназначалась в первую очередь не для указанного погребения. О назначении интересующей нас части Уваровской базилики писалось только, что «при херсонесских храмах и часовнях часто встречаются с внешней стороны отгороженные площадки прямоугольной, а иногда крестообразной формы с могилами, быть может, местных церковнослужителей» [33].

В 1908 г. Т. Виганд опубликовал датируемую V — началом VI в. базилику Асклепион в Милете. К северному нефу этой базилики примыкало сооружение (рис. 5*б*) о назначении и устройстве которого в доступной нам специальной литературе ни тогда, ни сейчас, к сожалению, ничего не сказано [34]. Тем не менее, исходя из опубликованных чертежей, можно, по-ви-

[31] О датировке Уваровской базилики и ее отдельных частей см.: А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 160.

[32] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. ИАК, 20, СПб., 1906, табл. III.

[33] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Ук. соч., стр. 51—52.

[34] Th. Wiegand. Sechster vorläufiger Bericht über die von den konigl. Museen in Milet und Didyma unterkommenen Ausgrabungen, Berlin, 1908, стр. 31 сл.; G. Kleiner. Die Ruinen von Milet. Berlin, 1968, стр. 135.

димому, полагать, что и по назначению, и по устройству указанная часть Милетской базилики была аналогична Вашнарскому и Херсонесскому мартириям. Об идентичности всех трех указанных памятников говорят, в частности и следующие обстоятельства:

1) Милетский мартирий имел такую же ориентировку, как и Вашнарский;

2) Милетский мартирий входит в комплекс сооружений, которые по своему составу и расположению аналогичны комплексу сооружений, окружавших Уваровскую базилику. На том месте, в частности, где у Милетской базилики находился, судя по Т. Виганду, другой — круглый в плане — мартирий, у херсонесской базилики, судя по К. К. Косцюшке-Валюжиничу, находилась прямоугольная в плане «усыпальница».

На чертеже Милетского мартирия, однако, не фигурируют ни погребения, ни поздняя перегородка.

Наконец, в 1950 г. была раскопана в древнем Фасосе (о. Фасос) базилика агоры, к нартексу которой, опять-таки с северной стороны, было пристроено помещение с тремя расположенными друг возле друга склепами. Стена изголовия центрального склепа имеет здесь изнутри эпитафию ΑΚΚΑΙΟΥ ΜΑΡΤΥΡΟΣ, т. е. «Акакий мученик», определяющую назначение всей северной пристройки со склепами (рис. 5, *в*). Это был мартирий, т. е. культовое сооружение над останками одного из христианских мучеников, пользовавшихся, как известно, большим почитанием у христиан. Описанный мартирий базилики Фасоса датируется V в. [35].

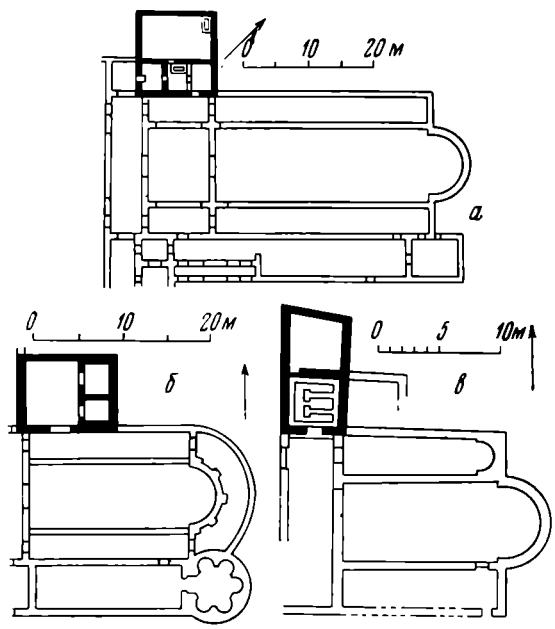


Рис. 5. Мартирии, пристроенные к базиликам

а — в Херсонесе (по К. К. Косцюшке-Валюжиничу); *б* — в Милете (по Т. Виганду); *в* — в Фасосе (по Ш. Дельвуа)

Эпитафия Акакия, нам кажется, хорошо определяет и назначение трех вышеописанных сооружений — в Вашнари, Херсоне и Милете, так как они аналогичны в принципе мартирию Акакия. Для таких мартириев характерно, в первую очередь, наличие трех склепов, или трех «ячеек», и одного помещения, предназначавшегося, несомненно, для отправления здесь поминального культа — именно в этом помещении должен был протекать «процесс» поклонения мученику. Характерно для таких мартириев и то, что они должны были примыкать к северной стороне нартексов раннесредневековых базилик. В Милетской базилике, однако, где нартекса нет, такой мартирий примыкает к тому месту, где этот нартекс «должен был быть». В Вашнарской же базилике отсутствие нартекса обусловило, возможно, то, что мартирий здесь вообще оказался изолированным сооружением, в чем и заключается, по-видимому, его основная особенность. Тем не менее все остальные — пристроенные к базиликам — аналогичные памятники говорят о том, что внутреннее устройство Вашнарского мартирия делает его по своим функциям неотделимой частью Вашнарской базилики.

В Вашнарском (а возможно, и Херсонесском) мартирии вместо склепа в центральной ячейке, как уже говорилось, имелась яма для ковчега, что свидетельствует об отсутствии у вашнарцев целых мощей мученика. Ков-

---

[35] Ch. Delvoye. Thasos, la basilique paleochretienne et ses annexes. BCH. LXX — 151—1, Paris, 1951, рис. 43, стр. 154 сл.

чежцы содержали обычно их частицу, поэтому ковчежец должен был заменить собой здесь целое погребение или целые мощи мученика. Недаром ковчежцам в раннее средневековье придавали зачастую форму миниатюрного саркофага [36]. Недаром для ковчежца вашнарского мартирия отведено место, рассчитанное на целые останки.

Для кого же предназначались две крайние ячейки в вашнарском мартирии? Высказывалось предположение, что крайние склепы мартирия Фасоса также могли предназначаться для мучеников. Предположение это исходило из того, что весь мартирий Фасоса мог предназначаться для останков тех трех мучеников, которые, судя по Константинопольскому синаксару, были отправлены из Константинополя на Фасос [37]. Против такого предположения, однако, говорит наличие места для двух крайних погребений и во всех перечисленных аналогичных мартириях. По-видимому, крайние места предназначались здесь для обычных погребений каких-либо «выдвинувшихся» христиан. В одном из крайних склепов мартирия на Фасосе сохранившаяся часть надписи сообщает даже должность погребенного здесь христианина — ΔΙΑΚΟΝΙΣ [38] — дьякон. С этим обстоятельством уместно уже сопоставить вышеприведенное указание, что в херсонесском мартирии находились «могилы, быть может, местных церковнослужителей».

Так или иначе, обычай захоронения христиан возле останков мучеников общеизвестен. В этом отношении происхождение рассматриваемых мартириев следует, по-видимому, возводить к тем кубикулам раннехристианских катакомб, у которых прямо против двери, т. е. на самом почетном — центральном месте, устраивались аркосолии с саркофагами мучеников, а по сторонам размещались loculi — ниши для захоронения обыкновенных христиан [39].

Можно делать, по-видимому, предположения и относительно того, почему «почетных» мест для останков мученика и для обычных захоронений в мартириях указанного типа было три, а не четыре или пять? Указанному явлению, конечно, можно дать очень простое объяснение: в мартирии, предназначавшемся, как правило, для останков одного мученика, в действительности только и могло быть еще лишь два «почетных» места — по обеим сторонам от этих останков, в результате чего и возникла стандартная трехчастность одной стороны мартирия.

Однако следует отметить и то, что в самых распространенных раннехристианских погребальных сооружениях (как надземных, так и подземных) также можно было поместить только лишь три «почетных» захоронения, так как основой таких сооружений являлось небольшое прямоугольное помещение, в трех стенах которого помещалось изнутри по одному аркосолию для саркофага (ставившегося иногда без аркосолия просто у стены); четвертая же стена отводилась для устройства двери [40]. Возможно, что вполне рациональное здесь число захоронений со временем могло стать традиционным и канонизированным. Мартирии же рассматриваемого типа производят в связи с этим в какой-то степени впечатление таких обычных погребальных сооружений, у которых обступавшие ранее с трех сторон центр места для захоронения сконцентрировали в одном конце сооружения.

Сделано это могло быть только из желания покоиться как можно ближе к останкам мученика.

---

[36] Н. М. Беляев. Ук. соч., стр. 115 сл.
[37] R. F. Hoddinott. Ук. соч., стр. 108.
[38] Ch. Delvoye. Ук. соч., стр. 160.
[39] Н. В. Покровский. Церковная археология. Пг., 1916, стр. 5.
[40] См., например, мавзолей Галлы Плацидии и первый этаж гробницы Теодориха в Равенне (H. Holtzinger. Ук. соч., рис. 94—96, 98, 100), а также целый ряд гробниц и мавзолеев в Сирии (H. C. Butler. Architecture and other Arts. New York. MCMIII, рис. 41, 63, 67, 99, 100).

Неясной для нас деталью Вашнарского мартирия являются его двойные внешние стены, между которыми оставлен промежуток, напоминающий глухой обходной коридор. Ни в одном из перечисленных мартириев таких двойных внешних стен нет, однако у некоторых позднеантичных и раннесредневековых погребальных сооружений обходные коридоры известны [41]. Имелись такие коридоры-обходы и во многих криптах, устроенных под апсидами церквей [42], что определенно говорит о ритуальном — обрядовом значении описываемой детали в культе почитания умерших как простых (но, разумеется, богатых) смертных, так и святых-мучеников. Однако обходные коридоры, как известно, были в то же время и «самой характерной чертой» в храмах самых различных религий, в частности древневосточных [43], откуда эта деталь, возможно, и была «позаимствована» погребальными сооружениями и криптами, однако имеем ли мы дело с таким же ритуальным обходом в Вашнарском мартирии — решить трудно из-за очень незначительной ширины промежутка между двойными стенами. Промежуток этот равен всего 70 *см* на уровне сохранившихся стен. Такое незначительное расстояние между стенами вынуждает нас допускать и другую возможность объяснения наличия здесь двойных стен: внешняя стена мартирия могла быть сооружена и позднее, в связи с тем, что вашнарцы со временем украсили свой мартирий с помощью архитектурных средств.

При раскопках рассматриваемого памятника обнаружены фрагменты колонн, базы, простые импосты и капители (последних 6 штук) «варваризированного» коринфского ордера. Все эти детали из песчаника, поэтому их можно считать изготовленными здесь же. Насколько нам известно, с остальными аналогичными мартириями таких архитектурных деталей не связывают, так что вне зависимости от значения в рассматриваемом памятнике двойных стен колоннада, остатки которой здесь были найдены, должна была стоять именно на внешней стене.

Рассматриваемый памятник отличается от остальных аналогичных мартириев и тем, что в остатках его стен, сохранившихся над фундаментом в среднем на 1—1,5 м, нет никаких следов от дверных проемов. Это дает основание полагать, что они были расположены высоко над землей. Такие же высоко расположенные над землей двери мартирия вместе с наличием у него колоннады позволяют составить представление о его внешнем первоначальном облике, который должен был походить на обычные позднеантичные и раннесредневековые мавзолеи. Эти мавзолеи, как известно, представляют собой высокие двухъярусные сооружения, у которых нижний ярус имеет обычно глухие стены, а верхний — с дверями — представляет собой портик, окружающий целлу с четырех сторон или устроенный только с одной — лицевой стороны, как это было, по-видимому, и в Вашнари, так как с трех других сторон к мартирию здесь почти вплотную примыкают и, следовательно, скрывают его высокие сооружения: базилика, оборонительная стена и башня. Портик же, разумеется, не стали бы делать там, где он был бы не виден.

Сохранились не только сами мавзолеи указанного рода [44] генетически связанные, несомненно, с одним из семи чудес света — знаменитым Галикарнасским мавзолеем, но и их изображения. О том, что такие мавзолеи были самыми обыкновенными и самыми распространенными, свидетель-

[41] См., например, мавзолей в Блад-Гитане (Алжир) (S. Gsell. Les monuments antiques de l'Algerie. II, Paris, 1901, стр. 414 сл.) или мавзолей в Зенобии (Месопотамия) (F. Sarre und E. Herzfeld. Archaeologische Reise im Euphrat und Tigris Gebiet. II, Berlin, 1920, рис. 345).

[42] См., например, крипту равенской базилики св. Аполлинария в Классе (O. Wulff. Altchristliche und Byzantinische Kunst. II, Berlin, 1914, рис. 344).

[43] В. Л. Воронина. Доисламские культовые сооружения Средней Азии. СА, 1960, 2, стр. 48 сл., рис. 1, 2.

[44] См., например, гробницу Теодориха в Равене или сирийские мавзолеи в Гасе и Рувехе (H. Holtzinger. Ук. соч., рис. 97, 100, 208—210, 214).

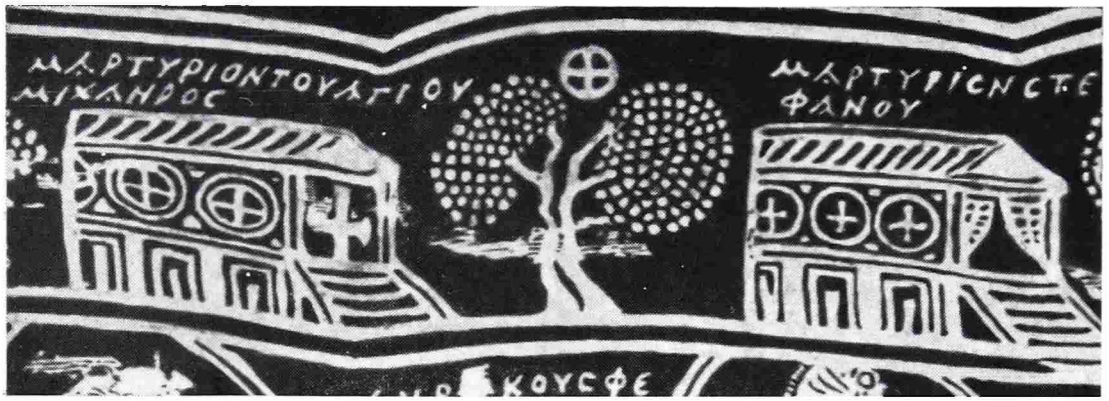


Рис. 6. Изображения мартириев на ткани (по И. Стриговскому)

ствуют многочисленнейшие их изображения в сценах воскрешения Лазаря, стоящего в виде спеленутой фигуры в портике второго этажа мавзолея. Эта сцена представлена и во фресковой живописи катакомб, и на рельефах раннехристианских саркофагов, и на церковной утвари [45]. Однако самые ценные в данном случае изображения интересующих нас памятников имеются на одной раннесредневековой александрийской ткани, хранящейся в Берлинском музее прикладного искусства (рис. 6). Здесь эти памятники пояснены греческими надписями, которые гласят: «Мартирий святого Михаила», «Мартирий Стефана» и т. д.[46]. Таким образом, не только внутреннее устройство, но и внешний облик рассматриваемого памятника представляется нам обычным для раннехристианских мартириев определенного а возможно даже, и самого распространенного типа. Необычным может оказаться лишь сочетание внешнего вида мартирия с его внутренним устройством, известным нам пока только у мартириев, которые являются частью базилик, а не у изолированных мартириев.

Рис. 7. Капитель Ваашарского мартирия.

Как уже говорилось, в завале Вашнарского мартирия было обнаружено шесть коринфских капителей (рис. 7). Высота их равна 32 *см*; увенчивали они колонны, верхний диаметр которых всего 26 *см*. Таким образом, эти капители по размерам представляли собой нечто среднее между обычными капителями междунефных колоннад и капителями киворіев и алтарных преград. Форма вашнарских капителей характеризуется тем, что расширялись они кверху очень незначительно. Кроме того, расширение здесь происходило не постепенно, а сразу, в связи с чем нижняя половина капители представляет собой фактически цилиндр — продолжение колонны, а верхняя — квадр. Стороны у верхней половины впалые, что позволило выделить у них наверху посредине каждой стороны обычные в коринфских капителях шишки, украшенные или простыми радиальными полосами, или рельефными четырехлепестковыми розетками.

---

[45] Н. В. Покровский. Ук. соч., рис. 53.
[46] J. Strzygowski. Orient oder Rom. Leipzig, 1901, табл. IV.

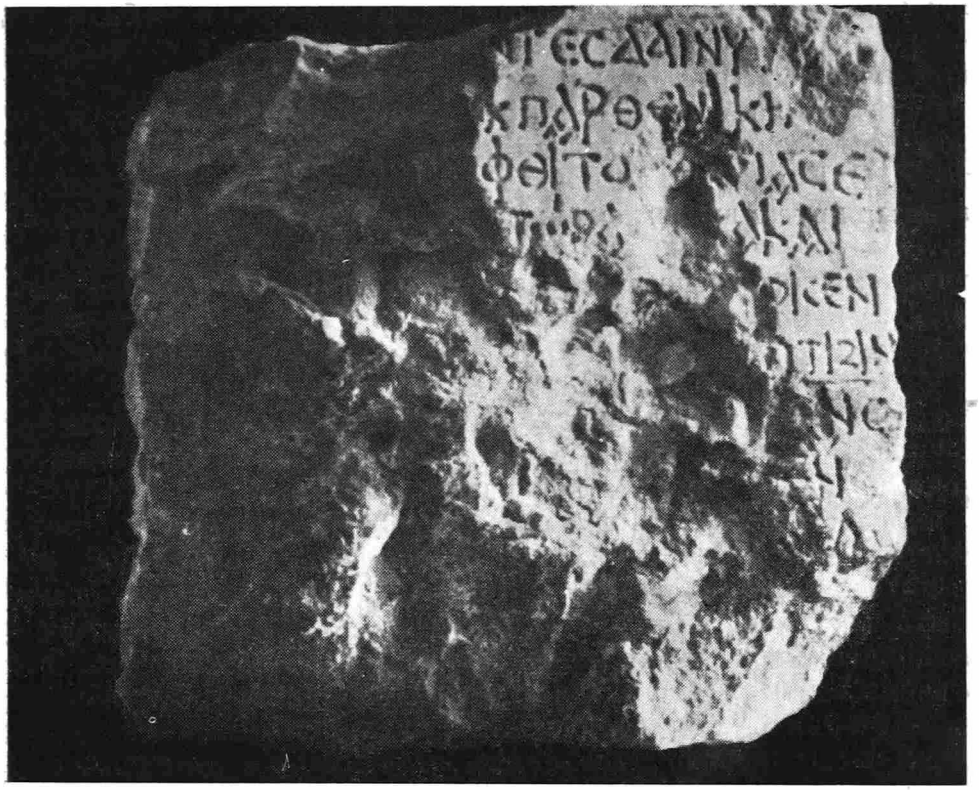


Рис. 8. Греческая надпись из Вашпари

По «сюжету» своего декора рассматриваемые детали, несомненно, могут быть отнесены к той особой и, по-видимому, малочисленной категории коринфских капителей, которую Р. Кауч определил в качестве «четырехлистных капителей со спаренными хеликсами». Таких капителей Р. Кауч публикует только две; происходят они из Солоны (Югославия) и датируются второй половиной V в., декор их, однако, переходит и на импостные капители VI в.[47] Несмотря на то, что именно солонские капители являются пока единственными известными нам ближайшими аналогиями для вашнарских, последние, по-видимому, совсем не обязательно также датировать V в., так как сама манера исполнения на них декора намного хуже, чем на капителях из Солоны. Основным их художественным недостатком является «эклектизм» приемов обработки, а именно сочетание изображений, выполненных в чисто графической манере (спаренные, хеликсы, абаки), и рельефных изображений (шишки, розетки на них и, самое главное, аканф). В аканфовых листьях рельефность чувствуется здесь лишь у краев. Середина же листьев абсолютно не выступает из «фона». Наконец, самым бросающимся в глаза приемом обработки этих капителей является применение бурава, с помощью которого высверлены круглые отверстия, расположенные вдоль края аканфа изнутри. Известные нам капители с высверленными отверстиями датируются VI в.[48].

Верхняя плоскость вашнарских капителей имеет в центре лунку, в которой пересекаются четыре процарапанные линии. Две из них делят плоскость на четыре «квадрата», две остальные делят ее по диагоналям. Этими линиями капитель, разумеется, была не украшена, а предварительно размечена до начала ее детальной обработки.

---

[47] R. Kautzsch. Kapitellstudien. Berlin — Leipzig, 1936, стр. 16 сл., табл. 3 *21* и *22*.

[48] Ἀ. Κ. Ὀρλάνδος. Ἀνασκαφὴ τῆς παλαιοχριστιανικῆς βασιλικῆς «Τριῶν Ἐκκλησιῶν Πάρου. Πρακτικα της εν Αθηναις Αρχαιολογικης Εταιρειας — του εγους, 1960, Афины, 1966, стр. 249, табл. 182—184.

Среди обнаруженных в Вашнари находок здесь может быть упомянута небольшая известковая плита (22 × 23,5 × 12,5 *см*) с поврежденной греческой надписью (рис. 8), которая, возможно, имела отношение к одному из описанных помещений (баптистерию), так как в надписи упоминается слово «крещение». Плохая сохранность надписи позволила ее издательнице Т. С. Каухчишвили прочитать здесь всего лишь несколько почти не связанных друг с другом, слов: ’εν ταῖε δαινυ ἐκ παρθενικῆ (ς) (ἄ)φθῖτο(ι) ... πᾶσαι ... [βα] πτίζειν ...

Надпись эта интересна главным образом в связи с тем, что среди всех остальных памятников Вашнари только она и имела, хотя и весьма приблизительную, но тем не менее аргументированную датировку VI—VIII вв.[49]

Следует также отметить, что на концах линий каждой буквы в надписи высверлены буравом круглые отверстия, явно связывающие технику исполнения надписи с обработкой капителей.

Как мы видели, аналогичные Вашнарскому мартирию сооружения датируются V — началом VII в. Применение в Вашнарской базилике столбов вместо колонн говорит, возможно, о том, что эта базилика не могла быть выстроена ранее VI в. Точнее всего здесь датируются капители, относящиеся ко второй половине V—VI в. Именно этим временем рассмотренный памятник и может быть, по-видимому, датирован на основании изучения самих сооружений и их деталей.

Что же касается роли письменных источников в датировке вашнарских сооружений, то они должны учитываться не только в связи с их указаниями о времени принятия христианства в Лазике, т. е. в Западной Грузии, лишь в 523 г.[50]: данные письменных источников, по-видимому, говорят и о том, в какие периоды VI столетия могли быть выстроены рассмотренные памятники. В первой половине VI в. таким периодом могли быть 523—541 гг. В 541 г. персы овладевают городом Петрой, на пути к которой находилось Вашнари. В 550 г. византийцы отвоевывают у персов Петру, однако сразу после этого строительство в Вашнари, по-видимому, не могло быть начато, так как обстановка в этом районе все еще оставалась напряженной, о чем свидетельствует разрушение в 550 г. Петры самими византийцами, опасавшимися повторного ее захвата персами[51]. Лишь после 563 г., т. е. после того как персы уступают по договору византийцам почти всю Западную Грузию[52], в Вашнари, да и во всей Западной Грузии, по-видимому, снова могло начаться мирное (не военное) строительство.

Когда же были выстроены рассмотренные памятники: в первой или во второй половине VI в.? Нам кажется, что скорее во второй, так как памятники эти настолько значительны в Западной Грузии, что не могли не быть отмечены в таких содержательных источниках, как произведения Прокопия и Агафия, которые упоминали здесь гораздо менее значительные памятники, чем Вашнари. Кроме того, Прокопий, как говорилось, неоднократно пишет о том, что в районе Вашнари. т. е. к югу от р. Рионы, нет ни одного населенного пункта, кроме Петры. Таким образом, исходя из письменных источников, можно полагать, что описанные сооружения были выстроены скорее всего во второй половине VI в.

---

[49] Т. С. Каухчишвили. Греческие надписи в Грузии, Тбилиси, 1951, стр. 110 (на груз. яз.).

[50] Сведения о принятии христианства в Лазике в 523 г. имеются у Иоанна Малалы, Феофана Исповедника и в «Пасхальной хронике» (С. Г. Каухчишвили. Георгика. III, Тбилиси, 1937, стр. 264; IV, 1, 1941, стр. 11, 77 — на груз. и древнегреч. яз.).

[51] Прокопий. Война с персами, II; его же. Война с готами, VIII.

[52] Менандр, фрагм. 11, 15 (С. Г. Каухчишвили. Георгика. III, Тбилиси 1936 — на груз. и древнегреч. яз.).

V. A. Lékvinadzé

LES CONSTRUCTIONS DU HAUT MOYEN AGE A VACHNARI

Résumé

En 1949 au village de Vachnari (la région de Makharadzé, la République Soviétique Socialiste de Géorgie) on a découvert une basilique, un martyrium et une partie de mur d'enclos avec des tours adossées à sa face intérieure. Tout le monument n'était, paraît-il, qu'un sanctuaire chrétine remontant au Haut Moyen âge.

La basilique de Vachnari est d'une composition centrique. Mais il paraît que sa nef centrale ne surpassât d'autres parties d'édifice. On peut supposer que toute la basilique était couverte d'un toit commun à quatre pentes. Nous sommes portés à penser que les bâtiments du type de la basilique de Vachnari jouèrent un rôle important dans la formation d'une architecture cultuelle à système de construction dit péristyle.

Quant au martyrium de Vachnari, il se diffère d'autres édifices analogiques (notamment, à Chersonèse, Milet et Fassos), en premier lieu, par ce qu'il n'était pas adossé à la basilique c'est-à-dire c'était une construction isolée.

Selon les analogies à disposition, les monuments de Vachnari remontent à la seconde moitié du V-e-VI-e siècles. Mais les données des sources écrites donnent lieu à supposer qu'ils furent plutôt édifiés à la seconde moitié du VIe siècle.

Т. И. МАКАРОВА

ФИГУРКА ВОИНА ИЗ ТМУТАРАКАНИ

В 1967 г. во время раскопок И. Б. Зеест на Таманском городище была найдена вырезанная из трубчатой кости животного фигурка воина [1]. Стратиграфически точно датировать находку не представляется возможным, так как она была обнаружена уже в выбросе. Однако сама пластина с изображением достаточно выразительна и дает материал для предположений об ее назначении и датировке.

Фигурка воина вырезана по контуру из костяной пластины толщиной от 4 до 5 *мм* (рис. 1). Максимальная высота ее 7,1 *см*, ширина 3 *см*. На боковых частях хорошо видны следы срезов ножа. Рисунок лица и одежд выгравирован ножом на передней стороне пластины. Задняя ее сторона сохранила естественную структуру кости, в ряде мест подструганную ножом (рис. 2).

Ясно, что эта вырезанная из кости фигурка должна была прикрепляться к какому-то предмету, для скрепления с которым могло служить круглое отверстие (диаметром 6 *мм*), вырезанное в изгибе правой руки. На обеих сторонах пластины и на боковых частях сохранились коричневые расплывчатые пятна, по-видимому, органического характера. Воин изображен идущим влево, левой ногой сделан шаг вперед, правая, отставленная, сломана в голени. В правой, согнутой руке, он держит за рукоять меч, лежащий на плече. Левая не видна из-за щита, прикрывающего плечо и левую часть груди. На голове воина — сферическая шапка, одет он в короткую одежду, на ногах — высокая обувь, в которую заправлены штаны. Каждая из этих деталей изображена скупо, одной-двумя небрежными, часто не замкнутыми линиями. Но все же линии эти четки, определенны и изображают вполне конкретные реалии (рис. 1, *3*), к рассмотрению которых мы и перейдем.

Воин одет в короткую, несколько выше колен, одежду. Небрежно, двумя чертами показано оплечье по вороту, двумя вертикальными линиями — обшивка разреза на груди, более определенно показан «приполок» — обшивка подола. Опястье на конце рукава не намечено, пояс угадывается по двум спускающимся от талии линиям, но в большей степени — по легкой расклешенности нижней части одежды, как бы стянутой в талии.

Все эти детали могут принадлежать двум видам славянских одежд, название которых зафиксировано письменными источниками. Это сорочка или рубашка (срачица, сраца, сукня) и кафтан (кабат).

Сорочка — туникообразная, одевавшаяся через голову, короткая одежда, с ластовицами под мышками, с разрезным напереди воротом [2]. Она но-

[1] Пользуюсь случаем принести благодарность И. Б. Зеест за предоставленную возможность опубликовать находку.

[2] П. Саввaитов. Описание старинных русских утварей. СПб., 1896, стр. 129. Появление косовороток (разрез на левой стороне груди) он относит к послемонгольскому времени; Л. Нидерле. Быт и культура древних славян. Прага, 1924, стр. 161—164; В. П. Левашова. Об одежде сельского населения древней Руси. «Археологический сборник», 40, М., 1966, стр. 116.

силась навыпуск, с поясом и употреблялась и как нижнее, и как верхнее платье. В последнем случае ее шили из плотных тканей, что отразилось в самом названии разновидности этой одежды — «сукня». И сорочки и сукни украшались по вороту, рукавам, подолу узорчатыми каймами.

Рис. 1. Фигурка воина из Тмутараканн (фото)

В таких коротких одеждах изображаются на миниатюрах Кенигсбергской летописи предводители военных отрядов, сидящие на тронах князья, бояре — «лучшие мужи», простолюдины. Различия составлял материал и украшения одежд, в беглом рисунке пропадающие. Одежда тмутараканского воина ближе всего к одежде такого типа не только по облику, но и по манере ее изображения. Различие составляют две детали: отсутствие наручей и кайма, идущая от ворота посредине груди. Первое не столь существенно, второе — важно, так как указывает на особенность кроя: большой разрез выреза, который одной широкой полосой ожерелья не скрывался, а требовал дополнительной обшивки. В этом случае стоит обратиться к фрескам лестницы Софии Киевской. Участники церковных сцен на них одеты в короткую одежду с обшивкой ворота двух типов: округлого ожерелья и ожерелья со спускающимся впереди языком [3].

Такие разрезы и разрезы более длинные — до колен, характерны и для другого типа славянской верхней одежды — для кафтана. Кабат или кафтан уже во времена Константина Багрянородного был признанной народной одеждой «варваров» — болгар, хазар, франков [4]. Среди многих видов этой одежды был и вид, очень близкий сукне: короткий, с разрезом до пояса, с обшивкой подола, рукавов и ворота мехом или украшениями. В таких кафтанах изображены болгары на миниатюрах менология Ватиканской Библиотеки конца X— начала XI в. [5].

В более длинные кафтаны того же вида одеты сыновья Святослава на выходной миниатюре Изборника Святослава [6].

В сущности такой кафтан близок сорочке и вряд ли возможно решить, в «срачицу» — «сукню» или «кабат» одет тмутараканский воин. Достаточно констатировать, что он одет в одежду, широко распространенную начиная с X в. Являясь общеевропейской модой, она сама по себе не дает серьезных оснований для выводов географического порядка.

По-другому обстоит дело с обувью. Она показана мастером крайне лаконично: четырьмя косыми полосками, которые начинаются на ступне и кончаются несколько ниже колена. Что изображают эти полоски? Такие же полоски на рукаве ясно показывают складки ткани. На ногах они могут показывать складки кожи мягкого сапога. Так же лаконично показы-

---

[3] Д. Айналов, Е. Редин. Древние памятники искусства Киева. Харьков. 1899, стр. 45—48, рис. 55—56.

[4] Л. Нидерле. Ук. соч., стр. 164.

[5] Л. Нидерле. Ук. соч., стр. 153, рис. 5.

[6] Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906, стр. 41, рис. 4. Вариант такого кафтана «с разрезом во всю длину» описал А. В. Арциховский как основную мужскую одежду (А. В. Арциховский. Одежда. «История культуры Древней Руси», I, М.— Л., 1949, стр. 248).

вались они иногда и на фресках, где теневые полосы идут по всей голени и ступне [7]. В этом случае тмутараканский воин обут в мягкий высокий сапог — обувь, хорошо известную на Руси уже в X в.

Однако это не единственное решение вопроса. Полоски могут вместе с тем изображать и манеру перевязывания голени поверх мягкой обуви, зафиксированную в разнообразных памятниках искусства. Об обычае древних славян защищать голень матерчатой повязкой и ремнями писал Л. Нидерле, приводя в пример изображение Вацлава на выходном листе

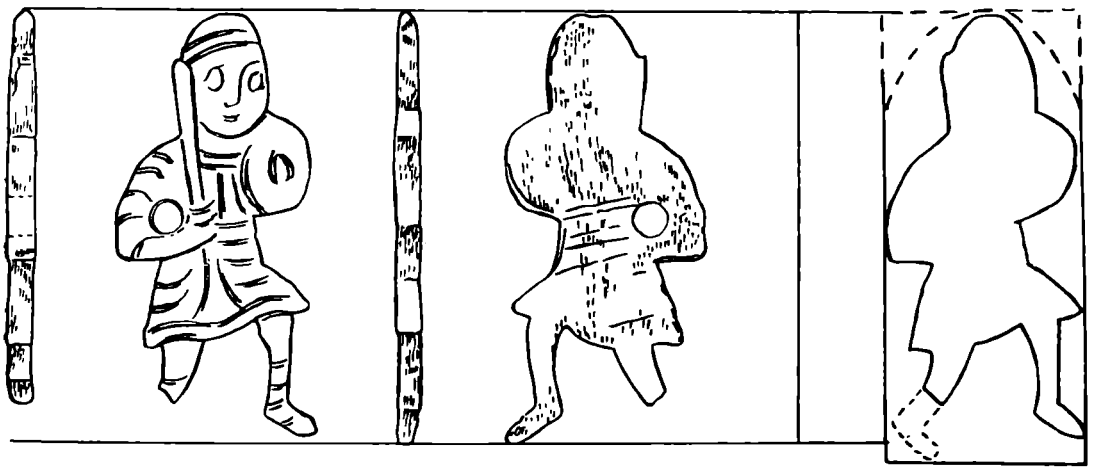


Рис. 2. Фигурка воина из Тмутаракани (прорись)

Вольфенбюттельского кодекса [8]. Очевидно, обычай этот был широко распространен: в росписи церкви Сант-Лежер во Франции (XII в.) хорошо видна перевязь, идущая по голени при ношении башмаков типа поршней [9]. Употреблялась перевязь и при ношении высокой обуви из ткани или шерсти («копытце») для защиты голени и для скрепления с подошвой. Вероятно, именно такая обувь изображена на двух памятниках византийской перегородчатой эмали. Так, красный сапог сотника в Распятии на сборной иконе с эмалями XI—XII вв. перевит зелено-голубой перевязью, гармонирующей с одеждой [10]. То же можно сказать об обуви Федора на иконе с эмалью XIII в. [11]. На одной из миниатюр Ватиканской Библиотеки второй четверти XII в. изображена не только сама обувь, но и способ ее обувания: Иаков сидит и перевивает высокий мягкий сапог (носок?) перевязью [12].

Встречается перевязь голени и на ряде русских памятников. Четко показана она на фресках Нередицы (XII в.) [13]. В обувь с перевязью голени обут святой воин Дмитрий Солунский на мозаиках Михайловского монастыря в Киеве (XI в.), [14] на рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (30-е годы XIII в.) [15], на иконе Владимиро-Суздальской школы XII—XIII вв. [16]

Правда, на миниатюрах Кенигсбергской летописи, где есть изображения и башмаков-поршней, и полусапожек, и сапогов с завязками у щико-

---

[7] Л. И. Якунина. Новгородская обувь XII—XIV вв. КСИИМК, XVII, М., 1947, стр. 43, рис. 18 *б* (2).

[8] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 235, рис. 1.

[9] «Histoire illustrée de l'art rupestre à l'art abstrait». Paris, 1961, стр. 23.

[10] А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.— Л., 1966, табл. 187.

[11] Там же, табл. 190.

[12] В. Н. Лазарев. История Византийской живописи. I, М., 1947, табл. XXVII.

[13] Л. И. Якунина. Ук. соч., стр. 43, рис. *18, б* (1).

[14] ИРИ, I, М., 1953, стр. 210.

[15] Г. К. Вагнер. Мастера древнерусской скульптуры. Гельефы Юрьева-Польского. М., 1966, табл. 47.

[16] ИРИ, I, стр. 473.

лотки и под коленом и без них, обувь со сплошной перевязью голени не встречена ни разу. Археологически такой способ ношения высокой обуви тоже пока не зафиксирован. Длинный узкий ремешок, обвивавший ногу, найден только с низкой обувью-поршнем [17].

Итак, если принять полосы на ноге тмутараканского воина за перевязь, то можно заключить, что он обут или в низкую обувь с перевязью, известную археологически, или, что вероятнее, в носки или чулки с перевязью, изображенные не раз на памятниках живописи. И то и другое не только не уводит наш памятник из круга средневекового искусства, а надежно связывает его с ним. Более того, эта обувь наводит на некоторые соображения географического порядка. Действительно, большинство аналогий, приведенных нами, связано с югом, с Византией: в такой обуви изображаются святые воины — Георгий, Дмитрий, Федор. Художник, изобразивший в виде воина святого Вацлава, также примкнул к этой традиции. Традиция эта, видимо, отражала реальность — обычную обувь воина. Эта обувь восходит к римским «калигам» — обычной обуви римских солдат. Возможно, именно подобная обувь имеется в виду в одном из памятников XIV в., где есть такая фраза: «днесь бос, а заутра копытца и калигы» [18]. Последний атрибут одежды воина — небольшая сферическая шапка с околышком, изображавшим, вероятно, опушку. А. В. Арциховский, исследуя миниатюры Кенигсбергской летописи, пришел к убеждению, что она является обязательным атрибутом русских князей и «никто, кроме князей, ее не носит» [19]. Если первое безусловно, второе вызывает сомнение. Еще Н. П. Кондаков отмечал, что на некоторых миниатюрах Кенигсбергской летописи в таких шапках изображались не только князья, но и «бояры ближние» [20]. К этому можно добавить, что обычно в таких шапках одеты послы — участники столь частых в миниатюрах Кенигсбергской летописи сцен переговоров. Так, в миниатюре, посвященной событиям 971 г. (л. 39, об.), изображены «лучшие мужи», «послы русские», присланные Святославом для заключения мира в Доростол. На голове у них сферические шапки с опушкой. В ряде сцен послы византийские (л. 38, об., н.), еврейские (л. 49) и русские «лучшие мужи», пришедшие для переговоров с князем (л. 11, об. в) [21], изображаются в таких же шапках.

И если в миниатюрах такая шапка была символом принадлежности к избранным, то и мастер, вырезавший фигурку воина из Тмутаракани, подобным головным убором мог подчеркивать то же обстоятельство. Не менее красноречиво говорит об этом и богатое вооружение воина — меч и щит. Меч — оружие дорогое, находки его редки даже в дружинных погребениях. Это — «символ феодального строя, неотъемлемая принадлежность воина-дружинника» [22].

Тмутараканский воин держит меч за эфес, лезвие его опирается на правое плечо. Мы располагаем большим количеством изображений мечей в разнообразных памятниках древнерусского искусства: в живописи, мелкой пластике, миниатюрах. На страницах Кенигсбергской летописи А. В. Арциховский насчитал 200 изображений мечей [23]. Однако только три из них воспроизводят, как считает А. В. Арциховский, мечи ранних форм. Большинство же мечей, изображенных на миниатюрах, воспроизводят

---

[17] Л. И. Якунина. Ук. соч., стр. 39; С. А. Изюмова. Кожевенное и сапожное ремесла Новгорода Великого. МИА, 65, 1959, стр. 202.

[18] Л. Нидерле. Быт и культура..., стр. 184, ссылка 1.

[19] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 28.

[20] Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи..., стр. 51.

[21] Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись. Фотомеханическое воспроизведение. 1902.

[22] А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. 1. Мечи и сабли IX — XIII вв. М.— Л., 1966, стр. 18.

[23] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 8.

мечи с длинным прямым перекрестьем, типичные для XII—XIII вв.[24]. Этот же тип меча мы находим и в живописи, и в мелкой пластике[25].

Меч тмутараканского воина отличается от этих мечей совершенно четко переданной деталью — небольшим изогнутым перекрестьем, формой своей напоминающим перекрестье знаменитого меча из Фащеватой. Изогнутые перекрестья были изредка и у мечей XI—XIII в., но и по величине, и по форме перекрестья наш меч находит более всего аналогий среди мечей второй половины X— начала XI в.[26] Не противоречит этой ранней дате и круглый щит с умбоном, который держит воин в левой руке. А. В. Арциховский, относя наличие довольно большого количества круглых щитов на миниатюрах Кенигсбергской летописи за счет поздних переписчиков и копиистов, все же отмечает, что «круглые щиты» в небольшом количестве существовали в продолжение всего средневековья[27]. Помимо отдельных находок круглых щитов X в., отмеченных Л. Нидерле[28], можно назвать целый ряд памятников искусства X—XIII в. на Руси и Византии, где изображены именно круглые щиты. Так, круглые щиты изображены на ряде византийских изделий из слоновой кости и металла XI—XIII в., на фресках Софии Киевской и Кирилловской церкви в Киеве (середина XII в.), на шиферном рельефе Ирининской церкви в Киеве (XI в.), на белокаменных рельефах Юрьева-Польского (XIII в.)[29]. Иногда на этих изображениях хорошо видна конструкция такого щита: два эсовидных, вероятно, кожаных ремня для руки; с внешней стороны — оковка с рядами скрепляющих ее с основой щита гвоздиков и в центре щита — нарядный умбон — розетка.

Щит тмутараканского воина изображен очень схематично, но все же умбон показан. Так же лаконично рисует круглые щиты миниатюрист. На миниатюре, связанной со статьей 972 г., изображено возвращение Святослава с дружиной в ладьях. Из двух щитов здесь один — сердцевидный, другой круглый, с умбоном. В сцене сражения воеводы Волчьего Хвоста с радимичами конный радимич изображен с таким же щитом с умбоном[30]. Этот список изображений круглых щитов в домонгольских памятниках Руси можно было бы продолжить, но в этом нет необходимости, потому что и перечисленные примеры достаточно убеждают нас в том, что круглые щиты изображались художниками разных отраслей прикладного искусства X—XIII вв. Было ли это обстоятельство отражением реальности или иконографической традицией определенных сюжетов, сложившихся в X в., нам в данном случае не столь важно. Ясно только, что круглый щит, с которым изображен тмутараканский воин,— не поздний признак, а в сочетании с мечом, типичным для X — начала XI в., даже конкретизирует время, когда могла возникнуть такая комбинация. Итак, по разобранным нами реалиям, тмутараканский воин с несомненностью вписывается в круг памятников X—XIII вв., а по отдельным деталям эту дату можно даже сузить.

Теперь нам предстоит рассмотреть фигурку воина как произведение прикладного искусства и найти ему место в кругу близких ему стилистически памятников.

Мы уже неоднократно сравнивали тмутараканского воина с рисунками миниатюр Кенигсбергской летописи. Действительно, они близки ему по характеру скупого, линейного рисунка, по общим пропорциям большеголовых, приземистых фигур. Это касается прежде всего той части миниа-

[24] Там же, стр. 14, 20.
[25] А. Н. Кирпичников. Ук. соч., стр. 35.
[26] Там же, табл. XI—XIII, стр. 43.
[27] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры..., стр. 174—175, 184.
[28] Л. Нидерле. Славянские древности, стр. 386.
[29] В. А. Банк. Искусство Византии в собраниях Советского Союза, рис. 134—136; 138—139; 145, 153, 190; «Історія українського мистецтва». 1, Київ, 1966, рис. 233, 234, 252; 186; Г. К. Вагнер. Мастера древнерусской скульптуры, табл. 47.
[30] Кенигсбергская (Радзивилловская) летопись, л. 40, 47, *в*.

тюр, которые принадлежат руке «первого мастера», следовавшего в своих рисунках оригиналу. Как отмечает О. И. Подобедова, изображаемые им люди коротки и большеголовы, с непропорциональными конечностями [31]. Вот эта особенность пропорционирования человеческой фигуры, восходящая к первоначальным миниатюрам лицевого свода, может считаться характерной особенностью той струи в древнерусском искусстве, которую донесли до нас некоторые произведения прикладного искусства. Речь идет о некоторых изделиях из камня и металла, несущих на себе черты того несколько примитивного, как выразился Б. А. Рыбаков, «грубоватого» стиля, который так отличается от одновременного ему монументального искусства, рождавшегося в греко-русских мастерских мозаичистов и живописцев Киева.

Наибольший интерес с этой точки зрения представляет каменная иконка из Исторического музея с изображением Глеба — Давида, найденная в пределах Тмутараканского княжества и датируемая XI в. [32]

Глеб изображен фронтально, с нимбом, в правой согнутой руке он держит крест, в левой — опирающийся на землю меч. Одет он в длинный кафтан и плащ, на голове высокая шапка с опушкой. Как видно, в деталях оба изображения достаточно разнятся, их сходство, сразу бросающееся в глаза, обусловлено совершенным совпадением пропорций. Глеб на иконке такой же большеголовый, как наш воин: голова составляет около трети всего роста. Правая рука и у того и у другого несоразмерно длинная: опущенная, она доставала бы до колена.

Такую же систему пропорций мы находим на другом памятнике — медной пластине от врат какого-то здания из Княжей Горы с золотым рисунком, изображающим трех воинов со щитами и копьями у городской стены [33]. Пластина, к сожалению, обломана, но судя по тому, что величина головы воина равна расстоянию до пояса, пропорции всей фигуры здесь те же. Трудно сказать, что скрывало за собой это смещение естественных пропорций человеческого тела — просто несовершенство рисунка или художественный прием. Важно, что приведенные нами примеры хронологически ограничиваются XI—XII вв. и что тмутараканский воин стилистически без всяких натяжек встает в ряд с этими памятниками.

Придя к определенным выводам о времени и месте тмутараканской находки, мы должны остановиться на вопросе о ее назначении. Для этого предстоит решить, кого изображает наш воин. Известно, что святые воины — сюжет, широко распространенный в средневековом искусстве, но тмутараканский воин изображен без нимба. Кроме того, атрибуты, которыми его снабдил мастер, сами по себе часто встречаются, но в таком сочетании как у него — никогда. Так, в шапках изображаются русские святые — князья Борис и Глеб, но они всегда в княжеских одеждах и меч на плече никогда не держат. Со щитом изображаются святые воины Георгий и Дмитрий, но они чаще с копьем, а меч у них в ножнах, на перевязи. Дмитрий, правда, изображался и с мечом на правом плече, но он, как и Георгий, всегда без шапки, в сагии и плаще. Меч на правом плече держит архангел Михаил, но в левой руке он держит ножны, а не щит.

В близкой нашему воину позе изображается сотник Логгин в композиции Распятия, но в правой руке он никогда не держит меча: он или «адорирует», или прижимает руку с раскрытой ладонью к груди, или держит копье.

Создается впечатление, что мастер, хорошо зная все атрибуты, которые в средневековом искусстве отличали святых воинов, изображает их без

---

[31] О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, стр. 54.

[32] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI вв. и южнорусских княжеств XII—XIII вв. ИРИ, I, стр. 282, 292.

[33] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1900, V, стр. 29—30, рис. 281, *а*; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 326, рис. 85.

стремления следовать какому-то определенному иконографически сложившемуся типу. Это можно объяснить только светским характером изображения. Каково же было его назначение? Прежде всего, следует отметить три обстоятельства, важные для правильного решения этого вопроса: 1) фигурка тмутараканского воина изображена идущей влево и может поэтому составлять боковую часть какой-то композиции; 2) фигурка вырезана на внешней стороне кости и должна была наглухо прикрепляться к какой-нибудь поверхности; 3) фигурка композиционно вписывается в прямоугольник так, что соприкасается с ним в пяти-шести точках.

Итак, тмутараканский воин мог составлять часть композиции светского характера. Вероятно, она состояла из заключенных в прямоугольные (может быть, с арочным завершением) отсеки фигур, размещенных на плоскости не менее 8 *см* в высоту.

За разгадкой назначения пластины надо обратиться к резной кости Византии, где мы найдем не только отдельные пластинки той же величины с рельефными изображениями, но и изделия, для которых они предназначены. Это ларцы, основа которых сделана из дерева, а стенки и крышка сплошь покрыты пластинами из слоновой кости [34]. Изображения выполнялись на этих пластинках в довольно высоком рельефе. Оставленная по краям полоска служила рамкой, в ней или около нее проделывались круглые отверстия для штифтов, при помощи которых пластинка прикреплялась к деревянной основе ларца. Византийские ларцы XI—XII вв. из собрания Эрмитажа в большинстве своем плоские с выдвижной крышкой, по высоте не превышают 11—12 *см*. На них в прямоугольных или квадратных отсеках изображены в рельефе животные, герои античной трагедии, менады, музыканты, сражающиеся воины. Все они отличаются исключительным мастерством исполнения. Изображенные даны в свободных, динамических позах, с великолепной отделкой деталей и умелым подчинением композиции форме прямоугольной или квадратной пластины. Воины на византийских ларцах представлены в короткой тунике, с развивающимся за спиной плащом; в одной руке они держат круглый щит, в другой — занесенный над головой меч. Ничто, кроме сюжета, не роднит эти прекрасные произведения искусства со статичной, наивной фигурой из Тмутаракани. Однако византийское искусство знает и другие решения подобных тем.

Херсонес уже в течение многих лет дает образцы местного, провинциального подражания столичным костерезным мастерским. В прямоугольных и трапециевидных отсеках в скованных позах размещены фигуры животных и птиц [35]. Невысокий плоскостной рельеф, примитивная разделка деталей, общая статичность композиции отмечают руку местного мастера.

Произведения византийских костерезов давали пищу широкому кругу средневековых ремесленников [36]. Тмутараканский воин пополняет наши представления о местном ремесле, перерабатывающем византийские традиции, и может быть, указывает на еще один центр такого ремесла, каким могла стать средневековая Тмутаракань. Интересно оно и как возможное изображение воина-дружинника времен русской Тмутаракани.

---

[34] А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза..., стр. 133—139.

[35] К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. ИАК, 4, СПб., 1902, рис. 40—41; Его же. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. ИАК, 16, СПб., 1905, рис. 33—35; Его же. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. ИАК, 20, СПб., 1906, рис. 29; Ю. Ю. Марти. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки. МИА, 4, 1941, рис. 44; М. Тиханова-Клименко. Резная костяная пластинка из Судака. ГАИМК, 3, 1931, стр. 21—25; А. П. Кубе. Резная кость. Каталог, Л., 1925.

[36] В. П. Даркевич. О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре. Сб. «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 410—419.

T. I. Makarova

LA STATUETTE D'UN GUERRIER PROVENANT DE TMOUTARAKAN

Résumé

En 1967, sur la gorodichtché de Taman, on a décelé une figurine sculptée en os représentant un combattant. Il n'a pas paru possible de dater stratigraphiquement la trouvaille. L'article traite de la détermination de l'époque et de la destination de cette rare figuration.

L'auteur fait la conclusion que la statuette n'est autre qu'une applique sur le coffret en bois de production locale imitant les objets pareils en os d'origine byzantine des XI—XIIIes siècles où l'on représentait souvent des guerriers armés de glaives et de bouclier. Les analogies existant dans l'art de l'ancienne Russie donnent lieu à voir dans cette statuette la représentation d'un combattant, armé d'un glaive, qui était membre d'une droujine du temps de la Tmoutarakan russe.

Заметки

Н. К. ВЕРЕЩАГИН, Ю. А. МОЧАНОВ

САМЫЕ СЕВЕРНЫЕ В МИРЕ СЛЕДЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

(Берелёхское местонахождение в низовьях р. Индигирки)

Первым научным сообщением о Берелёхском «кладбище мамонтов» было сообщение мерзлотоведа Н. Ф. Григорьева [1], который, побывав в урочище Угамыт на р. Берелёх в 1947 г., сделал ряд фотографий и собрал несколько зубов и костей мамонтов. Летом 1970 г. Якутский филиал АН СССР организовал комплексную экспедицию в Аллаиховский район Якутии для изучения места находки. По инициативе заведующего отделом четвертичной геологии Якутского филиала АН Б. С. Русанова в экспедиции приняли участие геологи Северо-Восточного комплексного НИИ СО АН СССР и палеонтолог Зоологического института АН СССР. Экспедиция работала с 10 июля по 20 августа, застав в начале августа наиболее низкий уровень Берелёха.

Река Берелёх — сильно меандрирующий левый приток Индигирки — впадает в последнюю за 150 *км* от ее устья. Кладбище мамонтов расположено на Берелёхе под 71° с. ш. в зоне лесотундры. Образуя большую излучину, выгнутую к северу, Берелёх подмывает здесь на левом берегу пологую возвышенность — едому (рис. 1).

Высота едомы над меженным уровнем Берёлеха около 12 *м*. По представлениям якутских геологов, едома слагается осадками, относящимися ко второй половине позднего плейстоцена. Нижний горизонт мощностью 8 *м* сложен иловатыми аллювиальными отложениями с жильными льдами, предположительно каргинского возраста. Они перекрыты лёссовидной толщей мощностью 4 *м*, представляющей, по мнению геологов, покровный лёсс сартанского возраста [2]. В головном участке Берелёхского яра едома имеет типичный байджараховый рельеф.

Костеносный участок яра расположен на протяжении около 180 *м* нижней (по течению) трети яра. Задернованный склон яра был весь усеян лежавшими на поверхности и частью торчавшими из грунта костями мамонтов. Костеносный горизонт понемногу размывался при каждом паводке, и кости сползали в русло реки, образовав три закрепленных мысочка — косы. С этого участка оленеводами ближайшего поселка Берелёх было выбрано за последнее столетие несколько сот бивней. Только в 1947 г. факторией Берелёха было принято в заготовку 50 бивней.

В 1970 г. во время работы экспедиции при помощи гидропомпы склон был размыт в трех местах и нащупан предположительно коренной костеносный горизонт, который расположен на уровне основания толщи покровного лёсса. Однако этот костеносный горизонт был преобразован мерзлотными процессами и оползнями. Кости мамонтов залегали в нем в

[1] Находки мамонтов. Обзор поступивших в редакцию материалов. «Природа», 1957, 5.

[2] Устное сообщение Б. С. Русанова.

хаотическом беспорядке и в самых разнообразных положениях вперемежку с оползшими ископаемыми дерновинами, побегами и корнями ив, космами кроющих волос мамонтов. Некоторые кости и бивни были разорваны ледяными жилами.

Общее количество собранных с поверхности оползня и искусственно вымытых из грунта костей достигало 7614 экз., причем 98,6% принадлежало мамонтам, а остальные 1,4% — волкам, росомахам, пещерным львам, лошадям, волосатым носорогам, северным оленям, бизонам и зайцам.

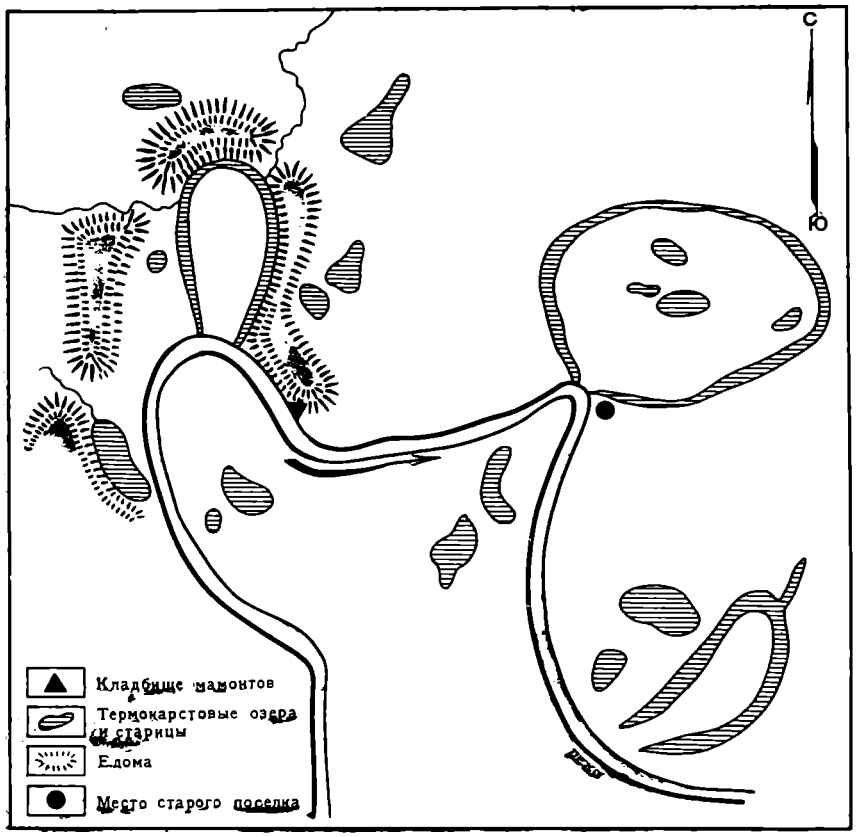


Рис. 1. Схематический план местности в районе Берелёхского местонахождения

Преобладание остатков мамонтов объясняется, вероятно, преимущественным тяготением этих зверей к долине реки и гибелью их во время весенне-летних паводков. Трупы этих животных относились полой водой ежегодно в определенную, «ловившую» их старицу, где они разлагались и постепенно замывались в иловатые отложения. Позднее мацерированные скелеты были разобщены водными потоками, а отдельные кости и бивни разорваны мерзлотными и оползневыми эффектами. Эпифизы многих трубчатых костей были выгрызены росомахами и волками.

Радиокарбоновая лаборатория НИИ географии Ленинградского университета установила абсолютный возраст ветвей ив из костеносного слоя (образец ЛУ-147—11 830 ± 110 лет) и бивня мамонта (образец ЛУ-149—12 240 ± 160 лет).

Таким образом, определения абсолютного возраста подтверждают предположение о принадлежности остатков животных к самому концу позднего плейстоцена (поздний сартан). Однако дальнейшими исследованиями необходимо установить точное положение костеносного слоя в разрезе.

Опыт работы на «кладбищах» мамонтовых костей на Десне, Дону, Печоре и в Барабинской лесостепи подсказывал, что данное скопление трупов мамонтов могло привлекать первобытных охотников Сибири, которые, возможно, устраивали здесь же временные биваки.

Уже при первом посещении кладбища палеонтологом Н. К. Верещагиным были предприняты поиски следов первобытного человека. На поверхности оползня, в 80 *м* от головного участка костеносного слоя и на высоте 8 *м* над меженным уровнем Берелёха, им было найдено несколько кремневых орудий и отщепов (рис. 2). Материал этих предметов — черный и зеленый окремнелый сланец и известняк — оказался совершенно чужд галечникам данного района.

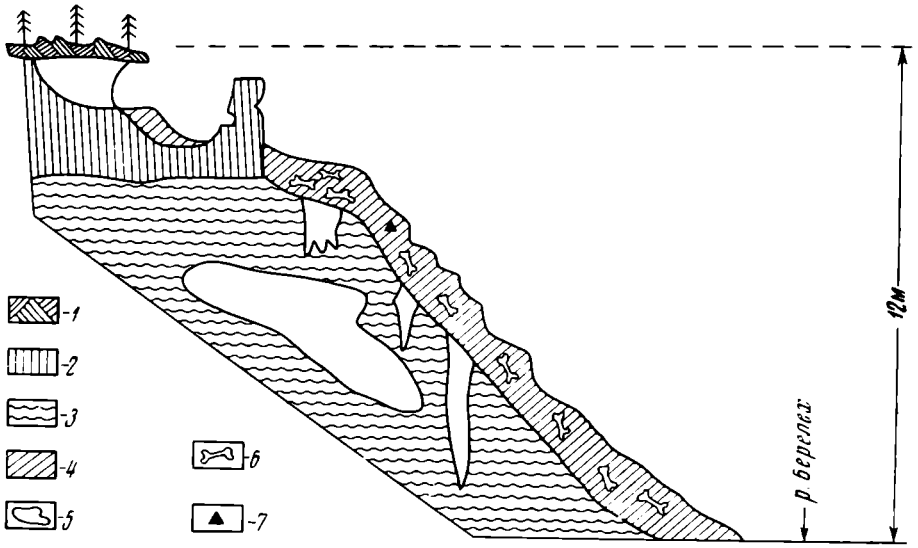


Рис. 2. Схематический разрез отложений Берелёхского местонахождения.

Условные обозначения:

1 — дерн; *2* — лёсс; *3* — аллювий; *4* — оползень; *5* — жильный лед; *6* — кости животных; *7* — место находки орудий

Два из четырех кремневых предметов являются отщепами. Первый сделан из черного кремнистого сланца (рис. 3, *4*). Он обломан, имеет подтреугольную форму. Длина отщепа 3,2, наибольшая ширина 3,8 *см*. На ударной площадке сохранились мелкие фасетки — следы подправки ударной площадки нуклеуса. Второй отщеп снят с нуклеуса, сделанного из светло-серого кремнистого известняка (рис. 3, *2*). Нижний конец частично обломан. Длина отщепа 5,9, наибольшая ширина 4,3 *см*.

Особый интерес для определения культурной принадлежности стоянки и установления ее возраста представляют два каменных орудия. Первое из них — двулезвийное долото, рис. 3,*3*). Оно сделано из зеленовато-серого кремневого отщепа. Оба лезвия оформлены двусторонней мелкой отжимной ретушью, частично заходящей и на широкие плоскости отщепа, на брюшко и спинку. Длина орудия 5,2 *см*. Ширина одного лезвия 2,4, второго — 1,2 *см*.

Второе орудие представлено обломком двусторонне обработанного овального ножа, сделанного из черного кремня (рис. 3, *1*). Длина обломка 9,2, ширина — 3,2 *см*. Лезвие, имеющее полулунную форму, по краю обработано мелкими сколами отжимной ретуши. Важно подчеркнуть, что перед нами не случайный обломок орудия, а преднамеренный скол. Таким приемом на о. Хоккайдо часто получали заготовки удлиненных клиновидных нуклеусов, выполненных в так называемой технике юбетсу [3].

В позднем плейстоцене — 35—11 тыс. лет тому назад — в Северо-Восточной Азии, к востоку от Енисея и к северу от Амура, была распространена дюктайская верхнепалеолитическая культура [4]. До недавнего време-

[3] R. E. Morlan. The Preceramic Period of Hokkaido, an Outline. Arctic Anthropology, VI; 1. Madison, 1967.

[4] Ю. А. Мочанов. Дюктайская верхнепалеолитическая культура и некоторые аспекты ее генезиса. СА, 1969, 4.

ни она была представлена стоянками Усть-Миль II, Верхне-Троицкая, Эжанцы, Усть-Дюктай I и Дюктайской пещерой, расположенными в долине Алдана. В июле 1970 г. следы дюктайской культуры были обнаружены в долине Колымы на стоянке Майорыч [5].

Обломок ножа (или заготовка нуклеуса) с Берелёха имеет полные аналогии в материалах Дюктайской пещеры, относящейся к заключительному этапу дюктайской культуры (абсолютные даты: ЛЕ-907—12100 ±120; ЛЕ-860—12690 ±120; ЛЕ-908—13110 ±90 лет), и стоянки Верх-

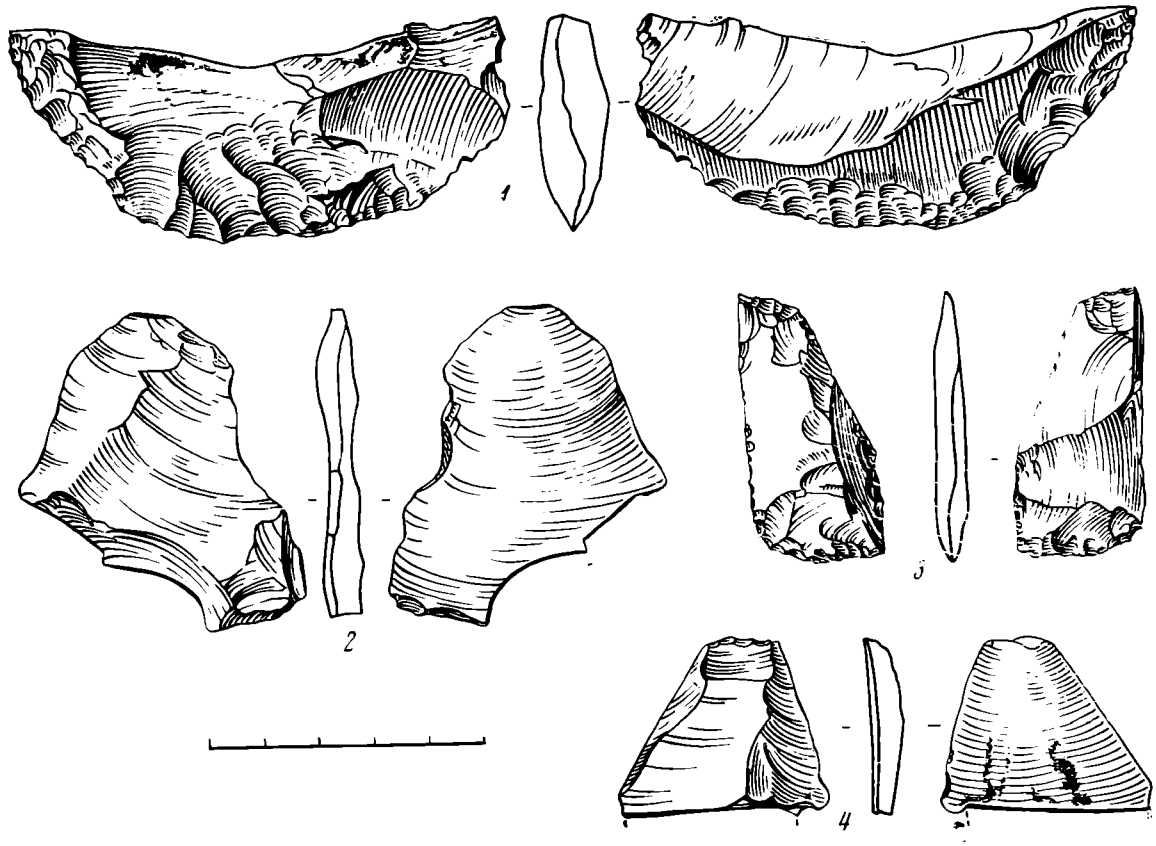


Рис. 3. Каменные изделия с Берелёхского местонахождения

не-Троицкая, относящейся к среднему этапу дюктайской культуры (абсолютные даты: ЛЕ-864—14530 ± 160; ЛМ-9016—17680 ± 250; ЛЕ-905—18300 ± 180 лет). Подобные ножи были широко распространены в конце плейстоцена и на Аляске, в инвентаре комплекса Акмак [6].

Как алданские стоянки, так и стоянка Майорыч находятся южнее 64° с. ш. Однако большое сходство алданских палеолитических материалов с ведущими типами орудий палеоиндейских культур сандиа, кловис, лерма позволяло считать, что именно с дюктайской культурой были связаны начальные этапы заселения человеком Америки. Палеогеографические, палеоботанические и палеозоологические материалы последних лет и особенно новые археологические открытия неопровержимо подтверждают предположение о том, что первоначальное заселение Америки человеком происходило из Старого Света через континентальные и прибрежные арктические районы Северо-Восточной Азии.

Анализ археологических материалов, собранных на Берелёхском местонахождении, свидетельствует, что в низовьях Индигирки обнаружены пока самые северные следы заключительного этапа дюктайской культуры.

---

[5] Ю. А. Мочанов. Работы Приленской экспедиции. АО-1970, М., 1971.

[6] D. D. Anderson. Akmak. An Early Archaeological Assemblage from Onion Portage, Northwest Alaska. «Acta Arctica», XVI. Kobenhavn, 1970.

Одновременно это пока и самые северные следы верхнего палеолита в мире.

Теперь уже не будет удивительным, если при внимательном палеонтолого-археологическом обследовании Новосибирских островов следы проникновения первобытных охотников будут обнаружены и под 75° с. ш. Обильная позднеплейстоценовая фауна, обитавшая на обширной мерзлой равнине, включавшей современный архипелаг Новой Сибири, давала возможность расселения человека вплоть до тогдашних берегов Ледовитого океана.

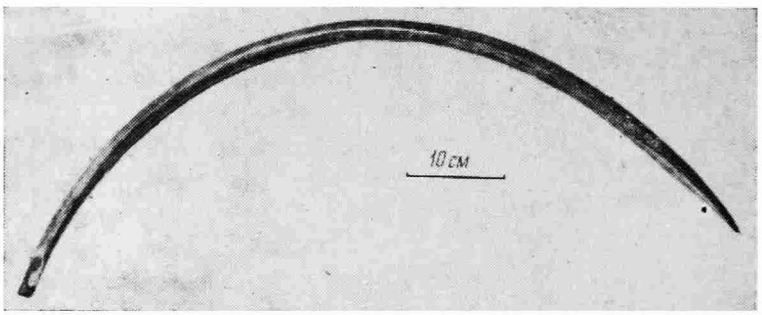


Рис. 4. Орудие из бивня мамонта

В июле 1971 г. работы на Берелёхе были продолжены. Детально исследовалась оставленная в лагере коллекция около 5 тыс. мамонтовых костей. На месте наших размывов 1970 г. образовались крупные оползни и амфитеатры вытаивания. В последних были обнаружены единичные кости мамонтов и бизонов, залегавшие на глубине 150 *см* от поверхности едомы. Новые зачистки на вертикальной стенке яра показали, что слой, насыщенный корнями и ветвями ив (датированный в 11830 лет), залегает на глубине 160 *см*, а под ним на глубине 255 *см* находится основной костеносный слой (датированный в 12240 лет). Промывкой грунта при помощи металлического сита была установлена большая насыщенность всей толщи разреза мелким растительным хламом, в котором преобладали веточки ив, карликовой березы и пр. Все это вновь подтвердило аллювиальный генезис толщи Берелёхского яра и водную природу «кладбища».

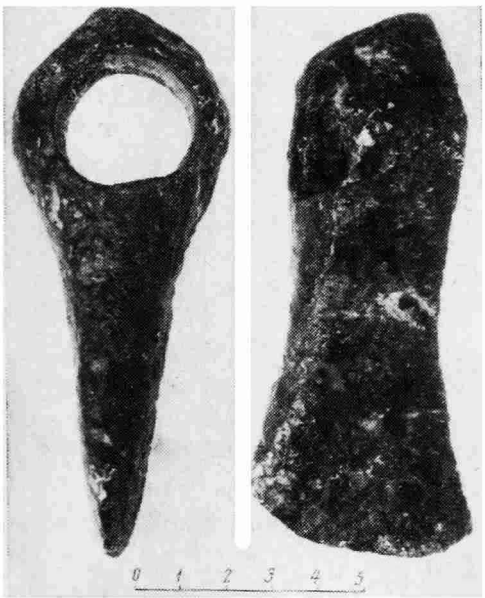
В 80 *м* ниже по течению от головного участка костеносного слоя были обнаружены отщепы черного кремня, нижние челюсти зайцев и, наконец, великолепный наконечник (?) тяжелого охотничьего копья (?). Он был вырублен кремневым ножом из бивня мамонта и достигал 94 *см* длины при диаметре 25 *мм* (рис. 4). Рабочий конец его сломан; для привязки к древку использовалось, вероятно, естественное уплощение стенки конуса альвеолярного участка бивня. Судя по сохранившейся наружной поверхности, не затронутой ударами кремня, бивень достигал диаметра 65—70 *мм* и был совершенно прямым. Изделие, видимо, изогнулось много позднее. Копья с такими наконечниками употреблялись, вероятно, для охоты на толстокожих. По мнению С. А. Семенова (устное сообщение), техника изготовления таких наконечников состояла в предварительном продольном разрезании бивня на четыре равные части. Бивень, разумеется, обрабатывался в хорошо размоченном состоянии.

Прибывшие в начале августа якутские археологи Ю. А. Мочанов и С. А. Федосеева вскрыли палеолитоносный участок яра площадью в 25 $м^2$ и обнаружили превосходно сохранившийся культурный слой позднепалеолитической стоянки с обломками костей зайцев, волков, оленей, с кремневыми отщепами и просверленными подвесками из нефрита. Этот культурный слой залегал на глубине 150 *см* от поверхности едомы. Стоянка располагалась, очевидно, на берегу протоки-старицы с «кладбищем» мамонтов.

С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ

НАХОДКА БРОНЗОВОГО ТОПОРА У г. ПЯТИГОРСКА

В 1965 г. шофером Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в окрестностях Пятигорска случайно был найден бронзовый топор (рис. 1). Вес его около 600 *г*, поверхность бугристая, покрытая тонким слоем патины. Лезвие сильно скошено и носит следы многочисленных ударов. Не исключено, что такая форма лезвия явилась следствием сработанности. На внутренней стороне проуха заметны небольшие плоские выступы окислен-



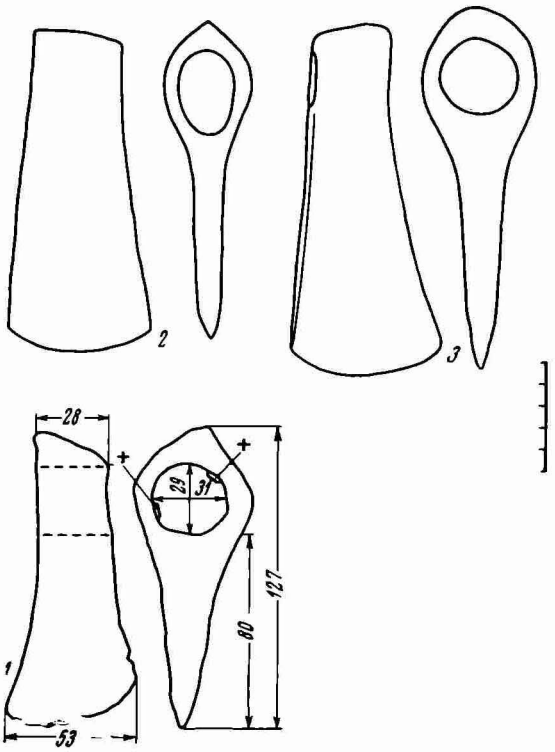


Рис. 1. Топор из г. Пятигорска

Рис. 2. Бронзовые топоры из различных пунктов Северного Кавказа.

1 — из г. Пятигорска; *2* — Майкопский курган; *3* — станица Усть-Джегутинская.
Примечание. Крестом обозначены плоские выступы внутри втулки топора из г. Пятигорска

ного металла, толщиной в 1,2 *мм*, напоминающие остатки прилипшей к втулке пластинки. Отслоившись, один из них открыл гладкую поверхность втулки, покрытую тонким слоем патины.

Описываемый топор был проанализирован в лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР. Для анализа были взяты пробы непосредственно из корпуса топора (анализ № 4612) и кусочек одной из предполагаемых пластинок внутри втулки (анализ № 4612а) (см. таблицу).

Топор, вероятно, был изготовлен из искусственной мышьяковистой бронзы. По высокому содержанию никеля это орудие входит в состав пер-

Результаты спектрального анализа металла

Номер анализа	Cu	Sn	Pb	Fe	Ag	Sb	Mn	Bi	Zn	Co	As	Au	Ni
4612	Основа	0,002	0,008	0,003	0,04	0,015	<0,01	0,002	—	—	2,0	~0,001	0,2
4612а	»	?	0,007	0,03	0,03	0,002	0,015	0,001	—	—	1,2	~0,001	0,003

вой майкопской группы мышьяковисто-высоконикелевых бронз, выделенной Е. Н. Черных [1].

Химический состав пластинки из внутренней стенки втулки отличается от металла самого топора низким содержанием никеля, которое заставляет отнести этот образец ко второй майкопской группе мышьяковистых бронз [2]. Таким образом, можно допустить, что плоские выступы внутри втулки являются прилипшими к ней остатками металлической обкладки рукоятки или ее верха. Такое устройство, по-видимому, могло употребляться для предохранения рукоятки от излома при ударе. Сходных примеров медной обкладки рукояти для топоров III и II тысячелетий до н. э. Кавказа мы привести не можем. Однако заслуживает внимания находка обкладки верха рукояти золотой пластиной на топоре из погребения майкопской культуры в г. Нальчике, которая, по-видимому, заменяла бронзовую [3]. Кроме этого здесь наблюдались золотые и серебряные обкладки различных орудий: кинжалов, шильев.

Наиболее близкой аналогией публикуемой находке являются топоры, найденные в Майкопском кургане и у станицы Усть-Джегутинской [4] (рис. 2). Все они обладают симметрично сужающимся от лезвия к втулке клином, который плавно переходит во втулку; лезвие значительно шире обуха. Проух имеет диаметр около 3 *см*. Такие топоры не известны из комплексов новосвободинского этапа майкопской культуры, например из дольменов ст. Новосвободной [5], ст. Махошевской [6], Бамутских курганов [7], гробницы в г. Нальчике [8]. Поэтому мы считаем возможным датировать описываемую находку топора временем центрального погребения Майкопского кургана, т. е. 2500—2300 гг. до н. э. по А. А. Иессену [9].

---

[1] Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 36—40.

[2] Там же.

[3] И. М. Чеченов. Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике. СА, 1970, 2, стр. 121; стр. 110, рис. 2, *5*.

[4] А. А. Иессен. К хронологии больших кубанских курганов. СА, XII, 1950, табл., рис. 1, *7*; G. Childe. The Axe from Maikop and Caucasian Metallurgy. Annals from Archaeology and Antropology, XXIII, Liverpool, 1936, Pl. LI, *a*; Е. Н. Черных. Ук. соч., стр. 110, рис. 28, 81.

[5] Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. Тр. ГИМ, XXXIV, 1963, табл. V, IX.

[6] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии на Кавказе, ИГАИМК, 120, 1935, стр. 84, рис. *4*, *11*.

[7] Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчев, И. Г. Нариманов. О древнейших металлургии Кавказа. СА, 1968, 4, стр. 23, рис. 6, *2*.

[8] И. М. Чеченов. Ук. соч., стр. 110, рис. 2, *4*, *5*.

[9] А. А. Иессен. Майкопская культура и ее датировка. Тезисы докладов на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, стр. 19—22.

А. Н. ГЕРТМАН

ДЕТАЛИ КОНСКОЙ УЗДЫ В СОСТАВЕ КАЗБЕКСКОГО КЛАДА

(по материалам коллекции ГИМ)

Целью данной статьи является освещение деталей конской узды, найденных в составе знаменитого Казбекского клада. До сих пор они не привлекали к себе внимания исследователей. В коллекции Государственного Исторического музея хранятся следующие предметы, связанные с конской сбруей [1].

---

[1] Большая часть клада, найденного Г. Д. Филимоновым, поступила в ГИМ из Московского университета. Некоторая часть клада была продана коллекционерам, собрания которых позднее были куплены Кавказским музеем, ГИМом, Эрмитажем и музеем в Сен-Жермене.

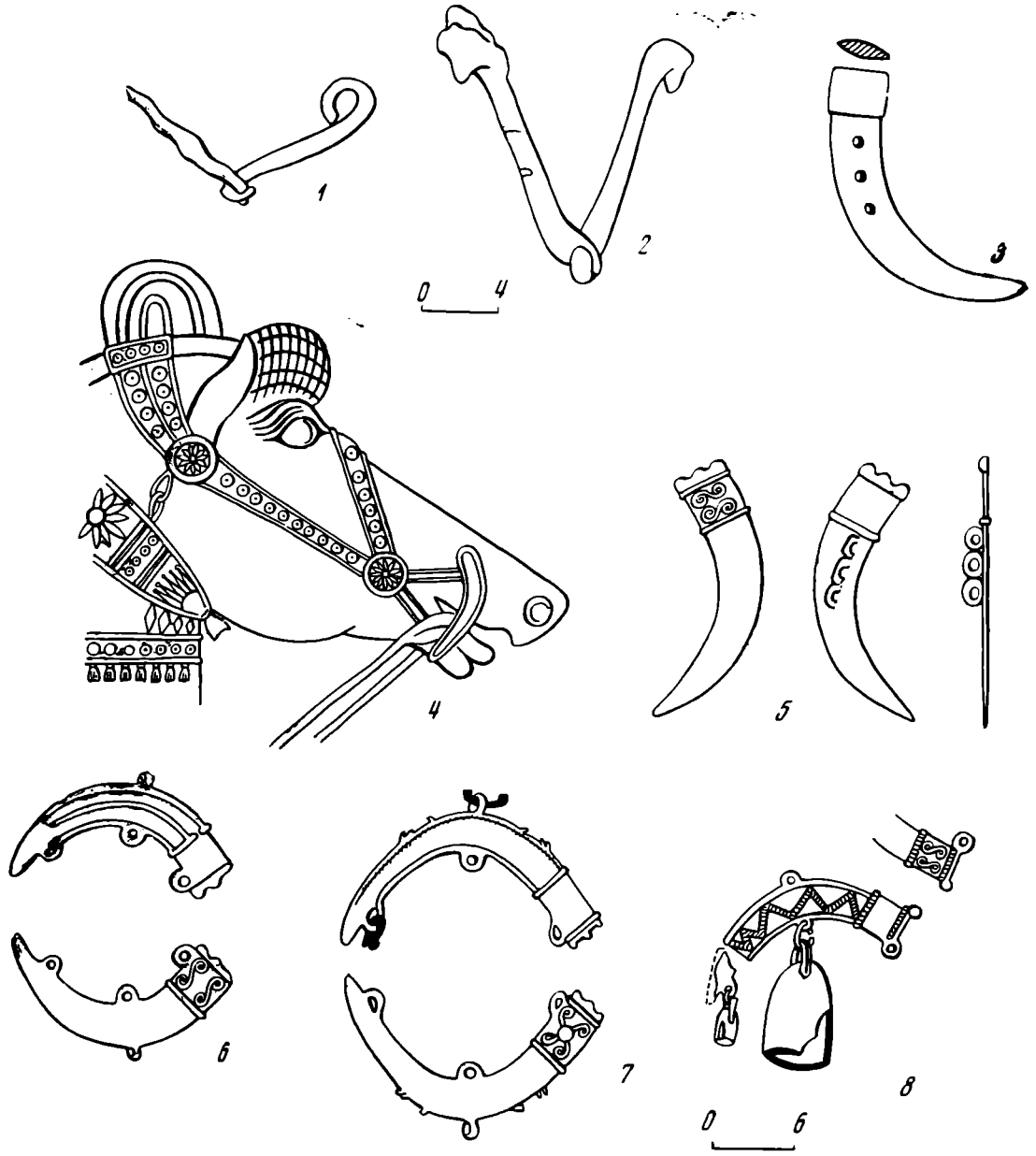


Рис. 1. Удила, псалии и подвески из Казбекского клада

1, 2 — удила; *3, 5* — псалии; *4* — сбруя на рельефе Ашурбанипала (по Потрацу); *6—8* — «клыковидные подвески»

Удила. В музее хранятся две пары распавшихся железных удил. Схематическое изображение обеих пар в том состоянии, в каком они были найдены, имеется на листе, вложенном в рукописную опись коллекции Г. Д. Филимонова (рис. 1, *1*, *2*).

Псалии. В коллекции музея имеется два бронзовых псалия разных типов.

1. Пластина, повторяющая по форме рог или кабаний клык. Верхняя, более широкая часть украшена прямоугольным выступом. В средней части — три сквозных отверстия. Размеры псалия: длина — 16, ширина (наибольшая) — 3,5, диаметр отверстий — 0,8 *см* (рис. 1, *3*). Два подобных псалия хранятся в Государственном музее Грузии[2], обломки еще двух — в Эрмитаже[3]. По форме эти псалии близки роговым или костя-

[2] П. С. Уварова. Коллекции Кавказского музея. Тифлис. 1902, табл. II.

[3] Сведения о псалиях из собрания Эрмитажа любезно предоставила И. Н. Уханова.

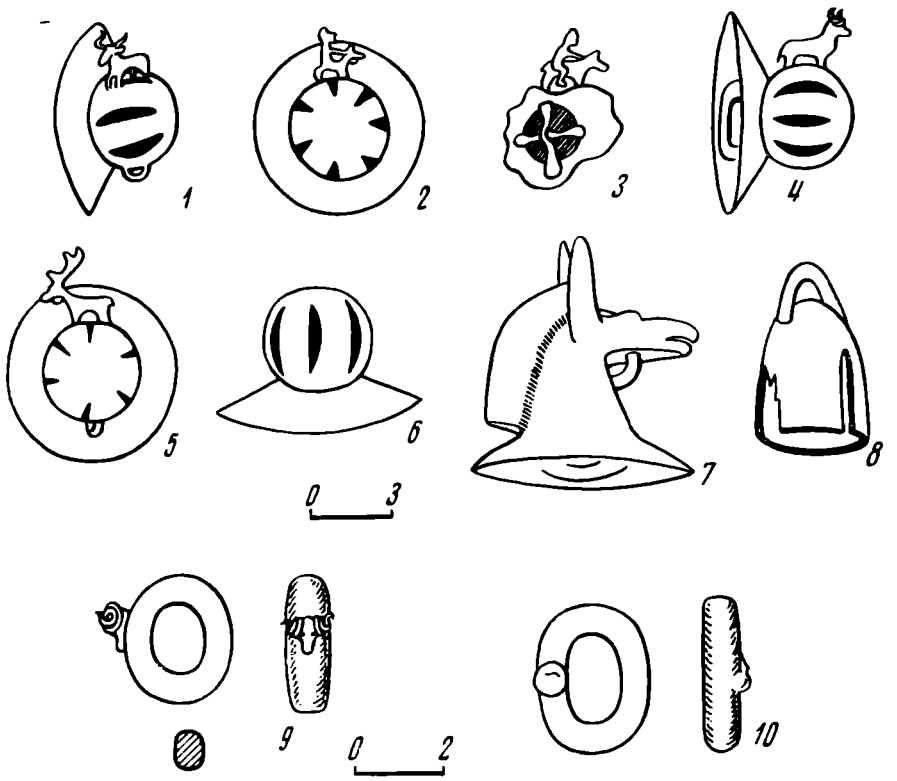


Рис. 2. Уздечные бляхи из Казбекского клада

1—3, 5, 6 — наременные разделители; *4, 7* — налобники; *8* — колокольчик от сбруи; *9, 10* — кольца от сбруи

ным, например из с. Константиновки и из погребения № 143 Тлийского могильника. Оба эти комплекса датируются одинаково — концом VII—VI вв. до н. э.[4].

2. Псалий, по форме подобный предыдущему. Отличается тем, что имеет не отверстия, а петли, расположенные на оборотной стороне пластины, перпендикулярно ее плоскости. В сечении пластина представляет собой сильно вытянутый прямоугольник со скругленными углами. Верхняя, широкая часть пластины увенчана тремя зубцами и украшена с лицевой стороны двумя рельефными поясками, между которыми расположен орнамент в виде двух рельефных спиральных завитков идущих горизонтально (рис. 1, *5*).

По своей конструкции данный псалий имеет некоторое сходство с псалиями типа I-А, по классификации А. А. Иессена[5]. Орнамент в виде двойных, закрученных в противоположные стороны спиральных завитков неоднократно встречен на памятниках позднекобанской культуры[6], имеется он и на вещах колхидской культуры[7]. Подобный псалий из Казбекского клада есть и в собрании Музея Грузии[8].

---

[4] П. Д. Либеров. Курган у с. Константиновки. КСИИМК, 37, 1951, стр. 142, рис. 45, *6*; Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1966 г. СА, 1970, 4, стр. 106, рис. 10, *6, 7*.

[5] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 52, рис. 3, *1, 2*.

[6] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М. 1960, табл. II, 3; Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, Сер. ист. н., 13. Л., 1949, табл. II, *1*.

[7] А. Л. Лукин. Археология Бзыбской Абхазии. Тр. ОИПК ГЭ, I, Л., 1941, табл. XV, *5*.

[8] Коллекции Кавказского музея, V, табл. II.

На одном из рельефов Ашурбанипала, который приводит Х. Потрац в работе, посвященной ассирийской узде, мы видим псалий, напоминающий данный[9] (рис. 1, *4*). Потрац писал, что этот тип узды неясен[10]. Устройство псалия из Казбекского клада проливает свет на этот вопрос (рис. 1, *5*).

Наременные разделители. В состав клада входят фигурные бронзовые бляхи, состоящие из полого шара с семью прорезями на коническом основании, с двумя пересекающимися петлями на оборотной стороне (рис. 2, *1—3*, *5*, *6*). Пять блях украшены изображениями всадников (рис. 2, *2*, *3*), одна — фигуркой тура (рис. 2, *1*), одна — оленя (рис. 2, *5*). Имеется также бляха, украшенная фигуркой коня. Все фигурки прикреплены к шарам таким образом, что они стоят боком к плоскости основания. На некоторых бляхах на шаре со стороны, противоположной фигурке, имеется петелька для крепления колокольчика. Подобные петельки есть и на фигурках животных (рис. 2, *2*, *5*). В петельке на шее оленя прослеживаются следы железа. Четыре бляхи с подобными фигурками имеются в коллекции Государственного музея Грузии[11].

Кроме вышеописанных в собраниях ГИМа и ГМГ хранятся и «простые», т. е. без изображений всадников или животных, бляхи со сферическим завершением (по две в каждом из названных музеев)[12].

Налобники или наносники. 1. В коллекции ГИМа имеются две бляхи со сферическим завершением. Если у блях-разделителей фигурки животных расположены боком к плоскости основания, то здесь они обращены головами к центру бляхи, хвостом к поддону (рис. 2, *4*). На основании — всего одна петля, расположенная в той же плоскости, что и тело животного (тура). Наличие одной петли, а также расположение фигурки животного позволяют считать данные бляхи налобниками или наносниками. Типологическое сходство блях-налобников и блях-разделителей говорит об их одновременности. Впервые возможная принадлежность блях с прорезным шаром к конской упряжи была отмечена П. С. Уваровой[13].

Шаровидные завершения разделителей и налобников из Казбекского клада перекликаются с раннескифскими шаровидными навершиями. Таковы, например, навершия из Келермесских курганов, из ст. Махошевской и др.[14]. В. А. Ильинская датирует навершие из ст. Махошевской концом VII в. до н. э.[15], А. А. Иессен относил его к наиболее ранним навершиям[16].

2. В ГИМе хранятся семь блях на коническом основании, с одной петлей на обороте. Вместо шара они завершаются скульптурным изображением головы коня (рис. 2, *7*). На шее — петля для колокольчика. Плоскость петли на основании совпадает с плоскостью головы и шеи лошади. Диаметр поддона — 7, общая высота бляхи — 8 *см*. Налобники или наносники, оформленные в виде головы коня или оленя, были достаточно широко распространены в скифское время[17].

Размеры налобников обоих типов и их конструктивные особенности совпадают, что позволяет считать их одновременными.

---

[9] H. A. Potratz. Die Pferdegebisse der zwischenstromländischen Raumes. AO, Berlin, 1941, XIV, стр. 31, рис. 49.

[10] Там же, стр. 30.

[11] Коллекции Кавказского музея, V, табл. II.

[12] Там же, табл. II.

[13] Коллекции Кавказского музея, V, стр. 13

[14] В. А. Іллінська. Про скіфські навершники. «Археологія», XV. Киев, 1963, стр. 34, рис. 1, *2—6*, *10—13;* стр. 36, рис. 2, *1*.

[15] В. А. Ильинская. Ук. соч, стр. 43.

[16] А. А. Иессен. К вопросу о памятниках... стр. 60—62.

[17] Сокровища скифских курганов. Текст М. И. Артамонова. Прага — Ленинград, 1966, стр. 70, рис. 132; В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, Д 1—4, М, 1967, табл. 29, *5—9*, *16*, *17*, *22*, *24*.

Украшения узды. Часть колокольчиков из клада Тальгрен считал принадлежностью конской сбруи [18]. Подтверждением этого являются уже упоминавшиеся ушки на уздечных бляхах. Колокольчик входит в уздечный набор, найденный в погребении 143 Тлийского могильника [19]. По ассирийским рельефам известно, что ассирийцы тоже часто украшали свою сбрую колокольчиками [20].

К украшениям узды можно отнести и три клыковидные пластины, описанные П. С. Уваровой вместе с уже упомнавшимися псалиями [21]. Эти пластины отличаются от псалиев тем, что имеют небольшие петли по боковым граням — по три с вогнутой стороны и по одной в середине выгнутой. Петли на вогнутой стороне расположены в плоскости пластины. на выгнутой стороне — в плоскости, перпендикулярной пластине (рис. 1, *6—8*). Две пластины с одной стороны оформлены так же, как и псалий: в широкой части два выступающих рельефных пояска, между которыми — двойные спиральные завитки (рис. 1, *6, 8*). Оформление оборотных сторон различное. На одной три выступающие полоски, проходящие по краям и посредине (рис. 1, *6*). На другой пластине — выступающие рельефные полоски по краям, а посредине — рельефная зигзагообразная линия с насечками (рис. 1, *8*). К средней петле вогнутой стороны прикреплен большой колокольчик. Третья пластина имела раньше на выгнутом ребре по бокам от петли две пары мужских фигурок, в настоящее время утраченных [22]. Пластина с сохранившейся одной из пар фигурок приводится в книге Ш. Галлуша и Т. Хорвата. На фотографии видно, что, кроме фигурок и сохранившихся до наших дней обломков железных предметов в двух петлях, к одной из петель вогнутой стороны был прикреплен бронзовый колокольчик [23].

Положение фигурок четко показывает, что пластина использовалась в таком положении, когда оба ее конца были обращены вниз. Широкий конец пластины с одной стороны украшен свастикой со спиральными концами, обрамленной поперечными поясками, на другой — только поперечные пояски в широкой части и выступающие полоски по краям (рис. 1, *7*). Все три пластины, как и другие детали сбруи из Казбекского клада, отлиты по восковой модели. Вместе с описанными пластинами следует рассматривать и пластину из Государственного музея Грузии. Она имеет одну петлю в середине вогнутой стороны, к которой прикреплена бронзовая цепочка, и сквозное отверстие у выгнутого края. Широкий конец орнаментирован полосками в виде жгутов. на всей плоскости пластины на одной стороне выпуклое изображение типичной для памятников Кавказа змеи [24]. Поскольку устройство оборотной стороны не ясно, мы относим данную пластину к украшениям-подвескам, тем более что к ней прикреплена бронзовая цепочка. Возможно, что к узде относятся и литые бронзовые кольца, иногда украшенные головой тура (рис. 2, *9, 10*).

Таким образом, в состав Казбекского клада входят следующие части уздечного набора: железные удила, псалии двух типов, наременные разделители, два вида налобников, колокольчики и, очевидно, различные подвески. К сожалению полностью выделить из состава клада все принадлежности конской упряжи невозможно, так как клад разделен между несколькими музеями. Возможно, что к предметам сбруи относятся «костяные и бронзовые репья (т. е. бляшки) с гвоздеобразной верхуш-

---

[18] A. M. Talgren. Caucasian Monuments. The Kazbek Treasure ESA, V, Helsinki, 1930, стр. 166, 167.

[19] Б. В. Техов. Ук. соч., стр. 106, рис. 10, *9*.

[20] R. Barnett. Assirische Palastreliefs, Praha, 1959, табл. 89, 90 сл.

[21] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М, 1900, стр. 142.

[22] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, стр. 149.

[23] S. Gallus et T. Horvath. Un peuple cavalier prescythique en Hongrie. Dissertationes Pannonicae, 11, 9. Budapest, 1939, табл. LXX, *18*.

[24] Коллекции Кавказского музея, V, табл. II.

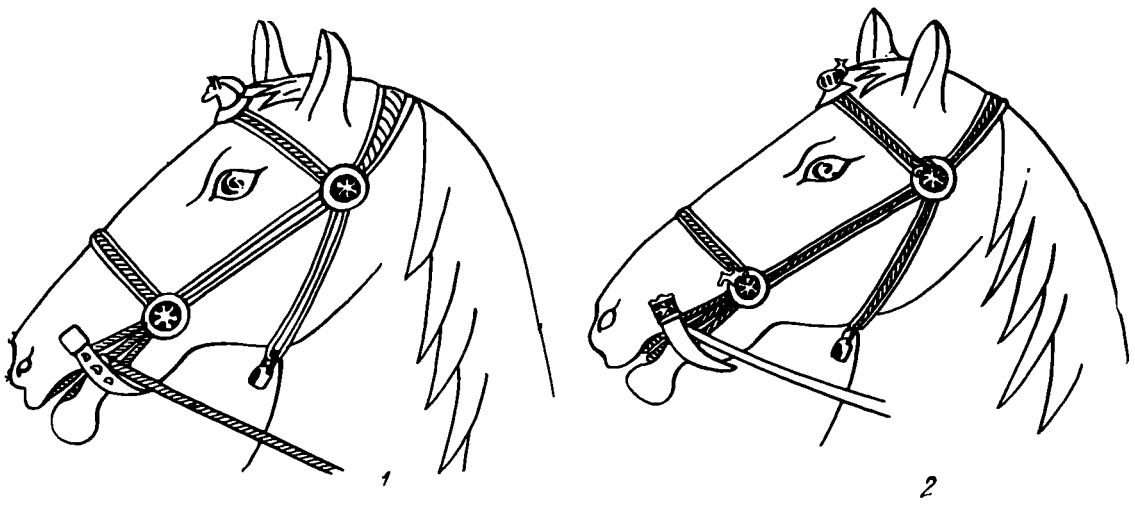


Рис. 3. Реконструкция узды из Казбекского клада

кою» [25], и другие предметы из собрания Государственного музея Грузии.

Обращает на себя внимание тот факт, что все основные элементы узды имеют несколько разновидностей: два типа псалиев, три варианта разделителей — с фигурками всадников, животных и с шаровидными завершениями без фигурок, два типа налобников — шаровидные и в виде конской головы. Это позволяет дать по меньшей мере два варианта реконструкции узды (рис. 3, *1,2*).

О датировке узды из Казбекского клада можно сказать следующее: трехдырчатые или трехпетельчатые псалии, изготовленные из бронзы, кости или рога, а на позднем этапе и из железа, были распространены до конца VI в. до н. э., когда их сменяют двухдырчатые и двухпетельчатые. В это же время бляхи с одной петлей на обороте, ранее сосуществовавшие с наременными разделителями, становятся единственными украшениями мест пересечения ремней узды [26]. В сочетании с железными удилами и скифоидными налобниками, распространившимися с конца VII в. до н. э. [27], псалии и наременные разделители из клада позволяют датировать уздечные наборы концом VII—VI вв. до н. э., что дает возможность относить их к наиболее ранней части клада [28].

Недалеко от места находки клада А. П. Кругловым были обнаружены остатки древнего святилища [29], с которым можно связывать и найденные в кладе предметы. Необычность оформления узды из Казбекского клада позволяет считать ее торжественным подношением в святилище или сбруей священного коня, хранившейся там, тем более что культ коня, связанный с солнечным культом [30] был распространен на Кавказе чрезвычайно широко [31].

Материалы Казбекского клада расширяют наши представления о типах узды, распространенных в середине I тысячелетия до н. э. на территории Центрального Кавказа; они указывают на распространение здесь типа узды, ранее известного только по ассирийским рельефам.

---

[25] Там же, стр. 19

[26] В. А. Ильинская. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, стр. 110, 111.

[27] Там же, стр. 105, 108.

[28] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 363.

[29] А. П. Круглов. Археологические работы на р. Терек. СА, III, 1937, стр. 248.

[30] Б. И. Аракелян. Клад серебряных изделий из Эребуни. СА, 1971, 4, стр. 155.

[31] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 364; Б. В. Техов. Об ажурных поясных пряжках из Юго-Осетии. СА, 1969, 4, стр. 57.

К. В. КАСПАРОВА

НОВЫЙ КОМПЛЕКС ЧЕРНЯХОВСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ХМЕЛЬНИЦКОЙ ОБЛАСТИ

Южная Волынь представляет особый интерес для исследователей древностей первой половины I тысячелетия. Расположенные здесь памятники так называемой волынской группы полей погребений вызывают среди специалистов особенно острые дискуссии. В этой связи заслуживает внимания небольшой клад бронзовых вещей, недавно в этих местах обнаруженный. Целью данной заметки является публикация и введение в научный оборот новых материалов, имеющих непосредственное отношение к волынским памятникам.

Клад происходит из с. Окнины Белогорского района Хмельницкой обл., где был найден весной 1964 г. местным жителем Ф. А. Тришиным. Осенью 1970 г. он поступил в Краеведческий музей г. Острога Ровенской обл.[1] Место находки — огород колхоза им. В. Чкалова, на Дзвонецких полях, около Выгорненских круч. По сведениям, полученным от Ф. А. Тришина, во время рыхления междурядий огородных культур в пахотном слое оподзоленного чернозема на глубине 18—20 *см* от современной поверхности был найден глиняный сосудик, в котором лежали металлические предметы. Никаких остатков золы или костей, а также культурного слоя не обнаружено. По всей вероятности, эти находки являются кладом, а не вещами из разрушенного погребения. Вещи находились в кувшинчике, ручка которого вместе с частью горловины отбита. Сосуд сделан на гончарном круге из хорошо отмученной глины с незначительными примесями песка и мелкого шамота, хорошо обожжен и имеет слабоподлощенную поверхность черно-серого цвета, местами оббитую (рис. 1, 7). Сохранившаяся высота — 6,7 *см*, а первоначальная, вероятно, достигала 8,5—8,7 *см*. Ручка, овальная в сечении, крепилась к краю венчика или несколько ниже его. Тулово сосуда округло-биконической формы с намечающимся ребром. Верхняя часть сосуда украшена косым сетчатым орнаментом; от горловины тулово отделено узким неровным валиком, выполненным при формовке кувшинчика. Сохранившаяся часть горловины орнаментирована перекрещивающимися лощеными линиями, нанесенными весьма небрежно; вдоль валика по горловине пролощена еще одна горизонтальная линия, не охватывающая весь сосуд, но, возможно, повторяющаяся и на других участках, где поверхность оббита. Дно кувшинчика плоское, скошенное в одну сторону. В нем находились две фрагментированные фибулы (без пружин и игл), часть третьей фибулы, два наконечника, кольцо и слиток свинца.

Две фибулы относятся к двучленным, прогнутым, подвязным[2]. Одна из них (рис. 1,*3*), латунная, длиной 6,2 *см*, с коленчато-изогнутой спинкой, изготовлена из неширокого уплощенного стержня, округло-треугольного сечения. Плоскости спинки и ножки орнаментированы фасетками, теперь слабо заметными. Сохранилось только начало проволочной завязки, а в отверстии вертикальной пластинки остались следы железной оси пружины. Отсутствие последней, а также тетивы затрудняет точное определение варианта фибулы по классификации А. К. Амброза, но, судя по профилю и ширине спинки, она ближе всего ко второму[3]. Другая фибула (рис. 1, *2*), длиной 4,5 *см*, медная, с дуговидно-изогнутой спинкой

---

[1] До 1970 г. клад оставался у находчика, который затем передал его старшему научному сотруднику Острожского музея А. П. Фридриху. Пользуясь случаем, выражаю признательность А. П. Фридриху, предоставившему для публикации найденный комплекс.

[2] По А. К. Амброзу, группа 16, подгруппа 2, серия 1. См. А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966, стр. 57, 60, 61.

[3] Там же, стр. 62—63, табл. 11, *10*.

и округло-треугольным сечением, принадлежит к серии III, среди которой А. К. Амброз выделяет фибулы северного варианта «с одинарными зерненными декоративными кольцами» [4]. Головная часть дужки украшена кольцом из рубчатой проволоки, и такие же кольца расположены по обеим сторонам проволочной (в 2,5 оборота) завязки; четвертое колечко охватывает конец ножки.

Полукруглая пластинка, изображенная на рис. 1, *4*, является головным щитком двупластинчатой фибулы. Он орнаментирован семью вы-

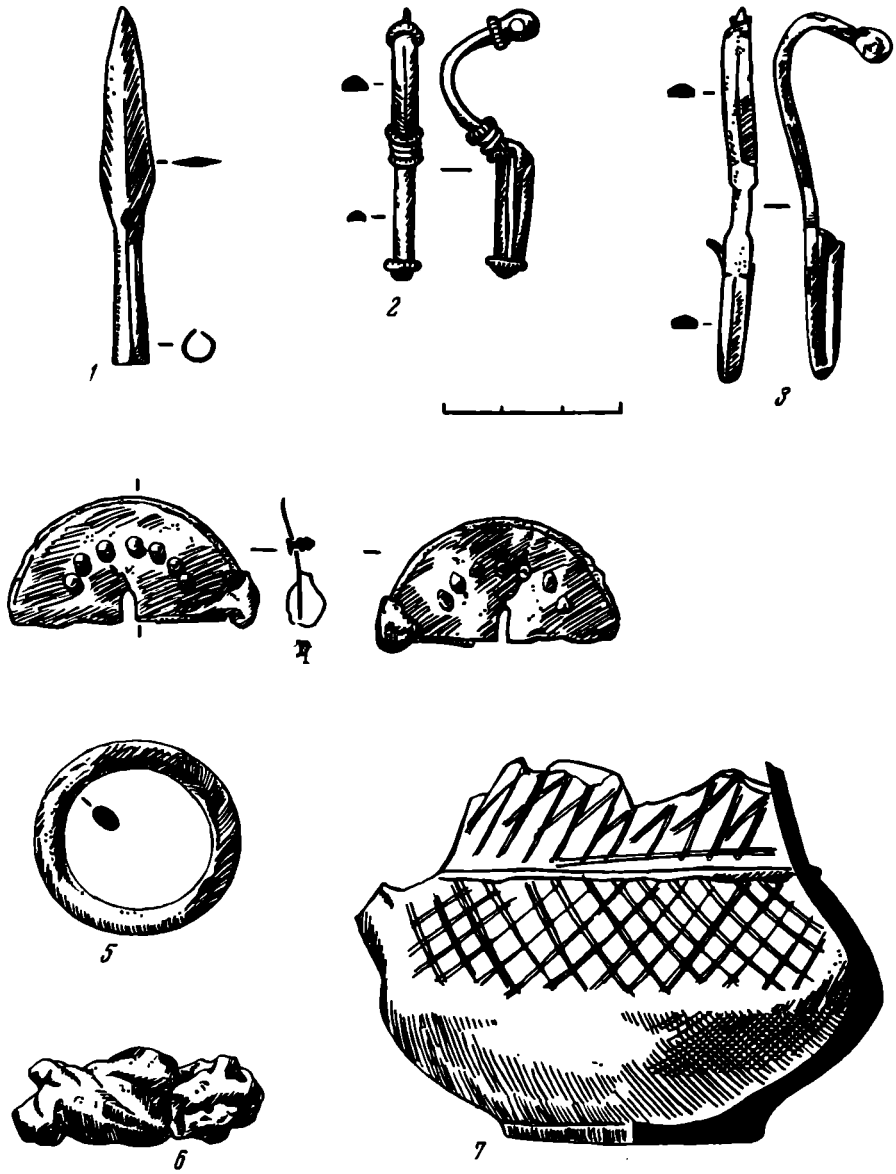


Рис. 1. Вещи из Окнинского клада

1 — наконечник; *2—3* — фибулы; *4* — головной щиток двупластинчатой фибулы; *5* — кольцо; *6* — слиток свинца; *7* — кувшинчик

ступами («шпеньками») с конусовидно-округлыми головками, окруженными круговыми нарезками. «Шпеньки» продеты в отверстия на пластине и для закрепления расклепаны с обратной стороны. В середине основания щитка имеется прорезь для укрепления дужки фибулы, а вдоль линии основания частично сохранилась узкая рубчатая полоска (видимо, сползшая со своего места и поэтому лучше всего заметная на торце пластинки). Возможно, таким же образом был когда-то украшен и дуговидный край пластинчатого щитка, сейчас представляющий собой узкий шероховатый ободок. Угол у основания пластины с обеих сторон охваты-

[4] Там же, стр. 67, табл. 11, *8*; 12, *2, 3*.

вает неправильной формы выступ, вероятно остатки кнопки, заканчивающей пружину. Этот предмет, видимо, побывал в огне, о чем говорят следы оплавленности.

Пластинчатый щиток сделан из бронзы и посеребрен (способом амальгамирования «через огонь»), конусовидные украшения, изготовленные горячей ковкой,— серебряные[5], а боковой выступ состоит из белого металлического сплава, в котором около 30% серебра. Идентичных описываемой фибуле нам не известно, но она, безусловно, входит в группу двупластинчатых, распространенных в черняховской культуре, и скорее всего ее следует отнести к подгруппе 1, к фибулам датско-силезского типа, среди которых имеются отдаленные аналогии[6]. На их рассмотрении мы остановимся ниже.

Бронзовые наконечники (два экземпляра) относятся к втульчатым, остролистным, с небольшим ребром по осевой линии пера; кованые, одного размера и формы (рис. 1, *1*).

Кольцо бронзовое, уплощенно-овальное в сечении. Наружный диаметр 3,5 *см*, внутренний 2,4 *см*. Рентгенограмма показала, что кольцо кованое либо после литья подвергалось механической обработке — проковке (рис. 1, *5*).

Слиток свинца, разломанный на две части, аморфных очертаний, имеет максимальные размеры 4,3 × 1,7 *см* (рис. 1, *6*).

Культурно-хронологическое определение найденного комплекса в целом не вызывает особых сомнений. Местоположение и входящие в состав клада вещи связывают его с волынской группой черняховской культуры, с памятниками типа Брест-Тришин, Дитыничи и др., в материалах которых мы находим некоторые аналогии.

Тем не менее отдельные предметы говорят о своеобразии этого комплекса. Во-первых, следует обратить внимание, что кувшинчик, несмотря на общую близость к черняховской керамике, имеет ряд нетипичных для нее признаков: отсутствие кольцевого поддона, наличие примеси шамота в глиняном тесте, небрежность и грубость выделки. Отсутствие верхней части горловины и ручки, безусловно, затрудняет аналогии. Более или менее близок ему по форме тулова и орнаментации кувшин из могильника у балки Дубовой, в с. Ново-Александровка, датируемого III—IV вв.[7].

Интересен и необычен головной щиток двупластинчатой фибулы из этого клада (рис. 1,*4*). Двупластинчатые фибулы по форме ножки делятся на две подгруппы, из них только в первой встречаются экземпляры со щитками, украшенными зернью, имитацию которой конусовидными «шпеньками» мы предполагаем на описанном выше обломке. В таком случае он принадлежал фибуле, аналогии которой следует искать среди фибул «западного типа с богатой скано-зерненой орнаментацией», распространенных в Дании, Силезии, Словакии[8]. Более точных и близких аналогий приемам орнаментации нашей фибулы нам неизвестно. В черняховской культуре, на территории СССР и в смежных областях, встречаются лишь гладкие двупластинчатые фибулы, и только одна, из случайной находки в Киеве, принадлежит к роскошным датско-силезским украшениям[9].

Следует, правда, отметить, что на интересующем нас обломке фибулы конусовидные головки с круговыми нарезками до некоторой степени напоминают кнопки, заканчивающие пружины или украшающие верх щитков

---

[5] Химический состав конусовидных украшений фибулы и технология их изготовления, так же как и кольца, о котором речь пойдет ниже, определены при помощи рентгенограммы в рентгеновской лаборатории Государственного Эрмитажа В. А. Бураго

[6] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 76, 77, 86.

[7] А. Т. Брайчевская. Черняховские памятники Надпорожья. МИА, 82, 1960, стр. 172, 174, табл. III, *12*.

[8] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 77, 86, рис. 4, *4*, *5*.

[9] Там же, стр. 82, 86.

обычных двупластинчатых фибул [10]. Но предположение имитации кнопок для украшения пластины фибулы представляется менее вероятным. Скорее можно допустить, что мастеру, изготовлявшему ее, ближе было производство фибул с кнопками, чем орнаментация украшений зернью, и это явилось причиной столь необычной имитации. Как уже упоминалось выше, есть основание предполагать, что полукруглый край и основание щитка были украшены рубчатым ободком, возможно таким же, как на приведенных в качестве аналогий фибулах из Сандерумгорда и Закшува. Все это свидетельствует о том, что экземпляр, найденный в Окнинах, является грубым, даже неумелым подражанием фибулам датско-силезской группы, которые были известны местному мастеру. Думается, что об этом же говорит и такой ювелирный прием, как покрытие бронзовой основы пластины тонким слоем серебра, что напоминает о технике изготовления некоторых возможных ее прототипов из двух металлов: например, у фибул из Закшува серебряные пластины обтянуты золотой фольгой, а фибулы из Замостья (Польша), хранящиеся в Эрмитаже, сделаны из двух тонких пластин, серебряной и золотой [11]. Погребения из Закшува с интересующими нас фибулами относятся ко второй половине III — началу IV вв. [12] Рубежом III—IV вв. датирует фибулы «закшувского» типа и А. К. Амброз [13]. К этому же времени можно отнести и экземпляр, найденный в Окнинах.

Бронзовые наконечники, входящие в состав клада, на первый взгляд производят впечатление наконечников стрел (рис. 1, *1*). Мы предполагаем, что эти изделия можно считать миниатюрными моделями наконечников боевых копий. Во-первых, как в памятниках собственно черняховской территории, так и на Волыни наконечники стрел встречаются редко, причем, как правило, они железные и чаще черешковые. Имеющиеся втульчатые железные наконечники (например, из Лепесовки [14]) несколько других пропорций. Бронзовых втульчатых наконечников стрел, подобных по форме нашим, как будто не найдено. В то же время наконечники из Окнинского клада удивительно точно повторяют форму и пропорции копий, характерных для римского времени. В их числе можно упомянуть известное бронзовое копье с рунической надписью из Сушично на Волыни [15]. Особенно многочисленны находки копий этой формы в пшеворской культуре (например, Вымыслово, Спицымеж, Задовице) [16]. Изредка встречаются они и в черняховской (Балцаты, Будешты, Рипнев, Лепесовка) [17].

Во-вторых, следует отметить встречающиеся в памятниках римского времени своеобразные подвески — миниатюрные модели различных ору-

---

[10] Там же, рис. 4, *12*, табл. 13, *12*, *13*.

[11] Гос. Эрмитаж, ОИПК, № 2161/2-5.

[12] K. Godłowski. The chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków, 1970, стр. 22—23, 96, 111, табл. III, *18*.

[13] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 86.

[14] Гос. Эрмитаж, ОИПК, № 1960/184; 1958/9266.

[15] A. Szumowski. Grot z runicznym napisem z Suszyczna. WA, III, 1876, стр. 49—61, табл. I.

[16] St. Jasnosz. Cmentarzysko z okresu późno-lateńskiego i rzymskiego w Wymyslowie. «Fontes Praehistorici», II. Posnań, 1952, рис. 52, *11*; 153, *7*; 188, *7*; 191, *24*; A Kietlińska, T. Dąbrowska. Cmentarzysko z okresu wplywów rzymskich we wsi Spicymierz, pow. Turek. «Materiały starożytne», IX, 1963, табл. XXIV, *8*; XXXIV, *7*; XXXVIII, *2*; E. Kaszewska. Materiały z cmentarzyska w Zadowicach, pow. Kalisz, (cześc III). Prace i materiały museum archeologicznego i etnograficnego w Łodzi. Ser. archeolog., 6, Łódz, 1961, табл. XV, *1*; XXIV, *6*.

[17] Г. Б. Федоров. Два черняховских могильника в Молдавии. Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960, стр. 228, рис. 3; Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, стр. 29, рис. 42, *3*; В. Д. Баран. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. МИА, 116, 1964, стр. 246, рис. 5, *19*; Гос. Эрмитаж, ОИПК № 1957/7174.

дий труда, инструментов [18]. Подвеска-модель втульчатого наконечника копья находилась среди множества других моделей на золотой цепи из клада конца IV—V вв. в Шимлеул-Сильваней (Силадь-Шомлио) в Румынии [19]. На основании изложенного представляется возможным и изделия, найденные в Окнинах, считать миниатюрными наконечниками копий, служившими, может быть, амулетами, так как отсутствие дырочек и колечек не позволяет назвать их подвесками.

Двучленная подвязная фибула, изображенная на рис. 1, *3*, принадлежит к числу этнографических особенностей черняховской культуры и датируется концом III—IV вв. [20]

Фибула с рубчатыми («зерненными») кольцами (рис. 1, *2*) относится к значительно реже распространенным на черняховской территории. А. К. Амброз, исследуя эти фибулы, приводит всего шесть экземпляров, из которых пять происходят из мазовецко-волынской группы памятников — Брест-Тришин, Дитыничи и Рудка [21]. Еще одна фибула III серии, не попавшая в свод А. К. Амброза, найдена в Косановском могильнике [22]. Аналогичные фибулы имеются и в синхронных памятниках восточно-поморско-мазовецкой культуры в Польше (например, в могильнике Цецеле, повят Симятич [23]). Наиболее близки нашей фибулы из могильника Дитыничи [24].

Фибулы такого типа, называемые в немецкой литературе «mit Ringgarnitur», весьма разнообразны и на исходной территории, в Южной Прибалтике, развиваются с III по VII вв. Появление их в Полесье и на Волыни связывается с переселением гепидов в конце III—IV вв. [25]. У нас, в упомянутых выше мазовецко-волынских памятниках, они происходят из комплексов этого же времени. Могильник Брест-Тришин Ю. В. Кухаренко датирует концом II — серединой IV вв., а где-то в конце периода его функционирования были совершены погребения 8 и 9 с интересующими нас фибулами [26]. Захоронение в с. Рудки датируется III в. [27], а концом III или началом IV вв.— погребения с такими фибулами из Дитыничей [28]. Наиболее поздний — Косановский могильник, в котором и черты, присущие мазовецко-волынской группе памятников, проявляются в меньшей степени [29].

Приведенные аналогии позволяют отнести фибулу с рубчатыми кольцами из публикуемого клада к концу III — началу IV вв.

Таким образом, дата бытования всех вещей в их сочетании укладывается в хронологические рамки конца III — начала IV вв., а дата зарытия клада, учитывая и фрагментарность украшений, и факт подражания приемам орнаментации, скорее всего относится к концу этого отрезка времени.

---

[18] М. Ю. Брайчевський. Біля джерел слов'янськоі державності. Київ, 1964, стр. 164, 165, рис. 41; Y. V. Kucharenko. Le problème de la civilisation «Gotho-Gépide» en Polèsie et en Volhynie. «Acta Baltica-Slavica», 5, Białystok, 1967, стр. 25, табл. 3, *11—13*.

[19] J. Hampel. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905, II, стр. 16, III, табл. 14, *q*.

[20] А. К. Амброз. Ук. соч., стр. 61—63.

[21] Там же, стр. 67.

[22] Н. М. Кравченко. Косановский могильник. МИА, 139, 1967, стр. 109, табл. IX, *20*.

[23] K. Godłowski. Ук. соч., стр. 31—33, табл. VII, *5*.

[24] А. К. Амброз. Ук. соч., табл. 12, *2*, *3*.

[25] Там же, стр. 67, 94.

[26] Y. V. Kuharenko. Le probleme..., стр. 23, 28, 29.

[27] H. J. Eggers. Zur absoluten Chronologia der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. «Jahrbuch der römisch-germanischen Zentralmuseum Mainz». 2. Jahrgang, 1955, стр. 205, 230.

[28] М. Б. Щукин. «Европейская Сарматия» и черняховская культура. Рукопись диссертации, стр. 350—351.

[29] Н. М. Кравченко. Ук. соч., стр. 114, 115; М. Б. Щукин. Ук. соч., стр. 315.

Два последних предмета — бронзовое кольцо и свинцовый слиток — дополнительных хронологических данных не дают. Кольцо (рис. 1, *5*), судя по размерам, вероятно, поясное, но не от пряжки — оно не носит следов прикрепления язычка или обоймы. Для черняховских поясных наборов характерны пряжки иных форм, хотя изредка встречаются и кольцевидные [30].

Аналогии поясным кольцам такого типа имеются во многих памятниках римского периода, есть они и в материалах пшеворской культуры [31]. Кольца от удил этого времени более крупные и обычно сделаны из железа. Встречаются, правда, и небольшие колечки от уздечных наборов, но они также чаще железные.

Присутствие в этом комплексе вместе с фрагментированными украшениями слитка свинца (рис. 1, *6*) вполне закономерно. Очевидно, мастер-ювелир, зарывший этот маленький клад, не меньше остальных вещей ценил кусочек сырья, который мог использоваться и в качестве лигатуры, и для ремонта испорченных фибул. В этой связи интересно напомнить об известном кладе V в. из Фромборка (Фрауенбурга), где наряду с полноценными изделиями находились оплавленные и поломанные предметы, в том числе фибулы без игл и пружин, а также бесформенные оплавленные кусочки бронзы [32].

---

[30] Э. А. Сымонович. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре. МИА, 82, 1960, стр. 198, 206, 208, табл. XIV, *7*, *10*, *13*.

[31] K. Przewoźna. Osada i cmentarzysko z okresu rzymskiego w Słopanowie, pow. Szamotuły. «Fontes archaeologici Poznanienses», V, Poznań, 1955, рис. 65, *1*; 70, *11*; J. i K. Dąbrowscy. Cmentarzysko z orkesów późnolateńskiego i wpływów rzymskich w Wesołkach, pow. Kalisz. Polskie badania archeologiczne. 15, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967, стр. 14, 53, 61; рис. 7, *3*; 53, *8*; 62, *18*.

[32] F. E. Peiser. Der Depotfund von Frauenburg. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. 23, 1, Königsberg, 1914, стр. 61—65. табл. I, *1—7*, *37—39*.

Д. В. НАУМОВ

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ОКНИНСКОГО КЛАДА

В Лаборатории спектрального анализа ЛОИА были исследованы предметы клада, найденные в с. Окнины Хмельницкой области [1]. Клад составили три фибулы (в фрагментах), поясное кольцо, наконечник стрелы (или амулет в виде наконечника копья) и слиток металла, помещенные в глиняный кувшинчик. По своей типологии одна из фибул характерна для черняховской культуры, другая подобна найденным в памятниках мазовецко-волынской группы. По своему характеру найденные предметы (ломаные фибулы и слиток металла) могли быть предназначены к переплавке для изготовления новых изделий.

Химический состав шести предметов клада дал шесть различных химических групп металла, что весьма характерно для предметов из черняховской и смежных культур [2].

Одна из фибул, отнесенная по типологии А. К. Амброза [3] к двучленной, подвязной, III серии, с рубчатыми кольцами, была изготовлена из меди с небольшими и случайными примесями олова, свинца, серебра и других элементов (анализ № 1). Три фибулы, подобные этой, из могиль-

---

[1] К. В. Каспарова. Новый комплекс черняховского времени из Хмельницкой области. СА, 1972, 3

[2] Е. Н. Черных, Т. Б. Барцева. Спектроаналитические исследования цветного металла черняховской культуры. КСИА АН СССР, 121, 1970, стр. 95—103.

[3] А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966.

ников Брест-Тришин и Дитиничи, изученные Е. Н. Черныхом и Т. Б. Барцевой [4], были представлены двух-, трех- и четырехкомпонентными сплавами. Медных, близких по составу фибуле, в указанных памятниках было четыре предмета — две заклепки костяных гребней и две римские монеты-подвески.

Вторая фибула (по А. К. Амброзу, двучленная, подвязная, I серии, второго варианта) была изготовлена из латуни с 20% цинка и незначительными примесями других элементов (анализ № 2). Латуни подобных составов встречались среди изученных брест-тришинских и дитиничских изделий — фибул и пряжек. Фрагментированная третья фибула (двупластинчатая) была бронзовой (олова 4%) с некоторыми примесями побочных элементов (анализ № 3). Поверхность щитка этой фибулы была посеребрена, что отмечено анализом — повышенное содержание серебра. У края этого щитка, где, видимо, находилась кнопка-головка пружины, имеется выступ — припой белого металлического сплава, состоящий из четырех компонентов — 18% олова, 20% свинца и примерно равных по количеству (около 30%) меди и серебра. По всей вероятности, этот припой является остатком несохранившейся головки пружины фибулы, так как сама пружина не могла быть изготовлена из такого хрупкого сплава (анализ № 4).

Химический состав поясного кольца представлен трехкомпонентным металлическим сплавом с высоким содержанием олова и свинца (анализ № 5). Амулет в виде наконечника копья был изготовлен из четырехкомпонентного сплава: медь — олово — свинец — цинк (анализ № 6). Подобные типы сложных сплавов с некоторыми вариациями в отдельных компонентах были представлены предметами из сравниваемых памятников Брест-Тришин и Дитиничи. Последний из проанализированных предметов клада — слиток металла — оказался кусочком свинца с малыми примесями меди, олова, цинка и сурьмы.

Общий характер химического состава предметов окнинского клада соответствует широко распространенным составам изделий черняховской культуры и памятников типа Дитиничи.

Результаты количественного спектрального анализа предметов Окнинского клада, %

№ анализа	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Sb	As	Ag	Au	Ni	Co	Fe	
1	Фибула	98	0,5	0,3	0,1	0,01	0,1	—	0,5	Сл.	0,07	—	0,03	—
2		79	0,03	0,01	20	0,01	0,01	—	0,05	»	0,1	—	0,1	0,01
3	Фибула (обломок)	94	4	0,5	0,1	Сл.	0,1	0,1	1	»	0,06	—	0,1	—
4	Припой фибулы	~30	18	20	0,2	0,01	0,02	—	~30	Есть	0,02	—	0,01	—
5	Поясное кольцо	67	12	20	0,05	Сл.	0,08	—	0,2	—	0,07	0,01	0,1	—
6	Наконечник	80	7	5	7	0,01	0,1	0,5	0,1	—	0,1	0,01	1	—

[4] Результаты количественного спектрального анализа предметов из Брест-Тришина и Дитиничей любезно присланы нам Т. Б. Барцевой.

В. С. ФЛЕРОВ

ОРУДИЯ VIII — IX ВВ. ДЛЯ ОРНАМЕНТИРОВАНИЯ КЕРАМИКИ

Самым распространенным признаком салтово-маяцкой керамики является врезной линейный и линейно-волнистый орнамент. Сосуды с такой орнаментацией распространены буквально на всех типах памятников салтово-маяцкой культуры, начиная со степных кочевий и кончая такими крупными центрами, как северопричерноморские города.

Линейный и линейно-волнистый орнамент покрывает преимущественно кухонные горшки, сделанные на гончарном круге, однако его можно встретить и на лепных горшках, и на столовых сосудах, и на тарной керамике — амфорах и кувшинах. При такой широкой распространенности этого орнамента (известны десятки целых сосудов и многие тысячи фрагментов) фактически не известен инструментарий, использовавшийся для его выполнения. Это выглядит особенно странно, если учесть, что изготовление посуды в VIII—IX вв. во многих центрах вышло за рамки домашнего производства. Производство же для сбыта на стороне требует какого-то постоянного набора инструментов устоявшихся форм.

Некоторый свет на этот вопрос должны пролить три костяных предмета, случайно найденные школьниками на территории Таганрога в 1970 г. во время осмотра траншеи трубопровода в районе вокзала Таганрог-1. Все три предмета изготовлены из обломков трубчатых костей, тщательно отшлифованы, очень хорошей сохранности (рис. 1, *1*).

1. Пластина трапециевидной формы (высота 46 *мм*, наибольшая ширина 32 *мм*) со скошенным верхним краем. На левой грани девять небольших тупых слабовыступающих зубцов. Правая грань плоская, тщательно отшлифованная. Сверху пластину венчает острое лезвие, четко отделенное от массы пластины небольшими плечиками. Нижняя грань пластины округлена.

В центре лицевой стороны пластины процарапан рисунок: бегущий с копьем в руках человек, перед которым скачками движется какое-то животное, надо полагать, собака. На трактовке этого животного как собаки, а не как дикого животного, преследуемого охотником, заставляет остановиться сама фигура животного, напоминающая собаку в беге, и положение руки человека, держащей копье. Если бы человек бросал копье в бегущее впереди животное, то рука с копьем была бы не опущена, а под-

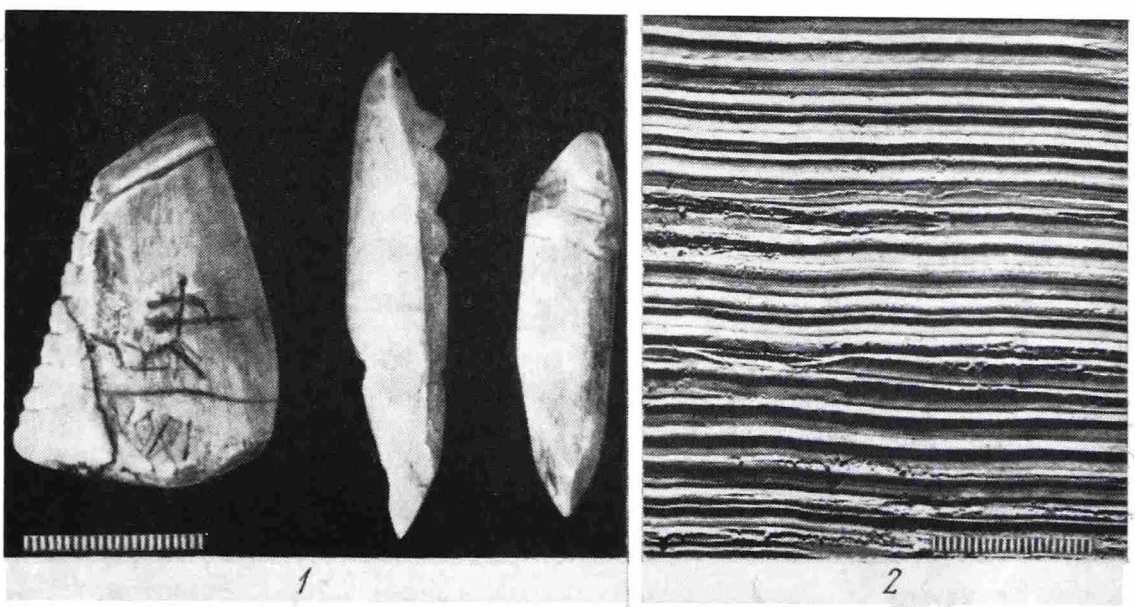


Рис. 1

1 — орудия из кости для орнаментирования сосудов; *2* — опытный образец оттиска зубцов первой пластинки

нята выше плеча. Под обеими фигурами процарапана линия, изображающая поверхность земли, по которой движутся обе фигуры. Ниже изображена группа тамгообразных знаков.

2. Заостренная с двух концов пластинка (длина 60 *мм*, ширина 13 *мм*). На боковой грани слева вверху вырезано три острых треугольных зубца.

3. Пластинка с одним заостренным «двулезвийным» концом (длина 47 *мм*, ширина 12 *мм*).

Как нам представляется все три пластинки являются инструментами для орнаментирования сосудов и принадлежат к кругу предметов салтово-маяцкой культуры.

Зубцы на первой пластине следует рассматривать как приспособление для нанесения сложного многорядного врезного линейного орнамента. Небольшая высота зубцов, как показало опытное использование инструмента (рис. 1, *2*), не служила для этого препятствием, а полученный при этом узор ничем не отличается от орнамента на салтово-маяцких горшках [1]. Боковые зубцы на второй пластине использовались для нанесения трех-двухрядной волны, а острия на концах этой и третьей пластин — для нанесения однорядной волны. Волна в один-два ряда очень характерна для памятников северо-восточного Приазовья [2].

Нелишне вспомнить, что трапециевидная форма гребенок для нанесения многорядного орнамента, какую имеет первая пластина, известна и в этнографической литературе [3]. Свое особое функциональное назначение имело также и лезвие наверху этой трапециевидной пластины. Им, очевидно, наносились насечки на венчик горшков и котлов. Насечки на венчиках котлов — очень типичная черта этого типа сосудов в Приазовье, а на поселении у хут. Фоменко вообще все, за редким исключением, венчики котлов украшались косыми насечками [4].

Фигурка собаки и особенно человека по манере изображения очень похожи на рисунки на кирпичах Саркела IX в. [5]. Та же геометричность и угловатость, полное пренебрежение деталями, изображение рук и ног в виде ломаной линии, полный отказ от попытки передать объем. Особо отметим надавнюю находку на Цимлянском водохранилище лепного сосуда с насечками по венчику и изображением движущейся человеческой фигурки [6].

Тамгообразные знаки имеют сходство со знаками на кирпичах и с клеймами на сосудах этого же времени [7]. Вряд ли следует рассматривать их как надпись с конкретным содержанием, скорее это условная символика семейно-родового характера.

Все приведенные доказательства культурной принадлежности орудий из Таганрога и их назначения, особенно если рассматривать их каждое в отдельности, являются в значительной степени косвенными.

Правильность или ошибочность нашей трактовки этих орудий может быть подтверждена или опровергнута лишь находкой аналогий в твердо датируемых комплексах. Тем не менее публикация их представляет интерес и может помочь исследователям опознать аналогичные предметы на раскапываемых памятниках.

---

[1] Следует также отметить, что многорядный линейный орнамент встречается в Северо-Восточном Приазовье только на средневековой керамике.

[2] Сборы автора в Матвеево-Курганском и Неклиновском районах Ростовской области хранятся в Таганрогском музее.

[3] Dietrich Drost. Töpferei in Afrika. Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, 15. Berlin, 1967, стр. 161, рис. 39.

[4] В. С. Флеров. Памятники неолита и средневековья в Приазовье. АО —1970, М., 1971, стр. 102.

[5] А. М. Щербак. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 367.

[6] В. Н. Конкин. Сосуд с прорисовкой из погребения позднего кочевника. СА, 1971, 1, стр. 249, 250.

[7] С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 126, рис. 32.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДВУКОНЬКОВЫХ ШУМЯЩИХ ПОДВЕСОК ПРИКАМЬЯ

Двуконьковые шумящие подвески — одни из наиболее характерных украшений древних коми-пермяков в VII—XI вв., хотя и были распространены шире, чем область, занятая этим племенным союзом. Они встречаются по всему течению Камы и ее притоков, на территории Волжской Болгарии, в мордовских могильниках, Приладожье и Люцинском могильнике. Датировка отдельных типов этих подвесок, их классификация, определение ареала подробно освещены в ряде работ, среди которых наиболее существенными являются статьи М. В. Талицкого, А. П. Смирнова, В. А. Оборина и Л. А. Голубевой [1].

Ныне известно свыше 200 таких подвесок, происходящих более чем из 90 пунктов. Большая часть их найдена в Верхнем Прикамье. Однако есть основания думать, что они изготовлялись не только в областях своего массового распространения, но и в более южных районах, например в Волжской Болгарии, где найдены следы производства украшений этого типа [2].

Касаясь вопроса об их происхождении, исследователи ссылаются преимущественно на то, что изображения коней в Прикамье известны во многих ранних по времени памятниках, а наиболее древние коньковые украшения происходят из памятников ананьинской культуры. Как Л. А. Голубева, так и В. А. Оборин отмечают, что в это время в более южных областях тоже получают распространение двуконьковые подвески, но выполненные в иной манере. Они широко известны у мерянских и мордовских племен.

Упомянутые авторы разделяют двухконьковые привески на две большие группы: на привески, у которых морды коней не соединены с основной пластинкой украшения (рис. 1, *2*), и на двуконьковые подвески, на которых морды коней соединены с пластинкой специальными тяжами или столбиками (рис. 1, *5*). Отмечается, что наиболее ранними по времени являются двуконьковые подвески, на которых морды коней не соединены тяжами с пластиной, хотя это и не вытекает из имеющихся данных по датировке отдельных разновидностей коньковых подвесок.

Так, наиболее ранние двуконьковые подвески с головками, не соединенными тяжами с пластинкой, датируются по совместным находкам их в погребениях с монетами Хосрова II началом — серединой VII в., к тому же времени относятся и ранние разновидности двуконьковых привесок, у которых морды коней соединены с пластинкой тяжами. Они также были найдены в погребениях с монетами Хосрова II (590—620 гг.). Потому они должны датироваться не концом VII—VIII вв., как полагает на основании этих находок Л. А. Голубева, а более ранним временем — серединой — началом VII в. Две таких подвески с монетами встретились в погребении 43 Деменковского могильника, исследованного А. А. Спицыным в 1901 г. [3] Потому типологически, как это ни заманчиво, представляется неверным выводить двуконьковые подвески с тяжами из двуконьковых подвесок без тяжей. Ранние разновидности и тех и других были одновременными. Характерной чертой ранних образцов и тех и других подвесок является малое

---

[1] В. А. Оборин. Коми-пермяки в IX—XV вв. (родановская культура). Канд. дис., 1957. Архив ИА АН СССР, р. 2, д. 1403—1404; Л. А. Голубева. Коньковые подвески Верхнего Прикамья. СА, 1966, 3, стр. 80—98; В. А. Оборин. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья. ВАУ, 9, Свердловск, 1969, стр. 15—20.

[2] Там же.

[3] Архив ЛОИА АН СССР, фонд А. А. Спицына, оп. 211; Гос. Эрмитаж, ОИПК, секция Северо-Востока, колл. 506, № 144, 145.

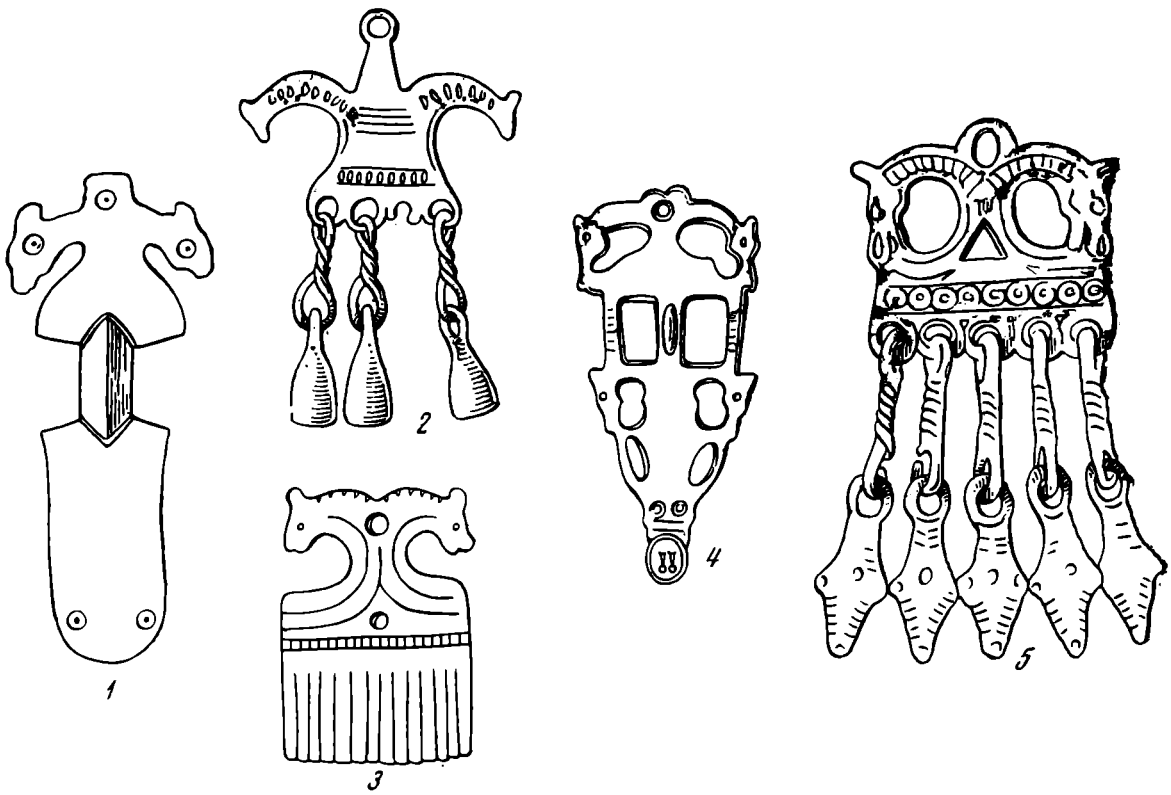


Рис. 1. Двуконьковые изображения в Прикамье

1, 4 — зооморфные фибулы (КИМ, Р-11243, Борковской могильник); *2, 5* — коньковые подвески (Бродовский могильник, дер. Урья); *3* — костяной гребень (Танкеевский могильник)

число петель в них для укрепления шумящих подвесок (обычно 4) и наличие на них лапчатых, колоколовидных или каплевидной формы подвесок, соединенных с основанием украшения только одним звеном цепочки. Более поздние подвески имеют шумящие украшения на 2—4 и более звеньях цепочки. Все это позволяет думать, что это шумящее украшение произошло из украшения не шумящего, но на котором было изображение двух конских голов, развернутых в разные стороны.

Из всего вышесказанного явствует, что начальная дата возникновения прикамских двуконьковых подвесок, определенная А. П. Смирновым как VI в.[4], не так уж далека от истинной. Раннее появление в Прикамье двуконьковых привесок подтверждается и датировками фибул, которые, как нам представляется, послужили исходным прототипом изделия, от которого произошли эти подвески. Они происходят, на наш взгляд, от зооморфных фибул, верхние щитки которых украшены изображениями двух конских голов, повернутых в разные стороны и известных в основном в двух вариантах. Одни из них имеют нижний щиток в виде вытянутого щитка геральдического типа и верхний — в виде треугольной пластинки, украшенной двумя конскими головами, развернутыми в разные стороны (рис. 1, *1*); у других нижняя пластинка в виде вытянутого треугольника, с концом, украшенным человеческой маской и двумя конскими головами, а верхний щиток в виде полуовала, с двумя конскими головами, развернутыми в разные стороны; их морды соединены со щитком тяжами или «столбиками» (рис. 1, *4*). Фибулы как первого, так и второго типов одновременны. Они датируются концом VI — началом VII в. и распространены по обширной части территории южнорусской лесостепи от среднего течения Днепра до Нижнего течения Оки. Последние разновидности фибул были найдены в Борковском могильнике[5]. Основная масса их —

[4] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, рис. XI и XII, стр. 182.

[5] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, М., 1901, табл. XIV, *13*.

случайные находки. Нередко они происходят и из кладов. Отмечается, что фибулы эти, происходящие из кладов, нередко встречаются парами и, следовательно, носились по две, укрепляясь на правом и левом плечах. Рядом авторов эти фибулы считаются славянскими (антскими), что, по-видимому, не лишено оснований [6]. Отмечается также и то, что двуконьковые шумящие привески Верхнего Прикамья, в особенности найденные в погребениях, тоже укреплялись обычно на правой и левой стороне груди, на тех же местах, где носились и послужившие их исходным прототипом зооморфные фибулы.

Распространение двуконьковых шумящих привесок в Верхнем Прикамье, происходящих от зооморфных фибул лесостепного типа, говорит о далеких связях лесостепных и лесных племен, по-видимому, через области Южной Оки, где многочисленны другие образцы лесостепных изделий (в составе Борковского и других грунтовых могильников второй половины I тысячелетия).

Однако область Нижней Оки была, по-видимому, не единственным местом контакта лесных племен с племенами лесостепи. Об этом, как кажется, говорят находки двуконьковых подвесок в западной части лесной зоны, и в частности в Люцинском могильнике. В связи с вышеизложенным представляется, что типологическая схема классификации двуконьковых шумящих привесок, предложенная Л. А. Голубевой, нуждается в определенных коррективах. Так, двуконьковая подвеска из Харинского могильника [7], попавшая в классификационную таблицу этого автора как происходящая из Гарамихи, скорее относится (по отсутствию у предмета шумящих подвесок) не к VIII — IX вв., а к VII — VIII вв.; к VII — IX вв. должна быть отнесена подвеска из погребения 10 Урьинского могильника, датированная Л. А. Голубевой IX в., чему не противоречит и общая датировка могильника VIII—IX вв. [8]

Двуконьковые изображения в Прикамье широко использовались и для украшения других предметов ремесла, преимущественно изделий косторезного производства. Так, среди костяных изделий Прикамья широко известна большая серия гребней, навершия которых украшены изображениями парных коньковых головок разной степени стилизации (рис. 1, *3*), в той же манере украшались и верхние части щитка костяных копоушек [9].

---

[6] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, 1, 319—337.

[7] А. А. Спицын. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, 26, СПб., 1902, табл. XI, 7.

[8] В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе. ВАУ, 9, стр. 30—56.

[9] Они найдены на Дондыкарском городище, в Тимиревском могильнике и в других памятниках.

Н. А. КИРЬЯНОВА

О НАХОДКАХ ЗЕРЕН СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР ПРИ РАСКОПКАХ ГОРОДИЩА ДРУЦК

Городище Друцк, расположенное в Толочинском районе Витебской области, представляет собою один из древнейших городов Белоруссии, основание которого относится к XI в. Городище расположено в верховьях р. Друти «в гуще древнерусских поселений, возникших на волоке, соединявшем бассейны Днепра и Западной Двины» [1].

Раскопки Друцка начаты Л. В. Алексеевым в 1956 г. Работы на городище дали довольно большое количество зерен различных сельскохозяй-

---

[1] Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, стр. 151.

ственных культур. В лаборатории ИА АН СССР исследовано зерно из раскопок 1956—1961 гг. Наиболее ценные материалы дали работы 1960 г.

Учитывая, что Друцк был расположен на оживленном торговом пути, можно предположить, что какое-то количество зерна было завезено в город, вероятнее всего из других районов Полоцкой земли. Возможно, конечно, что кроме ремесленного производства, население города занималось также скотоводством и земледелием. Но вероятнее всего, зерно из Друцка следует считать привезенным из ближайшей округи, где располагалось большое количество селищ [2]. Во всяком случае, результаты изучения зерна из раскопок Друцка имеют известное значение для выяснения ряда вопросов по истории земледелия северо-западной Руси в домонгольское время. Найденные на городище зерновые материалы датируются концом XI — началом XIV в.

Материалов по XI в. найдено мало, но по ним все же можно судить о составе возделывавшихся культур. Приблизительно половину всех найденных зерен (46,7%) составляют зерна пшеницы, 25% зерен составляет ячмень, 13% — зерна овса. В этот период озимая рожь, возможно, еще не получила широкого распространения на данной территории, ее зерна составляют немногим более 10%. На первом месте по значению были яровые культуры. Кроме них известную роль играли зернобобовые культуры: горох, чечевица и аборигенная для западных районов культура — конские бобы. Из перечня приведенных культур видно, что в XI в. на территории Полоцкой земли уже высевали вполне определенный состав культур, сложившийся, несомненно, в более раннее время.

При исследовании зернового материала Друцка из слоя XII в. обнаружены зерна следующих сельскохозяйственных культур: ячменя, пшеницы мягкой, ржи, овса, проса, гороха, чечевицы и конских бобов. Как видно, для XII в. характерен тот же состав культур, что и для предыдущего периода. Подсчет количества зерен отдельных культур дает следующую картину: зерна ячменя составляют 42% всех найденных зерен, пшеницы — 28%, ржи — около 17%, овса — 7,5%, чечевицы — 4,6% и гороха — 1,2%. В данном случае увеличилось количество найденных зерен ржи. Вызывает некоторое недоумение высокий процент зерен ячменя в находках. Такое большое количество зерен данной культуры, казалось бы, противоречит общему направлению земледелия древней Руси. Ведь в XII в. на всей ее территории прочно утвердилась паровая система земледелия и рожь стала основной культурой, заняв первое место среди продовольственных запасов, о чем свидетельствуют находки почти на всех памятниках. В то же время ячмень, культура пленчатая, был менее удобен для продовольственных целей. Всего вероятнее объяснить эту особенность условиями раскопок 1960 г. Возможно, что при раскопках вскрыты такие участки, где в зернохранилищах было ссыпано много ячменя и общий подсчет количества зерна дал такую своеобразную картину, тем более, что общее количество зерна, найденного в слоях XII в., в общем-то невелико. Следует отметить большую чистоту зерна, слабую засоренность его семенами сорных растений. При распространенной в то время технике земледелия зерно было обычно сильно засорено. После молотьбы и провеивания на ветру значительная часть семян сорных растений отделялась от зерна. Последующая очистка его при помощи сит и решет еще больше очищала зерно. Можно предположить, что найденное зерно было хорошо очищено. Однако в ряде находок среди зерен ржи встречаются семена костра ржаного, типичного сорняка озимой ржи. Семена этого сорняка по своим размерам близки к зернам ржи, поэтому они чрезвычайно трудно отделяются от них. Присутствие этого сорняка среди зерен ржи неопровержимо свидетельствует о том, что возделывалась озимая рожь и высевалась она, вероятнее всего, в паровом поле. Возможно, правда, что

[2] Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., стр. 161.

рожь высевалась и по обработанным краткосрочным перелогам, располагавшимся обычно не в массиве старопахотных почв, а на запольных участках вдали от селений.

В слоях XIII—XIV вв. на городище Друцк найдены зерна тех же культур: ржи, пшеницы, ячменя, овса, гороха, чечевицы и конских бобов. Состав культур остался прежним, но несколько изменилось процентное соотношение зерен возделывавшихся хлебов. Первое место по количеству зерен занимает пшеница — 34%. Заметно возросло количество зерен ржи — 28%, тогда как ячменя уже меньше — 26%. Роль овса очень незначительна (5,8%), вряд ли он высевался как продовольственная культура. Вероятнее всего основная масса овса использовалась как фураж. Еще меньшее значение имели горох, чечевица и конские бобы. Особо следует отметить находку зерен гречихи. В этот период гречиха уже возделывалась, вероятно, как крупяная культура. Как известно, гречиха была найдена в слое XIII в. при раскопках в Гродно[3]. В Витебске пленки гречихи были обнаружены рядом с берестяной грамотой XIII—XIV вв. Зерно из слоев XIII—XIV вв. также хорошо очищено от семян сорных растений. Тщательность очистки объясняется, видимо, требованиями к продовольственным запасам и необходимостью иметь качественный посевной материал. Среди зерна встречены единичные семена сорняков, типичных для яровых посевов. Их семена найдены в основном в находках с преобладанием зерен пшеницы и ячменя.

К решению вопроса о характере использования пахотных земель и системах земледелия в друцкой округе следует подходить с позиций общего состояния земледелия на смежных территориях и общерусской земледельческой культуры в целом. Это было время широкого распространения паровой системы земледелия, которая прочно утвердилась на всей русской земле. Трудно предполагать, чтобы в друцкой округе, расположенной по соседству с областями, имеющими высокоразвитое земледелие, сохранились и применялись только примитивные формы использования пахотных земель, тем более, что состав культур, найденных в Друцке, характерен для земледелия и других районов. Исходя из этих соображений, можно с большой долей достоверности говорить о наличии в земледелии также и друцкой округи паровой системы земледелия, которая практически выражалась в форме трехполья, одной из самых распространенных и экономически эффективных систем. Кроме этого, возможно использование пахотных земель и в форме двуполья. Не исключена возможность существования также и залежно-паровой системы на лесных перелогах и запольных землях, расположенных вдалеке от селений, т. е. всех форм и систем земледелия, существовавших на территории древней Руси.

---

[3] А. В. Кирьянов. Материалы по истории земледелия в Гродно. МИА, 41, 1954, стр. 207.

М. Н. ФЕДОРОВ

РЕДКИЙ КАРАХАНИДСКИЙ ДИРХЕМ ИЗ АФРАСИАБА

(К истории монетного двора Харлух Орду)

В октябре 1968 г. участник Самаркандской археологической экспедиции Института истории и археологии АН УзССР Рахим Равшанов, находясь возле соборной мечети домонгольского Самарканда, поднял с поверхности городища монету, сплошь затянутую пленкой окислов. Примерно одна четвертая часть монеты была обломана. Диаметр ее — 2,8 *см*.

После очистки находка была передана на определение автору этих строк. Оказалось, что перед нами весьма редкая разновидность серебряных караханидских дирхемов второй четверти XI в.

Караханидские монеты встречаются на Афрасиабе куда реже, чем саманидские или согдийские. Если находки саманидских монет мы исчисляем десятками, то караханидские — лишь единицами. Исключение составляет клад из 47 медных караханидских монет конца XII в., обнаруженный Г. В. Шишкиной [1]. Объясняется ли это явление тем, что в XI—XII вв. центр городской жизни смещался за пределы Афрасиаба или в этом повинен случай — пока сказать трудно.

Обнаруженный Р. Равшановым дирхем выпущен в Харлух Орду в 425/1033—34 г. от имени Тамагач Богра Карахакана Али ибн ал-Хасана. До сих пор было известно лишь три таких монеты, причем все они с 80-х годов прошлого века хранятся в Британском музее [2] и все «беспаспортные». Наша монета является первым дирхемом Харлух Орду, место находки которого зафиксировано.

Приведу ее описание. Аверс. В поле:

العدل // لااله‌الا // الله وحده // لاشريك له

По сторонам — выпускные сведения:

. . . . هذا الدرهم // بخر لغ اردو سنه خمس // وعشرين اربع . . .

Реверс. В поле, в ободке из двух линейных кругов:

. . . الخ . . . على // القايم‌امرالله‌طمغاج // بغرا قراخاقان // محمد رسول الله // الله.

Вокруг 33-й стих IX суры корана:

. . . ارسله بالهدى الخ

Монету выпустил Али-Тегин — караханидский правитель, захвативший в 416/1025—26 г. Бухару и Самарканд и правивший Мавераннахром вплоть до своей смерти в 426/1035 г. [3]

Позволю себе подробнее остановиться на истории монетного двора Харлух (Харлуг) Орду. Впервые продукция этого монетного двора стала достоянием науки в 1826 г. [4] Это была медная монета Харлуг Орду, выпущенная Юсуфом сыном Али ибн ал-Хасана. Крупный востоковед и зачинатель восточной нумизматики в России Христиан Мартин Френ опубликовал эту монету, но не смог разобрать наименование монетного двора, дав ему лишь предположительное чтение «Кутлуг Эрку» دقتلغ اركو

В 1881 г. академик Бернхард Дорн предложил чтение «Кутлуг Орду» [5], что было уже ближе к истине. Не справился с расшифровкой наименования монетного двора на монетах 425 г. х. из Британского музея и видный

---

[1] Г. В. Шишкина. Клад медных монет с Афрасиаба. ИМКУ, V, Ташкент, 1964, стр. 111.

[2] S. Lane Poole, Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. IX, London, 1899, стр. 195, № 444 *t*, *n*, *v*. (Лэн Пуль ошибочно прочел наименование монетного двора как Килич Орду).

[3] М. Н. Федоров. Очерк истории Караханидов второй четверти XI в. (по нумизматическим данным). ИМКУ, VII, 1966, стр. 139—142.

[4] Chr. M. Fraehn. Recensio numorum muhammedanorum... Pehropoli, 1926, стр. 134, № 46. Х. М. Френ прочел дату как 417 г. х. Однако ознакомившись с этой монетой в Эрмитаже (коллекция бывшего Азиатского музея, планшет 40, № 15), автор обнаружил там дату 427 г. х., что и соответствует времени правления Юсуфа (427—433 гг. х.).

[5] B. Dorn. Über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkistan. «Melanges Asiatique», VIII, 1881, стр. 724, № 69. Б. Дорн, вслед за Х. М. Френом, также читал дату как 417 г. х.

английский ориенталист и нумизмат Стэнли Лен Пуль[6]. Он предложил чтение «Килич Орду». Только А. К. Марков (по сообщению Р. Фасмера) дал правильное чтение этому загадочному монетному двору: «Харлуг Орду»[7], т. е. «Ставка Харлугов» (или Карлуков) — воинственного кочевого тюркского племени, которое в XI—XII вв. составляло ядро караханидского войска. Р. Фасмер полностью поддерживает чтение, предложенное А. К. Марковым, добавляя, что на некоторых монетах наименование монетного двора пишется по-разному: بخرلغ اردو (Харлух Орду) или بخرلغ اردو (Харуг Орду), а также предостерегает от отождествления Харлуг Орду с местностью Хурлуг خورلوغ упомянутой у арабского географа X в. Макдиси на том основании, что خورلوغ расположен возле Испиджаба, который в состав владений Али ибн ал-Хасана никогда не входил. Р. Фасмер также считает, что Харлуг Орду находился в Мавераннахре, т. е. во владениях Али ибн ал-Хасана[8], упоминаемого в источниках как Али-тегин.

Автор разделяет мнение Р. Фасмера о местонахождении Харлух Орду и в свете находки, сделанной на Афрасиабе, считает возможным высказать предположение о том, что Харлух Орду находился в Согде и, скорее всего, в его самаркандской части. Монетный двор Харлуг Орду мог быть неподвижным, располагаясь в одном из населенных пунктов Согда, или подвижным, передвигаясь вместе с войском.

Проследим (насколько это позволяют нам нумизматические материалы) историю монетного двора Харлух Орду. Прежде всего, следует отметить, что монетный двор Харлух Орду функционировал только при Али-тегине (т. е. Али ибн ал-Хасане) и его сыне Юсуфе, между 423 и 428 гг. х. Ни до, ни после этих правителей нам неизвестно ни одной монеты, выпущенной на этом монетном дворе.

Харлуг Орду был, по-видимому, единственным монетным двором Али-тегина, где чеканились высокопробные серебряные дирхемы. Чекан Али-тегина в Бухаре представлен без перебоев начиная с 416 по 426 г. х. Но все это — медные монеты, серебряных нет. Неизвестно пока ни одной серебряной монеты, выпущенной Али-тегином и на других его монетных дворах (Самарканд, Дабусия, Согд, Кермине, Иштихан).

Надо отметить, что вторая четверть XI в.— это время, когда так называемый «серебряный кризис» начинает входить в полную силу. Нехватка серебра и ряд других причин политического и экономического характера приводят к тому, что выпуск высокопробной серебряной монеты становится явлением довольно редким, идет процесс «порчи монеты», т. е. уменьшение в ней серебра за счет роста лигатуры и т. д.

Почему же Али-тегин выпускает сравнительно высокопробную серебряную монету и почему именно в Харлух Орду? Как мы уже говорили выше, карлуки составляли основной контингент караханидских войск, в том числе и войска Али-тегина. Чекан серебряной монеты в Харлух (Карлук) Орду, т. е. в «Каралукской ставке», говорит о том, что эти дирхемы предназначались для выплаты войскам жалования. Причем выпуск серебряной монеты осуществлялся прямо на месте, в самой ставке карлукского войска. Впрочем, иногда здесь выпускали также и медную монету, но в количественном отношении она уступает серебряной. До сих пор нам известно всего лишь семь монет Али-тегина, выпущенных в Харлух Орду, и только одна из них медная.

Тот факт, что продукция монетного двора Харлук Орду встречается довольно редко, говорит о том, что монетный двор работал периодически или небольшими эмиссиями. Скорее всего первое: видимо, монетный двор

---

[6] S. Lane Poole. Catalogue..., IX, стр. 195, № 4447*t*, *n*, *v*.

[7] R. Vasmer. Zur Münzkunde der Qarachaniden, «Mitteilungendes Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin», стр. 98, примеч. III.

[8] Там же, стр. 98.

приурочивал свою работу ко времени выплаты войску жалования (три или четыре раза в год).

Самая ранняя монета Харлух Орду датируется 423 г. х.[9] Возможно, именно в это время и начал свою работу этот недолговечный монетный двор. 423/1031—1032 г. был для Али-тегина временем тяжелых испытаний. Весной 1032 г. хорезмшах Алтунташ по приказу своего могущественного сюзерена Мас'уда Газневидского совершил вторжение во владения Али-тегина. Была взята Бухара. Али-тегин отступил к Дабусии, где с лихорадочной поспешностью собирал свои войска. На помощь к нему пришли также кочевники-туркмены с Сельджукидами во главе[10]. Чтобы выплатить войскам жалование и сделать подарки племенной знати и рядовым кочевникам-туркменам, пришедшим к нему на помощь, Али-тегину понадобились немалые деньги. Именно в это время, скорее всего, и начал работать монетный двор Харлух Орду (Карлукская ставка), который, судя по монетным данным, просуществовал до 428 г. х.[11]

Находка, сделанная на Афрасиабе, прежде всего интересна тем, что это первая из девяти монет Харлух Орду, которая имеет паспортные данные, и в этом смысле она позволяет нам сделать некоторые выводы о локализации этого интересного монетного двора.

---

[9] Там же, стр. 95.
[10] В. В. Бартольд. Соч. I, М., 1963, стр. 357, 358.
[11] S. Lane Poole. Catalogue..., IX, стр. 196, № 447 *f*.

Л. Л. ГАЛКИН

ПЕРСТНИ-АМУЛЕТЫ С СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Во время работ Поволжской экспедиции (начальник А. П. Смирнов, зам. начальника Г. А. Федоров-Давыдов) у с. Селитренное Астраханской обл. в период с 1965 по 1969 г. были найдены несколько целых бронзовых и костяных перстней, а также фрагменты перстней из камня, кости, бронзы и стекла. Среди них имеются три перстня со щитками, на которых выгравировано слово «Аллах». Они принадлежат к группе печаток-амулетов[1].

Обломок перстня из молочно-белого халцедона был найден в 100 *м* к западу от Больничного бугра в береговых размывах среди скоплений черепков красноглиняной и поливной керамики и обломков золотоордынского кирпича (рис. 1, *1*). Сохранился только щиток: длина 19, ширина 8, толщина 3—4 *мм*. В плане он имеет миндалевидную форму и очень близок сердоликовым щиткам, найденным на этом же городище и датированным второй половиной XIV в. На щитке рассматриваемого перстня выгравирована надпись, заключенная в рамку из двух параллельно вырезанных линий, идущих по его краю. Надпись читается: «Аллах» с одним лишним «алифом» перед ним. Среди эпиграфических памятников Северного Кавказа XIII—XV вв. можно видеть стилистически сходное начертание этого слова, но без лишнего «алифа»[2].

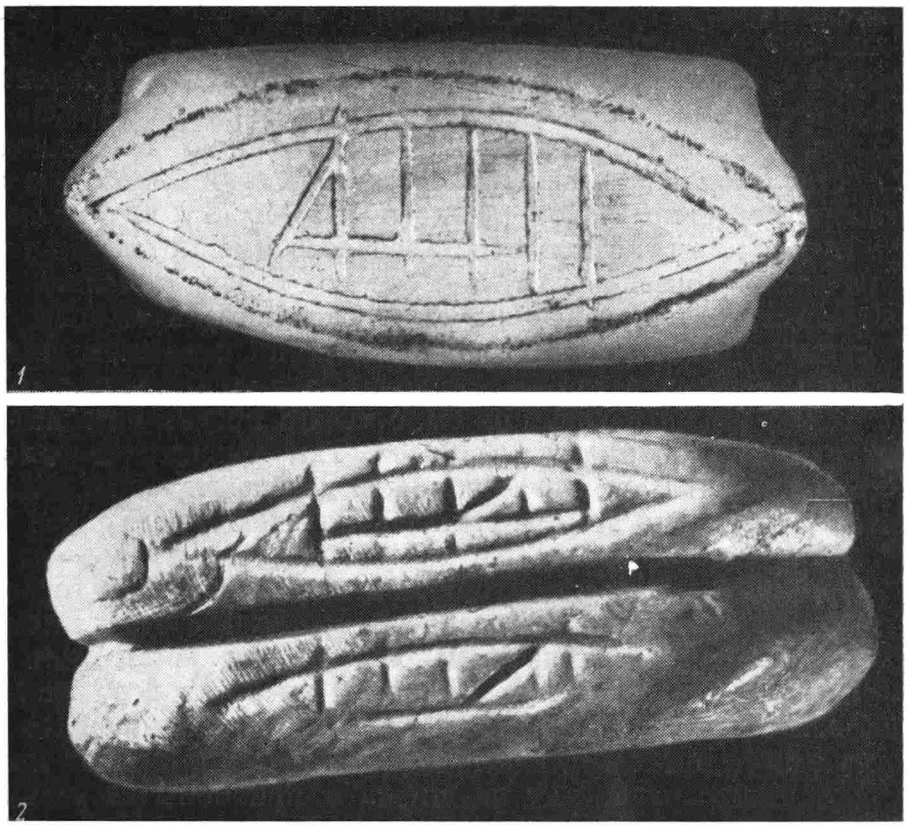
Иранский археолог Фироуз Багирзаде, видевший фотографию перстня, предполагает, что это не «алиф», а черта, ограничивающая голову рыбы, форму которой схематически повторяет конфигурация печатки перстня[3]. В таком случае перстень служил амулетом, смысловое значение которого пока еще не совсем ясно для нас. В этом отношении интересен амулет конца XIX в. из Каира, он имел форму рыбы с выгравирован-

---

[1] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 80.
[2] Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. I, 1966, № 247.
[3] Пользуюсь случаем принести благодарность Фироузу Багирзаде за консультацию.

ной на ней надписью «Во имя бога». Такой амулет служил охраной от дурного глаза [4].

Относительно отдельно взятого слова «Аллах», выгравированного на перстне, следует сказать несколько подробней. В мусульманском богословии на протяжении веков идут споры о толковании так называемых имен божьих. В XIII в. Шейхом Ахмедом Альбунья была написана книга «Солнце познания и наилучшие из Благодатей» [5]. Цель ее, по словам ав-



тора, «дать сведения о свете имен бога всевышнего и о том, какие породы жемчужин мудрости скрываются в море сих имен, как употреблять имена в молитвах и после каких букв и стихов корана, чтобы посредством их без труда достигать божья величья и посредством их получать все желаемое в здешней жизни» [6]. Приведем одно из пояснений к 99 именам бога. Автор говорит, что «тот, кто хочет подчинить себе людей и быть успешным в прочих делах своих... должен вырезать на камне своего перстня слова стиха, содержащие имена бога: «О мощный, о могущественный, о державный» и спать с ним и много раз произносить этот стих» [7]. Интересно, что мусульманские богословы, толкователи корана, насчитывают у бога четыре тысячи имен: «Тысячу из них никто, кроме самого бога, не знает, тысяча из них написана на хранимой скрижали. Триста имен из них сказаны в Законе, триста в Псалтыре, триста в Евангелии и одна сотня из них в Коране, из которых девяносто девять явные, а одно сокры-

---

[4] Rudolf Kriss, Hubert Kriss — Heinrich. Volkglaube im Bereich des Islam, Wiesbaden, 1962, стр. 30, 31.

[5] Г. С. Саблуков. Сличение мохамеданского учения о именах Божьих с христианским о них учением. Казань, 1872, сстр. 34. Приложение 3.

[6] Там же, стр. 34, приложение 3.

[7] Там же, стр. 34, приложение 3.

то... Тяжело было молиться богу всеми именами его, эта тяжесть сделалась легкою посредством слова Аллаг (бог)» [8].

Таким образом, отдельно взятое слово «Аллах» заменяло в молитве все 99 имен божьих. Мусульмане считали, что сотое тайное имя божье было великим именем. По их твердому убеждению, этим именем можно было творить чудеса [9].

Мусульманские предания говорили о том, что великое имя знали и пользовались им Моисей, Христос, царь Соломон. «Люди, пери, птицы, насекомые, облака, ветры и все существа, какие есть между небом и землей, какие есть в глубинах морских, служили Соломону. Виновником того, что все существа были слугами его, был камень, вставленный в перстень его: все подчинялись Соломону от того, что на перстне было изображено великое имя бога всевышнего». По мнению большинства мусульманских богословов, таким великим именем божьим было слово «Аллах» [10].

Вероятно, отдельно взятое слово «Аллах» в XIV в. в среде золотоордынских мусульман-суннитов использовалось именно в этом своем магическом качестве. Помещая на перстне это слово, пытались подражать перстню Соломона в надежде на его чудодейственную силу. Среди мусульман-шиитов были распространены перстни с именем Али [11]. По их представлениям, на перстне Сулеймана (Соломона) было выгравировано это имя. «Если бы на перстне не было твоего предвечного имени, откуда бы возвеличился Сюлейман О,Алий!» [12]. Так говорится в одном из гимнов шиитской секты Кара-Коюнлу, вожди которой правили в Азербайджане во второй половине XIV в. и утвердил свою власть над Ираком в XV в. [13]

О распространении среди мусульман Сарая перстней со словом «Аллах» свидетельствует находка еще двух перстней с этим именем, выгравированным на щитках. Указанные перстни из кости были подняты в 75 *м* к северо-западу от бугра Кучегуры на месте вероятной косторезной мастерской (рис. 1, *2*). Перстни были сломаны в процессе обработки. Мастер из одного куска кости вырезал два перстня, придал им законченную форму, нанес гравировку на щитки и при попытке распилить заготовку надвое сломал их. В плане щиток имеет вытянутую овальную форму длиной 22, шириной около 4 *мм*. Толщина щитка 3,5 *мм*. Дуга перстня шириной около 4 *мм*. В поперечном сечении она имеет подтреугольную форму. Вершина треугольника является ребром, идущим через середину внешней поверхности дуги.

Надпись заключена в овальную рамку, выгравированную по краю щитка. На щитке негативно выгравировано слово «Аллах». В данном случае лишний алиф стоит в конце слова, и если принять предположение Ф. Багирзаде, его также можно считать чертой, отделяющей голову рыбы от туловища.

Можно предположить, что описанные перстни служили печатями-амулетами. Известно, что подобную роль выполняли перстни золотоордынского времени из Волжской Булгарии с надписями: «Нет бога, кроме бога», «Во имя бога», «Мухаммед» [14].

---

[8] Там же, стр. 125. Мусульманские четки обычно состоят из 99 бусин, соответственно 99 именам бога. См. S. M. Lewis. Peoples of the Horn of Africa. London, 1955, стр. 132.

[9] Г. С. Саблуков. Ук. соч., стр. 134.

[10] Там же, стр. 138—190.

[11] Находки перстней со словом «Али» известны в Болгарах: А. П. Смирнов, С. А. Янина. Находки редких золотых перстней в Болгарах. СА, 1967, 3.

[12] Вл. Гордлевский. Кара-Коюнлу. Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана, 4, Баку, 1927, стр. 19.

[13] Там же, стр. 10.

[14] Л. Кафка. Перстни Камско-Волжской Болгарии. ИОИАЭ XXXIV, 1—2. Казань, 1928, стр. 123, 124.

В золотоордынских городах, в том числе и в Сарае, перстни носили главным образом как печати-амулеты, печати-обереги. О широком распространении в Сарае перстней-оберегов говорит находка на Селитренском городище перстня со стеклянной вставкой, под которой был помещен бумажный амулет [15]. Эта находка раскрывает назначение стеклянных и хрустальных вставок, часто встречающихся в древностях Сарая. Еще совсем недавно в Средней Азии рука без перстня считалась ритуально нечистой [16]. Вероятно, в Сарае надеванию перстней сопутствовали определенные обряды, отражение которых можно видеть в этнографических наблюдениях, записанных Н. К. Катановым у казанских татар [17]. Так, например, человек, впервые надевающий перстень, мог совершить это лишь в благоприятные дни и должен был быть чист душой и телом.

---

[15] В. Л. Егоров, Н. Г. Мухаммадиев, Г. А. Федоров-Давыдов, Раскопки золотоордынских городов на нижней Волге. АО — 1969 г. М., 1970, стр. 174.

[16] Сб. «Таджики Каратегина и Дарваза». 2. Душанбе, 1970, стр. 184.

[17] Н. Ф. Катанов. Несколько слов по поводу русских и татарских перстней. ИОИАЭ, XX, 1—3. Казань, 1904, стр. 46.

Критика и библиография

ОТКРЫТИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ И ПРОБЛЕМА НАИДРЕВНЕЙШИХ ОРУДИЙ (КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)

Последние 15 лет ознаменовались выдающимися открытиями в области палеоантропологии и первобытной археологии. К ним следует отнести в первую очередь находки австралопитеков и близких им форм, обнаруженных совместно с обработанными предметами в Олдувейском ущелье (Танзания), долине Омо (Эфиопия), у оз. Рудольф (Кения), в Сварткрансе (Южно-Африканская республика). Большой интерес также вызывают находки галечных изделий в Мелка Контуре (Эфиопия), Сале (Марокко), Кармоне (Испания).

В своем обзоре наибольшее внимание мы намерены уделить археологическим находкам и вопросам их интерпретации. Рассмотрим прежде всего статью М. Лики [1], посвященную находкам в Олдувее. В начале статьи она резюмирует итоги палеонтологических исследований Л. Лики и геологических изысканий Р. Хэя. После полевых работ Р. Хэя стала более ясной стратиграфия Олдувея в целом и во многих существенных деталях. Можно считать доказанной близость слоя 1 и нижней части слоя 2 по фауне и литологии [2]. Обработанные предметы и кости животных связываются с озерными отложениями, что указывает на первичность их залегания [3]. Кроме абсолютных дат, предложенных Г. Куртисом и Эвернденом [4] (1750—1800 тыс. для низов слоя 1 и 1100 тыс. для базальной части слоя 2), добавилась новая дата [5], полученная с помощью расщепления ядер урана (для самых древнейших пунктов находок DKI и MKI), — 2300 тыс. лет. За вводной частью следует параграф под названием «Олдувейская культура». На симпозиуме по изучению позднетретичного и четвертичного периодов Африки, который состоялся в Бург-Вартейнштейне (Австрия) в 1965 г., М. Лики выступила против широкого с территориальной точки зрения использования термина «олдувейская культура». Олдувеем, по ее мнению, следует называть культуру, где олдовайские изделия типичны и составляют серию [6]. Если основным элементом олдувейской культуры считались раньше чопперы [7], то теперь, после изучения изделий из Олдувейского ущелья с помощью статистического метода, важной составной частью считаются и орудия на отщепах [8]. Археологический материал из слоя и нижней части слоя 2 Олдувея разделен М. Лики на орудия, изделия со следами использования, необработанные отщепы, гальки и глыбы без следов обработки. В следующем параграфе дается краткая характеристика указанных четырех групп олдувейского комплекса и отдельных типов. Среди орудий выделяются чопперы (семь типов), полиэдроиды, диски, сфероиды, протобифасы, массивные скребла (преимущественно галечные), скребла небольших размеров (в том числе и концевые скребки), резцы, остроконечники. К группе изделий со следами использования М. Лики относит наковальни, ударные предметы, отщепы небольших размеров с прямым, вогнутым и выемчатым краями. Необработанные отщепы (так же как и отщепы со следами использования) преимущественно из кварца и кварцита. Они имеют конвергентное, дивергентное и почти параллельное огранение спинки. К этой же категории относятся отщепы от подправки чопперов, осколки, разбитые отщепы и обломки нуклеусов.

---

[1] M. D. Leakey. Preliminary Survey of the Cultural Material from Bed 1 and 2 Olduvai Gorge, Tanzania. «Background to Evolution in Africa». University Chicago Press, 1967, стр. 417—442.

[2] L. S. B. Leakey. Olduvai Gorge (1951—1961). 1. Cambridge University Press, 1965, стр. 3.

[3] J. D. Clark. Sites Yielding Hominid Remains in Bed 1 Olduvai Gorge. «Nature», 184, 4768, 1961, стр. 904.

[4] J. F. Evernden and G. H. Curtis. The Potassium-Argon Dating of Late Genozoic Rocks in East Africa and Italy. Cu A, 6, 4, 1965, стр. 355—363.

[5] R. L. Fleischer, P. B. Price, R. M. Walker and L. S. B. Leakey. Fission-Track Dating of Bed 1 Olduvai Gorge. «Science», 148, 3666, 1965, стр. 74.

[6] Выступление на дискуссии по терминологии. M. D. Leakey. «Background to Evolution in Africa». The University of Chicago Press, 1967, стр. 866.

[7] L. S. Leakey. Olduvai Gorge. Cambridge University Press, 1951, стр. 34, 35.

[8] M. D. Leakey. A Review of the Oldowan Culture from Olduvai Gorge, Tanzania. «Nature». 210, 5035, 1966, стр. 462—466.

Нуклеусы как самостоятельная типологическая единица не выделяются М. Лики ввиду отсутствия четких форм. Гальки и глыбы без следов использования и обработки зачислены в олдувейский комплекс на том основании, что они специально принесены на место обитания древнейшим изготовителем орудий. После этого М. Лики переходит к описанию изделий, обнаруженных на пунктах DKI, FLKI, FLKNNI, FLKNI (слой 1) и HWKE II (нижняя часть слоя 2). Для каждого из этих пунктов составлен отдельный список орудий. Гистограммы дают наглядное представление о процентном соотношении выделенных типов. На схематическом разрезе, составленном по Р. Хэю, показано стратиграфическое положение находок изделий и костных остатков гоминид, обнаруженных в 1 и 2 слоях. Изделия из средней и верхней части слоя 2, которые когда-то относили к шеллю [9], теперь связываются с развитым олдувеем, нижним ашелем и ашелем — развитым олдувеем. Интересно, что в некоторых случаях ашельский комплекс залегает ниже комплекса, относящегося к развитому олдувею. Археологический материал из данной части слоя также подвергся статистическому анализу. Приводятся типологические таблицы и гистограммы. Небольшой раздел статьи посвящен изделиям из кости, обнаруженным, в частности, на пункте MNKII. Кости конечностей жирафов, лошадей разбивались вдоль, а потом, в ходе подправки, превращались в остроконечные и двусторонне обработанные орудия.

В заключение М. Лики делает вывод о том, что изделия из слоя 1 и нижней части слоя 2 относятся к типичному олдувею и не обнаруживают заметных эволюционных изменений. Археологические комплексы, выявленные на стоянках, расположенных выше эоловых туфов (нижняя часть слоя 2), обнаруживают по отношению к комплексам из указанной выше толщи отложений ясное типологическое отличие. Делается попытка увязать остатки гоминид с определенным комплексом. Согласно М. Лики, обработанные предметы находятся в связи не только с хабилисами, но и с австралопитеками, в том числе и массивными. На стоянках ашеля и ашеля — развитого олдовая костных остатков гоминид не обнаружено. Не найдено каменных изделий и с черепом архантропа (гоминид № 9). М. Лики считает, что творцом орудий были хабилиновые, обладавшие бо́льшим объемом мозга и более развитой кистью, а не австралопитеки.

С определением содержания «олдувейская культура», а также с другими положениями статьи М. Лики нельзя согласиться. Прежде всего отметим, что на симпозиуме в Бург-Вартейнштейне было решено отказаться от использования не только таких терминов, как «галечная культура» (Pebble Culture), «культура обработанных галек» (Civilisation à galets amenagés), но и от самого слова «культура», заменив его сочетанием «археологический индустриальный комплекс» [10]. Хотя и такое опеределение не является удачным, но стремление избежать употребления понятий с явно выраженным современным социологическим смыслом нельзя не признать правильным. Что касается олдувейских материалов, то здесь необходима принципиальная постановка вопроса относительно достоверности находок и возможных путях их интерпретации. Несмотря на то что находки связываются с песчано-глинистыми отложениями, действие на них природных сил совершенно не исключается. Это отметили в своих выступлениях на симпозиуме некоторые исследователи [11]. Интересные факты приводит в статье и сама М. Лики. Установлено, что в течение накопления слоя 1 речные потоки приносили из своих верховий по направлению к озеру гальки, глыбы и обломки камней. М. Лики указывает, что отдельные «изделия» вызывают явное сомнение, однако жаль, что этим исключительно интересным фактам в статье уделено мало внимания. На естественное происхождение многих «артефактов» из Олдувея могут указать следующие обстоятельства. Во-первых, согласно М. Лики, при раскопках олдувейских стоянок почти не обнаружено отщепов из лавы, которые должны были закономерно возникнуть при изготовлении чопперов, полиэдроидов, сфероидов, дисков. В то же время большое количество кварцитовых и кварцевых отщепов находится вне связи с гальками, из которых они были получены. Если мы согласимся с М. Лики и будем считать, что данные изделия изготавливались в другом месте, а затем приносились на место обитания, то необходимо тогда признать высокую степень дифференциации производственной деятельности австралопитековых, что едва ли логично по отношению к этой группе гоминид.

Во-вторых, поражают небольшие размеры изделий и в частности чопперов. По свидетельству М. Лики [12], их длина колеблется от 6,5 до 3,5 *см* и менее. Подобные гальки, тем более если они круглые или яйцевидные, обрабатывать практически невозможно. Ни психика, ни кисть австралопитеков, в том числе и хабилиновых, не были приспособлены к кропотливой, утомительной работе, а главное неясно, для каких целей они использовали эти «изделия». Тесать, рубить, кромсать можно только гальками достаточного веса. При этом обработанный край должен быть рабочим в полном смысле этого слова. Примечательно, что многие ашельские рубила кроме ра-

---

[9] L. S. B. Leakey. Olduvai Corge, стр. 41—73.

[10] Recommendation. «Background to Evolution...», стр. 897.

[11] М. Клайндиенс, Ж. Тиксье. Выступления на дискуссии по терминологии. «Background to Evolution...», стр. 864.

[12] M. Leakey. A Review of the Oldowan..., стр. 465.

бочей формы обработанной поверхности имеют и подходящие размеры. Приведем размеры рубил из слоя 3—20,9 × 10,3 × 4,9 и из слоя 4—23,5 × 13,5 × 5,9; 16,8 × × 6,4 × 3,4 *см*.

Типы и подтипы галечных изделий требуют не столько регистрации и формализации, сколько конкретной интерпретации. За понятием «тип», на наш взгляд, скрываются две тенденции: первая из них связана с деятельностью по обработке камня и находит конкретное выражение в вариациях техники расщепления; вторая отражает степень пригодности, утилитарности обработанных предметов. Морфологические типы вовсе не являются одновременно и функциональными. Морфологический тип — это нерасчлененная характеристика обработанного предмета. По нашему мнению, при изучении наидревнейших изделий можно использовать следующие три коэффициента: 1) $К_т$ (технический); 2) $К_{ут.\ общ.}$ (утилитарности общий); 3) $К_{ут.\ акт.}$ (утилитарности активный). $К^т$ указывает на общие технические показатели: направление, в котором происходит снятие отщепов, число снятых отщепов, общие размеры сырьевого материала, его форма в целом. $К_{ут.\ общ.}$ применяется к изделиям, способным в той или иной мере выполнять определенную работу. Здесь надо обращать внимание на общую величину угла, общее состояние обработанной поверхности, тип сырья. Вполне возможно вместо $К_{ут.\ общ.}$ употреблять $К_{пр.\ общ.}$ (коэффициент пригодности общий) или $К_{исп.\ общ.}$ (коэффициент использования общий). И наконец, $К_{ут.\ акт.}$ указывает на число предметов, способных достаточно эффективно совершать ту или иную операцию. Важную роль при этом играют реальные размеры гальки, обломка камня, их форма в зоне обработанной поверхности, особенности сырья, конкретная величина угла, состояние рабочего края, его протяженность и т. д.

Нам кажется, что конкретное определение понятия «орудия» вполне уместно и необходимо на данном этапе развития науки о первобытном обществе. Сугубо типологическое определение этого понятия недостаточно, поскольку типология (и морфологическая типология Ф. Борда, и аналитическая морфология Л. Балу) не дает полной информации об обработанном предмете. Неполнота конкретной информации заключается в том, что типология часто игнорирует данные трасологии и эксперимента. Этот факт опеределяет и состояние общей, т. е. исторической, информации, которая предполагает прежде всего сведения о самом творце каменных изделий, его физическом облике, интеллекте, хозяйственной деятельности, производственных навыках, поведении и т. д.

При знакомстве с типологическими списками М. Лики бросается в глаза обилие изделий со следами использования (наковален, ударников, отщепов, галек, желваков и булыжников), процент которых по отношению к другим группам изделий олдувейского комплекса равен 13,9 [13]. В частности, на стоянке DKI наковален 18 (5,5%), ударников 48 (14,6%), булыжников и глыб 102 (31,1%), отщепов 34 (10,3%). Вполне можно допустить, что австралопитековые чаще применяли ударные предметы, чем люди, например, среднего или позднего каменного века Африки, но совершенно очевидно, что они менее интенсивно их и употребляли. М. Лики отмечает, что характер следов использования на изделиях из галек позволяет их объективно классифицировать. Именно подобным образом были выделены в самостоятельные типы массивные галечные скребла, которые раньше относились к чопперам. Во-первых, следы использования на рубящих орудиях появляются в случае их интенсивного употребления при работе по дереву или кости. Во-вторых, для каких целей должны были использоваться галечные скребла, чтобы на них появились следы износа? Сомнительным кажется высокий процент отщепов со следами употребления. Так, на DKI их 34 (10,3%), FLKI — 72 (35,1%), FLKNI, гор. 1—2—51 (15%). Явные макроследы износа на рабочем крае появляются в результате обработки дерева, кости, в меньшей степени при резании мяса, твердых плодов и т. д. Присутствие подобных отщепов на пункте FLKNI среди костей слона еще не указывает на то, что отщепами небольших размеров, австралопитековые и хабилиновые разделывали тушу слона.

Самым неожиданным является вывод М. Лики о наличии в Олдувее таких орудий, как резцы, скребла на отщепах, скребки. Типологические скребла подразделяются на поперечные, двойные поперечные, выпуклые. Некоторые из концевых скребков имеют ширину 2,5, а толщину 0,5 *см*. Скребки выделены в ранг подтипа и входят в состав скребел (scrapers). Рабочий край резцов, по описанию М. Лики, короткий и широкий. Вкратце процентное соотношение этих типов на различных стоянках двух нижних слоев Олдувея таково: на DKI скребел 6 (1,8%), резцов — 5 (1,5%), остроконечников — 2 (0,6%); на FLKI скребел 40 (19,5%), резцов — 4 (1,8%), ножей — 1 (0,4%); на FLKNI гор. 1—2 скребел 23 (6,8%), резцов нет. Указанных изделий нет на ашельских стоянках. Так, на MNKII (ашель — развитый олдувей) галечных скребел 18 (8,4%), резцов нет. Нет резцов и на других пунктах ашеля — развитого олдовая. Резцы обнаружены лишь в развитом олдовае BKII (кровля слоя 2) в количестве 6 экз. (0,5%). Много здесь и скребел — 107 экз. (8,9%). Если исходить из типологических списков, то получается, что происходило замедление темпов развития более прогрессивных типов орудий и технических приемов и даже угасание их. Появление рубил, бесспорно, закономерное явление и вполне согласуется с интеллектуальными способностями и деятельностью

[13] M. D. L e a k e y. A Review of the Oldowan..., рис. 1.

по изготовлению орудий архантропов. Скребки и резцы — специализированные орудия, и они появились в результате длительного развития предшествующих им нестандартных форм. Данные трасологии указывают на то, что использование скребков даже в мустьерское время в кинематическом отношении не было совершенным [14]. Резцы, скребки и другие поздние типы орудий говорят о специфическом виде деятельности первобытных людей, связанной с определенной закономерной стадией в развитии самого человека, его производства и хозяйства. Даже говоря о стабильности того или иного рода деятельности, можно привести немало примеров проявления нестандартности форм орудий, несоответствия их форм и функций [15].

Автор рецензируемой статьи изучила изделия из Олдувея с узкой, топологической, точки зрения, вне самого их творца. Поэтому олдувейская культура появилась у М. Лики неожиданно и в готовом виде. В этом случае снимается полностью вопрос о закономерностях развития материальной культуры в каменном веке. Если исходить из типологической модели исторического процесса, то олдувейский комплекс, относящийся к развитой стадии галечной культуры в своем первоначальном облике появился не менее 4—5 млн. лет назад. Однако для подобных выводов у нас нет пока никаких оснований. По нашему мнению, многие «типы» олдувея (резцы, скребки, предметы со следами употребления, а также отдельные галечные типы) могли получиться естественным образом. Уже давно отзвучала дискуссия об эолитах в Европе. Исследователи первобытного прошлого Африки по существу ее только начинают [16]. Не следует забывать, как это показал Р. Мэйсон [17], что смешивание изделий разных эпох — вполне реальное явление. Что касается «правдоподобия» псевдоорудий, то здесь стоит вспомнить, насколько убедительно выглядят предметы из докраговых отложений Англии (Норфолк, Суффолк), плиоцена Франции (Пюи Курни), эоцена Бельгии (Бонсель) и т. д.

Думается, что с точки зрения конкретного историзма (деятельности самых ранних древнейших гоминид) неправомерно и ошибочно составлять формальные, стандартные списки обработанных предметов, имеющих всего лишь классификационный смысл. Изделия виллафранка скорей всего указывают на существование длительной стадии знакомства гоминид с примитивными приемами раскалывания камня. Если следовать отдельным типологам, то получается, что австралопитековые сразу стали делать орудия разных типов, к тому же без дефектов и без особого труда, а в разной мере и эффективно их использовать. Такие выводы не согласуются с диалектикой исторического процесса.

Находкам в долине Ома посвящено уже несколько статей и сообщений, носящих предварительный характер [18]. Рассмотрим некоторые из них. Большой интерес представляет статья К. Хауэлла [19], в которой излагаются результаты открытий, сделанных американской экспедицией, руководимой автором статьи. Отметим, что кроме американской в долине Омо работали экспедиции Парижского национального музея естественной истории (руководители К. Арамбур и И. Коппен) и Национального музея Кении (руководитель Р. Лики). В статье дается краткое описание геологии долины Омо. Мощность отложений на некоторых участках достигает 500 *м*. Приводится список абсолютных дат, полученных для отдельных слоев. Базальты, находящиеся в основании всей толщи отложений, имеют возраст около 4 млн. лет. Туфы из верхних (изученных) виллафранкских слоев (слой J) показали возраст 1810—1870 тыс. лет. Фауна древней олдувейской и включает слоновых, динотериев, гиен, жирафов, гиппопотамов, мартышкообразных обезьян и др. Затем автор переходит к описанию костных останков гоминид. Зубы из белых и бурых песков (их возраст 3,1 млн. лет) принадлежат австралопитекам африканскому (главным образом) и массивному. Обе группы австралопитеков представлены в слоях C и D, датируемых 2,5 млн. лет. Отметим, что в 1967 г. члены французской экспедиции обнаружили в горизонте под туфами слоя нижнюю челюсть существа, названного «парааустралопитеком эфиопским». Исследование слоев F, G, H, I, J (абсолютные даты от 2200 до 1800 тыс. лет) привело к открытию нижней челюсти и зубов гоминид, близких к обеим группам — австралопитекам и хабилиновым.

Находки в Омо вносят важные изменения во взгляды на место австралопитеков в эволюции приматов. В настоящее время удревнен возраст австралопитеков (африканских) из Таунга, Стеркфонтейна и Макапансгата. Не исключено вовсе, что они

---

[14] С. А. Семенов, В. Е. Щелинский. Микрометрическое изучение следов работы на палеолитических орудиях. СА 1971, № 1, стр. 29, 30.

[15] С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр. 51—135.

[16] R. J. Mason. Makapansgat Limeworks Fractured Stone Objects and Natural Fracture in Africa. SAAB, XX, 77, 1, 1965, стр. 4.

[17] R. J. Mason. The Sterkfontein Stone Artefacts and their Maker. SAAB, XVII, 66, 1962, стр. 120.

[18] F. C. Howell. Omo Research Expedition. «Nature», 219, 5154, 1968, стр. 567—572; C. Arambourg, J. Chavaillon et Y. Coppens. Résultats de la nouvelle mission de l'Omo (2e campagne 1968). CRSAS, 268, сер. D, 5, 1968, стр. 759—762.

[19] F. C. Howell. Remains of Nominidae from Pliocene/Pleistocene Formation in the Lower Omo Basin Ethiopie. «Nature», 223, 5212, 1969, стр. 1234—1239.

предшествовали хабилиновым из Олдувея [20]. Можно допустить, что австралопитеки африканские (грацильные) являются вместе с хабилисами закономерной стадией в эволюции гоминид, т. е. людей в широком смысле этого слова, наидревнейшие представители которых появились около 14 млн. лет тому назад в виде двуногих прямоходящих существ — кениапитеков и рамапитеков. И как бы ни стремились понижать объем мозга у австралопитеков (от 502 до 430 *см*^{3}), ясно, что диапазон мозговой вместимости был у них значительный. Напомним, что объем мозга гоминида № 14 из пункта MNKII, которого относят к питекантроповым [21], равен 600 *см*^{3}, у питекантропа 4, обнаруженного на Яве [22] — 750 *см*^{3}, а у атлантропа [23] — 1300 *см*^{3}. Идея мозгового рубикона, которой придерживаются и в настоящее время многие антропологи, требует не исправлений и добавлений, а коренного пересмотра.

Французская экспедиция, работавшая в Омо, обнаружила предметы, которые Р. Боннефий, Ж. Шавайон и И. Коппен [24] относят к разряду обработанных. Согласно описанию, находки приурочены в верхней части слоя E, который имеет возраст от 2560 до 1990 тыс. лет, или в среднем 2,2 млн.[25], и являются частью культурного слоя (олдувейского) вместе с фаунистическими остатками. Обработанные предметы состоят из двух галек (одна обработана на манер чоппинга, а другая расколота) и двух орудий из кости — скребка и изделия с носиком, причем второе имеет следы использования. Обработанная галька находилась на склоне небольшого водоема, в 0,5 *м* от слоя. На площади 4 *м*^{2} выявлены, кроме того, осколки костей — 33 экз. Вряд ли можно согласиться с авторами, что столь небольшое число находок представляет собой культурный слой. Характерно, что одна из галек разбита. Весьма сомнительны (имея в виду факт присутствия осколков) «изделия» из кости. О наличии культурного слоя уместно будет говорить только после выявления гораздо большего числа бесспорно обработанных предметов.

К разряду самых замечательных открытий последних лет следует отнести находки на территории Кении [26]. В 1968—1969 гг. экспедиция Национального музея Кении под руководством Р. Лики проводила изучение виллафранкских отложений, которые хорошо развиты у оз. Рудольф. В местности Кооби Фора экспедиция обнаружила кости слонов, динотерия, гиппопотамов, лошадей, рыб, крокодилов и других животных, а также костные останки гоминид и обработанные предметы. Предварительные геологические наблюдения показывают, что отложения состоят из глин озерно-речного происхождения с включенными в них прослойками туфов. Общая мощность отложений достигает 300 *м* [27]. На двух пунктах, отстоящих друг от друга примерно на 2 *км*, на поверхности были обнаружены два почти полных черепа, обломки верхней и нижней челюстей гоминид. По мнению Р. Лики, первый череп в морфологическом отношении близок к черепу зинджантропа из пункта FLKI Олдувея, а второй отличается от первого и стоит ближе к прогрессивным австралопитекам или ранним представителям рода Homo. Образцы, отобранные из туфов, были продатированы в лаборатории геофизики Кембриджа с помощью радиоизотопного метода и имеют возраст 2610 тыс. лет. [28] Каменные изделия концентрируются на поверхности туфов и стратиграфически располагаются несколько выше черепов австралопитековых. Предварительные раскопки привели к открытию отщепов (5 экз.) и осколков костей (14 экз.). Предварительный характер описания находок, естественно, не дает полного представления об условиях их залегания и распространения. Ответить определенным образом на вопрос, кто из двух гоминид является автором изделий, можно будет только после их обнаружения с каким-то одним видом. Пока рано ставить вопрос о появлении древнейших членов рода Homo свыше 2,5 млн. лет назад. Необходимы дальнейшие исследования и новые открытия.

Статья М. Лики [29] об изделиях из Кооби Фора помещена в том же номере журнала, что и статья ее сына Р. Лики. Автор полагает, что обработанные предметы нахо-

---

[20] P. V. Tobias. Some Reflection on Mans Past and Future. «South. Afr. Medical Journal», 43, 14, 1969, стр. 401.

[21] P. V. Tobias. Cranial Capacity in Anthropoid APS, Australopithecus and Homo Habilis, with Comments on Skewed Samples. SAJS, 64, 2, 1968, стр. 90.

[22] P. V. Tobias. General Question Arising from some Lower and Middle Pleistocene Hominids of the Olduvai Gorge, Tanzania. SAJS, 63, 2, 1967, стр. 41—47.

[23] В. И. Кочеткова. Новые данные о макроструктуре мозга гоминид и их интерпретация. ВА, 34, 1970, табл. 1.

[24] R. Bonnefille, J. Chavaillon et Y. Coppens. Résultats de la nouvelle mission de l'Omo (3e campagne 1969), CRSAS, 270, стр. D, 7, 1970, стр. 924—927.

[25] Y. Coppens. Localisation dans le temps et dans l' espace des restes d'hominides des formation plio-pleistocène de l'Omo (Ethiophie). CRSAS, 271, сер. D, 22, 1970. стр. 1969.

[26] R. S. F. Leakey. New Hominid Remains and Early Artefacts from Northern Kenya. «Nature», 226, 5242, 1970, стр. 223, 224.

[27] A. K. Behrensmeyer. Preliminary Geological Interpretations of a New Hominid Site in the Lake Rudolf Basin. «Nature», 226, 5242, 1970, стр. 225.

[28] M. D. Leakey. Early Artefacts from the Koobi Ford Area. «Nature», 226, 5242, 1970, стр. 228—230.

цились когда-то в слое, но затем, в результате выветривания туфов, они оказались на поверхности. Статистический анализ позволил М. Лики разделить изделия следующим образом: чопперы (5 экз.), отщепы (43 экз.), гальки со следами сколов (2 экз.), необработанные гальки (1 экз.). Отмечается, что 17 отщепов несут следы не только повреждения, но и обработки. Наибольшая длина обработанных галек 6,8 *см*, наименьшая — 3,5 *см*, ширина соответственно 7,4—3,9, толщина 5,1—2,8 *см*. С гальки 6,3 ×7,4 × 5,1 *см* было снято 6 отщепов, с гальки 6,8 × 5,4 × 5,1 *см* — 11 отщепов; галечное изделие размером 7,8 × 4,7 ×3,5 *см* имеет 8 негативов. М. Лики и в этой работе не выделяет гальки, обработанные в одном и двух направлениях, относя и те и другие к категории чопперов. Судя по описанию и рисункам, помещенным в статье, они должны быть причислены к чоппингам. Согласно М. Лики, на отдельных гальках обработанный край имеет следы использования.

Галечные изделия из Кооби Фора совсем не производят впечатления очень примитивных. На некоторых из них видны даже следы пластинчатых сколов. Следует также отметить, что обработке подвергался не край гальки, а значительная часть ее поверхности. В равной мере это относится и к галькам небольших размеров. С типологической точки зрения это типичные нуклеусы, едва ли не леваллуазского облика. В целом гальки из Кооби Фора ничем не отличаются от галек Олдувея. Если исходить из существующих классификаций галек, то изделия, обнаруженные в Кооби Фора, следует относить к развитой галечной культуре (стадия 3 по П. Биберсону). Следовательно, самые древнейшие стадии этой культуры нам еще не известны. Прогнозирование подобного рода меньше всего должно основываться на типологических, классификационных схемах ввиду их явной условности. Так, гальки, обнаруженные в разных районах Африки (Атлантическое Марокко, Сахара) и относящиеся к стадии однонаправленных, гораздо моложе артефактов из Кооби Фора. Разумеется, развитие могло происходить и несинхронно, но все дело в том, что необходимость стадии галек, обработанных в одном направлении, не получает обоснования с исторической точки зрения, т. е. в плане физического развития гоминид, их производственной и хозяйственной деятельности.

Отщепы (с конвергентным, дивергентным ограничением спинки) подразделены М. Лики на продольные и поперечные. Продольные имеют размеры в диапазоне 6,2 × 4,1—1,3 × 1,2 *см*, а в среднем 4,4 × 3,3 *см*. Поперечные от 5,4 × 8,1 до 6,6 × 2,3 *см*, в среднем 3,3 × 4,4 *см*. Размеры отщепов от перезаострения галечных изделий 7,1 × × 6 и 6,6 × 6,1 *см*. М. Лики полагает, что величина отщепов может быть объяснена размерами и особенностями сырья (галек), с которых были получены эти отщепы. Но если размеры галек на Кооби Фора выше, чем в Олдувее, то почему же не выполняли роль нуклеусов большие гальки и глыбы, которые выявлены на стоянках Олдувея? Форма отщепов зачастую неправильная. Угол между поверхностью удара и плоскостью откола в среднем 108°. Ударный бугорок в целом выражен ясно. Галек или желваков, с которых были сняты отщепы, не обнаружено. Гальки со следами сколов имеют размеры 8,6 × 6,4 × 5,3 и 8,1 × 6,1 × 5,2 *см*. Основываясь на их описании, данном М. Лики, можно заключить, что негативы в действительности представляют собой следы забитости и выщербленности, указывая или на неудачную попытку расколоть гальку, или на действие природных сил.

М. Лики воздерживается от причисления изделий из Кооби Фора к определенной культуре, например олдувейской, поскольку число предметов, найденных in situ, явно недостаточно для уверенных сопоставлений. Однако она отмечает, что в Олдувее комплекс гораздо разнообразней, чем в Кооби Фора. Тем не менее размеры отщепов и соотношение между обработанными гальками и отщепами, изготовленных из одного с гальками сырья, значительно выше в Кооби Фора, чем Олдувее. В конце статьи М. Лики делает вывод о том, что присутствие изделий, датируемых 2610 тыс. лет, не должно вызывать удивления, так как переход к систематическому изготовлению орудий совершился задолго до появления олдувейских гоминид. Это заключение требует пояснения. Наверное, целесообразней говорить, что на стадии австралопитеков происходил (но не произошел!) переход к обработке камня, а не к систематическому изготовлению орудий. Не все группы австралопитеков одинаковым образом были включены в этот процесс. Наконец, сам процесс расщепления камня протекал в русле конкретной деятельности виллафранкских гоминид, т. е. закономерным образом и не зависел от их какого-то особенного желания. Потребность австралопитеков в орудиях нельзя представить в виде органической потребности, жестокой необходимости. Едва ли австралопитеки были способны заготавливать изделия впрок, заранее предполагая, какую именно работу они будут совершать. Стремление к расщеплению камня возникало в определенной ситуации, когда требовалось ее быстрое разрешение. И трудно допустить, что австралопитеки, которые в значительной степени зависели от среды и от своего поведения, могли приостановить то или иное свое действие, например поиски пищи, ее реализацию, и заняться делом, которое им было непривычно и не под силу, а именно изготавливать орудия из галек небольших размеров и несоответствующей формы. Австралопитеки широко использовали естественные обломки камней, а в случае необходимости могли разбить гальку или желвак, выбирая при этом

[29] F. J. Fitch, J. A. Muller. Radioisotopic Age Determinations of Lake Rudolf Artefact Site. «Nature», 226, 5242, 1970, стр. 228.

подходящие осколки. Вполне допустима частичная подправка края естественного осколка, в том числе и расколотой естественным образом гальки. Достаточно легко получить острый отщеп больших размеров путем удара ребром плоской гальки по другой, более массивной гальке. Значительные размеры рубил кроме особенностей их функционального назначения объясняются стремлением первобытного человека облегчить процесс изготовления этих изделий. Австралопитеки не могли идти по пути развития трудоемких производственных операций.

До полного выявления всей сложности картины, связанной с открытиями последних лет, неправомерно делать какие бы то ни было принципиальные выводы, например относить гоминид из Олдувея, Омо, Кооби Фора к роду Homo, а их изделия — к нижнему палеолиту. Особенностью этих открытий является то, что здесь за каждым частным фактом стоят большие исторические и философские проблемы, а именно проблема грани между человеком и животным, сущности человека, движущих сил процесса антропогенеза, становления и развития деятельности по изготовлению орудий и т. д. Решать эти проблемы нельзя ни с узкой археологической (вернее, типологической), ни с узко антропологической (биологической) точки зрения. Вопросы развития, особенно генезиса, могут решаться не путем регистрации и описания внешних признаков предмета и явления, а путем выяснения их внутренних связей. В данном случае необходимость одновременного использования данных археологии (типологии, трассологии, эксперимента) антропологии, этнографии, теории исторического процесса, взятых в их диалектическом единстве, совершенно очевидна.

Примером неудачного, внешнего сочетания археологического и антропологического критериев является в некоторой степени концепция Дж. Робинсона [30]. Согласно Дж. Робинсону, хабилиновые с морфологической точки зрения должны быть отнесены к австралопитековым, которые использовали естественные предметы природы в качестве орудий, но поскольку хабилисы обнаружены с орудиями, то к роду Homo следует причислить и всех австралопитеков. В данном случае археологический критерий приобрел абстрактное, а не интерпретирующее, историческое значение. Австралопитеки у Дж. Робинсона попали в род Homo как бы авансом, точнее, вынужденным образом.

Если абсолютные даты для Кооби Фора верны, то необходимо признать, что свыше 2 млн. лет назад австралопитеки (африканские, массивные и хабилиновые) стали переходить к преднамеренной обработке камня, хотя степень участия в этом процессе того или иного вида австралопитеков была различной. Близость отдельного вида к гоминной линии надо определять не только исходя из факта нахождения с ним изделий, но и положения этого вида в общей цепи развития гоминид. Так, австралопитеки массивные, по мнению большинства антропологов, оказались боковой ветвью. Стоит вспомнить, что многие из классических неандертальцев, которые стояли на высокой стадии биологического и социального развития, были уничтожены естественным отбором и не привели к появлению Homo sapiens. К людям в узком смысле этого слова мы должны относить тех приматов, которые перешли к систематическому изготовлению орудий, а это произошло на стадии питекантропов. В соответствии с развиваемым нами взглядом австралопитеков целесообразнее всего относить к промежуточной стадии в эволюции гоминид, т. е. людей в широком смысле этого слова. В связи с этим древнейшие этапы обработки камня могут быть объяснены не путем использования альтернативных суждений или прикладывания к данным стадиям готовых логических эталонов, а лишь в случае конкретного анализа самих гоминид, их деятельности.

Итогам последних работ в карьере Сале (Атлантическое Марокко) и новым взглядам на преашель этого района Африки посвящено сообщение известного французского археолога П. Биберсона [31]. В начале своей работы автор дает периодизацию преашеля Атлантического Марокко, которая наиболее полно была изложена в его монографии [32]. Весьма характерно, что раньше П. Биберсон вместо термина «преашель архаичный» употреблял термин «галечная культура архаичная». Отсюда вместо «преашель развитый» — «галечная культура развития».

Находки в Сале (окрестности Касабланки) связывались прежде с галечниками, размер отдельных галек в которых превышал 5 *см*. На поверхности салетьенских (виллафранских по П. Биберсону) отложений нередко встречались и бифасы. Кроме слоя с крупными гальками в Сале было выявлено еще два — из мелких галек (выше 0,5 *см*) и грубых песков. В 50-е годы слой с мелкими гальками не подвергался тщательному исследованию. В результате последних работ удалось обнаружить в этом слое галечные изделия небольших размеров (мини-индустрия по П. Биберсону). Отмечено также присутствие отщепов, полученных при обработке галек. В сообщении не приводятся размеры обеих групп находок. В конечном итоге П. Биберсон приходит к выводу о типологической и хронологической близости «мини-индустрий» Сале и древнейших

[30] J. T. Robinson. Homo «Habilis» and the Australopithecines. «Nature», 205, 4967, 1965, стр. 121—124.

[31] P. Biberson. Nouvelles donnés sur le pré-acheuléen (ex-pebble culture) du villafranchien du Maroc. CRSAS, 271, сер. D, 22, 1970, стр. 1972—1974.

[32] P. Biberson. Le paléolithique inférieur du Maroc atlantique. «Publication du Service des Antiquités du Maroc», 17, 1961, стр. 41—108.

стоянок Олдувея. Другими словами, поскольку «мини-индустрии» из нижнего слоя Олдувея датируются от 1 до 1,8 млн. лет, то и «мини-индустрия» Атлантического Марокко будет иметь такой же возраст. Следовательно, древнейшая и древняя стадии преашеля, если следовать П. Биберсону, должны относиться к еще более отдаленному времени.

Корреляцию хронологических и типологических схем, предложенную П. Биберсоном, нельзя полностью принять. Во-первых, до сих пор нет ни стратиграфического, ни хронологического расчленения виллафранка. Во-вторых, стратиграфия марокканских находок очень неясная, что отмечает и сам П. Биберсон. В-третьих, природа галек Атлантического Марокко остается невыясненной. Многие изделия, по свидетельству автора [33], имеют следы солифлюкции. Кроме того, они происходят из галечников. Все это делает уместным допущение участия природных сил в создании значительной части марокканских артефактов. Вполне вероятно, что «мини-индустрия» из Сале имеет также естественное происхождение. В-четвертых, вопрос о продолжительности стадий преашеля Африки не получает достаточного объяснения. Каковы, например, хронологические рамки стадии развитого преашеля? Принимая к сведению тот факт, что раннеашельские пункты Олдувея датируются примерно 350—500 тыс. лет, а гальки из Кооби Фора, типологически примыкающие к преашелю развитому,— 2610 тыс. лет, общая продолжительность стадии развитого преашеля оценивается приблизительно в 1,5—2 млн. лет. Какова же тогда продолжительность первых двух стадий П. Биберсона? Условность типологических схем особенно заметна, когда они служат основанием для хронологических построений.

Открытию галечных изделий на территории Эфиопии, но без связи с костными остатками гоминид, уделено внимание в специальном сообщении Н. и Ж. Шавапон [34]. Мелка Контуре (пункты находок Гарба, Гомборе, Келла) располагается в 50 *км* от Аддис-Абебы, во впадине Абиссинского плато, высота которого над уровнем моря достигает 2000 *м*. Находки приурочены к виллафранкским отложениям мощностью 20—25 *м*. В 1965—1968 гг. проводились раскопки на указанных выше местонахождениях. Обнаружены кости животных (гиппопотамов, лошадей, антилоп, быков, возможно, хоботных), а также обработанные гальки. По свидетельству авторов сообщения, культурный слой выявлен на площади 40 $м^2$. Насыщенность слоя значительна: в среднем по 50 предметов на каждый квадратный метр. Шурфовка 1968 г. показала, что находки идут и ниже основного культурного слоя. Авторы сообщения полагают, что сырьевой материал был принесен на местонахождение изготовителями орудий. Более половины галек (406 экз.) преднамеренно расколоты на два-три обломка. На некоторых гальках видны следы ударов и снятых отщепов. Среди обработанных галек (198 экз.) можно выделить чопперы (22), чоппинги (84), полиэдроиды (81 экз.). Отщепов найдено 115 экз. Сюда же включены отщепы, получившиеся в результате обработки галек. Нередко края отщепов имеют зубчатую и выемчатую форму. Нуклеусов нет, но их роль, как это считают авторы, могли выполнять массивные глыбы обсидиана, три экземпляра которых были найдены в Мелка Контуре.

Для анализа обработанных предметов авторы использовали классификацию П. Биберсона. Однако они полагают, что классификация М. Лики удобнее во многих отношениях и может быть использована, поскольку не появился в свет третий том «Олдувейского ущелья», где эта классификация изложена полным образом. Но дело не в выборе классификаций, а в самом подходе к изучению наидревнейших изделий. Цель исследования усматривают только в описании археологических объектов, приведении аналогий и отношении этих объектов к той или иной культуре. Вывод авторов о том, что комплекс из Мелка Контуре близок к олдувейскому, не имеет позитивного значения. Неужели детализация и дифференциация метода археологического исследования сводится к тому, чтобы ограничиться формальным сопоставлением сходных типов изделий? Вместо конкретного анализа (он может быть предварительным) находок, тщательного описания условий их залегания, выявления числа предметов, получившихся в результате действия природных сил, описания формы обработанной поверхности, выделения истинных орудий и определения их назначения авторы стремятся в первую очередь к выбору наиболее удобной и доступной классификации. Стандартные, привычные термины, например «чоппер», «чоппинг», «полиэдроид» и т. д., по существу ничего не объясняют. Так, совсем не ясно, как изготавливали полиэдроиды и для каких целей их использовали, не понятно отсутствие нуклеусов, наличие изделий с выемчатым и зубчатым краем. Как бы мы ни стремились к удобству типологических схем, надо помнить, что для самих австралопитеков не существовало стандартных, эталонных форм обработанных предметов.

Большой интерес вызывает статья К. Брейна [35] о находках костных остатков гоминид и обработанных предметов в пещере Сварткранс. В начале статьи автор излагает историю исследования Сварткранса, расположенного в Южной Африке, неподалеку

---

[33] Там же, стр. 43—52.

[34] J. Chavaillon et N. Chavaillon. Les habitants Oldowayens de Melka Kontouré (Ethiopie): premiers résultats. CRSAS. 268, сер. D. 18, 1969, стр. 2244—2247.

[35] C. K. Brain. New Finds at the Swartkrans Australopithecine Site. «Nature», 225, 5238, 1970, стр. 1112—1119.

от другого знаменитого местонахождения Стеркфонтейн. Первые находки австралопитеков массивных относятся к 1948 г. В 1949 г. в слое вместе с костями австралопитеков обнаружили остатки более прогрессивного существа — телантропа, которого Дж. Робинсон [36] отнес к роду Homo. В 1966 г. К. Брейн возобновил исследование Сварткранса. При осмотре участка брекчии, взорванной при работе по добыванию извести в 1930 г., удалось обнаружить полный эндокран австралопитека массивного, обломки черепа, отдельные зубы, а также изделия из камня и необработанные гальки. Всего зафиксировано 195 предметов. Ближайшее месторождение кварцита находится в 9 *км* от пещеры. Кварц встречается в доломитах Сварткранса, а диабаз — в 2 *км* от него. К. Брейн теперь склонен думать, что гальки не были принесены в пещеру преднамеренно, а попали в результате поднятия уровня воды в реке. Изучение современного галечника говорит о том, что концентрация в них чужеродного материала примерно такая же, как и в древних галечниках долины. К. Брейн не высказывается определенным образом относительно того, кому принадлежат изделия: австралопитеку массивному или телантропу. Помимо всего автор отмечает, что на трех предметах установлены следы действия огня, но это, по его мнению, не дает пока оснований утверждать, что сварткранские гоминиды владели огнем. Затем К. Брейн подробно описывает костные остатки животных и на некоторых из них отмечает следы зубов леопардов. Добычей этих хищников, согласно автору, были и австралопитеки. В гипотезе К. Брейна нет ничего невероятного. Но мы не поддерживаем его в том, что чопперы использовались в качестве ударника при разбивании трубчатых костей с целью извлечения мозга. Подобную операцию австралопитековые и питекантроповые совершали и обычным, т. е. необработанным, камнем.

Каменные изделия из Сварткранса подробно рассмотрены в статье М. Лики [37]. Она указывает, что некоторые из них были извлечены из розовой (более древней) брекчии, другие сохранили на своей поверхности кусочки породы. При описании изделий использовалась терминология, разработанная М. Лики для Олдувея. Приводится типологический список изделий, который включает поперечные чопперы (8), концевые чопперы (2), заостренные чопперы (1), бифасы (3), кливеры (1), диски (1), подсфероиды (2), киркообразные предметы (1), массивные скребла (2), скребла небольших размеров (1), наковальни (2), отщепы (4), гальки со следами использования (2). Всего 30 предметов. Основная часть изделий изготовлена из кварцита (21 экз.). Дается краткая характеристика всех типов. Среди поперечных чопперов преобладают обработанные в двух направлениях. Некоторые гальки имеют забитость на противоположном конце, что указывает, по мнению М. Лики, на использование их в качестве ударников. На ряде чопперов края затуплены и зазубрены, что также свидетельствует об интенсивном употреблении. К сожалению, М. Лики не объясняет, в результате чего мог получиться подобный износ. Размеры поперечных чопперов: 8,0 × 8,6 ×5,0; 8,5 × 9,9 × 6,6; 6,9 × 7,6 × 4,3; 10,6 × 13,1 × 8,8; 10,8 × 11,7 × 8,8 *см*. Концевые чопперы также имеют большие размеры: 10,8 × 6,0 и 12,3 × 7,4 × 5,5 *см*. Даже основываясь на рисунках, можно прийти к заключению, что бифасы (9,5 ×5,8 × × 3,8; 12,2 × 8,7 × 4,9 и 13,7 × 9,5 × 3,2 *см*) относятся к разряду утилитарных изделий, т. е. орудий. Требуют интерпретации такие типы, как «подсфероид» и «диск». Во многом показательны так называемые массивные скребла, одно из которых изготовлено на гальке. Его размеры 9,8 × 8,0 × 6,0 *см*. М. Лики замечает, что галечное скребло отличается от чоппера наличием почти прямого угла. Но если заранее не ставится целью выяснить назначение каждого из выделенных типов, то какой смысл имеет величина угла? Судя по рисунку и описанию, это изделие могло с успехом использоваться для рубки, тесания, кромсания. И совсем не ясно, какие функции оно должно было выполнять, если называть его скреблом. Сомнительным кажется такой тип, как «наковальни». К ним весьма условно отнесены две гальки (16,0 × × 8,7 × 8,5 и 7,7 × 5,2 × 6,0 *см*) со следами забитости, выщербленности и явных сколов. Второй экземпляр, по признанию М. Лики, даже похож на чоппер, но величина угла не позволяет относить его к этому типу. Но данный предмет нельзя назвать и наковальней, поскольку наковальней не может быть галька яйцевидной формы.

Один из параграфов посвящен сравнению комплексов Стеркфонтейна и Сварткранса. Изделия из первого местонахождения М. Лики удалось изучить статистически. Она выражает несогласие с их описанием Р. Мэйсоном [38], археологической датировкой (ранний ашель Южной Африки по Р. Мэйсону) и с отсутствием близости между синхронными местонахождениями Южной и Восточной Африки. Список изделий, составленный для Стеркфонтейна Р. Мэйсоном, пересмотрен основательным образом. Согласно М. Лики, из 39 нуклеусов Р. Мэйсона только два являются таковыми на самом деле, а остальные должны быть классифицированы как чопперы и полиэдроиды. Исчезли из списка кубоиды. В новом списке появились массивные скребла, которых не было у Р. Мэйсона. От «исправлений» М. Лики мало что изменилось. Перестановка и замена типов не сопровождалась их интерпретацией. Не приходится сомне-

[36] J. T. Robinson. The Australopithecines and their bearing on the origin of Man and of Stone Tool-Making. SAJS, 57, 1, 1961, стр. 6—9.

[37] M. D. Leakey. Stone Artefacts from Swartkrans. «Nature», 225, 5239, 1970, стр. 1222—1225.

[38] R. J. Mason. The Sterkfontein Stone..., стр. 109—125.

ваться в том, что после изучения находок из Стеркфонтейна другим исследователем типологический список будет выглядеть иначе, чем у Р. Мэйсона и М. Лики. Аргументы М. Лики относительно распределения типов достаточно противоречивы. Обращая внимание на тот факт, что в Стеркфонтейне нет орудий на отщепах, она не допускает существования и нуклеусов. Как же тогда оценивать изложенный нами выше факт отсутствия в Олдувее нуклеусов, с которых были получены кварцитовые и кварцевые отщепы и отщепы от обработки галек? Против наличия в Стеркфонтейне нуклеусов, по М. Лики, говорит и присутствие на некоторых нуклевидных предметах следов износа. Однако мы имеем немало примеров, когда нуклеусы палеолита, неолита и даже энеолита использовались в качестве рубящих орудий, отбойников, отжимников и т. д. Принимая эталонные типы, и в частности стандартные формы нуклеусов, мы тем самым принимаем идею стандартности деятельности древнейших гоминид. Речь идет не об игнорировании общих закономерностей в развитии первобытной техники (они, бесспорно, существовали), а о динамическом, ситуационном, другими словами, диалектическом характере этих закономерностей.

В последнем параграфе М. Лики сравнивает Стеркфонтейн с местонахождениями развитого олдувея из средней и верхней части слоя 2 Олдувейского ущелья. Хотя автор и воздерживается от отнесения Стеркфонтейна к олдовайскому комплексу, но о близости археологических комплексов Восточной и Южной Африки она говорит гораздо уверенней. Однако эту близость надо искать не в картинном сходстве формальных типов, проводимых в пределах классификационных схем, а в плане конкретной деятельности ископаемых людей. И в этом смысле близость Восточной и Южной Африки бесспорна. Всякий отдельный археологический комплекс отражает прежде всего особенности конкретной ситуации, а она даже в пределах одного сообщества никогда не была одинаковой. Таким образом, историческая интерпретация археологического материала не следует за интерпретацией археологической, а обе они являются составными частями единого метода исторического исследования.

Сообщение Ф. Борда и К. Вигье [39] об открытии обработанных галек на территории Испании безусловно представляет большой интерес. Из описания условий залегания находок следует, что гальки, обнаруженные в районе Кармоны (провинция Севилья), располагаются на двух террасах высотой в 175 и 135 *м*. Аллювиальные отложения этих террас содержат много галек из кварцита и песчаника. Длина некоторых галек доходит до 22 *см*. С этими аллювиями и связаны находки обработанных галек. Первое местонахождение находится в 1 *км* от дороги, идущей из Кармоны в Лора дель Рио. Высота его 170—180 *м* над дном долины. Предметы были вскрыты вспашкой и, таким образом, не были зафиксированы в состоянии in situ. Всего собрано 22 предмета, из которых два (кремневые отщепы), по мнению авторов, могут иметь более поздний возраст. Из 20 обработанных галек 13 относятся к категории галек, обработанных в двух направлениях, и пять — в одном направлении. К этой же серии находок авторы причисляют нуклеус и отщеп. Второе местонахождение располагается в 130—140 *м* над дном долины, в 2 *км* на север от первого местонахождения. Обработанных предметов найдено всего 8 экз. Семь галечных изделий изготовлено из кварцита. В коллекции присутствует также один кремневый отщеп. Галек, обработанных в двух направлениях, — 4 экз. Другие изделия определены как массивный скребок, осколок обработанной гальки и орудие с двусторонней обработкой, напоминающее бифас. С типологической точки зрения изделия, обнаруженные в районе Кармоны, по мнению авторов, должны относиться к развитой галечной культуре, к стадии 3 П. Биберсона.

Присутствие обработанных предметов в виллафранкских отложениях Испании — явление вполне закономерное. Миграция гоминид, обитавших на территории Атлантического Марокко, в направлении Пиринеев могла происходить в виллафранкское время. Быть может, об этом свидетельствуют находки обработанных галек в Португалии, Франции (Сэнт-Валье, Валлоне). Однако природа этих артефактов и их датировка еще окончательно не установлены. Что касается галек из Кармоны, то ввиду отсутствия стратиграфии затруднительно делать какие-то определенные выводы. Странным кажется факт совместного нахождения обработанных галек и кремневых отщепов, которые, как уже было подчеркнуто, имеют более поздний облик. Вывод авторов о том, что гальки, обнаруженные в районе Кармоны, датируются верхним виллафранком, основывается исключительно на типологических аналогиях. Формальное использование Ф. Бордом схемы П. Биберсона и подмена археологических понятий хронологическими вполне согласуются с его типологической моделью палеолита и исторического процесса в целом.

А. Е. Матюхин

---

[39] F. Bordes et C. Viguier. Présence de galets tailles de type ancien dans la région de Carmona (Province de Séville, Espagne). CRSAS, 269, сер. D, 20, 1969, стр. 1946—1947.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АРМЕНИИ, 1—5

В Армении, стране древней культуры, широко развернулись археологические раскопки, изучающие памятники различных эпох.

Основные исследования проводятся двумя научными учреждениями Еревана — Институтом археологии и этнографии АН Армянской ССР и Государственным историческим музеем Армении.

В Армянской ССР работают крупные экспедиции — Шенгавитская, Лчашенская, Артикская, Арин-Бердская, Кармирблурская, Армавирская, Гарнийская и Двинская, ведущие многолетние систематические раскопки. Кроме этих больших экспедиций, организуются также эпизодические экспедиции, связанные либо с определенной темой, либо вызванные необходимостью изучить территории новостроек.

В хранилищах музея и института скопился большой ценный материал, введение которого в научный обиход стало насущной необходимостью. В связи с этим Ученый совет Института археологии и этнографии АН АрмССР вынес решение об издании археологического материала в специальной серии «Археологические памятники Армении», снабженной большим количеством иллюстраций, а также описаниями предметов или специальными статьями на армянском, русском и английском языках. За период 1968—1970 гг. Издательство Академии наук АрмССР опубликовало пять красиво оформленных книг. Они отличаются друг от друга по характеру текста и иллюстрациям. В некоторых публикуются графические таблицы с минимальным текстом, другие снабжены подробными каталогами, третьи близки к полевым отчетам, но все они насыщены материалом, очень часто впервые публикующимся.

Г. А. Микаелян. Циклопические памятники Севанского бассейна. Памятники эпохи бронзы, вып. I. Ереван, 1968. Резюме на русском и английском языках. В книге, кроме текста, даны схематические планы крепостей, фотографии строительных и архитектурных деталей и рисунки вещей преимущественно из находящихся около крепости могильников (табл. 1—80). Крепости разделены на четыре основных периода: а) эпоха ранней бронзы (с древнейших эпох до середины III тысячелетия до н. э.); б) эпоха развитой бронзы; в) Урартского периода (IX — начало VI в. до н. э.); г) время раннеармянского государства (эллинистический и раннесредневековый периоды). С некоторыми крепостями связаны надписи, написанные клинописью или же по-арамейски. Автор предусматривает публикацию материалов по циклопическим крепостям других районов Армении в последующих выпусках серии.

А. А. Мартиросян. Поселения и могильники эпохи поздней бронзы. Памятники эпохи бронзы, II. Ереван, 1969. Таблицы в основном со схематическими рисунками (I—XII). Материал представлен по типам предметов, с очень кратким описанием. Заключительная таблица дает материал эпохи поздней бронзы, разделенный на хронологические и локальные группы.

Таблицам предпослан текст (стр. 5—70), напечатанный по-армянски, с русским и английским резюме. В четырех разделах вводной статьи описываются типы памятников эпохи поздней бронзы (поселения, жилища, могильники), дается характеристика материального производства, рассматриваются вопросы хронологии; особый раздел посвящен керамике эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Б. Н. Аракелян, Г. А. Тирацян, Ж. Д. Хачатрян. Стекло древней Армении (I—IV вв.). Памятники древней эпохи, I. Ереван, 1969. Этот выпуск серии составлен по принципу подробного каталога с приведением сведений о происхождении, технике изготовления, аналогиях и т. д.

Каталог состоит из 154 стеклянных сосудов и бус, найденных на территории Армянской ССР, преимущественно при раскопках могильников Вагаршапата и Гарни. Вместе с ними опубликованы и случайно найденные стеклянные изделия в Лчашене, Аштараке, Артике, Геташене и Арташате. Материал размещен в 50 однотонных и 9 цветных таблицах. Тщательно составленному каталогу с тремя параллельными текстами на армянском, русском и английском языках (стр. 30—65) предпослана небольшая статья о древнем стеклоделии, также напечатанная на трех языках (5—29). Коллекция античных стеклянных изделий, найденных на территории Армении, отличается многообразием форм, техники изготовления и цвета стекла. Авторы в вводной статье рассматривают вопросы хронологии и делят весь материал на две группы: местную и импортную. В античную Армению ввозилось стекло из Сирии, Египта, Греции, а также из Грузии и в меньшем количестве из Западной Европы. Впервые опубликованная коллекция стеклянных сосудов дает важный материал для истории стеклоделия Армении и торговых связей.

Г. О. Караханян, П. Г. Сафян. Наскальные изображения Сюника. Наскальные изображения, I. Ереван, 1970.

В книге на 342 графических и фотографических таблицах публикуются наскальные изображения двух крупных местонахождений Ухтасара и Джермаджура, открытых авторами в 1966—1968 гг. В изображениях, высеченных на поверхности скал, отображен многообразный мир, окружавший человека в глубокой древности. На скалах изображены сцены повседневной жизни, охоты и ритуальных действий, а также громадное количество диких и домашних животных (безоаровый козел, олень, газель, тур, кабан, волк, шакал, барс, медведь, лошадь, собака, бык и др.). Особенно интерес-

ны фигуры вооруженных людей, повозки, колесницы, плуги, охотничьи ловушки. В вводной статье (стр. 5—36), написанной на армянском языке (с русским и английским резюме), дан стилистический анализ изображений и приведены аналогии, позволяющие авторам выделить разновременные группы памятников от V до III—II тысячелетий до н. э. Эта книга является первой сводкой наскальных изображений Армении, изучение которых стало особенно интенсивным в последние годы.

А. А. Калантарян. Материальная культура Двина V—VIII вв. Средневековые памятники, I. Ереван, 1970. Книга состоит из 64 страниц текста на трех языках и 42 таблиц. Во введении приводятся краткие сведения о Двине, производившихся там раскопках и краткий исторический обзор по письменным источникам. Второй раздел текста посвящен материальной культуре, в нем описываются металлические предметы, керамика и стекло с приведением аналогий из синхронных памятников Закавказья, Средней Азии и Ближнего Востока.

Таблицы содержат фотографии раскопок Двина, планы и реконструкции архитектурных памятников, архитектурные детали, орудия труда, предметы вооружения, керамические и стеклянные предметы, части водопровода и мозаику пола. В списке таблиц дано краткое описание предметов с указанием места находки, ее размеров и даты. Приведена также подробная библиография.

Приведенный краткий обзор пяти выпущенных книг серии «Археологические памятники Армении» показывает, что Академия наук Армянской ССР приступила к важному делу систематической публикации материалов из раскопок, освещающих не только древнюю материальную культуру, но также древнюю историю территории Армении и ее связи с другими странами Закавказья и Передней Азии.

Р. М. Джанполадян

Друзья памятников культуры. Издание Грузинского общества охраны памятников культуры. Сборник № 1—24. Тбилиси, 1964—1970 гг. (на груз. яз.)

С 1964 г. Грузинским обществом охраны памятников культуры издана серия сборников, в которых собраны статьи о памятниках археологии и архитектуры Грузии, статьи и заметки по нумизматике, вопросам охраны и реставрации памятников архитектуры и археологии, публикации отдельных произведений грузинского прикладного искусства, работы по этнографии, статьи и заметки, отражающие жизнь Грузинского общества охраны памятников культуры.

Каждый год выходят 4 сборника объемом в 20 печатных листов. На сегодняшний день издано 24 таких книги под общей редакцией О. В. Тактакашвили. В конце каждого сборника — краткие резюме основных публикаций на русском языке. Издание хорошо иллюстрировано фотографиями и рисунками. Нами рецензируются статьи по археологии и истории архитектуры, помещенные в этих выпусках.

Среди статей, касающихся памятников эпохи бронзы, отметим заметку Я. И. Киквидзе «Памятники эпохи бронзы в Урбниси», в которой характеризуются многослойные стоянки Квацхелеби и Хизанаат в долине р. Куры, давшие много для периодизации культур этого времени (№ 6, 1966).

В заметке Г. Ф. Гобеджишвили приведены данные о раскопках в 1966 г. Беденской гробницы, в которой была раскрыта уникальная для Закавказья по конструкции погребальная камера со стенками, сложенными из вертикально поставленных бревен. В полуразграбленной камере кроме многочисленного инвентаря были обнаружены остатки четырехколесной повозки. Погребение датируется III тысячелетием до н. э. (№ 18, 1969). К этой публикации примыкает заметка К. Н. Мелитаури, посвященная реконструкции четырехколесной, как он считает, боевой колесницы конца III — начала II тысячелетия до н. э. (№ 21, 1970). Весьма интересна статья А. И. Джавихишвили, в которой дается характеристика и реконструкция жилых сооружений на территории Грузии V—III тысячелетий до н. э., имеющих в плане обычно округлые очертания (№ 14, 1968). О. М. Джапаридзе характеризует памятники эпохи бронзы в Южной Осетии (стоянка Калбакеби, Квасатальский и Нульский могильники) (№ 14, 1968). Клад литейщика, найденный в 1966 г. в с. Гамдисцкаро (Каспский район), относящийся к началу I тысячелетия до н. э., публикуется в заметке Д. Коридзе.

В сборниках есть несколько заметок об исследовании античных памятников в Грузии, преимущественно в западных ее районах. Среди них обзорная статья Н. О. Хоштария, О. Д. Лордкипанидзе и Р. Путуридзе о работах на городище Вани в 1967 г., где было раскопано культовое здание с мозаичным полом и алтарем и найдены части огромного бронзового сосуда, украшенного скульптурными головками божеств круга Диониса и фигуркой Ники (№ 15, 1968).

В другом сборнике (№ 23, 1967) помещена заметка О. Д. Лордкипанидзе и Р. П. Путуридзе «Об археологических открытиях в Вани в 1969 г.». Здесь при вскрытии погребений были найдены многочисленные золотые украшения V в. до н. э., являющиеся образцами высокохудожественного златокузнечного ремесла жителей Колхиды. Отме-

чается отличная работа золотой диадемы и браслетов, концы которых украшены изображениями кабанов. В заметке К. Г. Мачабели о серии серебряных кувшинов из Армази автор датирует их второй половиной II в. (№ 17, 1969). Частному вопросу — античной ручной мельнице из Скурга — посвящена заметка М. Хоталашвили (№ 15, 1968). Расписная эллинистическая керамика Самадло (IV—I вв. до н. э.) охарактеризована в заметке Ю. М. Гагошидзе (№ 23, 1970). Определенный интерес представляет и привозная античная керамика городища Пичвнари (памятник античного времени в Колхиде), опубликованная в заметке А. Ю. Кахидзе. Здесь встречена как амфорная посуда, так и расписные сосуды, среди которых интересен краснофигурный кратер середины V в до н. э., расписанный художником Ниобид — одним из известных мастеров греческой монументальной вазописи (№ 23, 1970).

Подавляющее большинство статей и заметок касается средневековых памятников Грузии VI—XV вв. Это результаты археологических архитектурных исследований древних городов, крепостей, монастырей и отдельных церквей. Многие заметки посвящены надписям и надгробиям этого времени, фрескам и рельефам, отдельным предметам и сериям произведений прикладного и декоративного искусства средневековья. Среди них следует отметить статью Г. С. Меписошвили, в которой дается описание ансамбля Гелатского монастыря XII в. (№ 4, 1964); особое внимание уделено фрескам. Ш. Я. Амираношвили в особой заметке характеризует Гелатскую мозаику (№ 4, 1964). Н. Н. Цицишвили дал краткое описание Уджармы — одного из значительных городов-крепостей Картлии, основанного в V в. и значительно перестроенного в XI—XII вв. (№ 6, 1966). Археологическое изучение городища Дманиси отражено в заметке В. В. Джапаридзе, Г. М. Гаприндашвили характеризует памятники крепости X—XIII вв. Тмогви, расположенной в Месхети.

Декоративная архитектурная керамика Грузии VIII—IX вв. исследуется в заметке З. П. Майсурадзе (№ 9, 1967); весьма своеобразна трактовка библейских сюжетов «Даниил во рту львином» и «Битва Давида с Голиафом». Пластине из слоновой кости, найденной в Карого, с изображением богоматери с младенцем типа Одигитрии византийской работы начала XI в. посвящена заметка Л. З. Хускивадзе (№ 9, 1967). Две небольшие заметки написаны о грузинских перегородчатых эмалях — Р. И. Кения «Хахульская икона», в которой рассказывается история триптиха XII в., являющегося выдающимся произведением грузинского златочеканного искусства (в оклад ее вмонтированы эмалевые фрагменты) (№ 8, 1966), и заметка И. Ф. Тонгулашвили, где дается общая характеристика грузинских перегородчатых эмалей (№ 9, 1967). Г. В. Алибегашвили характеризует четыре портрета царицы Тамары, дошедшие в фресковой росписи (№ 8, 1966).

Интересен обзор работ Мцхетской археологической экспедиции за последние 30 лет, данный в статье Г. А. Ломтавидзе. Здесь исследовались разновременные памятники времени от античности до позднего средневековья. Экспедиция была хорошей школой полевых работ для десятков начинающих грузинских археологов (№ 15, 1968). Частному вопросу — остаткам оборонительных сооружений в Мцхете — уделено внимание в заметке А. Каландадзе и А. Бохочадзе (№ 15, 1968). О раскрытии парадного въезда XIв. в ограде Свети Цхавели сообщается в заметке Г. Н. Чубинашвили.

Г. М. Гаприндашвили сообщает о находках спелеологов в 1965 г. в пещерном монастыре Ванис Кваби, который был разрушен землетрясением 1283 г. Здесь были найдены три серебряные чаши XII—XIII вв. Несколько работ посвящены нумизматическим находкам: обзорная статья Д. К. Капанадзе о развитии грузинской нумизматики, заметка Г. Ф. Дундуа о колхидках VI—IV вв. до н. э. (№ 23, 1970), заметка И. Л. Джалагания о монетах царицы Тамары (№ 23, 1970), заметка Г. Ф. Дундуа о редкой монете императора Каракаллы. Сведения о собрании монет из кувшинных погребений V—III вв. до н. э. Дапнарского некрополя приведены в заметке Н. Ш. Кигурадзе (№ 23, 1970). Т. Я. Абрамишвили опубликовал клад из семи византийских монет VII в., найденный в с. Одиши (№ 23, 1970). Есть заметки и о монетном деле Грузии XV—XVII вв. (Р. В. Кебуладзе, М. Г. Аптадзе и Т. С. Кутелия) (№ 23, 1970).

Один из сборников (№ 3, 1964) посвящен в основном пещерным убежищам, городам и монастырям Грузии, наиболее ранние из которых датируются VI—V вв. до н. э. Здесь интересны статья Д. А. Хахутайшвили об Уплисцихе — крупнейшем городском центре Картлии с многочисленными пещерными сооружениями, заметка В. О. Долидзе о пещерном комплексе монастырей Давид-Гареджи и заметка Г. В. Алибегашвили и Н. И. Вольской о росписях в том же монастыре. Характеристика фресок пещерного храма в Вардзии дана в заметке Ш. Я. Амиранашвили, который особо отмечает здесь наличие изображений Георгия III и царицы Тамары. Этим же автором в другой статье дана общая характеристика фресок Давид-Гареджи. Г. М. Гаприндашвили посвятила свою заметку пещерам исторической Джавахетии.

Просмотр статей и заметок говорит о том, что, несмотря на небольшой объем каждой отдельно взятой публикации, все они способствуют привлечению пристального внимания к памятникам древней культуры Грузии. Подавляющее большинство заметок, в особенности посвященные широкой тематике, носят в основном обзорный характер. Те же из заметок, которые посвящены частным вопросам, преимущественно исследовательские. Иллюстраций в издании много, но некоторые из них невысокого качества, что в значительной степени зависит от полиграфической базы издания, а также от того, что приводятся преимущественно не графические материалы, а фотог-

рафии, которые воспроизводятся менее удовлетворительно. Были бы желательны и двуязычные подписи под рисунками. Под многими из рисунков нет масштаба. Русские резюме к каждому сборнику отличаются чрезмерной краткостью, в результате порой нет возможности судить даже о содержании публикации. Они несомненно должны быть увеличены по объему, что будет способствовать расширению круга читателей. В дальнейшем было бы желательно еще более специализировать тематику сборников, посвящая каждый из них узкому кругу вопросов, определенным разделам: археологии, этнографии, методике реставрации памятников, эпиграфике и др.

Все приведенные замечания ни в коей мере не умаляют той огромной работы, которая проведена Грузинским обществом охраны памятников культуры по привлечению внимания широких кругов общественности и ученых к вопросам охраны и исследования памятников культуры Грузии.

Р. Л. Розенфельдт

АРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ В ТУРКМЕНСКОЙ ССР

(Обзор статей в «Известиях АН ТуркмССР», Серия общественных наук, 1962—1970 гг.)

В настоящем обзоре, как и в предыдущих [1], все работы разделены на основные хронологические группы: археология первобытного общества, античного времени и средневековья; в отдельную группу выделены статьи о разновременных памятниках, а также посвященные смежным дисциплинам.

Прежде чем перейти к характеристике основного материала, остановимся на двух работах, вышедших из-под пера руководителей археологической службы республики. Первая из них написана проф. М. Е. Массоном, организатором и руководителем ЮТАКЭ, ныне ее научным консультантом [2]. В ней дается очень насыщенный информацией обзор работ и основных результатов деятельности ЮТАКЭ за 1962 г. Вторая статья [3] принадлежит заведующему Сектором археологии Института истории АН ТуркмССР О. К. Бердыеву и посвящена характеристике археологической науки в Туркменистане за годы Советской власти. Написанный в общих чертах верно, этот обзор освещает изучение археологических памятников Туркмении несколько односторонне, так как автор не дал должной оценки той помощи, которая была оказана местным археологам со стороны головных учреждений Академии наук СССР. Несмотря на отдельные издания как по линии ЮТАКЭ, так и по линии Сектора археологии, было бы крайне целесообразным раз в год давать на страницах «Известий АН ТуркмССР» краткий отчет о деятельности археологических учреждений республики за подписью их руководителей.

Памятникам первобытного общества за обозреваемый период времени посвящено всего шесть статей и сообщений. Значительный интерес представляет отчет о раскопках в 1963 г. грота Дам-Дам-Чешме II на восточных склонах Больших Балхан [4]. При максимальной глубине культурного слоя в 3,7 *м* автор раскопок выделяет девять культурных слоев. Их предварительная интерпретация отличается от определений, данных позднее тем же автором [5].

В статье О. К. Бердыева «Чагыллы-Тепе» опубликованы результаты раскопок этого памятника в 1962 г. [6] Планировка поселения на вскрытой площади (около 400 $м^2$) оказалась совершенно идентичной джейтунской во всех аспектах: принципы домостроения, планировка отдельных домов, их ориентация и т. п. Этот памятник красноречиво свидетельствует о единстве джейтунской культуры на всей подгорной полосе Копетдага.

Существенную роль в установлении уровня хозяйства населения Чагыллы-Тепе (а вместе с ним и населения Южной Туркмении поры позднего неолита) имели специальные исследования Г. Ф. Коробковой по определению следов сработанности кремневого, каменного и костяного инвентаря [7]. Следующая статья названного автора

---

[1] В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопин. Археология Туркменской ССР (Обзор статей в «Известиях АН ТуркмССР» за 1951—1959 гг.). СА, 1962, 2, стр. 262—267; И. Н. Хлопин. Археология в Туркменской ССР (Обзор статей в «Известиях АН ТуркмССР». Сер. обществ. наук. за 1960—1961 гг). СА, 1964, 1, стр. 346—348.

[2] М. Е. Массон. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г. ИАН ТуркмССР, 1963, 3, стр. 45—58.

[3] О. К. Бердыев. Развитие археологической науки в Туркменистане за годы Советской власти. ИАН ТуркмССР, 1964, 5, стр. 38—45.

[4] Г. Е. Марков. Раскопки памятника первобытной культуры в Западном Туркменистане — грота Дам-Дам-Чешме. 2. ИАН ТуркмССР, 1966, 5, стр. 85—91.

[5] Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-Чешме II в Восточном Прикаспии. СА, 1966, 2.

[6] О. К. Бердыев. Чагыллы-Тепе. ИАН, 1964, 1, стр. 89—95.

[7] О. Бердыев, Г. Ф. Коробкова. Производственные функции каменных и костяных орудий из Чагыллы-Тепе. ИАН, 1964, 6, стр. 19—26; их же. Орудия труда из Чагыллы-Тепе. ИАН, 1969, 2, стр. 23—32.

продолжает ту же тему, но в отношении более поздних памятников — Яланrач-Тепе, Геоксюра и Кара-Тепе [8]. Наиболее подробно там рассматривается материал Яланrач-Тепе, который в техническом отношении сравнивается с неолитическим.

Особенный интерес представляет статья А. Ф. Ганялина и В. М. Массона, которая вводит в научный оборот большую серию очень важных предметов, способствующих раскрытию духовной культуры древнего населения подгорной полосы Копетдага в эпоху бронзы, а именно мелкую терракотовую пластику, хранящуюся в собраниях Ашхабада [9]. Авторы выдвигают мнение о параллелях этим предметам в материалах Месопотамии и считают, что терракотовые статуэтки можно связывать с аграрными оргиастическими обрядами и их символикой. Эти изображения не следует в дальнейшем рассматривать как целиком относящиеся к культу богини-матери, так как различная их иконография, по мнению авторов, может указывать на дифференциацию пантеона.

Следущая серия статей относится к тематике античного времени на территории Южного Туркменистана; таких работ насчитывается девять, среди них две написаны М. Е. Массоном. В первой из них [10] автор рассматривает дату возникновения Парфянского царства. Полемизируя с рядом ученых, он приводит факты, уточняющие время образования Парфянского государства (вероятнее всего, в 245 г. до н. э.). Однако в последовательности присоединения земель к Парфиене не все является бесспорным. Вызывает сомнение локализация Астауены в долине Атрека. Вторая статья [11] посвящена некоторым вопросам истории Маргианы. Написанная в безапелляционной форме, она имеет тем не менее ряд спорных положений. Автор приходит к выводу о реальности похода Александра Македонского в Маргиану, хотя этот вопрос не может считаться окончательно решенным, ибо имеются не менее веские аргументы для отрицания этого похода [12]. В традиционной трактовке одного из мест «Географии» Страбона следует пересмотреть наличие среди бактрийских сатрапий Аспионы, поскольку это не название сатрапии, а имя сатрапа. К безусловно положительным разделам работы надо отнести справедливую критику М. Е. Массоном гипотезы В. В. Тарна о «Большой Маргиане» и прекрасный историографический показ истоков всех фантазий, связанных с именем Антимаха. В качестве досадных погрешностей следует назвать помещение истоков Мургаба в современный Иран (они находятся в Северном Афганистане) и неправомерную локализацию восстания, поднятого сатрапом Арии Сатибарзаном, в Арахосии (в действительности оно произошло в Арии).

Три статьи посвящены истории и археологии Старого Мерва. Среди них публикация М. Е. Массона [13] двух намогильных стел со скульптурными изображениями усопших и с надписями на них. Они датируются автором II—III вв. и являются, по его мнению, важным свидетельством о контактах Южного Туркменистана с другими, весьма удаленными странами в начале новой эры. К названной статье примыкает заметка Г. А. Кошеленко и З. И. Усмановой [14] по поводу найденной в Мерве коринфизированной капители от пилястры. Авторы предполагают, что она некогда являлась украшением интерьера дома богатого ремесленника.

Для перекрытий и других надобностей в древней архитектуре античного Мерва употреблялись арчевые балки, найденные при раскопках крупного сооружения с обводными коридорами на Эрк-Кале. З. И. Усманова рассматривает в специальной заметке свойства арчи и случаи нахождения этого дерева в строительных остатках в Средней Азии [15].

Одна статья посвящена раскопкам Старой Нисы, которая была когда-то основным объектом работ ЮТАКЭ. Она характеризует керамику середины I в. до н. э., которая, по сути дела, является совершенно неизученной категорией археологического материала парфянского времени [16].

Две статьи А. М. Мандельштама характеризуют население Южной Туркмении парфянского времени с неземледельческим хозяйственным укладом. Первая из них [17]

---

[8] Г. Ф. Коробкова. Каменные и костяные орудия из энеолитических поселений Южной Туркмении. ИАН, 1964, 3, стр. 81—85.

[9] А. Ф. Ганялин, В. М. Массон. К изучению религиозных представлений Южного Туркменистана эпохи бронзы. ИАН, 1969, 5, стр. 24—33.

[10] М. Е. Массон. К вопросу о времени возникновения Парфянского государства. ИАН, 1962, 5, стр. 3—15.

[11] М. Е. Массон. К вопросу о Маргиане в составе Греко-Бактрийского царства. ИАН, 1970, 5, стр. 12—23.

[12] И. Н. Хлопин. Александр Македонский в Маргиане. «Klio», Berlin, 53, 1971, стр. 157—160.

[13] М. Е. Массон. Две пальмирские скульптурные стелы из Мервского оазиса. ИАН, 1966, 1, стр. 55—62.

[14] Г. А. Кошеленко, З. И. Усманова. Коринфизированная капитель из Мерва. ИАН, 1963, 1, стр. 87—89.

[15] З. И. Усманова. Арчевые строительные балки античного времени из раскопок на городище Старого Мерва. ИАН, 1966, 1, стр. 89—93.

[16] Н. И. Крашенинникова. Отвал битой тары середины I в. до н. э. из винохранилищ Старой Нисы. ИАН, 1963, 5.

[17] А. М. Мандельштам. Некоторые новые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху. ИАН, 1963, 2, стр. 27—33.

посвящена разведке и небольшим раскопам в районах северо-западного Копетдага и в долине Сумбара. Они оказались очень результативными: исследования Мешрепитахтинского могильника в Ходжа-Калинской долине и Пархайского в долине Сумбара дали новые материалы по культуре древнего населения этих мест; особенно следует отметить алебастровый сосуд и курильницы из последнего могильника. Годом раньше А. М. Мандельштам исследовал совершенно противоположные области Туркмении — прибрежную полосу Амударьи и долину Кугитанга [18], что дало не менее интересные результаты. В ходе разведки было обнаружено 16 новых памятников оседлого населения в виде холмов различной конфигурации; основанием для их датировки служила керамика и кушанские монеты. Могильников, оставленных кочевым населением, обнаружено несколько. Наиболее крупным следует считать Баба-Шов в прибрежной полосе Амударьи (более 300 курганов). Исследовано 27 могильных сооружений двух типов — грунтовая яма и яма с подбоем. Погребенных сопровождали различные вещи, керамика, украшения, оружие (железные кинжал и наконечник стрелы). Датировка могильника пока неясна, но золотые украшения оттуда находят аналогии в Южном Таджикистане, в погребениях конца II—I вв. до н. э.

Эпохе раннего средневековья, когда территория Южного Туркменистана входила в состав государства Сасанидов, посвящено пять статей и заметок. Статья Г. А. Кошеленко и З. И. Усмановой анализирует крепостные сооружения Мерва сасанидского времени [19]. Авторы на основании трех разрезов городских стен сасанидского времени приходят к выводу, что система городских укреплений Гяур-Калы была самобытной в своей основе и сохраняла ряд парфянских градостроительных приемов. В IV в. в северо-восточном углу Гяур-Калы было сооружено своеобразное здание, которое после археологического изучения было определено как раннехристианский монастырь, как здание раннехристианской общины [20]. Оно овально в плане, имеет один узкий вход, внутри находятся ряды келий, идущие по кругу, и большой внутренний двор. Статья, к сожалению, не содержит характеристики и интерпретации этого интереснейшего сооружения, а приводит лишь результаты его шурфовки, сопоставление которых и дало возможность установить приведенную выше дату постройки.

А. Губаев темой своего исследования избрал так называемый «Вал Мерз», который протянулся вдоль отрогов Копетдага примерно на 200 *км* [21]. Привлекая соответствующие параллели из других мест (бассейн Зеравшана, Маргиана) и сочетая их с археологическими разрезами этого вала, автор приходит к выводу об его оборонительном назначении: вал был сооружен для защиты земледельческих оазисов от нападений кочевников. Другая его статья посвящена рассмотрению сасанидских замков в Южном Туркменистане [22], изучение которых проводилось им самим в течение ряда лет как стационарно, так и разведками. Обследование всех памятников сасанидского времени позволило автору разделить их на три категории: замок с поселением, замок без поселения и замок с жилой башней. Раскопкам подвергся замок с поселением Ак-Тепе у Артыка; был получен богатый материал, в том числе монеты Варахрана I и Иездегерда II, а также большое количество булл, на которых были оттиски печатей с изображениями животных, людей и с надписями.

Последняя работа на сасанидскую тематику — статья М. Е. Массона, посвященная изданию уникальной находки — золотого динара Бахрама Чубина, найденного случайно близ Старой Нисы [23].

Значительное количество статей посвящено изучению средневекового Мерва и его округи. Историческая география и топография всегда занимала важное место в исследованиях ЮТАКЭ. Дальнейшей разработкой в этом направлении является статья М. Е. Массона [24] об отождествлении еще двух городов, названных в средневековых источниках, с реально существующими городищами. Город Харак отождествляется им с городищем Порсы-Кала [25]; город Сауксакан (Шавешкан), расположенный в 1 фарсахе от Мерва, совпадает по своему местоположению с другим крупным средневековым городищем.

---

[18] А. М. Мандельштам. Археологическая разведка в Чаршангинском районе ИАН, 1967, 1, стр. 21—31.

[19] Г. А. Кошеленко, З. И. Усманова. К истории городских укреплений Древнего Мерва. ИАН, 1964, 1, стр. 34—43.

[20] Г. Я. Дресвянская. Стратиграфия «овального» дома христианской общины в Старом Мерве. ИАН, 1969, 1, стр. 83—88.

[21] А. Губаев. Вал Мерз (К вопросу о северной границе сасанидского государства). ИАН, 1965, 2, стр. 76—78.

[22] А. Губаев. К изучению замков сасанидского времени в Южном Туркменистане. ИАН, 1969, 4, стр. 80—84.

[23] М. Е. Массон. По поводу находки близ Старой Нисы золотой монеты одного из узурпаторов сасанидского престола. ИАН, 1966, 5, стр. 11—20.

[24] М. Е. Массон. Обнаружение средневековых городищ Харака и Саусакана в области Мерва. ИАН, 1965, 3, стр. 44—53.

[25] Это же городище было в свое время отождествлено К. А. Адыковым со средневековым селением Синдж (см.: ИАН ТуркмССР, 1957, 4, стр. 120—123).

В двух других статьях выясняются места остановок на пути из Мерва в Мерверруд и локализация последнего. К. А. Адыков [26], проехавший лично по всему маршруту, предлагает аргументированное сопоставление остановок, перечисляемых многими средневековыми авторами, с развалинами древних городов и поселений. Он локализует Мерверруд вслед за В. В. Бартольдом на месте современного Бала-Мургаба, на территории Северного Афганистана. Т. Ходжаниязов [27], тщательно проанализировав источники и данные топонимики, выдвигает более убедительные аргументы в пользу локализации Мерверруда близ современного Меручака, которая была выдвинута еще В. А. Жуковским и поддержана многими исследователями. Следовательно, весь отрезок пути (вернее, отождествление современных безымянных, развалин с городами источников) должен быть тщательно проверен.

Археологические раскопки велись и в собственно Старом Мерве. В. Н. Пилипко [28] исследовал несколько зданий за городской стеной Гяур-Калы, которые были опознаны как караван-сараи у ворот Балин. Заложенный в одном из них стратиграфический шурф выявил четыре периода обживания, от начала IX до XII в. Одновременно в центре Гяур-Калы была раскопана мечеть и остатки здания X — начала XII в. [29], которое было предложено отождествить с михманханой (гостиницей) при мечети. Из многочисленных находок следует отметить части медных весов и серебряное кольцо с надписью. Общий упадок в строительстве объясняется тем, что к X—XII вв. Гяур-Кала играла уже роль пригорода Султан-Калы. В то же время на территории южного обвода Султан-Калы появляется замок дихкана, исследование которого было начато в 1962 г. [30] Однако этот интересный памятник гражданской архитектуры изучался лишь при помощи шурфов, давших лишь самое общее представление о нем.

Продолжают печататься материалы по штампованной керамике Мерва домонгольского периода. С. Б. Лунина [31] рассматривает варианты технологии изготовления калыбов — штампов для изготовления сосудов. Три статьи К. А. Адыкова посвящены изданию отдельных керамических и стеклянных находок из средневековых городов Тильситаны (городище Хауз-хан) [32], Асадабада [33] и Денданкана [34]. Исключительное значение и интерес представляет статья М. Е. Массона, в которой он приводит список 15 мастеров, оставивших свои «подписи» на штампованной керамике Мерва [35]. В области намогильной эпиграфики серию статей продолжает М. Е. Массон [36].

Уже долгое время одним из важных объектов исследования является средневековое городище Шерх-Ислам, расположенное севернее Бахарден. Вскоре после начала этих работ появились первые публикации отдельных украшений [37] и печатей [38]. Затем вышли статьи более широкого исторического профиля, в частности о водоснабжении этого города, который ныне расположен в совершенно безводной местности [39]. Теперь, когда работы по изучению этого памятника далеки от своего начала, можно уже рассматривать Шехр-Ислам на широком историческом фоне, можно раскрыть как его внутреннюю историю [40], так и его интенсивные торговые связи [41].

Ряд работ посвящен разным средневековым памятникам. Так, статья Т. Ходжаниязова устанавливает стратиграфическую колонку древнего поселения в центре Ашхабада («Горки»), которое имеет слои от античности до позднего средневековья [42].

[26] К. А. Адыков. Торгово-почтовая дорога из Мерва на Мерверруд. ИАН, 1962, 3, стр. 50—63.

[27] Т. Ходжаниязов. К истории средневекового Мерверруда. ИАН, 1970, 1, стр. 33—39.

[28] В. Н. Пилипко. Юго-восточная часть рабада Мерва. ИАН, 1969, 3, стр. 88—92.

[29] Т. Ходжаниязов. Раскопки средневекового здания на городище Гяур-Кала в Старом Мерве. ИАН, 1965, 2, стр. 8—14.

[30] С. Б. Лунина. Раскоп и стратиграфический шурф в южном обводе Султан-Калы в Старом Мерве. ИАН, 1963, 2, стр. 77—82.

[31] С. Л. Лунина. К вопросу о технике изготовления сосудов со штампованной орнаментацией из Старого Мерва. ИАН, 1962, 4, стр. 83—86.

[32] К. А. Адыков. Оригинальный кувшин. ИАН, 1962, 1, стр. 90—92.

[33] К. А. Адыков. Редкие археологические находки из Асадабада. ИАН, 1962, 6, стр. 82, 83.

[34] К. А. Адыков. Штампованный сосуд из Денданкана. ИАН, 1963, 2, стр. 75—77.

[35] М. Е. Массон. Средневековые мастера по штампованной безглазурной керамике Мерва. ИАН, 1968, 3, стр. 17—26.

[36] М. Е. Массон. Средневековый мусульманский намогильный кирпич из Мервской области с домусульманским именем покойного. ИАН, 1969, 6, стр. 18—24.

[37] Е. Атагарриев. О некоторых средневековых женских украшениях из Шехр-Ислама. ИАН, 1965, 1, стр. 8—18.

[38] Е. Атагарриев. Печати из Шехр-Ислама. ИАН, 1965, 2, стр. 74—76.

[39] Е. Атагарриев, К. Нурбердыев. К вопросу о водоснабжении средневекового города Шехр-Ислама и орошении его окрестностей. ИАН, 1966, 2, стр. 81—85.

[40] Е. Атагарриев. Новые данные по истории Шехр-Ислама. ИАН, 1966, 3, стр. 32—38.

[41] Е. Атагарриев. Торговые связи Шехр-Ислама (По археологическим материалам). ИАН, 1969, 5, стр. 77—81.

[42] Т. Ходжаниязов. Стратиграфический раскоп на «Ашхабадской горке». ИАН, 1966, 4, стр. 39—45.

О. Оразов исследовал развалины города Битыка, вблизи которого с XI в. существовала переправа через Амударью на караванном пути из Мерва на Мавераннахр [43]. Статья М. С. Булатова определяет соразмерности мавзолея султана Текеша, сохранившегося доныне на развалинах Куня-Ургенча в Хорезме; эти соразмерности показывают применение при его строительстве определенного модуля, который и способствовал архитектурной гармонии памятника [44]. Б. Д. Кочнев посвятил свою статью выяснению датировки мечети-намазгаха Нисы [45]; археологическое изучение памятника показало, что первоначально здание было сооружено из сырцового кирпича (облицованного жженым в XI в.), а когда оно пришло в негодность, на этом месте было сооружено новое (XIII—XIV вв.).

Первая из двух статей Х. Юсупова описывает исследования автора нижней части древнего Узбоя, который впоследствии стал называться Ак-там [46]; сборы подъемного материала 1965—1966 гг. принесли исследователю как кремниевые орудия позднеолитического времени, так и большой комплекс средневековых находок. В последующие годы автором было обследовано среднее течение Узбоя, но статья об этих работах содержит характеристику только средневековой керамики [47].

Совсем позднему памятнику, давильне для винограда XVIII—XIX вв. на городище Анау, посвящена заметка З. И. Усмановой [48]; автор высказывает совершенно правильную, с нашей точки зрения, мысль, что открытую средневековую конструкцию, которая в принципе повторяет античные сооружения этого же назначения из Причерноморья, можно ретроспективно распространить на более ранние времена.

Из чисто нумизматических работ надо отметить статью Т. Ходжаниязова [49]. Автор вводит в научный оборот новые монеты из Тахта-Базарского клада прежде неизвестного правителя Самарканда Сарвар-хана. Автор считает, что Сарвар является титулом, за которым скрыт Рухн-ад-дин Джелал-ад-дин Махмуд-хан, правивший Самаркандом в 1137—1141 гг.

В двух статьях С. Г. Агаджанова изложены некоторые исторические данные по истории туркменского народа. В одной из них автор воспроизводит портретную золотую медаль с изображением сельджукидского султана Мухаммеда Тогрул-бека, изданную в журнале Американского нумизматического общества в 1958 г. [50] Эта медаль была выбита в честь бракосочетания Тогрул-бека с дочерью халифа Каима в 1063 г.; на ней имеются родовые тамги (клейма) туркмено-огузских племен кайи и баятов, которые символизируют военно-политическое могущество последних во времена правления династии Сельджукидов. В другой заметке С. Г. Агаджанов публикует отрывок из книги средневекового автора XIV в. Мухаммада Шабангари «Собрание генеалогий», который содержит сведения о тюрках [51].

В заключение обзора следует отметить, что на страницах «Известий АН ТуркмССР» сравнительно мало представлен жанр рецензий [52] и в несколько большем объеме — информационные обзоры о различных конференциях [53].

Л. И. Хлопина

---

[43] О. Оразов. Археолого-стратиграфическое изучение развалин Битыка близ железнодорожной станции Новый Фараб. ИАН, 1965, 4, стр. 12—22.

[44] М. С. Булатов. Соразмерности мавзолея Текеша. ИАН, 1965, 4, стр. 85—88.

[45] Б. Д. Кочнев. Новые данные о мечети-намазгах Нисы. ИАН, 1968, 4, стр. 26—31.

[46] Х. Юсупов. Средневековье Ак-тама (предварительное сообщение). ИАН, 1968, 1, стр. 25—34.

[47] Х. Юсупов. Средневековая керамика среднего Узбоя. ИАН, 1970, 1, стр. 40—46.

[48] З. И. Усманова. Виноградодавильни конца XVIII— первой половины XIX в. на городище Анау. ИАН, 1966, 6, стр. 21—27.

[49] Т. Ходжаниязов. Неизвестные монеты караханидского чекана в пору правления султана Санджара. ИАН, 1968, 5, стр. 19—23.

[50] С. Г. Агаджанов. Уникальная медаль с изображением сельджукидского султана Тогрул-бека. ИАН, 1964, 4, стр. 10—16.

[51] С. Г. Агаджанов. Новое известие о средневековых тюрках. ИАН, 1965, 6, стр. 20—28.

[52] М. Аннанепесов. Интересные исследования по истории Бухарского и Хивинского ханств. ИАН, 1968, 2, стр. 87—90; И. Н. Хлопин. Ценное начинание (к выходу в свет сборника «Каракумские древности»). ИАН, 1969, 1, стр. 92, 93; М. Аннанепесов. Ценное исследование по средневековой истории Средней Азии. ИАН, 1969, 4, стр. 90—92.

[53] А. Оразов, О. Бердыев, Д. Худайбердыев. VII Международный конгресс антропологов и этнографов. ИАН, 1964, 6, стр. 94—96; Р. Г. Мухаммедова, К. Ниязклычев. Всесоюзное совещание, посвященное этногенезу туркменского народа. ИАН, 1967, 3, стр. 97—100; О. Бердыев, К. Овезбердыев. Всесоюзная сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований 1966 г. ИАН, 1967, 4, стр. 92, 93; А. Оразов. Среднеазиатское региональное совещание по подготовке «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана». ИАН, 1968, 3, стр. 98, 99; О. Бердыев, О. Оразов. Совещание, посвященное проблемам археологии Средней Азии; ИАН, 1968, 4, стр. 97—99; Е. Атагарриев, О. Бердыев, А. Пиркулиева. Научная сессия археологов и этнографов. ИАН, 1969, 4, стр. 93, 94.

А. П. Деревянко. Новопетровская культура Среднего Амура. Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск. «Наука», 1970, тир. 1200 экз., стр. 204.

Первое монографическое описание большого неолитического поселения, исследованного Дальневосточной археологической экспедицией, наконец увидело свет. Книга дает достаточно полное представление о памятниках новопетровской «культуры пластин». Описаны раскопки поселения Константиновка, Новопетровка II и III, дан типологический анализ инвентаря, сделана попытка реконструкции быта, хозяйства, поставлены вопросы генезиса и датировки на фоне современного состояния изученности дальневосточного палеолита и неолита. Много великолепных рисунков каменных орудий.

Впервые подробно описана методика раскопок поселений, применяемая Дальневосточной экспедицией под руководством академика А. П. Окладникова. Вкратце она сводится к следующему: делается сеть узких траншей, в профилях которых засекаются границы жилищ. «Если ориентировка жилищ была известна, траншеи прокладываются в центре жилища, перпендикуляно стенкам»,— пишет А. П. Деревянко (стр. 14). Однако ни одно жилище не имело никаких внешних признаков, и траншеи ни разу не отклонялись от принятой для поселения системы координат [1]. Далее следует «выкружка» жилища, которая не раз приводила к «невоспроизводимым результатам» даже такого наблюдательного исследователя, как В. А. Городцов. Прохождение слоя 20-сантиметровыми вертикальными штыками не позволило ни разу зафиксировать выкид, отложенный при рытье котлованов жилищ (объем их А. П. Деревянко определяет до 50 *м*^{3}).

Уделяя главное внимание при раскопках скоплениям находок, А. П. Деревянко, тогда еще только начинающий исследователь, упустил ряд необходимых стратиграфических наблюдений. Уровень древнего горизонта фиксировался по находкам в межземляночном пространстве. Мощность слоя здесь определяется всего в 5—10 *см*, но выброс должен был поднять его уровень местами на 1 *м* и более, если землю не выносили с площадки поселения. Требует разъяснения, что представляют собой лелеемые Дальневосточной экспедицией «плечики» жилищ, по которым определяется глубина котлована, крутизна стенок. Возможно, это проекция пола на вышележащие слои, в других случаях — края оплывшей ямы разрушенного жилища (они не могут быть вертикальными, так как жилища вырыты в песке). Неясно, от чего ведется отсчет глубины котлована: от поверхности ли материка вне жилища, или от погребенной под выбросом почвы, или от верха насыпи — дневной поверхности живого поселения.

В котлованах жилищ лежит линза черного жирного гумуса мощностью до полуметра. А. П. Деревянко относит ее к заполнению жилища, хотя собственно слой с остатками очага, керамикой, компактными скоплениями вещей — пол жилища — не превышает 12 *см*. Обычно над ним лежит прослойка с линзами песка, довольно богатая находками (развал крыши), на которую А. П. Деревянко не обращает внимания. Остальные 35—40 *см* черного слоя практически стерильны и представляют собой хорошо знакомый большинству археологов естественный заплыв ям растительным перегноем. В этом слое ни разу не встречены очаги, хотя бывают отдельные скопления находок. Каково их происхождение — этот вопрос не встал перед исследователем ни разу. Для него абсолютно ясно, что поселение однослойно и все жилища существовали одновременно. Но если вглядеться в таблицы описей инвентаря по слоям, то можно заметить, что некоторые типы и категории более характерны для заполнения, чем для пола жилищ. Это, в частности, концевые, боковые скребки, скребки на отщепах, отщепы с ретушью и без нее. Но в трех нижних по склону жилищах (№ 6, 7, 8) материал располагается нормально, без значительных скоплений в заполнении, а «нарушители порядка» — концевые скребки и пр.— лежат на полу. Не с деятельностью ли обитателей этих жилищ связано появление скоплений находок в заброшенных и разрушающихся верхних жилищах? Повторяю, вопрос о синхронизации жилищ поселения Новопетровка II А. П. Деревянко даже не ставил. Если же они не одновременны (а это не доказано), картина поселка получится несколько иная.

Реконструкция жилищ дается в основном по известным этнографическим примерам, иллюстрированным археологическим материалом. При этом не учитываются некоторые конкретные детали новопетровских жилищ. А. П. Деревянко не упоминает, что вдоль стен ямки были невелики диаметром и наклонены внутрь жилищ [2]: вероятно, это не столбы каркаса стен, а концы стропил, упирающихся в дно котлована. Тогда конструкция жилища несколько приблизится к чуму. Не встречается в Ново-

---

[1] Автор рецензии принимал участие в раскопках Новопетровских стоянок в 1964 и 1965 гг.

[2] А. П. Деревянко. Отчет об археологических раскопках на Дальнем Востоке в 1964 г. Архив ИА, Р-№ 2920 А, табл. 9, 17, 20, 21, 28.

петровке обмазка ни крыши, ни очагов глиной, характерная для нанайских жилищ, на которые ссылается исследователь. Невероятно использование густо застроенной площадки поселения для летних наземных жилищ. Возможно, их остатками были только две ямы с очагами, которые А. П. Деревянко без всяких доказательств считает коптильнями, хотя по размерам и профилю они вполне могут быть основаниями небольших чумов. Еще более странна параллель между этими углублениями и... амбарами на сваях для хранения припасов (стр. 169).

Все новопетровские поселения покрыты мощным стерильным наносом (до 1 *м*), никогда не западающим в котлованы. Происхождение его не интересует А. П. Деревянко, хотя такое геоморфологические явление могло бы дать некоторые основания для датировки. В одной из разведочных зачисток 1965 г. на Осиновом озере слой новопетровской культуры был погребен под болотными отложениями поймы мощностью 1,2 *м* и двумя культурными слоями осиновоозерской культуры. Не обратил внимания автор и на различный характер покрывающих суглинков в двух раскопках у с. Константиновки. Несмотря на разнохарактерность материала раскопа II, он считает вскрытый им участок междужилищным пространством поселения, к которому принадлежит жилище из раскопа I.

Совершенно не учитывается развитие долины Амура за 6—8 тыс. лет. Долина речки Дунайки лежит в пойме Амура, наследуя цепь стариц и проток. В древности не Дунайка, а сам Амур находился у подножия террасы, и «релки» Осинового озера — это его острова. Кстати, описание геоморфологических условий Новопетровских поселений (стр. 31—32) совершенно не соответствует весьма схематическому рисунку 4.

Недостаточное внимание к стратиграфии приводит иногда к искажению облика материальной культуры. Тесло из жилища 6 (табл. 66, *4*) найдено под дерном, на глубине 30 *см;* из верхней части заполнения происходит топор (табл. 66, *5*). Оба они вполне аналогичны осиновоозерским. Хотя в тех же слоях, где найдены топор и тесло, встречались и новопетровские изделия, для доказательства принадлежности этих великолепно отшлифованных орудий к новопетровской культуре требовалось привести какие-то основательные доводы — слишком разителен контраст с грубо оббитыми топорами, аналогичными европейским мезолитическим макролитам, и едва пришлифованными теслами из сланцевых галек. Вместо доказательств автор делает вывод о раннем появлении на Среднем Амуре столь прогрессивных (поздних) форм рубящих орудий, до изобретения которых соседям пришлось доходить не одно тысячелетие (стр. 153).

Монография сильно перегружена описаниями: описаны многие десятки скоплений, сотни орудий получили индивидуальные характеристики. В результате трудно бывает уловить, чем одно скопление отличается от другого. Анализа их автор не дал. Интересное начинание — попытка выделения закрытых комплексов низшего порядка (производственных «комплектов»?) на отдельных участках пола и в заполнении — не доведена до конца, и невозможно судить о действенности метода. Анализ описанных скоплений еще предстоит сделать будущим исследователям. А. П. Деревянко подготовил материал для дальнейшей работы, но к исследованию, по существу, еще не приступал.

После описания раскопок следует классификация основных категорий вещей (стр. 124—154). Не вполне оправданно, на наш взгляд, выделение большого количества типов нуклеусов (по терминологии автора — групп, хотя он иногда употребляет и обычный термин — тип). А. П. Деревянко не пытается вникнуть в функциональные особенности типов нуклеусов, а то бы заметил, что 1, 2, 3, 6, 7 группы тождественны: все они — подпризматические нуклеусы для снятия пластин, площадки более или менее скошены (но никогда — сильно), с преобладанием снятия по широкому фасу, основание их приострено. Обособляются, и то в пределах единой технической традиции, более полно и удачно сработанные нуклеусы, приближающиеся к цилиндрическим и клиновидные. Относительно последних (автор называет их нуклеусами-скребками) придется сказать несколько больше.

Клиновидные нуклеусы с ребром, приостренным грубой ретушью, переходящим с основания на тыльную часть, имеют широчайшее распространение. Тонкая ретушь, дающая ровное симметричное лезвие, иногда заполированное, встречается у них лишь в Центральной Азии, Западной и Восточной Сибири. Только эти изделия и можно назвать, весьма условно, нуклеусами-скребками, так как они могут оказаться и рубящими (подобно гигантолитам из Новгород-Северска), и режущими. Ни новопетровские, ни еще более грубые нуклеусы из Устиновки никогда не имеют ровного ретушированного лезвия, пригодного для работы им.

Трудно судить об обоснованности классификации проколок, ножей, поскольку таблицы рисунков, на которые ссылается автор, оказались опущены. Терминология, проводимая в этой главе, не вполне совпадает с той, что употреблялась при описании и в подписях к рисункам. Описание резцов, скребков не удается сопоставить с рисунками, поскольку в тексте нет ссылок на них.

Трассологический анализ новопетровского кремня ничего не дал. Виной тому, конечно, не твердость камня, поскольку новопетровский окремнелый туф не тверже яшмы (С. А. Семенов видит следы изнашивания и на меловом кремне, не уступающем по твердости халцедону). Вероятнее всего, причиной тому — кустарная методика анализа. Те следы работы, какие описаны в монографии, обычно бывают видны тре-

нированному невооруженному глазу. Некоторые изделия из-за нечеткой морфологии особенно нуждаются в трассологическом анализе. Это относится ко многим скребкам, очень непохожим на обычные. Но особенно загадочна серия «ретушеров» с клювовидным концом (табл. 69, 68). При смятости ребер массивного тела самый конец тонок и остер и не бывает смят и забит, как это можно ожидать от рабочего конца ретушера.

Иногда А. П. Деревянко подробно сопоставляет отдельные изделия с бытовавшими на других территориях. Насколько бесполезны такие экскурсы, показывает сравнение «пластин с боковыми выемками» (а просто, беспорядочно ретушированными и загупленными) с боковыми скребками и скобелями джейтунской культуры (стр. 144—146). «Наличие этих специфических изделий в новопетровской культуре позволяет предполагать какие-то древние связи ее носителей с племенами Средней Азии в эпоху раннего неолита»,— делает он первый вывод.

Однако вывод второй гораздо реалистичнее: такие орудия могут быть в любой пластинчатой индустрии.

Особо следует сказать о специфике пластинчатой индустрии новопетровской культуры. Всем сибирским мезолитическим и неолитическим культурам присуще великолепное качество пластин и довольно большое их количество; для их получения использовались нуклеусы клиновидные с точной подправкой тыльного ребра («нуклеусы-скребки»), позднее — конические и карандашевидные. В новопетровской культуре нет таких нуклеусов, а пластины получались более крупные, но не столь правильные и тонкие. Среди них трудно найти такие, из которых можно было бы смонтировать составное лезвие. Таким образом, несмотря на абсолютное преобладание пластин и орудий из них, нет оснований говорить о вкладышевой (микролитической) технике. Новопетровские вкладыши употреблялись как одиночные лезвия, и в этом решительное отличие ее пластинчатой техники от сибирской, громатухинской, кондонской. В этом же она близка пластинчатой технике Мальты, средних слоев Устиновки [3], Хоккайдо, Зайсановки 1.

Однако выводить новопетровскую культуру из устиновской не позволяет то обстоятельство, что к концу мезолита пластинчатая техника в Устиновке полностью деградирует, вырабатывается техника плоского крупного скола и появляются листовидные наконечники, аналогичные хабаровскому, верхоленским [4]. Приходится признать, что непосредственные предки новопетровцев нам неизвестны. Удивительного в этом нет, так как даже эта «наиболее полно изученная» культура представлена всего 8—10 поселениями, из которых раскопки велись только в четырех, расположенных компактно. За Амуром лежит громадная terra incognita. На продолжение новопетровской культуры в Северо-Восточном Китае намекают некоторые находки из Ананьци, как справедливо отметил А. П. Деревянко (стр. 200—202).

Последовательность амурских неолитических культур А. П. Деревянко не доказывает. В свете исследований Б. А. Мочанова на Алдане [5] нет надобности выводить громатухинскую культуру из Осиповки, проводя ее через территорию новопетровцев (стр. 191), поскольку все особенности ее присущи и неолиту Якутии. Видимо, выходом к рыбному Амуру таежных племен Сибири можно объяснить появление сибирской пластинчатой индустрии в Кондоне, Малышеве, Сергеевке, Громатухе. Весьма проблематична связь осиновоозерской культуры с новопетровской. Разделенные значительным хронологическим разрывом, они не имеют ничего общего в кремневой технике, хотя общие черты в керамике есть — ситулообразная форма сосудов и орнамент из налепного рассеченного валика (стр. 194). Эти элементы встречаются у ряда других культур, пронизывая всю дальневосточную провинцию: Дзёмон, Зайсановка 1, Тетюхе и более поздние вплоть до средневековья. Необходимо помнить, что мы знаем к настоящему времени ничтожно малые отрезки тысячелетней истории громадного края и не должны упрощать решения, с легкостью переселяя народы с нижнего Амура на верхний или из Южного Приморья на Амур. В редких случаях мы получаем право говорить о группе памятников как об отдельной археологической культуре, отражающей действительно существовавшее этническое единство.

Относительно новопетровской культуры можно сказать, что мы пока не знаем ее генетических истоков и исторических судеб, смутно представляем датировку (VI—IV тысячелетия до н. э.?), и поэтому рано еще говорить о каких-то ее локальных вариантах (стр. 191).

Несколько слов о недостатках технического характера. Среди рисунков нередки повторы, даны излишние ракурсы пластин с брюшка без обработки, но отсутствуют профили. При описании ям в жилищах они названы по номерам, а на планах номера

---

[3] Многослойность и палеолитический возраст значительной части материала Устиновки впервые были установлены С. В. Андреевой (после раскопок 1966 г.). Отчет о археологических работах в Приморье в 1966 г. Архив ИА АН СССР, № 3288.

[4] Тенденции к выработке макролитической техники А. П. Деревянко приписывает культуре иного генетического круга — осиповской. Таким образом, в новопетровской культуре проявились одни черты Устиновки, в Осиповке — другие.

[5] Ю. А. Мочанов. Многослойная стоянка Белькачи 1 и периодизации каменного века Якутии. М., 1969.

опущены. О пропуске четырех таблиц рисунков мы уже упоминали. Не всегда можно доверять цифрам: 5 резцов при описании по типам дают сумму 9, а в сводной описи обозначено уже 11 резцов (стр. 24—25). Неверно рассчитаны проценты (стр. 148—149), сумма пластин меньше указанной в сводной описи на стр. 125, хотя в нее не включены находки из междужилищного пространства. Профиль пластины иногда называется планом (стр. 141).

Несмотря на указанные недостатки, публикация вводит в научный оборот ценный материал. Открытие новопетровской культуры, столь четко очерченной первым же памятником, потребует еще больших исследований, выявления ее периодизации, исторических судеб, и пусть дальневосточные археологи не надеются, что их удастся решить так же легко, как удалось открыть саму культуру.

В. В. Сидоров

Studies in Ancient Europe. Essays presented to Stuart Piggott. Edit. by J. M. Coles and D. D. A. Simpson. Leicester University Press, 1968, 367 стр., XVI табл. фото-илл., 77 рис.

Среди сборников «в честь» этот по форме, вероятно, уникален: он не юбилейный, не приурочен к какой-либо дате — просто собралась группа британских археологов и решила почтить своего учителя и коллегу профессора Стюарта Пиготта за несколько лет до его шестидесятилетия (1970) сборником статей.

Стюарт Пиготт с 1946 г. является профессором Эдинбургского университета, известен своими раскопками Эйвбёри и Стоунхенджа, а также публикациями «Преисторическая Индия» (1954), «Неолитические культуры Британских островов» (1954, 1958), «Подход к археологии» (1959, 1962), «Древняя Европа» (1965) и др. По своим теоретическим принципам он в большой мере является антиподом другого известного эдинбургского профессора — покойного Гордона Чайлда. Редактируя вместе с Глином Даниелом «Antiquity», Пиготт разделяет скептицизм Даниеля в отношении реконструкции социокультурных систем по археологическим остаткам (критику позиции С. Пиготта см. в рецензии другого известного британского археолога Грэхема Кларка на книгу «Древняя Европа» [1]).

«Будущие историки британской археологии,— пишет в рецензируемом сборнике Р. Дж. К. Эткинсон (R. J. C. Atkinson),— несомненно придадут особое значение «Неолитическим культурам» (имеется в виду книга Пиготта.— *Л. К.*) не только как блестящему и сжатому синтезу знаний и интерпретации, но и как иллюстрации влияния определенной работы на историческое развитие археологического мышления. Концепция «моделей прошлого» — одна из тех, которые именно Пиготт ввел к археологам (следует ссылка на «Подход к археологии».— *Л. К.*) как объяснение, разумеется, тоже модельное, способа, которым они мыслят о своем предмете, и ограничений, которые временно налагаются на их интерпретации существующим климатом мышления» (стр. 83). Понятие «моделей» стало модным в последние два десятилетия в ряде наук как средство, помогающее осознать и уточнить методику изучения явлений, недоступных прямому наблюдению. «Модель» — это тот натуральный или искусственно созданный, может быть даже сугубо мысленный (воображаемый) объект, который сходен с интересующим нас, но недоступным объектом и изучается вместо него. Главное в концепции «моделей» — техника выбора или построения моделей и правила переноса полученного знания на интересующий нас объект. Подразумевается правомерность этого способа исследования и возможность получения объективных знаний. Пиготт же, как и Даниел, применяет понятие «модель» к обобщающим концепциям археологии (эволюционизм, диффузионизм и т. д.) [2], чтобы подчеркнуть их условность, бессодержательность, отсутствие в них объективного знания — это «всего лишь модели». Этим археологи должны быть подведены к выводу о бесцельности любых таких «моделей» — любых обобщающих концепций. То есть к тому, что недавно получило в археологической литературе наименование «нулевой модели» [3]. Правда, у самого Пиготта можно встретить высказывания о полезности той или иной «модели» в интерпретации ограниченного круга фактов при условии коррекции другими «моде-

[1] «Proceedings of the Prehistoric Society», XXXIII, 1967, 3, стр. 472, 473.

[2] Ср. C. Renfrew. Models in Prehistory. «Antiquity», XLII, 166, 1968, стр. 132—134; B. G. Trigger. More on Models. «Antiquity», XLIII, 169, 1969, стр. 59—62.

[3] E. Neustupný. Zakladni prehistorické modely. «Dějiny a současnost». II, 1967, 4, стр. 32—34; S Tabaczyński. In: «Archeologia Polski», XIV, 1969, 2, стр. 455—459.

лями» [4], но в качестве идеала, очевидно, по-прежнему подразумевается свобода от любых «моделей».

Естественно, любопытно посмотреть, как же выглядит археология в работах тех исследователей, которые приняли идеи Пиготта наиболее горячо; особенно любопытны в этом плане статьи по неолиту — основной специальности Пиготта.

Р. Трингхэм (Ruth Tringham) посвятила свое исследование [5] вопросу: является ли ранненеолитическое население с линейно-ленточной керамикой пришлым в Центральной Европе или оно происходит от местных мезолитических охотников и рыболовов, получивших новую экономику с Юго-Востока в порядке аккультурации. Из трех компонентов культуры, общих для раннего неолита Центральной Европы и Юго-Востока — керамики (формы и орнамент), производящего хозяйства и «макролитической индустрии кремневых пластин»,— исследовательница избрала для рассмотрения в данной статье третий. Она показала, что в Центральной Европе эта индустрия появляется позже, чем в Юго-Восточной и чем в Передней Азии, тогда как резко отличная микролитическая индустрия пластин и трапеций (вкладышей) существовала в Центральной Европе и раньше той и одновременно с ней, но на других, менее плодородных землях; значительные контакты обеих групп населения в кремневой индустрии почти не документированы. Отсюда исследовательница заключает, что ранненеолитическое население Центральной Европы было пришлым с Юго-Востока и что все гипотезы о происхождении этой культуры в порядке диффузии опровергнуты. При всей важности полученных результатов, трактовка их представляется чересчур поспешной, ибо основана на упрощенном критерии выбора между миграцией и диффузией. Если лёссовые земли оставались не заселены мезолитическими охотниками и рыболовами, а появившееся затем на этих землях население все же отличается и от юго-восточных соседей, то фактов резкого культурного отличия от мезолитических соседей и частичного сходства с юго-восточными неолитическими соседями недостаточно для определения генетических связей. Сама констатация этих фактов говорит лишь о том, что рассмотренный компонент культуры продвинулся с юго-востока, но не говорит о том, как продвинулся. Вполне возможно, что именно так, как представляется исследовательнице, но для доказательства этого требуется еще многое. Здесь необходимо сравнение перехода от микролитической индустрии к «макролитическим пластинам» в обоих очагах,— там, где предполагается самостоятельное развитие (Передняя Азия), и там, где исследуется возможность аккультурации (Центральная Европа). Требуется также рассмотрение других компонентов культуры — особенно тех, которые должны быть слабее всего затронуты сменой типа экономики (кремневая индустрия не такова). Желательно привлечение антропологических данных. Без этого получается замена диффузионного объяснения, как поспешного, миграционным объяснением, подставленным в виде предвзятой идеи. Так оправдывается замечание С. Табачинского, что на практике «нулевая модель» оборачивается просачиванием в исследование неосознанных и поэтому недостаточно строго применяемых других моделей.

В статье Жаклин Мёррей (Jacqueline Murray) рассмотрены «некоторые аспекты разведения мелкого рогатого скота и свиней в неолитической Европе» [6]. Мёррей разделила неолитическое общества на три группы по типу скотоводства, точнее —по доминированию в составе стада одного из видов скота: крупного рогатого, мелкого рогатого и свиней. Древнейшие неолитические общества разводили мелкий рогатый скот; позже основным домашним скотом стал крупный рогатый, а еще позже снова на первое место вышел мелкий скот и свинья. Вот этими более поздними неолитическими обществами и занялась исследовательница. К «свиноводческим культурам» она отнесла Сескло, раннюю Сэлкуцу, Триполье А и горгенскую культуру. Все они не связаны между собой родством по керамике, каменной индустрии и удельному весу охоты в хозяйстве, поэтому Мёррей предположительно относит сходство в составе стада к результатам воздействия общего географического или климатического фактора (модели, опять модели! И снова неосознанные и нестрогие...). Увеличение доли свиньи в составе стада за счет мелкого рогатого скота происходит и в культуре линейно-ленточной керамики (при переходе от ранней к поздней), где главным животным все же остался бык. Для объяснения привлекается идея адаптации к центральноевропейской среде, с ее обилием диких кабанов (видимо, имеется в виду дополнительное одомашнивание) и соображение о малоподвижности свиньи (имеется в виду упрочение оседлости скотоводов).

Культуры, основанные на разведении мелкого рогатого скота,— это Димини, Сэлкуца IIс, Чернавода, Триполье С/II, Баден, швейцарская шнуровая керамика и французский медный век (причем во Франции отмечено овец больше, чем коз). У ряда этих культур, при отсутствии коренного сходства в керамике, все же наблюдаются некоторые сходства (шнуровой орнамент и каннелирование), а главное — «подъем

---

[4] G. Clark and S. Piggott. Prehistoric Societies. London, 1970, стр. 175 (раздел написан С. Пиготтом).

[5] A Preliminary Study of the Early Neolithic and Latest Mesolithic Blade Industries in Southeast and Central Europe, стр. 45—70.

[6] Some Aspects of Ovicaprid and Pig Breeding in Neolithic Europe, стр. 71—81.

торговли металлом». По хронологии и картографии автор заключает о продвижении этого хозяйства с Юго-Востока на Северо-Запад в порядке диффузии и связывает это с невозможностью приручения мелкого рогатого скота (в отличие от свиньи) в Центральной и Западной Европе.

Предложенная автором сводка фактов очень полезна, интерпретация же их представляется шаткой из-за того, что факты эти рассматриваются изолированными от всей системы хозяйства данных культур. Не говоря уже об упущенной связи с земледелием (проблема подкормки, образование искусственного ландшафта — они интересно анализированы в «Преисторической Европе» Г. Кларка), даже сам состав стада получил в статье Мёррей неполную и поэтому искаженную оценку. Доминирование мелкого рогатого скота или свиней Мёррей определяет по общему количеству особей (то и другое в процентном выражении), тогда как действительное значение того или иного вида скота для хозяйства определяется убойным весом (при чисто мясном скотоводстве, а это тоже требует выявления) [7] с учетом молока, шерсти, кожи, тягловой силы и т. п. (при других видах скотоводства). Если исходить из того, что в статистических подсчетах одна корова по убойному весу приравнивается к пяти свиньям или овцам, а в таблицах Мёррей мелкий скот нигде не превышает крупный больше чем в пять раз (обычно значительно меньше), то ясно, что основой стада во всех этих обществах был крупный рогатый скот. Очевидно, требуется более широкий взгляд на вещи, требуются более сложные и крупные «модели».

В изящном эссе [8] Эткинсон решает интересную палеодемографическую задачу: определить населенность Восточной Англии в неолите по ее могильникам. Не без шпильки в адрес Пиготта Эткинсон подметил, что «по исторической случайности «Неолитические культуры» (книга Пиготта.— *Л. К.*) помогли одной частной «модели прошлого» продлить свое существование за пределы ее естественного жизненного цикла» (стр. 83). Дело в том, что в 1951 г., когда книга была написана (а вышла она в 1954 г.), уже имелось две радиоуглеродных даты для английского неолита, Пиготт же оставался тогда еще на позициях «короткой хронологии» и отводил неолиту низинной Англии лишь чуть больше 250 лет, начиная его около 2000 г.— это минимум на 1000 лет позже принятого по «современной модели». Своей короткой хронологией неолита Пиготт, по выражению Эткинсона, «не более, чем придавал точность ортодоксии тогдашнего дня». Мы можем уточнить Эткинсона: этой ортодоксией была диффузионистская схема культурных отношений, требовавшая короткой хронологии. Продержаться еще одно-два десятилетия и некоторое время конкурировать с радиоуглеродной хронологией ей помогла не столько книга Пиготта и всяческие проявления инерции, сколько иные факторы: успехи диффузионной концепции, авторитет разработанных диффузионистами методов синхронизации, профессиональная доступность этих методов археологам (в отличие от естественнонаучных), наличие в основе радиоуглеродного метода допущений, тогда еще недоказанных, и т. п. Когда новые ответы приходят извне данной науки, то самым опытным ее эрудитам принять их не легче, а труднее. Они поневоле осторожны: слишком хорошо известна им серьезность, разработанность и развернутость тех построений, от которых теперь надо отказаться, и слишком много видят они трудностей на пути согласования новых данных с давно добытыми их наукой фактами.

Одну из таких трудностей и рассматривает Эткинсон. Продолжительность неолита Англии увеличилась в 4—5 раз, а число могильников осталось прежним. Значит, в 4—5 раз меньшей, чем представляли, была населенность страны. Какою же?

Эткинсон считает, что число сохранившихся длинных курганов (229) близко к изначальному и что последнее не превышало 250. Исключив один курган с ненормально большим числом погребений, он получает по материалам раскопок в среднем 6 погребений на курган и, следовательно, 1500 погребенных за весь неолит, а если допустить еще столько же разрушенных и незафиксированных скелетов, то 1500—3000 покойников. Это число приходится распределить минимум на десять веков и получается, что ежегодно в длинных курганах хоронили 2—3 покойников. Исходя из высокой смертности 40 на 1000 в год (не считая детскую смертность), что соответствует средней продолжительности жизни около 25 лет, Эткинсон приходит к выводу о том, что все взрослое население Восточной Англии, хоронившее покойников в длинных курганах, составляло одновременно лишь от 40 до 75 человек. Так как логично предположить рост населения с прогрессом неолитического хозяйства, то в начале неолитического тысячелетия эта популяция была даже значительно меньшей, а в конце более крупной (70—140 человек). Так как обычно в данном кургане лишь один

---

[7] W. Hołubowicz i M. Kubasiewicz. Kości zwierzęce źródóami historycznymi. «Dawna kultura». I, 1954, 2, стр. 75—81; M. Sobociński. Co mówią kośvi zwierzęce o spożywaniu mięsa przez naszych przodków. «Z odchlani wieków», XXXIII, 1957 ,4, стр. 205—207; К. Л. Паавер. К методике определения относительного значения видов и групп млекопитающих в остеологическом материале из раскопок археологических памятников. Изв. АН ЭССР, VII, 1958, сер. биол., 4, стр. 277—290; Sobociński. Spożycie mięsa na wczesno-sredniowiecznym grodzie w Bonikowie, pow. Kościan. «Kwartalnik historii kultury materialnej.» IX, Warszawa, 1961, 4, стр. 771—777.

[8] Old Mortality: Some Aspects of Burial and Population in Neolithic England, стр. 83—93.

покойник погребен аккуратно, остальные — в виде разбросанных костей, то Эткинсон заключает, что всех покойников долго держали в другом месте и погребали в кургане лишь по смерти их лидера — в среднем раз в 25 лет. В таком случае 6 покойников, погребенных в кургане, принадлежат к одному поколению, т. е. составляют «простую семью».

Соответствующие расчеты для камерных могил низинной Британии сводятся к цифрам: 113 наличных курганов, 130 предположительно воздвигнутых, 15 погребений в среднем на курган, около 2000 покойников всего, а так как курган, требовавший затраты 15 тыс. человеко-часов (т. е. 4 месяца работы 18 человек), был рассчитан на века, а 15 покойников от «стандартной» шестичленной семьи накопилось бы всего за 60 лет, Эткинсон считает, что в этих могилах хоронили не всех покойников, а только важных персон (недаром тут мужчин больше, чем женщин).

В основу расчетов Эткинсона, мне кажется, включены ошибочные неосознанные «модели». Только английские археологи могут судить, насколько близко к изначальному число сохранившихся курганов (наша практика побуждает предполагать более значительное разрушение, но, может быть, интенсивная авиаразведка позволила англичанам выявить в этом районе все курганы). Исключение кургана с «ненормально большим» числом погребений — статистически незаконная операция, а при отказе от нее среднее число погребенных в длинном кургане повышается до 7. Следует обратить внимание на то, что упомянутое «ненормально большое» число (53—57) скелетов получено после лабораторного обследования материала (Фасселс Лодж), который в поле был сочтен за остатки 15—19 покойников. Как бы ни ссылался Эткинсон на опытность раскопщиков других курганов (еще один курган дал свыше 16 скелетов, четыре — от 11 до 15 и т. д.), остается большая вероятность, что современное лабораторное обследование увеличило бы это количество и соответственно всю популяцию в 3—4 раза. Далее, Эткинсон исходит из твердого убеждения в том, что разрушенные скелеты являются результатом перехоронения. Между тем учет всех родственных коллективных погребений неолита и бронзового века (мегалиты, катакомбы Кипра и наших степей и т. п.) побуждает предпочесть другую частную «модель»: останки покойников оставались почитаемыми лишь недолгое время, а затем теряла всякое значение и бесцеремонно сгребались в сторону при последующем захоронении в ту же могилу; естественно, что в целости оказывается лишь одно погребение — последнее! Фрагментарность многих разрушенных погребений свидетельствует о том, что какое-то количество костей вовсе выброшено из могилы, так что к зафиксированному количеству покойников надо еще добавить какое-то неопределенное количество покойников, удаленных наружу. Наконец, реалистичное допущение иных, несохраняющихся видов погребений у ближайших соседей (число сохранившихся покойников которых оказалось даже выше) заставляет поставить вопрос: а здесь все ли члены общины находили упокоение в длинном кургане?

Вывод может быть только один: итоговые цифры Эткинсона чрезвычайно занижены, во много раз, а его соображения насчет семьи повисают в воздухе. Стандартность шестичленной семьи для неолита — это тоже неосознанная и весьма предвзятая «модель». Стимулирующей остается сама постановка вопроса, интересны обобщенные факты.

Кроме рассмотренных статей, еще несколько посвящены неолитической тематике. Это статья П. Р. Ритчи, озаглавленная «Торговля каменными орудиями в Шотландии третьего тысячелетия» (стр. 117—136), но на деле посвященная более узкому сюжету — выявлению источников сырья и картографированию некоторых категорий каменных орудий; интерпретация этих связей как торговых требовала бы дополнительного обоснования (снова неосознанная «модель»?). Далее статья Ислы Мак-Иннес (стр. 137—144), посвященная одной редкой и загадочной категории находок — так называемым «поясным обоймам» из камня, «специфически британскому феномену», как его характеризует исследовательница. В статье Феоны Роу (стр. 145—172) предложена классификация и нормативная система описания каменных булав и булавообразных молотов британских островов.

Из статей по другим разделам археологии открывающая сборник статья Дж. Коулза («Древний человек в Европе», стр. 17—43) дает весьма полезную сводку фактов о следах жизни человека в раннем плейстоцене Европы. Три статьи посвящены памятникам бронзового века Британии («Шотландские погребения с кинжалами» Э. С. Хеншол, «Сосуды для пищи — связи и хронология» Д. Д. А. Симпсона, «Фенландские рапиры» Бридж. Трамп). Есть статьи по железному веку; из них наиболее интересна для археологов материковых стран статья А. Росс (Ann Ross) «Шахты, ямы, колодцы — святилища британских белгов?» (стр. 255—285). Исследовательница собрала сведения о колодцеобразных ямах с жертвоприношениями собак, свиней и пр. и удачно связала этот материал с мифами о кельтских божествах, обитающих в подземном мире и принимающих жертвоприношения (прежде всего пищу) через специальные глубокие колодцы. Очень любопытна завершающая сборник статья Дж. В. С. Мегоу (J. U. S. Megaw) «Проблемы и не-проблемы в палеоорганологии — музыкальная смесь».

Здесь представлен широкий обзор древнейших находок различных музыкальных инструментов, дана их классификация и собраны сведения об их распространении и о связанных с ними гармонических системах.

Многие авторы помещенных в сборнике статей заметно избегают «problems» и предпочитают «non-problems» — большей частью статьи отчетливо фактологичны. Уровень вещеведческого исследования, как правило, чрезвычайно высок: сводки полны, характеристики многообразны, сопровождаются измерениями, картами, технологическими анализами, прослежены связи с комплексами. Техническое выполнение карт, схем и рисунков весьма совершенно, а графические изображения наверший булав (рис. 35, 36, 38) просто великолепны. Разумеется, все эти исследования нужны, полезны, для специалистов по соответствующей тематике представляет живой интерес. Но беспроблемность, подмена сознательных и строгих моделей неосознанными нестрогими, уход в сплошную фактологию — все это, аккумулированное в толстом томе, как-то озадачивает и даже настораживает. Щепетильная археология скромных задач, сугубо ограниченных, слишком ограниченных,— такою ли хочет видеть нашу науку Стюарт Пиготт? Ведь сам мэтр отнюдь не склонен к «non-problems», наоборот, его труды ярко проблемны. А вот продукция его учеников и учениц...

Но в моем представлении современная археология должна быть мужественной наукой широкого размаха, глубоких проникновений и смелых идей. Это прежде всего археология проблем и моделей.

Л. С. Клейн

Jacqueline Murray. The First European Agriculture. A Study of the Osteological and Botanical Evidence until 2000 B. C. Edinburgh, 1970.

В последние годы особенно остро назрела необходимость в создании сводных обобщающих работ по отдельным вопросам археологической науки и в первую очередь по истории древнего хозяйства, в частности его производящих отраслей — земледелия и скотоводства. Решение этих вопросов не может быть осуществлено только археологическими методами, а требует комплексного подхода, поскольку конкретные фактические данные для реконструкции палеоэкономики могут быть получены путем определений остеологических и палеоботанических материалов, собранных в процессе раскопок отдельных археологических памятников.

Как правило, результаты специальных определений публикуются либо в виде приложений к археологическим монографиям, либо включаются в археологический контекст по ходу изложения. Вместе с тем широкая систематизация остеологических и палеоботанических данных может явиться самостоятельным ценным источником для построения общих концепций истории доместикации и развития основных видов домашнего скота и культурных растений, установления их связей с историей заселения и особенностями природной среды отдельных территорий.

Такой сводной работой, посвященной истории сельского хозяйства Европы с ранних этапов его становления вплоть до II тысячелетия до н. э., является рецензируемая книга Жаклины Меррей, которая вышла в свет в 1970 г. в Эдинбурге. Прежде всего, следует указать на довольно удачную структуру работы в целом. Она состоит из двух частей: текстовой, на 142 страницах, с включением библиографии из 550 работ, и фактологической, представленной на 238 страницах большим количеством гистограмм и таблиц. Несмотря на органическую связь этих частей, каждая из них может быть использована специалистами совершенно самостоятельно, поскольку текст по существу является пояснением к графически оформленной сводке фактического материала.

В первой части дается характеристика проблемы в целом и исследуются некоторые общие вопросы истории становления оседлого хозяйства на Ближнем Востоке и в Европе (гл. I); затем в хронологической последовательности излагаются конкретные сведения, характеризующие мезолит Европы и экономику докерамического неолита (гл. II), далее рассматривается первичная сельскохозяйственная колонизация Европы (гл. III), развитие сельского хозяйства в Юго-Восточной и Центральной Европе (гл. IV), а также в Западной и Северной Европе (гл. V) и, наконец, сельское хозяйство неолита и медного века (гл. VI).

Характеризуя хозяйство той или иной культуры, автор не ограничивается подробным рассмотрением только земледелия и скотоводства, а дает по возможности полную характеристику и других отраслей хозяйства, таких как охота, рыболовство и собирательство, которые в большой мере отражают особенности природной среды отдельных регионов. Хотя именно этих вопросов, связанных с оценкой географических условий жизни и хозяйственной деятельности древних насельников Европы, автор не касается совсем. Для каждой археологической культуры приводится лишь специфика материального комплекса и хозяйственной направленности.

В сжатой форме выводы, к которым приходит автор на основании анализа материала более чем тысячи памятников, сводятся к следующему. Основным центром ранней доместикации животных и растений, с которым связано развитие сельского хозяйства Европы, является Ближний Восток. Раннеземледельческие культуры этой территории рассмотрены Ж. Меррей очень кратко; при этом на примере материалов, начиная с натуфийской культуры (VIII—VII тысячелетия до н. э.) и до периода Убейда (V тысячелетие до н. э.), ею выведена определенная последовательность доместикации основных видов животных и растений. Первыми здесь в IX—VII тысячелетиях до н. э. были одомашнены овцы и козы, а в VII тысячелетии до н. э. — пшеницы однозернянки, двузернянки и ячмень. В V тысячелетии до н. э. отмечается первое появление крупного рогатого скота и свиньи в позднем неолите Анатолии и энеолите Месопотамии, одновременно начинают культивироваться лен и бобовые. К концу энеолита одомашнен верблюд и осел, с некоторыми его разновидностями, находки же лошади спорны и пока невозможно доказать ее принадлежность к домашним формам.

Надо сказать, что характеристика Ближневосточного центра древнейшей доместикации дана в работе очень бегло, поскольку подробное рассмотрение его не входит непосредственно в круг интересов автора, но нельзя не отметить, что из-за этого автор опускает ряд важных моментов в истории развития раннего сельского хозяйства этой территории. Появившиеся в самое последнее время работы по палеоботанике и экологии первых оседлых поселений в южной Анатолии, на Палестино-Иорданском побережье Средиземного моря, в долинах гор Загроса и других регионах [1] дают пример того, как в разных географических условиях, в зависимости от особенностей почв, климата, рельефа и видового состава фауны и флоры, развивались разные отрасли экономики, проявлялась их специфика, вводились в культуру разные виды животных и растений.

Первоначально в земледельческом хозяйстве аридной зоны практиковались как поливные, так и неполивные формы и лишь с V тысячелетия до н. э. широко начинает развиваться регулярное орошение, которое приводит к существенным экономическим и социальным перестройкам общества. В условиях ирригационного и богарного земледелия ассортимент возделываемых культур различен, так же в зависимости от качества кормовой базы менялся и состав стада. В силу указанных причин в целом для территории Ближнего Востока трудно установить строго последовательную схему развития хозяйства.

Для установления связей этого центра с Юго-Восточной Европой следовало бы обратить особое внимание на южную Анатолию, которая была одним из древнейших очагов становления оседлого хозяйства на Ближнем Востоке и через которую шла интродукция доместицированных видов с востока на запад. Древнейшее оседлое хозяйство этого района уже в VII тысячелетии до н. э. базировалось как на аборигенных, так и на интродуцированных видах. Здесь в VII—VI тысячелетиях до н. э. культивировались пшеницы однозернянки, двузернянки, мягкие, двурядный и шестирядный ячмень, бобовые. В составе стада наряду с мелким рогатым скотом отмечен крупный рогатый скот и свинья.

Почти такой же состав доместицированных растений и животных мы находим на ранних оседлых поселениях Европы, на памятниках раннего земледельческого неолита Греции VII—VI тысячелетий до н. э. По существу три археологические культуры Юго-Восточной Европы — Старчево-Кереш, линейно-ленточной керамики и гребенчатой керамики явились носителями экономики нового типа и, по мнению автора, могут быть названы исходными для сельскохозяйственной колонизации. Соотношение основных видов животных и растений для этих трех культурных общностей различно. Для культуры Старчево-Кереш материально-экономический комплекс базируется на разведении мелкого рогатого скота (овцы, козы) и возделывании пшеницы однозернянки и двузернянки. Для культуры гребенчатой керамики также основными видами домашних животных были овца и коза, а среди зерновых — пшеницы двузернянка и мягкая.

Иное положение для культуры линейно-ленточной керамики; здесь уже доминирующая роль принадлежит крупному рогатому скоту, а основным возделываемым растением была пшеница-двузернянка. Эта последняя культура заслуживает особого внимания, поскольку именно она была исходной для распространения сельского хозяйства в районах Центральной Европы. Кроме того, влияние ее идет на юг, в северную Болгарию и Румынию, а также на запад и север, как показывают материалы из Франции, Скандинавии и Британии. Во всех этих областях, так же как и в Центральной Европе, крупный рогатый скот и пшеница составляли основу материально-экономической базы неолитического периода.

---

[1] H. Helbaek. First Impression of the Catal Huyuk Plant Husbandry. AS, XIV, 1964, его же. Early Hassunah Vegetable Food at Tell as-Sawwan near Samarra. «Sumer», XX, 1964, его же. Plant Collecting, Dry-Farming in Irrigation Agriculture Deh-Luran. Mem. Mus. Anthrop. Univ. Michigan, I, Ann Arbor, 1969; его же. The Plant Husbandry of Hacilar. A Study of Cultivation and Domestication, in J. Mellaart. Excavations at Hacilar. I. Edinburgh, 1970.

Автор также указывает, что именно для Европы отмечена самая ранняя, еще в эпоху мезолита, доместикация двух видов собаки, а в Скандинавии в V—III тысячелетиях до н. э., одомашнивание дикого местного волка. Находки мелких пород крупного скота и свиньи, сделанные на памятниках Свидера, Тарденуаза, Азиля и Астурии, нельзя с определенностью относить к домашним формам. То же относится и к найденной на этих стоянках породе овец являющихся промежуточной формой между позднепалеолитическими овцами Европы, которые адаптировались в связи с изменениями природной среды, происшедшими между концом плейстоцена и голоценовым периодом, и торфяниковыми овцами неолита. Сельское хозяйство культур Эртебёлле — Елербек имело большие связи с культурой колоколовидных кубков и как результат такого контакта были доместицированы некоторые местные виды быков.

Для медного века Европы было характерно два направления в развитии скотоводства. В ранние периоды основу составляло разведение крупного рогатого скота, что отражало местные неолитические традиции района Карпат. Другое направление, идущее с Ближнего Востока (через Грецию во Францию), выразилось в разведении мелкого рогатого скота, особенно в интенсивном развитии овцеводства.

Проникновение этих традиций в Восточную и Центральную Европу связано с периодом упадка культурного центра в Карпатах около III тысячелетия до н. э. В это же время отмечено появление лошади, известной по материалам Триполья, что в комплексе с овцеводством и производством меди составило основу новой экономики.

Нельзя не отметить как положительный момент то обстоятельство, что Ж. Меррей вводит в орбиту своих обобщений материал по юго-западным районам Европейской части СССР и Крыму, что позволяет более полно осветить общие вопросы развития европейского сельского хозяйства.

Ценной является вторая часть книги, в которой скрупулезно подобран и оформлен в гистограммы и таблицы колоссальный по объему остеологический и палеоботанический материал. Гистограммы расположены в строгом соответствии с текстом, т. е. в той же хронологической последовательности, причем для каждого памятника указано количество определенных костей, и исходя из этого числа графически показано соотношение между домашними и дикими животными, а также между крупным и мелким рогатым скотом, свиньей, собакой, лошадью и верблюдом. В тех случаях, где это было возможно, параллельно построены аналогичные гистограммы по количеству особей, которые несколько коррелируют результаты, полученные по количеству костей, но в целом они однозначны.

На основании сопоставления этих гистограмм автор делает выводы о соотношениях между отдельными группами животных, характерных для тех или иных культурных общностей. Несмотря на правомочность сделанных выводов, следует тем не менее оговорить некоторый элемент случайности, который обусловлен неравномерным охватом остеологическими определениями отдельных памятников различных культур и территорий, а на самих памятниках — частичным сбором материала, ограниченным масштабами раскопок и условиями сохранности.

В еще большей степени это замечание относится к палеоботаническим материалам, поскольку находки культурных растений в еще большей мере, чем костный материал, зависят от условий сохранности и крайне редки в помещениях, не имеющих специального хозяйственного назначения. Так, на южноанатолийских поселениях Чатал-гуюк и Хаджилар, при общей карбонизации отложений, зерна злаков и других растений сохраняются прекрасно, а раскопки хозяйственных помещений дают их большое количество, что позволяет делать вполне обоснованные выводы. В то же время на других памятниках Ближнего Востока либо вообще не обнаружено остатков культурных растений (Хассуна), либо они найдены в ничтожно малых количествах (Сараб). В последние годы широко применяется метод изучения палеоботанических остатков, извлеченных при отмывке сырцовых кирпичей (Бейда), или по отпечаткам в сырце, в обмазках полов и стен помещений, в керамике (памятники Трипольской культуры).

Недостатком сводных таблиц остеологических и палеоботанических находок следует считать, как нам кажется, отсутствие латинских названий, что в работе такого обобщающего характера не только весьма желательно, но и необходимо.

При изложении материала Ж. Меррей не ограничивается только опубликованным материалом, но учитывает ряд личных замечаний некоторых исследователей по отдельным вопросам доместикации того или иного вида, а также и новейшие, еще неизвестные данные, дополняющие ранее сделанные определения.

В целом работа о древнем сельском хозяйстве Европы по существу является книгой-справочником, который может быть использован широким кругом археологов и историков при изучении вопросов хозяйства культур доисторической Европы. Появление подобной сводки можно всячески приветствовать, поскольку она своевременна и весьма нужна, тем более что сам автор склонен рассматривать ее лишь как первую стадию работ в этом направлении.

В. П. Данильченко, Г. Н. Лисицына

Хроника

К ДАТИРОВКЕ ВАЛА И РВА НОВГОРОДСКОГО ОСТРОГА

(Ответ С. Н. Орлову)

Датировка вала и рва Новгородского Острога имеет большое историческое значение. Передатировав их, мы тем самым были вынуждены отказаться от традиционного представления о Новгороде как республике, установившейся только после известных событий 1136 г., и выдвинуть впервые в нашей исторической литературе тезис о изначальности республиканского государственного устройства Новгорода.

Как же спорит С. Н. Орлов с нашими аргументами в пользу датировки вала и рва Новгородского Острога не серединой XII в, а концом XIV в.[1]? Элементарной обязанностью каждого оппонента, не согласного с выводами критикуемых им авторов, является анализ всей суммы их аргументов. С. Н. Орлов разобрал только часть наших доказательств и не нашел никакого объяснения тем из них, которым мы как раз придаем наибольшее значение. Он не смог объяснить, почему в насыпи вала, который он датирует XII в., находится стена XIV в., идущая до самого его основания и окруженная насыпью, лежащей на остатках строительства этой стены? Как получилось, что стена 1335 г. находится внутри территории, ограниченной валом, который С. Н. Орлов относит к XII в.? Почему при описании десятков пожаров в летописи нет никаких упоминаний о вале и стоящей на нем стене, тогда как такие свидетельства очень часты в тот период, когда стена и вал появляются? Чем вызвано то, что Загородская улица проходит внутри территории, ограниченной валом, который С. Н. Орлов датирует XII в.? Чем объяснить разницу между летописными терминами «город» и «острог» исчезающую, однако, как только на валу острога появляются стены в XV в. и острог начинают именовать городом? Не ответив на эти вопросы, автор лишил себя права заявлять, что наша точка зрения является ошибочной.

Как же разбирает С. Н. Орлов нашу аргументацию?

Для начала он обвиняет нас в ударе, якобы направленном лично против его исследований, и приводит длинные выписки из отзывов его оппонентов по докторской диссертации А. В. Арциховского и М. К. Каргера. Подойдем к этим отзывам как к историческим источникам: сможет ли будущий историк обнаружить в них согласие оппонентов с датировкой вала XII в. или указание на то, что С. Н. Орлов сделал более того, что подтвердил правильность планов XVIII в., совпадение которых с планировкой древнейшего периода было доказано впервые экспедицией А. В. Арциховского?

К тому же ссылка на авторитеты, к которой прибегает С. Н. Орлов, плохой прием в научном споре.

С. Н. Орлов пишет об установленном им факте наличия огромных пустошей и огородов на территории, окруженной валом, желая тем самым сказать, что формирование городской территории не кончилось и с возведением вала Острога. Огороды и пустоши на территории средневекового города, тем более на территории Новгорода, не новость в науке, об этом писали еще в XIX в. Но ведь все дело в том, кому они принадлежали, и в том, что территория города росла, обходя эти пустоши, являвшиеся феодальной собственностью бояр и монастырей, и дома строились по окраинам этих огородов. Надо учитывать и военно-политический фактор. Если до XIV в. у Новгорода не было постоянного врага, а те, что были, обычно не доходили до столицы Новгородской республики, то в XIV в. такой враг появился в лице московского князя, и выстроенный в конце XIV в. вал как раз и служил преградой московскому войску. Отсутствие такого вала в более раннее время очень хорошо объясняет величину территории Новгородского Кремля, невиданную для Руси XI—XII вв. и служившую хорошей защитой для жен, детей и товаров новгородцев в случае приближения врага. Отсутствие оборонительной линии вокруг основной территории города (большого города) характерно в XI—XII вв. и для таких больших городов, как Киев, Перея-

---

[1] М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев. О датировке вала и рва Новгородского острога. СА, 1970, 4; С. Н. Орлов. По поводу статьи М. Х. Алешковского и Л. Е. Красноречьева. СА, 1972, 2.

славль, Чернигов, Псков и Москва. Единственное исключение из этой закономерности — Смоленск, но пока не найден и не изучен его вал XII в., об этом говорить не приходится, так как сооружение в нем Окольного города в XII в., о чем пишет летопись, могло ограничиться возведением тына, какой был и в Киеве в XII в. Временный тын строили и в Новгороде в это время. Но дело даже не в этом. Ведь наличие пустырей внутри территории, ограниченной валами, не датирует эти валы XII в.!

С. Н. Орлов пишет о планах для X—XII, X—XV и XVI—XVII вв. Однако эти планы им не опубликованы, кроме единственного плана на X—XVII вв., а практически на один XVII в. Так что подождем их публикации, хотя сами по себе планы не датируют вал.

Говоря о нашем раскопе на Торговой стороне, С. Н. Орлов считает, что там башни были врыты в вал и строительный мусор под его насыпью принадлежит засыпке котлована под башню. При этом автор забывает разобрать свидетельство о сооружении вала на этом участке Торговой стороны в 1392 г., т. е. на следующий год после постройки башен! Он забывает о нашем наблюдении над составом насыпи вала, которая состоит из чистейшей глины без каких-либо включений мусора, которые неизбежно появились бы в ней, если бы она принадлежала засыпке котлована, а не самому валу 1392 г.

Далее С. Н. Орлов ссылается на свои наблюдения над такими котлованами у башен, врытых в вал. Что ж, это вполне понятно, ибо на всех этих участках вал действительно был сооружен раньше башен и их поэтому надо было врывать в него. Но ведь сам этот факт еще не датирует вал XII в., так как известно, что он сооружен в 1372—1387 гг., а поскольку башни были построены по летописи в 1391 г., то, естественно, должны были быть сделаны и котлованы. Там же, где вал построен после башен, а именно таков его участок, попавший в наш раскоп на Торговой стороне, нет и котлованов. Точно так же поэтому нет остатков конструкций вала в проездах раскопанных нами башен на Торговой стороне, хотя такие остатки есть в тех башнях, которые были выстроены в существующем валу 1387 г. около Боровичской улицы, обследованном С. Н. Орловым.

Разбирая материалы археологических наблюдений Л. Е. Красноречьева на башне Прусской улицы, С. Н. Орлов упрекает нас в использовании материалов его собственных наблюдений, иными словами, в нарушении авторского права. Но дело в том, что за процессом самих земляных работ наблюдал не С. Н. Орлов, а Л. Е. Красноречьев, составивший тщательный отчет, материалы которого мы и использовали в статье. Чтобы не быть голословными, приведем слова из докторской диссертации С. Н. Орлова: «По свидетельству бульдозеристов, во время снятия насыпи была обнажена стенка из бревен, которая шла в центре насыпи от ее основания поперек вала» (том II, стр. 229). Ясно, что если бы С. Н. Орлов вел наблюдения за процессом земляных работ, а не пришел бы к их месту, когда они уже закончились, то ему не понадобилось бы свидетельство бульдозериста.

Но дело даже не в этом. Автор пытается убедить читателя в том, что и на Прусской улице был котлован, причем четырехметровой ширины, вырытый в валу при строительстве башни в 1391 г. Свидетельство бульдозериста опровергает слова С. Н. Орлова самым лучшим способом, так как ясно, что если к югу от башни были деревянные конструкции вала, то ни о каком котловане для нее не может быть и речи. Строительный мусор, как утверждает сам С. Н. Орлов, был найден под валом. Что это, как не лучшее подтверждение правоты нашего утверждения, что участок вала к югу от Прусской башни появился после строительства башни, т. е. после 1391 г.?

Утверждениям С. Н. Орлова, что при строительствах башен строители делали огромные котлованы в валу, противоречат и материалы его собственных наблюдений. На стр. 158 первого тома своей докторской диссертации автор пишет: «...удалось установить, что каменная башня построена позднее, чем древняя насыпь земляного вала с деревянными конструкциями. Это четко видно на обрезах траншей под фундаменты пилонов башни». Значит, котлованы были не намного шире самой башни!

И при будущих раскопках котлованы, будут находиться всюду, где вал древнее башен, но это, как мы уже сказали выше, вовсе не свидетельство сооружения вала в XII в. Находка котлованов не исключена и там, где вал датируется по летописи годом позже строительства башен, так как возможно, что и в этих местах возведение вала в 1392 г. было не первым строительным периодом сооружения насыпи. Ведь и вал на Софийской стороне возвели первоначально в 1372 г., а уже в 1383 г. к нему сделали первую подсыпку.

Заметим, что о котловане под башню на Прусской улице С. Н. Орлов ни слова не пишет ни в публикации своих наблюдений, ни в дневнике, приведенном в его диссертации. Следовательно, эта его гипотеза появилась только после ознакомления с нашей статьей.

С. Н. Орлов упрекает нас в том, что мы осмелились написать статью о вале, не познакомившись со всеми источниками, в частности с семью поперечными разрезами вала, сделанными нашим оппонентом. Почему же тогда С. Н. Орлов не использовал удобного случая публикации этих разрезов, которые послужили бы лучшим опровержением выводов нашей статьи? Надо думать, редакция журнала «Советская

археология» с удовольствием опубликовала бы эти разрезы в ответе С. Н. Орлова на нашу статью. Тогда было бы о чем спорить.

С. Н. Орлов пишет, что он проследил вал южнее стены 1335 г. и стены, раскопанной А. Л. Монгайтом и это якобы подтверждает его дату. Этот факт свидетельствует только о том, что вал в XIV в. шел не только по восточной окраине Торговой стороны, но и по ее южной окраине — и ни о чем более. Против этого и мы не возражаем. Вот если бы С. Н. Орлову посчастливилось найти хотя бы небольшие остатки вала по ту или другую сторону существующей насыпи, это могло бы говорить в его пользу!

С. Н. Орлов не согласен с нашим текстологическим доказательством ошибочности чтения слова «гребля» вместо первоначального «брега». Обратимся к «реальной топографии», что настойчиво рекомендует нам наш оппонент. Попутно он упрекает нас и в том, что мы тенденциозно прочитали свидетельство летописи. Читаем это сообщение еще раз — по тому списку, который рекомендует С. Н. Орлов: «Того же лета загореся на Славне от Коснятина двора, сгореста две церкви: святого Михаила и святых Отец, и дворове мнози по гребли и до Ручья». Согласимся с С. Н. Орловым и в том, что церковь святых Отец стояла в нескольких метрах южнее княжого двора, а не на княжом дворе. Не заметим и того, что пожар, по словам С. Н. Орлова (цитируем его статью), «дошел до реки», а не «до Ручья», как сообщает летопись. Но ведь и сам С. Н. Орлов соглашается с тем, что церковь Михаила стояла на Торгу, а это означает, что с Торга пожар пошел «по гребле». Следовательно, гребля находилась где-то в непосредственной близости к Торгу? Этого, думается, не станет утверждать и наш оппонент, но такое утверждение следует только в том случае, если считать чтение слова «гребля» первоначальным. Если же читать, как мы принимаем на основании первоначальности Синодального списка, не «гребля», а «брег», то никакого противоречия не будет: пожар пошел от Торга «по брегу» Волхова и «до Ручья». Независимо от того, пошел ли он на север или на юг, он в обоих случаях дошел до Ручья — до Федоровского ручья, если он пошел на север, или до ручья Тарасовца, если он пошел на юг (название этого ручья позднее). Ведь в летописи говорится о направлении пожара после того, как сказано о пожаре Михайловской церкви на Торгу, следовательно, это и есть единственная опорная точка для установления маршрута пожара. С. Н. Орлов же считает исходной точкой для установления маршрута пожара Коснятин двор, причем откуда он знает, что тот находился не в центре Славны, а на его окраине, нам неизвестно. Скорее надо полагать, что Коснятин двор — такой же топоним, как и Ярославль двор. Известно, что Коснята был соратником Ярослава и новгородским посадником, поэтому естественнее предполагать, что его двор находился поблизости от Ярославля двора, а не где-то далеко от него.

С. Н. Орлов говорит, что на северном профиле раскопа у Прусской башни нами показаны две прослойки вала, тогда как их три. Мы посмотрели рисунок северного профиля в нашей статье и нашли там три прослойки. Но, быть может, С. Н. Орлов оговорился и имеет в виду южный, а не северный профиль? Но и на южном профиле этих прослоек частей вала три, а не две; другое дело, что первые две из них мы считаем одновременными, что и показали одинаковый штриховкой, но на это у нас есть основание: они насыпаны из сходного грунта и т. д.

С. Н. Орлов упрекает нас в тенденциозном прочтении летописного сообщения 1113 г. о том, что сгорел «город Кромьныи от Лукин пожар». Но откуда С. Н. Орлову известно, что летописец имеет в виду не Лукин двор, а именно Лукину улицу, расположенную рядом с валом? Ведь в тех случаях, когда он говорит об улице, он ее так и называет, а здесь слова «улица» нет, так что он мог иметь в виду и просто двор, как и в остальных случаях описаний пожаров. Откуда С. Н. Орлову известно, что острог, если он и был в XII в., летописец называл городом? Мы знаем несколько случаев, когда летописец именует его острогом, и ни одного случая, когда бы он назвал острог городом, да тем более в такое раннее время. Наконец, если считать, что летописец имеет в виду вал острога, то возникновение этого вала следует отнести к XI в., против чего в свое время возражал даже сам С. Н. Орлов.

Центр тяжести своей аргументации С. Н. Орлов строит на своем понимании слова Кром, как обозначающего внешние укрепления по отношению к Кремлю. При этом он ссылается на И. И. Срезневского, говоря, что «в словаре Срезневского прямо сказано, что слово «Кромьныи» есть прилагательное от слова Кром в значении «внешнии». Возьмем словарь Срезневского и прочитаем, что он пишет: «Кромъ — (далее следует пример, показывающий, что это слово равнозначно вышегородцу. — *М. А., Л. К.*). К р о м ь н ы и — в н е ш н и й (далее следуют примеры этого значения прилагательного кромьный, причем Срезневский не пишет, что оно образовано от слова Кром в его вышеприведенном значении.— *М. А., Л. К.*). К р о м ь н ы и — п р и л. о т с л о в а к р о м ъ». (Следовательно, только в этом значении Срезневский считает это прилагательное образованным от слова кром. И далее он приводит пример с сообщением 1113 г. и ни слова не говорит о его значении «внешний»).

Следовательно, ссылка на Срезневского, который якобы считал, что слово «кромьный» в сообщении 1113 г. имеет значение «внешнего», просто неверна. Точно так же неверна ссылка на словарь Даля. То, что существуют города и деревни по имени Кромы, вовсе не свидетельствует в пользу толкования этого слова как «внешний», они

говорят всего лишь о том, что в этих городах и деревнях в древности были свои Вышгороды, Кремли, Кромы — как угодно. Мы не знаем, откуда В. Далю было известно, что в Пскове был Кром, а внутри него Кремль. Но это известие недавно было нами подтверждено установлением того факта, что внутри Крома XIV в. (так стали именовать в конце XIV в. псковский детинец) действительно был Кремль XI—XIII вв., по территории занимавший меньшую площадь, нежели Кром XIV в. Посадские же укрепления Пскова никогда не именовались Кромом. Мы, к величайшему сожалению, не смогли найти в летописи Авраамки, на странице 42, куда отсылает читателя С. Н. Орлов, слова Кром при описании северной части Неревского конца. Нет слова Кром и в географическом указателе к летописи Авраамки.

С. Н. Орлов сомневается в правильности наших толкований летописных сообщений 1169, 1224, 1262, 1270 гг. и в том, что новгородский детинец только в XIV в. стал превращаться в каменную крепость, но не приводит никаких аргументов в пользу своего мнения.

В заключение приведем новые материалы археологических наблюдений, свидетельствующие о правильности нашей датировки вала.

При земляных работах 1971 г. на внешней ополине вала на Софийской стороне были найдены крайние части его деревянных внутренних конструкций. По спилам они датированы Б. А. Колчиным первыми годами XV в. Очень важно, что эти спилы взяты из внешней ополины вала, что, учитывая вывод С. Н. Орлова о том, что подсыпки делались только с внутренней стороны, дает нам уверенность, что спилы принадлежат первоначальным конструциям вала, а не подсыпкам. Однако С. Н. Орлов на конференции в Новгороде в ноябре этого года пытался доказать, что эти конструкции принадлежат не валу, а вымолам на берегу р. Гзень. Но ведь они перекрыты чистой глиной вала, а не выходят наружу или не покрыты культурным слоем, как должны бы были быть покрыты остатки пристаней. Кроме того, непонятно, почему на несудоходном даже в древности Гзене могли быть пристани. Пристани, как известно, были целесообразны на полноводном Волхове. К тому же если бы здесь были найдены пристани, то непонятно, почему не обнаружены хотя бы остатки бревен или досок самих пристаней, тогда как конструкции в принципе однотипны с известными нам внутривальными конструкциями. Заметим, что вымол, как доказали филологи, вообще не имеет отношения к пристани, а означает нечто совсем другое.

Таким образом, не разобрав всей суммы наших аргументов, С. Н. Орлов не смог привести ровно ничего такого, что как-либо поколебало бы нашу датировку вала концом XIV в.

М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А — Афрасиаб
АНО — Археолого-нумизматическое общество
АО — Сб. «Археологические открытия»
АВИУ — Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту
АС — Археологический съезд
ВА — «Вопросы антропологии»
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник гос. музея Грузии
ВДИ — «Вестник древней истории»
ВИА — Всеобщая история архитектуры
ВЛГУ — Вестник Ленинградского гос. университета
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии
ГРМ — Гос. Русский музей
ГТГ — Гос. Третьяковская галерея
ГЭ — Гос. Эрмитаж
ДФАН СССР — Дагестанский филиал Академии наук СССР
ЖМВД — Журнал министерства внутренних дел
ЗОРСА — Записки Отдела русско-славянской археологии
ИАИ — Известия на археологический Институт. София
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИЯЛ — Институт истории языка и литературы Дагестанского филиала
Изв ЮОНИИ — Известия Южно-Осетинского научно-исслед. Ин-та
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИОАИЭ — Известия Общества истории археологии и этнографии, Казань
ИРИ — История русского искусства
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исслед. Институт языка, литературы, истории и экономики
МРКМ — Мордовский республиканский краеведческий музей
МЭ — Материалы по этнографии
НЭ — Нумизматика и этнография
ОАК — Отчеты Археологической Комиссии
ОИПКГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане»
ПИХЭ — Полевые исследования Хорезмской экспедиции
ПОКМ — Пензенский областной краеведческий музей
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Гос. академии истории материальной культуры
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ — «Советская этнография»
Т — Талли-Барзу
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Эрмитажа
Тр. ГИМ — Труды гос. Исторического музея
Тр. ГИН — Труды гос. Геологического института
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии
Т. КИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
Тр. МАО — Труды Московского археологического общества
Тр. МАЭ — Труды Марийской археологический экспедиции
Тр. ОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
Тр. САРАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исслед. Института общественных наук
Тр. СОКМ — Труды Саратовского областного краеведческого музея
Тр. СУАК — Труды Северо-Уральской археологической комиссии
Тр. ЧИНИИ — Труды Чечено-Ингушского научно-исслед. института
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологич. комплексной экспедиции
УКН — Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
УІЖ — Український Історичний журнал
Уч. зап. КНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исслед. Ин-та
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского Гос. Университета
Уч. зап. ТНИИЯЛИ Ученые записки Тувинского научно-исслед. Ин-та языка, литературы, истории
АА — Acta archaeologica, Budapest

AmAnt — American Antiquity
AAKbh — Acta archaeologica København
AHG — Antropologia e Historia de Guatemala
AS — Anatolian Studies
BAEB — Bureau of American Ethnology, Bulletin
BCH — Bulletin de correspondance hellenique
CAAH — Contribution to American Anthropology and History
CDI — Collecciones de documentes inedites
CIW — Carnegie Institute for Washington
CuA — Current Anthropology
CRSAS — Comptes rendus des śeances de l'Academie de sciences Paris
ECM — Estudies de Culture Maya
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
HMAI — Handbook of Middle American Indians
ICA — International Congress of Americanists
IosPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
MPM — Memoris of the Peabody Museum
PPM — Papers of the Peabody Museum
SAAB — The South African Archaeological Bulletin
SAIS — South African Journal of Science
SK — Seminarium Kondakowianum

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

М. Г. Косменко (Казань). Основные этапы развития мезолитической культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа 3
Б. В. Техов (Цхинвали). Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа 18
А. А. Мартиросян (Ереван). К социально-экономической структуре города Аргиштихинили 38
М. И. Артамонов (Ленинград). Скифское царство 56
А. М. Хазанов (Москва). Обычай побратимства у скифов 68
И. Н. Медведская (Ленинград). Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана 76
А. И. Тереножкин (Киев). Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда 90
Д. В. Деопик, О. Ю. Круг (Москва). Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками 100
В. И. Гуляев (Москва). Атрибуты царской власти у древних майя 116
А. В. Чернецов (Москва). О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий 135
Э. В. Ртвеладзе (Ташкент). К истории города Маджар 149
М. Д. Полубояринова (Москва). Русские вещи на территории Золотой Орды 164
В. И. Вихляев (Саранск). Сюльгамы из могильников селиксенского и армиевского типов 188
Н. Г. Порфиридов (Ленинград). Древнерусская мелкая каменная пластика и ее сюжеты 200

Публикации

А. А. Семенцов, П. М. Долуханов, Е. Н. Романова (Ленинград). Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА (1968—1969 гг.) 209
В. Алиев (Баку). Археологические раскопки на холме Кюль-Тепе II . . . 219
В. И. Спришевский (Ташкент). Оборонительное сооружение эпохи бронзы на территории Узбекистана 227
А. Д. Пряхин (Воронеж). Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево . . . 233
Г. И. Матвеева, И. Б. Васильев (Куйбышев). Новые памятники срубной культуры в Башкирии 244
Э. В. Яковенко (Киев). Курган на Темир-Горе 259
Б. Н. Мозолевский (Киев). Курган Толстая могила близ г. Орджоникидзе на Украине 268
В. А. Леквинадзе (Тбилиси). Раннесредневековые памятники Вашнари . . 309
Т. И. Макарова (Москва). Фигурка воина из Тмутаракани 324

Заметки

Н. К. Верещагин, Ю. А. Мочанов (Ленинград, Якутск). Самые северные в мире следы верхнего палеолита 332
С. Н. Кореневский (Москва). Находка бронзового топора у г. Пятигорска . 337
А. Н. Гертман (Москва). Детали конской узды в составе Казбекского клада 338
К. В. Каспарова (Ленинград). Новый комплекс черняховского времени из Хмельницкой области 344
Д. В. Наумов (Ленинград). Химический состав предметов из Окнинского клада 349
В. С. Флеров (Таганрог). Орудия VIII—IX вв. для орнаментирования керамики 351
Р. Л. Розенфельдт (Москва). О происхождении двуконьковых шумящих подвесок Прикамья 353
Н. А. Кирьянова (Москва). О находках зерен сельскохозяйственных культур при раскопках городища Друцк 355
М. Н. Федоров (Фрунзе). Редкий караханидский дирхем из Афрасиаба . . 357
Л. Л. Галкин (Москва). Перстни-амулеты с Селитренного городища . . . 360

Критика и библиография

А. Е. Матюхин (Ростов-на-Дону). Открытия последних лет и проблема наидревнейших орудий 364
Р. М. Джанполадян. (Ленинград). Археологические памятники Армении, 1—5 374
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Друзья памятников культуры 375
Л. И. Хлопина (Ленинград). Археология и древняя история в Туркменской ССР 377
В. В. Сидоров (Дедовск). А. П. Деревянко. Новопетровская культура Среднего Амура 382

Л. С. Клейн (Ленинград). Studies in Ancient Europe. Essays presented to Stuart Piggott. Edit: by J. M. Coles and D. D. A. Simpson 385
В. П. Данильченко, Г. Н. Лисицына (Москва). Jacqueline Murrey. First European Agriculture. A Study of the Osteological and Botanical Evidence until 2000 B. C. 389

Хроника

М. Х. Алешковский, Л. Е. Красноречьев (Москва). К датировке вала и рва Новгородского острога (Ответ С. Н. Орлову) 392

SOMMAIRE

M. G. Kosménko (Kazan). Etapes essentielles de l'évolution de la culture du Mésolithique dans les régions situées sur le cours moyen de la Volga 3
B. V. Tékhov (Tskhinvali). La nécropole de Tli et le problème de la chronologie du Bronze tardif et du Fer ancien du Caucase Central 18
A. A. Martirossian (Erévan). A propos de la structure sociale et économique de la ville d'Arghichtikhinili 38
M. I. Artamonov (Léningrad). Le royaume des Scythes 56
A. M. Khazanov (Moscou). La coutume de fraternisation chez les Scythes . . 68
I. N. Medvédskaïa (Léningrad). Certains problèmes de la chronologie des pointes de flèche en bronze provenant de l'Asie Centrale et du Kazakstan . . 76
A. I. Térénojkine (Kiev). Problèmes de la division en périodes et de la chronologie de l'ancien Samarkand 90
D. V. Déopik, O. Yu. Kroug (Moscou). L'évolution des amphores en grés clair, à col étroit et anses ciselées 100
V. I. Gouliaïev (Moscou). Objets de prestige royal chez les anciens Mayas . 116
A. V. Tchernétsov (Moscou). A propos de la répartition par périodes des instruments de labour utilisés par des Slaves orientaux 135
E. V. Rtvéladzé (Tachkent). A propos de l'histoire de la ville de Madjar . . 149
M. D. Polouboïarinova (Moscou). Les objets d'origine russe dans la Horde d'Or 164
V. I. Vikhliaïev (Saransk). Les sulgames provenant des tombes des types séliksénien et armiévien 188
N. G. Porfiridov (Léningrad). Les icônes anciennes russes en pierre sculptée, de dimensions réduites, et leurs sujets 200

Publications

A. A. Sémentsov, P. M. Doloukhanov, E. N. Romanova (Léningrad). Les dates obtenues par le radio-carbone dans le Laboratoire de la Filiale de l'Institut d'archéologie à Leningrad (1968—1969) 209
Véli Aliév (Bakou). Les fouilles archéologiques sur la colline de Kultépé II 219
V. I. Sprichevsky (Tachkent). Une forteresse de l'âge du bronze découverte sur le territoire de l'Uzbékistan 227
A. D. Priakhine (Voronej). Les kourganes attribuables au Bronze tardif près du village de Staroyourièvo 233
G. I. Matvéeva, I. B. Vassiliev (Kouïbychev). Les monuments de la culture des sépultures en charpente mis récemment au jour en Bachkirie 244
E. V. Yakovénko (Kiev). Le kourgane sur la Témir-Gora 259
B. N. Mozolévsky (Kiev). Tumulus scythe Tolstaia Mogila à l'extrémité de la ville d'Ordjonikidze 268
V. A. Lékvinadzé (Tbilissi). Les constructions du Haut Moyen âge à Vachnari 309
T. I. Makarova (Moscou). La statuette d'un guerrier provenant de Tmoutarakan 324

Notices

N. K. Véréchtchaghine, Yu. A. Motchanov (Léningrad, Yakoutsk). Les vestiges paléolithiques les plus nordiques du monde 332
S. N. Korénevsky (Moscou). La trouvaille d'une hache en bronze au voisinage de la ville de Piatigorsk 337
A. N. Ghertman (Moscou). Détails de la bride du harnais faisant partie du trésor de Kazbek 338
K. V. Kasparova (Léningrad). Un nouvel ensemble de la période tcherniakovienne provenant de la région de Khmelnitsky 344
D. V. Naoumov (Léningrad). La composition chimique des objets faisant partie du trésor d'Okninsk 349

V. S. Fliorov (Taganrog). Outils des VIII—IXes utilisés pour la décoration de la céramique 351
R. L. Rosenfeldt (Moscou). A propos des pendentifs «faisant du bruit» à deux «faîtes» découverts dans la régions de la Kama 353
N. A. Kirianova (Moscou). Sur la trouvaille des grains des cultures agricoles livrés par les fouilles de la gorodichtché de Droutsk 355
M. N. Fiodorov (Frounzé). Un rare dirhem battu sous les Karakhanides mis au jour à Afrassiab 357
L. L. Galkine (Moscou). Bagues-amulettes de provenance de la gorodichtché Sélitrénnoïé 360

Bibliographies

A. E. Matukhine (Rostov/Don). Découvertes récentes et problèmes des outils les plus anciens 364
R. M. Djanpoladian (Léningrad). Les monuments archéologiques de l'Arménie 374
R. L. Rosenfeldt (Moscou). Amis des monuments de culture 375
L. I. Khlopina (Léningrad). L'archéologie et l'ancienne histoire à la République Soviétique Socialiste de Turkménie 377
V. V. Sidorov (Dédovsk). A. P. Dérévianko. La culture novopétrovienne du cours moyen de l'Amour 382
L. S. Klein (Léningrad). Studiens in Ancient Europe. Essays presented to Stuart Piggott 385
V. P. Daniltchénko, G. N. Lissitsyna (Moscou). J. Murray. First European Agriculture 389

Chroniques

M. Kh. Alechkovsky, L. E. Krassnoriétchiev (Moscou). Sur la datation du rempart et du ravin de la fortification (dite «ostrog») de Novgorod (Réponse à S. N. Orlov) 392

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/IV-1972 г. Т-09755 Подписано к печати 6/VII-1972 г. Тираж 2790 экз.
Зак. 441 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 35+2 вкл. Бум. л. 12,5 Уч.-изд. л. 37,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер. 10